

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

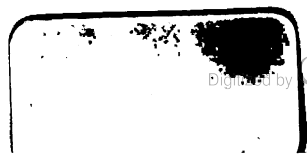
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1. 2/29/15 d. 30
150

1. 2/29/15 1.30
- 1.30

60/14529

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ

1869

№ 6 І Ю Н Ъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. КРАВСКАГО (Литейнаго, № 38).

- I. — ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢТЕСЯ. Романъ Виктора Гюго. *Часть третья*. 1
- II. — СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ. (Письма въ Щигровскій уѣздъ). Е. Маркова 225
- III. — АББАТЪ ПОЛИНЬЯКЪ И ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ. Историческій рассказъ. (*Окончаніе*) Пр. В. Вильбасова. 251
- IV. — БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ЯНКЕЛЯ ДВОРКИНА И ЕГО СЕМЕЙСТВА. (Очеркъ современнаго быта евреевъ). С. Рѣшетникова 289
- V. — ПѢСНЯ О ГАЙАВАТЪ. Поэма Лонгфелло. (*Окончаніе*). Д. Михаловскаго. 331
- VI. — ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ДИКІЯ ПЛЕМЕНА. 359
- VII. — СВОИМЪ ПУТЕМЪ. (Изъ записокъ современной дѣвушки). *Часть третья*. Л. Ожигиной 415
- VIII. — ЗАМОКЪ БОНКУРЪ. (Изъ Шамиссо). Стихота. П. Вейнберга 455
- IX. — ЧЕРНО-ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ. Романъ Альфреда Мейснера. *Часть третья* (въ концѣ книги, въ приложеніи). . . . . 245—276

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

- X. — УЛИЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ. (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрывъ») 127
- XI. — ЖЕНСКІЕ ТИПЫ ШПИЛЬГАГЕНА. М. Цебриковой. 160
- XII. — НОВЫЯ КНИГИ: Картины прошедшаго. Писаль съ натуры А. Сузово-Кобилитъ.—Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Изданіе В. Крылова.— Стихотворенія Н. Пушкарева.—Голосъ изъ земства. Выпускъ 1-й. А. Кошелева. Изданіе въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда.— Причины болѣзней. Врача Веніамина Португалова.—Джонъ-Стюартъ Милль. Утилитаризмъ. О свободѣ. Переводъ съ англійскаго Н. Невдомскаго.—Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Константина Тимофеева 218

(См. страницу 3-ю).

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢТСЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Показывается трещина.

I.

Тодкастерскій трактиръ.

Въ то время въ Лондонѣ существовалъ одинъ только мостъ— Лондонскій. На немъ были построены дома, и онъ соединялъ Лондонъ съ предмѣстьемъ Соутъюркъ. Это предмѣстье было вымощено мелкимъ камнемъ и все состояло изъ кривыхъ переулковъ, дрянныхъ домишекъ и деревянныхъ хижинъ, плотно тѣснившихся другъ къ другу; эти, въ безпорядкѣ скученныя деревянныя строенія служили обильною пищей для пожаровъ; 1666 годъ доказалъ это на дѣлѣ.

Соутъюркъ того времени столь же мало походилъ на нынѣшній Соутъюркъ, сколько Вожираръ походить на Марсель. Тогда это было мѣстечко, теперь это городъ. Но уже и въ то время видѣлось большое движеніе. Въ старинную каменную стѣну, тянувшуюся вдоль берега Темзы, были вдѣланы желѣзные кольца, къ которымъ привязывались рѣчныя суда. Эта стѣна называлась Эффроковской стѣной или Эффрокъ-Стономъ. Йоркъ, будучи еще саксонскимъ городомъ, тоже назывался Эффрокомъ. По словамъ одной старинной легенды, около этого мѣста утонулъ какой-то Эффроковскій герцогъ. Превосходство этого небольшого якорнаго мѣста привлекало сюда и морскія суда; старинное голландское судно Ваграата стояло теперь у Эффрокъ-Стона на якорѣ. Ваграата аккуратно разъ въ недѣлю отправлялась изъ Лондона въ Роттердамъ и возвращалась обратно.

Внизу, вдоль Эффрокъ-Стона, тянулся старинный каменный
Человѣкъ, который смѣтсся. Ч. III.

карнизъ, который представлялъ собою не малое удобство: благодаря ему, лодки могли во всякое время причаливать къ берегу. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ высѣчены были въ стѣнѣ лѣстницы, ведшія кверху на земляную насыпь, оттуда открывался видъ на Темзу. На противоположномъ берегу Лондонъ кончался и начинались поля.

У угла Эффрокъ-Стона, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Темза дѣлаеть поворотъ, почти напротивъ Сентъ-Джемскаго дворца, неподалеку отъ гульбища, называвшагося Фокзаломъ (вѣроятно, вокзалъ), между фарфоровымъ и стекляннымъ заводами, разстилалась обширная поляна, покрытая густымъ дерномъ. Въ старину во Франціи такіе луга назывались *maîls*, то-есть мѣсто для игры шарами, а въ Англіи *bowling-greens*. Изъ *bowling green*'а, то-есть зеленый коверъ для катанія шаровъ, мы произвели новое слово *boulingtin* (мѣсто, устланное дерномъ). Такого рода лужайки въ наше время встрѣчаются у насъ въ домахъ, съ тою только разницею, что вмѣсто дерна мы разстилаемъ на столъ зеленое сукно: это нашъ биллиардъ.

Этотъ Соутъюркскій лугъ назывался Тарринцо-фильдъ. въ память своихъ прежнихъ владѣльцевъ, бароновъ Тарринцо и Моклейнъ. Отъ нихъ Тарринцо-фильдъ перешло къ лордамъ Тодкастеръ, которые обратили его въ мѣсто общественнаго гулянья; впоследствии одинъ изъ герцоговъ Орлеанскихъ сдѣлалъ такое же употребленіе изъ Пале-Рояля. Позже это поле было заброшено и сдѣлалось собственностью прихода.

На этомъ полѣ въ то время шла непрерывная ярмарка; оно было любимымъ мѣстопребываніемъ всевозможныхъ фокусниковъ. Въ построенныхъ на скорую руку балаганахъ гремѣла музыка и привлекала многочисленную публику: «толпа безумцевъ бѣжитъ смотрѣть діавола», говорилъ архіепископъ Шарпъ. Идти въ театръ, значило идти смотрѣть діавола.

Вокругъ этого веселаго мѣста выстроено было множество трактировъ, которые давали пріютъ публикѣ, посѣщавшей балаганные театры, а такъ-какъ мѣсто было бойкое, то заведенія процвѣтали. Впрочемъ, эти трактиры скорѣе можно было назвать лавочками: жизнь видѣлась въ нихъ только днемъ; къ ночи они зашпирлись и хозяева, положивъ ключъ въ карманъ, расходились по домамъ. Изъ всѣхъ строеній, находившихся вблизи поля, лишь одно имѣло видъ жилого дома.

Это строеніе называлось Тодкастерскимъ трактиромъ, по имени своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Оно имѣло видъ постоялаго двора или даже гостиницы.

Ворота его были обращены прямо на лугъ и составляли, такъ

сказать, законную дверь Тодвастерской гостиницы; рядомъ была калитка, которая и служила постояннымъ входомъ для всѣхъ. Надъ ней была прибита вывѣска. Эта низенькая дверь прямо вела въ кабакъ, — такое названіе болѣе всего шло къ темной, низкой комнатѣ, уставленной столами, и всегда наполненной густымъ табачнымъ дымомъ. Ворота гостиницы постоянно были заперты желѣзнымъ засовомъ.

Чтобы попасть во дворъ, нужно было пройти черезъ кабакъ.

Хозяина трактира звали Нильсомъ. Нильсъ былъ скупой вдовецъ, строго чтилъ законы и трясся надъ каждой копѣйкой. У него были чрезвычайно густыя брови, и руки, обросшія волосами. Вся его прислуга состояла изъ четырнадцатилѣтняго мальчика Говикума, одареннаго огромной головой и добродушной физиономіей; онъ разливалъ вино, носилъ передникъ и былъ плотно выстриженъ, въ знакъ своего рабства.

Спальной ему служилъ какой-то грязный закоулокъ въ нижнемъ этажѣ, въ былыя времена, вѣроятно, служившій ночлегомъ для собаки.

Тутъ было слуховое окошечко, выходившее на лугъ.

II.

Красноярчіе на открытомъ воздухѣ.

Въ одинъ изъ тѣхъ холодныхъ вечеровъ, когда рѣзкій вѣтеръ и стужа торопятъ всякаго прохожаго укрыться гдѣ-нибудь въ тепло, по Тарринцо-фильду медленно пробирался какой-то человекъ въ матросской одеждѣ; подойдя къ тодвастерскому трактиру, онъ вдругъ остановился. Это было въ концѣ зимы съ 1704 на 1705 годъ. Онъ былъ высокаго роста, и имѣлъ благородную осанку, что составляетъ необходимое условіе для всякаго придворнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволяется имѣть и простолюдину. Остановясь у гостиницы, человекъ этотъ сталъ прислушиваться. За стѣной слышался голосъ, ораторствовавшій, вѣроятно, на дворѣ трактира. Голосъ, хотя уже старческій, былъ на столько звонокъ, что достигалъ до слуха проходившихъ по улицѣ. Слова оратора повременамъ прерывались возгласами толпы. Прохожіи слышали слѣдующее:

«Честь имѣю представиться вамъ, мужи и жены Лондона. Отъ души поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы англичане! Вы великій народъ. Скажу лучше, вы великая нація. Удары вашихъ кулаковъ не хуже ударовъ сабл. У васъ хорошій аппетитъ. Вы нація, пожирающая остальныхъ націй, а это великое назначеніе! Искусство высасывать сокъ изъ всего міра ставитъ Англію на

почетное мѣсто! Нужно изумляться и восхищаться вашей полдигиѣ и вашей философіи, вашему искусству править колоніями, вашему умѣнью наносить вредъ другимъ, и обращать этотъ вредъ въ свою пользу! Приближается время, когда на землѣ появятся двѣ надписи: на одной будетъ написано: *сторона человечества*, на другой — *сторона англичанъ*. Я не человекъ и не англичанинъ, я только медвѣдь, но подтверждаю это вамъ. Кромѣ того, я докторъ, что идетъ одно къ другому. Я поучаю людей. Вы, можетъ быть, хотите знать, чему я учу? Двумъ вещамъ: тому, что знаю, и тому, чего я не знаю. Я продаю снадобья и распространяю мысли. Приблизьтесь, внемлите моимъ словамъ! Сама наука въ моемъ лицѣ приглашаетъ васъ. Раскройте ваше ухо: если оно мало, то удержать мало истины; если оно велико, то въ него войдетъ много глупости. И такъ, будьте внимательны. Я проповѣдую Pseudodoxia Epidemica. У меня есть товарищъ, который заставляетъ людей смѣяться, а же заставляю ихъ размышлять. Мы оба живемъ въ одномъ жилищѣ, такъ-какъ смѣхъ и знаніе оба одинаковаго происхожденія. Когда Демокрита спросили: почему ты знаешь это? онъ отвѣчалъ: потому, что я смѣюсь. Если меня спросятъ: почему ты смѣешься? я отвѣчу: потому, что знаю. Впрочемъ, я не смѣюсь, а исправляю людскія заблужденія. Цѣль моя—очищать ваши умы, ибо въ нихъ много грязи. Когда я вижу передъ собою нечистоты, — а заблужденія тѣ же нечистоты — то выметаю ихъ. Меня спросятъ: откуда я узналъ то, что знаю? До этого нѣтъ никому дѣла. Всякій почерпаетъ знанія тамъ, гдѣ можетъ. Лактанцій предлагалъ вопросы бронзовому бюсту Виргилія, и бюстъ ему отвѣчалъ. Сильвестръ II разговаривалъ съ птицами, а птицы развѣ говорятъ? или папа умѣлъ щебетать? Вотъ вопросы! Мертвое дитя раввина Элеазара разговаривало съ св. Августиномъ. Между нами будь сказано, кромѣ послѣдняго факта, я плохо вѣрю въ остальные. Положимъ, что дитя говорило, но у него подъ языкомъ была золотая пластинка, на которой были изображены различныя созвѣздія; слѣдовательно, дитя плутовало: этимъ фактъ и объясняется. Вы видите мою умѣренность, я отдѣляю истину отъ лжи. Я увѣренъ, что въ васъ гнѣздится тьма другихъ заблужденій и хочу очистить васъ отъ нихъ. Говорятъ, будто змѣй, соблазвившій Еву, имѣлъ, подобно Кадму, человѣческое лицо—это ложь. Гарсіасъ до-Горто, Кадамосто и Жанъ Гюго, тревскій архіепископъ, не вѣрятъ, что для того, чтобы поймать слона, достаточно было распилить дерево, и я одного мнѣнія съ ними. Граждане, всѣ ложныя мысли идутъ къ намъ отъ Люцифера. Не вѣрьте, когда вамъ будутъ говорить, что кто поню-

хасть валеріановой травы, у того въ мозгу рождается ящерица; что быкъ, истлѣвая, обращается въ пчелу, а лошадь въ шершня; что мертвый человѣкъ вѣситъ болѣе, нежели живой; что козлиная кровь растворяетъ изумрудъ; что если вы найдете на одномъ деревѣ гусеницу, муху и паука, то это предвѣщаетъ голодъ, войну и чуму; что падучую болѣзнь можно исцѣлить червемъ, найденнымъ въ головѣ дикой козы. Все это сущій вздоръ. Теперь я вамъ выскажу нѣсколько истинъ: кожа нерпа защищаетъ отъ грозы; жаба питается землею, отчего въ головѣ у нея образуется камень; іерихонская роза расцвѣтаетъ въ роже-ственскій сочельникъ; змѣи не переносятъ тѣни отъ ясеня; слонъ не имѣетъ сочлененій, и отъ этого спитъ стоя, прислонившись къ дереву; если жаба высидитъ куриное яйцо, то изъ него выдупляется скорпионъ, отъ котораго рождается саламандра; слѣпой можетъ возвратитъ себѣ зрѣніе, если положить одну руку на жертвенникъ, а другую себѣ на глаза; дѣвство не исключаетъ послѣдствій супружества. И такъ, добрые люди, воздѣлывайте въ себѣ свѣтъ истины и питайте вѣру въ Бога. Теперь я вамъ представлю своихъ товарщій!»

Въ эту минуту сильный порывъ вѣтра потрясъ ставни трактора, и въ воздухѣ пронесся продолжительный гулъ. Ораторъ на минуту замолкъ, потомъ снова продолжалъ рѣчь.

«Ты прерываешь меня, о аквилонъ! Говори, говори! Я, джентльмены, не сержусь на него. Видите ли, вѣтру не съ кѣмъ бесѣдовать, а онъ, какъ всякій пустынный, очень любитъ поболтать. И такъ я продолжаю. Вы видите передъ собою ассоціацію артистовъ. Насъ всѣхъ четверо. A lupo principium. Начну съ моего пріятеля, волка. Взгляните на него. Онъ мудръ, положительъ и образованъ. Вѣроятно, провидѣніе намѣревалось сдѣлать изъ него доктора философіи, но для этого, какъ вамъ извѣстно, нужно имѣть небольшую дозу глупости, а онъ слишкомъ уменъ, и вдобавокъ безъ всякихъ предрас-судковъ и не аристократъ. Если у него есть наслѣдныя принцы, то вѣроятно отъ своей матери они получили въ наслѣдство способность граціозно таявать, а отъ отца—завывать; мой пріятель часто воетъ; съ людьми жить—необходимо вѣть. Впрочемъ, снисходя къ цивилизаціи, онъ иногда и лаетъ. Ното—усовершенствованная собака. Ното, по своей мудрости, равенъ голому мексиканскому волку, а по своему великодушію стоитъ еще выше его. Прибавлю еще, что онъ кротокъ и обладаетъ скромностью волка, полезнаго человѣчеству. Онъ втайнѣ благодѣтельствуетъ; его лѣвая лапа не вѣдаетъ, что творитъ правая. Таковы его достоинства. О моемъ второмъ другѣ скажу лишь одно сло-

во: это чудовище! вы будете поражены, глядя на него. Нѣкогда онъ былъ выброшенъ на дикій берегъ океана пиратами. А это — слѣпая. Но развѣ это исключеніе? Нисколько. Мы всѣ слѣпы. Скупецъ слѣпъ, ибо видитъ золото, но не видитъ богатства. Расточитель тоже слѣпъ — онъ видитъ начало, но не видитъ конца. Кокетка слѣпа — она не видитъ своихъ морщинъ. Ученый слѣпъ — онъ не видитъ своего невѣжества. Честный человѣкъ слѣпъ — онъ не видитъ мошенника. Негодяй слѣпъ — онъ не видитъ Бога. Я слѣпъ, я говорю съ вами и не вижу, что вы глухи. Эта слѣпая, которая всюду сопровождаетъ насъ — таинственная жрица. Сама Веста поручила бы ей свой свѣтильникъ. Въ ея характерѣ есть много загадочнаго. Я думаю, что она дочь какого-нибудь короля; впрочемъ, не могу навѣрное утверждать этого. Сомнѣніе есть удѣлъ мудреца, а я мудрецъ и врачъ. *Chirurgus sum*. Я излечиваю лихорадки, чуму и заразу. Всѣ мучительные недуги похожи на заволокю; если съ ней обращаться бережно, то она предохраняетъ насъ отъ худшихъ страданій. Впрочемъ, не совѣтую вамъ имѣть нарывъ, извѣстный подъ именемъ карбункула. Эта преглуная болѣзнь ни къ чему не ведетъ. Отъ нея только умираютъ. Вы убѣдились, что я нисколько не грубъ и не дикъ, что я уважаю богинь краснорѣчія и поэзіи и живу въ самыхъ близкихъ, хотя и невинныхъ, сношеніяхъ съ этими богинями. Прежде чѣмъ кончить, обращаюсь къ вамъ съ совѣтомъ, милостивые государи и милостивыя государыни. Воспитывайте въ себѣ добродѣтель, скромность, прямоту, справедливость и любовь; съ такими качествами каждый можетъ обрѣсти себѣ здѣсь маленькій кусочекъ счастья. Я кончилъ, теперь начнется представленіе!»

Человѣкъ, — на видъ онъ былъ матросъ, — стоявшій на улицѣ, вошелъ въ кабакъ, и пройдя нижнюю комнату, гдѣ съ него взяли деньги за право на входъ, вошелъ во дворъ, наполненный зрителями. Въ глубинѣ двора, на колесахъ устроенъ былъ подвижной балаганъ; на подмосткахъ балагана стояли: старикъ въ медвѣжьей шкурѣ, молодой человѣкъ съ какой-то страшной маской вмѣсто лица, слѣпая дѣвушка и волкъ.

— Какіе молодцы! вскрикнулъ матросъ.

III.

Прохожій появляется снова.

Читатель, конечно, узналъ Зеленую Коробку; она прибыла въ Лондонъ и расположилась въ Соутъуорѣ. *Ursus* прельсти-

ся удобствами Зеленаго Луга, гдѣ ярмарка не прекращалась даже въ зимнее время.

Просторный дворъ тодкастерской гостиницы окончательно рѣшилъ его выборъ. Этотъ дворъ, казалось, былъ нарочно сдѣланъ для Зеленой Коробки: это былъ совсѣмъ готовый театръ. Четыреугольное пространство съ трехъ сторонъ было обнесено довольно высокой стѣной, самый домъ составлялъ четвертую стѣну. Благодаря широкимъ размѣрамъ воротъ, Зеленую Коробку ввезли и приладили къ стѣнѣ. Изъ комнатъ верхняго этажа, обращенныхъ во внутренность двора, выходилъ большой балконъ съ навѣсомъ, державшійся на широкихъ столбахъ. Такимъ образомъ окна нижняго этажа могли служить бенуаромъ, самый дворъ — партеромъ, а балконъ такъ и остался балкономъ. Зеленая Коробка, расположенная у стѣны, имѣла передъ собой обширную залу для зрителей, напоминавшую театръ Globe, гдѣ давались Оттело, Король Лиръ и Буря.

Кромѣ того, позади Зеленой Коробки была еще конюшня.

Ursus условился на счетъ платы. Трактирщикъ, строго почти тавшій законн, согласился впустить волга только за увеличенную цѣну. Надпись «Гуинплэнъ — человѣкъ, который смѣется», была снята съ Зеленой Коробки и вывѣшена рядомъ съ вывѣской гостиницы. Около двери, ведшей изъ нижней залы во дворъ, устроили импровизированную «кассу», при которой обязанность кассира исполняли Фебея или Венера. Каждый входящій былъ обязанъ прежде заплатить за входъ. Почти точно такъ же дѣлается это и теперъ. Подъ вывѣской «Человѣкъ, который смѣется», кромѣ того, была прибита бѣлая дощечка, и на ней углемъ было написано названіе главной пьесы Ursus'a: *Побѣжденный хаосъ*.

Посреди балкона отгородили небольшое отдѣленіе для «благородныхъ»; входъ въ него былъ черезъ стеклянную дверь балкона.

На стульяхъ, разставленныхъ въ два ряда, могли свободно помѣститься десять человѣкъ.

— Мы въ Лондонѣ, говорилъ Ursus: — стало быть нужно ждать посѣщенія дворянства.

По его распоряженію, въ эту «ложу» была внесена самая лучшая мебель гостиницы: посрединѣ поставили огромное кресло, обитое утрехтскимъ бархатомъ, съ круглыми золотыми пуговицами, на случай приѣзда супруги альдермена.

Представленія начались.

Съ перваго же раза набралось множество зрителей.

Но отдѣленіе для благородныхъ осталось незанятымъ.

Тѣмъ не менѣе, успѣхъ былъ поразителенъ: ни одному сво-

роху не пришлось испытать подобнаго торжества. Весь Соутъ-урокъ бросился смотрѣть «Человѣка, который смѣется».

Гуинплэнъ привелъ въ смятеніе всѣхъ паяцовъ и фиглярровъ Тарринцо-фильда. Словно ястребъ, пущенный въ клетку съ щеглятами и отнявшій у нихъ весь кормъ, Гуинплэнъ разомъ отнял у нихъ всю публику.

На Тарринцо-фильдѣ, кромѣ глотанья сабель и тому подобныхъ фарсовъ, давались спектакли болѣе серьезныя. Цѣлое общество женщинъ съ утра до вечера оглашало окрестности игрою на всевозможныхъ инструментахъ: бубнахъ, гусяхъ, литаврахъ, барабанахъ, волынкахъ, свирѣляхъ, германскихъ рожкахъ, флейтахъ и проч. Въ круглой палаткѣ, акробаты являли чудеса неустрашимости. Былъ тоже и странствующій звѣривецъ, гдѣ любимцемъ публики былъ ученый тигръ, который, всякій разъ какъ хозяинъ билъ его плетью, вырывалъ плетъ изъ рукъ и пытался проглотить ее. Теперь этотъ забавный комикъ съ страшными когтями и огромной пастью былъ забытъ.

Рукоплесканія, толпа, огромный сборъ—все посыпалось на долю одного «Человѣка, который смѣется». Въ одинъ мигъ все прочее было забыто по милости Зеленой Коробки.

— *Побѣжденный хаосъ* сталъ хаосомъ побѣдителемъ, говорилъ Ursus, приписывая себѣ половину успѣха Гуинплэна.

Гуинплэнъ произвелъ небывалый фуроръ; но молва о немъ еще не успѣла перейти за предѣлы Соутъ-урка. Имя Шекспира стало извѣстнымъ во Франціи лишь по прошествіи ста, тридцати лѣтъ; море—это стѣна. Еслибъ Вольтеръ не подставилъ къ этой стѣнѣ лѣстницы, — въ чемъ онъ потомъ горько упрекалъ себя — то, можетъ быть, слава Шекспира до сихъ поръ оставалась бы по ту сторону стѣны, въ плѣну у островитянъ.

Такъ и слава Гуинплэна не переходила по ту сторону Лондонскаго моста. Впрочемъ, для честолюбія паяца достаточно было и одного Соутъ-урка. Ursus замѣчалъ, что касса, подобно согрѣшившей дѣвушкѣ, толстѣетъ съ каждымъ днемъ.

Спектакль начинался съ пьесы *Ursus Rursus*; затѣмъ шель *Побѣжденный хаосъ*.

Въ антракты на сцену являлся Ursus и на дѣлѣ оправдывалъ свою репутацію знаменитаго чревоуѣщателя. Онъ съ изумительнымъ сходствомъ подражалъ какому угодно крику и пѣнію, такъ что приводилъ почти въ ужасъ своихъ слушателей; ему было ни по чемъ изобразить говоръ и шумъ цѣлой толпы.

Мы уже имѣли случай быть свидѣтелями его циндерожовскаго краснорѣчія. Кромѣ того, онъ продавалъ лекарства и лечилъ больныхъ, иногда даже удачно.

Весь Соутъюркъ былъ въ восхищеніи.

Ursus, хотя и довольный успѣхомъ, нисколько не былъ удивленъ имъ:

— Я заранѣе былъ увѣренъ въ этомъ, говорилъ онъ.

Во время каждаго представленія, дворъ Тодкастерской гостиницы, превратившійся въ партеръ, былъ биткомъ набитъ восторженной и оборванной публичкой, состоявшей главнымъ образомъ изъ лодочниковъ, судовщиковъ, носильщиковъ, плотниковъ и матросовъ, только что высадившихся на берегъ и спѣшившихъ издержать все жалованье на женщинъ и на пирушки. Бывали тутъ и содержатели публичныхъ домовъ и разные плути, встрѣчалась и «черная стража», т.-е. солдаты, за нарушение дисциплины обязанные въ наказаніе носить свой красный мундиръ на изнанку, черной подкладкой вверхъ: оттого ихъ я называли черной стражей. Вся эта толпа съ улицы бросалась въ театръ, а изъ театра — въ кабакъ. Количество выпитыхъ кружекъ нисколько не вредило успѣху представленій.

Изъ среды этого народа, который принято называть «подонками», одинъ человѣкъ выдавался какъ наружностью, такъ и одеждой: онъ былъ выше другихъ ростомъ, шире въ плечахъ, и хотя нарядъ его состоялъ изъ обыкновенной одежды простолюдина, но казался чище и новѣе. Онъ до неистовства восхищался Зеленой Коробкой. Кулаками пробивалъ онъ себѣ дорогу среди густой толпы, носилъ ухорскую прическу, кричалъ громче всѣхъ, сопровождая каждое слово крѣпкой бранью, подчасъ былъ не прочь подбить глазъ первому, подвернувшемуся подъ руку, и лихо осушалъ бутылки.

Это былъ именно тотъ прохожій, съ которымъ мы познакомились въ прошлой главѣ.

Онъ, какъ знатокъ, съ перваго разу оцѣнилъ достоинство «Человѣка, который смѣется». Приходилъ онъ не на каждое представленіе, но какъ только появлялся, то дѣлался «руководителемъ» публики, восторгъ которой выражался уже какимъ-то ревомъ; громъ рукоплесканій потрясалъ не своды театра, — ихъ не было, а сводъ самого неба, которое, въ знакъ своего умиленія, нерѣдко посыпало обильный дождь на гениальное произведеніе Ursus'a.

Вскорѣ Ursus и Гуинплэнъ замѣтили этого человѣка и пожелали узнать, кто онъ.

Разъ вечеромъ Ursus нечаянно столкнулся за кулисою, — роль кулисъ исполняла кухонная дверь Зеленой Коробки — съ трактирщикомъ. Показавъ на незнакомца, стоявшаго въ толгѣ, Ursus спросилъ:

- Не знаете вы этого человека?
- Знаю, отвѣчалъ тотъ.
- Кто онъ таковъ?
- Матросъ.
- А какъ его зовуть?
- Томъ-Джимъ-Джекъ.

Потомъ, спускаясь по задней лѣстницѣ Зеленой Коробки, Никльсъ проворчалъ:

— Жаль, что онъ не рожденъ лордомъ; вотъ бы знаменитая вышла каналья!

Труппа Зеленой Коробки, поселившись въ гостиницѣ, несколько не измѣнила своего образа жизни и попрежнему жила особнякомъ. Она не входила ни въ какія сношенія съ временными и постоянными посѣтителями гостиницы и ограничивалась самыми необходимыми разговорами съ хозяиномъ.

Приѣхавъ въ Соутъуоръ, Гуинплэнъ обыкновенно послѣ ужина, около одиннадцати часовъ, когда Ursus и Деа уже укладывались спать, отправлялся на лугъ подышать чистымъ воздухомъ. Какое-то неизъяснимое чувство влекло его къ этой уединенной прогулкѣ, при свѣтѣ мерцающихъ звѣздъ. Молодость полна таинственныхъ грезъ, и находитъ особое наслажденіе въ этомъ безцѣльномъ ночномъ шатаніи. Въ этотъ часъ рѣдко можно было кого-нибудь встрѣтить на лугу; развѣ изрѣдка кой-гдѣ, изъ за-угла, промелькнетъ колеблющаяся тѣнь запоздавшего пьянчуги. Опустѣвшіе трактиры запирались, а въ нижнемъ этажѣ Тодкастерской гостиницы только въ какомъ-нибудь углу мелькалъ свѣтъ послѣдней свѣчки, горѣвшей за столомъ послѣдняго гуляки-посѣтителя. Гуинплэнъ, полный неопредѣленнаго чувства счастья, въ задумчивости прогуливался взадъ и впередъ мимо трактира, откуда, черезъ полуотворенную дверь, выходилъ слабый свѣтъ. Онъ передумывалъ многое, но главное мѣсто въ его мысляхъ занимала Деа; прикованный къ ней какой-то невидимой силой, онъ никогда не отходилъ далеко отъ трактира.

Около полуночи Гуинплэнъ возвращался въ Зеленую Коробку, находилъ тамъ всѣхъ спящими и скоро самъ засыпалъ.

IV.

ОБЩАЯ НЕНАВИСТЬ СВЛИЖАЕТЪ ВРАГОВЪ.

Къ успѣху вообще относятся враждебно, особливо тѣ, кому онъ служить причиной паденія. Рѣдко поѣдаемые любятъ тѣхъ,

кто ихъ поѣдаетъ. Появленіе Гуинплэна было великимъ событіемъ; всѣ сосѣдніе фигляры вознегодовали и возстали противъ него. Всѣмъ извѣстно, что успѣхъ одного театра сопряженъ съ неудачей остальныхъ; вслѣдъ за повышеніемъ сбора Зеленой Коробки, сборъ прочихъ театровъ прекратился: публика перестала посѣщать ихъ, и это, безъ сомнѣнія, должно было озлобить всѣхъ комедіантовъ. Масса народа нахлынула съ перваго раза въ Зеленую Коробку; убыль воды въ одномъ мѣстѣ всегда обусловливается равномерною прибылью въ другомъ. Всякому театру знакомы подобнаго рода приливы и отливы; на сколько этотъ приливъ повышается въ одномъ театрѣ, на столько онъ понижается въ другомъ. Ярмарочный муравейникъ сосѣднихъ балагановъ, столь успѣшно ведшій свои дѣла въ началѣ, теперь увидѣлъ себя разореннымъ по милости «Человѣка, который смѣется», и впалъ въ отчаяніе. Всѣ папцы, шуты, фокусники стали завидовать Гуинплэну: нашелся человѣкъ, который, имѣя рожу дикаго звѣря, возбудилъ къ себѣ зависть! Комедіантки и канатныя плясуньи съ бѣшенствомъ смотрѣли на своихъ хорошенькихъ дѣтей, и показывая на Гуинплэна, говорили имъ: зачѣмъ ты не похожъ на него! Другія даже въ ярости колотили ихъ за то, что они были хороши. Многія дорого бы дали, чтобъ узнать секретъ, какъ сдѣлать сына à la Гуинплэнъ. Личико, будь оно похоже на херувима, но если изъ него нельзя извлечь дохода, ничто въ сравненіи съ чертовской образиной, приносящей деньги. Мать одного прелестнаго малютки, игравшаго купидоновъ, говорила: наши дѣти никуда негодны; счастливецъ Гуинплэнъ! потомъ, показавъ сыну кулакъ, вскричала: еслибъ только я знала, кто твой отецъ, задабъ я ему!...

Гуинплэнъ сталъ какимъ-то чудомъ. Во всѣхъ балаганахъ только и слышалось: что за диковина, этотъ человѣкъ! Восхищенные и разъяренные фигляры смотрѣли на него, скрежеща зубами. Они рѣшились, во что бы то ни стало, повредить Зеленой Коробкѣ, и для начала сговорились освистать *Побѣжденный хаосъ*. Однажды, во время представленія, поднялся страшный гамъ, топотъ, свистъ. Но все это не повело ни къ чему; выходя по служилу Ursus'у только поводомъ обратиться къ публикѣ съ краснорѣчивою рѣчью, а пріятель Томъ-Джимъ-Джекъ при этомъ воспользовался случаемъ показать силу своихъ кулаковъ, которые сразу возстановили порядокъ. Эта послѣдняя услуга, оказанная кулаками Тома-Джимъ-Джека, окончательно снискала расположеніе къ нему Гуинплэна и уваженіе Ursus'a; впрочемъ, расположеніе издали, такъ-какъ группа Зеленой Коробки до-

вольствовалась своимъ собственнымъ обществомъ, и не сводила никакихъ знакомствъ.

Взгорѣвшаяся зависть къ Гуинплэну этимъ не ограничилась: туманы Тома-Джимъ-Джека не положили ей предѣловъ. Потерпѣвъ неудачу, фигляры и паяцы прибѣгли къ другому средству; они обратились съ жалобой къ властямъ: это самый обыкновенный путь. Для того, чтобъ повредить успѣху, который для насъ невыгоденъ, сперва стараются возбудить недовольство массы, а потомъ обращаются къ защитѣ правительства.

Къ фиглярамъ присоединились преподобные отцы. «Человѣкъ, который смѣется» нанесъ ущербъ, обиду проповѣдникамъ. Пять часовенъ Соутъюркскаго прихода лишились своихъ прихожанъ. Въмѣсто того, чтобъ идти слушать проповѣдь, всѣ бѣжали смотрѣть Гуинплэна. *Побѣжденный хаосъ*, «Человѣкъ, который смѣется», Зеленая Коробка — эти бѣсовскія навожденія одержали верхъ надъ духовнымъ краснорѣчьемъ. Всѣ пять приходскихъ пасторовъ пожаловались лондонскому епископу, который передалъ жалобу ея величеству.

Преступленіе Зеленой Коробки состояло въ томъ, что она привезла съ собой волка, а волкъ для Англіи все равно, что изгнанникъ; англичане допускають у себя лающую собаку, но воющую собаку — нѣтъ; они дѣлають отличіе между дворомъ и лѣсомъ. Ректоръ и викарія пяти приходовъ Соутъюрка въ своей жалобѣ приводили королевскіе и парламентскіе уставы, по которымъ волкъ, въ виду общественнаго спокойствія и безопасности, закономъ изгонялся изъ королевства; они требовали, чтобъ Гуинплэна заключили въ тюрьму, а волка арестовали, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ ихъ изгнали. Затѣмъ, они ссылались на постановленіе коллегіи восьмидесяти докторовъ Лондона, — особаго ученаго сословія, основаннаго при Генрихѣ VIII, пользовавшагося неограниченной властью и ставившаго больныхъ на одну степень съ подсудимыми. Это сословіе имѣло право арестовать тѣхъ, кто нарушалъ его правила и не соблюдалъ его предписаній, и между многими правилами, преданными къ соблюденію въ виду общественнаго здравія, издадо слѣдующее: «Если волкъ первый завидитъ человѣка, то человѣкъ на всю жизнь получаетъ хрипоту»; сверхъ того, онъ рискуеть быть удушеннымъ.

Такимъ образомъ, Ното послужилъ главнымъ обвинительнымъ пунктомъ.

Обо всемъ этомъ Ursus узналъ черезъ трактирщика, и это сильно его обезпокоило. Его устрашали когти правосудія и полиціи; нѣтъ надобности быть виновнымъ для того, чтобъ ис-

пугать. Онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты близко познакомиться съ шерифами, старшинами, приставами и уголовными судьями, и созерцать вблизи эти официальные лица. Ему было такъ же пріятно увидѣться съ судьями, какъ зайцу бываетъ пріятно столкнуться съ гончими собаками.

Urgus начиналъ сожалѣть, что пріѣхалъ въ Лондонъ.

— Лучшее — врагъ хорошему, говорилъ онъ про себя. — Я всегда думалъ, что эта пословица невѣрна; однако оказывается, что самая глупая истина и есть самая правдивая.

Противъ союзныхъ силъ фигляровъ и капеллановъ, несчастная Зеленая Коробка, обвиняемая въ лицѣ Гуннплэна въ колдовствѣ, а въ лицѣ Ното въ бѣшенствѣ, имѣла на своей сторонѣ лишь одну силу въ Англіи, впрочемъ, самую могущественную: это благосклонность мѣстныхъ жителей. Свобода въ Англіи обязана своимъ происхожденіемъ именно мѣстному *laissez faire*. Эта свобода имѣетъ большое сходство съ моремъ, окружающимъ берега Англіи. Обычай, какъ морскіе приливы, мало-по-малу наводняютъ законы. Самое ужасное законодательство поглощается, обычай всплываетъ наверхъ.

Фокусники, преподобные отцы, епископы, общинная палата, палата лордовъ, ея величество, Лондонъ, вся Англія, могли возставать сколько угодно противъ Зеленой Коробки. «Человѣку, который смѣется», *Побѣжденному хаосу* и Ното нечего было ихъ бояться, пока Соутъюркъ былъ на ихъ сторонѣ. Они служили любимой забавой всего предмѣстья и мѣстныя власти смотрѣли на нихъ равнодушно, а равнодушіе въ Англіи почти равносильно покровительству. Urgus могъ быть совершенно спокойнымъ, до тѣхъ поръ, пока шерифъ графства Сюррей, къ которому причислялся Соутъюркъ, бездѣйствовалъ.

Всѣ козни, внушаемая завистью, до поры до времени не вредили успѣху Зеленой Коробки; напротивъ, популярность «Человѣка, который смѣется» отъ этого возрасла еще больше. Въ публику проникли слухи объ интригахъ противъ него. Толпа относится сочувственно къ лицу, компрометированному передъ правительствомъ, и заступаетъ за того, кому власть грозитъ пальцемъ. Человѣкъ, на котораго сдѣланъ доносъ, тотчасъ становится чѣмъ-то въ родѣ запретнаго плода, отъ котораго каждый спѣшитъ отвѣдать. Кромѣ всего этого, слѣдуетъ прибавить, что балаганщики не унимались и продолжали свистать «Человѣку, который смѣется». Чтò могло быть благопріятнѣе для успѣха Зеленой Коробки? Врагъ, поднявшій крикъ противъ своего противника, только увеличиваетъ и возвышаетъ триумфъ послѣдняго. Всякій другъ скорѣе устанетъ восхвалять друга,

чѣмъ недругъ ругать врага. Врагъ не можетъ воздержаться отъ брани, и этимъ приноситъ только пользу. Толпа, съ каждымъ представленіемъ *Побѣжденнаго хаоса*, все болѣе и болѣе увеличивалась.

Ursus не сказалъ ни слова Гуинплэну объ интригахъ: онъ боялся обезпечить его, и этимъ повредить успѣху представленій.

V.

П р и с я ж н ы й.

Вскорѣ, однако, Ursus, ради благоразумія, счелъ нужнымъ предостеречь Гуинплэна и возбудить въ немъ нѣкоторыя опасенія. Правда, по мнѣнію Ursus'a, дѣло было гораздо серьезнѣе всѣхъ балаганныхъ и церковныхъ происковъ. Разъ, во время счета кассы, на полъ нечаянно упалъ грошъ. Гуинплэнъ его поднялъ, и, рассматривая монету, сдѣлалъ, въ присутствіи трактирщика, нѣсколько довольно рѣзкихъ замѣчаній насчетъ контраста между грошемъ—представителемъ народной нищеты—и отпечатаннымъ на немъ изображеніемъ. Это замѣчаніе было повторено Нильсомъ, въ присутствіи другихъ и черезъ Фебею и Венеру дошло до Ursus'a. Ursus былъ приведенъ въ ужасъ неосторожностью Гуинплэна. Онъ рѣшился сдѣлать ему строгое внушеніе.

— Держи ты свою отвратительную пасть осторожнѣе! Не знаешь ты развѣ, что молчаніе — единственный другъ бѣдняка? Бѣднякъ долженъ знать одно лишь слово «да». Все его право состоятъ въ томъ, чтобъ признавать и соглашаться. Уваженіе ко всему — наше главное достоинство. Мнѣ сейчасъ сказали, что ты изволилъ философствовать насчетъ гроша; смотри, берегись, пора быть благоразумнѣе! Помни, что существуютъ наказанія; проникнись истинами законодательста. Знаешь ли ты, что кто осмѣлится въ этой странѣ срубить трехгодовалое дерево, того вздергиваютъ на висѣлицу? Пьяницу сажаютъ въ пустую бочку, у которой пробиваютъ дно для ногъ, а для головы и для рукъ дѣлаютъ дыры, такъ чтобъ ему нельзя было лечь. Кто ударить кого-нибудь въ Уэстминстерской залѣ, ввергается на всю жизнь въ тюрьму, а имѣніе его конфискуется; если же кто осмѣлится нанести ударъ въ королевскомъ дворцѣ, тому отрубятъ правую руку: изъ-за разбитаго носа человѣкъ можетъ остаться на всю жизнь лѣвшой! Уличенныхъ въ ереси сжигаютъ живо. Да вотъ хоть бы тотъ же Кутбертъ Симпсонъ, не богъ знаетъ за каковъ преступленіе былъ четвертованъ. Еще недавно, въ 1702

году, одинъ негодяй по имени Даниель де-Фое стоялъ у поворота столба за то, что осмѣлился напечатать имена членовъ общины, говорившихъ наканунѣ въ парламентѣ. Знаешь ли ты, что измѣнника заживо потрошатъ, вырываютъ ему сердце и этимъ сердцемъ бьютъ его по щекамъ? Ты долженъ хорошенько запомнить все это, и главнымъ образомъ стараться держать языкъ какъ можно крѣпче за зубами: это мое первое правило, котораго я стараюсь постоянно придерживаться; совѣтую и тебѣ принять его въ свѣдѣнію. Будь не смѣлѣе птицы и не болтливѣе рыбы. И замѣть еще при этомъ, что Англія отличается кротостью своихъ законовъ.

Послѣ этого внушенія, Ursus долго еще не могъ успокоиться. Гуинплэнъ, напротивъ, ничего не боялся. Юность, по недостатку опытности, неустрашима. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, оказалось, что онъ былъ правъ, такъ-какъ недѣля проходила за недѣлей и все было спокойно: повидимому, замѣчаніе его осталось безъ всякихъ послѣдствій.

Ursus'a никакъ нельзя было назвать апатичнымъ, онъ, словно серна, былъ всегда насторожѣ и зорко слѣдилъ за всѣми.

Однажды, выглянувъ въ слуховое окошко, онъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ.

- Гуинплэнъ!
- Что?
- Посмотри-ка!
- Куда?
- На площадь!
- Чтò жъ тамъ такое?
- Ты видишь, кто тамъ идетъ?
- Человѣкъ, весь въ чорномъ?
- Да!
- И у него что-то въ рукѣ?
- Да!
- Ну?
- Ну, Гуинплэнъ, человѣкъ этотъ присяжный!
- А чтò значить присяжный?
- Это сотскій приставъ!
- А чтò значить сотскій приставъ?
- Это proepositus hundredii!
- Чтò жъ это такое?
- Это ужасный человѣкъ!
- Чтò у него въ рукѣ?
- Желѣзный прутъ!
- Для чего же онъ ему?

— Впервыхъ, онъ надъ нимъ дастъ присягу, отчего ѣ называется присяжнымъ.

— А потомъ?

— Потомъ онъ присается имъ къ кому нибудь.

— Присается чѣмъ?

— А этимъ желѣзнымъ прутомъ.

— Присяжный присается желѣзнымъ прутомъ?

— Да.

— Что же это значитъ?

— А это значитъ: слѣдуй за мной.

— И нужно за нимъ слѣдовать?

— Да.

— Куда же?

— А я почему знаю.

— По крайней мѣрѣ, онъ скажетъ, куда?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ можно у него спросить?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Да такъ: онъ тебѣ ни слова и ты ему тоже ни слова.

— Но вѣдь...

— Онъ только прикаснется къ тебѣ желѣзнымъ прутикомъ, и все кончено. Ты долженъ слѣдовать за нимъ.

— Да куда же?

— За нимъ.

— Да куда же?

— А куда ему вздумается, Гунншлэнъ.

— А если не пойдешь?

— Такъ тебя повѣсятъ.

Ursus опять высунулъ голову въ окно, и немного погода сказалъ:

— Слава Богу, прошелъ. Онъ идетъ не къ намъ.

Ursus, конечно, трусилъ больше, чѣмъ слѣдовало по поводу неосторожныхъ словъ Гунншлэна.

Правда, трактирщикъ слышалъ эти слова, но ему не было расчета повредить комедіантамъ Зеленой Коробки, отъ которой онъ, хотя и косвеннымъ образомъ, получалъ прибыль. *Поблудетный хаосъ* имѣлъ двоякаго рода успѣхъ: въ Зеленой Коробкѣ процвѣтало искусство, а въ кабагѣ — пьянство.

VI.

Мышь на допросъ у кошкѣвъ.

Ursus'у вскорѣ пришлось испытать еще новую страшную тревогу; на этотъ разъ тревога эта имѣла полное основаніе; дѣло касалось самаго Ursus'a. Его потребовали въ Бишопсгетъ, въ комиссію, которая состояла изъ трехъ непріятнѣйшихъ особъ въ мірѣ, а именно изъ трехъ докторовъ, изъ которыхъ первый былъ докторъ богословія, депутатъ уэстминстерскаго декана, второй — докторъ медицины, депутатъ коллегіи восьмидесяти, и наконецъ третій — докторъ исторіи и гражданскихъ правъ, депутатъ Грезгемской коллегіи. Вѣденію этихъ экспертовъ подлежало каждое слово, произнесенное публично въ ста тридцати лондонскихъ приходяхъ, семидесяти-трехъ приходяхъ Мидльсекса и пяти приходяхъ Соутъуорка. Эти благодѣтельные учрежденія существуютъ донинѣ и весьма успѣшно ведутъ свои дѣла.

Итакъ, въ одинъ прекрасный день, Ursus получилъ отъ достопочтенныхъ докторовъ приказъ явиться; къ счастью, повѣстка была прямо передана ему, такъ что онъ могъ сохранить ее втайнѣ. Не говоря никому ни слова, онъ отправился на зовъ, содрогааясь при одной мысли, что его, можетъ быть, подозреваютъ въ какомъ нибудь дерзкомъ словѣ или проступкѣ; его, который еще такъ недавно проповѣдывалъ другимъ молчаніе и осмотрительность! Да, для него это было тяжкимъ урокомъ. *Gargule, sana te ipsum.*

Засѣданіе именитыхъ докторовъ происходило въ Бишопсгетѣ, въ огромномъ залѣ перваго этажа: вокругъ стола стояли три кресла, обитыя черной кожей, на которыхъ воссѣдали судьи.

Мрачный, молчаливый гайдукъ ввелъ Ursus'a въ залу. Депутатъ отъ богословія, знакомъ пригласилъ его сѣсть на скамейку.

Ursus, какъ подобаетъ, отвѣсилъ поклонъ до земли, и знаа, что медвѣдя можно умилостивить медомъ, а доктора латынью, не разгибаясь, вѣрачиво проговорилъ:

— *Tres faciunt capitulum.*

И, скромно опустивъ голову, сѣлъ на скамейку.

Человѣкъ, который смѣется. Ч. III.

На столѣ, передъ каждымъ докторомъ, лежала связка бумагъ, которыя они перелистывали.

Докторъ богословія началъ:

— Вы говорите въ публикѣ?

— Да, отвѣчалъ Ursus.

— По какому праву?

— Я философъ.

— Это не право.

— Кромѣ того я паяцъ, возразилъ Ursus.

— Это другое дѣло.

У Ursus'a отлегло не много отъ сердца. Докторъ продолжалъ:

— Какъ паяцъ вы можете говорить, но какъ философъ, вы обязаны молчать.

— Постараюсь, отвѣтилъ Ursus.

И въ то же время думалъ про себя:

— Могу говорить и долженъ молчать. Это довольно трудно совмѣстить!

Онъ былъ очень испуганъ.

Историкъ обратился къ Ursus'у съ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Ваша дерзость и ваши заблужденія, подсудимый, весьма разнообразны. Вы говорили, что сраженіе при Фарсаль было проиграно совсѣмъ не потому, что негръ повстрѣчался Бруту и Кассію.

— Я говорилъ, пролепеталъ Ursus: — что этому способствовало и то, что Цезарь былъ болѣе искуснымъ полководцемъ.

Историкъ прямо перешелъ къ міеологін.

— Вы оправдывали безстыдство Актеона?

— По моему мнѣнію, отвѣчалъ Ursus:—увидѣть нагую женщину не есть безчестіе.

— И вы жестоко въ этомъ ошибаетесь, строго сказалъ судья.

Потомъ опять перешелъ къ исторіи.

— Вы отвергали, что несчастія, приключившіяся кавалеріи Митредата, произошли отъ особенныхъ свойствъ травъ и растеній. Вы говорили, что лошади теряютъ подковы не отъ травы, называемой *securigida*.

— Я говорилъ, что только трава *sferracavallo* имѣетъ это свойство. Я никогда не отрицаю чудесныхъ свойствъ травъ.

И потомъ вполголоса прибавилъ:

— И женщинъ.

Это постороннее замѣчаніе, прибавленное къ отвѣту, ясно доказывало, что Ursus'a было трудно поставить въ тупикъ, несмотря на то, что онъ сильно былъ напуганъ. Ужасъ не заставилъ его потерять присутствія духа.

— Мнѣ извѣстно, что вы объявили Циціона глупымъ, потому что онъ, желая отворить ворота Кареагена, вмѣсто ключа хотѣлъ употребить разрывъ-траву, такъ-какъ, по вашему мнѣнію, эта трава не имѣетъ свойствъ разрывать замки.

— Я только сказалъ, что ему слѣдовало бы для этого взять траву Lunaria.

— Это ваше мнѣніе, но не болѣе, проговорилъ, сбитый съ толку историкъ.

Историкъ смолкъ.

Теологъ, пришедшій въ себя и успѣвшій заглянуть въ свою тетрадь съ замѣтками, снова обратился къ Ursus'у:

— Вы говорили, что василискъ Кокатриксъ не былъ царемъ змѣй?

— Ваше высокопреподобіе, я нисколько не желалъ повредить василиску; я даже говорилъ, что, по моему мнѣнію, у него была человѣческая голова.

— Положимъ, строгимъ голосомъ продолжалъ теологъ:— но вы къ этому прибавили, что Поеріусъ видѣлъ одного василиска съ соколиной головою. Можете вы доказать это?

— Едва-ли, отвѣчалъ Ursus.

Онъ чувствовалъ себя пораженнымъ. Торжествующій теологъ продолжалъ:

— Вы говорили, что жидъ, принявшій христіанство, издаетъ нехорошій запахъ.

— Я къ этому прибавилъ, что и отъ христіанина, перешедшаго въ іудейство, воняетъ.

— Вы проповѣдуете вещи несообразныя. Напримѣръ, говорите, что Ельэнь видѣлъ слона, писавшаго притчи.

— Я не говорилъ этого, преподобный отецъ; я только сказалъ, что Оппиенъ слышалъ, какъ гиппопотамъ разрѣшалъ философскую задачу.

— Вы объявили, что буквоее блюдо не можетъ никогда само по себѣ наполняться какими угодно кушаньями.

— Да, я сказалъ, что еслибъ такое чудесное свойство было у блюда, то необходимо, чтобъ оно было дано ему отъ дьявола.

— Все это вмѣстѣ доказываетъ въ васъ нѣкоторую вѣру въ дьявола.

— Ваше высокопреподобіе, я не преданъ дьяволу; но вѣрующій въ солнечный свѣтъ, не можетъ не вѣрить во тьму. Богъ — день, а дьяволъ — ночь; ночь есть доказательство свѣта.

Ursus пустился въ неизмѣримую глубь философіи и религій. Теологъ задумался. Снова произошло молчаніе.

Ursus вздохнулъ свободнѣе.

За этимъ воспослѣдовало нечаянное нападеніе со стороны медива. Положивъ кулакъ на толстую тетрадь замѣтокъ, онъ обратился къ Ursus'у съ слѣдующими словами:

— Извѣстно, что хрусталь есть самый высшій сортъ стекла; доказано, что черезъ тысячу лѣтъ стекло превращается въ хрусталь, а черезъ тысячу вѣковъ хрусталь превращается въ алмазъ. Вы это отрицаете?

— Нисколько, грустно проговорилъ Ursus: — я только говорилъ, что продолженіе тысячи лѣтъ стекло успѣетъ раствориться, и что трудно пересчитать тысячу столѣтій.

Допросъ продолжался все въ этомъ родѣ. Вопросы и отвѣты перекрещивались, подобно ударамъ сабель.

— Вы увѣрили, что растенія не могутъ говорить.

— Совсѣмъ нѣтъ; но они могутъ говорить только подъ ви-сѣлицей.

— Признаете ли вы, что мандрагора можетъ кричать?

— Она можетъ пѣть.

— Вы отрицали, что четвертый палецъ лѣвой руки имѣетъ цѣлебныя свойства.

— Нѣтъ, я только говорилъ, что когда чихнешь въ лѣвую сторону, то это нехорошій знакъ.

— Вы непочтительно говорили о Фениксѣ.

— Мудрый судья, я только сказалъ, что Плутархъ былъ неправъ, говоря, что мозгъ Феникса кушанье очень тонкое, но причиняющее головную боль, потому что Фениксъ никогда не существовалъ.

— Нелѣпная рѣчь! Cinnamalque, который устраиваетъ гнѣзда изъ палочекъ корицы, райская птица и калао, имѣвшій клювъ о трехъ трубахъ, ошибочно принимались за Феникса, но Фениксъ все-таки существовалъ.

— Я не оспариваю этого.

— Вы невѣжда!

— Я съ этимъ согласенъ.

— Вы соглашались, что осина имѣть цѣлебное свойство противъ жабы, но къ этому вы прибавили, что поминутое цѣлебное свойство не заключено въ корнѣ этого дерева.

— Я сказалъ, что осина имѣть это свойство благодаря тому, что на ней повѣсился Іуда.

— Миѣніе довольно достовѣрное, проворчалъ теологъ.

Задѣтое высокомѣріе перешло въ ярость: медикъ остервенился.

— Бродяга, закричалъ онъ: — вашъ умъ блуждаетъ подобно вашимъ ногамъ! У васъ весьма подозрительныя убѣжденія и тенденціи, близко граничащія къ колдовству! Вы находитесь въ сношеніяхъ съ какими-то невѣдомыми животными, вы говорите народу о такихъ вещахъ, которыя существуютъ только въ нашемъ воображеніи! напимѣръ, вы упоминали о геморроѣ.

— Геморрой — ехидна, которую видѣлъ Тремеллиусъ.

Это возраженіе произвело нѣкоторое разстройство въ знаніяхъ разъяреннаго ученаго мужа.

Ursus прибавилъ:

— Существованіе геморроя столь же неопровержимо, какъ и существованіе пахучей гіены и цибета, описанныхъ Кастеллусомъ.

Медикъ, для поддержанія своего достоинства, посмѣшилъ замать споръ, и перешелъ къ другому предмету.

— Вотъ ваши подлинныя слова. Слушайте.

И развернувъ тетрадь, прочелъ:

— «Два растенія, взморникъ и полипникъ, ночью издають свѣтъ. Днемъ они цвѣты, а ночью звѣзды».

И смотря пристально на Ursus'a, онъ спросилъ:

— Чтѣ вы на это скажете?

Ursus отвѣчалъ:

— Всякое растеніе не что иное, какъ свѣтило, ибо благоуханіе тотъ же свѣтъ.

— Вы отрицали, что пузырь выдры имѣть одинаковыя свойства съ бобровой струей.

— Я сказалъ, что въ этомъ случаѣ, можетъ быть, не слѣдуетъ вполне довѣрять Аэциусу.

Медикъ разсвирѣпѣлъ.

— Вы практикуете медицину?

— Я практикуюсь въ медицинѣ, робко промолвилъ Ursus.

— Надъ живыми?

— Охотище, чѣмъ надъ мертвыми.

Онъ съ видомъ простяка возражалъ весьма основательно. У него былъ такой смиренный видъ, что медикъ счелъ своей обязанностью ругнуть его.

— Что вы тамъ воркуете? грубо вскричалъ онъ.

Ursus былъ изумленъ и съ покорностію промолвилъ:

— Воркованіе есть удѣлъ молодости, а стenanіе удѣлъ старости. Увы! я старъ, и потому могу только стонать.

Медикъ продолжалъ:

— Да будетъ вамъ извѣстно: если кто изъ вашихъ пациентовъ умретъ, то вамъ тоже грозить смерть.

Ursus осмѣлился предложить вопросъ:

— А если выздоровѣеть?

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ докторъ, смягчая тонъ: — васъ ожидаетъ тоже смерть.

— Немного же разнообразія! возразилъ Ursus.

Докторъ продолжалъ:

— Въ случаѣ смерти, наказывается невѣжество, въ случаѣ излеченія — дерзость. Въ обоихъ случаяхъ висѣлица.

— Мнѣ до сихъ поръ были неизвѣстны эти подробности. Весьма благодаренъ за сообщенныя свѣдѣнія. Невозможно вкусить разомъ всѣ красоты законодательства.

— Берегитесь!

— Свято исполню этотъ совѣтъ.

— Намъ извѣстно все, что вы дѣлаете.

«Это удивительно», подумалъ Ursus: «я самъ часто не знаю, что дѣлаю».

— Мы можемъ заключить васъ въ тюрьму.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь.

— Вы не можете отрицать вашихъ преступленій.

— Моя философія требуетъ извиненія.

— Говорать, что вы слишкомъ смѣлы.

— Совершенно напрасно.

— Говорать, что вы излечиваете больныхъ.

— Это клевета.

Судьи сурово нахмурились, и приблизивъ другъ къ другу головы, стали шептаться. Передъ духовными глазами Ursus'a носилось видѣніе ослинаго колпака, съ любовью осѣнявшаго головы мудрецовъ. Шептаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Несчастный Ursus былъ словно на раскаленныхъ угольяхъ. Наконецъ теологъ, съ свирѣпымъ видомъ, обратился къ нему и прорычалъ:

— Убирайтесь прочь!

Ursus ощутилъ нѣчто въ родѣ того чувства, которое должно было охватить Іону, когда тотъ выходилъ изъ утробы кита.

Теологъ продолжалъ:

— Вамъ возвращаютъ свободу!

Ursus, между тѣмъ, думалъ:

«Прощай медицина! Теперь надо держать ухо востро; пусть народъ мретъ, — пальцемъ не шевельну!»

И, согнувшись въ три погибели, онъ отвѣсилъ почтительный поклонъ докторамъ, стѣнамъ, бюстамъ, столу, и задомъ сталъ пятиться къ дверямъ; наконецъ, исчезъ подобно тѣни.

Вышедъ изъ залы, онъ пустился бѣгомъ по улицѣ, словно преступникъ.

Улепетывая, онъ ворчалъ сквозь зубы:

— Наконецъ-то избавился! Я ученый въ дикомъ состояніи; они — ученые прирученные и созданы чтобъ исказить науку; ихъ наука — испражненіе настоящей науки. Ложная наука создана на то, чтобъ ею губить философовъ, которые создали софистовъ на свою собственную погибель.

Нельзя не сознаться, что Ursus въ выраженіи своихъ мыслей не очень заботился объ изяществѣ. Онъ, какъ Вольтеръ, не могъ похвалиться разборчивостью вкуса.

Возвратясь въ Зеленую Коробку, онъ разсказалъ трактирщику, что его задержала какая-то хорошенькая женщина, которую онъ очень долго преслѣдовалъ.

Вечеромъ, ложась спать, онъ шепнулъ на ухо Ното:

— Знай, что я одержалъ побѣду надъ тремя головами Цербера!

VII.

Что повуждаеть золотую монету мѣшаться въ кучу мѣдннхъ грошей.

Веселье и смѣхъ, оглашавшіе стѣны Тодкастерской гостиницы, казалось, были неистощимы; трактирщикъ и его прислужникъ едва успѣвали разливать вино, портеръ и эль. По вечерамъ, нижняя зала была ярко освѣщена и невозможно было найти ни одного пустаго стола; всюду слышались веселыя пѣсни и смѣхъ: огромный старинный очагъ, имѣвшій форму печи съ желѣзной рѣшеткой, наполненный каменнымъ углемъ, разливалъ веселое пламя. Это было какое-то царство свѣта и шума.

Во дворѣ, т.-е. въ театрѣ, было еще тѣснѣе.

Вся публика, какая только могла найтись въ Соутъуоркѣ, сѣвшила на представленіе *Побѣжденнаго хаоса*, такъ что когда поднимался занавѣсъ, или вѣрнѣе сказать, опускалась рама Зеленой Коробки, нельзя уже было найти свободнаго мѣста. Въ каждомъ окнѣ гостиницы видѣлись лица; балконъ былъ бит-

комъ набить, а на дворѣ, какъ говорится, некуда было упасть яблоку.

Но отдѣленіе для благородныхъ попрежнему было пусто.

Это пустое мѣсто въ самой срединѣ балкона, между сплошной массой народа, казалось какой-то темной дырой.

Однажды вечеромъ — это было въ субботу, когда каждый англичанинъ спѣшитъ вволю повеселиться, имѣя въ перспективѣ провести воскресенье самымъ тоскливымъ образомъ. Зала была полнехонька.

Я говорю: зала, потому, что самому Шекспиру театромъ служилъ дворъ гостиницы, и онъ обыкновенно называлъ его залой.

По окончаніи фарсовъ, которые служили прологомъ къ *Побѣжденному хаосу*, на сцену появились Ursus, Номо и Гуинплэнь. Ursus, по обыкновенію, осматрѣлъ всѣхъ зрителей и невольно вдрогнулъ.

Отдѣленіе для благородныхъ было занято.

Посреди ложи, на бархатномъ креслѣ, сидѣла женщина.

Она была одна, и въ то же время наполняла собою всю ложу.

Нѣкоторые существа имѣютъ особенное свойство разливать вокругъ себя какое-то сіяніе, и эта женщина именно была одарена этой способностью; она, подобно Деѣ, разливала вокругъ себя свѣтъ, но свѣтъ совсѣмъ другаго рода. Деа была блѣдна, эта женщина была румяная. Деа казалась разсвѣтомъ, эта — яркой зарей; Деа была прекрасна, а эта великолѣпна. Скромная, невинная, застѣнчивая Деа своей бѣлизной напоминала алебастръ; эта женщина вся состояла изъ пурпура; можно было сразу догадаться, что стыдъ для нея не существовалъ. Гордая и самоувѣренная, она съ неподвижностью идола возсѣдала среди ложи, разливая вокругъ яркое сіяніе.

Среди грязной, оборванной толпы, лучезарный блескъ ея красоты и ея пышнаго наряда выступалъ еще ярче и затмѣвалъ темныя лица, виднѣвшіяся вокругъ.

Всѣ взоры обратились къ ней.

Самъ Томъ-Джимъ-Джекъ какъ-то стушевался среди толпы, подъ вліяніемъ ослѣпительнаго блеска этой богини.

Это была высокая, полная женщина, въ великолѣпнѣйшемъ нарядѣ, который неполнѣ скрывалъ ея роскошныя формы. Огромныя височія серьги изъ жемчуга и тѣхъ рѣдкихъ драгоценностей, которыя называютъ *ключами Англии*, блестяли у нея въ ушахъ. Платье изъ сіамской кисен все было вышито золотомъ, — величайшая роскошь, такъ-какъ платье изъ такой кисен въ то время стоило шестьсотъ эку. По соблазнительной тогдашней модѣ, на ней была вырѣзная рубашка изъ тончайшаго

фрисландскаго полотна, застегнутая огромной брилліантовой запонкой. Изъ этого полотна были сдѣланы у Анны Австрійской простыни, проходившія съвозъ перстень. Вся грудь, какъ латами, была залита рубинами и другими драгоценными камнями. Брови были подчернены китайской тушью, а руки, локти, плечи, подбородокъ, ноздри, вѣки, кончики ушей, ладони и концы пальцевъ слегка были подрумянены. Въ ея красотѣ было что-то необузданно-дикое: это была пантера, могущая превратиться въ ласкающуюся кошку. Одинъ ея глазъ былъ черный, другой голубой.

Ursus и Гуинплэнъ не могли оторвать отъ нея глазъ.

Пьесы Зеленой Коробки были фантастическаго содержанія, и *Побѣжденный хаосъ*, болѣе походившій на призракъ, чѣмъ на дѣйствительность, производилъ обыкновенно на публику впечатлѣніе сновидѣнія. Ursus и Гуинплэнъ привыкли дѣйствовать подобнымъ образомъ на зрителей; но теперь они сами были подвліяніемъ призрачнаго сновидѣнія; наступила ихъ очередь быть пораженными: эффектъ, производимый на залу театра, отразился на сцену.

Женщина смотрѣла на нихъ, а они на нее.

Полумракъ, царствовавшій въ театрѣ, не позволялъ имъ ясно разглядѣть всѣ мелкія подробности; она на нихъ производила дѣйствіе галлюцинаціи. Не призракъ ли это, сошедшій къ нимъ, пролившій лучъ свѣта среди окружающаго мрака? Во всей ея фигурѣ былъ разлитъ свѣтъ. Какъ небо въ ясную ночь изобилуетъ созвѣздіями, такъ эта женщина изобиловала драгоценными камнями; они сверкали какъ звѣзды. Брилліантовая застежка казалась цѣлой плеядой. Изящество ея роскошнаго бюста доходило до невозможнаго. Въ этомъ невозмутимо-спокойномъ лицѣ, казалось, вся глубина рая снизошла на ничтожную Зеленую Коробку и на всю ея низкую публику, и озарила ихъ сверхъестественнымъ блескомъ.

Ursus, Гуинплэнъ, Венера, Фебея, толпа, всѣ, кромѣ Деи, испытывали неотразимую прелесть этой ослѣпляющей красоты.

Да, это былъ призракъ, но призракъ нисколько не походившій на то, что мы привыкли подразумѣвать подъ этимъ словомъ; въ этой женщинѣ не было ничего призрачнаго, неопредѣленнаго, неуловимаго; это было видѣніе румяное, свѣжее, здоровое; тѣмъ не менѣе, въ условіяхъ, въ которыхъ находились Ursus и Гуинплэнъ, она имъ казалась видѣніемъ.

Позади этой женщины, въ тѣни стоялъ ея пажъ, еl pozo, крошечный человекъ, съ дѣтской наружностью, но съ очень серьезнымъ видомъ, хорошенькій и бѣленькій. Въ тогдаш-

нее время было въ большой модѣ имѣть при себѣ маленькаго, но серьезнаго грума. Малютка съ ногъ до головы былъ одѣтъ въ бархатъ огненнаго цвѣта, а на шапочкѣ, обшитой галуномъ, виднѣлся пучекъ перьевъ — что означало слугу очень знатной дамы.

Слуга составляетъ часть барина, и нельзя было не обратить вниманія на пажа этой дамы. Часто случается, что нѣкоторыя вещи, помимо нашей воли, особенно отчетливо врѣзываются въ нашу память. Гуинплэнъ, самъ того не подозревая, твердо запомнилъ круглыя щечки, серьезное личико и шапочку съ перьями, обшитую галуномъ, несмотря на то, что пажъ, повидимому, вовсе не желалъ привлекать къ себѣ всеобщаго вниманія, и стоялъ въ глубинѣ ложи у самыхъ дверей.

Хотя вниманіе публики и было отвлечено отъ хода пьесы этой небывалою посѣтительницей, однако развязка *Побѣжденнаго хаоса*, какъ и всегда, произвела неотразимое дѣйствіе; казалось даже, что присутствіе этой лучезарной особы, сдѣлавшейся предметомъ удивленія и ставшей какъ бы дѣйствующимъ лицомъ спектакля, еще болѣе увеличило всеобщій восторгъ. Заразительный смѣхъ Гуинплэна произвелъ болѣе могущественное дѣйствіе, чѣмъ когда либо: неудержимый припадокъ хохота овладѣлъ всѣми присутствующими. Громче всѣхъ раздавался звучный голосъ Тома-Джимъ-Джека.

Не смѣялась одна незнакомка: она попрежнему, какъ статуя, неподвижно сидѣла среди ложи и безстрастнымъ взоромъ привидѣнія смотрѣла на сцену.

Когда спектакль кончился и все въ Зеленой Коробкѣ было приведено въ обычный порядокъ, Ursus взялъ мѣшокъ съ вырочкой и высыпалъ его на столъ. Между кучей посыпавшихся темныхъ грошей внезапно сверкнула золотая испанская монета.

— Она! вскричалъ Ursus.

Блестящая свѣтлая монета среди потертыхъ грязныхъ грошей въ самомъ дѣлѣ напоминала собой ослѣпительную женщину, среди темной толпы народа.

— Она за свое мѣсто заплатила квадруплъ, промолвилъ восхищенный Ursus.

Въ эту минуту въ Зеленую Коробку вошелъ хозяинъ Нильсъ. Онъ, не говоря ни слова, подошелъ къ заднему окну и знакомъ пригласилъ Ursus'a взглянуть туда. Великолѣпная карета въ богатой упряжи, окруженная лакеями, съ зажженными факелами въ рукахъ, крупной рысью удалялась изъ виду.

Ursus, взявъ почтительно въ руки квадруплъ, показалъ его Нильсу, говоря:

— Это богиня!

Тутъ глаза его опять упали на карету, которая завертывала за уголъ площади. Свѣтъ отъ факеловъ освѣтилъ верхъ, гдѣ красовалась корона о восьми кончикахъ.

И онъ вскричалъ:

— Нѣтъ! Еще выше: это герцогиня!

Карета исчезла.

Пораженный Ursus продолжалъ стоять въ прежнемъ положеніи, съ благоговѣніемъ держа между первымъ и указательнымъ пальцами монету, точно собирался совершать священнодѣйствіе.

Наконецъ монета положена было на столъ, и Ursus, не спуская съ нея глазъ, началъ разговоръ съ трактирщикомъ по поводу «знатной дамы». Никльсъ сообщилъ о ней всѣ подробности, которыя ему удалось собрать. Безъ сомнѣнія, это герцогиня. Но имя ея было неизвѣстно ему. Онъ, правда, видѣлъ вблизи и карету съ гербами, и лабеевъ, украшенныхъ перьями и галунами. А парижъ вучера ни въ чемъ не уступитъ париву лорда-ванцлера. Карета была того рѣдкаго фасона, что въ Испаніи называлось coche-tumbon. Верхъ походилъ на пышный катафалкъ, который служилъ очень удобнымъ пьедесталомъ для великолѣпной короны. Грумъ былъ маленькимъ образчикомъ человѣка; онъ такъ миниатюрень, что удобно усѣлся на подножкѣ кареты. Эти прелестныя малютки носятъ шлейфы дамъ и ихъ любовныя посланія. Онъ и даму тоже видѣлъ, вблизи. Настоящая королева. Да, богатство еще болѣе придаетъ красоты: кожа становится бѣлѣе, взоръ горделивѣе, поступь благороднѣе, осанка высовомѣриѣе. Чтò можетъ сравниться съ этимъ нахальнымъ изяществомъ рукъ, не знающихъ ятò такое трудъ? Долго шла рѣчь объ удивительной бѣлизнѣ ея кожи, съ свѣтившимися голубоватыми жилками, о ея шеѣ, плечахъ, рукахъ, о румянахъ, о жемчужныхъ серьгахъ, о золотой пудрѣ въ волосахъ, о множествѣ рубиновъ и брилліантовъ.

— Блескъ ихъ, все-таки, не можетъ сравниться съ блескомъ ея глазъ, замѣтилъ Ursus.

Гуинплэнъ не говорилъ ни слова.

Деа слушала.

— А знаете ли, чтò меня поразило болѣе всего? сказалъ трактирщикъ.

— Чтò? спросилъ Ursus.

— Я видѣлъ, какъ она садилась въ карету.

— Такъ что жъ такое?

— Она вошла туда не одна.

— А!

- Да, еще кто-то вошелъ съ нею.
 — Кто-же?
 — Да вотъ угадайте!
 — Король, рѣшительно проговорилъ Ursus.
 — Впервыхъ, нѣтъ никакого короля въ настоящее время, такъ-какъ у насъ не король царствуетъ, а королева. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, отгадайте, кто сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ герцогиней?
 — Юпитеръ вѣрно, отвѣчалъ Ursus.
 Трактирщикъ, помолчавъ съ минуту, проговорилъ:
 — Томъ-Джикъ-Джекъ.
 Все время упорно молчавшій Гуинплэнъ громко вскрикнулъ:
 — Томъ-Джикъ-Джекъ!
 Вослѣдовало глубокое молчаніе, среди котораго послышался тихій голосъ Ден:
 — Нельзя ли запретить этой женщинѣ пріѣзжать сюда?

VIII.

Признаки отравы.

«Видѣніе» болѣе не являлось. Оно не являлось въ залѣ театра, но явилось въ воображеніи Гуинплэна.

Смутное чувство овладѣло имъ.

Ему показалось, что онъ первый разъ въ жизни увидѣлъ женщину.

Онъ впалъ въ какую-то странную задумчивость. Грезы быстро и незамѣтно овладѣваютъ человѣкомъ; давать имъ волю не слѣдуетъ. Онѣ имѣютъ всѣ таинственныя и неуловимыя свойства запаха; присутствіе ихъ такъ же неощутимо, какъ присутствіе аромата въ розѣ. Зародившаяся дурная мысль, подобно дыму, проникаетъ всюду и можетъ, подобно запаху цвѣтовъ, служить человѣку отравой, правда, упонительной, но тѣмъ не менѣе пагубной.

Питать дурныя мысли все равно, что убивать душу; въ этомъ и есть отравка. Мечты со всѣхъ сторонъ обольщаютъ, опутываютъ человѣка и дѣлаютъ его своимъ сообщникомъ во всѣхъ козняхъ, которыя онѣ разставляютъ совѣсти. Сперва прельщаютъ, потомъ развращаютъ. О нихъ можно сказать то же, что о карточной игрѣ: сначала остаешься въ дурачкахъ, а впослѣдствіи дѣлаешься плутомъ.

Гуинплэнъ раздумывалъ.

Онъ никогда еще не видалъ женщины.

Видѣнныя имъ женщины простаго сословія были только тѣнью женщины; въ Деѣ онъ видѣлъ одну душу.

Теперь онъ увидѣлъ дѣйствительность.

Живой и горячій румянецъ кожи, подъ которой, казалось, волновалась страстная кровь; контуры, напоминавшіе отчетливость мрамора и колебаніе волны; гордое и безстрастное лицо, въ которомъ высокомѣріе соединилось съ привлекательностью; соблазнительный покрой наряда, невольно возбуждающій страстную дрожь; нагота, обнаруживающая презрительное желаніе отдаться издали толпѣ... Да, онъ увидѣлъ женщину.

Онъ увидѣлъ болѣе, и въ то же время менѣе, чѣмъ женщину: онъ увидѣлъ самку.

Самку и олимпійскую богиню.

Неизвѣстное ему чувство влеченія къ женщинѣ впервые заговорило въ немъ.

И при видѣ кого же? При видѣ женщины, ему недоступной! Женщины, стоявшей въ безпредѣльномъ разстояніи отъ него!

Какая странная насмѣшка судьбы! Деа, въ которой онъ видѣлъ душу, была у него въ рукахъ, а эта женщина, въ которой онъ видѣлъ полъ, казалась ему въ глубинѣ неба!

«Выше, чѣмъ богиня», сказалъ Ursus.

Самая мечта отступила бы передъ такой вышиной!

Неужели его безуміе дойдетъ до того, что онъ осмѣлится мечтать о незнакомкѣ?

Ему припомнились всѣ рассказы Ursus'a о жизни тѣхъ высшихъ существъ, о ихъ царственномъ величіи. Подробности, въ которыя любилъ входить философъ, всегда казались Гуинплэну ненужными; теперь же эти подробности послужили путеводной нитью его мечтамъ. То, что иногда кажется намъ забытымъ, въ сущности, оказывается только прикрытымъ самою тонкою пеленою, и при случаѣ вдругъ выглядываетъ оттуда съ поразительной отчетливостью. Онъ представлялъ себѣ тотъ высшій міръ, съ его вельможами, то общество, къ которому принадлежала герцогиня, стоявшая такъ высоко надъ простымъ народомъ, къ которому принадлежалъ онъ. Впрочемъ, еще могъ ли онъ сказать, что принадлежитъ къ простому народу? Не занималъ ли онъ самую низшую изъ всѣхъ низшихъ ступеней общества? Онъ — паяцъ, фигляръ. Первый разъ въ жизни сердце его томительно сжалось отъ сознанія этого униженія. Описанія и рассказы Ursus'a, въ которыхъ онъ воспѣвалъ великолѣпіе и роскошь знатныхъ особъ, ихъ парки, фонтаны и дворцы, — все это оживало въ воображеніи Гуинплэна, какъ дѣйствительность, съ примѣсью чего-то заоблачнаго. Ему было непонятно, какимъ

образомъ человѣкъ можетъ быть лордомъ? Что такое лордъ? Непонятная вещь, а между тѣмъ, несомнѣнно, что существуютъ какіе-то лорды! И онъ чувствовалъ, что какой-то мракъ окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, какъ будто онъ стоитъ на днѣ глубокаго колодца и съвозъ узкое отверстіе этого колодца высоко, высоко надъ его головой, глядятъ на него всѣ эти лица, облитыя лугами, весь этотъ Олимпъ, среди котораго блистаетъ герцогиня.

Страстная, но несбыточная потребность обладать этой женщиной смутно овладѣвала имъ.

Ни одна мечта не принимала какой-нибудь опредѣленной формы: все было покрыто неясной сѣтью тумана, и каждую минуту измѣняло очертанія.

Онъ ни разу не усомнился въ несбыточности своихъ грезъ. Даже во снѣ герцогиня являлась постоянно, на какой-то недосягаемой высотѣ.

Человѣку, разъ ступившему на эти шаткія ступени, грозитъ опасность: воображая, что онъ взбирается на Олимпъ, онъ падаетъ въ Бедламъ. Еслибъ Гуинплэнъ ясно созналъ чувства, волновавшія его, то, конечно, это привело бы его въ ужасъ.

Была ли для него надежда снова увидѣть эту женщину? По всей вѣроятности, нѣтъ. Слѣдовательно, безуміе не могло дойти до того, чтобъ влюбиться въ свѣтъ, мелькнувшій на горизонтѣ. Еще понятно вздыхать и мечтать о звѣздѣ, она неподвижна; есть надежда снова увидѣть ее на томъ же мѣстѣ. Но возможно ли влюбиться въ молнію?

Мечты то появлялись, то исчезали. Величественный и соблазнительный идолъ, сидящій въ глубинѣ ложи, то ярко рисовался передъ его глазами, то исчезалъ.

Нѣсколько ночей были проведены безъ сна, а бессонница вѣдь тоже полна сновидѣніями, какъ и глубокой сонъ.

Словами невозможно выразить вполне всѣ сокровеннѣйшія движенія человѣческой мысли. Главный недостатокъ словъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ болѣе опредѣленности, чѣмъ въ идеяхъ, для которыхъ предѣла не существуетъ. Нѣкоторая доля избыточности душевнаго состоянія неуловима для выраженія, которое имѣетъ свои опредѣленныя границы.

Внутренній міръ человѣка до того необъятенъ, что все передуманное за это время Гуинплэнъ едва-ли касалось Деа. Деа, — его святыня, занимала самое сокровенное мѣсто въ его умѣ. Ничто не могло коснуться до нея.

Два инстинкта — идеальное и половое стремленіе — боролись

въ немъ. Это была битва на краю пропасти между ангеломъ свѣта и ангеломъ тьмы.

Наконецъ ангелъ свѣта одержалъ побѣду.

Гуинплэнъ внезапно пересталъ думать о незнакомой женщинѣ.

Борьба двухъ принциповъ, — поединокъ между его земной стороной и небесной—происходила въ немъ почти незамѣтно для него самого. Онъ очень неясно сознавалъ свое чувство.

Одно было неоспоримо: это то, что онъ ни на минуту не переставалъ обожать Дею.

Онъ чувствовалъ, что въ немъ происходилъ какой-то безпорядокъ, но что теперь этотъ безпорядокъ миновалъ. Одна Деа попрежнему стала для него необходима.

Онъ очень удивился бы, еслибъ ему кто-нибудь сказалъ, что Деа хоть на минуту была въ опасности.

Призракъ, угрожавшій въ продолженіе одной или двухъ недѣль этимъ двумъ любящимъ сердцамъ, исчезъ.

Сердце Гуинплэна снова превратилось въ очагъ, на которомъ теплилось пламя святой любви.

Впрочемъ, уже было сказано, что «герцогиня» не появлялась болѣе.

Ursus находилъ исчезновеніе «дамы, заплатившей квадрупль», вполне естественнымъ.

— Это феноменъ, говорилъ онъ: — который является, платитъ и скрывается. Было бы слишкомъ жирно, еслибъ подобныя вещи случались часто.

Деа ни разу не намекнула о неизвѣстной посѣтительницѣ, хотя она вполне понимала, что означали вздохи Ursus'a, и повремениамъ вырвавшіяся знаменательныя восклицанія, въ родѣ слѣдующихъ: *не каждый день валяются съ неба золотыя монеты!* Она никогда не говорила о «женщинѣ». Внутреннее чувство руководило ею, глубокой истиннѣ подсказывалъ, что молчать о комъ нибудь, значить удалить его отъ себя, а освѣдомляться—значить снова призывать къ себѣ. Сомнунуть уста, все равно, что затворить дверь.

Приключеніе было забыто.

Да произошло ли что-нибудь? Была ли это дѣйствительность? Кто могъ сказать, что тѣнь скользнула между Гуинплэнномъ и Деей? Деа ничего не знала объ этомъ, да и Гуинплэнъ почти не помнилъ ничего. Значить, ничего и не было. Сама герцогиня, какъ призракъ, исчезла въ далекой перспективѣ. Млпмо-летний сонъ овладѣлъ Гуинплэнномъ, теперь онъ проснулся, и все пошло попрежнему. Мечты, подобно туману, исчезая, не

оставляютъ никакихъ слѣдовъ послѣ себя. Туча разсѣялась, и любовь, какъ солнце, вышедшая изъ-за тучъ, опять ярко заблистала.

IX.

ABYSSUS ABYSSUM VOCAT.

Еще одинъ человѣкъ исчезъ: Томъ-Джимъ-Джекъ внезапно пересталъ бывать въ Тодкастерской гостиницѣ.

Люди, слѣдящіе за всѣми событіями жизни вельможъ, могли бы замѣтить, что около этого времени въ недѣльной газетѣ появилось, между извлеченіями изъ приходскихъ списковъ, слѣдующее объявленіе: «Лордъ Девидъ-Дерри-Моаръ получилъ отъ ея высочества приказъ снова принять команду надъ своимъ фрегатомъ, крейсирующимъ около береговъ Голландіи».

Ursus, который тотчасъ же замѣтилъ исчезновеніе Тома-Джимъ-Джека, былъ сильно заинтересованъ этимъ. Томъ-Джимъ-Джекъ пересталъ являться въ Тодкастерскомъ трактирѣ съ того самаго вечера, какъ уѣхалъ въ одной каретѣ съ герцогиней. Что это за таинственный человѣкъ, такъ внезапно покидающій герцогиню? Какое обширное поле для всевозможныхъ догадокъ и предположеній! Сколько вопросовъ можно было предложить по поводу его исчезновенія! Какой богатый сюжетъ для разговоровъ! Но именно въ виду всего этого, Ursus не проронилъ ни слова о случившемся.

Ursus, въ теченіе своей жизни, приобрѣлъ много опытности; онъ очень хорошо понималъ, какія вредныя послѣдствія могутъ произойти отъ излишняго любопытства: слушая, рискуешь ушами, а наблюдая — рискуешь глазами. Весьма благоразумно ничего не видѣть и ничего не слышать. Томъ-Джимъ-Джекъ уѣхалъ въ княжеской каретѣ, самъ трактирщикъ видѣлъ это своими глазами. Ursus тотчасъ же возмѣлъ нѣкоторое подозрѣніе насчетъ матроса, такъ безцеремонно усѣвшася рядомъ съ знатной леди. Но прихоти высокихъ особъ должны быть священной тайной для людей мелкихъ. Если бѣднякъ — этотъ ничтожный червь, увидитъ что-нибудь необычайное, то сейчасъ же обязанъ запрятаться въ самый темный уголъ и дѣлать видъ, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Если ты имѣешь несчастіе быть зрячимъ, то закрой скорѣй глаза, а если природа не наградила тебя глухотой, то заткни покрѣпче уши и постарайся лишиться употребленія языка. Пусть богатые дѣлаютъ что имъ угодно; мы, бѣдняки, не должны проникать въ ихъ тайны. Не будемъ беспокоить миеологію. Наши сплетни не

должны касаться того, что происходитъ въ высшихъ областяхъ, по причинамъ, недоступнымъ нашему пониманію. Все это для насъ, ничтожныхъ, ни болѣе ни менѣе, какъ оптический обманъ. Превращенія — дѣло боговъ; для насъ это загадка, изучать которую очень опасно. Олимпійцы терпѣть не могутъ, чтобы обращали слѣпкомъ большое вниманіе на ихъ забавы; нерѣдко любопытнаго поражаетъ неожиданный ударъ грома, возвѣщающій, что бѣкъ, на котораго вы такъ пристально смотрѣли, былъ Юпитеръ. Никогда не дѣлайте смѣлыхъ попытокъ. Гораздо подезнее не трогаться съ мѣста; притворитесь мертвымъ и смерть пощадитъ васъ. Такова мудрость насѣкомаго. Ugrus слѣдовалъ этому правилу.

Трактирщикъ тоже разбирало сильное любопытство. Однажды, онъ обратился къ Ugrus'у съ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Что это такъ давно не видно Тома-Джимъ-Джека?

— Въ самомъ дѣлѣ! а я этого и не замѣтилъ, равнодушно отвѣчалъ Ugrus.

Хозяинъ Нильсъ вполголоса намекнулъ насчетъ странныхъ отношеній Тома-Джимъ-Джека къ герцогской вaretѣ. Намекъ, вѣроятно, былъ несовсѣмъ почтительный и довольно смѣлый. Ugrus сдѣлалъ видъ, что не слушаетъ.

Впрочемъ, Ugrus, какъ артистъ, не могъ не сожалѣть о Томъ-Джимъ-Джекѣ. Онъ высказалъ это огорченіе своему единственному повѣренному, — въ скромности Номо онъ вполнѣ былъ увѣренъ. Онъ шепнулъ на ухо волку:

— Съ тѣхъ поръ, какъ скрылся Томъ-Джимъ-Джекъ, я, какъ человѣкъ, чувствую вокругъ себя какую-то пустоту, а какъ артистъ, какой-то холодъ.

Всказавъ свою тайну другу, Ugrus почувствовалъ нѣкоторое облегченіе.

Гуиннплэну онъ не говорилъ ничего, да и тотъ съ своей стороны не сдѣлалъ никакого замѣчанія по этому поводу.

Впрочемъ, Гуиннплэну, поглощенному мыслью о Деѣ, было рѣшительно все равно, тутъ ли Томъ-Джимъ-Джекъ или нѣтъ.

Онъ совершенно забылъ о томъ, что такъ еще недавно тревожило его, а Деа даже и не подозрѣвала ничего. Въ это время уже не было слышно о жалобахъ и заговорахъ противъ «Человѣка, который смѣется»; казалось, ненависть и зависть прочихъ балаганщиковъ истощили всѣ запасы своихъ силъ. Вокругъ Зеленой Коробки и внутри ея царствовалъ безмятежный миръ. Попы и фигляры замокли. Славѣ Гуиннплэна ничто болѣе не угрожало. Бываютъ же такія минуты ненарушимого спокойствія. Никакая тѣнь не помрачала полного блаженства Гуиннплэ-

на и Дея; счастье их достигло того предѣла, выше котораго ничего болѣе не могло быть. Подобное состояніе души можно выразить лишь словомъ «апогей». Счастье, какъ море во время прилива, достигаетъ своей крайней точки. Жаль только, что счастию, какъ и приливу, грозитъ перспектива убыли.

Есть два способа быть недоступнымъ: нужно занимать или слишкомъ высокое мѣсто, или неизмѣримо низкое. Достигнуть послѣдняго желательно, по крайней-мѣрѣ, столько же, сколько и перваго: легче поразить стрѣлой орла, чѣмъ раздавить ногой инфузорию. Такой безопасностью, достоящеюся въ удѣлъ ничтожеству, пользовались въ настоящую минуту два существа на землѣ: Гуинплэнъ и Дея. Никогда еще они не чувствовали такого полного счастья. Вся ихъ жизнь сосредоточивалась другъ въ другѣ. Любовь, какъ нѣкая божественная соль, пропитывая сердце, предохраняетъ его отъ порчи. Поэтому-то любовь, питаемая другъ къ другу съ самой юной поры жизни, бываетъ такъ прочна и полна неувядаемой свѣжести; она бальзамируетъ сердце человѣка. Дафнисъ и Хлоя должны были превратиться въ Филемона и Бавкиду. Такая старость — такой закатъ жизни, напоминавшій собою разсвѣтъ ея, очевидно, предназначены были Гуинплэну и Деѣ. Теперь пока они еще были въ самой юношеской порѣ.

Ursus смотрѣлъ на эту любовь съ точки зрѣнія медика, слѣдящаго за ходомъ болѣзни. Впрочемъ, онъ вообще и на все смотрѣлъ, какъ говорили тогда, «възглядомъ Гипократа». Глядя на блѣдную, хрупкую Дею, онъ нерѣдко бормоталъ про себя: «Счастье ея, что она счастлива!» Иногда же онъ говорилъ: «Счастье ее поддерживаетъ».

И въ раздумьѣ, покачивая головою, онъ бралъ иногда старинную книгу Авиценны, въ переводѣ Вопискуса-Фортунагуса, и отыскавъ отдѣлъ «о болѣзняхъ сердца», принимался внимательно перечитывать его.

Дея очень скоро утомлялась; болѣзненный потъ истощалъ ея силы и она легко впадала въ забытье; поэтому, какъ уже было говорено, она среди дня ложилась отдыхать. Ursus, избравъ удобное время, когда она такимъ образомъ спала на медвѣжьей шкурѣ и Гуинплэна не было, подошелъ потихоньку къ ней и осторожно приложивъ ухо къ лѣвой сторонѣ груди, сталъ прислушиваться къ биенію сердца. Окончивъ выслушиванье, онъ тихо прошепталъ:

— Да, всякое потрясеніе можетъ быть для нея пагубнымъ.

Густая толпа народа попрежнему стекалась на всякое представление *Побѣжденнаго хаоса*. Успѣхъ «Человѣка, который

смѣется» былъ неистощимъ. Стекался уже не одинъ Соутъ-уркъ; мало-по-малу начинать появляться здѣсь и Лондонъ. Публика была смѣшанная. По мнѣнію Нильса, который былъ большой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, тутъ были уже не одни матросы и судовщики; среди черни видѣлись переодѣтые дворяне и баронеты. Переодѣваніе было въ то время любимой забавой аристократіи. Для Зеленой Коробки это была большая честь, означавшая, что слава Гуинплэна сдѣлала свой первый выходъ въ большой свѣтъ. И на самомъ дѣлѣ это было совершенно справедливо. Во всемъ Лондонѣ только и было толковъ, что о «Человѣкѣ, который смѣется». Молва о немъ дошла даже до Разбойничьяго клуба, посѣщаемого лордами.

Въ Зеленой Коробкѣ объ этомъ ничего не подозрѣвали и довольствовались тѣмъ, что счастье ничѣмъ не нарушалось. Первымъ наслажденіемъ Денъ было притрогиваться по вечерамъ къ курчавой, рыжей головѣ Гуинплэна. Въ любви привычка играетъ первую роль: вся жизнь сосредоточивается въ одномъ.

Разъ вечеромъ Гуинплэнъ, чувствуя какой-то наплывъ блаженства, который, подобно ошьяняющему запаху цвѣтовъ, производитъ сладкое изнеможеніе, по обыкновенію бродилъ по лугу въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Зеленой Коробки. Ночь была и темна и прозрачна; звѣзды разливали свой мягкій свѣтъ. Тарринцо-фильдъ былъ совсѣмъ пустъ; во всѣхъ раскинутыхъ балаганахъ царствовалъ сонъ и невозмутимая тишина.

Только въ одномъ Тодкастерскомъ трактирѣ видѣлся слабый свѣтъ фонаря, ожидавшаго возвращенія Гуинплэна.

На башняхъ пяти приходскихъ церквей въ перемену, на разные тоны, пробило полночь.

Гуинплэнъ думалъ о Деѣ. Но въ этотъ вечеръ, странно-взволнованный и полный чувства сладкой тоски, онъ думалъ о ней, какъ мужчина думаетъ о женщинѣ. Онъ самъ себя упрекалъ въ этомъ. Глухое чувство супруга начинало пробиваться безъ его вѣдома; имъ овладѣвала сладкая, но настоящая потребность любить; онъ перешагнулъ невидимый рубежъ, по ту сторону котораго оставалась дѣва, а по сю сторону стояла женщина. Его мучили тревожные вопросы, пробуждавшіе въ немъ, такъ-сказать, внутреннюю краску стыда. Гуинплэнъ прежнихъ лѣтъ преобразился: прежній дѣломудренный юноша началъ ощущать въ себѣ волненіе и тоску.

Излишество рая ненадолго прельщаетъ любовь; она требуетъ жара крови, обилія жизни, электрическаго поцалуя, распущенныхъ волосъ, объятий... Заоблачность стѣсняетъ, а эфирность гнѣтетъ. Излишекъ неба для любви все равно, что изли-

шекъ горячаго матеріала для огня: пламя страдаетъ отъ этого. Деа удивима, Деа въ объятіяхъ, Деа, возбуждающая восторги — вотъ чтó было нужно Гуинцлену. Природа завлала свои права. Подобно Пигмалиону, созидавшему Галатею, Гуинцленъ пересоздавалъ цѣломудренный образъ Деа. До сихъ поръ, Деа казалась Гуинцлену существомъ безплотнымъ; она еще ни разу не пробуждала его чувственности, но въ настоящую минуту, сильно возбужденный, онъ сидѣлъ низвести ее съ прежняго цѣдестала и надѣдять обыкновенными свойствами женщины. Онъ желалъ, чтобы Деа не была исключеніемъ, чтобы и она, подобно прочимъ, покорилась общему закону природы. Желанія эти противъ его воли овладѣвали имъ. Грѣховныя мечты пробуждали въ немъ стыдъ; по его мнѣнію, онъ осквернялъ ее чистоту, и онъ старался устоять противъ соблазна, но потомъ невольно снова возвращался къ тому же. Деа ему являлась въ облакѣ, но онъ съ трепетомъ устранялъ это облако, и какъ бы срывалъ съ нея покровы. Былъ апрѣль мѣсяць.

Въ какомъ-то забвеніи онъ шелъ впередъ наудачу. Одиночество располагаетъ еще болѣе къ мечтамъ. И куда же теперь стремились его мысли? ему самому было стыдно признаться. Къ небу? Нѣтъ; онъ стремились къ ложу.

Напрасно говорятъ: *влюбленный*, гораздо вѣрнѣе было бы сказать: *одержимый*. Бѣсъ овладѣваетъ человѣкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, женщина постоянно. Всякому мужчинѣ суждено испытать на себѣ ту волшебную силу, которая завлечена въ женщинѣ! Настоящее имя любви — плѣнь.

Гуинцленъ начиналъ чувствовать потребность физической любви: для него наступила та критическая минута, когда человекъ жаждетъ вѣшности и наготы. Эта минута опасна; подъ ея вліяніемъ всякое паденіе возможно. Сколько мрака таятся подъ снѣжной бѣлизной Венеры!

Прежняя любовь его къ Деѣ перешла въ любовь брачную. Дѣвственная любовь есть переходная форма любви. Наступила минута, когда ему стала необходима женщина.

Къ счастью, для Гуинцлена существовала только одна женщина, Деа, единственная, которую онъ желалъ и единственная, которая могла отдаться ему.

Страстная дрожь окватывала все его существо.

Прибавьте ко всему этому могучее дѣйствіе весны. Блуждающія благоуханія развивающейся жизни, таинственныя мерцанія, плавающія въ темнотѣ, раскрывающіеся гдѣ-то въ отдаленіи ночныя цвѣты, скрытыя гнѣзда, журчаніе листьевъ и водъ, вздохи, свѣжесть, нѣга, все это танцевенное пробужденіе апрѣда

и мая — все это вѣсто взятое призываетъ, будить, говорить о наслажденіи. Идеаль умоляетъ.

Еслибы кто увидѣлъ Гуинплэна теперь, то, конечно, призналъ бы его за пьянаго.

Онъ дѣйствительно шатался подъ бременемъ своихъ мечтай, подъ бременемъ весны и ночи.

На лугу было такъ тихо, что онъ повременемъ начиналъ говорить вслухъ.

Опустивъ голову на грудь и заложивъ руки за спину, онъ тихими шагами прогуливался взадъ и впередъ по лугу.

Вдругъ ему показалось, что-то скользнуло ему въ руку.

Онъ быстро обернулся назадъ.

Передъ нимъ стоялъ человѣкъ.

Тихо подкравшись сзади, этотъ человѣкъ, неожиданно для Гуинплэна, всунулъ ему въ руку какую-то бумажку.

Это было письмо.

Было достаточно свѣтло чтобъ разглядѣть незнакомца: это былъ маленькій, серьезный человѣчекъ, съ пухленькими щечками, одѣтый въ ливрею огненного цвѣта, которая виднѣлась изъ-подъ распахнушагося спереди длиннаго сѣраго плаща. На головѣ его была алая шапочка, имѣвшая форму кардинальской скуфьи. На шапочкѣ виднѣлся пучокъ перьевъ.

Онъ, какъ привидѣніе, стоялъ передъ изумленнымъ Гуинплэномъ.

Гуинплэнъ узналъ пажа герцогини.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ вскрикнуть отъ удивленія, послышался тоненькій женскій и вмѣстѣ дѣтскій голосокъ пажа:

— Будьте завтра въ этомъ часу у входа на Лондонскій мостъ. Я буду тамъ ожидать васъ, чтобы проводить.

— Куда? спросилъ Гуинплэнъ.

— Туда, гдѣ васъ ожидаютъ.

Гуинплэнъ взглянулъ на письмо, которое безсознательно держалъ въ рукѣ.

Когда онъ снова поднялъ глаза, пажъ уже не было на прежнемъ мѣстѣ.

На лугу виднѣлась быстро удаляющаяся фигурка, которая вскорѣ завернула за уголь и скрылась изъ вида.

Гуинплэнъ, проводя глазами груда, взглянулъ на письмо. Бываютъ минуты въ жизни, когда человѣкъ самъ не сознаетъ, что дѣлается съ нимъ и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ не можетъ придти въ себя. Гуинплэнъ машинально поднесъ письмо къ глазамъ, какъ бы собираясь прочесть его; но тутъ только онъ замѣтилъ, что этого было нельзя сдѣлать по двумъ при-

чинамъ: вопервыхъ, письмо было запечатано, а вовторыхъ, на дворѣ было темно. Онъ долго не могъ смекнуть, что въ трактирѣ горѣлъ фонарь. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, самъ не зная для чего, точно лунатикъ, которому призракъ вручилъ записку.

Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и почти бѣгомъ пустился къ трактиру. Ставъ къ свѣту, выходявшему изъ полуотворенной двери, онъ еще разъ взглянулъ на письмо. Печать на немъ была совершенно гладкая, а на оборотѣ было написано: *Гуинплэну*. Онъ сломилъ печать, развернулъ письмо, поднесъ его къ свѣту и прочелъ:

«Ты уродъ, я красавица, ты гаерь, я герцогиня. Я первая, а ты послѣдній. Я хочу, чтобы ты принадлежалъ мнѣ. Я тебя люблю. Приходи».

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Карательный подвалъ.

I.

Искушении Гуинплэна.

Одна искра вспыхнетъ, озаритъ на минуту вокругъ себя мракъ и потухнетъ; другая — поджигаетъ цѣлый вулканъ.

Иногда искра принимаетъ громадныя размѣры.

Гуинплэнъ прочелъ разъ письмо, потомъ снова перечелъ его. Дѣйствительно написано: я тебя люблю.

Одинъ ужасъ слѣдовалъ за другимъ.

Прежде всего, онъ подумалъ, что сошелъ съума.

Нѣтъ сомнѣнiя, онъ сошелъ съума. Все, что онъ сейчасъ видѣлъ не существовало. Несчастнiй, надъ нимъ посмѣялись ночныя призраки! Ему явился призракъ въ видѣ маленькаго чело-вѣчка въ яркомъ одѣянии! Вѣдь это нерѣдко случается. Призрачное существо, посмѣявшись надъ нимъ, исчезло, и вотъ теперь онъ сумасшедшiй!

Вслѣдъ за этимъ, онъ былъ пораженъ новымъ ужасомъ отъ сознанiя, что все происшедшее съ нимъ было дѣйствительность.

Какимъ образомъ это могъ быть призракъ, когда у него въ рукѣ письмо? Вотъ и конвертъ, и печать, и исписанная бумага. Ему извѣстно, откуда все это явилось. Что же тутъ есть непонятнаго: взяли чернила и перо и написали, потомъ зажгли свѣчу и запечатали сургучомъ. Вотъ и его имя написано: Гуин-

плѣну. Бумага душистая. Все ясно. Гуинплэнъ знаетъ и чело-
вѣчка. Это грумъ въ яркой ливреѣ; онъ назначилъ Гуин-
плѣну свиданіе на завтрашній день, въ этомъ же часу, у входа
на Лондонскій мостъ. Развѣ Лондонскій мостъ мечта? Нѣтъ,
все это дѣйствительность! Гуинплэнъ въ полномъ разсудѣ.
Это была не мечта его разстроеннаго воображенія, теперь разле-
тѣвшаяся въ прахъ; все происходило на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ,
Гуинплэнъ не бредитъ! И онъ снова перечитывалъ письмо.

Невѣроятно!

Есть женщина, которая желаетъ его!

Да, женщина желаетъ его! Но въ такомъ случаѣ, пусть ни-
кто не говоритъ, что можетъ быть что-нибудь невѣроятное.
Женщина влюблена въ него, женщина, которая видѣла его
лицо, и которая не слѣпая. И кто же эта женщина? Уродъ
какойнибудь? Нѣтъ, красавица. Какаянибудь цыганка? Нѣтъ,
герцогиня.

Что же это такое? Какой ужасной опасностью грозить эта
поѣзда? Но какъ не броситься въ эту опасность очертя голову?

Какъ, эта женщина, эта сирена, этотъ призракъ, эта леди,
сидѣвшая въ ложѣ, эта лучезарная незнакомка! Да, она, она...

Страшное пламя охватывало его со всѣхъ сторонъ. Это та
самая таинственная незнакомка, которая такъ сильно поразила
его. И вотъ опять прежнія мятежныя думы объ этой женщинѣ
ожили въ его воображеніи. Гуинплэнъ, который воображалъ,
что давно изгналъ отъ себя плѣнительный образъ этой жен-
щины, теперь увидѣлъ его снова съ поразительной отчетли-
востью передъ собою. Образъ этой женщины, помимо его воли,
връзался въ его памяти. Слѣдовательно, зло уже было сдѣлано.

Неужели эта женщина добивается его любви? Какъ! принцесса
сходитъ съ своего трона, кумиръ съ своего престола, статуя съ
своего пьедестала, призракъ съ облаковъ! Химера переходитъ
изъ глубины невозможнаго! Это божество, эта nereida, залп-
тая драгоценными камнями, эта неприступная красота скло-
няется къ Гуинплѣну! Ея лучезарная колесница, запряженная и
горлицами, и драконами, остановилась надъ нимъ, и она зо-
ветъ его къ себѣ! Эта женщина, если только возможно ее на-
звать этимъ именемъ, это звѣздное созданіе, снисходитъ до того,
что сама предлагаетъ отдать себя ему! Неслышанная вещь! Олимпъ
бросается въ объятія, и къ кому же? Къ нему, къ Гуинплѣну!
Руки богини простирались къ нему, чтобы обвить, какъ сія-
ніемъ, его голову, и прижать ее къ груди! И въ то же время
она не пятнаетъ себя! Никакое пятно не могло лечь на нее. И

эта богиня знает Гуинплэна, она видѣла его лицо, и страшная маска не оттолкнула ее. Гуинплэнъ любимъ, несмотря ни на что!

И что невѣроятнѣе всякаго сновидѣнія, онъ любимъ именно за эту страшную маску. Его страшная наружность, вмѣсто того, чтобы внушить герцогинѣ отвращеніе, напротивъ, снискала ее любовь. Даже болѣе, чѣмъ любовь, она пробудила въ ней страсть. Онъ былъ ее избранникомъ!

Эта женщина, среди царствующаго вокругъ нея богатства, роскоши и великолѣпія, имѣла полную свободу выбора; она была окружена и принцами, и лордами, и могла выбрать любого изъ нихъ. Вокругъ нея ухивались всевозможные красавцы, она могла выбрать Адониса. И вмѣсто ихъ, кого она выбрала? Чудовище! Среди блестящихъ метеоровъ, среди молній, она могла избрать жестокрылаго серафима, а выборъ ее палъ на гада, пресмыкавнагося въ грязи! Съ одной стороны вельможи, роскошь, слава; съ другой — фигляръ; и фигляръ одержалъ верхъ! Какое же мѣрило заключено было въ сердцѣ этой женщины? Во что цѣнила она свою любовь? Она, эта женщина, сняла свою герцогскую корону и бросила ее на подмостки балагана! Сняла свой олимпійскій вѣнецъ, и увѣчала имъ косматую голову гнома! Лучезарный столбъ свѣта обрушился на Гуинплэна, и залилъ его среди клоаки. Эта всемогущая, вопреки красотѣ и блоску, отдавала себя выродку тьмы; она, въ придачу любопытства, спустилась во иракъ, и, отрекшись отъ сана богини, увѣчала нищаго! «Ты уродъ. Я тебя люблю». Эти слова задѣли гнусную сторону его тщеславія. Гордость — это Ахиллесова пятка всякаго героя. Тщеславіе Гуинплэна было польщено. Его любили, потому что онъ чудовище. Онъ былъ исключеніе, подобно Юпитеру и Аполлону. Онъ былъ до того чудовищемъ, что выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ людей и становился теперь наравнѣ съ богами. Вотъ до какого ослѣпленія дошло его безумство!

Теперь является вопросъ: кто же эта женщина, что зналъ онъ о ней? Все и ничего. Онъ зналъ, что она герцогиня, зналъ, что она прекрасна, и богата, что у нея ливрейные лакеи и пажы, что ее карету сопровождали скороходы съ факелами. Зналъ, что она влюблена въ него, — по крайней мѣрѣ, она ему это сказала. Остальное было ему неизвѣстно. Онъ не зналъ даже ее имени. Онъ зналъ ее мысль, но не зналъ ее жизни. Была ли она замужняя, вдова или дѣвушка? Была ли свободна, или имѣла какія нибудь обязательства? Имѣла ли семью? Встрѣчались ли въ ее жизни какія нибудь несчастія, испытанія и горести? Тотъ развратъ, который господствуетъ въ кругахъ празд-

наго общества, былъ вовсе не знакомъ Гуинплэну; ему и въ голову не могло придти, что на этихъ высотахъ, о которыхъ онъ мечталъ съ такимъ благоговѣнiемъ, есть страшные вертепы, среди которыхъ, окруженные костями пожранныхъ любовныхъ жертвъ, воссѣдаютъ кровожадные прелестницы. Могъ ли онъ подозрѣвать, до какого трагическаго цинизма можетъ дойти скучающая женщина? Въ той общественной подпочвѣ, на которой онъ прозябалъ, не было даже матеріала, изъ котораго онъ бы могъ построить подобнаго рода предположенія. Впрочемъ, какое-то смутное чувство шептало ему, что есть что-то темное во всемъ этомъ блескѣ. Конечно, онъ не могъ ясно сознать, что означало это письмо, въ которомъ онъ съ одной стороны видѣлъ признаніе, а съ другой — какую-то загадку, смущавшую его душу сомнѣнiемъ.

Въ таинственномъ голосѣ, говорящемъ ему: «дерзай!», слышались и вызовъ и угроза.

Никогда коварство случая не могло выбрать болѣе удобнаго времени для искушенія. Гуинплэнъ, возбужденный опьяняющимъ вліяніемъ весны, и взволнованный пробуждающейся потребностью физической любви, въ эту минуту началъ сознавать въ себѣ свои стремленія. Долго созрѣвавшій юноша, сохранившій дѣвство свое до двадцати-четырехлѣтняго возраста, превращался въ мужчину; и въ эту-то самую критическую минуту жизни, ему было сдѣлано предложеніе: ослѣпительная грудь сфинкса возставала передъ нимъ во всей своей наготѣ. Земля, на которой стоитъ юноша, представляетъ покатость, и Гуинплэнъ, стоявшій на этой покатости, чувствовалъ, какъ его толкали и весна, и ночь, и эта женщина.

Не будь апрѣля мѣсяца, можетъ быть, добродѣтель Гуинплэна и восторжествовала бы; онъ былъ обруженъ распускавшимися цвѣтами, которые всѣ были въ заговорѣ! Любовь — воръ, а весна — укрыватель краденаго.

Онъ былъ въ страшномъ волненіи.

Неотвязчивыя думы безпорядочно бродили въ его головѣ. Желанія мало-по-малу принимали опредѣленные формы. «Завтра, въ полночь, Лондонскій мостъ? Пойдетъ ли онъ?» Плоть говорила: «да», душа кричала «нѣтъ».

Нужно, впрочемъ, сознаться, хотя съ перваго раза это и можетъ показаться страннымъ, что онъ ни разу не спросилъ себя прямо: пойдеть онъ, или нѣтъ? Всегда оставляется лазейка для дѣла, не совсѣмъ правыхъ. Стаканъ водки никогда не выпивается за разъ; но уже первая капля производитъ весьма странное дѣйствіе.

Онъ только сознавалъ, что его влекло къ неизвѣстности.

Онъ съ содроганіемъ видѣлъ себя на краю пропасти. Съ ужасомъ отступалъ назадъ, закрывалъ глаза, старался забиться, и для своего успокоенія увѣрялъ себя, что онъ не въ полномъ разсудкѣ. Для него, вѣроятно, это было бы лучше. Дѣйствительно, благоразумнѣе всего было бы увѣриться въ этомъ.

Впрочемъ, нельзя строго осуждать Гуинплэна. Это письмо опытному человѣку было бы вполне понятно. Но цинизмъ былъ ему незнакомъ. Мысль о подобномъ развратѣ не приходила ему на умъ; онъ слишкомъ былъ чистъ, чтобъ допустить какія либо грязныя мысли объ этой женщинѣ; въ ней онъ видѣлъ лишь величіе. Увы! она льстила его самолюбію. Но для того, чтобъ понять, что онъ составляетъ предметъ только похоти, для этого нужно было имѣть болѣе опытности и менѣе невинности. Онъ не замѣчалъ, что, рядомъ съ словами: «Я тебя люблю», стояло страшное прибавленіе: «Я хочу, чтобъ ты принадлежалъ мнѣ».

Онъ не замѣчалъ животной стороны богини.

У разума есть свои вторженія вражескихъ силъ. Душа имѣетъ своихъ вандаловъ; дурныя мысли приходятъ опустошать добродѣтель. Тысяча самыхъ противорѣчивыхъ думъ то одна за другой, то разомъ овладѣвали Гуинплэномъ. Потомъ наступала тишина, и онъ схватывался руками за голову и, оцѣпенѣлый, смотрѣлъ вдаль, словно вглядываясь въ темноту ночи.

Наконецъ, мысль замерла въ немъ. Мечты разомъ исчезли.

Онъ только тутъ замѣтилъ, что еще не возвратился домой. Было уже, вѣроятно, около двухъ часовъ утра.

Онъ положилъ письмо въ боковой карманъ, но замѣтивъ, что оно очутилось около самаго сердца, вынулъ его оттуда и, скомкавъ, переложилъ въ другой, и направился къ трактиру. Тихонько вошелъ онъ въ первую комнату, стараясь не разбудить маленькаго Говикума, который, въ ожиданіи его, сладко спалъ, склонивъ голову на обѣ руки, положенныя крестомъ на столъ, заперъ на ключъ дверь, тихо пробрался въ Зеленую Коробку, скользнулъ въ отдѣленіе, служившее ему спальней, взглянулъ на спавшаго Ursus'a, затушилъ свѣчку, но не легъ.

Еще цѣлый часъ прошелъ такъ. Наконецъ, измученный, и воображая, что постель — сонъ, онъ, нераздѣтый, прилегъ на подушку, и закрылъ глаза; но волненія, осаждавшія его, не утихали ни на мигъ. Гуинплэнъ сильно страдалъ. Онъ первый разъ въ своей жизни испытывалъ недовольство самимъ собой. Но къ внутренней скорби примѣшивалось чувство удовлетвореннаго тщеславія. Что дѣлать? Наконецъ, уже наступилъ день. Онъ

слышать, что Ursus встаетъ, но не открылъ глазъ. Внутренняя буря не утихала. Онъ продолжалъ думать о письмѣ. Слова письма въ беспорядкѣ кружились одно за другимъ. Мысль можно уподобить жидкости, которая подъ вліяніемъ внутреннихъ дыханій приводится въ волненіе: то всплываетъ вверхъ, то, какъ волна, издаетъ какой-то глухой шумъ. Приливъ, отливъ, удары, водоворотъ, колебанье и кипѣнье волны, градъ, дождь, обрывки тучъ съ виднѣющимися между ними полосами свѣта, клочки пѣны, опять грозный валъ, только что передъ тѣмъ обрушившійся, новое появленіе бури, набѣгающей со всѣхъ сторонъ, — однимъ словомъ, всѣ явленія, свойственныя безднѣ, волнуютъ и человѣческую душу. Въ настоящую минуту Гуинплэнъ былъ жертвою этого урагана.

Въ самую тяжкую минуту, лежа съ закрытыми глазами, онъ услышалъ сладкій голосъ, говорившій: «Ты спишь, Гуинплэнъ?» Онъ быстро открылъ глаза, и вскочилъ съ кровати. Въ дверяхъ стояла Деа съ своей обыкновенной улыбкой на устахъ. Кроткая, сіяющая красота ея внезапно озарила своимъ свѣтомъ Гуинплэна. Потрясенный до глубины души, онъ молча любовался чистымъ созданіемъ, которое отогнало не сонъ его, а бессонницу. Мрачная буря, волновавшая его, мгновенно стихла, миръ снизошелъ въ глубину его души. Одно присутствіе кроткаго и свѣтлаго существа разсѣяло тучи, обружившія его словно невидимая рука, отдернула темную завѣсу съ его помраченнаго разсудка. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Деи, Гуинплэнъ снова сдѣлался добрымъ, честнымъ и невиннымъ Гуинплэномъ. Они стояли молча другъ передъ другомъ — она свѣтлая, какъ небо, онъ — какъ стихнувшая пучина. Бурная тревога сердца стихла, и Деа, какъ путеводная звѣзда, ярко засіяла надъ нимъ.

II.

Отъ веселаго къ грозному.

Какая это обыкновенная вещь чудо! Въ Зеленой Короблѣ наступило время завтрака, и Деа просто пришла спросить, почему Гуинплэнъ не явился за столъ.

Изъ устъ Гуинплэна вырвалось только одно слово: «это ты!»; но въ этомъ словѣ выразилось все. Ему никого болѣе не стало нужно, одна Деа существовала для него.

Кто не былъ свидѣтелемъ тишины на морѣ, наступающей вслѣдъ за ураганомъ, тотъ не можетъ представить себѣ всей прелести этого спокойствія. Ничто такъ быстро не утихаетъ,

какъ пучина. То же самое дѣлается и съ сердцемъ человѣка. Хотя, впрочемъ, и не всегда.

Деѣ стоило только показаться, и все, что было чистаго и свѣтлаго въ душѣ Гуинплэна, выступило наружу, и устремилось къ ней. Какое умиротворяющее дѣйствіе производитъ святая и чистая привязанность!

Черезъ нѣсколько минутъ они уже сидѣли другъ противъ друга за чайнымъ столомъ. Ursus сидѣлъ между ними, а Ното лежалъ у ихъ ногъ. На столѣ стоялъ чайникъ, подѣ которымъ была зажжена небольшая лампочка. Фебея и Венера была заняты своимъ дѣломъ.

Среднее отдѣленіе служило мѣстомъ утренней и вечерней трапезы. Узенькій столъ стоялъ такъ, что Деѣ приходилось сидѣть спиной ко входной двери Зеленой Коробки.

Гуинплэнь наливалъ Деѣ чай.

Деа граціозно дула на горячій чай, и вдругъ неожиданно чихнула. Въ эту минуту надъ лампочкой показался легкій дымъ, который сейчасъ же разсѣялся по сторонамъ. Какая-то бумажка превратилась въ пепель. Этотъ самый дымъ и заставилъ Дею чихнуть.

— Что это такое? спросила она.

— Ничего, отвѣчалъ Гуинплэнь.

И радостно улыбнулся.

Онъ съегъ письмо герцогини.

Уничтоженіе письма имѣло успокоительное дѣйствіе на Гуинплэна. Онъ почувствовалъ свою правоту, какъ орелъ чувствуетъ крылья.

Ему казалось, что соблазнъ исчезъ вмѣстѣ съ разсѣявшимся дымомъ, и что герцогиня, подобно бумагѣ, обратилась для него въ пепель.

Они мѣнялись чашками, пили одинъ послѣ другаго и весело разговаривали между собою. Ихъ болтовня напоминала чирканіе воробьевъ. Ребяческія выходки ихъ достойны были, чтобъ ихъ помѣстить и въ дѣтскую сказку, и въ пѣсню Гомера. Двумъ любящимъ сердцамъ нечего искать далеко поэзіи; разговоръ, прерывающійся подалуемъ, слаще всякой музыки.

— Знаешь, что я тебѣ скажу?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я видѣла во снѣ, что мы съ тобой звѣри и у насъ крылья.

Разговоръ продолжался.

— Еслибъ тебя не было, Гуинплэнь...

— Что же тогда?

— Это значило бы, что нѣтъ ничего.

— Какой горячій чай! смотри, Деа, не обожгись.

— Подуй мнѣ въ чашку.

— Какая ты сегодня красавица!

— Представь, Гуинплэнъ, у меня такъ много есть, что сказать тебѣ!

— Говори.

— Я тебя люблю!

— Я тебя обожаю.

— Вотъ честныя-то созданья! проворчалъ Ursus.

Послѣ небольшого молчанія Деа снова заговорила.

— Еслибъ ты зналъ, Гуинплэнъ, что дѣлается со мною, когда мы вмѣстѣ играемъ въ пьесѣ и когда я рукой касаюсь твоего лба... Ахъ, какая у тебя славная голова! Когда я касаюсь пальцами до твоихъ волосъ, я чувствую какую-то сладостную дрожь, какое-то небесное счастье наполняетъ мою душу и говорю сама себѣ: среди глубокаго мрака, овружающаго меня, среди этого одиночества, среди ужаснаго страха, охватывающаго меня повремениамъ, у меня есть точка опоры: это оцъ! это ты, Гуинплэнъ!

— О, ты меня любишь! отвѣчалъ Гуинплэнъ. — У меня тоже никого, кромѣ тебя, нѣтъ на землѣ. Ты для меня все. Деа, скажи, что ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ для тебя? Желаетъ ли ты чего-нибудь?

Деа отвѣчала:

— Право, не знаю. Я совершенно счастлива.

— О, да! мы счастливы!

Тутъ послышался угрюмый, сердитый голосъ Ursus'a:

— А! вы счастливы! Это преступленіе противъ общаго закона. Если вы счастливы, то постарайтесь, чтобы васъ никто не замѣтилъ. Занимайте какъ можно меньше мѣста. Счастье должно прятаться по самымъ темнымъ дырамъ! Если можете, то сдѣлайтесь еще ничтожнѣе, чѣмъ вы на самомъ дѣлѣ. Богъ соразмѣряетъ величину счастья сообразно съ ничтожностью счастливецъ. Счастливые люди должны скрываться, какъ преступники. А вы, глупцы, сияете! Ничтожные свѣтляки, смотрите, чтобы чья-нибудь нога не раздавила васъ! Впрочемъ, вы и стоите этого! Что за глупыя нѣжности! Вѣдь я не душка чтобы любоваться, какъ вы тутъ любезничаєте. Мнѣ, наконецъ, надоѣло это! Убирайтесь къ чорту!

Чувствуя, что его грубый голосъ подъ конецъ перешелъ уже

въ очень мягкія ноты, онъ, стараясь скрыть свое умиленіе, какъ-то прорычалъ послѣднее слово.

— Отецъ, проговорила Деа: — какимъ вы сердитымъ голосомъ говорите.

— Потому, что я не люблю видѣть счастливыхъ людей, отвѣчалъ Ursus.

При этихъ словахъ у ногъ нѣжныхъ любовниковъ, подобно эху, вторившему Ursus'у, раздалось сердитое ворчаніе волка.

Ursus наклонился къ Номо и положилъ руку на его голову.

— Такъ вѣдь? вотъ и ты тоже не въ духѣ. И ты ворчишь и поднимаешь щетину на своей волчьей башкѣ. Ты не любишь нѣжностей, потому что ты мудрецъ. Ну, хорошо, замолчи. Ты сказалъ свое слово, теперь довольно; замолчи.

Волкъ снова заворчалъ.

Ursus заглянулъ подъ столъ.

— Смирно, Номо! Не упрямясь же, философъ!

Но волкъ всталъ и, обернувшись къ двери, оскалилъ зубы.

— Чтò это съ нимъ дѣлается? сказалъ Ursus.

И онъ схватилъ волка за шиворотъ.

Деа, углубленная въ свои мысли, не обращала ни малѣйшаго вниманія на рычанье Номо. Въ ухахъ у ней раздавались звуки дорогаго голоса Гуинплэна. Она молчала въ какомъ-то экстазѣ, столь свойственномъ слѣпымъ — слѣпые нерѣдко какъ будто прислушиваются къ внутреннему сладкому голосу, который своей дивной музыкой замѣняетъ недоступный имъ свѣтъ. Слепота — это подземелье, куда проникаетъ глубокая гармонія.

Пока Ursus, наклонившись подъ столъ, усмиралъ волка, Гуинплэнъ взглянулъ на дверь.

Онъ только что поднесъ чашку ко рту, но, не успѣвъ хлебнуть, медленно поставилъ ее опять на столъ; онъ какъ бы замеръ и неподвижно глядѣлъ на дверь.

Позади Деи въ дверяхъ стоялъ человѣкъ.

Онъ былъ въ черной одеждѣ, на головѣ у него была полицейская шляпа, а въ рукахъ желѣзная палка, оканчивавшаяся съ обонхъ концовъ короной.

Палка была короткая и толстая.

Ursus, услыхавъ, что кто-то вошелъ въ двери, поднялъ голову, не выпуская изъ рукъ Номо: онъ сейчасъ же узналъ страшнаго гостя.

Ужась овладѣлъ имъ.

Онъ шепнулъ Гуинплэну:

— Это присяжный.

Гуинплэнъ припомнилъ свой разговоръ съ Ursus'омъ.

Крикъ удивленія былъ готовъ уже вырваться изъ его груди, но онъ удержался.

За этимъ человѣкомъ въ огромномъ парикѣ стоялъ растерявшійся трактирщикъ.

Человѣкъ, олицетворявшій собою «*muta Themis*» древнихъ хартій, молча опустилъ свою правую руку надъ сияющей счастьемъ Деей и коснулся желѣзной палкой плеча Гуинплэна, и въ то же время указательнымъ пальцемъ лѣвой руки указалъ на дверь, ведущую изъ Зеленой Коробки во дворъ. Этотъ повелительный, молчаливый жестъ означалъ: слѣдуй за мною!

«*Pro signo exeundi, sursum trahere*», гласятъ нормандскія хартїи.

Человѣкъ, котораго коснулась эта желѣзная палка, былъ обязанъ тотчасъ же, безъ всякихъ возраженій, исполнить этотъ нѣмой приказъ. Непослушному грозило жестокое наказаніе.

Гуинплэнъ вздрогнулъ подъ этимъ суровымъ прикосновеніемъ власти, потомъ окаменѣлъ.

Сильный ударъ въ голову не могъ бы такъ ошеломить его, какъ это легкое прикосновеніе къ плечу. Онъ понялъ, что ему велятъ слѣдовать за полицейскимъ. Но зачѣмъ—онъ не зналъ.

Ursus былъ ошеломленъ не менѣе Гуинплэна, но онъ сейчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Ему припомнились и фигляры, и попы, его конкуренты, и доносъ, сдѣланный на Зеленую Коробку и на преступника волка, и его собственный споръ съ тремя инквизиторами Бишопсгета; а кто знаетъ, нѣтъ ли тутъ послѣдствій дерзкихъ, возмутительныхъ словъ Гуинплэна на счетъ королевской власти? Это было бы ужасно! Ursus содрогнулся.

Ничего неподозрѣвавшая Деа, попрежнему, улыбалась.

Ни онъ, ни Гуинплэнъ не проронили ни слова. У обоихъ была одна мысль и забота: не тревожить Дею; кажется, и волкъ думалъ то же; онъ пересталъ ворчать. Правда, Ursus его не выпускалъ изъ рукъ.

Гуинплэнъ всталъ.

Спротивленіе было немисливо. Гуинплэнъ это звалъ: ему припомнились слова Ursus'a, и онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія.

Молча стоялъ онъ передъ присяжнымъ.

Присяжный снялъ съ его плеча жезлъ и, поставивъ его въ отвѣсное положеніе, держалъ прямо передъ собою. Всѣмъ было извѣстно, что это означало слѣдующее:

— Этотъ человѣкъ долженъ идти за мной и никто болѣе. Остальные обязаны оставаться по своимъ мѣстамъ.

Любопытствовать строго воспрещалось. Полиція всѣхъ странъ и время любить распоряжаться келейно.

Такой родъ взятія подѣ арестъ назывался «секвестромъ личности».

Присяжный, какъ механическая кукла, повернулся спиной и мѣрнымъ, торжественнымъ шагомъ направился къ выходу.

Гуинплэнъ взглянулъ на Ursus'a.

Разведя руки и сдвинувъ брови, Ursus безмолвно пожалъ плечами, какъ бы говоря: покоряйся!

Гуинплэнъ посмотрѣлъ на Дею. Она продолжала улыбаться.

Онъ приложилъ пальцы къ губамъ и послалъ ей неслышимый поцалуй.

Ursus, пришедшій немного въ себя отъ ужаса, воспользовался тѣмъ, что присяжный стоялъ къ нему спиной, и шепнулъ Гуинплэну:

— Ради Бога, не говори ничего, пока тебя не спросятъ!

Гуинплэнъ осторожно, точно въ комнатѣ находился больной, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ шляпу и плащъ, запахнулся плащомъ, и надвинулъ шляпу на самые глаза. Онъ еще разъ взглянулъ на Дею. Присяжный, дошедши до наружной двери, поднялъ палку и началъ спускаться по лѣстницѣ. Гуинплэнъ, словно привязанный къ нему невидимой цѣпью, пошелъ за нимъ слѣдомъ. Ursus провожалъ ихъ глазами; въ эту минуту волкъ испустилъ жалобный вой. Ursus, чтобъ успокоить его, тихо прошепталъ ему на ухо: «молчи, онъ сейчасъ вернется».

На дворѣ хозяинъ Нильсъ внушительнымъ жестомъ старался унять Фебю и Венеру, которыя, увидѣвъ, что несчастнаго Гуинплэна уводятъ куда-то, въ испугѣ восклицали и вздыхали.

Измученный Говикумъ тоже высунулъ свою голову изъ нижняго окна.

Присяжный шелъ впереди Гуинплэна, не оглядываясь, съ тѣмъ ледянымъ спокойствіемъ, которое ему было внушено сознаніемъ своей власти.

Въ гробовомъ молчаніи они миновали дворъ, прошли темную залу гостиницы и вышли на площадь. У дверей кабака собралась небольшая толпа любопытныхъ: полицейскій конвой ожидалъ Гуинплэна. При видѣ палки констабля, любопытные почтительно раздвинулись и отступили назадъ; присяжный пошелъ по направленію къ узенькимъ улицамъ, называвшимся въ то время Ляль-Страндъ, ведшимъ вдоль берега Темзы. Гуинплэнъ, окруженный полицейскими, которые шли по бокамъ по двое въ рядъ, блѣдный, въ глубокомъ молчаніи, и обернутый плащомъ, точно саваномъ, слѣдовалъ за этимъ угрюмымъ человѣкомъ словно статуя, слѣдящая за призракомъ.

III.

Lex, vix, fex.

Такое задержаніе личности безъ всякихъ объясненій, конечно, показалось бы въ настоящее время страннымъ для англичанъ, но тогда это было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ въ Великобританіи. Къ подобнымъ мѣрамъ болѣею частію прибѣгали въ дѣлахъ секретныхъ; такая расправа во Франціи производилась вслѣдствіе секретныхъ предписаній за королевской печатью. Вопреки *habeas corpus*, даже въ царствованіе Георга II подобнымъ манеромъ, говорятъ, былъ арестованъ Нейгофъ; Вальполь отвергаетъ этотъ фактъ и, кажется, довольно основательно, потому что Нейгофъ былъ посаженъ въ тюрьму кредиторами.

Тайные аресты были въ большомъ ходу въ Германіи и перешли въ Англію вмѣстѣ съ германскими обычаями, изъ которыхъ составлена половина англійскихъ законовъ; вторая же половина ихъ наполнена обычаями нормановъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ придерживались того же правила. Начальникъ полиціи при дворѣ Юстиніана назывался «императорскимъ молчальникомъ», «*silentarius imperialis*». Англійскіе судьи, прибѣгавшіе часто къ такимъ мѣрамъ, основывались на многочисленныхъ норманскихъ текстахъ: «*Canes latrant, sergentes silent. Sergenter agere, id est tacere*». Они цитировали изъ Лундульфуса-Мудраго 16-й параграфъ: «*Facit imperator silentium*». Цитировали хартію короля Филиппа отъ 1307 года: «*Multus tenebimus bastonerios qui, obmutescentes, sergentare valeant*». Цитировали уставъ Генриха I-го англійскаго, главу 53-ю: «*Surge signo jussus. Taciturnior esto. Hoc est esse in captione regis*». Главнымъ же образомъ они придерживались того предписанія, которое входитъ въ составъ старинныхъ вольностей Англій.

«Виконты имѣютъ военныхъ сержантовъ, которые обязаны производить справедливую и тайную расправу съ помощью шпаги надъ тѣми, кто водить знакомство съ дурной компаніей, надъ людьми преступными и зловредными, и обязаны наказывать ихъ строго и тайно, дабы хорошіе мирные люди были отъ нихъ избавлены». Быть арестованнымъ подобнымъ способомъ, значило быть захваченнымъ «шпагою верховной власти» (*Vetus Consuetudo Normanniae, M. S., I, part. Sect. 1, cap. 11*). Кромѣ того, законовѣды приводили изъ «*Charta Ludovici Hutini pro normannis*» главу *servientes spathoe. Servientes spathoe* постепенно превратилось въ настоящее *sergentes spadae*.

Безмолвный арестъ былъ совершенно противоположенъ обы-

новенному призыву въ судъ: онъ означалъ, что слѣдуетъ молчать, пока недоразумѣніе не будетъ объяснено:

Судъ, при подобномъ арестѣ, происходилъ тайно, при закрытыхъ дверяхъ.

По словамъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, Мортимеръ, по приказанію Эдуарда III, былъ, такимъ образомъ, схваченъ въ кровати Изабеллы французской. Кажется, это не совсѣмъ вѣрно, такъ-какъ Мортимеръ, прежде чѣмъ его взяли, выдержалъ осаду въ своемъ городѣ.

Уэрвикъ, производитель королей, охотно прибѣгалъ къ подобному способу «привлекать людей».

Кромвель тоже любилъ прибѣгать къ этому средству. Трели-Арло, родственникъ графа Ормонда, былъ арестованъ въ Килмауфѣ такимъ же секретнымъ образомъ.

Задержаніе личности простымъ жестомъ означало скорѣй приказъ явиться на судъ, чѣмъ приказъ объ арестованіи.

Случалось иногда, что съ лицъ, взятыхъ подъ стражу, нужно было только снять нѣсколько показаній, и это молчаніе служило знакомъ для всѣхъ, что для пользы арестованной личности нужно хранить глубокое молчаніе.

Для народа, мало посвященнаго въ подобныя тонкости, эти аресты казались чѣмъ-то ужаснымъ.

Не нужно забывать, что въ 1705 г. и даже гораздо позже, Англія была не то, что теперь. Беспорядки и гнѣтъ всего государственнаго строя иногда доходили до невѣроятнаго; Даниель де-Фоё, отвѣдавшій позорнаго столба, характеризуетъ общественный порядокъ Англіи слѣдующими словами: «железные лапы закона». Кромѣ закона, свирѣпствовало и полнѣйшее самоуправство. Вспомнимъ Стиля, который былъ изгнанъ изъ парламента; Локка, лишеннаго каведры; Гоббса и Гиббона, принужденныхъ бѣжать; Чарльза Чѣрчелля, Юма, Пристлея, изгнанныхъ; Джона Уилькса, заключеннаго въ тюрьму. Списокъ именъ несчастныхъ жертвъ устава *seditious libel* былъ бы слишкомъ длиненъ, еслибъ намъ вздумалось его выписывать. Инквизиція отразилась на всей Европѣ и ея судопроизводство повсюду бралось за образецъ. Въ то время самое чудовищное поправленіе человѣческихъ правъ было обыкновеннымъ дѣломъ въ Англіи. Даже въ восемнадцатомъ столѣтіи, Людовикъ XV арестовывалъ въ Пекадилли писателей, которые ему не нравились. По приказанію Георга II, во Франціи претендентъ былъ схваченъ въ оперной залѣ во время представленія. Король англійскій залупскалъ свои руки въ Парижъ, а французскій — въ Лондонъ. Вотъ какая свобода существовала въ тѣ времена.

IV.

Ursus шпионить за полицией.

Какъ мы сказали, нѣмое приказаніе слѣдовать за присяжнымъ, агентомъ относилось только къ одному лицу: всѣмъ другимъ, присутствовавшимъ при этомъ арестѣ, строго вмѣнялось въ обязанность не трогаться съ мѣста.

Однако, несмотря на это, нашлось нѣсколько любопытныхъ, которые осмѣлились слѣдить издали за шествиѣмъ, уводившимъ Гуинплэна.

Ursus былъ въ томъ числѣ. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ въ страшномъ испугѣ. Но Ursus, въ теченіе своей бродяжнической жизни, испыталъ много неожиданностей и потому, подобно военному кораблю, имѣлъ своего рода набатный сигналъ, который, въ случаѣ опасности, призывалъ къ своему посту всю команду, то-есть все присутствіе духа.

Онъ поспѣшилъ поскорѣй придти въ себя и принялся за размышленія. Волноваться было бы бесполезно; надо было стать прямо лицомъ къ опасности.

Это обязанность всякаго неглупаго человѣка.

Ursus тотчасъ предложилъ себѣ вопросъ: какъ слѣдуетъ поступить?

По уходѣ Гуинплэна, онъ очутился между двухъ огней: страхъ за Гуинплэна говорилъ ему, что нужно слѣдовать за нимъ, а страхъ за себя говорилъ, что нужно оставаться на мѣстѣ.

Ursus обладалъ неустрашимостью мухи и безстрастіемъ мимозы. Онъ былъ въ неописанномъ ужасѣ, однако, принялъ героическое рѣшеніе и, вопреки закону, послѣдовалъ за присяжнымъ агентомъ.

Испуганный заяцъ совершаетъ чудеса храбрости.

Серна, въ минуту опасности, перескакиваетъ черезъ пропасти. Страхъ нерѣдко доводитъ до безразсудной смѣлости.

Арестъ Гуинплэна скорѣй можно было назвать похищеніемъ. Полицейская расправа совершилась такъ быстро, что ярмарочное поле, малолюдное въ такой ранній часъ, нисколько не было взволновано этимъ; въ балаганахъ никто не подозрѣвалъ, что присяжный агентъ пришелъ за «Человѣкомъ, который смѣется», поэтому, народу было немного.

Прохожіе тоже не могли узнать Гуинплэна, благодаря его плану и шляпѣ, которые совершенно скрывали лицо.

Прежде, чѣмъ отправиться по слѣдамъ Гуинплэна, Ursus позаботился принять нѣкоторыя мѣры предосторожности: онъ

отозвалъ въ сторону трактирщика, Говивума, Фебею и Венеру, и строго-на-строго запретилъ имъ говорить Деѣ о случившемся. Если она кого-нибудь изъ нихъ спросить объ Ursus'ѣ или Гуинплэнѣ, то сказать ей, что они отлучились по хозяйственнымъ дѣламъ.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ:—она скоро ляжетъ отдыхать, а ко времени ея пробужденія, вѣроятно, мы уже будемъ дома, такъ-какъ вся эта исторія произошла вслѣдствіе недоразумѣнія. Стоитъ только объясниться съ судьей и полиціей, и они тотчасъ же увидятъ свою ошибку. Нѣтъ никакой надобности тревожить Дею изъ-за такихъ пустяковъ.

Сдѣлавъ это распоряженіе, Ursus двинулся въ путь. Онъ слѣдовалъ за Гуинплэномъ издали, но не теряя его изъ виду.

Несмотря на всю кажущуюся серьезность дѣла, Гуинплэна, можетъ быть, просто потребовали къ полицейскому судѣ для какихъ-нибудь ничтожныхъ объясненій.

Дѣло объяснится, смотря по тому, въ какую сторону повернетъ конвой, сопровождающій Гуинплэна, когда онъ минууетъ Тарринцо-фильдъ и достигнетъ улицы Литль-Странда.

Если повернуть налѣво, значитъ Гуинплэна ведутъ въ рагушу: слѣдовательно, нечего бояться; ему сдѣлаютъ выговоръ, присудятъ къ штрафу въ два или три шиллинга и отпустятъ назадъ. Вечеромъ, по обыкновенію, состоится представленіе *Побѣжденнаго хаоса* и никто ничего не узнаетъ.

Если же конвой повернетъ направо, то значитъ дѣло гораздо серьезнѣе.

Въ этой сторонѣ есть очень суровыя мѣста.

Присяжный агентъ, сопровождаемый строемъ полицейскихъ, между которыми шелъ Гуинплэнъ, дошелъ до начала улицъ; Ursus весь замеръ отъ мучительнаго ожиданія.

Направо или направо? мелькало въ его умѣ.

Присяжный агентъ повернулъ направо.

Ursus, чтобъ не упасть отъ ужаса, долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

Когда человѣкъ говоритъ себѣ: я хочу знать, что изъ этого будетъ, онъ обманываетъ самого себя; въ сущности онъ вовсе этого не хочетъ. Напротивъ, онъ со страхомъ и тоскою, желалъ бы обмануться въ дѣйствительности. Онъ охотно отступилъ бы назадъ, и упрекаетъ себя за то, что рѣшился идти впередъ.

Ursus теперь находился именно въ такомъ положеніи. Онъ съ трепетомъ думалъ:

— Ну, для чего я это сдѣлалъ? Развѣ безъ этого я не узналъ бы? Зачѣмъ я иду за нимъ?

И наперекоръ себѣ онъ удвоилъ шаги и, подавляя въ себѣ ужасъ, спѣшилъ догнать шествіе, чтобъ не потерять его изъ виду, среди извилистыхъ переулковъ Соутъюрка.

Для поддержанія торжественности, шествіе подвигалось медленно.

Ursus, на минуту запутавшійся между извилистыми переулками, снова нагналъ Гуинплѣна около церкви Богородицы: къ счастью, шествіе было приостановлено на церковной площадкѣ цѣлой батареей ребятишекъ и собакъ,—вещь очень обыкновенная въ лондонскихъ улицахъ: *собаки и ребята*, говорится въ старинныхъ полицейскихъ протоколахъ, которые ставятъ собакъ выше дѣтей.

Такъ-какъ подобныя шествія, сопровождавшія арестованнаго человѣка въ судъ, были не рѣдкость, то толпа любопытныхъ, мало-по-малу, разбрелась по своимъ дѣламъ. Одинъ Ursus не отставалъ.

Шествіе потянулось по узкимъ, извилистымъ улицамъ и, дѣлая многочисленныя зигзаги, выбирало по преимуществу самые пустынные, безлюдные и еще не обстроенные переулки.

Наконецъ, въ одномъ узкомъ переулкѣ оно остановилось. На самомъ краю этого переулка видѣлись двѣ полуразвалившіяся хижины, а по обѣимъ сторонамъ тянулась слѣва — низкая стѣна, а справа — высокая. Эта высокая, ночернѣвшая отъ времени стѣна, выложенная изъ кирпича, была снабжена зубцами и толстыми четырехугольными рѣшетками, укрѣпленными въ узкихъ отдушникахъ. Въ ней не было ни одного окошка: только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣлись небольшія щели, служившія встарину для стрѣльбы изъ пращи и изъ лука. Въ самомъ низу, словно дверца у мышеловки, виднѣлась маленькая калитка.

Эта калитка, вдѣланная въ толстый каменный сводъ, была снабжена рѣшетчатой форточкой, массивнымъ молоткомъ, огромнѣйшимъ замкомъ, толстыми петлями, множествомъ огромныхъ гвоздей. Въ ней было болѣе желѣза, чѣмъ дерева.

Кругомъ ни одной человѣческой души, ни одной лавки, ни одного прохожаго, а между тѣмъ, тутъ слышался непрерывный шумъ, какъ будто рядомъ съ этой улицей находился огромный водопадъ. Этотъ шумъ происходилъ отъ стука экипажей и звуковъ часовъ, раздававшихся по ту сторону этого темнаго зданія, гдѣ проходила большая улица, безъ сомнѣнія, главная улица Соутъюрка: одинъ конецъ ея упирался въ Кенторберійскую дорогу, а другой въ Лондонскій мостъ.

Кромѣ конвоя, сопровождавшаго Гуинплэна, по всей длинѣ улицы видѣлось только одно блѣдное лице Ugsus'a, который, спрячась за уголь стѣны, робко оттуда выглядывалъ.

Стража столпилась вокругъ калитки.

Гуинплэнъ стоялъ въ самомъ центрѣ; присяжный агентъ, съ желѣзной палкой, находился теперь уже позади его.

Начальникъ постучалъ три раза. Форточка отворилась.

Начальникъ сказалъ:

— По приказу ея величества.

Тяжелая дверь заскрипѣла и глазамъ, какъ зияющая бездна, представилось темное, холодное отверстіе съ отвратительнымъ сводомъ, продолжавшимся далеко внутрь.

Ugsus видѣлъ, какъ Гуинплэнъ вошелъ туда.

V.

Подозрительное мѣсто.

За Гуинплэномъ вошелъ присяжный агентъ.

Потомъ начальникъ конвоя.

И наконецъ вся стража.

Тяжелая дверь затворилась какъ бы сама собою. Не видно было, кто ее отворилъ и заперъ. Такой секретный старинный механизмъ существуетъ до сихъ-поръ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ. Ворота, не имѣвшія привратника, какъ бы напоминали, что тюремный порогъ имѣетъ много общаго съ замогильнымъ порогомъ.

Эта низкая дверь вела въ соутъюркскую тюрьму.

При первомъ взглядѣ на угрюмое и старинное зданіе можно было догадаться о его назначеніи.

Въ древности это былъ языческій храмъ Могоновъ, позже служившій дворцомъ Етелуффу, а потомъ крѣпостью святому Эдуарду; наконецъ, въ 1199 году, Иоаннъ Безземельный обратилъ это зданіе въ тюрьму. Эта тюрьма, первоначально пересѣкаемая улицю, какъ Шенонсо пересѣченъ рѣкой, впродолженіе одного или двухъ вѣковъ служила воротами. Вислѣдствіи проѣздъ былъ загороженъ стѣной. Въ Англіи еще существуютъ и теперь такого рода тюрьмы: Ньюгетъ въ Лондонѣ, Уэстгетъ въ Канторбери и Канонгетъ въ Эдинбургѣ. Бастилія первоначально тоже служила воротами.

Всѣ вообще англійскія тюрьмы имѣли одинаковую наружность; высокая стѣна—снаружи и множество темныхъ чулановъ внутри. Въ этихъ страшныхъ готическихъ темницахъ пауки и

правосудіе разставляли свои сѣти. Джонъ Говардъ, этотъ свѣтлый лучъ, еще въ то время не проникъ туда, такъ что всѣ эти зданія, подобно древней гееннѣ въ Брюсселѣ, могли быть названы *домомъ плача*.

Угрюмыя, беспощадныя зданія пробуждали то же чувство ужаса, которое овладѣвало старинными мореплавателями, когда они проѣзжали мимо тѣхъ страшныхъ, гремящихъ цѣпами острововъ, *ferricrepiditoe insuloe*, о которыхъ упоминаетъ Платонъ, и изъ которыхъ слышались жалобныя вопли несчастныхъ невольниковъ и звонъ цѣпей.

Соутъуорская тюрьма, старинное мѣсто терзаній и воплей, вначалѣ предназначена была для заключенія колдуновъ, о чемъ гласило двустипіе, начертанное на истершемся камнѣ сверху форточки:

Sunt arreptitii vexati dæmone multo *
Est energumenus quem dæmon possidet unus.

Эта тюрьма, теперь уже разрушенная, выходила на двѣ улицы. Въ ней было двое воротъ: парадныя ворота, служившія входомъ для властей, выходили на большую улицу; выходившія же на маленькій переулокъ «скорбныя ворота», предназначались для простыхъ смертныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и для погибшихъ жертвъ правосудія; трупы умершихъ въ тюрьмѣ узниковъ выносились отсюда же. Тоже своего рода освобожденіе.

Гуинплэнъ былъ введенъ въ тюрьму черезъ скорбный входъ.

Переулокъ представлялъ собою низенькую, сдвинутую между двухъ стѣнъ тропинку, вымощенную кремнемъ. Въ Брюсселѣ есть такой проходъ, называющійся: улицей для одного человѣка. Стѣны были неравныя: высокая — тюрьма, а низкая, вышиною въ человѣческой ростъ — кладбище, гдѣ узники заканчивали свое, уже начатое въ тюрьмѣ гніеніе. Входъ на кладбище находился какъ разъ напротивъ тюремной двери, такъ что мертвецу стоило сдѣлать лишь шаговъ двадцать, чтобъ очутиться на погостѣ. На высокой стѣнѣ видѣлась лѣстница на висѣлицу, а на низкой — мертвая голова. Нельзя сказать, чтобъ одна стѣна увеселяла другую.

VI.

Какого рода судопроизводство таилось подъ париками тогдашняго времени.

Еслибъ кто-нибудь въ эту минуту заглянулъ въ большую Соутъуорскую улицу, проходившую по ту сторону тюрьмы, то

* Въ одержимомъ демономъ волнуется весь адъ. Простой же чортъ дѣлаетъ человѣка только бѣсноватымъ.

увидѣлъ бы у парадныхъ воротъ карету; судя по сидѣнію, устроенному спереди, въ видѣ нынѣшняго кабриолета, карета была дорожная. Кругомъ стояла толпа любопытныхъ, которые были свидѣтелями, какъ особа, прїѣхавшая въ этомъ экипажѣ съ гербами, вошла въ тюрьму. Всѣ полагали, что это должно быть судья, такъ-какъ въ Англіи судьи были большею частью изъ дворянскаго сословія. Во Франціи дворяне почти никогда не занимали судейскихъ должностей; герцогъ Сен-Симонъ, упоминая о судьяхъ, говоритъ «люди этого сословія».

Въ Англіи судья обязанъ переѣзжать съ мѣста на другое; слѣдовательно, ничего не было удивительнаго, что карета эта была предназначена для судьи, который отправлялся дѣлать свой объѣздъ. Но публика была приведена въ недоумѣніе по поводу слѣдующихъ обстоятельствъ: во первыхъ, человекъ, котораго народъ принялъ за судью, вышелъ не изъ самой кареты, а съ передняго сидѣнія; во вторыхъ, въ тѣ времена путешествіе совершалось двойнымъ образомъ: или въ «почтовомъ дилижансѣ» съ платою по шиллингу за каждыя пять миль, или верхомъ на почтовой лошади съ платой по три'су за милю и по четыре почтальйону на каждой станціи. Затѣмъ, кто хотѣлъ путешествовать въ собственной каретѣ, тотъ долженъ былъ за каждую милю и за каждую лошадь платить по столько шиллинговъ, по сколько су платилъ путешествующій верхомъ; а карета, стоявшая у воротъ тюрьмы, была запряжена четверней и имѣла двухъ почтальйоновъ, что для тогдашняго времени было необычайною роскошью. Къ довершенію всего, любопытство и недоумѣніе публики было возбуждено еще тѣмъ, что экипажъ былъ тщательно закрытъ со всѣхъ сторонъ, куда только могъ проникнуть нескромный взглядъ. Впрочемъ, повидимому, она была пустая.

Соутъюркъ находится въ графствѣ Сюррей; слѣдовательно, соутъюркская тюрьма состояла подъ вѣдомствомъ шерифа Сюррейскаго графства. Въ то время въ Англіи наблюдались рѣзкія разграниченія между юрисдикціями. Такъ, на примѣръ, Лондонская Башня не причислялась ни къ одному изъ графствъ, то-есть, по закону; она въ нѣкоторомъ родѣ находилась на воздухѣ и поэтому не признавала надъ собою никакихъ юридическихъ властей, кромѣ своего констабля, называвшагося *custos turris*. Она имѣла свою церковь, свое особенное управление и свой судъ. Власть *custos'a* или констабля распространялась за предѣлами Лондона на двадцать *hamlets*, то-есть деревушекъ.

Шерифъ провинціи былъ лицо весьма-могущественное. Въ древнихъ хартіяхъ онъ назывался *spectabilis*—среднее названіе между *illustris* и *clarissimus*, пониже перваго и поважнѣе втораго.

Нѣкогда шерифы были избираемы самимъ народомъ, но Эдуардъ II, и потомъ Генрихъ VI присвоили это право коронѣ. Валійскій и честерскій шерифы пользовались особенными преимуществами въ своихъ правахъ. Эти должности существуютъ въ Англіи и до сихъ поръ, но ихъ прежній характеръ вовсе измѣнился вслѣдствіе развитія идей и правовъ. Шерифъ графства былъ обязанъ защищать «путешествующихъ судей» и давать имъ провожатыхъ. Онъ имѣлъ двухъ помощниковъ: его правой рукой былъ су-шерифъ, а лѣвой — главный слѣдователь. Этотъ послѣдній призывалъ къ слѣдствію воровъ и убійцъ, бунтовщиковъ, бродягъ, допрашивалъ ихъ и, подъ отвѣтственностію шерифа, до приговора окружныхъ судей, заключалъ ихъ въ тюрьму. Подъ вѣдѣніемъ шерифа состоялъ, вопервыхъ, центральный судъ, County-court, и, во вторыхъ, подвижной, переѣзжающій съ мѣста на мѣсто — Sheriff-turn; такимъ образомъ, онъ въ лицѣ своемъ олицетворялъ единство и вездѣшніе. По прибытіи въ какой-нибудь городъ своей провинціи, шерифъ могъ, ради скорости, судить заключенныхъ суммарно, то-есть не стѣсняясь всѣми требуемыми закономъ формальностями, и спроваживать ихъ или на свободу или на висѣлицу; это называлось «очищать тюрьму» (*goal delivery*). Онъ предлагалъ двадцати-четыремъ присяжнымъ билль о преданіи суду; если присяжные были согласны съ биллемъ, то подписывали *villa vera*; если же нѣтъ, то писали *ignoramus*, тогда судъ надъ преступникомъ отмѣнялся и шерифъ разрывалъ билль. Если во время совѣщаній о принятіи или отмѣнѣ билля одинъ изъ присяжныхъ умиралъ, то преступникъ объявлялся невиннымъ, судъ отмѣнялся, и шерифъ имѣлъ право предоставить ему свободу. Уваженіе и страхъ, питаемые всѣми къ шерифу, главнымъ образомъ внушены были тѣмъ, что должность его состояла въ исполненіи *всѣхъ приказовъ ея величества*. Офицеры, называвшіеся вердеорами, и коронеры были въ распоряженіи шерифа; всѣ клерки должны были содѣйствовать ему; у него была прекрасная конная свита и ливрейные лакеи. Шерифъ.—говоритъ Чемберленъ — есть «жизнь правосудія, закона и графства».

Законы и обычаи Англіи, хотя и незамѣтно, но непрерывно рунуты и стираются. Конечно, въ настоящее время ни шерифъ, ни присяжный, ни главный начальникъ не имѣютъ той власти, которой пользовались въ тѣ времена. Неопредѣленность въ правахъ и запутанность въ служебныхъ обязанностяхъ были причиной того, что въ старину въ Англіи всякій присваивалъ себѣ власть, ему непринадлежащую,

что въ наше время становится уже невозможнымъ. Полиція и правосудіе уже раздѣлены.

VII.

ТРЕПЕТЪ.

Когда Гуинплэнъ услышалъ скрипъ калитки, захлопнувшейся за нимъ, трепеть овладѣлъ всѣмъ его существомъ. Ему показалось, что эта дверь служила раздѣленіемъ между свѣтомъ и тьмою; что она съ одной стороны выходила въ міръ живыхъ, а съ другой — въ міръ мертвецовъ, что теперь солнце, освѣщавшее все живое, скрылось навсегда для него, и онъ переступилъ за порогъ жизни и вступилъ во мракъ. Сердце его сжалось отъ мучительной мысли: что станетъ съ нимъ теперь; куда его поведутъ?

Гдѣ онъ?

Кругомъ его былъ глубокой мракъ; затворившаяся за нимъ дверь на минуту ослѣпила его. Ни одного фонаря, ни одной отдушины. Это была предосторожность, которая предпринималась обыкновенно въ прѣжнія времена, чтобъ вновь прибывшій не могъ видѣть внутренность тюрьмы.

Гуинплэнъ протянулъ руку и ощупалъ по обѣ стороны стѣны: онъ находился въ узкомъ проходѣ. Потомъ, мало по малу, тотъ слабый свѣтъ, который, неизвѣстно откуда, проникаетъ въ самыя темныя мѣста, немного разсѣялъ глубокой мракъ этого мѣста и напряженнымъ глазамъ стало видно неясное очертаніе корридора, уходящаго вглубь.

Ужасы карательныхъ мѣръ извѣстны были Гуинплэну только изъ преувеличенныхъ разсказовъ Ursus'a. Ему казалось, что какая-то огромная рука схватила его. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ чувствовать себя во власти неизвѣстнаго. Человѣкъ можетъ смѣло встрѣтить всякую опасность, но передъ лицомъ правосудія онъ невольно теряетъ бодрость. Отчего? Оттого, что людское правосудіе представляетъ не что иное, какъ сумерки, среди которыхъ судья движется ощупью. Гуинплэнъ помнилъ завѣтъ Ursus'a хранить глубокое молчаніе; ему хотѣлось увидѣть Дюю. Вопросы съ его стороны могли повести къ худшему; но съ другой стороны неизвѣстность была для него невыносима; онъ не могъ преодолѣть себя и спросилъ:

— Господа, куда вы меня ведете?

Ему не отвѣчали.

Законъ, предписывавшій безмолвный арестъ, наблюдался со

всю строгостью; норманскій текстъ гласилъ: *A silentiariis ostio propositis introducti sunt.*

Это безмолвіе оледенило Гуинплэна, которій до сихъ поръ сознавалъ себя сильнымъ. По его мнѣнію, уединенная жизнь, которую онъ велъ, должна была служить ему охраной отъ всѣхъ опасностей. Но теперь совершенно неожиданно онъ очутился подъ чудовищнымъ гнетомъ коллективной силы. Возможна ли была для него борьба съ закономъ, съ этимъ неизвѣстнымъ противникомъ? Онъ не имѣлъ оборонительнаго оружія противъ необъяснимаго страха, которій совершенно овладѣлъ имъ. Въ добавокъ вся эта ночь была проведена безъ сна, въ какомъ-то бреду; лихорадка еще не покинула его. Онъ даже не успѣлъ подкрѣпить свои силы и выпить чашку чая. Жажда, а можетъ быть и голодъ мучили его. Съ самаго вчерашняго вечера одна неожиданность слѣдовала за другой. Волненія поддерживали его: безъ бури парусъ былъ бы транкой. Но Гуинплэнъ начиналъ уже чувствовать въ себѣ то полнѣйшее безсиліе лоскутка, готоваго разорваться въ клочки подъ послѣднимъ напоромъ урагана. Онъ изнемогалъ. Неужели онъ безъ чувствъ упадетъ на землю? Вѣдь обморокъ прибѣжище женщины и униженіе мужчины. Онъ превозмогалъ себя, но дрожалъ.

Онъ чувствовалъ, что теряется.

VIII.

Стенаніе.

Шестіе по узкому ходу двинулось впередъ. Въ тогдашнія времена въ тюрьмахъ дѣла не производились на бумагахъ; тюремная дверь хлопывалась за арестованнымъ, не справляясь, правый ли, виновный ли переступилъ за ея порогъ. Тюрьма исполняла свое назначеніе: содержала въ себѣ заключенныхъ— вотъ и все.

Такъ-какъ ходъ былъ очень узокъ, то конвойные должны были идти по одиночкѣ. Впереди шелъ присяжный агентъ, за нимъ Гуинплэнъ, потомъ главный слѣдователь и, наконецъ, стража замыкала шестіе. Корридоръ все суживался, такъ-что Гуинплэнъ уже локтями касался стѣны; каменный сводъ, покрытый известью, былъ мѣстами такъ низокъ, что, проходя, нужно было наклонять голову; идти скоро было нельзя; проходъ былъ не прямой, а зигзагами. Внутренность тюрьмы, какъ и внутренность человѣка, полна извилинъ. Слѣва и справа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, встрѣчались вѣшны, закрытыя толстыми

рѣшетками, позади которыхъ виднѣлись лѣстницы, ведшія, то вверхъ, то внизъ. На пути встрѣтилось нѣсколько дверей, которыя растворялись со скрипомъ, пропускали шествіе и вновь захлопывались сами собой. Не видно было ни одного живаго существа. Съ запотѣлыхъ стѣнъ падали капли воды. Плиты, которыми былъ вымощенъ корридоръ, были покрыты слизью. Мракъ сталъ сгущаться, воздухъ былъ спертый. Но всего ужаснѣе было то, что ходъ все шелъ книзу.

Спускъ былъ отлогій и нужно было обратить особое вниманіе, чтобы замѣтить это. Но въ потьмахъ и самая незначительная покатость производитъ на человѣка чувство страха. Что можетъ быть опаснѣе тѣхъ вещей, къ которымъ доходишь спускаясь все ниже и ниже.

Спускъ — это входъ въ страшное неизвѣстное.

Гуинплэнъ не могъ бы отвѣтить, долго ли онъ шелъ такимъ образомъ. Минуты, проведенныя въ ужасѣ и тоскѣ, кажутся томительно длинными.

Шествіе, наконецъ, остановилось.

Было совершенно темно.

Корридоръ сталъ нѣсколько шире.

Гуинплэнъ слышалъ около себя какой-то странный звукъ, о которомъ могъ бы дать приблизительное понятіе только китайскій гонгъ.

Присяжный агентъ ударилъ своей палкой по какой-то желѣзной пластинкѣ.

Эта пластинка была дверь, но дверь, непоходившая на обыкновенныя двери: она не отворялась, но опускалась и поднималась въ родѣ опускающей рѣшетки.

Раздался скрипъ, и внезапно передъ глазами Гуинплэна предстала четырехугольная полоса свѣта.

Свѣтъ былъ весьма слабый, но на расширенный зрачокъ онъ производилъ ослѣпляющее дѣйствіе молніи.

Нѣсколько времени Гуинплэнъ ничего не могъ различить.

Постепенно, однакожъ, зрачокъ его приоровился къ этому свѣту, точно такъ же, какъ онъ приоровился, нѣсколько времени тому назадъ, къ темнотѣ. Свѣтъ, который вначалѣ показался ему слишкомъ яркимъ, былъ довольно тусклымъ. Гуинплэнъ взглянулъ въ отверстіе, и то, что онъ увидѣлъ въ немъ, поразило его ужасомъ.

Низъ подвала былъ немощный, и поломъ ему служила холодная и сырая земля.

На самой срединѣ виднѣлись четыре низкія и уродливыя колонны, которыя служили опорой портику грубой стрѣльчатой

архитектуры. Этотъ портикъ образовалъ собою родъ центральной комнаты, — если только возможно назвать комнатой отдѣленіе, открытое со всѣхъ сторонъ и имѣвшее вмѣсто стѣнъ четыре столба.

На потолокъ портика висѣлъ круглый рѣшетчатый фонарь изъ мѣди. Его блѣдноватый свѣтъ падалъ на столбы, на своды и на стѣны, неясно виднѣвшіеся позади столбовъ.

Это былъ тотъ самый свѣтъ, который ослѣпилъ Гуинплэна.

Въ подвалѣ не было ни одного окошка, ни одной отдушны, ни одной двери.

Между столбами, подъ самымъ фонаремъ, гдѣ было болѣе всего свѣту, на полу виднѣлся какой-то ужасный бѣлый силуэтъ.

Онъ лежалъ на спинѣ. Виднѣлась голова съ закрытыми глазами; туловище скрывалось подъ какой-то безобразной грудой, а руки и ноги, распростертыя въ видѣ креста, прикованы были къ столбамъ цѣпами, которыя прикрѣплялись внизу колоннъ желѣзными кольцами. Эта страшная форма, неподвижно лежавшая въ ужасной позѣ четвертованія, имѣла синеватый цвѣтъ мертвеца.

Гуинплэнъ, оцѣпенѣлый отъ ужаса, смотрѣлъ.

Послышался страшный хрипъ. Этотъ трупъ былъ живой.

Около, стояло огромное кресло, а по обѣимъ сторонамъ его по одному человѣку въ длинныхъ, черныхъ одеждахъ. Въ креслахъ сидѣлъ блѣдный, неподвижный, угрюмый старикъ въ красной одеждѣ, съ букетомъ розъ въ рукѣ.

Еслибъ Гуинплэнъ былъ болѣе опытенъ, то по этому букету изъ розъ онъ тотчасъ же узналъ бы сидѣвшую личность. Королевскій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, муниципальный судья, на судѣ постоянно имѣлъ въ рукахъ пучокъ цвѣтовъ. Лондонскій лордъ-меръ до сихъ поръ обязанъ наблюдать этотъ обычай. Обязанность первыхъ весеннихъ цвѣтовъ состояла въ томъ, чтобы помогать судьямъ рѣшать дѣла.

Старикъ этотъ былъ шерифъ графства Сюррей.

Онъ имѣлъ строго-величественный видъ римскаго сенатора.

Кромѣ кресла, другаго сѣдалища не было въ подвалѣ.

Рядомъ стоялъ столъ, покрытый бумагами и книгами; тутъ же лежала длинная, бѣлая палочка шерифа.

Человѣкъ, стоявшій съ одной стороны кресла, былъ докторъ медицины, стоявшій съ другой — докторъ правъ.

Позади шерифа, согнувшись, сидѣлъ секретарь съ перомъ въ рукѣ, въ положеніи человѣка, готовящагося писать. На плитѣ стояла чернильница, а на колѣняхъ у секретаря лежала картонная пап-

ка, на которой былъ положенъ развернутый листъ пергамента.

Прислонившись спиною къ одному изъ столбовъ и скрестивъ руки на груди, стоялъ еще одинъ человекъ въ кожаномъ платьѣ: то былъ палачъ.

Всѣ эти лица, кажется, были довольны своимъ положеніемъ въ виду закованнаго человека. Ни одинъ не двигался и не говорилъ.

Это былъ карательный подвалъ. Англія изобиловала подобными подвалами. Въ Лондонѣ можно видѣть еще теперь такой подвалъ, называющійся «склепомъ Лэди Плесь»; въ немъ устроенъ каминъ для наваливанія щипцовъ.

Всѣ тюрьмы времени короля Джона, къ числу которыхъ относилась и Соутъуорская, имѣли свои карательные подвалы.

Все, что мы увидимъ дальше, очень часто происходило въ Англіи и, собственно говоря, возможно еще и теперь въ дѣлахъ уголовныхъ, ибо законы остались тѣ же. Англія, съ своими варварскими законами, которые дружелюбно уживаются съ свободой, представляетъ намъ весьма любопытное зрѣлище. Она прекрасно ведетъ свои семейныя дѣла.

Однако, нельзя вполнѣ довѣряться ей. Въ случаѣ кризиса, карательная система можетъ легко ожить. Англійское законодательство не что иное, какъ прирученный тигръ; подъ его бархатной лапой таятся очень острые когти.

Не мѣшало бы обрѣзать ногти закону.

Уваженіе къ закону—вотъ девизъ англичанъ. Они до такой степени почитаютъ законы, что никогда не отиѣняютъ ихъ, и довольствуются тѣмъ, что перестаютъ ихъ исполнять. Старый законъ, подобно старой женщинѣ, кончаетъ свою роль; ихъ не убиваютъ, а только оставляютъ въ покоѣ, такъ-что они могутъ, коли хотятъ, воображать себя еще молодыми и красивыми; никто ихъ не станетъ разувѣрять въ противномъ. Такая учтивость и называется уваженіемъ.

Несмотря на то, что норманскіе обычаи покрыты множествомъ морщинъ, всякій англійскій судья не перестаетъ имъ дѣлать глазки; всякая ветошь, будь она только норманская, внушаетъ пламенную любовь. Что можетъ быть гнуснѣе висѣлицы! Въ 1867 году, однакожь, одинъ человекъ* былъ приговоренъ къ четвергованію.

Впрочемъ, говорить исторія, пытки никогда не существовали въ Англіи. Самоувѣренность по истинѣ изумительная!

* Фейи Вергъ, май 1867.

Матеей Уэстминстерскій свидѣтельствуеъ, что «милостивое и благочестивое законодательство» не наказывало смертною казнью преступника, и потомъ прибавляетъ: «ограничивались только тѣмъ, что отрѣзывали ему носъ, выкалывали глаза и вырывали половныя части». Только!

Гуинплэнъ, внѣ себя отъ ужаса, смотрѣлъ на это страшное зрѣлище. Онъ старался припомнить, какого рода преступленіе онъ могъ совершить. Темная загадка закона, висѣвшая надъ нимъ, становилась все мрачнѣе и ужаснѣе.

Послышался опять крикъ.

Гуинплэнъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своему плечу.

То былъ присяжный агентъ.

Гуинплэнъ понялъ, что ему приказываютъ спускаться по лѣстницѣ.

Онъ повиновался.

Медленно сталъ онъ переступать со ступени на ступень; ступени были очень узкія и имѣли около восьми или девяти вершковъ въ высоту. Перилъ не было, такъ что нужно было спускаться очень осторожно.

Спускаясь внизъ, Гуинплэнъ чувствовалъ, какъ угасала въ немъ послѣдняя надежда на спасеніе.

Онъ сошелъ съ лѣстницы.

Человѣкъ, прикованный къ четыремъ столбамъ, продолжалъ кричать.

Кто-то сказалъ:

— Приблизьтесь!

Это шерифъ обращался къ Гуинплэну.

Гуинплэнъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Ближе, сказалъ шерифъ.

Гуинплэнъ сдѣлалъ еще шагъ.

— Еще ближе, сказалъ шерифъ.

Помощникъ проговорилъ:

— Вы предъ лицомъ шерифа графства Сюррей.

Гуинплэнъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ осужденный. Присяжный агентъ и слѣдователь оставались на своихъ мѣстахъ.

Когда Гуинплэнъ увидалъ вблизи лежащаго человѣка, онъ пришелъ въ ужасъ.

Этотъ человѣкъ былъ связанъ и брошенъ на полъ почти совершенно голый.

Ему можно было дать отъ пятидесяти до шестидесяти лѣтъ; онъ былъ лысъ. Ворода его была покрыта бѣлою щетиной.

Онъ закрывалъ глаза и открывалъ ротъ. Зубы у него были оскалены. Его худое, костлявое лицо было похоже на мертвую голову. Цѣпи прикрѣпляли его за руки и за ноги къ четыремъ каменнымъ столбамъ, такъ что онъ изображалъ собою букву Х. На груди и на животѣ у него лежалъ желѣзный листъ, на которомъ были навалены въ кучу пять или шесть большихъ каменьевъ. Его хрипѣніе походило то на стонъ, то на ревъ.

Шерифъ, не выпуская своего букета изъ розъ, другою рукою взялъ со стола жезлъ и поднялъ его, говоря:

— Повиновеніе волѣ ея величества!

Затѣмъ онъ снова положилъ жезлъ на столъ.

Затѣмъ, съ медленностію погребальнаго колокола, мертвенно-безстрастнымъ голосомъ шерифъ возгласилъ:

— Осужденный, закованный въ цѣпяхъ, внемлите въ послѣдній разъ гласу правосудія! Не внимая сдѣланнымъ и повтореннымъ вамъ вопросамъ, вы пребывали, одержимые духомъ преступнаго своеволія, въ молчаніи и отказались отвѣчать. Это дѣлаетъ васъ виновнымъ въ упорствѣ.

Судейскій приставъ, стоявшій по правую сторону шерифа, произнесъ съ погребальнымъ равнодушіемъ:

— *Overhernessa*. Законъ Альфреда и Годруна. Глава шестая.

Шерифъ снова началъ:

— Законъ почитается всѣми, исключая мошенниковъ, которые прячутся по лѣсамъ, гдѣ плодятся дикія серны.

Какъ колоколь за колоколомъ, приставъ произнесъ:

— *Qui faciunt vastum in foresta ubi damae solent fouinare*.

— Кто отказывается отвѣчать лицу, облеченному правительственной властью, тотъ заподозрѣвается во всѣхъ порокахъ. Онъ считается способнымъ на всякое злодѣяніе.

Приставъ проговорилъ:

— *Prodigus, devorator, profusus, salax, ruffianus, ebriosus, luxuriosus, simulator consumptor patrimonii, elluo, ambro et gluto*.

— Кто ни въ чемъ не сознается, признаетъ все. Тотъ, кто хранить молчаніе передъ судьей — лжецъ и отцеубійца.

— *Mendax et parricida*, проговорилъ приставъ.

Шерифъ продолжалъ:

— Молчаніе не дозволяется. Упорное безмолвіе передъ лицомъ правосудія — это преступленіе. Оскорбленіе правосудія то же, что оскорбленіе величества. Кто увертывается отъ допро-

са, тотъ вредитъ истинѣ. За подобное преступленіе въ Англіи полагается яма, вилы и дѣпи.

— *Anglica charta*, годъ 1088, проговорилъ приставъ.—*Ferum et fossam et furcas, cum aliis libertatibus.*

Шерифъ продолжалъ:

— Вы находитесь въ полномъ разсудкѣ и памяти, но вы упорствовали и потому преданы были пыткѣ. Вы были приведены въ этотъ подвалъ, раздѣты, положены на землю, навзничъ, ваши руки и ноги были растянуты и прикованы къ каменнымъ столбамъ, желѣзная доска была положена вамъ на животъ и на доску было навалено столько камней, сколько вы могли выдержать. «И болѣе», говорить законъ.

— *Plusque*, подтвердилъ приставъ.

Шерифъ продолжалъ:

— Въ такомъ положеніи, прежде чѣмъ продолжать пытку, вамъ было сдѣлано мною, шерифомъ графства Сюррей, увѣщаніе отвѣчать и говорить, но вы упорно сохранили молчаніе.

— *Attachiamenta legalia*, произнесъ приставъ.

Шерифъ продолжалъ:

— Непреклонность закона должна соотвѣтствовать упорству подсудимаго, и потому пытка снова началась. Въ первый день вамъ не дали ни пить, ни ѣсть.

— *Hoc est superjejunare*, сказалъ приставъ.

Съ минуту длилось молчаніе. Слышно было дыханіе несчастнаго, котораго давили наваленные на него камни: это дыханіе походило на какой-то свистящій стонъ.

Приставъ продолжалъ:

— *Adde augmentum abstinentiae ciborum diminutione. Consuetudo britannica*, параграфъ пятьсотъ четвертый.

Шерифъ снова заговорилъ:

— Въ первый день вамъ не дали ни пить, ни ѣсть. На второй дали ѣсть, но не дали пить. На третій день вамъ дали пить, но не дали ѣсть. Наступилъ четвертый день — это сегодня. Теперь, если вы не будете отвѣчать, вы будете здѣсь отданы голодной смерти. Такъ повелѣваетъ правосудіе.

Приставъ прибавилъ:

— *Mors rei homagium est bonae legi.*

Шерифъ продолжалъ:

— Вы будете медленно умирать и никто не явится къ вамъ на помощь даже въ томъ случаѣ, если кровь польется у васъ горломъ и выступитъ на всемъ тѣлѣ.

— *A throtebolla*, сказалъ приставъ: — *et pabu et subhircis et a grugno usque ad crupponum.*

Человѣкъ, который смѣется. Ч. III.

Шерифъ продолжалъ:

— Человѣкъ, обратите вниманіе на мои слова. Если вы сдѣлаете признаніе, васъ только повѣсятъ, и вы будете имѣть право на извѣстную сумму денегъ.

— *Damniam confitens*, сказалъ приставъ: — *hab: at meldefeoh*.
Leges Inae, глава двадцатая.

— Эта сумма, продолжалъ шерифъ: — будетъ вамъ выдана, и вы будете имѣть право пользоваться *scortum ante morte*; затѣмъ васъ повѣсятъ. Вотъ выгоды признанія. Будете вы отвѣчать?

Шерифъ умолялъ и ждалъ. Подсудимый оставался неподвиженъ.

Шерифъ снова заговорилъ:

— Подсудимый! молчаніе—это такое убѣжище, которое представляетъ болѣе опасности, чѣмъ спасенія. Кто, вопрошаемый правосудіемъ, хранитъ молчаніе, тотъ виновенъ въ государственной измѣнѣ. Не упорствуйте. Не противьтесь волѣ нашей милостивой королевы. Когда я васъ спрашиваю, отвѣчайте ей. Будьте честнымъ вѣрнопопданнымъ.

Пытаемый испустилъ хрипѣніе.

Шерифъ снова заговорилъ:

— Семьдесятъ-два часа пытки прошло; наступилъ четвертый день. Подсудимый, это день рѣшительный. На четвертый день законъ назначаетъ очную ставку.

— *Quarta die frontem ad frontem adduce*, проговорилъ приставъ.

Наступило мнѣтное молчаніе; затѣмъ шерифъ наклонилъ свое строгое лицо къ пытаемому.

— Подсудимый, лежащій на полу...

Онъ помолчалъ.

— Подсудимый! крикнулъ онъ: — вы слышите меня?

Человѣкъ не тронулся.

— Именемъ закона, сказалъ шерифъ:—откройте глаза.

Глаза человѣка оставались закрытыми.

Шерифъ обратился къ врачу, стоявшему около него съ лѣвой стороны.

— Докторъ, освидѣтельствуйте.

— *Probe, da diagnosticum*, сказалъ приставъ.

Врачъ приблизился къ пытаемому, наклонился, приложилъ ухо къ его рту, пощупалъ пульсъ и снова выпрямился.

— Чтò? спросилъ шерифъ.

— Онъ еще слышитъ, сказалъ врачъ.

— Видитъ онъ? спросилъ шерифъ.

Врачъ отвѣчалъ:

— Онъ можетъ видѣть.

По знаку шерифа слѣдователь и присяжный агентъ приблизились. Присяжный сталъ въ головахъ пытаемаго; слѣдователь остановился позади Гуинплэна.

Врачъ отступилъ на нѣсколько шаговъ.

Тогда шерифъ, поднимая свой букетъ изъ розъ, воззвалъ:

— О, злополучный, говори! Законъ, прежде чѣмъ тебя уничтожить, умоляетъ тебя! Ты хочешь казаться нѣмымъ — вспомни о могилѣ, которая нѣма! Ты хочешь казаться глухимъ, вспомни о проклятіи и осужденіи, которыя глухи! Подумай о смерти. Размысли: ты будешь оставленъ въ этой темницѣ. Внемли, мой ближній, ибо я человѣкъ! Внемли, мой братъ, — ибо я христіанинъ! Внемли, мой сынъ, — ибо я старикъ! Бойся меня: ты въ моихъ рукахъ, ты и твои страданія, и я сейчасъ же могу сдѣлаться ужаснымъ. Подумай, что я самъ трепещу передъ собою. Мое могущество меня самого поражаетъ. Не выводи меня изъ терпѣнія, не принуждай къ крайнимъ мѣрамъ. Я чувствую, что исполняюсь святою злобою карателя. Проникнись, о несчастный, спасительнымъ и честнымъ страхомъ и повинуйся мнѣ! Часъ очной ставки пришелъ и ты долженъ отвѣчать. Полутрупъ, внемли! если ты не желаешь здѣсь умирать понемногу, терзаемый голодомъ и жаждою, подъ тяжестью этихъ камней, въ этомъ подземельѣ, оставленный, забытый, отданный на съѣденіе крысамъ, кусаемый, терзаемый, безпомощный, въ то время, какъ надъ твоею головою будутъ кататься экипажи по улицѣ и другіе будутъ пользоваться жизнью; если ты не желаешь хрипѣть здѣсь безъ помощи, скрежетать зубами, стенать, богохульствовать и рыдать, напрасно призывая врача тѣлеснаго, напрасно взывая къ врачу духовному, о! если ты не желаешь заживо лечь въ гробъ, о! я заклинаю тебя, внемли мнѣ! Я говорю тебѣ: имѣй состраданіе къ самому себѣ, повинуйся, уступи правосудію, поверни голову, отерой глаза и скажи, знаешь ли ты этого человѣка? .

Пытаемый не повернулъ головы и не открылъ глазъ.

Шерифъ бросилъ взглядъ сначала на присяжнаго агента, потомъ на слѣдователя.

Послѣдній снялъ съ Гуинплэна шляпу и плащъ, взялъ его за плечи и поставилъ около пытаемаго, обернувъ лицомъ къ свѣту. Освѣщенное лицо Гуинплэна рѣзко и отчетливо обрисовалось въ темнотѣ.

Присяжный агентъ наклонился, схватилъ обѣими руками голо-

ву пытаемаго, обернулъ ее къ Гуинплэну и поднялъ вѣки. Обезумѣвшіе глаза пытаемаго открылись.

Онъ увидалъ Гуинплэна.

Онъ самъ поднялъ голову и, широко раскрывъ глаза, сталъ глядѣть на него.

Отъ затрепеталъ, на сколько можетъ затрепетать тотъ, у кого гора камней на груди, и вскрикнулъ:

— Это онъ! Это онъ!

И засмѣялся страшнымъ смѣхомъ.

— Это онъ! повторилъ пытаемый.

Затѣмъ голова его снова упала на землю и глаза закрылись.

— Актуариусъ, запишите, сказалъ шерифъ.

До сихъ поръ Гуинплэнъ сохранялъ наружное спокойствіе, но крикъ пытаемаго: *это онъ!* заставилъ его затрепетать, а отъ словъ шерифа: *актуариусъ, запишите!* его обдало холодомъ. Ему представилось, что это признаніе злодѣя увлекало его въ бездну. Онъ вообразилъ себя прикованнымъ къ позорному столбу вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ. Гуинплэнъ смѣшался. Онъ, съ глубокимъ смятеніемъ невиннаго, трепещущій, обезумѣвшій отъ ужаса, началъ бормотать несвязныя рѣчи:

— Это неправда! Это не я! Я не знаю этого человѣка! Онъ не можетъ меня знать, потому что я его не знаю! У меня сегодня представленіе, меня ждуть... Чего отъ меня хотятъ? Дайте мнѣ свободу! Это вовсе не то! Зачѣмъ меня привели въ этотъ подвалъ? Стало бытъ нѣтъ уже закона! Господинъ судья, я повторяю вамъ, это не я! Я невиненъ! Это несправедливо! Между мной и этимъ человѣкомъ ничего не было! Велите разслѣдовать! Въ моей жизни нѣтъ тайнъ, моя жизнь всѣмъ извѣстна! Пришли, схватили меня, какъ вора! Зачѣмъ такъ поступили со мной? Почему я знаю, что это за человѣкъ? Я фокусникъ, бродячій паяцъ, я играю по ярмаркамъ и по базарамъ! Я «Человѣкъ, который смѣется!» Меня всѣ видѣли. Мы остановились на Таринцо-фильдѣ. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ какъ я честно живу своимъ ремесломъ. Мнѣ двадцать-пять лѣтъ. Я живу въ Тодкастерской гостиницѣ. Меня зовутъ Гуинплэнъ. Сдѣлайте милость, прикажите меня выпустить, господинъ судья! Не надо употреблять во зло могущество, не надо угнетать несчастныхъ! Сжальтесь надъ человѣкомъ, который ничего не сдѣлалъ, который беззащитенъ и безпомощенъ! Передъ вами бѣдный паяцъ...

— Передо мной лордъ Ферменъ-Кленчарли, баронъ Клен-

чарли и Генквервилль, маркизь Корлеоне сицилійскій, перъ Англии, сказалъ торжественно шерифъ.

И, вставая, шерифъ указалъ Гуинплэну на свое кресло и почтительно присовокупилъ:

— Милордъ, не угодно ли вашей милости сѣсть?

КНИГА ПЯТАЯ.

И судьба и море дѣйствуютъ заодно.

I.

Прочность хрупкихъ вещей.

Гуинплэнь не понялъ.

Онъ оглянулся назадъ, чтобы посмотрѣть, къ кому обращался шерифъ.

Присяжный агентъ и слѣдователь приблизились къ Гуинплэну, взяли его руки и посадили въ кресло шерифа.

Онъ не сопротивлялся и не старался себѣ объяснять, что и почему вокругъ него происходитъ.

Тогда шерифъ положилъ свой букетъ розъ на полъ, надѣлъ очки, которые ему поднесъ актуаріусъ, вынулъ изъ-подъ связки бумагъ, заваливавшихъ столъ, листъ испятнаннаго пергамента, пожелтѣвшій, мѣстами источенный и прорванный и, ставъ ближе къ фонарю, началъ читать торжественнымъ голосомъ:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

«Въ день двадцать-девятого января, тысяча шестьсотъ девятстаго года.

«Былъ покинутъ, на пустынномъ берегу Портленда, съ цѣлію погубить его голодомъ и холодомъ, десятилѣтній ребенокъ.

«Этотъ ребенокъ былъ проданъ двухъ лѣтъ отроду по повелѣнію всемилостивѣйшаго короля Іакова втораго.

«Этотъ ребенокъ — лордъ Ферменъ Кленчарли, законный и единственный сынъ покойнаго лорда Линнея Кленчарли барона Кленчарли и Генквервилль, маркиза Корлеоне, пера Англии, и Анны Бредшау, его покойной супруги.

«Этотъ ребенокъ наслѣдникъ всѣхъ имѣній и титуловъ своего отца. Поэтому онъ былъ проданъ и изуродованъ по повелѣнію его величества.

«Этотъ ребенокъ былъ приготовленъ въ уличные паяцы.

«Онъ былъ проданъ послѣ смерти отца, когда ему минуло два года.

«Лордъ Ферменъ Кленчарли, двухъ лѣтъ отроду, былъ купленъ мною, нижеподписавшимся, и изуродованъ фламандцемъ по имени Гардкваннонъ, который одинъ владѣеть секретами науки доктора Конквеста.

«Ребенокъ былъ нами назначенъ представлять смѣющуюся маску *masca ridens*».

«Въ виду этого Гардкваннонъ совершилъ надъ нимъ операцию *Bucca fissâ usque ad aures*, которая налагаетъ на лицо вѣчный смѣхъ.

«Ребенокъ, усыпленный посредствомъ извѣстнаго Гардкваннону лекарства, не чувствовалъ операции и не знаетъ о ней.

«Онъ не знаетъ, что онъ лордъ Кленчарли.

«Онъ отвѣчаетъ на имя *Гуинплэна*.

«Одинъ Гардкваннонъ обладаетъ искусствомъ дѣлать операцию *Bucca fissâ*, и этотъ ребенокъ единственное живущее существо, которому эта операциа была сдѣлана.

«По прошествіи долгихъ лѣтъ, когда ребенокъ превратится въ старика и волосы у него побѣлѣютъ, Гардкваннонъ и тогда узнаетъ того, надъ кѣмъ совершилась операциа.

«Въ настоящее время Гардкваннонъ, которому извѣстны всѣ подробности этого дѣла и который въ этомъ дѣлѣ главное лицо, содержится въ тюрьмѣ его высочества принца Оранскаго, именуемаго королемъ Вильгельмомъ III. Гардкваннонъ былъ схваченъ, какъ принадлежащій къ шайкѣ дѣтопокупателей. Онъ заключенъ въ четемской темницѣ.

«Ребенокъ былъ, согласно повелѣнію короля, проданъ и выданъ намъ въ Швейцаріи около Женевского озера, между городами Лозанной и Вева, въ домѣ, гдѣ скончались его отецъ и мать, служителемъ покойнаго лорда Линнея, который вскорѣ затѣмъ умеръ; такимъ образомъ это дѣло никому изъ теперь живущихъ неизвѣстно, кромѣ Гардкваннона, который въ четемской темницѣ, и насъ, которые находимся на краю могилы.

«Мы нижеподписавшіеся, бѣжавъ изъ Англіи, дабы не подвергнуться участи Гардкваннона, руководимые опасеніемъ и страхомъ по причинѣ новыхъ парламентскихъ карательныхъ постановленій, покинули, при наступленіи ночи, на берегу Портленда вышепомянутаго ребенка Гуинплэна, лорда Кленчарли.

«Мы повѣлялись королю хранить тайну, но Господу Богу мы не давали этой клятвы.

«Въ настоящую ночь, на морѣ, носимые страшною бурей, въ совершенномъ отчаяніи спасенія, преклонивъ колѣна предъ тѣмъ, въ чьей десницѣ находится спасеніе нашихъ душъ, не ожидая уже ничего отъ людей и трепеща предъ карою небесной, хватаясь за раскаяніе, какъ за якорь спасенія, покорившись неизбежной необходимости умереть, уповая только на божественное милосердіе, смиренные и раскаянные, ударяя себя въ грудь,— дѣлаемъ это признаніе и ввѣряемъ его бурному морю, дабы оно несло его по повелѣнію всемогущаго Господа. Да помилуетъ насъ пресвятая Богородица. Аминь. И подписуемся».

Шерифъ прервалъ чтеніе и сказалъ:

— Вотъ подписи. Всѣ почерки разные.

И онъ снова принялся за чтеніе.

«Докторъ Гернардусъ Гестемунде, — Асунціонъ. — Крестъ, а сбоку: Барбара Фермой, съ острова Тирифа. — Гаиздорра. — Джіанджирате. — Жакъ Катурзъ, именуемый нарбонцемъ. — Люкъ Піерръ Капгаруль, съ магонскихъ галеръ».

Шерифъ снова пріостановилъ чтеніе и сказалъ:

— Прямѣчаніе, написанное тою же рукою, которая писала показаніе.

И онъ прочелъ:

«Изъ трехъ людей экипажа, такъ-какъ хозяинъ былъ увлеченъ нахлынувшей волной, остается двое и они подписались:

Гальдеазинъ. — Аве-Маріа, воръ.

Шерифъ снова замѣтилъ:

— Внизу листа написано:

«Въ морѣ, на борту *Матутинъ*, изъ Пазажскаго залпа».

— Этотъ пергаментъ, продолжалъ шерифъ: — носитъ знакъ Іакова втораго; на поляхъ показанія, той же рукою еще примѣчаніе:

«Это показаніе написано нами на оборотѣ королевскаго указа, даннаго намъ въ удостовѣреніе покупки ребенка. Надо перевернуть листъ».

Шерифъ повернулъ пергаментъ и поднялъ его противъ свѣта. На чистой страницѣ, если слово «чистая» можно примѣнить къ такой изветшалою вещи, посрединѣ обозначились три слова: два слова полатини, *jussu regis* и подпись: *Джеферисъ*.

— *Jussu regis. Джеферисъ*, сказалъ шерифъ, возвышая голосъ.

Гуинплэнъ былъ ошеломленъ.

Онъ вдругъ заговорилъ, какъ въ бреду:

— Гернардусъ, да... докторъ! Старый и мрачный человѣкъ. Я его боялся. Гаиздорра, начальникъ. Были тоже женщины.

Была Анувионъ и еще другія. Потомъ еще былъ провансалець Гапгарупъ. Онъ пилъ изъ плоской фляги, на которой было имя, выплетенное краснымъ...

— Вотъ эта фляга, сказалъ шерифъ.

И онъ положилъ на столъ.

Это была фляга, оплетенная ивнякомъ. Видно было, что она долго плавала: раковинки и разныя морскія травы въѣлись въ нее. Около горлышка былъ черныя ободокъ смолы, показывающій, что она была герметически закупорена.

— Въ этой бутылкѣ, сказалъ шерифъ:—было закупорено показаніе, которое только что прочитано. Посланіе, адресованное правосудію, было ему доставлено моремъ.

И переходя въ тонъ, еще болѣе торжественный, шерифъ продолжалъ:

— Подобно Гароуской горѣ, доставляющей зерно, изъ котораго производится лучшая мука, потребляемая на хлѣбъ къ столу ея величества, море оказываетъ Англій всѣ услуги, какія можетъ, и если потеряется лордъ, оно его находитъ и приноситъ.

Затѣмъ онъ снова сказалъ:

— На этой флягѣ точно стоитъ имя, выплетенное краснымъ.

И, возвышая голосъ, онъ обратился къ несчастному, лежавшему подъ грудой каменьевъ:

— И это имя,—ваше, злодѣй! Истина, поглощенная бездною человѣческихъ дѣяній, выплываетъ изъ пропасти на поверхность—таковы пути провидѣнія!

Шерифъ взялъ флягу и поднесъ ее къ свѣту. Можно было разглядѣть тонкую красную нить, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теперь почернѣвшую, которая, несмотря на порчу, четко обозначала имя *Гардкваннонъ*.

Шерифъ снова заговорилъ тѣмъ особымъ голосомъ, который можно назвать судейскимъ:

— Гардкваннонъ! когда эта фляга была вамъ представлена въ первый разъ, вы ее тотчасъ же признали за свою; затѣмъ, когда вамъ было прочтено заключавшееся въ ней показаніе, вы, въ надеждѣ, что ребенокъ погибъ, не хотѣли ни въ чемъ признаться и упорно хранили молчаніе. Вслѣдствіе вашего отказа отвѣчать вы были подвергнуты пыткамъ, причемъ вамъ вторично было прочтано поманутое показаніе и исповѣдь вашихъ соучастниковъ. Сегодня, въ день четвертый, назначенный для очной ставки, поставленные лицомъ къ лицу съ тѣмъ, кто былъ повинуть на берегу Портленда двадцать-девятого января тысячу шестьсотъ девяностаго года, вы наконецъ потеряли сатанинскую надежду избѣгнуть заслуженной кары и узнали вашу жертву...

Пытаемый открылъ глаза, приподнял голову и заговорилъ. Голосъ его отличался той звучностью, какая бываетъ при послѣдней агоніи, и въ то же время спокойствіемъ. Заваленный грудой камней, онъ медленно и трудно произносилъ каждое слово, какъ бы поднимая покрывающую гробовую крышку.

— Я поклялся хранить тайну и хранилъ ее, пока могъ. Люди моего сорта—вѣрные люди, потому что и въ аду существуетъ своего рода честность. Теперь молчаніе бесполезно, и я говорю. Да, это онъ. Онъ обязанъ всѣмъ двоимъ—королю и мнѣ: король далъ повелѣніе, а я исполнилъ его.

И, глядя на Гуинилзена, онъ прибавилъ:

— Теперь смѣйся вѣки вѣчные!

И самъ началъ смѣяться.

Этотъ второй смѣхъ, еще болѣе страшный и дикій, чѣмъ первый, можно было принять за рыданье.

Смѣхъ превратился и несчастный снова лежалъ неподвижно. Глаза его опять закрылись.

Шерифъ, давъ время высказаться подсудимому, сказалъ:

— Все это будетъ внесено въ протоколъ.

Онъ подождать, пока актуариусъ записалъ, затѣмъ сказалъ:

— Гардваннонъ, послѣ очной ставки и третьекратнаго чтенія показанія вашихъ соучастниковъ, вы подтвердили истину этого ихъ показанія, вслѣдствіе чего вы будете освобождены отъ пытки, дабы, согласно закону и волѣ ея величества, быть повѣшеннымъ, какъ воръ и похититель.

— Похититель, повторилъ приставъ: — то-есть покупатель и продавецъ дѣтей. Законъ визиготскій, книга седьмая, титулъ третій, параграфъ *Usurpaverit*, и законъ салическій, титулъ сорокъ-первый, параграфъ второй. Александръ Неквамъ говоритъ:

Qui ruzros vendis, plagiarius est tibi nomen.

Шерифъ положилъ пергаментъ на столъ, снялъ очки, снова взялъ букетъ изъ розъ въ руки и сказалъ:

— Конецъ пытки. Гардваннонъ, возблагодарите ея величество.

Приставъ сдѣлалъ знакъ человѣку, одѣтому въ кожаное платье.

Это былъ помощникъ палача, «грумъ висѣлицы», какъ называютъ его въ старинныхъ хартіяхъ. Онъ подошелъ, снялъ съ подсудимаго камень, снялъ желѣзную доску, при чемъ открылись продавленные бока несчастнаго, и отвязалъ руки и ноги отъ столбовъ.

Несчастный, освобожденный отъ камней и цѣпей, лежалъ съ

закрытыми глазами, съ раскинутыми руками и ногами, словно снятый съ креста.

— Гардкваннонъ, сказалъ шерифъ: — встаньте.

Злополучный не шевелился.

Помощникъ палача взялъ его за руку, потомъ пустилъ руку — рука безжизненно упала. Онъ взялъ другую руку, и другая упала точно также. Онъ взялъ ногу, потомъ другую — обѣ безжизненны.

Подошелъ врачъ, вынулъ изъ кармана маленькое стальное зеркальце и приставилъ его къ отверстию рту Гардкваннона, потомъ пальцемъ приподнялъ ему вѣки. Вѣки не опустились. Безжизненные зрачки оставались открытыми.

Врачъ выпрямился и сказалъ:

— Онъ мертвъ.

И онъ присовокушилъ:

— Онъ смѣялся: это его убило.

— Въ этомъ мало важности, сказалъ шерифъ. — Главное признаніе сдѣлано. А затѣмъ живъ онъ или умеръ — это только одна формальность.

Затѣмъ, указывая своимъ букетомъ изъ розъ на Гардкваннона, шерифъ отдалъ приказъ:

— Вынести трупъ сегодня ночью.

Шерифъ, не выпуская букета изъ лѣвой руки, правую взялъ свой жезлъ, сталъ противъ Гуинплэна, отвѣсилъ ему глубочайшій поклонъ, торжественно закинулъ голову назадъ и, глядя Гуинплэну прямо въ лицо, сказалъ:

— Мы, Филиппъ Дендиль Персонсъ, шерифъ графства Сюррей, въ присутствіи Абри Доминика, нашего клерка и актуариуса, и нашихъ прочихъ чиновниковъ, объявляемъ вамъ, по разсмотрѣніи законнымъ порядкомъ обстоятельствъ процесса, что вы дѣйствительно Ферменъ Кленчарли, баронъ Кленчарли и Генкервилль, маркизь Корлеоне, перъ Англіи. Да хранить Господь вашу милость!

И онъ поклонился.

Всѣ присутствующіе, исключая палача, отдали Гуинплэну поклонъ до земли.

— А! вскрикнулъ Гуинплэнь: — разбудите меня!

И онъ, блѣдный какъ полотно, поднялся съ своего мѣста.

— Я васъ разбужу, сказалъ голосъ, котораго онъ еще не слыжалъ.

Изъ-за каменнаго столба вышелъ человѣкъ. Такъ-какъ никто не входилъ въ подвалъ послѣ прихода сюда полиціи, то

очевидно было, что это лицо пришло сюда прежде всѣхъ и что на немъ лежала особая должность. Этотъ человѣкъ былъ тученъ и приземистъ, въ придворномъ парикѣ, въ дорожномъ плащѣ, скорѣе молодъ, чѣмъ старъ; съ перваго взгляда въ немъ была замѣтна придворная выправка.

Онъ поклонился Гуинплэну съ утонченностью джентльмена, безъ судейской неуклюжей чопорности.

— Да, сказалъ онъ: — я васъ разбужу. Впродолженіе двадцати-пяти лѣтъ вы спали. Вы видѣли сонъ — пора теперь проснуться. Вы считали себя за Гуинплэна, а въ дѣйствительности вы лордъ Кленчарли. Вы думали, что принадлежите къ престонародью, а на дѣлѣ вы високаго происхожденія. Вы думали, что вы паяцъ, а вы сенаторъ. Вы думали, что вы бѣдны, а вы богачъ. Вы думали, что вы ничтожны, а вы велики. Проснитесь, милордъ!

Гуинплэнъ проговорилъ тихо, съ нѣкоторымъ ужасомъ:

— Что все это значитъ?

— Это значитъ, милордъ, отвѣтилъ тучный человѣкъ: — что меня зовутъ Баркильфедро, что я чиновникъ адмиралтейства, что фляга Гардваннона была найдена на берегу моря, принесена мнѣ, мной раскупорена и освидѣтельствована въ присутствіи двухъ другихъ чиновниковъ, Уильяма Блсуэса и Томаса Жервуада, которые оба подписали рапортъ, составленный мною для ея величества, что по повелѣнію королевы всѣ легальныя формальности въ точности были исполнены. Все это взятое вмѣстѣ означаетъ, что вы лордъ соединеннаго королевства Великої Британіи, законодатель и судья, равный принцамъ, подобный королю, что у васъ на головѣ корона пера и что вы женитесь на герцогинѣ, дочери короля.

Гуинплэнъ лишился чувствъ.

II.

То, что влуждаетъ, не затеривается.

Вся эта кутерьма произошла потому, что солдатъ нашель бутылку на морскомъ берегу.

Разскажемъ дѣло по порядку.

Къ каждому факту привязывается много побочныхъ фактовъ.

Однажды лодочникъ изъ гарнизона Кальшорскаго замка, поднявъ въ песокъ при отливѣ брошенную волною флягу, оплетенную внякомъ. Эта фляга, совершенно зацвѣтшая, была

крѣпко закупорена и осмолена. Солдаты отнесъ находку полковнику, а полковникъ представилъ ее адмиралу Англїи. Адмиралъ, это значитъ адмиралтейство, а адмиралтейство по части морскихъ находокъ — это Барвильфедро. Барвильфедро отгупорилъ флягу и представилъ ее королевѣ. Королева немедленно созвала совѣтъ. Два значительныя лица были призваны и приглашены высказать свое мнѣніе: лордъ-канцлеръ, и лордъ-маршалъ. Томасъ Гоуардъ, герцогъ Норфолькскій, перъ-католикъ, имѣющій наслѣдственное право на маршалство Англїи, передалъ черезъ своего депутата, графа маршала Генри Гоуарда, графа Биндона, что онъ будетъ согласенъ съ мнѣніемъ лорда-канцлера. Что же касается до лорда-канцлера, то онъ былъ Уильямъ Коуперъ. Не надо смѣшивать этого канцлера съ его современникомъ Уильямомъ Коуперомъ, анатомомъ, толкователемъ Бидлоо, который издалъ въ Англїи *Разсужденіе о мускулахъ*, въ то же время какъ Этьенъ Абелль издалъ во Франціи *Исторію костей*. Лордъ Уильямъ Коуперъ, канцлеръ, прославился сентенціей, сказанной имъ по поводу дѣла Тальбота Чэльвертона, виконта Лонгвилля: «въ видахъ государственнаго устройства Англїи, возстановленіе пера важнѣе возстановленія короля». Фляга, найденная на Кальшорскомъ берегу, въ высшей степени его заинтересовала. Авторъ сентенцій и правилъ любитъ прилагать ихъ въ дѣлу. Представлялся случай возстановить пера. Сдѣланы были розыски. Гуиншлена не трудно было отыскать по его вывѣскѣ. Гардваннона тоже нашли скоро. Онъ не умеръ. Тюрьма гноитъ человѣка, но она его сохраняетъ. Людей, засаженныхъ въ тюрьмы, рѣдко являлись безпокоить. Гардваннонъ все еще сидѣлъ въ Четемской темницѣ. Его перевезли изъ Четема въ Лондонъ. Въ то же время забрали справки въ Швейцарїи. Въ Веве и Лозаннѣ, нашли въ мѣстныхъ записяхъ акты: свидѣтельство о бракосочетанїи лорда Линесса, свидѣтельство о рожденїи сына и свидѣтельство о смерти родителей. Все это дѣло велось въ строгой тайнѣ, съ *королевской скоростью*, какъ тогда говорили, и съ тѣмъ «безмолвіемъ врата», которое совѣтуетъ и котораго держится Баконъ, и которому позднѣе Блекстонъ придалъ силу закона въ дѣлахъ государственныхъ и въ вещахъ особой важности.

Jussi regis и подпись *Джеферисъ* были провѣрены. Тому, кто изучалъ патологически королевскіе капризы, тому это *jussi regis* ничуть не покажется страннымъ. Къ чему Іаковъ II, который, казалось, долженъ бы прятать подобныя акты, оставилъ этотъ, рискуя повредить успѣху предпрїятія? Цинизмъ. А! вы

полагаете, безстыдны только публичныя женщины? Случается, бываютъ безстыдны и прочіе. *Et se cupit ante videri*. Совершить преступленіе и выставить его на своемъ гербѣ — въ этомъ вся исторія. Хочется вывернуться изъ рукъ исторіи, какъ изъ рукъ жандарма, и въ то же время мутить честолюбивое желаніе быть извѣстнымъ и признаннымъ. Поглядите на мою руку — замѣчаете ли этотъ рисунокъ? — это храмъ любви и пламеннѣющее сердце, пронзенное стрѣлою: это я, Ласнеръ! *Jussi regis*. Это я, Іаковъ II. Христина схватила Мональдески, велѣла его исповѣдать и лишить жизни, и сказала: *Я въ юстахъ у короля Франціи королеза Швеціи*. Иной тиранъ таится, какъ Тиберій, другой выставляетъ себя на показъ, какъ Филиппъ II. Одинъ похожъ на скорпіона, другой на леопарда. Іаковъ II принадлежалъ къ послѣднему разряду. У него было, какъ извѣстно, открытое и веселое лицо, совершенно непохожее на лицо Филиппа II. Филиппъ II былъ характера мрачнаго, Іаковъ II былъ нрава веселаго. Іаковъ II былъ тиранъ простодушный и беззаботный. Онъ нисколько не тяготился своими злодѣяніями. Ему незачѣмъ было притворяться и прятаться: его убійства были заранѣе оправданы. Онъ охотно оставилъ бы перечень всѣхъ своихъ преступленій и согласился бы чтобъ эти преступленія были раздѣлены на рубрики, обозначены числами, занумерованы, сложены въ порядкѣ, каждое на своемъ мѣстѣ, какъ яды въ аптекѣ: онъ имѣлъ на то право.

Королева Анна, совершенно непохожая на женщинъ въ томъ отношеніи, что умѣла когда надо молчать, потребовала отъ лорда-канцлера конфиденціального рапорта по этому дѣлу. Подобнаго рода рапорты всегда существовали. Это старинная должность, существовавшая уже во времена Карловинговъ: *auricularius*, какъ говорится въ хартіяхъ.

Уильямъ, баронъ Коуперъ, канцлеръ Англіи, которому королева вѣрила потому, что онъ отличался такою же, и даже большею близорукостью, составилъ записку, начинавшуюся слѣдующими словами: «Двѣ птицы были у Соломона: угодъ, который говорилъ на всѣхъ языкахъ, и орелъ, который покрывалъ своими крыльями караванъ въ двадцать тысячъ человѣкъ. Подобнымъ же образомъ, только въ другой формѣ, провидѣніе... и проч. Лордъ-канцлеръ признавалъ и подтверждалъ фактъ похищенія наслѣдника перства и его изуродованія. Онъ вовсе не ропталъ на Іакова II. Онъ даже представлялъ извиняющія причины. Впервыхъ, есть старинныя правила: *E senioratu eripimus. In roturagio cadut*. Вовторыхъ, королевское право на из-

уродованіе существуетъ несомнѣнно. Чемберленъ это подтверждаетъ. * *Corpora et bona nostrorum subjectorum nostra sunt*, сказала Яковъ I. Онъ выкололъ глаза принцамъ королевской крови для блага государства. Нѣкоторые принцы, слишкомъ близкіе къ трону, были удушены между двумя матрацами, каковое удушеніе приписали апоплексіи. Король Тунисскій вырвалъ глаза своему отцу, Мулей-Ассему, что вовсе не помѣшало императору принимать его посланниковъ. Но одна легальность не исключаетъ другой: «Если наслѣдникъ найденъ, да возвратится ему корона. Такъ, должно поступить и въ отношеніи Гуинцлэна. Низкое ремесло, которымъ онъ занимался, по неисповѣдимой волѣ промысла, нисколько не затмѣваетъ блеска его герба; примѣромъ можетъ служить Абдолонимъ, который былъ королемъ и садовникомъ, а также Юсифъ, который былъ святымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плотникомъ, а также Аполлонъ, который былъ богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пастухомъ». Короче сказать, ученый канцлеръ находилъ законнымъ возвратить всѣ имѣнія и титулы Фермену, лорду Кленчарли, неправильно называемому Гуинцлэномъ, «съ условіемъ, чтобы сдѣлали очную ставку съ злодѣемъ Гардванномъ и чтобы Гардванномъ его призналъ».

Лордъ - канцлеръ, въ постскриптумѣ упоминалъ, что если Гардванномъ откажется отвѣчать, то слѣдуетъ его подвергнуть пыткѣ, и что очная ставка должна имѣть мѣсто на четвертый день; здѣсь, конечно, есть то неудобство, что пытаемый можетъ умереть на второй или на третій день, и тогда очная ставка невозможна, но — что до того? — законъ долженъ быть выполненъ во всей чистотѣ, точности и строгости. Неудобства закона составляютъ существенную его часть.

Анна, которой уже было донесено о чудовищномъ безобразіи Гуинцлэна, не желала лишать сестру преимуществъ и богатствъ, соединенныхъ съ выходомъ замужъ за лорда Кленчарли, и съ удовольствіемъ рѣшила, что Жозіана перевѣнчается съ новымъ лордомъ, съ Гуинцлэномъ.

Возстановленіе лорда Фермена Кленчарли не было, впрочемъ, особымъ дивомъ; онъ былъ прямой и законный наслѣдникъ.

Въ случаѣ сомнительнаго происхожденія наслѣдника, или въ случаѣ запутанныхъ правъ на перство, собирается палата лордовъ и рѣшаетъ дѣло. Такъ, въ 1782 году она была со-

---

* Жизнь и члены поданныхъ зависятъ отъ короля. Чемберленъ, часть 2-ая, глава IV, стр. 79.

брана по дѣлу о баронствѣ Сидней, котораго требовала Елизавета Перри; въ 1798 году — по дѣлу о баронствѣ Бомонъ, котораго требовалъ Томасъ Степльтонъ; въ 1803 году, — по дѣлу о баронствѣ Чендосъ, котораго требовалъ Теймуэль Бриджесъ; въ 1813 году — по дѣлу о перствѣ Банбери, котораго требовалъ генераль-лейтенантъ Ноллисъ, и т. д. Но тутъ ничего подобнаго не было; здѣсь очевидная законность, неоспоримыя права; палатѣ не изъ за чего было собираться; королева, пригласивъ лорда-ганцлера высказать свое мнѣніе, могла признать новаго лорда и возстановить, не безпокоя почтенныхъ лордовъ.

Баркильфедро велъ все дѣло.

Благодаря ему, дѣло велось такъ секретно, что ни Жозіана, ни лордъ Девидъ не подозрѣвали даже, какая яма роется подъ ихъ ногами. Надменная Жозіана не обращала вниманія на окружающее, жила особнякомъ, а лорда Девида услали на море, къ берегамъ Фландріи. Случилось, что въ десяти миляхъ отъ того мѣста, гдѣ лордъ Девидъ находился съ эскадрою, нѣкто капитанъ Галибѣртонъ имѣлъ удачное дѣло съ французскимъ флотомъ. Графъ Пемброкъ, президентъ совѣта, представилъ Галибѣртонъ къ чину контръ-адмирала. Анна вычеркнула имя Галибѣртонъ и вмѣсто него поставила имя лорда Девида Дерри Моаръ, чтобы лордъ Девидъ, потерявъ перство, могъ утѣшиться хотя контръ-адмиральствомъ.

Анна была довольна. Она угодила сестрѣ чудовищемъ мужемъ, а лорду Девиду прекраснымъ мѣстомъ.

Ея величество устраивала комедію для своего развлеченія. Ея величество говорила, что желаетъ искупить ошибку своего августѣйшаго отца, что она дѣйствуетъ, какъ великая королева, покровительствуя невинность, что провидѣніе въ своихъ святыхъ и несповѣдимыхъ путяхъ и т. д. Очень отрадно сдѣлать такое «доброе» дѣло, которое отравитъ жизнь тому, кого мы терпѣть не можемъ.

Знать, что мужъ сестры поражаетъ уродливостью, было уже радостью для королевы. Какого рода была эта уродливость? Баркильфедро не смелъ нужнымъ доносить объ этомъ королевы, а она не позаботилась спросить. Что нужды, какая уродливость? Палата лордовъ во всякомъ случаѣ должна быть признательна. Возстановить пера, это все равно, что возстановить перство. Въ этомъ случаѣ королева являлась почтительною и доброю блюстительницею привилегій перства. Каково бы ни было лицо новаго лорда, оно не можетъ служить предлогомъ къ отнятію права.

Королева находилась тогда въ Уиндзорѣ, что помогало ей хранить дѣло въ секретѣ.

Только тѣ особы, безъ которыхъ нельзя было обойтись, были посвящены въ тайну разыгрывавшейся драмы.

Баркильфедро ликовалъ, что придадо его фізіономіи особенно зловѣщее выраженіе.

Если что можетъ проявиться въ чудовищномъ видѣ, такъ это радость.

Онъ имѣлъ несказанное наслажденіе первый откупорить флагу Гардваннона. Онъ, казалось, не очень удивлялся; удивленіе — это признакъ мелкихъ умовъ и характеровъ. Развѣ судьба не должна была ему послать чего нибудь, ему, который такъ долго выжидалъ у двери случая? Ужъ если онъ выжидалъ, онъ долженъ былъ чего нибудь дожидаться.

Это *nil mirari* было, впрочемъ, только наружное. Въ глубинѣ онъ былъ пораженъ изумленіемъ. Это былъ тотъ самый моментъ, когда Баркильфедро почти пришелъ къ убѣжденію въ своемъ ничтожествѣ и немощи, почти сказалъ уже себѣ, что лишень возможности даже повредить Жозіанѣ. Онъ былъ уже готовъ отъ всего отступить... и вдругъ, неожиданно является флага Гардваннона и попадаетъ въ его руки. Баркильфедро, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, равнодушныхъ присяжныхъ адмиралтейства, откупориваетъ флагу, находитъ пергаментъ, развертываетъ его, читаетъ...

Можно себѣ представить, какая звѣрская радость его охватываетъ!

Впродолженіе пятнадцати лѣтъ море, вѣтеръ, приливы и отливы, грозы и тишь, все работало для того, чтобы доставить удовлетвореніе Баркильфедро!

Баркильфедро почувствовалъ сатанинскую гордость. Все это судьба подносила ему въ даръ. Онъ замечталъ о себѣ очень высоко.

Онъ ошибался. Настоящій смыслъ этого факта былъ тотъ, что океанъ замѣнилъ ребенку отца и мать; онъ разразился бурей надъ его палачами, разбилъ лодку, съ которой оттолкнули ребенка, поглотилъ сложенные съ мольбой руки пловцовъ, не внялъ ничему, кромѣ ихъ раскаянія. Буря взяла порученіе отъ смерти, и море, превратясь изъ пантеры въ кормилицу, принялось тихонько качать судьбу ребенка, между тѣмъ какъ ребенокъ росъ, не вѣдая что дѣлаетъ для него бездна. Изъ мрака произвола и преступленія выбилась въ концѣ концовъ свѣтлая, непобѣдимая истина и правда.

Что хрупкая бутылка плавала пятнадцать лѣтъ по океану, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Пятнадцать лѣтъ, это все равно, что ничего: 4-го октября 1867 года въ Морбитанѣ, между островами Креста, мысомъ полуострова Гаврскаго и скалой Блуждающихъ, рыбаки изъ Пор-Луи нашли римскую амфору четвертаго вѣка, покрытую морскими инкрустациями, какъ арабесками. Эта амфора плавала тысячу пятьсотъ лѣтъ.

Какую флегму ни наносила на себя Баркильфедро, но его изумленіе было такъ же велико, какъ и его радость.

Все было какъ нарочно приготовлено. Всѣ матеріалы были у него подъ руками; оставалось собрать ихъ и разработать. Занятіе въ высшей степени занимательное и пріятное.

Гуинплэнъ! Онъ зналъ это имя. *Masca ridens!* Какъ и всѣ, онъ ходилъ смотрѣть «Человѣка, который смѣется». Онъ прочелъ вывѣску на стѣнѣ Тодкастерской гостиницы, онъ ее замѣтилъ. Онъ вспомнилъ о ней тотчасъ же, какъ пробѣжалъ пергаментъ — она явилась ему какъ отвѣтъ на вопросъ, какъ разрѣшеніе загадки! Конецъ величію Жозіаны! Являлся на сцену лордъ Кленчарли. Девидъ Дэрри-Моаръ былъ упраздненъ. Перство, богатство, могущество, — все исчезло! Что теперь оставалось Жозіанѣ? Именная и надменная, довольствуйся паяцомъ! Прелестная и прихотливая, радуйся чудовищу!

Баркильфедро находился въ энтузіазмѣ. Самыя злостныя ухищренія были ничто въ сравненіи съ адской дѣйствительностью. Баркильфедро казались теперь глухими и мелкими всѣ прежніе его замыслы.

Еслибы даже несчастье Жозіаны уничтожило его самого, онъ все-таки былъ бы счастливъ. Есть кровожадныя насѣкомыя, которыя съ наслажденіемъ выпускаютъ свое жало, хотя вслѣдъ за ужаленіемъ имъ предстоитъ смерть. Баркильфедро принадлежалъ къ разряду этихъ безкорыстныхъ гадовъ.

Но, на этотъ разъ, онъ былъ даже не безкорыстенъ. Лордъ Девидъ Дэрри-Моаръ ничѣмъ ему не былъ обязанъ, а лордъ Ферменъ Кленчарли будетъ ему обязанъ всѣмъ. Изъ покровительствуемаго Баркильфедро сдѣлается покровителемъ. И чѣмъ же покровителемъ! Покровителемъ пера Англіи! У него будетъ свой лордъ! Лордъ — созданіе его руки! Онъ, Баркильфедро, дастъ этому лорду цвѣтъ и жизнь! И этотъ лордъ — братъ, хотя съ лѣвой стороны, королевы! И онъ, навѣрное, понравится королевы на столько же, на сколько будетъ отвратителемъ Жозіанѣ. Баркильфедро выдвинется впередъ — все дальше, все выше. У него уже зарождалось смутное желаніе сдѣлаться эпископомъ.

Въ ожиданіи будущихъ благъ, онъ былъ счастливъ.

Какой блистательный успѣхъ! Какъ помочь благодѣтельный случай! Мщеніе (онъ называлъ это мщеніемъ) будетъ удовлетворено. Волна выгнула къ его ногамъ оружіе!

Баркильфедро былъ искусень въ умѣннѣ сдѣлать, такъ сказать, нарѣзъ въ умѣ тѣхъ, кто ему былъ нуженъ, и впустить туда свою мысль. Держась скромно въ сторонѣ, повидимому ни во что не вмѣшиваясь, онъ устроилъ такъ, что Жозіана поѣхала въ балаганъ Зеленой Коробки и увидала Гуинплэна. Это ни въ какомъ случаѣ не могло повредить дѣлу. Хорошо было показать этого паяца во всей его жалкой и нивкой обстановкѣ. Впослѣдствіи, это придастъ болѣе ѣдкости отравѣ.

Онъ потихоньку все приготовилъ заранѣе. Онъ хотѣлъ поразить неожиданностью. Онъ, можно сказать, устраивалъ громовой ударъ.

Окончивъ приготовленія, онъ наблюлъ, чтобы всѣ формальности, требуемыя закономъ, были выполнены. Безмолвіе составляетъ часть закона, и потому дѣло сохранилось въ тайнѣ.

Затѣмъ слѣдовала очная ставка съ Гардкваннономъ, при которой онъ присутствовалъ.

Въ тотъ же день, почтовая королевская карета приѣхала въ Лондонъ неожиданно за леди Жозіаной; королева приглашала герцогиню явиться въ Уиндзоръ, гдѣ ея величество проводила лѣто. Жозіана охотно бы послушалась, т.-е. совсѣмъ бы не поѣхала, или отложила бы поѣздку на нѣсколько дней, но при дворѣ подобныхъ сопротивленій не терпится. Жозіана немедленно должна была собраться въ дорогу, побинуть свою резиденцію въ Лондонѣ и отправиться въ Уиндзоръ, въ свой дворецъ Корлеоне-Лоджъ.

Герцогиня выѣхала изъ Лондона именно въ ту минуту, когда присяжный агентъ явился въ Годкастерскую гостиницу брать Гуинплэна и вести въ карательный подвалъ Соутъуорпа. Явившись въ Уиндзоръ, Жозіана хотѣла представиться королевѣ, но придверникъ объявилъ, что у ея величества въ настоящую минуту находится лордъ-канцлеръ и что королева можетъ принять герцогиню только завтра.

Жозіана вернулась къ себѣ очень раздраженная, почувствовала мигрень, выпроводила всѣхъ, исключая пажа, но за тѣмъ выслала и пажа, и легла спать, хотя на дворѣ былъ еще день.

Приѣхавъ, она узнала, что лордъ Девидъ Дѣрри-Моаръ тоже получилъ предписаніе явиться въ Уиндзоръ, и что его ждали на другой день утромъ.

III.

Всякій человекъ лишится чувствъ, если его мгновенно перенести изъ Сибири въ Сенегамбію (*Гумбольдтъ*).

Нѣтъ ничего удивительнаго, если самый сильный и энергичный человекъ падаетъ въ обморокъ, когда въ его судьбѣ происходитъ вдругъ рѣзкій переломъ. Неожиданность поражаетъ человека, какъ обухъ по лбу поражаетъ быка. Франсуа д'Альбескола, тотъ самый, который вырывалъ желѣзные цѣпи въ турецкихъ портахъ, лишился чувствъ, когда его сдѣлали папой, и не могъ придти въ себя цѣлый день. А между тѣмъ, отъ кардинала до папы скачокъ не такъ великъ, какъ отъ папца до пера Англіи.

Ничто такъ не потрясаетъ, какъ переменна судьба.

Когда Гуинплэнъ пришелъ въ себя и открылъ глаза, была ночь. Гуинплэнъ сидѣлъ въ креслѣ, среди большой комнаты; въ этой комнатѣ стѣны, потолокъ и даже полъ были обиты краснымъ бархатомъ. Около кресла стоялъ человекъ съ непокрытой головой, съ большимъ животомъ, тотъ самый, который вышелъ изъ-за столба въ Соутъуорвскомъ подвалѣ. Къ креслу были придвинуты два стола, на которыхъ горѣло по шести восковыхъ свѣчей. На одномъ столѣ лежали бумаги и стояла шкатулка, а на другомъ, на позолоченомъ серебряномъ подносѣ, холодная дичь, вино и вода.

Связь стекла длиннаго, отъ полу до потолка, окна, свѣтлое ночное апрѣльское небо позволяло рассмотреть полукругіе колонны, окружающее парадный дворъ; входъ въ него былъ съ тремя воротами: однѣ изъ нихъ были высокія, двое другихъ пониже. Посрединѣ были ворота для вѣзда экипажей—очень большія; направо—ворота для всадниковъ, поменьше и налѣво—ворота для пѣшеходовъ, маленькія. Всѣ эти ворота запирались рѣшетками и острия рѣшетокъ блестѣли въ полумракѣ. Среднія ворота были украшены изящной скульптурной работой. Колонны, вѣроятно, были изъ бѣлаго мрамора, какъ и мостовая на дворѣ, которая какъ бы снѣжною пеленой окаймляла мозаику, едва замѣтную въ тѣни: конечно, эта мозаика днемъ представила бы взорамъ гигантскій гербъ въ флорентинскомъ вкусѣ. Извилины баллюстрадъ то поднимались, то опускались, указывая на присутствіе лѣстницъ на террасахъ. Ночь не поз-

воляла ясно и отчетливо разсмотрѣть архитектуру зданій. Небо, усѣянное звѣздами, обрисовывало только силуэтъ дворца.

Виднѣлась крыша, мансарды съ рѣшетками, на подобіе забрала, трубы, похожія на башни, и карнизы, уставленные неподвижными богами и богинями. Изъ-за колоннады брызгали въ полумракѣ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ, тихожурчащихъ фонтановъ, которые разсыпаютъ каскадами брилліантовый дождь и щедро раздаютъ вѣтру свои алмазы и перлы, какъ бы желая хоть немного оживить свѣжими брызгами мраморныя статуи.

Длинные ряды оконъ обрисовывались въ профиль, отдѣленные одно отъ другаго барельефами, изображавшими арматуры, и бюстами на пьедесталахъ.

Въ комнатѣ, гдѣ находился Гуинплэнъ, въ глубинѣ, противъ окна, виднѣлся съ одной стороны каминъ, вышиной во всю стѣну, а съ другой, подъ балдахиномъ, одна изъ тѣхъ просторныхъ феодальныхъ постелей, на которыя взбираются посредствомъ лѣстницы, и на которой можно улечься такъ же удобно поперегъ, какъ и вдоль. Постельная скамья стояла тутъ же, у кровати. Рядъ кресель у стѣнъ и рядъ стульевъ впереди кресель, дополняли меблировку. Большой огонь пылалъ въ каминѣ; по богатству пламени и по его розовымъ и зеленымъ струйкамъ знатокъ могъ бы утверждать, что это огонь ясеневаго дерева—очень большая роскошь. Комната была такъ велика, что двѣнадцать восковыхъ свѣчей почти не освѣщали ее. Тамъ-и-самъ портьеры, опущенныя и колеблющіяся, указывали, что рядомъ есть еще много другихъ комнатъ. Все вообще носило характеръ временъ Іакова I, устарѣвшій, но роскошный. Коверъ п обивка комнаты, балдахинъ, постель, скамейка, занавѣски, каминъ, скатерти на столахъ, кресла—все было отдѣлано малиновымъ бархатомъ. Золота нигдѣ, кромѣ потолка. Тамъ, на равномъ разстояніи отъ четырехъ угловъ, блестялъ огромный, выпуклый, круглый щитъ, на которомъ искрились ослѣпительныя лѣнные гербы; въ этихъ гербахъ красовались баронская корона и корона маркиза.

Диварь, въ которомъ еще не исчезъ свободный человѣкъ, чувствуетъ во дворцѣ почти то же безпокойство, какъ и въ тюрьмѣ. Это великолѣнное помѣщеніе смущало. Какому колоссу принадлежала эта громада? Какому льву служилъ нещелой этотъ дворецъ? У Гуинплэна, едва пришедшаго въ себя, сжалось сердце.

— Гдѣ я? спросилъ онъ.

Человѣкъ, стоявшій передъ нимъ, отвѣчалъ:
— Вы въ своемъ дворцѣ, милордъ.

IV.

ОЦѢНЕНІЕ.

Нужно время, чтобы вынырнуть изъ глубины на поверхность. Гуинплэнъ былъ поверженъ въ глубину изумленія.

Нельзя мгновенно найти тропинку въ неизвѣстности. Бываетъ смятеніе въ идеяхъ, какъ оно бываетъ въ арміяхъ; порядковъ восстанавливается не вдругъ.

Чувствуешь въ себѣ какую-то разобщенность.

Богъ — рука, случай — праща, человѣкъ — камень. Попробуйте сопротивляться, какъ скоро васъ швырнули!

Гуинплэнъ, да простятъ намъ за слово, перелеталъ рикошетомъ отъ одного изумленія къ другому: отъ любовнаго письма герцогини къ происшествію въ подвалѣ Соутъюорка.

Когда въ вашей судьбѣ случится что-нибудь неожиданное — готовьтесь, что за одною неожиданностью будетъ другая, за другою третья, и т. д. Разъ эта страшная дверь распахнулась, въ нее врываются сюрпризы за сюрпризами. Чуть явится брешь въ вашей стѣнѣ — туда хлынуть всевозможныя случайности. Необычайное не довольствуется однимъ визитомъ.

Необыкновенное — мракъ. Этотъ мракъ окружалъ Гуинплэна. Онъ не понималъ, что съ нимъ происходило. Все представлялось ему окутанное тѣмъ туманомъ, который долго остается въ нашемъ умѣ послѣ нравственнаго потрясенія, какъ пыль послѣ внезапно обвалившагося зданія. Потрясено было все до основанія. Все было въ туманѣ. Однако, ясность постепенно восстанавливается. Пыль осѣдаетъ. Каждую минуту сила удивленія слабѣетъ. Гуинплэнъ походилъ на человѣка, который видѣлъ сонъ съ открытыми глазами. Онъ подвергался именно тому колебанію разсудка, пораженнаго неожиданностью, которое, поочередно, то бросаетъ васъ въ ту сторону, гдѣ все кажется понятно, то въ ту, гдѣ все непонятно. Кому не приходилось мысленно балансировать такимъ образомъ?

Постепенно, однакожъ, событіе все больше и больше выяснилось въ его умѣ. Трудность заключалась въ томъ, чтобы установить послѣдовательность между множествомъ накопившихся ощущеній. Входя въ ужасный подвалъ Соутъюорка, Гуинплэнъ ждалъ цѣпей каторжника, а на его голову возлагали перскую

корону! Возможно ли это? Не было достаточнаго промежутка между тѣмъ, чего Гуинплэнъ боялся, и тѣмъ, что съ нимъ произошло; одно замѣнило другое слишкомъ скоро, ужась смѣнился другимъ чувствомъ такъ внезапно, что послѣднее не могло быть совершенно ясно. Два противоположныхъ ощущенія слишкомъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Гуинплэнъ силился извлечь свой разумъ изъ этихъ тисковъ.

Онъ молчалъ. Это инстинктъ всѣхъ изумленныхъ, старающихся стать въ оборонительное положеніе. Одно вырвавшееся слово, сказанное не у мѣста, можетъ увлечь богъ-знаетъ куда.

Раздавать! вотъ чего боится темный людъ. Толпа всегда опасается, что на нес наступятъ ногой. А Гуинплэнъ очень долгое время принадлежалъ къ толпѣ.

Обыкновенное состояніе человѣческаго безпокойства передается выраженіемъ: увидимъ, что будетъ. Человѣкъ не освоился еще съ новымъ положеніемъ: онъ не видитъ конца и безсознательно становится внимательнымъ, онъ ожидаетъ чего-то. Чего? неизвѣстно. Кого? — увидимъ!

Человѣкъ съ большимъ животомъ повторилъ:

— Вы у себя, милордъ.

Гуинплэнъ ощущалъ себя. При нечаянностяхъ человѣкъ сперва осматривается, чтобы удостовѣриться, что вещи существуютъ, потомъ ощущиваетъ себя, чтобы удостовѣриться, что онъ самъ существуетъ. Понятно, что съ нимъ разговаривали; но онъ самъ былъ уже не онъ. На немъ уже не было его безрукавки, ни его кожаной перевязи. На немъ былъ серебрястаго сукна жилетъ и атласное платье; дотронувшись до этого платья, можно было почувствовать, что оно вышитое; онъ ощущалъ въ жилетномъ карманѣ огромный, туго набитый кошелекъ. Широкіе бархатные штаны были надѣты поверхъ его узкихъ шутовскихъ гальсоновъ; башмаки были на высокихъ красныхъ каблукѣхъ. Какъ только его перенесли въ этотъ дворецъ, на немъ перемѣнили платье.

Толстый человѣкъ снова началъ:

— Пусть ваша милость соблаговолитъ припомнить слѣдующее: я тотъ самый, котораго зовутъ Баркильфедро. Я влеркъ адмиралтейства. Я откупорилъ тыквенную бутылъ Гардкваннона.

Гуинплэнъ устремилъ глаза на улыбающееся лицо говорящаго. Баркильфедро продолжалъ:

— Кромѣ этого дворца, милордъ, вы владѣете Генкервилль-Гоузомъ, который еще обширнѣе и великолѣпнѣе. У васъ есть еще Кленчарли-Кестль, крѣпость временъ Эдуарда-Стараго. Вы

имѣете своихъ собственныхъ девятнадцать уѣздовъ съ деревнями и крестьянами; подъ вашимъ знаменемъ состоитъ около восьмидесяти тысячъ вассаловъ. Въ Кленчарли вы судья, судья гражданскій и уголовный, и имѣете при себѣ, какъ баронъ, особую свиту. Король не имѣетъ передъ вами другихъ правъ, кромѣ права чеканить монету. Вы имѣете въ своемъ распоряженіи, какъ баронъ, висѣлицу о четырехъ столбахъ въ Англіи и, какъ маркизъ, висѣлицу о семи столбахъ въ Сициліи. Васъ титулуютъ принцемъ въ старинныхъ хартіяхъ Нортумбра. Вы находитесь въ родствѣ съ Валенціями въ Ирландіи и съ графомъ д'Умфравилль въ Шотландіи. Вы глава клановъ Камбель, Ардманачъ и Мак-Каллю-моръ. У васъ восемь замковъ: Рекельверъ, Бюкстонъ, Гелль-Кертерсъ, Гомбль, Морикамбъ, Гюмдресъ, Тренуардресъ и другіе. Вы имѣете право на торфяныя болота въ Пилинморѣ и на алебастровныя ломки въ Трентѣ. Сверхъ того, вамъ подвластна вся земля Пеннетъ-Чезъ и принадлежитъ гора съ расположеннымъ на ней древнимъ городомъ. Городъ называется Вайнконтонъ, а гора — Моилленли. Все это даетъ вамъ дохода сорокъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Пока Баркильфедро говорилъ, Гуинплэнъ изумлялся все болѣе, и въ то же время онъ припоминалъ. Воспоминаніе — это бездна, которую можетъ взволновать до глубины одно слово. Всѣ произнесенныя Баркильфедро имена, Гуинплэнъ зналъ. Они испещряли шалашъ, въ которомъ протекло его дѣтство, и, машинально читая, онъ заучилъ ихъ наизусть. Брошенный сирота, придя въ странствующій балаганъ, онъ тамъ уже нашелъ заранѣе составленную опись наслѣдства, которое его ожидало, и утромъ, когда бѣдный малютокъ просыпался, первый предметъ, представлявшійся его безпечному и разсѣянному взору — была номенклатура его владѣній. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, переходя съ одной площади на другую, будучи шутомъ на кочевыхъ подмосткахъ, зарабатывая себѣ кое-какъ дневное пропитаніе, подбирая лиарды и питаясь крохами, онъ странствовалъ съ объявленіемъ о своихъ богатствахъ, написаннымъ на стѣнахъ его нищенской кануры.

Баркильфедро дотронулся указательнымъ пальцемъ до шкатулки, стоящей на столѣ.

— Милордъ, эта шкатулка содержитъ 2,000 гиней, которыя прислала вамъ ея милость, королева, на ваши первыя потребности.

Гуинплэнъ сдѣлалъ движеніе.

— Это моему отцу — Ursus'у, сказалъ онъ.

— Пусть такъ, милордъ, отвѣчалъ Баркильфедро. — Чиновникъ, провожавшій насъ сюда и отправляющійся сейчасъ же назадъ, отвезетъ ему ихъ. Но можетъ быть, я самъ поѣду въ Лондонъ, тогда прошу васъ поручить это мнѣ.

— Я отдамъ ему самъ, возразилъ Гуинплѣнъ.

Баркильфедро пересталъ улыбаться и сказалъ:

— Невозможно.

Бываютъ интонаціи голоса, которыя какъ бы подчеркиваютъ слова. У Баркильфедро была такая интонація. Онъ остановился, будто для того, чтобы поставить точку послѣ произнесеннаго имъ слова. Потомъ онъ продолжалъ тѣмъ почтительнымъ и особеннымъ тономъ лакея, который чувствуетъ себя господиномъ:

— Милордъ, вы здѣсь находитесь за двадцать-три мили отъ Лондона, въ Корлеон-лоджъ, въ вашей резиденціи, смежной съ королевскимъ замкомъ въ Уиндзоръ. Вы здѣсь — и никто этого не знаетъ. Васъ привезли сюда въ закрытой каретѣ, ожидавшей у входа Соутъуоркского подвала. Люди, введшіе васъ въ этотъ дворецъ, не знаютъ, кто вы, но знаютъ, кто я, и этого довольно. Вы могли проникнуть въ эту комнату только съ помощью тайнаго ключа, который есть у меня. Въ домѣ есть особы, покоящіяся сномъ, и теперь не время будить людей. У насъ есть время для объясненія, которое, впрочемъ, будетъ коротко. Я приступаю къ нему. Мнѣ поручено это ея величествомъ.

Баркильфедро принялся перелистывать вѣнцу бумагъ около шкатулки.

— Милордъ вотъ вашъ патентъ на перство. Вотъ и грамота на сицилійскій маркизатъ. Вотъ дворянскія грамоты и грамоты вашихъ восьми баронскихъ помѣстій за государственными печатами одиннадцати королей, отъ Бальдрета, короля Кентскаго, до Іакова I, короля Англій и Шотландій. Вотъ росписи вашихъ ежегодныхъ доходовъ, вотъ документы и описанія вашихъ леновъ, помѣстій, земель, вотчинъ. Надъ вашей головой, на потолкѣ, въ этомъ гербѣ ваши двѣ короны: баронская и маркизская. Здѣсь, съ боку, въ гардеробѣ ваше перское платье изъ краснаго бархата съ горностаевой опушкой. Сегодня же, нѣсколько часовъ тому назадъ, лордъ-канцлеръ и депутатъ-графъ-маршалъ Англій были увѣдомлены о вашей очной ставкѣ съ дѣтопокупателемъ Гардванномъ и получили инструкціи, подписанныя ея величествомъ. Королевская подпись тотъ же законъ. Всѣ формальности выполнены. Завтра, никакъ

не позже, вы будете приняты въ палату лордовъ, гдѣ уже нѣсколько дней разсматривается билль, представленный правительствомъ, и имѣющій своимъ предметомъ увеличить на тысячу фунтовъ стерлинговъ ежегодный доходъ герцога Кумберландскаго, супруга королевы; вы можете принять участіе въ преніяхъ.

Баркильфедро остановился, медленно вздохнулъ и опять заговорилъ:

— Между тѣмъ, еще ничего не сдѣлано. Нельзя стать перомъ Англій противъ своего желанія. Вы должны знать, что все можетъ быть отмѣнено, все можетъ исчезнуть. Событіе можетъ, такъ сказать, испариться, прежде чѣмъ сдѣлается извѣстнымъ: это случается въ политическомъ мірѣ. Милордъ, о васъ до сихъ поръ еще хранится молчаніе. Палату лордовъ извѣстятъ только завтра. Тайна вашего дѣла сохранялась въ видахъ государственной необходимости, которая такъ важна, что только одни высшія лица увѣдомлены въ настоящую минуту о вашемъ существованіи и вашихъ правахъ, но они забудутъ все немедленно, если государственная необходимость повелитъ имъ забыть. Чтѣ скрыто во мракѣ, можетъ и остаться во мракѣ — устранить васъ легко. Тѣмъ легче, что у васъ есть еще братъ, побочный сынъ вашего отца отъ женщины, которая, во время его изгнанія, была любовницей короля Карла II; слѣдовательно, вашъ братъ хорошо принятъ при дворѣ; ему, хоть онъ и побочный, можетъ перейти перство. Желаете ли вы этого? Не думаю. И такъ, все зависитъ отъ васъ. Нужно повиноваться королевѣ. Вы выйдете отсюда только завтра, въ каретѣ ея величества, и отправитесь въ палату лордовъ. Милордъ, угодно вамъ быть перомъ Англій или нѣтъ? Королева имѣетъ на васъ виды. Она предназначаетъ вамъ невѣсту. Лордъ Ферменъ Кленчарли! это рѣшительная минута. Судьба никогда не открываетъ одной двери, не затворивъ другую. Послѣ нѣкоторыхъ шаговъ впередъ, невозможенъ шагъ назадъ. Кто преображается, оставляетъ позади себя смерть. Милордъ! Гуинплэнъ умеръ. Понимаете?

Гуинплэнъ задрожалъ съ головы до ногъ, потомъ оправился.

— Да, сказалъ онъ.

Баркильфедро улыбнулся, поклонился, взялъ шкатулку подъ плащъ и вышелъ.

V.

Думають, что помнѣть, и забывають.

Странныя перемѣны совершаются въ человѣческой душѣ.

Гуинилэнъ, въ одно и то же время, былъ вознесенъ на высоту и поверженъ въ бездну.

У него кружилась голова.

Голова кружилась вдвойнѣ: отъ возвышенія и отъ паденія.

Онъ чувствовалъ возвышеніе и не почувствовалъ паденія.

Увидѣть новый горизонтъ — страшно.

Сквозь просвѣтъ разорвавшася облака онъ видѣлъ глубокую лазурь.

Такую глубокую, что она казалась мрачной.

Онъ стоялъ на горѣ, съ которой можно было обозрѣть всѣ царства земныя.

На горѣ тѣмъ ужаснѣйшей, что она не существуетъ въ дѣйствительности. Кто стоитъ на этой горѣ — тотъ грезить.

Дворцы, замки, могущество, богатство, человѣческія блага, на сколько можетъ обнять взглядъ — какой опасный миражъ!

Представьте себѣ, что эта мечта явилась не постепенно, не послѣдовательно. Человѣкъ заснулъ въ кротовой норѣ и проснулся на иницѣ Страсбургской колокольни — вотъ положеніе Гуинилэна.

Оставшись одинъ, Гуинилэнъ сталъ ходить огромными шагами по комнатамъ. Кипѣніе предшествуетъ взрыву.

Взволнованный, едва держась на ногахъ, онъ думалъ. Это кипѣніе было очисткой счетовъ. Онъ вызывалъ воспоминанія. Удивительная вещь! То, что, кажется, вы едва слышали, вдругъ дѣлается для васъ совершенно памятно и ясно. Заявленіе утопленниковъ, прочитанное шерифомъ въ Соутъ-уоркскомъ подвалѣ, ясно и отчетливо приходило ему на память; онъ помнилъ его отъ слова до слова; въ немъ онъ видѣлъ все свое дѣтство.

Вдругъ онъ остановился съ заложенными назадъ руками, глядя въ потолокъ, на небо или на что-то, только вверхъ.

— Отмщеніе! сказалъ онъ.

Онъ походилъ на человѣка, высунувшаго голову изъ воды. Ему казалось, что онъ видитъ все — прошедшее, будущее, настоящее — по наитію внезапнаго свѣта.

— А! вскричалъ онъ (вѣдь есть крики и въ глубинѣ мысли):— а! вотъ оно что! я былъ лордъ. Все выясняется. А! меня обо-

крали, мнѣ измѣнили, меня бросили, отняли у меня наслѣдство, меня погнули, умертвили! Трупъ моей судьбы плавалъ пятнадцатъ лѣтъ по морю, и вдругъ его прибило къ берегу и онъ ожилъ! Я возрождаюсь! Я рождаюсь! Я всегда чувствовалъ, что подъ лохмотьями у меня бьется не простое сердце! Когда я глядѣлъ на людей, я хорошо сознавалъ, что они только стада, но что я все-таки не собака при этихъ стадахъ, а пастырь! Пастыри народовъ, предводители мужей, путеводители и повелители — вотъ кѣмъ были мои предки, а чѣмъ были они, тѣмъ и я буду! Я дворянинъ и имѣю шпагу; я маркизь и у меня шлемъ; я баронъ и имѣю каску; я маркизь и у меня есть султанъ. Я перъ и у меня есть корона. А! У меня все это было отнято! Я долженъ былъ жить въ свѣтѣ, а меня повергли въ тьму! Осудившіе на изгнаніе отца, продали сына. О! Эти разбойники испортили мое дѣтство! Они теперь копошатся и встаютъ изъ глубины моей памяти! да, я ихъ снова вижу! Я былъ кускомъ мяса, меня влевала стая вороновъ! Я истекалъ кровью, я кричалъ! А! Такъ вотъ куда меня ввергли! подъ ноги проходящимъ, чтобы они топтали меня! меня бросили въ преисподнюю самыхъ послѣднихъ подопковъ человѣчества! И я выхожу откуда! Вотъ откуда я выбираюсь! Вотъ откуда я воскресаю! Отшпеніе! Онъ сѣлъ, опять всталъ, схватился за голову, опять началъ ходить.

— Гдѣ я? На вершинѣ! Развѣ я на вершинѣ? Эта вершина, это величіе, это всемогущество — *мой* домъ! Въ этомъ храмѣ я богъ! Недостигаемая высота, на которую я глядѣлъ снизу, откуда вырывалось столько лучей свѣта, что ослѣпляло мнѣ глаза; я на ней? Я вхожу въ неприступную крѣпость счастливцевъ! Я вошелъ, я тамъ! А! вотъ завершающій поворотъ колеса фортуны! Я былъ внизу и теперь наверху! Наверху на всю жизнь, навсегда! Я лордъ; у меня пурпурное одѣяніе, корона! Я буду присутствовать при коронаваніяхъ королей, буду судить князей и министровъ; я буду жить! У меня есть дворцы городскіе и загородные, сады, парки, лѣса, кареты, миллионы! Я буду давать праздники; я буду предписывать законы; у меня будетъ цѣлая масса удовольствій, наслажденій и радостей, и бродяга Гуинплэнъ, не имѣвшій права сорвать цвѣтка въ травѣ, теперь можетъ достать звѣзду съ небесъ!

Пагубное дѣйствіе тьмы! Въ этомъ Гуинплэнѣ, въ этомъ героѣ (который, прибавимъ, можетъ статься, и не переставалъ быть героемъ), совершалась замѣна нравственнаго величія величіемъ матеріальнымъ. Страшное превращеніе! Побѣненіе доб-

родѣтели налетѣвшей стаей демоновъ. Брешь, пробитая въ слабой сторонѣ челоуѣка. Всѣ низкія, называемыя высокими, стремленія: честолюбіе, страсть, жадность, все то, что было удалено отъ Гуинплэна отрезвляющимъ несчастіемъ, все это теперь бурно и неистово овладѣвало имъ и все это сдѣлала выброшенная моремъ бутылка съ ключкомъ вписаннаго пергамента!

Гуинплэнъ упивался гордостью, и все живое въ немъ помирачалося. Таковъ этотъ трагическій напитокъ.

Онъ былъ поглощенъ случившимся; голова у него кружилась; онъ не только пилъ съ удовольствіемъ, но зампралъ при каждомъ глоткѣ; долгая жажда помогала ему. У него всегда было неясное стремленіе взобраться на высоту; онъ всегда поднималъ глаза на великихъ міра сего.

Быть лордомъ! Теперь онъ находилъ, что это очень простая вещь.

Немного часовъ прошло, а какъ прошедшее было далеко!

Гуинплэнъ попалъ въ засаду Лучшаго, непріятеля Хорошаго.

Легче бороться съ злополучіемъ, чѣмъ съ благополучіемъ. Изъ бѣды выходятъ цѣлѣе, чѣмъ изъ удачи. Харпба, это нищета, а Сицлла — богатство. Ты, который не чувствовалъ ужаса при видѣ пропасти, бойся вознестись до облаковъ! Апроеоза имѣеть роковое могущество: убивать.

Ночь; рука случая ставить свѣчу; негодный огарокъ кажется звѣздой во мракѣ; ночная бабочка летитъ на свѣтъ!

Въ какой степени вмѣняется это въ вѣщу бабочкѣ? Видъ огня влечетъ ее, какъ взглядъ змѣи оцѣпеняетъ птичку.

Развѣ можетъ бабочка противиться этому непреодолимому влеченію? Развѣ листокъ можетъ бороться съ порывомъ уносящаго его вѣтра?

Вопросы матеріальныя, но въ то же время и нравственныя.

Получивъ письмо герцогини, Гуинплэнъ вострепенулся; его инстинктамъ не дали ходу болѣе глубокія чувства, но вихрь послѣ бесполезной свирѣпости съ одной стороны начинается свирѣпствовать съ другой; судьба, какъ и природа, навидывается съ остервенѣніемъ. Первый ударъ колеблетъ, второй вырываетъ съ корнемъ.

Увы! такъ падаютъ дубы.

Тотъ, кто десятилѣтнимъ ребенкомъ, покинутый на дікомъ берегу Портленда, спокойно глядѣлъ на уплывающую лодку, уносящую надежду на спасеніе, на пустынную землю, гдѣ не было пріюта, ни убѣжища; тотъ, кто не затрепеталъ и не сломился подъ тяжестью враждебной неизвѣстности; тотъ, кто ма-

лютой посмотрѣлъ въ лицо ночи, какъ Геркулесъ въ лицо смерти; тотъ, кто среди ужасовъ и бѣдъ, взялъ найденнаго ребенка; тотъ, кто умѣлъ терпѣть холодъ, голодъ и жажду,—тотъ Гуинплэнъ, который побѣдилъ бурю и нищету, теперь охъянѣлъ отъ тщеславія и шатался!

Рокъ, испробовавъ напрасно силу всѣхъ своихъ напастей, грозъ, несчастій, мукъ и терзаній надъ человѣкомъ, и видя, что человѣкъ все-таки стоитъ на ногахъ, принимается ему улыбаться; человѣкъ, мгновенно охъяненный, спотыкается и падаетъ.

Улыбка рога! Чтò можетъ быть ужаснѣе. Это послѣднее отчаянное средство неумолимаго испытывателя думъ человѣческихъ. Тигръ, олицетворяющій судьбу, иногда протягиваетъ бархатную лапу...

У Гуинплэна кружилась голова отъ этой массы новыхъ ощущеній и превращеній; ему представлялись два Гуинплэна: въ прошедшемъ, ребенокъ въ лохмотьяхъ, блуждающій, дрожащій отъ холода, голодный, заставляющій смѣяться публику, въ будущемъ — знатный вельможа, ослѣпляющій Лондонъ своимъ великолѣпіемъ. Онъ, такъ-сказать, вылѣзалъ изъ кожи паяца и влѣзалъ въ кожу лорда. Иногда все это казалось ему сномъ. Онъ думалъ о своемъ лицѣ. Отецъ его былъ ему человѣкъ незнакомый. Онъ старался его себѣ представить. Онъ думалъ о своемъ братѣ; его увѣдомили, что у него есть братъ... семья! У Гуинплэна семья! Онъ терялся въ фантастическихъ мечтаніяхъ; ему представлялись какія-то лучезарныя золотистыя облака, которыя волновались передъ его глазами; онъ слышалъ ликующіе трубные звуки.

И я буду краснорѣчивъ! думалъ онъ. И представлялъ себя въ палатѣ лордовъ. О, сколько онъ скажетъ! Какой запасъ свѣдѣній у него имѣется! Онъ самъ видѣлъ, самъ ощущалъ, самъ выстрадалъ, вытерпѣлъ, перенесъ все; онъ можетъ имъ крикнуть: я знаю все, чтò вамъ чуждо и чтò должно бы быть вамъ близко! Онъ броситъ въ лицо этимъ патриціямъ, тѣшущимся иллюзіями, истину, дѣйствительность и они затрепещутъ. Онъ явится въ средѣ этихъ могущественныхъ, и будетъ могущественнѣе ихъ; онъ послужитъ имъ свѣтильникомъ во мракѣ, потому что покажетъ истину, и послужитъ имъ орудіемъ справедливой бары, потому что укажетъ, гдѣ настоящіе виноватые. Какое торжество!

Поглощенный мечтами, изумленіемъ, надеждами, замыслами, онъ находился въ какомъ-то горячечномъ состояніи; онъ то бре-

диль, то впадалъ въ забытѣ, то вскакивалъ и торопливо кружился по комнатѣ. Онъ разглядывалъ потолокъ, разсматривалъ баронскія и маркизскія короны, изучалъ гіероглифы герба, щупалъ бархатъ, которымъ обтянуты были стѣны, передвигалъ кресла, перевертывалъ пергаменты, читалъ имена, повторялъ титула, подходилъ къ окну, прислушивался къ жужжанію фонтана, замѣчалъ статуи, считалъ мраморныя колонны и говорилъ: «вотъ сколько».

И, трогая свое атласное платье, онъ вдругъ прервалъ себя вопросомъ:

Я ли это? Да, это я!

Чувствовалъ ли онъ слабость и изнеможеніе? Пилъ онъ, ѣлъ, спалъ? Онъ этого не зналъ.

Въ крайнихъ возбужденіяхъ животныя инстинкты удовлетворяются какъ попало, — мысль тутъ не участвуетъ. Въ минуту, когда пламень огненнаго изверженія выпрывается изъ кратера, развѣ кратеръ сознаетъ, что у подножія горы пасутся стада?

Часы проходили.

Наступилъ разсвѣтъ; свѣтлый лучъ проникъ въ комнату и въ то же время озарилъ Гуинплэна.

— А, Деа? сказалъ ему лучъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ.

(Письма въ Щигровскій уѣздъ).

I.

МѢЩАНСКІЙ ГОРОДЪ.

Проношусь съ безумною быстротою по чугунной дорогѣ, сквозъ черныя дыры тунелей, надъ обрывами скалъ; изъ Франшъ-Контэ вѣзжаю въ Швейцарію. Странное и дорогое чувство. Какъ будто человѣкъ дѣлается человѣчище, какъ будто духъ дѣлается духовище, какъ будто весь дѣлаешься лучше и чище, вѣзжая въ страну свободы. Не упрекайте меня въ фантазерствѣ, въ навязываніи природѣ и людямъ того, чего нѣтъ въ нихъ. Упрекать бесполезно, потому что нѣкоторые головы искренно видятъ и осязательно ощущаютъ то, что вы присчитываете къ мечтамъ. Уже сама природа готовится къ Швейцаріи, къ Альпамъ. Уже поднимаются горы, проваливаются овраги, торчатъ скалы, перспективы то разстилаются привольемъ родной Руси, то задвигаются горнымъ ущельемъ. Сплошныя свѣжіе лѣса Юры уже шумятъ и дышатъ въ преддверьи оберландскихъ лѣсовъ, въ этомъ Franche-comté, въ этомъ когда-то *свободномъ графствѣ*. Вонъ и замки, взобравшіеся на пики скалъ, притаившіеся въ каменныхъ утесахъ, надъ большими дорогами, надъ равниною полей.

Изъ этихъ старыхъ гнѣздъ, старше хищники стерегли когда-то свою добычу. Они торчали тамъ наверху, какъ могильные орды въ засадѣ, вперивъ вдаль свой плотоядный глазъ; съ зловѣщимъ карканьемъ срывались они оттуда на всякій трудъ, на всякое существованіе, незащищенное желѣзною броней и вооруженное желѣзнымъ когтемъ

У нихъ была каменная стѣна, у нихъ былъ конь, у нихъ было желѣзо, они жили высоко, они царили надъ землею, и ихъ желѣзный кулакъ сталъ богомъ права. Я видѣлъ этихъ разбойниковъ почти живыхъ въ *Ambrazer-Sammlung* въ Вѣнѣ. Нигдѣ, кажется, нѣтъ такого полного и такого художественнаго музея въ этомъ родѣ. Желѣзные люди сидятъ тамъ во весь свой богатырскій ростъ, на своихъ желѣзныхъ коняхъ, въ своихъ желѣзныхъ чешуяхъ, съ желѣзными копьями, стиснутыми въ желѣзныхъ перчаткахъ; желѣзо закрываетъ ихъ глазъ, желѣзо оковываетъ ихъ сердце. Это гениальный монументъ желѣзнаго вѣка. Это апотеоза кулачнаго царства. Суровый идеаль грознаго исчезнушаго человѣчества видѣнъ въ каждой мелочи. Атмосфера этого историческаго сѣлепа — насиліе. Насиліе дышетъ и смотритъ на васъ изъ каждаго угла, съ каждаго гвоздя. Насиліе — богатство, власть; насиліе — искусство, грація; насиліе — добродѣтель. Все, отъ мозолей слесаря до музы поэта, работаетъ въ пользу насилія, въ прославленіе насилія. Какое высокое совершенство вкуса и отдѣлки въ каждой рукоятѣ меча, въ каждой пряжѣ латы. Слоновая кость, перламутръ, бирюза и золото разрисовываютъ щиты и шлемы, уздечки и сѣдла. Итальянскіе рыцари, родоначальники художниковъ, хотятъ даже убивать щеголевато и изящно. Весь смертоносный снарядъ ихъ самихъ и коней ихъ — одинъ прелестнѣйшій узоръ изъ золота. Пищали, начиненныя внутри пулями, снаружи усажены яркими камнями яхонтовъ и рубиновъ. Душѣ еще гнущіе видѣтъ это раззолоченное, роскошествующее и превозносящееся убійство, чѣмъ убійство въ глуши большой дороги отъ руки голоднаго оборванца. Двигатся мирному человѣку среди желѣзныхъ всадниковъ Амбразерова музея какъ-то жутко. И мертвые, они словно опасны еще. Они такъ заботливо оснащены на войну и истребленіе, такъ не подходятъ своимъ вызывающимъ и безстрашнымъ видомъ къ нашему скромному, слабонервному быту, что не вѣришь сразу ихъ безмолвію и неподвижности. Кажется, что они ждутъ только сигнала, стараго клича своего — въ которомъ они такъ наивно примѣшивали къ своей гордости и своимъ кровавадымъ помысламъ имена незлобивыхъ святыхъ, — чтобы двинуться впередъ и начать радостную имъ сѣчу. Я вспоминаю толстяка-герцога въ желѣзной юбкѣ, съ желѣзнымъ птичьимъ клювомъ на наличникѣ; вотъ и императоръ-рыцарь Максимилианъ въ полномъ боевомъ вооруженіи. Какой-то мрачный ангелъ, можетъ быть, одинъ изъ архангеловъ Іезекіиля, прерываетъ его грудь стальными крыльями; назади его глядятъ сталь-

ные орлы и драконы—эмблемы, болѣе подходящія. Вотъ и красавецъ-король Францискъ I-й въ тѣхъ самыхъ латахъ, въ которыхъ злой жребій предалъ его врагу на несчастномъ полѣ Пави. Вотъ и самъ Карлъ V—этотъ счастливый врагъ. Здѣсь и великолѣпный рыцарь Фуггеръ, окованный золотомъ, роскошь котораго ослѣпляла даже роскошныхъ и сдѣлалась нарицательнымъ именемъ вѣка. Здѣсь и австрійскій герцогъ Фердинандъ, основатель музея, во всевозможныхъ нарядахъ, пѣшикомъ и верхомъ; тутъ ятаганъ геройскаго Скандерберга и булава грознаго визира Кара-Мустафы. Тутъ въ очю вся исторія, сохранившая даже потъ и кровь совершенныхъ подвиговъ. Нужна была желѣзная мускулатура, чтобы носить и выносить эту желѣзную шкуру. Орудія нападенія на лбу, на рукахъ, на ногахъ, на головѣ лошади, на ея груди. Все желѣзные шипы, желѣзные щиты, желѣзные своды. Эта гигантская черепашная броня раздавила бы человѣка XIX столѣтія, а они, — люди желѣзнаго царства—разрастались подъ нею статные и мощные; выросли и кони ихъ такіе же, какъ сѣдоки.

Вмѣстѣ — это была движущаяся крѣпость, непроницаемая въ своей подвижности. Помнится, около Карла V-го стоитъ великанъ-оруженосецъ, по имени Бонасъ. Онъ держитъ въ рукѣ заостренное и окованное бревно, которое трудно поднять отъ земли двумъ обыкновеннымъ человѣкамъ. Глядя на него, не вѣришь, чтобы онъ былъ существо нашей породы, и въ то же время невольно увѣруешь въ Голиаѳовъ. Такихъ людей могло породить только то время, и нужно ли удивляться, что при такихъ людяхъ и въ такое время одни стали рабами, другіе господами.

Одинъ изъ придорожныхъ замковъ имѣетъ историческое имя. Это тотъ самый fort de joux, гдѣ содержался Мирабо, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Жанъ-Жакъ-Руссо. Геній революціи дѣйствующей — возлѣ генія революціи мыслящей.

Глубоко внизъ, дорога въ Motier-travers, гдѣ Руссо писалъ свои *Lettres de la montagne. De joux* — послѣдняя тюрьма около свободной страны. Недаромъ мы ежеминутно врѣзываемся въ тоннели и несемся въ подземной тмѣ (отъ Дижона до Нѣвшателя не менѣе 18 тоннелей). Въѣздъ въ Швейцарію кажется потомъ освобожденіемъ отъ подземныхъ странствій, первымъ взглядомъ *in's Freie*, на вольный воздухъ, на истинный свѣтъ Божій. Со мною рядомъ сидѣлъ почтенный саксонскій бюргеръ, нашедшій нужнымъ вразумить меня на счетъ страны, въ которую мы въѣзжали, и народа, который мы готовились встрѣтить. Онъ

опредѣлили мнѣ съ профессорскою отчетливостію разницу между республиканскимъ правленіемъ швейцарцевъ и монархическимъ саксонцевъ и, къ удивленію моему, отнесся съ сочувствіемъ не къ этому послѣднему. «А! Das hiesige Volk ist sehr demokratisch gestimmt, bei uns aber sehr königlich!» сказалъ онъ съ нѣкоторою завистью и потомъ прибавилъ таинственно, что у нихъ—саксонцевъ, также многіе желали бы республики, «aber solche sind noch wenige!»

Я посмотрѣлъ внимательно на добродушное, чисто выбритое лицо честнаго сакса съ голубыми, робкими глазами, и, признаюсь, нисколько не встревожился за судьбу трона König Johann'a.

Между тѣмъ Швейцарія бѣжала къ намъ на встрѣчу, передвигая и смѣняя свои картины.

Характерные еловыя лѣса на горахъ, яркой темной земли, швейцарскія избы, изъ свѣжихъ бревенъ, ярко вырѣзающіяся на фонѣ зелени, шумные горные потоки между камнями, сочныя пастбища съ коровами, деревеньки и городки, тѣсно скученные вмѣстѣ, съ высокими кровлями, съ высокими шпицами, разбросанные по лугамъ, какъ игрушки—все это проносилось мимо и захватывало насъ новою жизнью. Виды, похожіе во многомъ на нашъ Крымъ, но только Крымъ избранный, обильный, населенный и благоустроенный, Крымъ не обожженный, не засохнувшій, а вѣчно сочный, вѣчно зеленый, изъ пустыни обращенный въ счастливый хозяйственный уголокъ. Вдругъ горы разодрались справа, и за ними, высоко и далеко наверху засіяло Нѣвшательское озеро. Оно было неописаннаго цвѣту. Я хорошо всмотрѣлся въ чудные переливы лазури на Крымскомъ морѣ, но нигдѣ не видалъ той особенной малахитовой голубизны, какая свойственна швейцарскимъ озерамъ. За озеромъ стояли горы; впрочемъ, «стояли»—терминъ грубый и невѣрный, онѣ не стояли, а чудились какъ видѣныя, прозрачныя, безчисленныя, вырѣзаясь на голубомъ небѣ сіяньемъ своихъ снѣговъ. Это была видна вся цѣпь Альповъ отъ Монблана до С.-Готарда и дальше. Отъ насъ, отъ дороги, на встрѣчу озеру, неся безумный горный ручей, такой же малахитовосиній, съ ревомъ ворочавшій камни, прорывавшій горы, прыгавшій въ пропасти, извивавшійся змѣею; онъ былъ видѣнъ намъ съ высоты разомъ во многихъ мѣстахъ, среди лѣсовъ и утесовъ, и наконецъ вторгался стремительно въ спокойную гладь озера. Это была живописная Рѣйза. Не успѣли насладиться далекими перспективами, а волшебный конь съ тѣмъ же неистовствомъ уже мчитъ насъ по гребню горы вдоль самаго озера. Оно теперь все у насъ подъ ногами, неподвижно распростер-

тое, тихо сіяющее, разливающее радость и свѣжесть. Старинныя башни страшнаго покроя, старинныя высококровельные дома, старинныя колокольни, старинныя городки — видимыя прямо въ темя, à vol d'oiseau, уютно гнѣздятся при заливчикахъ и на выступахъ берега, потонувъ въ виноградникахъ, и вырѣзая темныя, характерныя силуэты свои на свѣтлой поверхности воды. На всякомъ шагу встрѣчаются эти живописныя городки, опратныя, тихіе, однообразныя; кажется, что въѣхалъ въ сказочную Аркадію, гдѣ вѣчный миръ, гдѣ всѣ любятъ другъ друга, гдѣ нѣтъ болѣзней, печали и воздыханья. Ни одного предмета кругомъ, оскорбляющаго глазъ. Прелесть, чистота, довольство и покой — на водѣ и на землѣ, и въ воздухѣ. Здравствуй, свободная земля, здравствуй, свободный народъ!

Какое-то совершенно особенное чувство овладѣло мною въ Нѣвшателѣ. Этотъ Нейенбургъ, новый замокъ, *novum castrum*, такъ же новъ, какъ нашъ русскій Новгородъ. Онъ помнитъ еще великое передвиженіе народовъ и паденіе имперіи Августовъ. Въ V вѣкѣ, 14 столѣтіи тому назадъ, заложенъ былъ римлянами, въ странѣ Секвановъ, этотъ новый замокъ. Но и V вѣкъ былъ не первымъ вѣкомъ его жизни. На этомъ голубомъ озерѣ, налитомъ между Юрою и Альпами, гнѣздились аборигены Европы, можетъ быть за многіе вѣка не только до прихода римскихъ легионовъ, но и до появленія теперешнихъ европейскихъ племень. Люди, еще мало удалившіеся отъ оранга и троглодита, умѣвшіе только ловить рыбу и обтачивать грубыя каменныя орудія, люди, лѣпившіе себѣ надводные шалаши еще съ большимъ искусствомъ, чѣмъ лѣпятъ теперь бобры, жили на берегахъ Нѣвшательскаго озера. Остатки ихъ свайныхъ построекъ, ихъ нехитрой утвари, открыты возлѣ Курталью и Эставайера. Немудрено, что прелестныя и привольныя озера Швейцаріи вообще были гнѣздомъ свайныхъ построекъ. Спокойствіе, изобиліе, красота — доступны пониманію не только дикарей каменнаго вѣка, но даже звѣрю.

Чувство, руководившее древними ихтіофагами, доселѣ сказывается во всей обстановкѣ Нейенбургскаго озера. Посмотрите, какъ усьяно оно по всѣмъ берегамъ поселками человѣка.

Все лѣзетъ къ водѣ, къ простору. Холмы обращены въ сплошныя виноградники; дачи, деревеньки, городки смѣются среди нихъ, отражаясь въ озерѣ. На озерѣ бѣлые паруса, какъ птица. Миръ изливается въ душу какъ благодатный елей, когда смотришь на аркадскій пейзажъ Нѣвшательскаго озера. Начинаешь вѣрить въ счастье, въ братство людей, въ материнскую любовь природы.

Я стою на высокомъ балконѣ Hôtel Bellevue, и подо мною весь Нѣвшатель. По крутымъ, живописнымъ уступамъ, прячась въ зелени виноградниковъ и садовъ, старинный городокъ спускается къ озеру своими тѣсносдвинутыми неправильными кварталами домовъ, высокихъ, высококровельныхъ, узенькихъ и темныхъ, какъ всѣ дома средневѣковыхъ городовъ. Глубокія дорожки въ каменныхъ заборахъ, башни когда-то грознаго замка, оригинальные шпицы церквей—все это видно мнѣ наперечетъ. За этимъ озеро—широкое, неподвижное и вмѣстѣ живое, говорящее своею прохладною голубизной. Озеро—особенно швейцарское—это истинныя очи земли, въ которыхъ безмолвно скрывается скрытая внутри душа. Тишина совершенная. Бѣлый парусъ вдали безъ плеску и шуму тянетъ свое судно изъ Ивердюна. Неслышно зеленѣютъ внизу виноградники, неслышно сияютъ далекіе снѣга горъ, неслышно течетъ трудовая жизнь городка, погруженнаго въ свои дневныя заботы. По крутымъ дорожкамъ медленно поднимается мулъ или пара тяжелыхъ коней въ громоздкой упряжи, вытаскивая наверхъ огромныя дроги съ цѣлою горою бочекъ. Но мѣрный звукъ копытъ и колесъ о камни мостовой скоро замираетъ въ зелени виноградниковъ. Это не тишина нашего уѣзднаго города, не дремотное молчанье бездѣлья, наводящее уныніе. Это спокойствіе домовитаго, разумаго хозяйства, въ которомъ всякій знаетъ, что и какъ, и когда ему дѣлать, и дѣйствительно дѣлаетъ, не зѣвая, не суетясь.

Впечатлѣніе органическаго, въ плоть вѣвшагося порядка, поражаетъ съ перваго взгляду.

Все отчетливо, аккуратно, обдуманно, кстати, красиво—отъ одежды работника и корзины торговли до устройства гостиницы, до постройки домовъ. Недаромъ Нѣвшатель—коренное гнѣздо искусства, вся сила котораго въ точности и соразмѣрности.

Здѣсь въ XVII столѣтіи Данилъ Жанришаръ, прозванный Бресселемъ, ввелъ въ первый разъ часовое мастерство. Теперь всѣ окрестности Нѣвшателя, можно сказать, весь кантонъ обратился въ часовую фабрику. Вы можете имѣть здѣсь часы цѣною отъ одного рубля до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Ихъ выдѣлывается здѣсь, по меньшей мѣрѣ, миллионъ штукъ въ годъ. Особенно въ горахъ Юры, которыхъ почва и климатъ не даютъ способовъ къ винодѣлію и земледѣлію, кипитъ дѣятельность часовыхъ мастеровъ. Не знаю, есть ли гдѣ въ другомъ уголку не только Европы, но даже самой Швейцаріи, племя, болѣе трудолюбивое, болѣе искусившееся въ механическихъ работахъ.

Недаромъ досталось этой мѣстности почтенное имя «промышленной Юры». Его нелегко заслужить въ сосѣдствѣ Женевы и Берна. Но эти часовщики, кружевники и винодѣлы не продали беззавѣтно маммонѣ душу свою. Постоянно сдѣлываемые сосѣдними государствами, служа раздѣльною линіею враждебныхъ націй, нѣвшательцы были перебрасываемы игрою исторіи изъ однѣхъ рукъ въ другія. Кто не владѣлъ ими? и римляне, и бургундцы, и нѣмецкіе императоры, и прусскіе короли; нѣвшательцевъ дарили друзьямъ и родственникамъ какъ гостинець; Наполеонъ, созидатель республикъ, подарилъ Нѣвшатель своему маршалу Бертье, Вѣнскій конгрессъ подарилъ Нѣвшатель прусскому королю. Свободу же Нѣвшатель подарилъ самъ себѣ въ 1848 году, вѣроятно, убѣдившись, что долго не дождетса этого подарка, если будетъ ждать его отъ благопріятелей. Кажется, какихъ еще нужно болѣе неблагопріятныхъ условій для богатства, для общественной нравственности, для общественной образованности. Исторія Нѣвшателя была школою рабства и лѣни, а изъ этой школы вышли свободные люди и энергическіе работники. Природа посмѣялась надъ школою, какъ это часто бываетъ. Съ самаго XV столѣтія нѣвшательцы сіялись быть членами республиканскаго союза не по одному имени. И теперь они горячіе республиканцы, искренніе швейцарцы, несмотря на свою кажущуюся отчужденность отъ Швейцаріи въ теченіе долгаго времени.

Вся Швейцарія въ большемъ видѣ представляетъ ту же историческую загадку, какъ и Нѣвшатель; она была вѣчною большою дорогою народовъ, набѣгавшихъ и убѣгавшихъ. Поневолѣ ее всѣ давили и толкали. Она должна была приставать то къ одному, то къ другому знамени, идти на цѣпи то за однимъ, то за другимъ хозяиномъ. Она была не особая земля, а распутіе разныхъ земель, узель горъ, въ которыхъ начинались рѣки, принадлежавшія всѣмъ, кромѣ швейцарцевъ; нація также не было въ Швейцаріи; клочки самыхъ разнохарактерныхъ народовъ застряли въ долинахъ горъ, черезъ которыя двигались народы, и изъ этихъ пестрыхъ остаточковъ вылилась швейцарская нація. Въ ней кровь кельтовъ, италійцевъ, германцевъ. У Швейцаріи нѣтъ поэтому и языка: тутъ всѣ языки юга, запада, сѣвера: италіанскій, французскій, нѣмецкій, романскій; кромѣ того, народъ старинной Швейцаріи выработалъ себѣ изъ этой смѣси языковъ особый жаргонъ, ему только понятный. Въ Швейцаріи нѣтъ и одной вѣры. Тутъ цѣлыя государства католическія, цѣлыя государства протестантскія. Что же соединяетъ Швей-

царю въ одно государство, если въ ней нѣтъ никакого единства, ни земли, ни исторіи, ни крови, ни языка, ни религіи? Можетъ быть, единство промысла?

Но какая связь между альпійскимъ пастухомъ или охотникомъ и часовымъ фабрикантомъ? Примѣръ Швейцаріи долженъ быть поучителенъ для ярыхъ проповѣдниковъ народности и искусственнаго объединенія.

Говорять обыкновенно, что чувство народности — признакъ новой исторической эпохи. Но оно было особенно живо въ тѣ времена, когда аеиняне заступались за Іонійскія колоніи, когда египтяне раздѣлялись на касты, недоступныя ивземцу, когда образывались названія словенъ и нѣмцевъ, грековъ и варваровъ, когда народъ Божій проходилъ среди язычниковъ, какъ среди звѣрей дикихъ, не признавая въ отношеніи ихъ человѣческаго долга, провозглашая своего Бога не Богомъ человѣчества, а Богомъ Авраама и Іакова. Эпоха существованія Франконій, Швабіи, Лотариній, Тверскихъ и Суздальскихъ княжествъ — показываетъ намъ не исчезаніе, а слишкомъ острое развитіе чувства народности.

Понятія болѣе обширныя — патриотизмъ не Бургундіи, не Нормандіи, а патриотизмъ Франціи вообще, Германіи вообще, развились, правда, позднѣе, но они именно развились подъ вліяніемъ идей новѣйшаго образованія и служатъ только переходною ступенью къ совершенному уничтоженію исключительностей. Что таковъ путь и будущій результатъ исторіи — сомнѣваться можетъ только слѣпецъ или человѣкъ, способный имѣть убѣжденія, независящія отъ фактовъ. Идеаль политической современности не въ замкнутой нетерпимости древняго гражданства, а именно въ существованіи общечеловѣческихъ общинъ, которымъ связью служатъ не предрасудки невѣжества, не духъ вражды къ остальному человѣчеству, а простое сознаніе членами общины взаимной пользы единенія.

Свобода и просвѣщеніе — вотъ единственно прочныя цѣли для объединенія людей. Америка, Швейцарія, — вотъ государства будущаго. Демократія — это смертельный ударъ партикуляризму. Революція 89-го года, зарожденная космополитическими теоріями философовъ, затопила потокомъ космополитическихъ стремленій всю область мысли и дѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ она революція демократіи, она первый рѣшительный шагъ къ ея торжеству въ мірѣ. Швейцарцы и американцы не тратятъ своихъ силъ на искусственное и насильственное претвореніе въ швейцарцевъ и американцевъ людей другихъ націй, другихъ

религій, другаго языка. Черезъ 10 лѣтъ вы уже не узнаете нѣмца и ирландца въ жителѣ какихъ нибудь западныхъ штатовъ.

Передъ вами истый американецъ, то-есть горячій ревнитель свободы во всѣхъ ея видахъ, горячій защитникъ интересовъ Америки, человѣкъ, вѣрующій въ себя и управляющій собою, человѣкъ-гражданинъ. Никто не вводилъ въ его школы и суды англійскаго языка, а между тѣмъ — смотрите, вся Америка пишетъ, говоритъ и читаетъ, учится и судится только по-англійски.

Никто не строитъ заставъ и границъ, никто никакими мѣрами не мѣшаетъ гражданину Америки уходить куда ему угодно, съ какою цѣлью угодно — а между тѣмъ — смотрите, американскихъ гражданъ не убываетъ, а прибываетъ сотнями тысячъ, миллионами.

Та же исторія въ Швейцаріи. Католицизмъ словно теряетъ здѣсь свои опасныя свойства, свои деспотическія поползновенія; главенство папы какъ-то само собою мирится съ интересами республики, расколы и вольнодумства лишаются почему-то своего мятельнаго жала, и мирно уживаются въ сосѣдствѣ съ самыми противоположными началами; синагога не мѣшаетъ лютеранскому пастору, анабаптисты строятъ свою моленную рядомъ съ костеломъ. Привыкнувъ къ набату, поднимаемому домашними алармистами противъ того и другаго, съ недоумѣніемъ оглядываешься кругомъ и ищешь опасностей. И нѣсть ихъ!

Нѣвшатель — городъ, въ сущности, мало интересный. Но для путешественника, который вдумывается и сравниваетъ, котораго душа ищетъ не однихъ внѣшнихъ впечатлѣній новизны и рѣдкости, но еще и разумнаго поученія жизни человѣчества, Нѣвшатель не пройдетъ безслѣдно, когда въ него вѣзжаешь изъ Франціи, изъ Парижа.

Иногда приходится многіе дни проводить въ обществѣ людей очень даровитыхъ, очень разнообразныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ затерявшихъ истинный смыслъ жизни, поглощенныхъ азартною игрою корысти, честолюбія и наслажденій, смѣющихся надъ теплымъ сердцемъ, надъ вѣрностью принциповъ, оглушенныхъ и оглушающихъ трескомъ своей безумной жизни. Такое общество вноситъ въ душу наблюдателя много драгоцѣннаго психологическаго и житейскаго опыта. Но когда уходишь изъ него, то уносишь въ этой же душѣ чувство глубокой боли разочарованія въ людяхъ и страха за людей.

Ноющая душа вдругъ встрепенется какъ отъ погруженія въ ключъ живой воды, встрѣтается послѣ того съ честнымъ образомъ

простаго и трезваго труженика. Такое же воскрешающее, бодрящее дѣйствіе на мою душу произвела встрѣча съ честнымъ образомъ простой и трезвой труженицы — Швейцаріи, послѣ трехъ недѣль безумнаго вихря парижской жизни.

Въ Нѣвшателѣ была моя первая встрѣча съ Швейцаріей. Въ Нѣвшателѣ я *выздоровѣлъ отъ Парижа*. Тишина поля дѣлается цѣлебною, когда вы спасаетесь отъ стука фабрики.

Я прожилъ въ Нѣвшателѣ двое сутокъ, исходилъ его старыя узенькія улицы, его идиллическія окрестности, налюбовался на его мирную жизнь, на его мирное озеро. Полная правда жизни, полная простота жизни — вотъ чтѣ я видѣлъ въ Нѣвшателѣ, и чтѣмъ наслаждался въ немъ.

Люди въ немъ не представляются тѣмъ, чтѣмъ они не могутъ быть; не представляются ни богаче, ни роскошнѣе, ни счастливѣе, чтѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Мѣщане устроили свой бытъ помѣщански и не мечтаютъ о павлиньихъ перьяхъ.

Судить родъ человѣческой можно только по такимъ искреннимъ образчикамъ.

Тутъ вы ясно видите, что разныя «Площади согласія», Версальскія сажелки, Трианонскіе парки, Луврскіе музеи, — все это вранье; что люди еще не дошли до той степени благосостоянія, при которой они имѣли бы право угораживать для себя подобныя наслажденія. Если же они существуютъ, то это горе, а не радость; это кошкѣ игрушки, а мышкѣ слѣзки. Это не признакъ богатства, излишка, а признакъ неправды.

Никто такъ не воспитываетъ безнравственности, какъ столицы, подобныя Парижу. Задавленный нуждою бѣднякъ, лишенный воздуха въ своей спальнѣ, лишенный здоровья въ своей мастерской, лишенный покоя, досуга, семьи, хлѣба — со злобою ненависти долженъ глядѣть на фальшивый парадъ парижскихъ улицъ, на весь этотъ блескъ и трескъ, на этотъ неисчерпаемый потокъ развлеченій и радости, ослѣпляющихъ чужестранца.

Нѣвшатель, Швейцарія, говорятъ совсѣмъ другое. Они говорятъ, что здѣсь люди трудятся съ утра до ночи и могутъ добыть цѣною этого труда необходимую степень порядка, необходимое количество удобствъ. Ихъ улицы въ полночь не похожи на полдень, но вездѣ однако горитъ газъ не хуже парижскаго, и воры не грабятъ прохожихъ. У нихъ нѣтъ великолѣпныхъ бульваровъ, прорѣзающихъ городъ широкою артеріею изъ конца въ конецъ, обставленныхъ непрерывающеюся линіею дворцовъ, сверкающихъ зеркальными стѣнами магазиновъ, — но ихъ улицы вымощены такъ же отлично, какъ лучшіе парижскіе бульвары,

ихъ мостовья поливаются отъ пыли и очищаются отъ грязи съ тѣмъ же тщаніемъ, какъ и площадь передъ Тюильри. У нихъ нѣтъ всемірныхъ музеевъ, подобныхъ Луврскому, нѣтъ Елисейскихъ полей, Тюильрійскихъ садовъ, Булонскихъ лѣсовъ, парковъ Версальскихъ, С.-Клудскихъ, Фонтенблосскихъ и десятковъ другихъ, нѣтъ триумфальныхъ арокъ, триумфальныхъ капеллъ, триумфальныхъ площадей, нѣтъ дворцовъ для всяческихъ оперъ, лирическихъ, комическихъ, итальянскихъ, волшебныхъ и прочихъ, нѣтъ «золотыхъ домовъ», мабелей, *cafés chantants* — на все на это не оказалось средствъ у 10¹/₂ тысячъ честныхъ нѣвшательскихъ мѣщанъ; но однако честные мѣщане не упустили устроить себѣ нѣсколько благонадежныхъ общественныхъ банковъ, поднавшихъ мѣстныи кредитъ, не упустили основать обширную и отличнѣйшую гимназію, естественно-историческіе музеи которой уже воспитали многихъ замѣчательныхъ натуралистовъ; не упустили основать такую же прекрасную коллегію для дѣвицъ, городскую библіотеку въ 20,000 томовъ, сиротскій домъ, двѣ превосходныя общественныя больницы — и даже — кто бы могъ ожидать этого отъ честныхъ мѣщанъ? — художественную галерею изъ произведеній мѣстныхъ артистовъ, между которыми есть такіе, какъ Каламъ, Жирардѣ, Робѣръ и другіе.

Мало того, честнымъ мѣщанамъ стало тѣсно жить въ старинномъ своемъ Нейенбургѣ, и они вдругъ взяли себѣ да и отвели въ сторону старую свою рѣчку Сейонъ, вырубивъ для нея въ скалахъ новое русло, а старое преспокойно обратили въ новую улицу. Даже гостиницы этого мирнаго городка съ десяти тысячнымъ населеніемъ не хуже парижскихъ; конечно, онѣ не такія огромныя, безъ подавляющихъ антрѣ, безъ изумляющихъ швейцаровъ, но за то всѣ съ чистымъ воздухомъ, съ покойными постелями, съ живописными видами, съ вѣжливою прислугою и вкуснымъ столомъ, а вдобавокъ опрятнѣе и дешевле парижскихъ.

Омнибусы, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, конторы, магазины, фонтаны, купальни, читальни — все, что существенно нужно человеку, что составляетъ не блески, а истинную суть цивилизаціи, облегчаетъ, расширяетъ, облагораживаетъ нашу жизнь — все это въ скромномъ городкѣ часовыхъ мастеровъ устроено такъ же удобно и основательно, какъ въ самой шумной столицѣ. Но эта скромность внѣшней обстановки достойна за то пуританъ. Магазины снабжены всѣмъ нужнымъ. Но если вамъ не необходимо дозарѣзу купить чегонибудь, то ничто васъ не заманитъ внутрь этихъ магазиновъ. Оконной вы-

ставки, которою щеголяетъ Парижъ, можно сказать, не существуетъ въ честномъ Нёвшателѣ. Вывѣски лаконическія и скромныя. Двери вездѣ заперты; кому нужно — отворить и взойдетъ. Даже публичный музей обставленъ такъ же ввакерски. Входъ гдѣ-то внутри двора, съ задняго крыльца, двери на замкѣ.

Позвоните въ огромный колоколъ, явится сторожъ и впуститъ васъ. Лишней прислуги можно такимъ образомъ избѣгнуть. Тутъ же на дворѣ другой музей — альпійскихъ животныхъ — также вѣрно хранимый. Интересенъ самый способъ пріобрѣтенія городомъ Нёвшателемъ сокровищъ музея и почти всѣхъ его общепользныхъ учрежденій.

Обращать на эти благодѣтельные предметы скудный сборъ съ горсти жителей было бы злодѣяніемъ для жителей. Бѣдному человѣку сначала нуженъ хлѣбъ, дорога, баналь, потому уже музеи и даже сиротскіе дома. Только въ царствѣ рабовъ можно воздвигать пирамиды и храмы на счетъ жизни работниковъ. Въ республиканскомъ Нёвшателѣ всѣ почти цѣнныя общественныя сооруженія — жертвы доблестныхъ гражданъ, которымъ улыбнулась судьба, и которые воздали истинно человѣческую благодарность своему отечеству. Давидъ Пюри въ XVIII столѣтіи употребилъ 4¹/₂ мильона франковъ на учебныя и благотворительныя заведенія Нёвшателя; ему теперь воздвигнута вполнѣ республиканская статуя на площади безъ мантій и эмблемъ, но съ надписью, выразительною по своей простотѣ: Давидъ Пюри, гражданинъ Нёвшателя, родился тогда-то, сдѣлалъ то-то и за это удостоенъ согражданами памятника.

Сиротскій домъ учрежденъ г. Дальманомъ, госпиталь — Пурталесомъ, и т. п. Картины музея — тоже даръ разныхъ лицъ, или пріобрѣтенія по подпискѣ. За роскошь расплачивается не бѣднякъ, а богатый. Въ 10 часовъ вечера городъ совсѣмъ спитъ, какъ наши уѣздные города. Можно предположить, что охотники до ночныхъ кутежей, разгульные холостяки и всякіе любители сильныхъ ощущеній не поживятся добычею среди нёвшательскихъ республиканцевъ, на берегу ихъ спокойнаго озера. Вы вправѣ считать за это старинный и вольный городъ Нёвшатель скучнѣйшимъ городишкою, въ которомъ можно удивиться съ тоски, и я съ вами не буду спорить. Но я напоминаю только вамъ, что скука Нёвшателя — это правда его трудовой жизни. Чтобы быть свободнымъ, просвѣщеннымъ и сытымъ, нужно работать и сберегать наработанное. Чтобы работать днемъ, нужно спать ночью. Легко промѣнять свою нравствен-

ную и матеріальную независимость на упительныя зрѣлища и сильныя потрясенія, легко изъ суроваго гражданина обратиться въ праздную чернь цирковъ и Марсова поля; вольному волю, а спасенному рай!

Духъ республики, — это духъ простоты и суровости. Жизнь разсматривается такъ, какъ она можетъ быть разсматриваема человекомъ, принявшимъ на себя отвѣтственность въ судьбѣ своей; какъ борьба терпѣнія, порядка, силы воли и силы общенія. Право на наслажденіе покуда еще не признается неподкупною практикою жизни. Наслажденіе, самое тихое, самое умѣренное, высоко цѣнится душою, не смѣящею его требовать, и сіяетъ далекимъ, не всѣмъ доступнымъ, идеаломъ борьбы въ глазахъ неутомимаго борца.

Наслажденіе устроить свою жизнь честно, разумно, спокойно и полезно, и устроить еще потомъ рукъ своихъ — это наслажденіе чаще другихъ достается на долю борцовъ и достаточно сильно, чтобы поддерживать въ теченіе многихъ лѣтъ унывающую или ослабѣвающую душу.

Недаромъ же пуританизмъ гнѣздится въ Америкѣ и Швейцаріи въ одномъ гнѣздѣ съ республикою. Толпа, не вѣрящая въ свое будущее, не сознающая своихъ правъ на человѣческую жизнь, жаждетъ наслажденій, жаждетъ цирковъ какъ хлѣба. Нынче бичуемая, она завтра хочетъ опьяненія. Какъ плѣнный хищникъ въ лѣткѣ своей теряетъ чутье, врожденное свободному звѣрю, не заботится о своей безопасности, о своемъ пропитаніи, а въ мрачномъ равнодушіи лежитъ среди окружающихъ его враговъ, терпя позоръ и побои, и возбуждается только кускомъ окровавленнаго мяса — такъ и рабскій народъ теряетъ сознание чести, опасностей и истинныхъ нуждъ, и жаждетъ только одного возмездія за свою неволю — сильныхъ потрясеній, развлеченія, столь же мало имъ заслуженныхъ, какъ и его неволя. Внутреннее чувство правды говоритъ ему, что тотъ, кто живетъ за него, долженъ и тѣшить его, что устраненный отъ заботъ жизни долженъ быть устраненъ и отъ заботъ о своихъ радостяхъ. Цирки — цѣна кабалы его, и онъ требуетъ бульваровъ, театровъ, позолоты и шуму, какъ своего достоянія.

Оттого-то, можетъ быть, честная скука Нѣвшателя и произвела на меня возрождающее впечатлѣніе послѣ блудной веселости Парижа.

Въ купальнѣ прекраснаго озера одинъ изъ гражданъ свободной республики, стягивая съ меня сапоги, много говорилъ о

холерѣ, начинавшей появляться въ Швейцаріи. Въ купальнѣ была изрядная компанія. Вошелъ какой-то баринъ съ бородою. Банщикъ мой павинулся на него довольно азартно, сталъ упрекать въ нерѣшительности, въ беззаботности, приводилъ примѣръ вреднаго устройства помойныхъ ямъ въ г. Нѣвшателѣ, указывалъ разные средства исправленія и взысканія, и безпрестанно повторялъ сконфуженному пришельцу: «еслибы я былъ въ правительствѣ, я бы сдѣлалъ то и то!» Онъ говорилъ это такимъ тономъ, что нельзя было сомнѣваться въ его твердой надеждѣ рано или поздно занять, вмѣсто банщика, постъ министра родной республики. Когда незнакомецъ, пытавшійся разными доводами оправдаться отъ нападенія горячаго оратора, ушелъ изъ купальни, я спросилъ изъ любопытства — кто этотъ господинъ?

«А! это нашъ главный директоръ по санитарной части, развязно отвѣчалъ мнѣ банщикъ: — на его обязанности лежить работа объ общественномъ здоровьѣ, но эти члены правительства просто спятъ и ни о чемъ не думаютъ! Я нарочно втеръ ему въ носъ при всей публикѣ, какіе безпорядки въ кантонѣ: пусть себѣ наматаетъ на усть!»

Признаюсь, я долго не могъ опомниться отъ такого новаго для меня способа обращенія республиканскихъ банщиковъ съ членами республиканскаго правительства и долго не могъ сообразить, изъ-за чего такъ горячился объ общественномъ благомъ босоногий банщикъ, едва выработывающій себѣ на пропитаніе.

II.

На родинѣ Телля.

Пароходъ врѣзался все глубже и глубже въ тѣснины озера. Выше и отвѣснѣе становились скалы. Милые берега Люцернской и Кюснахтской бухты исчезли, и суровыя твердыни Раги и Буоксергорна стали провожать нашъ бѣгъ. Вода тоже темнѣла и суровѣла, и вѣтеръ сталъ дуть съ юга. Южная часть озера лѣсныхъ кантоновъ представляетъ изъ себя три озера, соединяющіяся подъ разными углами. Два первыхъ идутъ къ юго-востоку, послѣднее, такъ-называемое Urnersee, рѣзко въ югу. Оно тѣснѣе, суровѣе и романтичнѣе всѣхъ остальныхъ. Это колыбель швейцарской свободы. Здѣсь каждый камень — народная святыня. Вонъ, подъ скалами Трейба, пирамидальный утесъ

торчить изъ воды; на немъ свербаютъ золотны буквы: «Пѣвцу Телля, Фридриху Шиллеру, старые кантоны. 1859 г.» (Dem Sanger Tell's, Fr. Schiller, die Urkantone). Надпись эта сдѣлана въ воспоминаніе столѣтней годовщины Шиллера.

Утесъ швейцарцы называютъ «камнемъ мѣовъ» (Mythenstein). Этотъ кусокъ скалы, дико торчащей среди водъ — памятникъ знаменательный и по мѣсту и по идеѣ. Пѣвецъ свободы и природы не могъ получить болѣе достойнаго, болѣе оригинальнаго. Немного проплыли, а ужъ великая страница исторіи, воспѣтая по-этомъ свободы. Надъ нами, на скалахъ Унтервальдена, маленькая долина Гримли, вся спрятанная въ лѣсу. Здѣсь, 560 лѣтъ тому назадъ, пастухи и охотники старыхъ кантоновъ собрались изъ своихъ альпійскихъ деревень, глубокою почью, лѣсными тропами, поманули свои страданья и повялились добыть себѣ свободу, которую отняли у нихъ сильные міра. Здѣсь заключенъ тройной союзъ лѣсныхъ кантоновъ, корень швейцарской свободы и начало швейцарской исторіи.

Грубые пастухи увидѣли, что бароны ихъ :

Mit unsrer Armuth ihre Landerkaufe
Mit unsrem Blut: ihre Kriege zahlen,

(Нашею бѣдностью расплачиваются за свои земли, нашею кровью за свои войны).

и сказали себѣ :

So sey's fur uns — wohlfeiler kaufen wir
Die Freiheit als die Knechtschaft in.

(Такъ пусть будетъ это для насъ самихъ — свобода обойдется намъ дешевле рабства).

Пастухамъ посчастливилось. Оказалось, какъ всегда оказывается, что чортъ далеко не такъ страшенъ, какъ его пишутъ, и что достаточно людямъ искренно захотѣть быть людьми, чтобы сдѣлаться ими.

Arm, der die harte Erde
Sich unterwirft und ihren Schoss befruchtet
Kann auch des Mannes Brust beschutzen.

(Рука, покоряющая себѣ суровую почву и ошодотворяющая ея нѣдра, въ состояніи защитить и грудь человека).

Важно было — дерзнуть. Пастухъ дерзнулъ, поднялся, и рыцаря не стало. Вѣра въ себя — двигаетъ горы. И тогда пастухъ понялъ себя, свою силу.

Недалеко отъ Грютли, но уже на другомъ берегу и въ другомъ кантонѣ, въ Швицѣ площадь Телля. На ней стоитъ скромная деревянная часовня, построенная около 500 лѣтъ назадъ. Это мѣсто также свято. Сюда, согласно преданію, выскочилъ изъ лодки и спасся въ горы освободитель Швейцаріи, Вильгельмъ Телль, котораго Гесслеръ везъ плѣнникомъ въ свой замокъ. Преданіе говоритъ, что Телля спасла страшная буря; она заставила Гесслера прибѣгнуть къ помощи плѣнника, котораго неустрашимость и умѣніе управлять кормиломъ давно уже славились въ лѣсныхъ кантонахъ.

Sein Athem ist die Freiheit,
Er kann nicht leben in dem Hauch der Gräfte.

(Его дыханіе — свобода, жить въ сирадѣ подземелья — онъ не можетъ).

Поэтому онъ долженъ былъ спастись такъ или иначе. Его спасеніе было смертью Гесслера, смертью деспотизма и воскресеніемъ народа. Телль дождался ландфогта у Кюстнахтской бухты, въ узкомъ проходѣ, Hohle Gasse, котораго нельзя было миновать, и стрѣлою, сбившею яблоко съ головы сына, пробилъ насквозь сердце тирана. «Das ist Tell's Geschoss!» — это ударъ Телля!» — поэтъ заставилъ воскликнуть умирающаго Гесслера. На томъ мѣстѣ теперь также стоитъ часовня Телля, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ развалинъ ненавистнаго Гесслербурга.

Мы проѣхали площадку Телля уже въ сумерки. Ночь подвигалась быстро и грозно. Вершины *Ури*, *Роштока* и *Бристелитока*, выросавшія все выше по мѣрѣ нашего движенія впередъ, одѣлись тучами.

Аксенбергъ провожалъ насъ слѣва гигантскою черною стѣною... Озеро волновалось, тоже черное и страшное, въ своихъ каменныхъ стѣнахъ. Тьма опускалась съ горъ и шла намъ навстрѣчу. Вдругъ мнѣ показалось, что на меня хватило горячимъ дымомъ паровика. Откуда же это? Еще и еще; знойнымъ, изсушающимъ дыханіемъ пышетъ мнѣ въ лицо. Сейчасъ сдѣлается дурно; виски бьются, нервы раздражены до крайности. На пароходѣ суетня, поддаютъ ходу, публика бѣжитъ въ каюты... «Фѣнь, фѣнь», слышится въ толпѣ. Я наконецъ догадался теперь, что пышетъ мнѣ въ лицо. Самумъ Сахары, пронесшись черезъ море и отравивъ итальянскій воздухъ подъ именемъ сирокко, врывается сквозь ущелія Альпъ, черезъ С.-Готардъ и долину Рейсса, въ бассейнъ мирнаго озера лѣсныхъ кантоновъ. Здѣсь его зовутъ новымъ именемъ — «фѣнь».

Не знаю, всегда ли бываетъ такъ удушливо и тошнотно дн-

ханіе фѣна. Точно стоишь подѣ трубой парохода и принимаешь въ свои легкія его теплый вонючій паръ. Отъ фѣна все прячется. Не успѣли мы пристать въ Флюслену, какъ фѣнъ разразился жестокими порывами. Суда бросили вторые якоря. Извошники, народъ, ожидавшій на берегу — все бросилось въ разныя стороны. Видно было, какъ захлопывали двери балконовъ и окна, привѣтливо свѣтлѣвшія среди черной ночи. Вихри горячей пыли взметались и неслись съ горъ въ тѣснину озера, оборванные листья деревьевъ шелестили и трепетали въ воздухѣ, тучею уносимые вмѣстѣ съ пылью... Волны плескали и плясали какъ въ морѣ; а фѣнъ вылъ и стоналъ въ ущельяхъ, въ улицахъ, въ трубахъ домовъ, въ снастяхъ парохода. Когда мы вбѣгали въ гостиницу, череница крышъ уже съ звономъ разсыпалась по мостовой...

Фѣнъ много народу загналъ въ гостиницы Флюслена. Ничто не сунулся въ Альтдорфъ, и дилижансы его должны были ждать слѣдующаго утра. Свромная гостиница Флюслена не похожа на роскошныя новомодныя отели Люцерна; это настоящая гостиница старой Швейцаріи, хранящая на себѣ отпечатокъ старой исторіи и старыхъ нравовъ.

По сосѣдству съ Грютли и Альтдорфомъ такая таверна приличіе лондонскихъ ресторановъ Люцерна. Однако, въ тѣсной столовой было свѣтло и тепло, и деревенскій ужинъ ожидалъ путешественниковъ. Набралось, какъ всегда водится, больше всего англичанъ, и они тотчасъ же принялись за чай и яйца, обѣвъ кругомъ весь столъ. Фѣнъ немилосердно качалъ суда, свистѣлъ, гудѣлъ, рвался къ намъ въ окно, а мы препокорно и прераппетивно себѣ ужинали въ нашей многолюдной и ярко-освѣщенной столовой. Патриотическія сцены, патриотическіе портреты и надписи покрывали стѣны столовой. Все было проникнуто памятью о великой эпохѣ и великихъ герояхъ Швейцаріи.

Послѣ ужина дужая швейцарка горою взбила намъ свѣжіе пуховики въ огромныхъ бѣлоснѣжныхъ постеляхъ. Съ наслажденіемъ бросились мы въ нихъ, чтобы уснуть беззаботнымъ сномъ одинокихъ путешественниковъ, ничѣмъ не обязанныхъ, нигуда не спѣшащихъ. Ночлегъ въ Urschweiz, на родинѣ Вильгельма Телля, при завываньяхъ фѣна! Такъ несбыточна казалась эта обстановка сонной мечты шигровскаго обитателя.

Мы легли въ 9 часовъ и встали въ 5, какъ подобаетъ классической странѣ пастушества.

Пока готовили завтракъ и запрягали дилижансы, я вышелъ посмотрѣть на озеро. Оно лежало неподвижно, будто отдыхая отъ вчерашней пляски. Скалистые берега исчезали въ туманѣ. Старинные, высококровельные дома стояли мокрые и немного растрепанные, по улицамъ валялась битая черепица. Черной старой колокольнѣ, повидимому, досталось больше всѣхъ. Но она, вѣжета, давно уже привыкла къ подобной трепкѣ. Ночью дождь смирилъ фѣнь и осадилъ его пыльные вихри. За то отъ С.-Готарда тянулись влажныя тучи, и нельзя было ожидать яснаго дня. Въ старую церковь собирався народъ, и торжественные аккорды органа слышались съ улицы. Я вошелъ въ церковь. Богослуженіе уже началось и толпы крестьянъ въ характерныхъ національныхъ костюмахъ въ глубокомъ благоговѣніи молились за своими скамьями. Припавъ къ своимъ молитвенникамъ, старыя худощавыя швейцарки дружнымъ шопотомъ читали утреннія молитвы. Ихъ оригинальные головные уборы, черныя плоскіе корсажи подъ самыя мышки, серьезныя, истомленные работою лица, въ глубокихъ морщинахъ и съ гладко зачесанными сѣдинами — ихъ фанатическій шепотъ и фанатически горящій глазъ, устремляемый повременамъ на размалеванныя статуэтки святыхъ въ цвѣтныхъ тряпочкахъ, дрожащія, старческіе голоса, подпѣвающія органу — все это переносило воображеніе въ темныя времена средневѣковаго католичества, когда для религіи человѣкъ жплъ, для религіи работалъ и для религіи умиралъ.

Священникъ и дѣти, служившіе ему, двигались чинно и стройно, какъ неживые. Органъ разливалъ подъ сводами стараго храма могучіе и строгіе звуки церковныхъ пѣсней, и на звуки эти сердцемъ и устами, и глубокимъ знаменіемъ креста отвѣчали эти темныя вѣрующіе люди, притекшіе помолиться храму божию передъ началомъ своихъ ежедневныхъ работъ.

Это не была толпа праздныхъ богомолковъ и калѣкъ, сонливо пресмыкающихся у стѣнъ храма; это все были безсмѣнные работники, едва отдохнувшіе отъ вчерашней работы и сейчасъ же отправляющіеся на новую работу.

Корзины, косы, грабли стояли при входѣ въ углахъ, — смиренная святыня труда, достойная храма. Я съ искреннимъ уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ честный и трудовой народъ, на его честныя, трудовыя привычки. Что-то особенно почтенное видно въ этой крѣпости преданій, въ этой несокрушимой связи настоящаго съ давно прожитыми вѣками. Прадѣдовскій нарядъ, прадѣдовскій храмъ, вѣра и обычай прадѣдовъ. Также крѣпко

долженъ сидѣть въ этихъ вѣрующихъ сердцахъ и духъ свободы, окрылявшій правдѣю. Свободный человекъ былъ виденъ даже и въ фанатическомъ богомольцѣ. Уваженіе къ себѣ, сознание своего человечества — читалось въ этихъ трезвыхъ и скромныхъ глазахъ, въ этой благочестной вѣшности, въ этихъ неторопливыхъ, незапуганныхъ, достоинства исполненныхъ движеніяхъ.

Каждая крестьянка имѣла свой висеть съ молитвенникомъ, свои чотки на рукѣ, свои перчатки и дождевой зонтикъ. Входя въ храмъ, она безъ шума освобождала себя отъ своей ноши, ставила въ уголь зонтикъ и корзину, и, степенно пробравшись на свое мѣсто, погружалась въ молитвенникъ, не озираясь по сторонамъ, не заводя бесѣды съ сосѣдями...

Бычи захлопали, и здоровыя лошади съ ногами, толстыми какъ бредня, съ шеями слонь, поперли въ гору нагруженные нами дилижансы. Тяжелый и медленный подъемъ, на встрѣчу Италии. Мы теперь съ головою окунулись, въ Ури, въ дикую родину Телля. Это по преимуществу страна горцевъ и дикихъ козъ.

Здѣсь нѣтъ той зелени, къ которой мы привыкли. Здѣсь все — ущелье, утесъ, обрывъ, каменная стѣна, каменная пирамида. Вода тоже здѣсь — водопадъ, бѣшеный горный потокъ; тихой, обыкновенной нашей воды — здѣсь нѣтъ.

Этотъ горный уголокъ имѣетъ тысячелѣтнюю исторію, но дикъ и дѣвственъ, какъ новооткрытая страна. Здѣсь еще не знаютъ промышленности; здѣсь только знаютъ, какъ пасти стада на Альпахъ, какъ гоняться по скаламъ за сернами, и немногіе только узнали, какъ обрабатывать огородъ.

Сотни лѣтъ шель черезъ эту тѣсную долину Рейсса, вверхъ на С.-Готардъ и потомъ черезъ него на югъ, внизъ по Тесино, единственный торговый путь въ Италію. Но дорога, сдвинутая двумя рядами сваль, осталась между этими скалами и не проникла въ лѣсистыя боковыя ущелья и на подоблачныя альпійскія пастбища. Жители Ури немного позаимствовали отъ потока итальянской и германской цивилизаціи, такъ долго протекавшей посреди ихъ. Видно, лѣса и утесы укрывали ихъ отъ чужеземныхъ вліяній такъ же хорошо, какъ и отъ фѣна.

Бушевала кругомъ реформація, сосѣдній Цюрихъ, Бернъ, Женева, — сдѣлались очагомъ раскола, поль-Германіи отшатнулось отъ папы, а жители Урнскихъ лѣсовъ не хотѣли ничего знать, кромѣ своей старой церкви, своего стараго попа, сбѣгали за нимъ съ своихъ горъ и шли карать безбожныхъ

жителей равнины. Горецъ задушилъ Цвингли на Капельскомъ полѣ и остался въ вѣрѣ праотцевъ, въ вѣрѣ горъ и лѣсовъ своихъ.

Горецъ не считалъ однако религію рабствомъ и не думалъ уступать господскихъ правъ надъ собою монастырямъ и духовенству. Онъ чтилъ въ попѣ служителя Бога, но не барина своего.

Первое историческое извѣстіе объ Ури — это именно борьба его противъ монастыря, которому онъ *«былъ подаренъ»* королемъ Людовикомъ въ IX вѣкѣ. *«Свободные»* герцы трехъ лѣсныхъ кантоновъ составили между собою союзъ противъ монаховъ еще въ XII вѣкѣ, и съ тѣхъ поръ постоянно боролись противъ привиллегій духовенства, противъ духовнаго суда и проч. Съ конца XIII вѣка уже ихъ признаютъ *«союзниками»* (Eidgenossen). Они, правда, считаютъ себя подданными императора, но не хотятъ покоряться ничьимъ распоряженіямъ, кромѣ своихъ, собственныхъ. Они почитаютъ императора на землѣ, какъ почитаютъ Бога на небѣ, идеаломъ правды и милости, неимѣющимъ ничего общаго съ ихъ ежедневною жизнью. Когда императоромъ сталъ Габсбургъ, они не хотѣли признать его ближайшихъ правъ на свои горы. Они хотѣли, постаринѣ, сами думать о себѣ, сами судить себя, править собою, работать на себя, защищать себя. Они не хотѣли терпѣть надъ собою бароновъ и ландфогтовъ, присланныхъ императоромъ. Вольные орлы и серны, ихъ сосѣди, неужели должны быть счастливѣе ихъ, неужели имѣютъ больше правъ на свободу?

Императоръ Альбрехтъ вздумалъ смирить горца, а для этого нужно было смирить прежде всего Ури. Въ тѣснищѣ Рейсса, на горѣ, владычествующей всею долиною, построили замокъ Zwinguri («ковы Ури», по вольному переводу). «Ковы Ури» были разбиты Вильгельмомъ Теллемъ и клятвою Грютли, и началась *«историческая юность Швейцаріи»*. Съ тѣхъ поръ горцы Ури подозрительно и зорко охраняли свои старыя вольности. Кромѣ нихъ, они ничего не хотѣли. Все новое, лучшее — казалось имъ опасностью для отечества гибелью свободы.

Въ 1798 г. революционеры внесли въ Швейцарію идеи свободы и равенства, опираясь на французскіе штыки, и горцы поднялись на защиту своей старины. Даже свободы они не хотѣли чужой и новой, иной, чѣмъ свобода Грютлійской клятвы. Священники держали ихъ въ невѣжествѣ и суевѣріи, отнимали свободу ума и совѣсти, а они — сами люди свободы — вооружались на защиту ихъ противъ людей свободы, пришедшихъ

освободить ихъ. Они помнили, что въ дни В. Телля была та же церковь въ Альтдорфѣ, такіе же священники въ церкви, и этого было довольно, чтобы революція стала врагомъ отечества. Геройскія толпы пастуховъ нашли геройскую смерть на берегахъ роднаго озера.

Пули французскаго генерала Шауенбурга заставили потомковъ Телля и Винкельрида покориться Гельветійской республикѣ. Исторія со всѣхъ сторонъ обгоняла ихъ, упорныхъ защитниковъ старины, міръ кругомъ дѣлался свѣтлѣе и счастливѣе, разливалось богатство и просвѣщеніе вмѣстѣ съ новою промышленностію и новыми учрежденіями; жители швейцарскихъ окраинъ, когда-то данники горцевъ, стали многолюдными и могущественными гражданами, а горець Ури и Унтервальдена оставался непоколебимъ въ своей полуязыческой вѣрѣ, въ наивныхъ демократическихъ обычаяхъ героическаго вѣка, въ патриархальной простотѣ своего альпійскаго хозяйства. Онъ едва еще обмѣнялъ на ружье дѣдовскій лукъ и стрѣлы. Онъ до послѣдняго времени является суевѣрнымъ и фанатическимъ врагомъ всякаго новшества въ жизни. Въ 1847 г. горные кантоны, видя торжество новыхъ политическихъ идей, лютеранскаго раскола, европейской цивилизаціи, рѣшились отшатнуться отъ грѣшныхъ собраній и спастись среди всемірнаго потопа новизны въ ковчегѣ старой вѣры и старой жизни. Образовался особый союзъ (Sonderbund) изъ 7 католическихъ кантоновъ. Опять война, опять геройскія жертвы, и опять побѣда новаго надъ старымъ. Союзная реформа 1848 г., кажется, нанесла духу старовѣрчества ударъ болѣе чувствительный, чѣмъ всѣ прежніе. Однако, общественное состояніе и политическое устройство Ури до сихъ поръ сохранило на себѣ сильную складку XIV столѣтія. Ури принадлежитъ къ числу немногихъ такъ называемыхъ демократическихъ кантоновъ, въ которыхъ народное вѣче играетъ важную роль. Плебисцитами выбираются законодатели и правители, плебисцитами одобряются законы и мѣры правительства.

Средневѣковое смѣшеніе разныхъ функцій власти въ одномъ учрежденіи господствуетъ еще въ *«первобытной Швейцаріи»*.

Законодатель здѣсь зачастую судья и правитель. Школъ мало, учать по старинѣ. За то суевѣрія — непочатый кладъ. Во всемъ Ури ни одного банка. Во всемъ Ури ни одного семейства, говорящаго другимъ языкомъ, кромѣ роднаго нѣмецкаго (изъ 3.000 семействъ слишкомъ), и почти ни одного человѣка иной вѣры, кромѣ католической (инувѣрцевъ 1 на 999).

Даже эмиграція — этотъ неизбѣжный бичъ современной Швейцаріи, и та почти не коснулась стараго Ури, несмотря на тѣсноту и древность его; потому что 7 человекъ въ годъ на все населеніе — можно не считать за эмиграцію.

Вотъ и Альтдорфъ! Сколько гостиницъ и пивныхъ, столько же вывѣсокъ съ Вильгельмомъ Теллемъ, тремя цѣловальниками Грютли, Винкельридомъ и проч. И на всей дорогѣ такъ. Безъ Вильгельма Телля не съѣдите, не выпьете, не купите ничего. Вотъ фонтанъ на томъ мѣстѣ, откуда Альтдорфскій герой стрѣлялъ въ знаменитое яблоко. Вотъ другой фонтанъ, надъ нимъ Телль не одинъ, а съ ребенкомъ, съ своимъ Вальтеромъ. На этомъ мѣстѣ стоялъ сынъ Телля, съ яблокомъ на головѣ, которое отецъ долженъ былъ пронзить стрѣлою. Эта тѣсная площадь — та самая, гдѣ связали Телля, гдѣ неистовствовалъ Гесслеръ. Мы попирали почву самой поэтической швейцарской эпопеи.

На большой улицѣ стоитъ настоящій памятникъ Теллю — громадная статуя его съ натянутымъ лукомъ.

Хотя этотъ памятникъ и знаменитость своего рода, но мнѣ мало понравился. Никакого вкуса и правды. Фигура груба и вмѣстѣ изыскана.

Подъ статуей извѣстный отвѣтъ Телля Гесслеру: «Nun, Herr, wollt Ihr gründlich wissen: wenn ich mein Kind getoffen, Euer hätt, mit diesem zweitem Pfeil, ich nicht gefehlt!..» (Ну, господинъ, если хочешь знать правду: попалъ бы я въ своего ребенка, то ужъ другой стрѣлой не миновалъ бы тебя!) Въ Альтдорфѣ еще много старыхъ строеній, съ надписями XVI и XVII столѣтій; но уже общая фizioномія города на обычный манеръ. Есть не только магазины и кондитерскія, но даже музеи.

Мы проѣхали Альтдорфъ, не останавливаясь, ознакомились только съ наружнымъ видомъ его. Но и за Альтдорфомъ встрѣчаются по дорогѣ историческія имена той же славной эпохи. Вотъ Аттингаузенъ — родина Вальтера Фюрста и, можетъ быть, Шиллеровскаго Аттингаузена, этого швейцарскаго Берлихингена; дальше на скалахъ развалины Zwinguri или Twinguri, какъ называютъ его швейцарцы. Долина Рейсса, внизу населенная и обработанная, дѣлается все безлюднѣе и диче по мѣрѣ движенія вверхъ, особенно начиная отъ Амстега. Вершины Виндгеллей, потомъ страшная пирамида Бристенштока, уходящая изъ бездны прямо въ облака, вся на глазахъ нашихъ, сдавливаютъ долину слѣва. Трещины, тысячи футовъ глубиною, и такія узкія, что, вѣжется,

перепрыгнуть можно, раскалываютъ одну гору отъ другой; ели, будто толпы разбойниковъ въ засадѣ, набились въ эти гранитныя щели вмѣстѣ съ снѣгомъ, камнями и водопадами.

Рейссъ вьется змѣею между поворотами ущелья, свергается съ утеса на утесъ, то исчезаетъ въ глубинахъ пропасти, откуда доходить до насъ одинъ злой ревъ его, то опять выпрыгиваетъ дикимъ звѣремъ изъ своей норы на встрѣчу дороги, и несется, взбивая клубы пѣны, гремя и потрясая камни, неистово кружась и неистово взвивая... Старня ели сплошнымъ лѣсомъ окружаютъ глубокое ложе Рейсса, заслоняя его и пряча въ своей чащѣ. А намъ съ нашего горнаго шоссе могучія вершины ихъ кажутся глубокимъ дномъ оврага... Дорога на С.-Готтардъ идетъ бѣльшею частью по высокому карнизу правой стѣны ущелья, крутымъ и нескончаемымъ изволокомъ. Это отличное шоссе только недавно прорѣзало горы. До того времени подъемъ былъ несравненно труднѣе, медленнѣе и опаснѣе, извинаясь по окраинамъ скалъ, и однако десятки тысячъ муловъ и лошадей ежегодно по этой главной артеріи Швейцаріи тянулись изъ Италіи въ Германію, изъ Германіи въ Италію.

Даже въ Швейцаріи трудно встрѣтить мѣстность болѣе грознаго и диваго великолѣпія. Тутъ уже не известняки, не сланцы, а голый, сплошной гранитъ.

Тяжкія массы его, необъятныя взгляду, чорныя и гладкія какъ чугунная плита, отвѣсными подоблачными стѣнами поднимаются изъ обѣихъ сторонъ узкой тѣснины, задвигаютъ ее сзади, воздымаются передъ нею спереди, едва разступаясь передъ ползущею у ногъ ихъ дорогою.

Какъ-то мрачно и враждебно смотрятъ на насъ сверху эти вѣковѣчныя твердныя, и, кажется, будто хотятъ задвинуть насъ въ своихъ каменныхъ тискахъ.

Дорога наша то подымается подъ навѣсомъ скалъ, вырванныхъ порохомъ, то виситъ надъ пучиною Рейсса на каменныхъ подпорахъ. Частые повороты дороги открываютъ намъ картины одна другой романтичнѣе, одна другой грандіознѣе. Мосты на сводахъ то и дѣло перекидываютъ насъ черезъ водопады бѣшенаго Рейсса съ праваго берега ущелья на лѣвый, съ лѣваго на правый, и тогда перспективы дѣлаются особенно полными... Жилища человѣка почти не встрѣчаются. Двѣ, три деревеньки, попадающіяся на дорогѣ, смотрятъ скучно и сурово своими высокими каменными домами съ рѣдкими и маленькими окнами. Все прячется и оберегаетъ себя здѣсь, въ этой непріютной области вѣтровъ и холодныхъ тумановъ, въ гранитныхъ объятіяхъ горъ.

Вмѣсто корзины съ персиками и яблоками въ окна вашего диджанса дѣвушки и дѣти суютъ вамъ лотки съ горнымъ хрусталемъ, аметистомъ, и разными шпатами, наваливая вамъ за ничтожную цѣну этотъ каменный товаръ — единственный плодъ гранитной почвы.

А мы все выше и выше; подъемъ отъ Амстега сдѣлался очень крутъ, и лошадей стали мѣнять чаще. Мы высыпали изъ диджансовъ и потянулись пѣшкомъ, чтобы свободнѣе наслаждаться дикими красотами. Гранитъ издали кажется сплошною плитою, а мѣжду тѣмъ изгрызенъ и растресканъ не хуже шифера. Его грызеть и точить бессильная капля воды. Она расколота эти тяжкія громады, уходящія въ небо, оборвала эти страшные утесы, насыпала обвалы въ ущелье и въ водопады рѣки. Она крошитъ гранитъ, какъ рука человѣка крошитъ кусокъ хлѣба.

Она обращаетъ въ песокъ и глину тотъ камень, о который разбивается желѣзо. Лѣтомъ можно ѣхать довольно безопасно по карнизу рейскаго ущелья. Камни хотя выразительно глядятъ на васъ сверху, улегшись, какъ стада овецъ, на крутыхъ скалахъ, и повиснувъ надъ вашею головою съ закраинъ скалъ, въ довольно! недвусмысленномъ положеніи—однако паденіе ихъ лѣтомъ бываетъ рѣдко. Каждый такой камушекъ безъ труда могъ бы расплющить въ одинъ блинъ весь нашъ ветхозавѣтный диджансъ канарѣчнаго цвѣта съ кучеромъ, лошадью и всею почтеннѣйшею публикой. Поэтому немногимъ, я думаю, захотѣлось бы повѣрить, какъ скатываются весною и зимою эти камушки. Что они скатываются — этому поневолѣ повѣришь. Вотъ они лежатъ, вонзившись углами въ нашу дорогу, сваливъ подъ корень столѣтнія ели въ глубинѣ пропасти, запрудивъ въ разныхъ мѣстахъ безумный бѣгъ Рейсса, который теперь пляшетъ и мечется кругомъ ихъ, какъ разъярившійся цѣпной песъ.

Вотъ и болѣе убѣдительныя доказательства: кресты съ надписями, подъ прикрытіемъ скалъ, одинокія могилки путниковъ, задавленныхъ обваломъ; вотъ и убѣжища отъ обваловъ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, сооруженныя благотѣльною рукою — небольшія пещерки у дороги, обдѣланныя каменнымъ сводомъ, въ толщѣ горы. Особенно много лавинъ снѣжныхъ и каменныхъ падаетъ въ *Шёлленскую* пропасть (*Schöllenen-schlucht*), и оттого-то такъ часто попадаютъ надъ нею спасительныя пещерки.

За Шёлленскою пропастью сейчасъ же и знаменитый *чортъ-мостъ*.

Это самое характерное и самое поразительное мѣсто цѣлаго ущелья.

Рейссъ здѣсь низвергается съ значительной высоты, съ оглушающимъ шумомъ и быстротою, ударяется со всего разбѣга о выступъ горы, стремглавъ поворачиваетъ направо и стремглавъ же ныряетъ въ пропасть, заслоненную горой.

Какъ разъ тамъ, гдѣ онъ низвергается, высоко переброшена черезъ пропасть смѣлая дуга чортова-моста. Это новый мостъ; а старый, уже покинутый, видѣнъ гораздо ниже. Черныя гранитныя стѣны подвигаются здѣсь такъ близко, что какая-то полутьма стоитъ въ тѣсномъ ущельи, и вопли Рейсса раздаются громче, чѣмъ гдѣ нибудь.

Сальваторъ Роза прожилъ бы мѣсяцы въ этой пустынной тѣснинѣ, полной самаго суроваго величія.

Но эти каменные своды все-таки не тотъ прославленный чортовъ-мостъ, черезъ который въ 99 году прошелъ съ своимъ Суворовымъ нашъ русскій солдатикъ, и на которомъ мы били французовъ въ безпощадномъ бою. Тотъ мостъ заслуживалъ своего имени. Это не былъ безопасный каменный сводъ, на которомъ можно хоть домъ строить.

Тогда просто вдоль скаль висѣли полусгнившія доски, высоко надъ водопадомъ Рейсса, качаясь на своихъ цѣпяхъ п обсыпаемая пылью и пѣною бѣснующагося потока. «Stäubende Brücke» поэтому называли его швейцарцы.

Какъ только взберешься съ чортова-моста на правый берегъ и подынешься въ гору, дорога вдругъ наотрѣзъ заслоняется выступомъ скаль Кирхберга. Въ этихъ скалахъ пробить пороховъ довольно длинный и совершенно темный тоннель. Эта черная подземная дыра такъ кстати въ обстановкѣ чортова-моста, такой естественный выходъ изъ чортова ущелья. За то когда вы выѣзжаете изъ тоннеля, неожиданная панорама широкой зеленой долины вдругъ разстилается передъ вами, покрытая деревьями и обставленная вдали рамкою горныхъ громадъ. Вы въѣхали въ *медвежью долину*, къ подножью С.-Готарда. Вонъ и онъ самъ хмурится своими снѣгами и тучами. Вонъ и Фурка справа. Отсюда перевалье въ Итацію, въ Валлисъ, въ Оберландъ. Дикій Ури кончается... Вонъ за тою старою лонгобардскою башнею, охранявшею когда-то переваль, за домиками Hospenthal'я, начинается кантонъ Тессино, итальянскій языкъ, итальянская рѣка, итальянскій югъ... Мы теперь въ Андерматтѣ, гдѣ назначенъ намъ отдыхъ. Его каменные дома, почти безъ дверей, и старая церковь глядятъ еще мрачнѣе, чѣмъ деревни ущелья.

Это бойницы, а не окна, это врѣпость, а не деревня. Она уединилась на своемъ заоблачномъ холмѣ, всѣхъ подозрѣвающая, отъ всѣхъ сторонящаяся, готовая хоть сейчасъ выдерживать осаду. Видно, что ее воспитала и создала суровая исторія. Сурово бьютъ колоколъ на церковной башнѣ, сурово гудитъ Рейссъ, пробѣгающій внизъ по старой узкой улицѣ, сурово глядятъ кругомъ снѣговые великаны. А бѣлыя сырыя облака ползутъ изъ чортовой долины, изъ шѣлененской пропасти, цѣпляясь за утесы, свиваясь и развиваясь какъ змѣи.

Молчаливый, прозанческій хозяинъ вышелъ изъ дверей подъѣзда, и утроба унылой гостиницы поглотила насъ.

Е. Марковъ.

АББАТЪ ПОЛИНЬЯКЪ

и

ПОЛЬСКОЕ ВЕЗКОРОЛЕВЬЕ.

(Историческій разсказъ) *.

IV.

Въ 1672 году, когда польскіе магнаты составили заговоръ противъ Михаила Коривута съ цѣлью свергнуть его съ трона, великій маршалъ Янъ Собѣсскій, руководившій заговоромъ, писалъ Людовику XIV: «Donnez nous pour roi ou Turenne, ou Condé, ou un prince de Conti, encore enfant, dont Turenne seroit le tuteur» **. Съ избраніемъ Яна Собѣскаго забылась память объ этой просьбѣ; теперь смерть Яна, о которой Полиньякъ извѣщалъ своего государя, воскресила въ Людовигѣ XIV воспоминаніе о желаніи Собѣскаго, высказанномъ отъ лица польскихъ магнатовъ.

Въ смерти Яна Собѣскаго Людовигъ XIV справедливо предвидѣлъ удобный случай къ изъятію польской республики отъ австрійскаго вліянія. Приобрѣтеніе въ Польшѣ если не союзника Франціи, то врага Австріи должно было усилить вліяніе французскаго короля на ходъ европейскихъ событій, которыя уже тогда обрисовывались довольно ясно.

Въ то время Европа находилась въ томъ періодѣ затишья и выжиданія, которымъ всякій государственный умъ долженъ умѣть воспользоваться, чтобъ приготовиться къ тѣмъ великимъ событіямъ, которыя готовы совершиться. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила Европа за извѣстіями изъ Мадрида, гдѣ вымиралъ послѣдній представитель испанской линіи, несчастный

* Начало помѣщено въ 5 № «Отеч. Записокъ».

** Lettre de Sobieski à Louis XIV, du 14 juillet 1672. «Дайте намъ въ короля или Тюренна или Конде или малолѣтняго принца Конті, подъ опекой Тюренна».

Карль II, слабый, больной отъ рожденія, умиравшій уже въ теченіе 30-ти лѣтъ. Два сильнѣйшихъ дома Европы, Бурбоны и Габсбурги, давно уже готовятся къ близкой и неизбежной борьбѣ; тотъ и другой ищутъ себѣ союзниковъ, укрѣпляютъ свое положеніе. Понятно, что оба дома слишкомъ заинтересованы въ избраніи преемника Яну Собѣсскому; понятно, что на избирательномъ сеймѣ Польши, сильнѣйшей изъ восточныхъ державъ, столкнутся интересы Австріи и Франціи въ лицѣ ихъ кандидатовъ на польскій тронъ, разыграется прологъ къ кровавой драмѣ, извѣстной въ лѣтописяхъ европейской исторіи подъ именемъ войны за Испанское Наслѣдство.

Изъ трехъ кандидатовъ, названныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ Собѣскимъ въ его письмѣ къ Людовику XIV, Тюренни и Конде не было уже въ живыхъ; третій, принцъ Конти, былъ уже не ребенокъ.

François Louis prince de Conti, племянникъ великаго Конде, обладалъ всѣми достоинствами своего знаменитаго дяди и превосходилъ его отсутствіемъ тѣхъ недостатковъ, которые были замѣтны въ Конде. Это подмѣтилъ еще Вольтеръ, когда задумывался надъ вѣкомъ Людовика XIV: «Ressemblant au grand Condé son oncle par l'esprit et le courage, il était animé du desir de plaire qui avait manqué quelquefois au grand Condé». * Нетолько потомство, современники отзывались объ немъ въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ. Маркизь de la Fare говоритъ о принцѣ **: «Le prince de Conti marqua du courage et des talents pour la guerre; il avoit beaucoup d'esprit, et l'avoit fort orné par la lecture; avec cela une humeur douce qui le rendoit de la plus aimable conversation qu'un homme puisse être». Даже скуной на похвалы герцогъ С.-Симонъ записалъ объ немъ въ своихъ мемуарахъ ***: «Le prince de Conti étoit les constantes délices de la

* Походя на великаго Конде, своего дядю, со стороны ума и храбрости, онъ былъ одушевленъ желаніемъ нравиться, котораго иногда недоставаю великому Конде.

** *Mém. du marquis de la Fare, Collect. de Monmerqué, v. XXV, p. 253.* Charles Auguste marquis de la Fare былъ капитаномъ гвардіи герцога Орлеанскаго, и если не имѣлъ успѣха въ военной службѣ, то единственно вслѣдствіе большаго успѣха, какъ многіе думали, у *M-me la maréchale de Rochefort*, въ которую былъ влюбленъ военный министръ Лувуа. По поводу этого маркизь говорить въ своихъ мемуарахъ: *Louvois et Le Tellier s'imaginèrent tous deux que j'en étois amoureux et mieux traité que je ne l'étois effectivement. Il y avoit plus de coquetterie de ma part et de la sienne que véritable attachement: quoi qu'il en soit, c'a été l'ecueil de ma fortune, et ce qui m'attira la persécution de Louvois.*

*** *Mém. de S. Sim. VI, 417.*

cour et des armées, la divinité du peuple, le héros des officiers, l'amour de parlement et l'admiration des savants les plus profonds».

Вотъ кого Людовикъ XIV предназначалъ въ короли Польши. Почему именно его, покрытаго уже заслугами, всѣми уважаемаго, составлявшаго честь Франціи? Въ этомъ случаѣ Людовикомъ руководили не заботы объ интересахъ Польши, а личная неприязнь къ принцу. Таланты, извѣстность, популярность принца Конти пугали великаго короля; Людовикъ XIV былъ, однако, слишкомъ гордъ, чтобъ бояться за себя: онъ боялся, что при принцѣ Конти еще разъ выступить наружу неспособность дофина и бездарность мэнскаго герцога (duc de Maine). Чистота крови принца Конти, который, по словамъ герцога С.-Симона, *était le seul de sa maison, dont la pureté du sang ne fût point flétrie par le mélange de la bâtardise* *), эта чистота крови служила укоромъ, который ежедневно оскорблялъ щепетильность *m-me de Maintenon* и подозрительность Людовика XIV. Къ этому присоединилось личное оскорбленіе, нанесенное принцемъ Конти королю и его любовницѣ: въ письмахъ, перехваченныхъ королемъ, принцъ довольно рѣзко отзывался объ нихъ; по словамъ лица, читавшаго тѣ письма, *le prince de Conti parloit dans ces lettres en vrai étourdi, et y traitoit le Roi de gentilhomme compagnard, affainéanti auprès de sa vieille mattresse, avec des termes si méprisans, que le Roi ne l'a jamais oublié* **. Въ этихъ же письмахъ, не дошедшихъ по адресу, принцъ подсмѣивался надъ военнымъ министромъ Louvois, который не желалъ отпустить его въ Венгрію; Louvois былъ тогда въ силѣ и, конечно, только разжигалъ злобу короля противъ принца. Людовикъ XIV старался удалить принца отъ своего двора, онъ былъ готовъ на многія жертвы, лишь бы видѣть его на польскомъ тронѣ: этимъ удовлетворялась и ревнивая антипатія отца, который такимъ образомъ удалялъ отъ своихъ сыновей невыгодное для нихъ сравненіе, и самолюбивые интересы монарха, который пріобрѣталъ въ польскомъ королѣ союзника, какъ принца французской крови.

Министръ иностранныхъ дѣлъ де-Круасси, послѣ частыхъ и продолжительныхъ аудіенцій у короля, послалъ аббату Полинья-

* *Mém. de S. Sim.*, II, 24.

** «Принцъ Конти говорилъ въ этихъ письмахъ о королѣ, какъ о деревенскомъ помѣщикѣ, оживившимъ въ обществѣ своей старой наложницы, и говорилъ съ такимъ выраженіемъ, что король никогда не забылъ объ этомъ». *Mém. du marq. de la Fare*, p. 252.

яку подробнѣя инструкціи поддерживать всѣми мѣрами кандидатуру принца Конти. Посоль, естественно предполагая полное согласіе со стороны самаго принца, хотя въ инструкціяхъ о томъ ничего не говорилось, хладнокровно, какъ истый дипломатъ, разсмотрѣлъ положеніе дѣлъ, далъ сравнительную оцѣнку каждому изъ кандидатовъ и, не скрывая отъ себя трудностей возложеннаго на него порученія, пришелъ, однакоже, къ тому заключенію, что изъ всѣхъ кандидатовъ шансы все-таки были на сторонѣ французскаго принца.

А кандидатовъ на польскій тронъ было много. Въ числѣ иностранныхъ кандидатовъ встрѣчаются представители почти всѣхъ европейскихъ державъ: Яковъ II, король Англійскій, и Петръ Алексѣевичъ, царь Московскій; принцъ Конти, родственникъ Людовика XIV, и принцъ Одескальки, племянникъ Иннокентія XII; Фридрихъ XIII, курфюрстъ Бранденбургскій, и Леопольдъ, герцогъ Лотарингскій; Фридрихъ-Августъ, курфюрстъ Саксонскій, и Леопольдъ, курфюрстъ Баденскій, который, по злему замѣчанію герцога С.-Симона, выступилъ кандидатомъ, *plus pour l'honneur de prétendre au trône que par aucune espérance d'y réussir* *. Польская аристократія выставила не меньшее число кандидатовъ: Янъ Казиміръ Сапѣга, великій гетманъ литовскій, и Лука Опалинскій, великій коронный маршалъ; Мартинъ Контскій, староста вѣевскій, и Рафаиль Лещинскій, генеральный староста; Станиславъ Яблоновскій, великій коронный гетманъ, и братья Собѣвскіе, сыновья умершаго короля. Царь московскій интересовался положеніемъ партій; отъ своего резидента въ Варшавѣ, Алексѣя Никитина, Петръ требовалъ точныхъ свѣдѣній о томъ, «сколько на королевство Польское кандидатовъ, и при которомъ кто стоитъ, и чья сторона сильнѣя». Алексѣй Никитинъ въ своемъ донесеніи царю такъ обрисовалъ положеніе партій въ Варшавѣ: «Кандидатовъ на королевство много, толко еще подлинно никто не можетъ вѣдать кому быть. Примасъ и подскарбей корунной съ другими Любомирскими и Сапѣги при Французѣ; маршалокъ великой корунной, бискупъ Куявской, воевода Краковской, Сиратцкой и Полотцкой — всѣ при королевичѣ Яковѣ; генераль Великopolской, Лещинской и гетманъ великокорунной при королевѣ и при меншихъ королевичахъ; а Рѣчь Посполитая никого изъ тѣхъ не хочетъ, а хочетъ либо Найбурчика или Лотаринчика» **. Само собою разу-

* «Болѣе для того, чтобы имѣть возможность хвастаться, что онъ былъ въ числѣ претендентовъ на престолъ, нежели съ надеждой на успѣхъ». *Mém. de S. Sim. I, 497.*

** Памятн. VIII, 858.

иѣтся, что изъ числа польскихъ кандидатовъ Полиньякъ обратилъ преимущественное вниманіе на дѣтей своего политическаго друга «польскаго короля».

Янъ Собѣсскій оставилъ четверыхъ дѣтей. Изъ трехъ его сыновей, старшій, вида слабость отца и ненависть матери, явно обнаружившуюся тотчасъ по смерти отца, отдался весь вѣнскому двору, вполне подчинился его вліянію и потерялъ всякую популярность въ Польшѣ. Принцъ Яковъ, вида себя всеми оставленнымъ, заявлялъ свои притязанія на корону не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько ради противодѣйствія своимъ младшимъ братьямъ, въ которыхъ онъ, благодаря матери, рано научился видѣть своихъ личныхъ враговъ. Его два брата, Александръ и Константинъ, оба были щедро одарены природою, и если Александръ отличался серьезностью ума и солидностью мысли, то Константинъ привлекалъ ласковостью взгляда и любезностью обхожденія. Но оба они имѣли мало шансовъ на успѣхъ: младшему, Константину, не было еще 25-ти лѣтъ, требуемыхъ конституціею польской республики для права быть избираемымъ; старшій, Александръ, былъ любимецъ матери и потому уже пользовался нелюбовью всѣхъ польскихъ магнатовъ. Кромѣ сыновей, дочь Яна Собѣскаго, принцесса Тереза, была супругою курфюрста Баварскаго; поляки громко и открыто говорили, что если будетъ избранъ супругъ Терезы, то республикою будетъ управлять вдовствующая королева чрезъ своего зятя. Марія Казимира никогда не пользовалась популярностью въ Польшѣ; по смерти же своего несчастнаго супруга, своимъ образомъ дѣйствій она вселила во всѣхъ ненависть къ себѣ, такъ что болѣе вредила тѣмъ, кого поддерживала, нежели тѣмъ, кого преслѣдовала своею ненавистью.

Какъ только Собѣсскій скончался, его супруга захватила всѣ драгоценности, и въ томъ числѣ регаліи короля. Отъ нея потребовали королевскую корону, которая должна была быть на челѣ короля до его погребенія; Марія Казимира, боясь, что принцъ Яковъ овладѣетъ короной, отказалась выдать ее, и одинъ изъ придворныхъ надѣлъ на чело Яна Собѣскаго простую солдатскую каску. Такой поступокъ королевы вооружилъ противъ нея всю Варшаву; спустя нѣсколько дней она сѣмъ возстановить противъ себя и всю Польшу. Тѣло умершаго короля должно было, по обычаю, быть перенесено въ королевскій замокъ въ Варшавѣ; замкомъ овладѣлъ принцъ Яковъ; онъ былъ согласенъ впустить трупъ отца, но безъ матери, сопровождавшей тѣло; Марія Казимира, не будучи въ состояніи силою проиницнуть въ замокъ, не отдала тѣла своего супруга и увезла

его съ собою обратно въ Новую Виλλу. Начались переговоры между сыномъ и матерью; во время переговоровъ трупъ польскаго короля Яна Собѣскаго не разъ таскали изъ замка на загородную виλλу и обратно; скандалъ возмутилъ всю Польшу. Цинизмъ матери одержалъ, однако, верхъ; сынъ уступилъ: подъ прикрытіемъ смертныхъ останковъ своего супруга, Марія Казимира проникла въ замокъ и завладѣла королевскими покоями. Этимъ не окончилась распря матери съ старшимъ сыномъ; въ ней приняла участіе вся семья Собѣскаго; памфлеты посыпались съ обѣихъ сторонъ: съ одной стороны Марія Казимира, ея отецъ маркизъ д'Аркленъ и два младшихъ ея сына не щадятъ никакихъ средствъ, чтобъ уронить принца Якова въ глазахъ всѣхъ; съ другой стороны, старшій сынъ Яна Собѣскаго раскрываетъ всѣ потаенныя, темныя дѣла матери и братьевъ; клеветы, оскорбленія, брань раздаются съ обѣихъ сторонъ и чернятъ въ глазахъ народа какъ ту, такъ и другую. Въ то время, какъ народъ остается еще спокойнымъ подъ впечатлѣніемъ обрушившагося на него тяжелаго удара, королевская семья подаетъ примѣръ разъединенія, корысти, низости...

Народъ оставался, однако, недолго спокойнымъ; онъ скоро оправился отъ удара. Нѣсколько недѣль спустя по смерти Яна Собѣскаго, начали собираться сеймики. Полиньякъ слѣдилъ за движеніемъ партій, и извѣщалъ обо всемъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Привожу одну изъ его депешъ.

«Варшава, 31-го августа 1696 г.»

«Сеймикъ открытъ 29-го текущаго мѣсяца. Въстѣ съ нимъ начались интриги и раздоры.

«Кардиналъ Радзиевскій, который долженъ былъ совершать богослуженіе, приказалъ принести балдахинъ. Паны Любомирскіе, недовольные тѣмъ, что онъ поддерживаетъ сторону королевы, возстановили противъ него нѣкоторыхъ изъ высшихъ чиновъ духовенства, которые заявили, что кардиналъ превышаетъ свои права и вышли изъ церкви. Великій коронный маршалъ Любомирскій, съ своей стороны, прислалъ протестъ противъ «злоупотребленій примаса», какъ онъ выражается. Это произвело большой скандалъ во время религіозной церемоніи.

«Въ первое же засѣданіе былъ поднятъ вопросъ объ избраніи маршала сейма. Этотъ маршалъ избирается обыкновенно по очереди одною изъ трехъ провинцій республики: Великою Польшею, Литвою и Малою Польшею. Въ данномъ случаѣ вопросъ былъ о томъ, которая изъ провинцій должна избирать; такъ-какъ послѣдній варшавскій сеймъ былъ сорванъ, то мно-

гіе недоумѣвали, считать ли его состоявшимся или признать его какъ бы не собиравшимся.

«Литвины доказывали, что сеймъ тотъ должно считать состоявшимся; это увеличивало ихъ право на избраніе маршала для предстоящаго избирательнаго сейма, что было для нихъ очень важно. Засѣданіе было чрезвычайно бурно, но въ концѣ концовъ окончилось довольно забавно: епископъ Познанскій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, предшествуемый ксѣндзами съ зажженными свѣчами и св. водою, является въ засѣданіе и объявляетъ, что онъ желаетъ благословить собраніе; тогда кто-то изъ присутствовавшихъ спросилъ, не для изгнанія ли изъ республики нечистаго духа принесъ онъ св. воду: всѣ расхохотались; сконфуженный епископъ удался.

«Въ тотъ же день въ сенаторской камерѣ былъ снятъ балдахинъ надъ трономъ, чтобъ отнять у кардинала-примаса желаніе возсѣсть на тронъ.

«Когда засѣданіе окончилось, Любомирскіе старались отклонить кардинала отъ королевы, которая не выѣзжаетъ изъ Варшавы; чѣмъ болѣе королева упорствуетъ, тѣмъ болѣе дворянство боится ея интригъ, тѣмъ настоятельнѣе требуетъ ея выѣзда.

«Кардиналъ Радзівевскій сказалъ, что онъ требуетъ балдахина, какъ кардиналъ, имѣющій на то право, а не какъ примасъ, при чемъ онъ прибавилъ, что если требуетъ балдахина надъ своею головою, то въ сердцѣ своемъ онъ не желаетъ короны. Это былъ ядовитый намекъ на Любомирскаго, который, какъ говорить, имѣетъ намѣреніе стать королемъ.

«Королева, довольная такими раздорами, подстрекаетъ кардинала чрезъ посредство кастелянши ленчицкой, хорошенькой *in-те* Товіанской. Женщины вообще, на сколько могутъ, возбуждаютъ своихъ мужей и братьевъ, и можно сказать, что женщины волнуютъ Польшу.

«Ни вчера, ни сегодня не произошло соглашенія на счетъ выбора маршала; если дѣла такъ пойдутъ, то сеймъ не окончится и въ пятнадцать дней, а въ такомъ случаѣ возможно, что дворяне сядутъ на коней и провозгласятъ королемъ кого-либо, о комъ теперь менѣе всего можно догадываться.

«На границахъ новыя безпорядки; тамъ возмутились войска, составили *конфедерацию*, какъ здѣсь выражаются. Во главѣ ихъ находится Барановскій. Два отряда войскъ краковскаго кастеляна присоединились къ конфедератамъ. Его враги говорятъ, что это возмущеніе вызвано имъ и королевской фамиліей. Богъ вѣсть, чѣмъ все это окончится для кастеляна!

«Сюда приведено нѣсколько татаръ, которые обвиняютъ краковского кастеляна въ томъ, что онъ писалъ татарскому хану и убѣждалъ его выслать свою орду на Волинь, Подолію и Рутенію (Галицію), гдѣ находятся имѣнія Любомирскихъ и Потоцкихъ. Это гнусная клевета, но она распускается для того, чтобъ погубить кастеляна, который вѣрно служить королевѣ.

«Я держу себя въ сторонѣ отъ этихъ раздоровъ и набираю себѣ друзей въ ожиданіи, когда придетъ время дѣйствовать.

«Литовскіе сеймики поручили своимъ уполномоченнымъ не выбирать въ короли ни королевскихъ принцевъ, ни Пястовъ *.

«Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и т. д.

«Аббатъ Полиньякъ».

Французскій посоль отмѣтилъ состояніе Польши по смерти Яна Собѣскаго хотя въ общихъ, но довольно вѣрныхъ чертахъ. Зная его за человѣка умнаго, можно вѣрить, что онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ раздоровъ. Онъ держалъ себя на готовѣ, дѣйствовалъ осторожно, но не упускалъ изъ вида задачи, возложенной на него версальскимъ старцемъ.

Эта задача, повторяемъ, была нелегка: посоль сознавалъ всю тяжесть ея, но не страшился громаднаго числа кандидатовъ. Напротивъ того, онъ видѣлъ въ этомъ облегченіе провести кандидатуру принца Конти: чѣмъ болѣе партій, тѣмъ слабѣе каждая изъ нихъ въ отдѣльности.

Прежде всего, прежде даже, чѣмъ произнести имя своего кандидата, Полиньякъ громко объявилъ, что онъ желаетъ сохранить полную свободу дѣйствій и что онъ не высказывается ни за одного изъ заявленныхъ уже кандидатовъ. «Полученныя мною инструкціи — говорилъ онъ — запрещаютъ мнѣ вмѣшиваться въ предстоящіе выборы, лишь бы былъ избранъ король либеральный, достойный и независимый отъ вѣнскаго двора» **. Полиньякъ съ особенною силою ударялъ на послѣднее условіе; оно должно было дать ему право повинуть сторону королевы, къ которой онъ до того времени принадлежалъ и которую теперь долженъ былъ оставить въ виду полученнаго изъ Парижа повелѣнія поддерживать кандидатуру принца Конти. Посоль вполне воспользовался своими связями съ королевой при жизни ея супруга; но продолженіе этихъ добрыхъ отношеній къ Маріѣ Казиміръ становилось уже невозможно: они могли подорвать

* Русский посоль въ Вѣнѣ доносилъ Петру: «на сеймикахъ въ Корунѣ и въ Литвѣ единогласно постановлено, чтобъ изъ королевичей и ни одинъ Пясть королемъ не былъ, а хотятъ иностранца». Памяти. VII, 1148; VIII, 192.

** Lettre du Roi à Polignac, du 5 juillet 1696.

его популярность въ Польшѣ, которая теперь была крайне необходима. Не могло быть, однако, никакого сомнѣнiя въ томъ, что воспитанникъ иезуитовъ до конца воспользуется своимъ влiянiемъ надъ красивою и умною, но слабою и усталую уже женщиною: прежде чѣмъ выступить противъ королевы, онъ постарается, при ея же помощи, удалить со сцены тѣхъ, которые могутъ въ будущемъ послужить помѣхою для его дѣйствiй.

Марiя Казимира, своею непопулярностью равно повредившая обоимъ своимъ сыновьямъ-кандидатамъ, Александру и Константину, поддалась, наконецъ, коварному совѣту своего неутраченного друга. Послѣ долгихъ и старательныхъ усилiй, Полиньякъ убѣдилъ, наконецъ, королеву отправить во Францiю обоихъ сыновей и переслать туда же свои капиталы. Послушалась королева своего друга, не подозрѣвая, конечно, что они помѣнялись ролями: не Полиньякъ помогаетъ ей удержать тронъ за ея домомъ, но Марiя Казимира дѣйствуетъ въ пользу кандидата, котораго готовъ предложить французскiй посолъ.

Сыновья Марiи Казимиры мѣшали французскому послу: своимъ положенiемъ, какъ дѣти короля, они агитировали въ Польшѣ, отвлекали на свою сторону часть польской аристократiи: народъ любилъ въ нихъ дѣтей своего славнаго Яна III. Осенью 1696 г. принцы Александръ и Константинъ прибыли въ Парижъ. Они были приняты съ большимъ почетомъ, какъ сыновья короля. Свидѣтель ихъ перваго приѣма при дворѣ, герцогъ С.-Симонъ говоритъ: «Le roi leur donna comme aux gens titrés la distinction de baiser la princesse et Madame» *. Людовикъ XIV, развлекалъ ихъ версальскими празднествами, сумѣлъ удержать ихъ вдали отъ Польши, на все то время, когда ихъ присутствiе въ Варшавѣ было необходимо для ихъ личныхъ интересовъ. Принцы возвратились въ Варшаву, но уже было поздно: они могли лишь присутствовать при сборахъ матери ея отъѣзду, котораго требовалъ сеймъ, и сопровождать ее въ Данцигъ, который она избрала своимъ мѣстопребыванiемъ, на время выборовъ. Подобная же участь постигла капиталы Марiи Казимиры. Послушная совѣту Полиньяка, она переслала въ Парижъ огромную для того времени сумму денегъ — около 4-хъ милiоновъ франковъ. Эта сумма была позже тайно переслана обратно въ Варшаву, но уже не къ королеви, а къ французскому послу, для поддержки кандидатуры принца Конти. Такимъ образомъ,

* Mém. de S. Sim. I. 437.

Марія Казимира вручила свои капиталы французскому послу для подкупа польскихъ магнатовъ противъ ея дѣтей...

Марія Казимира обладала умомъ, но она была женщина; страсть ослѣпляла ее до того, что она теряла сознание своихъ поступковъ и тогда ея умъ вредилъ ей. Желаніе удержать за собою корону обратилось у нея въ страсть, которая мѣшала ей ясно представить себѣ цѣль, къ которой она стремилась, и хладнокровно обсудить средства, которыя она употребляла.

Когда сыновья королевы уѣхали въ Парижъ, Марія Казимира, сознавая уже невозможность видѣть на польскомъ тронѣ своихъ дѣтей, сочла возможнымъ возвести на престолъ того, кто согласится быть ея супругомъ. Вдова славнаго Собѣскаго, она не задумалась предложить свою руку сперва старостѣ Контскому, затѣмъ гетману Яблоновскому. Эта рука была, однакожъ, отвергнута и тѣмъ, и другимъ: Контскій хорошо зналъ, на сколько сердце той, которая предлагала ему свою руку, запятнано низкими страстями; Яблоновскій же понималъ, что такой бракъ могъ лишь отдалить его отъ трона. Самолюбивая женщина, раздраженная отказомъ Яблоновскаго, того самаго Яблоновскаго, который нѣкогда, лежа у ея ногъ, не находилъ, быть можетъ, словъ для выраженія своей любви къ ней, обратилась теперь къ Полиньяку съ просьбою предложить корону герцогу Вандомскому (duc de Vendôme), подъ условіемъ брака съ нею. Когда же французскій посолъ естественно отклонилъ отъ себя деликатное порученіе и высказался противъ подобной комбинаціи, Марія Казимира, видя что она не можетъ быть супругой, захотѣла быть хоть матерью будущаго короля. Она примирилась съ своимъ старшимъ сыномъ Яковомъ; но уже было поздно. Союзъ Якова съ матерью могъ теперь лишь повредить ему: враги Маріи Казимиры стали врагами принца Якова; друзья же королевы слишкомъ научились отъ нея же самой ненавидѣть Якова, чтобы стать его сторонниками. Марія Казимира предвидѣла такія послѣдствія, и желая гарантировать себѣ успѣхъ, обратилась опять къ Полиньяку; она просила его поддержать своимъ вліяніемъ кандидатуру старшаго сына. Французскій посолъ сослался на полученныя имъ изъ Парижа инструкціи, на невозможность защищать кандидата, столь преданнаго вѣнскому двору; онъ не забылъ при этомъ напомнить Маріи Казимирѣ, какъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, будучи еще въ ссорѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, она вполне сочувствовала нежеланію французскаго правительства видѣть на польскомъ престолѣ сторонника австрійской политики. Королева потерпѣла новую неудачу,

болѣе чувствительную, чѣмъ всѣ предъидущія; съ отказомъ Полиньяка она теряла послѣднюю надежду удержать за собою власть. Женщина страстная, она дала полную волю своему гнѣву; окруженная свитою, сопровождаемая толпою гайдуковъ, она бѣжить въ домъ французскаго посольства, врывается въ спальню Полиньяка и собственными руками срываетъ свой портретъ, ея же подаренный нѣкогда своему возлюбленному. Недовольствуясь этимъ, она написала Людовику XIV жалобу на его представителя въ Варшавѣ, который, по ея словамъ, «извращаетъ смыслъ инструкцій своего монарха и вредитъ интересамъ Франціи». Спустя нѣсколько недѣль, королева получила отъ Людовика XIV слѣдующій короткій отвѣтъ:

Versailles, le 15 décembre 1696.

Madame,

Rien n'est plus sincère que ce que mon ambassadeur Vous a fait voir de mes sentiments pour tout ce qui Vous regarde. Vous et vos enfans en devez être persuadés, comme de ma part je le suis des assurances que Votre lettre me donne de Votre amitié. Je me remets du surplus au même ambassadeur et suis toujours avec une estime particulière, Madame ma soeur

Ваше доброе братство

Louis *.

Министръ иностранныхъ дѣлъ де-Круасси подробно извѣстилъ французскаго посла въ Варшавѣ о перепискѣ польской королевы съ французскимъ королемъ, приславъ ему копии съ обоихъ писемъ. Въ то время, какъ Марія Казимира читала и перечитывала письмо Людовика XIV, которое такъ ее удивило и опечалило, но все-таки не сняло повязки съ ея глазъ, Полиньякъ вздохнулъ свободнѣе. Жалобы королевы окончательно развязали ему руки; онъ могъ дѣйствовать совершенно свободно. Это было для него важно не потому, чтобъ совѣсть его была очень щепетильна, но потому, что разрывъ съ королевой, громкій, всѣмъ извѣстный, приобрѣталъ ему многихъ сторонниковъ именно въ то время, какъ наступала пора дѣйствовать болѣе положительно. Нація успѣла уже достаточно ознакомиться съ большинствомъ

* «Государиня! Ничего не можетъ быть искреннѣе тѣхъ чувствъ, которыя мой посланникъ вамъ передалъ отъ моего лица. Вы и дѣти ваши должны быть увѣрены въ нихъ точно такъ-же, какъ я увѣренъ въ тѣхъ изъясненіяхъ дружбы, которыя заключаются въ вашемъ письмѣ. Вполнѣ надѣясь на моего посланника, я остаюсь, какъ и всегда, съ особеннымъ уваженіемъ вашъ добрый братъ Людовикъ».

кандидатовъ; ихъ несостоятельность была достаточно понята всѣми. Наступила пора, если не назвать громко французскаго кандидата, то подготовить польское общество къ тому имени, которое готовъ произнести французскій посоль.

Полиньякъ подходитъ къ своей цѣли осторожно. Онъ собираетъ въ своемъ домѣ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ польской аристократіи, изъ которыхъ многіе стремятся къ трону; на обѣдахъ, вечернихъ ассамблеяхъ и ночныхъ пирушкахъ часто заходитъ рѣчь о вакантномъ тронѣ, часто пересчитываются кандидаты, но хозяинъ какъ-то неохотно, какъ бы вопреки желанію принимаетъ участіе въ разговорѣ; онъ не говоритъ ни о комъ въ отдѣльности, онъ искренно убѣжденъ лишь въ томъ, что польскіе магнаты, равные между собою по рожденію и заслугамъ, ни въ какомъ случаѣ не будутъ поддерживать и возвышать одного изъ среды себя, — «это значило бы нарушить то равенство, на которое съ завистью смотритъ вся Европа и въ которомъ заключена вся слава прошлаго и все величіе будущаго польской аристократіи».

Если для поддержанія равенства польской аристократіи въ борьбѣ въ короли Польши долженъ пасть на одного изъ иностранныхъ принцовъ, то на котораго же?

Пробѣгая всѣ страны Европы, которыя предлагаютъ Польшѣ короля, французскій посоль исключаетъ прежде всего Россію, Швецію, Данію и Англію: «религія этихъ странъ не позволяетъ останавливать своего взора на принципахъ крови царствующихъ въ тѣхъ странахъ домовъ». Примѣры, почерпаемые изъ самой польской исторіи, помогаютъ Полиньяку доказывать, что «выборъ одного изъ германскихъ принцевъ можетъ навлечь на Польшу однѣ лишь бѣдствія». Остаются еще двѣ страны, Италія и Франція; но король Польши, вслѣдствіе географическаго ея положенія и политическаго отношенія въ сосѣднимъ державамъ, созданнаго недавнимъ прошедшимъ, долженъ быть прежде всего полководецъ, воинъ, а въ Италіи уже давно угасли военные таланты; «полководческій геній ея сыновъ убитъ вѣковымъ миромъ, въ которомъ находится Италія и до настоящаго времени». О Франціи посоль умалчивалъ; онъ предоставлялъ другимъ полную волю объяснять его молчаніе...

15-го мая 1697 года открылся подготовительный сеймъ для избранія маршала, который будетъ руководить выборами въ короли *. Роль и значеніе этого маршала избирательнаго сейма велики: онъ служитъ посредникомъ между всѣми частями республики,

* Lettre de Polignac, du 17 mai 1697.

между всѣми партіями общества; онъ собираетъ голоса, онъ считаетъ ихъ. Избраніе маршала чрезвычайно важно; неудивительно, что въ дебатахъ по этому поводу прошелъ цѣлый мѣсяць. Выборъ палъ на Станислава Бялинскаго, человѣка вполнѣ преданнаго французскимъ интересамъ. Что на результатъ выборовъ вліялъ французскій посоль, можно догадываться уже по тому, что вслѣдъ за избраніемъ маршала, скрытнѣй до того времени, Полиньякъ громко провозглашаетъ имя кандидата, котораго предлагаетъ польской республикѣ сильнѣйшій изъ европейскихкихъ государей, и защиту котораго принимаетъ на себя искуснѣйшій изъ дипломатическихъ агентовъ того времени.

Полиньякъ до конца остается вѣренъ себѣ: уже заявивъ о своемъ желаніи сдѣлать сейму предложеніе новаго кандидата, онъ подходитъ къ вопросу чрезвычайно осторожно; онъ знаетъ, что его предложеніе вызоветъ оппозицію; онъ знаетъ, что московскій царь наказывалъ Алексію Никитину «послужить радѣтельно, чтобъ окончательно изъ Франціи Барбонской князь Деонтій въ Польшѣ королемъ не былъ» *; французскій посоль знаетъ все это, и его льстивая рѣчь, очевидно, приготовлена для такой аудиторіи, которая ему хорошо извѣстна:

«Достопочтенные сенаторы и преславные рыцари!

«Не безъ внутренняго волненія рѣшаюсь я предстать передъ вами. Въ то время, какъ ваша славная республика, лишенная главы, старается вознаградить понесенную ею утрату и изыскать мѣры къ отраженію тѣхъ бѣдствій, которыми грозятъ ей какъ ея враги извнѣ, такъ и ея недруги внутри, я лишь съ трудомъ рѣшился прервать ваши совѣщанія, приостановить на время ихъ теченіе. Но ваше расположеніе къ королю, моему государю, и его любовь къ вамъ, даютъ право надѣяться, что вы благосклонно выслушаете меня, тѣмъ болѣе, что я имѣю королевское приказаніе публично объявить и торжественно увѣрить васъ въ искренности тѣхъ чувствъ его величества, которыя онъ не разъ высказывалъ вамъ въ своихъ письмахъ.

«Я считаю излишнимъ распространяться о томъ горѣ, которое причинила моему государю вѣсть о кончинѣ вашего преславнаго короля Яна III. Августѣйшій покойникъ, при своей жизни, вызывалъ къ себѣ удивленіе государей всѣй Европы; по своей смерти, онъ сталъ предметомъ всеобщаго сожалѣнія; но, конечно, никто не сожалѣлъ о немъ такъ глубоко и искренно, какъ король, государь мой. Вы знаете, что они были связаны

* Памятн. VIII, 872.

братскою дружбою и, быть можетъ, еще болѣе узами геройской добродѣтели: по смерти Яна III нѣтъ уже государя равнаго Людовику-Великому ни по воинскимъ трудамъ, ни по количеству одержанныхъ побѣдъ.

«Но не думайте, что съ потерей столь великаго короля, вы утратили и дружбу моего государя. Вашъ покойный король приобрѣлъ его дружбу своими добродѣтелями; но онъ трудился и побѣждалъ не только лично для себя. Не со вчерашняго дня наши націи питаютъ взаимную привязанность другъ къ другу. Въ лѣтописяхъ исторіи нашихъ странъ вы встрѣтите доказательства, какъ стара, какъ прочна дружба, связывающая Францію съ Польшею. Исторія не представляетъ намъ ни одного примѣра раздора этихъ двухъ странъ; Польша единственная нація, съ которою Франція никогда не воевала. Я вижу въ этомъ волю творца небеснаго, который предопредѣлилъ насъ къ вѣчной дружбѣ и постоянному союзу, если не по оружію, то по взаимной привязанности. Можно сказать, что мы всегда представляли какъ бы одну націю, и въ такомъ единствѣ чувствъ и дѣяній мы всегда должны жить и на будущее время. Я осмѣливаюсь высказать мое глубокое убѣжденіе, что наше доброе согласіе происходитъ не столько отъ отдаленности территориальнаго положенія нашихъ странъ, сколько отъ взаимной любви обоихъ народовъ... Для вашей республики дружба Франціи болѣе полезна, чѣмъ дружба какой-либо другой страны, даже болѣе близкой къ вамъ по географическому положенію. Когда вы заключали союзы безъ нашего участія, тѣ союзы отличались лишь бесполезными для васъ затратами и нисколько не ограждали вашей свободы. Всѣмъ извѣстно могущество христіаннѣйшаго короля, его вѣрность союзникамъ; онъ равно непобѣдимъ какъ въ защитѣ друзей, такъ и въ пораженіи недруговъ. Я предлагаю вамъ отъ лица моего государя всѣ его военныя силы. Какъ не было у васъ ни одного безкрулевыя, въ которое мой государь не выразилъ бы вамъ особеннаго вниманія, такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ предлагаетъ вамъ войска, денежную помощь и всякое вспоможеніе, на сколько то отъ него зависитъ; онъ желаетъ, чтобъ ваша нація сохранила нерушимо древнюю славу свою и драгоцѣнное право свободы.

«Что же касается меня, то я считаю себя счастливымъ, что могъ присутствовать въ такомъ славномъ собраніи; мнѣ пріятно заявить вамъ торжественное свидѣтельство благорасположенія къ вамъ короля моего государя; я имѣю отъ него порученіе представить вамъ доказательства еще болѣе сильныя его симпатіи, когда предстану въ моментъ выбора короля предъ

лицо нации, которая одна во всей Европѣ сохранила за собою право короновать добродѣтель...»

Съ такою же ловкостію и съ неменьшимъ краснорѣчіемъ пересчитываетъ французскій посоль тѣ качества, которыя необходимы для будущаго короля, и находитъ, что принцъ Конти соединяетъ въ себѣ всѣ потребныя условія. Сказавъ, напримѣръ, что Польша, по своему географическому и политическому положенію, должна быть управляема великимъ полководцемъ, который былъ бы въ состояніи противиться угрозамъ державъ, окружающихъ республику, онъ яркими красками рисуетъ воинскіе подвиги Конти, которые «заслужили ему публичную похвалу маршала Люксембурга». Указавъ затѣмъ на раздоры, волнующіе Польшу, и на необходимость, чтобъ будущій король былъ умѣренъ и уступчивъ, посоль доказываетъ, что французскій кандидатъ, извѣстный мягкостію своею характера, любезностію обхожденія и справедливостію сужденія, удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ. Въ заключеніе, посоль прославляетъ рожденіе и храбрость принца Конти, унаслѣдованныя имъ отъ своего знаменитаго дяди и учителя, великаго Конде, и, чтобъ окончательно склонить собраніе на сторону своего кандидата, онъ обѣщаетъ отъ его имени возвратить польской республикѣ Каменецъ; онъ говоритъ, что побѣдитель турокъ въ Венгрии сумѣетъ быть побѣдителемъ ихъ и на границахъ Польши».

Предложеніе французскаго посла было выслушано большинствомъ присутствовавшихъ съ большимъ сочувствіемъ. Подъ впечатлѣніемъ обаятельнаго краснорѣчія, которымъ Полиньякъ умѣлъ искусно затронуть самыя чувствительныя стороны польскаго сердца, и подъ вліяніемъ щедрыхъ обѣщаній, которыя не могли казаться неисполнимыми, какъ предлагавшіяся отъ лица роскошнаго короля Людовика и храбраго принца Конти, забылись на время тѣ соображенія, которыя должны были много ослабить убѣдительность доводовъ французскаго посла. Австрійскій посоль не замедлилъ напомнить собранію эти соображенія. Антагонизмъ между Франціею и Австріею выступилъ наружу.

Посоль императора старался прежде всего представить собранію ту опасность, которая грозитъ Европѣ со стороны Людовика XIV, стремящагося, по словамъ австрійскаго посла, ко всемірному господству, въ образованію всемірной монархіи съ французскимъ королемъ во главѣ, при чемъ «занятіе польскаго трона принцемъ французской крови обратитъ польскую республику въ французскую провинцію». Полиньякъ выслушалъ австрійскаго посла съ полнымъ хладнокровіемъ и отвѣчалъ, что Франція слишкомъ отдалена отъ Польши и польская республика «слишкомъ

могущественна», чтобъ мысль о порабощеніи ея Франціей не могла показаться «насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ собранія и оскорбленіемъ военной чести націи». На обвиненіе Франціи въ посягательствѣ на европейскую свободу посольствѣ отвѣчалъ что это обвиненіе съ большимъ основаніемъ должно быть обращено «на тотъ домъ, который владычествуетъ уже въ Германіи и Испаніи, въ Сардиніи, Неаполѣ и Сициліи». Публичные, въ присутствіи всего сейма, дебаты между Франціей и Австріей рѣзко выставили неравенство политическихъ дарованій и ораторскихъ способностей представителей тѣхъ державъ: хладновровному, всегда готовому на отвѣтъ умный и увлекательно выраженный, противостоялъ запальчивый, неловкій нѣмецъ, съ тяжелою аргументаціею, облеченною въ крайне неизысканную форму. Конечъ этихъ дебатовъ былъ комиченъ: несчастный австрійскій посольствѣ, до того старательно напрягалъ свои умственные способности, что обливался потомъ, возбуждая улыбку собранія, пока, наконецъ, кровь пошла у него изъ носу, измарала его дорогое платье и онъ долженъ былъ прервать свою рѣчь и удалиться, сопровождаемый общимъ хохотомъ, шиканьемъ и остротами...

Дебаты тѣмъ не кончились. Сторонникъ австрійской политики, Станиславъ Домскій, епископъ Куявскій, желая набросить тѣнь на принца Конти и очернить французскаго кандидата въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, заявилъ въ посланіи ко всему польскому дворянству, что предлагаемый Полиньякомъ кандидатъ, по своему происхожденію, во всемъ подобенъ вдовствующей королевѣ, которая навлекла на себя справедливый гнѣвъ польскаго народа. Ненависть къ Маріи Казимірѣ была слишкомъ сильна, — ея поступки были еще въ памяти всѣхъ, и заявленіе епископа Куявскаго, само по себѣ совершенно ничтожное и принятое большинствомъ дворянъ съ крайнимъ неудовольствіемъ *, обратило на себя особенное вниманіе французскаго посла. Полиньякъ отвѣчалъ на это заявленіе пространнимъ письмомъ къ епископу, въ которомъ категорически опровергалъ не только уподобленіе, но даже возможность сравненія между Маріей Казимірой и принцемъ Конти. Посольствѣ послалъ къ своему министру въ Парижѣ французскую копию съ того письма, сущность котораго можетъ быть выражена немногими строками той копии: «On ne saurait appréhender une ressemblance de moeurs et d'inclination que chez

* Dans la petite Diète de Stroda un Gentilhomme demanda la lettre de l'évêque de Cujavie, et s'en servit à un usage que la bienséance ne permet pas de nommer. Parthenay, I, 67.

ceux qui sont du même sang, et par conséquent les fautes commises par Marie Casimire ne doivent écarter que ces enfants. Du reste, par quels conseils la femme de Sobieski s'est-elle attiré la haine de toute la nation? Est-ce par ceux de la France ou par ceux de la maison d'Autriche? A qui a-t-elle voulu plaire quand elle a retiré les troupes de la Hongrie, quand elle a uni la Pologne à l'Allemagne, quand elle a marié le prince Jacques avec la princesse de Neubourg*?

Отвѣчая на различные доводы противъ избранія принца Конти, предъявляемые императорскою партією, французскій посоль не только защищалъ своего кандидата, но, въ свою очередь, нападалъ на кандидатовъ, предложенныхъ императоромъ. Въ краснорѣчивомъ обращеніи къ сейму, онъ предостерегалъ республику отъ австрійской политики и указывалъ на судьбу Венгрии и Богеміи. «Императоръ слишкомъ близкій соудъ; его должно опасаться. Король Франціи слишкомъ отдаленъ географически отъ Польши; онъ не можетъ вредить республикѣ и можетъ быть ей полезенъ. Германская имперія, предлагая вамъ короля, имѣетъ въ виду лишь интересы своего честолюбія. Франція, предлагая своего кандидата, правда, желаетъ нанести ущербъ вѣнскому двору, но лишь тѣмъ, что избавитъ васъ отъ вліянія Австріи... Вы спрашиваете сторонниковъ принца Конти: «что скажетъ императоръ?» Что скажетъ императоръ! Императоръ долженъ будетъ признать, что поляки обладаютъ большею мудростію и осторожностію, чѣмъ венгры и чехи! Вотъ почему ваши предки, находясь нѣкогда въ такомъ же положеніи, какъ вы въ настоящее время, предпочли Генриха Валуа Эрнесту Австрійскому». Но Генрихъ III бѣжалъ изъ Польши, и посоль, касаясь этого деликатнаго вопроса, обращаетъ самый фактъ бѣгства въ пользу своего кандидата: «слезы, проливаемые тогда поляками, выражали не сожалѣніе объ его избраніи, но скорбь о потерѣ избраннаго. Ничего подобнаго не можетъ случиться съ принцемъ Конти: въ порядкѣ престолонаслѣдія девять принцевъ отдѣляютъ его отъ французскаго трона»...

Такъ говорилъ аббатъ Полиньякъ; но не такъ думалъ принцъ

---

* «Можно ссылаться на сходство нравовъ и наклонностей только относительно такихъ лицъ, въ жилахъ которыхъ течетъ одна и та же кровь; следовательно, ошибки Маріи Казиміры могутъ имѣть вліяніе на удаленіе только дѣтей ея. Во всякомъ случаѣ, слѣдуя чьимъ совѣтамъ супруга Собѣскаго навлекла на себя ненависть двѣхъ націй? Совѣтамъ ли Франціи или Австрійскаго дома? Въ угоду кому она отозвала войска изъ Венгрии, заключила союзъ Польши съ Германіей, женила принца Якова на принцессѣ Нейенбургской?»

Конти. Уже въ то время онъ вполне раздѣлялъ отвращеніе Генриха Валуа къ польской коронѣ и, впоследствии, обстоятельства заставили его подражать Генриху III даже въ его бѣгствѣ.

Предлагая принца Конти въ короли Польши, Людовикъ XIV не считалъ своею обязанностію испросить на то согласіе самого принца; Полиньякъ, защищая предложеніе своего государя, не имѣлъ права сомнѣваться въ этомъ согласіи. Между тѣмъ принцъ Конти не только не желалъ быть избраннымъ въ короли Польши, онъ даже боялся, чтобъ старанія аббата Полиньяка не увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ принцъ крови; онъ пользовался уваженіемъ французскаго общества и любовью народа; незаслуженная антипатія, которую питалъ къ нему Людовикъ XIV, только увеличивала сочувствіе всѣхъ къ молодому принцу; воспитанный вмѣстѣ съ дофиномъ, связанный искреннею дружбою съ наслѣдникомъ французскаго престола, онъ справедливо надѣялся, что въ царствованіе сына будетъ вознагражденъ за всѣ немилости отца. Выше всего этого стояло еще одно обстоятельство, столь важное, что отъѣздъ изъ Парижа представлялся принцу дѣломъ положительно невозможнымъ: принцъ Конти былъ страстно влюбленъ въ Луизу-Франциску, герцогиню Бурбонскую, дочь Людовика XIV и г-жи Монтеспанъ. *La duchesse était charmante — говоритъ герцогъ С. Симонъ, * — et son esprit autant que sa figure. Герцогиня любила принца: quoique M. le duc fût fort étrange et étrangement jaloux, M. le prince de Conti ne laissait pas d'être parfaitement heureux **.* Понятно, что никакая изъ европейскихъ коронъ, не только польская, не соблазняла его на столько, чтобъ онъ согласился нанести подобный ударъ своему сердцу. На сколько могъ, принцъ противодействовалъ планамъ Людовика XIV и не скрывалъ своего нежеланія быть польскимъ королемъ: онъ не довѣрялъ извѣстіямъ изъ Варшавы объ успѣшномъ ходѣ его кандидатуры, не высылалъ денегъ для поддержки своей партіи и медлилъ отъѣздомъ изъ Парижа, несмотря на настоятельныя просьбы Полиньяка, который считалъ его присутствіе въ Польшѣ необходимымъ.

Зная намѣренія принца Конти, можно положительно утверждать, что его присутствіе въ Варшавѣ могло лишь повредить Полиньяку. Если французскій посоль, обманутый въ намѣре-

* «Герцогиня прелестна и по лицу и по уму». *Mém. de S. Sim.* II, 5.

** «Хотя герцогъ очень ревнивъ, это не мѣшаетъ принцу Конти быть совершенно счастливымъ». *Ibid.*

няхъ своего кандидата, ошибался, считая его присутствіе необходимымъ, то онъ былъ совершенно правъ, когда слалъ въ Парижъ гонца за гонцомъ съ требованіемъ денегъ. Не имѣя денегъ, французскій посоль ограничивался обѣщаніями; но наступала пора, когда обѣщанія теряли уже всякое значеніе. Полиньякъ писалъ по этому поводу Людовику XIV *: *Votre Majesté peut croire par la force du parti que j'ai formé, qu'il a fallu mettre souvent la main á la bourse, et que plus les Polonais sont avides, plus on est obligé de suivre leur humeur et de satisfaire leur faible.*

Поляки были дѣйствительно слабы къ деньгамъ. Знаменитая корона, украшавшая Ягеллоновъ, Собѣсскихъ, стала теперь предметомъ корыстной спекуляціи. Это высказалось особенно рѣзко при составленіи договорныхъ статей, *tracta conventa* будущаго царствованія. Въ старину, *tracta conventa* служили наилучшею охраною общественныхъ вольностей и политической свободы, теперь они вели лишь къ безстыднымъ требованіямъ съ одной и низкимъ уступкамъ съ другой стороны; прежде они ограждали права и привиллегіи гражданъ республики, теперь они стали главнымъ средствомъ обогащенія лицъ, вліявшихъ на выборы. Въ этихъ статьяхъ упоминались всѣ обѣщанія, которыми забрасывали сеймъ многочисленные кандидаты. Здѣсь, рядомъ съ обѣщаніями невозможными — Августъ II обѣщаетъ отвоевать у Швеціи Ливонію и присоединить ее къ польской республикѣ — встрѣчаются обѣщанія довольно игриваго свойства: племянникъ папы *Livio Odessalchi* обѣщаетъ уступить республикѣ всѣхъ своихъ любовницъ!

Въ то время, какъ нѣкоторые кандидаты даютъ обѣщанія съ очевидною цѣлю не исполнить ихъ, французскій посоль своими обѣщаніями доказалъ, что хорошо знаетъ и польскую аристократію и польскую республику: вліятельнѣйшимъ изъ польскихъ магнатовъ онъ обѣщаетъ дорогіе подарки, польской республикѣ обѣщаетъ взять Каменецъ, которымъ завладѣли турки и который былъ такъ важенъ для территоріальной безопасности Рѣчи Посполитой. «Французъ и Каменецъ-Подольской достать обѣщаетъ, къ чему имѣя лакомство, многіе изъ поляковъ къ тому склоняются» **, извѣщалъ Петра русскій посоль изъ Вѣ-

* Ваше Величество, по силѣ партіи, которую я успѣлъ со ставить, можете судить, что къ кошелю предстояло прибѣгать нерѣдко, и что чѣмъ жаднѣе поляки, тѣмъ болѣе слѣдуетъ удовлетворять ихъ слабости». *Lettre de Polignac, 8 octobre 1696.*

** Памятн. VII, 1148; VIII, 192.

ны, дьякъ Кузма Нибитичъ Нефимоновъ. Общанія Полиньяка были довольно умѣренны, и если его партія въ Варшавѣ была сильна, то это должно приписать его личному вліянію. Можно догадываться, что составленная имъ партія была сильнѣе всѣхъ остальныхъ; на это указываютъ мѣры, къ которымъ прибѣгли враги французской партіи.

Австрійская партія прежде всего требовала удаленія аббата Полиньяка изъ Варшавы, находя, что онъ стѣсняетъ свободу выборовъ; французскій посоль былъ согласенъ пощипнуть столицу республики, но подѣ условіемъ удаленія изъ Варшавы пословъ всѣхъ другихъ державъ. Когда такимъ образомъ удаленіе Полиньяка отъ мѣста избранія оказалось невозможнымъ, тогда составилъ громадный заговоръ на его жизнь. Во главѣ заговора стоялъ принцъ Яковъ; одинъ изъ участниковъ, будучи въ пьяномъ видѣ, извѣстилъ о заговорѣ великаго короннаго маршала, который принялъ мѣры къ уничтоженію злодѣйскихъ замысловъ и предложилъ французскому послу охранительную стражу; аббатъ Полиньякъ, съ храбростію, не пристойною его духовному сану, и съ тактомъ, достойнымъ дипломатическаго агента, отклонилъ отъ себя такое обязательное предложеніе маршала. Принцъ Яковъ раскаялся въ своемъ намѣреніи, но его мать-королева была слишкомъ искушена въ интригахъ и козняхъ, чтобы остановиться послѣ первой неудачи. Она прибѣгла къ средству, уже разъ испытанному ею, и опять отправила въ Парижъ, къ французскому королю, жалобу на его посла; королева описывала въ самыхъ темныхъ краскахъ его поведеніе и, какъ женщина корыстная, просила Людовика XIV прислать довѣренное лицо, которое могло бы убѣдиться на мѣстѣ, какъ ничтожна та партія, на поддержку которой Полиньякъ требуетъ денежныхъ средствъ. Вѣроятно шпионы французскаго посла извѣстили Полиньяка о содержаніи тѣхъ бумагъ, которыя повезъ въ Парижъ гонецъ королевы, потому что въ одномъ изъ писемъ Полиньяка къ Людовику XIV, отправленномъ въ это именно время, между прочимъ говорится *: *Je demande une grâces à Votre Majesté avec la plus grande soumission, c'est que, si elle n'a pas confiance en moi, pour croire que l'affaire dont je suis chargé soit en si bon état que je l'ai annoncé, elle ait la bonté d'envoyer quelqu'un [de sa part en Pologne pour voir tout ce qui s'y dit et ce que l'on fait parmi la grande et la petite noblesse, sur quel pied sont les concurrents, à quoi en sont réduits la reine et le prince royal. Pourvu que celui qui viendra de Votre part soit*

* Lettre de Polignac, du 10 novembre 1696.

un homme juste et sincère, et, comme moi, uniquement attaché au service de Votre Majesté, qu'il soit témoin de mes actions et des progrès que je fais auprès de cette république. Plus la cour se porte à des moyens extrêmes, aussi bien dans les assemblées que partout ailleurs, plus elle montre la faiblesse de sa faction et toutes les tentatives qu'elle fait contre moi, ne servent, Dieu merci, qu'à faire prendre des résolutions vigoureuses contre elle *.

Французскій король зналъ Марію Казиміру и не довѣрялъ ея жалобамъ; но, всегда недовѣрчивый, въ послѣднее время онъ сталъ подозрителенъ, и видѣлъ теперь въ письмѣ Полиньяка удобный случай провѣрить донесеніе своего посла въ Варшавѣ. Съ этою цѣлію былъ отправленъ въ Польшу чрезвычайнымъ посломъ аббатъ Шатонефъ. Новый посолъ французскаго короля остался вполне доволенъ дѣйствіями Полиньяка, и во все время пребыванія въ Варшавѣ игралъ лишь второстепенную роль. Аббатъ Шатонефъ доносилъ Людовику XIV, что нашель положеніе дѣлъ въ Варшавѣ вполне согласнымъ съ общимъ духомъ донесеній Полиньяка, и что «почти все польское дворянство на сторонѣ принца Конти, кандидата его величества» **.

Не ошибается ли, однакожь, аббатъ Шатонефъ?

V.

Paris vaut une messe, сказалъ Генрихъ IV, убѣдившійся тяжелымъ опытомъ, что такова была въ то время цѣна на господство во Франціи. Соображенія государственнаго порядка и интересы высобаго характера нетолько объясняютъ, но и оправдываютъ до извѣстной степени французскаго короля. Если при этомъ мы примемъ во вниманіе, что современники дѣйствуютъ мало заботясь о будущемъ приговорѣ потомства, то мы станемъ на ту точку зрѣнія, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ заслужить укора въ бездушности строгости или несправедливой жестокости

* «Я прошу одной милости: прислать въ Польшу кого-нибудь, кто могъ бы видѣть на мѣстѣ, что происходитъ въ дворянствѣ, въ какомъ положеніи находятся конкуренты на престолъ, а также королева и принцъ Яковъ. Желательно было бы только, чтобы тотъ, кто пріѣдетъ отъ имени Вашего Величества, былъ человѣкъ искренній и справедливый и на столько же преданный интересамъ вашимъ, на сколько преданъ я самъ. Тогда—пусть онъ будетъ свидѣтелемъ моихъ дѣйствій и тѣхъ усилковъ, которые мною добыты. Чѣмъ больше прибѣгаетъ королева къ крайнимъ мѣрамъ, тѣмъ больше выказываетъ она свою слабость, и всѣ ея попытки противъ меня служатъ только въ ущербъ ей самой».

** Parthenay, II, 115.

суждений. Такія соображенія должны быть присущи намъ всякій разъ, когда представляется необходимость говорить о личности, низкія намѣренія которой едва понятны уму и темные поступки которой возмущаютъ нашу душу.

Янъ Пржебендовскій былъ рожденъ для интригъ; употребляя самыя нечистыя средства, онъ не имѣлъ даже іезуитской возможности оправдывать ихъ цѣлями, такъ-какъ эти цѣли были всегда низки и грязны; не дорожа своею честію, запятанною слишкомъ часто, онъ нарушалъ даваемые клятвы съ необходимостію по истинѣ удивительною; лишенный совѣсти, онъ рано утерять всякій стыдъ. Это былъ дурной человекъ; такимъ понимали его современники, такимъ рисуетъ его и исторія. Онъ былъ протестантъ по рожденію; ради званія сенатора и мѣста кудымскаго вастеляна онъ перешелъ въ католичество; по своимъ убѣжденіямъ онъ не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ исповѣданій и вопросы вѣры для него не существовали. Таковъ онъ былъ и въ политикѣ. До тѣхъ поръ, пока партія принца Якова была сильна, онъ обязательно поддавался ея подкупу и громко поддерживалъ кандидатуру старшаго сына Яна Собѣскаго; позже, онъ перешелъ на сторону баденскаго принца, но скоро убѣдился въ денежной слабости этой партіи и предложилъ свои услуги французскому послу. Полиньякъ зналъ Пржебендовскаго, не довѣрялъ ему, но не желалъ раздражить отказомъ; ограждая себя однако отъ новой измѣны, аббать, въ присутствіи многихъ познанскихъ поляковъ, взялъ съ него торжественную клятву въ вѣрности. Новый адентъ французской партіи былъ вѣренъ данной имъ клятвѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ исчезъ изъ Варшавы, и отправился въ Дрезденъ.

Фридрихъ-Августъ, курфюрстъ Саксонскій, долго жилъ во Франціи, изучая военное искусство въ битвахъ съ своими врагами въ Franche-Comté; изъ Франціи же вывезъ онъ тотъ изысканный вкусъ и элегантнѣйшій тонъ, которымъ отличался въ его время дрезденскій дворъ. Ему было лишь 27 лѣтъ; его войско было испытано въ бояхъ; его честолюбіе искало лишь повода расширить границы власти, и онъ ласково принялъ Пржебендовскаго, который пріѣхалъ къ нему съ предложеніемъ агитаціи въ его пользу на выборахъ. Курфюрстъ со вниманіемъ выслушалъ лестное для него предложеніе польской короны и сдѣлалъ лишь одно возраженіе, которое, по его понятіямъ, было столь существенно, что отстранило всякую вѣроятность успѣшнаго исхода: «Я протестантъ, а королемъ Польши можетъ быть лишь католикъ». Такой доводъ на столько важный по мнѣнію Фридриха-Августа, что онъ не считалъ себя даже въ правѣ выступать кандидатомъ на

варшавскихъ выборахъ, былъ лишенъ всякой силы въ глазахъ Пржебендовскаго, который далъ характерный отвѣтъ саксонскому принцу: «Только тѣ средства дурны, которыя не ведутъ къ успѣху; я сдѣлался католикомъ, чтобъ стать сенаторомъ; ваше высочество можетъ сдѣлать то же ради польской короны». Такое общее положеніе было тотчасъ же подрѣзано историческимъ примѣромъ: «Въ 1530 году, Карль V угрожалъ одному изъ предковъ вашего высочества лишить его владѣній, если онъ не будетъ присутствовать, въ качествѣ имперскаго полководца, на торжественной католической мессѣ, совершающейся въ Аугсбургѣ—и предокъ вашего высочества сталъ католикомъ». Но принять католичество не значило еще стать королемъ Польши, а вторичный переходъ, обратно въ протестанство, казался саксонскому курфюрсту уже слишкомъ неловкимъ. Такая щепетильность удивила, но не остановила Пржебендовскаго, и онъ указалъ на другой историческій примѣръ, который могъ служить въ данномъ случаѣ наставленіемъ: «Въ 1540 году протестантскіе теологи дозволили ландграфу гессенскому, ради сохраненія его положенія и земель, сдѣлать видъ, будто онъ перешелъ въ католичество и исполнять наружно всѣ обряды, требуемые римскою церковію». Не устоялъ Фридрихъ-Августъ: казаться католикомъ не значило еще перестать быть протестантомъ; играть роль въ Европѣ, будучи только 27 лѣтъ, заманчиво, а вдали соблазнительно переливались разноцвѣтнымъ блескомъ алмазы польской короны...

За двѣ недѣли до дня, назначеннаго для окончательнаго избранія польскаго короля, Фридрихъ-Августъ прибылъ въ Баденъ близъ Вѣны. Здѣсь, епископъ раабскій, Цейцъ, ради честолюбивыхъ цѣлей перешедшій изъ протестанства въ католичество и многимъ обязанный саксонскому курфюрсту, снабдилъ Фридриха-Августа письменнымъ актомъ, свидѣтельствовавшимъ о принятіи имъ католичества; согласно условію, этотъ переходъ долженъ былъ быть официально объявленъ лишь послѣ избранія. Пржебендовскій поспекалъ съ этимъ актомъ въ Варшаву.

Между тѣмъ Фридрихъ-Августъ сдвигаетъ свои войска къ польской границѣ, продаетъ герцогу Ганноверскому свои права на герцогство Саксенъ-Лауенбургское, закладываетъ саксонскому духовенству свой Миснійскій удѣлъ и, зная жадность польскихъ магнатовъ, заключаетъ съ нѣмецкими евреями-банкирами договоръ, по которому они обязались доставлять ему необходимыя суммы денегъ по первому его требованію. Скрывая свои намѣренія, Фридрихъ-Августъ даетъ знать о своемъ обращеніи въ лоно католической церкви папѣ Иннокентію XII, который тѣмъ

болѣе порадовался такому обращенію, что Саксонія была колыбелью лютеранизма. Съ Людовикомъ XIV такая скрытность была излишня, и Фридрихъ-Августъ, откровенно извѣщая французскаго короля о той цѣли, для которой онъ обратился въ католики, просить Людовика XIV поддержать своимъ вліяніемъ его кандидатуру на польскій тронъ. Эта просьба ставила французскаго короля въ чрезвычайно неловкое положеніе: Людовикъ XIV не объявлялъ державамъ о кандидатурѣ принца Конти и теперь боялся или повредить избранію или уронить свое достоинство официальнымъ объявленіемъ объ этой кандидатурѣ, которая могла и не имѣть успѣха. Версальскій мудрецъ рѣшился молчать о полученномъ отъ Фридриха-Августа извѣщеніи; онъ скрылъ это даже отъ своего посла въ Варшавѣ.

Но Полиньякъ слѣдилъ за всѣмъ, все зналъ; французскій посоль извѣщалъ своего государя о предстоящей кандидатурѣ курфюрста Саксонскаго, о чемъ его увѣдомил *un certain Chevalier Fleming* *, родственникъ Пржебендовскаго. Полиньякъ съ такою же ловкостію противодѣйствовалъ планамъ Пржебендовскаго, съ какою тотъ составлялъ ихъ.

Когда кандидатура Саксонскаго курфюрста была официально объявлена, папа тотчасъ же извѣстилъ избирательный сеймъ, что будетъ держать полный нейтралитетъ между кандидатомъ, предложеннымъ отъ имени христіаннѣйшаго короля Людовика XIV, и новообращеннымъ католикомъ; между тѣмъ папскій нунцій, кардиналъ Доріа, присланный изъ Кельна въ Варшаву съ цѣлію защиты католическихъ интересовъ, громко высказывается въ пользу Фридриха-Августа, называетъ его обращеніе «чудомъ, совершеннымъ въ честь Рѣчи Посполитой», и такимъ образомъ фанатизируетъ горячія головы поляковъ. Французскій посоль тотчасъ же написалъ нунцію довольно самоувѣренное письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Я удивляюсь, что тотъ, который представляетъ собою общаго отца всѣхъ христіанъ, высказываетъ въ этомъ дѣлѣ столь возмутительное пристрастіе... Я прошу васъ вспомнить, что мы оба, вы и я, подвластны государямъ, которые будутъ судить о нашихъ дѣйствіяхъ по тѣмъ результатамъ, которыхъ мы достигнемъ». Полиньякъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы набросить тѣнь подозрѣнія на слухъ объ обращеніи Фридриха-Августа, и указывалъ на его супругу, Христину, которая оставалась протестанткой и даже отвергала возможность подобнаго поступка со стороны курфюрста; французскій посоль доказывалъ, что Фридрихъ-Августъ, въ случаѣ из-

* Lettre de Polignac, du 31 mai 1697.

бранія, окажется такимъ же протестантомъ, какимъ былъ прежде, до избранія. Когда же Пржебендовскій объявилъ, что Полиньякъ далъ республикѣ такія обѣщанія, которыя его кандидатъ не въ состояніи будетъ выполнить, то французскій посоль отвѣчалъ небольшою брошюрой, въ которой подробно доказывалъ исполнимость этихъ обѣщаній и прибавлялъ: «Фридрихъ-Августъ выступилъ кандидатомъ слишкомъ поздно, единственно съ тою цѣлю, чтобъ не дать никому времени снять маску съ этого подозрительнаго кандидата и провѣрить искренность его обѣщаній».

За нѣсколько дней до избранія, Пржебендовскій, сознавая силу французской партіи и не надѣясь на успѣхъ, предлагаетъ сдѣлку. По его совѣту, нѣкоторые изъ польскихъ магнатовъ отираются къ французскому послу, укажутъ ему на бѣдствія, которыя грозятъ Польшѣ отъ двухъ враждебныхъ партій, и предложатъ Полиньяку средство, которое должно, съ одной стороны, успокоить республику, съ другой обезопасить честь Франціи и личные интересы ея представителя. Средство это не сложное: въ королѣ Польши избирается курфюрстъ Саксонскій; Фридрихъ-Августъ обязуется уплатить Людовику XIV всѣ понесенные имъ расходы по кандидатурѣ принца Конти, общается Полиньяку кардинальскую шапку. Полиньякъ во время узналъ о такомъ новомъ планѣ Пржебендовскаго, и наканунѣ того дня, въ который къ нему должна была прибыть депутація съ предложеніемъ сдѣлки, онъ явился въ сенатъ. Съ гордостію и негодованіемъ онъ отвергъ оскорбительную сдѣлку; объявилъ, что ни въ какомъ случаѣ не отступитъ отъ порученія, возложеннаго на него его государемъ, и въ заключеніе выразилъ удивленіе, что польская нація, всегда такая ревнивая къ своей свободѣ, задумывается надъ избраніемъ въ королѣ одного изъ нѣмецкихъ принцевъ, между тѣмъ какъ до настоящаго времени она отвергала ихъ всякій разъ, когда они были предлагаемы. «Если курфюрстъ Саксонскій взойдетъ на тронъ, вѣра отцовъ вашихъ подвергнется преслѣдованіямъ. Если сенатъ можетъ состоять только изъ католиковъ, то потерпитъ ли нація, чтобъ скипетръ ея республики находился въ рукахъ; протестантскаго принца, послѣ того какъ его держалъ король Казиміръ, которому римскій дворъ пожаловалъ титулъ «ортодоксальнаго» за очищеніе сената отъ еретиковъ?»

Полиньякъ говорилъ свою послѣднюю рѣчь въ сенатѣ 23-го іюня 1697 г. На 25-е іюня назначенъ день избранія. Двѣ партіи волнуютъ польскую республику; эти двѣ партіи подѣлили всѣхъ представителей Рѣчи Посполитой; во главѣ каждой стояли

лица, испытанныя въ интригахъ, ловкія въ дебатахъ, всегда готовыя на бой, никогда не устающія. Кто же одержитъ верхъ, Пржебендовскій или Полиньякъ? кто будетъ избранъ въ польскіе короли, курфюрстъ Фридрихъ или принцъ Конти? Казалось, можно было быть увѣреннымъ хотя въ томъ, что изъ двухъ кандидатовъ будетъ избранъ только одинъ, не оба...

Наступилъ давно жданный день выборовъ, день, въ который еще разъ совершится великій актъ народнаго самодержавія.

Долина Воли, близъ Варшавы, полна народа и представляетъ величественное зрѣлище. По окраинамъ ея разставлено безчисленное множество палатокъ и шалашей; въ срединѣ длинное четырехугольное пространство огорожено невысокою стѣною и окопано ровомъ: стѣна не высока, чтобъ совершающееся за оградю было доступно взорамъ всѣхъ, и ровъ глубоокъ, чтобы всадники не могли проникнуть за ограду. Трое воротъ, по числу трехъ провинцій Рѣчи Посполитой, ведутъ въ огороженное мѣсто: ворота Великой Польши на западной сторонѣ, Малой Польши на южной, Литвы на восточной. За оградю великолѣпный павильонъ, szora — для сенаторовъ; остальное пространство, коло, — для представителей высшаго сословія.

Съ ранняго утра спѣшать въ долину Воли избиратели, окруженные своими гайдуками. Болѣе 100 тысячъ дворянъ, верхами, по воеводствамъ; одежды ихъ блещутъ роскошью; золото и мѣха, драгоцѣнные камни и парча, бархатъ и шелкъ; каждый щеголяетъ своимъ оружіемъ, конемъ, свитою; каждый имѣетъ право на польскую корону, каждый гордь...

Вокругъ избирателей толпится несмѣтное множество народа. Крики людей, удары сабель, хлопанье бичей, ружейные выстрѣлы, ржанье коней, говоръ, хохоть, брань, вопли, общее движеніе. Кортижи воеводъ и кастеляновъ снуютъ промежъ народа, набирая голоса и бросая деньги. Епископы верхомъ на лошадяхъ, съ крестомъ рукъ, разъѣзжаютъ по долинѣ, кропа всѣхъ св. водою и призывая къ согласію. Здѣсь, толпа сошлась поговорить о достоинствѣ кандидатовъ, поспорила, и вотъ сверкаютъ лезвія сабель, течетъ кровь *. Тамъ, группа молодыхъ людей устроила конное ристалище и, среди забавы, неосторожное слово о кандидатѣ привело къ дуэли. Вдали, эскадроны скачутъ, подъ громъ военной музыки; ближе, раздаются національныя

---

* Ф. Таннеръ, стр. 723: «Надобно замѣтить, что въ Польшѣ, если сенаторы и паны начнутъ между собою войну на словахъ, то челядь ихъ и солдаты начинаютъ также спорить между собою, а потомъ берутся за сабли, и часто проливается не мало крови».

пѣсни, какъ бы взывая къ патриотизму избирателей. Тамъ и сямъ разсыяны отряды гайдуковъ и воиновъ, разставлены пушки и гаковницы. Въздѣ — грязные евреи съ ихъ услугами, съ предложениемъ денегъ, съ жидовскими процентами. Повсюду яркій блескъ дорогаго оружія, раскраснѣвшіяся лица гордыхъ сыновъ Польши, золотыя попоны на арабскихъ коняхъ, позолоченные экипажи.

Епископъ Плокскій проситъ слова. Онъ говоритъ недлинную рѣчь и высказывается въ пользу французскаго кандидата. Его поддерживаетъ примасъ Радзѣвскій; воеводы Сѣрадзскій, Раваскій, Плокскій и Прусскій крикомъ выражаютъ свое согласіе. Пржебендовскій желаетъ сказать рѣчь противъ принца Конти; дворянинъ Шапскій останавливаетъ его бранью: «сизмѣнникъ, ты скоро забудь твои клятвы!» и наводитъ на него дуло пистолета; какой-то ксендзъ отвелъ дуло своимъ посохомъ и Шапскій выстрѣлилъ на воздухъ. Энтузіазмъ, возбужденный рѣчью Плокскаго епископа, растетъ; уже слышится тамъ и сямъ вивать принцу Конти. Пржебендовскій, зная какъ поляки дорожатъ даже пустыми формами своей конституціи, вспоминаетъ, что примасъ не провозгласилъ еще официальнаго списка именъ кандидатовъ; онъ спѣшитъ къ тѣмъ воеводамъ, которые еще не высказались за Конти, указываетъ на нарушеніе конституціи. Пржебендовскій выигрываетъ время, — выборы отложены до завтра.

26 іюня, раннимъ утромъ, сенаторы и воеводы, съ примасомъ во главѣ, собрались въ кафедральный соборъ св. Яна, помолились недолго и въ торжественной процессіи отправились въ долину Воли. Войдя въ павильонъ, примасъ громкимъ голосомъ провозгласилъ имена кандидатовъ: онъ началъ принцемъ Конти, которому разсыпался въ похвалахъ, и окончилъ Фридрихомъ-Августомъ, котораго лишь назвалъ по имени *. Затѣмъ, по обычаю, всталъ передъ павильономъ, въ виду всѣхъ, и, преклонивъ колѣна, началъ молиться, призывая благословеніе на эту взволнованную толпу, которая будетъ выбирать главу государства. Гробовое молчаніе. Всѣ преклоняются предъ прелатомъ, который встаетъ и, обращаясь на всѣ четыре стороны, благословляетъ народъ. Выборы начались.

Три краковскихъ и одинъ познанскій эскадронъ провозгласили имя принца Якова, но слабо, нерѣшительно. То былъ какъ бы сигналъ. Крикъ: Конти! Конти! раздался по долинѣ. Три другихъ краковскихъ эскадрона, пять познанскихъ и всѣ виленскіе требовали избранія принца Конти. Въ то же время

* Parthenay, I, 107.

тамъ и сямъ слышно было имя Фридриха-Августа — то былъ крикъ двухъ воеводствъ, Самогитин и Мазовин, и нѣсколькихъ эскадроновъ Пруссин. Общее смятеніе *). Три различныхъ крика потрясаютъ воздухъ; противники бросаются другъ на друга, схватываются, сабли на голо — пыль не позволяетъ рассмотретьъ подробности схватки. Панъ Папескій, раненный однимъ изъ сторонниковъ Конти, подходитъ къ павильону, къ примасу, и отрываетъ руку отъ раны — кровь брызнула на платье примаса и краснорѣчиво пояснила, что дѣлается за этою пылью...

Среди общей сумятицы является Пржебендовскій. Въ рукахъ у него письменное удостовѣреніе папскаго нунція объ обращеніи саксонскаго курфюрста. Онъ предлагаетъ полякамъ избрать Фридриха-Августа. Подлинность акта невозможно проверить. Сторонники принца Конти утверждаютъ, что онъ подложень. Жизнь Пржебендовскаго опять въ опасности: друзья едва могли защитить его отъ сабель противниковъ. Кардиналь-примась, видя, что всё подѣлились между двумя кандидатами, французскимъ и саксонскимъ, желаетъ раздѣлить противниковъ и такимъ образомъ предотвратить возможность общей свалки; онъ приказываетъ маршалу распорядиться, чтобъ желающіе принца Конти отошли на правую сторону, а Фридриха-Августа — на лѣвую. Результатъ этой мѣры оказался въ пользу французскаго кандидата: 220 эскадроновъ стоятъ на правой сторонѣ и лишь 40 на лѣвой **.

Выборъ состоялся. Принцъ Яковъ, всѣми оставленный, бѣжитъ въ Варшаву. Полянякъ отправляетъ въ Парижъ гонца съ поздравленіемъ. Папскій нунцій, сторонникъ Фридриха-Августа, поздравляетъ Поляняка. Съ долины Воли доносится въ Варшаву народный кликъ: «да здравствуетъ Конти!»

Въ виду такихъ несомнѣнныхъ заявленій о результатѣ выборовъ, нужно было глубоко знать характеръ польской націи и систему польскихъ выборовъ, чтобъ еще сомнѣваться въ избраніи принца Конти. И за всѣмъ тѣмъ, тѣ, которые считали принца Конти польскимъ королемъ, ошибались. Винить ихъ нельзя: только въ Польшѣ былъ возможенъ такой случай, чтобъ изъ двухъ кандидатовъ оба были избраны въ короли. Дѣло было такъ.

Послѣ провозглашенія вивата принцу Конти, вся саксонская

* Ф. Ташнеръ, стр. 763: «На сеймахъ все шло хорошо, пока не начинался крикъ; обыкновенно кричали такъ громко, что нельзя было понять ни одного слова».

** Journal du marquis de Dangeau, II. 73.

партія считала свое дѣло окончательно проиграннымъ. Не такъ смотрѣлъ на свое дѣло Пржебендовскій. По его совѣту, 40 всадроновъ, бывшихъ на сторонѣ саксонскаго кандидата, дали знать примасу, что наступившіе сумерки затрудняютъ всякое движеніе, но что завтра поутру они перейдутъ на правую сторону и увеличатъ огромное большинство, высказавшееся за принца Конти. Полиньякъ понялъ, что Пржебендовскій желаетъ лишь выиграть время, чтобъ употребить ночь на новую агитацію, и просилъ примаса не откладывать своей санкціи до завтра, но объявить тотчасъ же выборы состоявшимися въ пользу принца Конти. Кардиналъ-примасъ не согласился на просьбу Полиньяка и отложилъ до слѣдующаго утра окончательное признаніе французскаго принца польскимъ королемъ. Почему? Желалъ ли онъ придать болѣе торжественности такому признанію? Надѣялся ли достигъ на завтра единогласнаго избранія? Былъ ли онъ подкупленъ? или, быть можетъ, въ этомъ должно видѣть честолюбивое стремленіе продлить свою власть еще на нѣсколько часовъ? Какъ бы то ни было, но примасъ отказалъ французскому послу и отдалъ приказаніе, чтобъ всѣ оставались на своихъ мѣстахъ всю ночь. Самъ примасъ расположился въ экипажѣ и ожидалъ утра.

Настала ночь. Но никто не спалъ въ долинѣ Воли. Пржебендовскій, ловко выигравъ нѣсколько часовъ, съ искусствомъ воспользовался ими. Онъ обѣгалъ всѣхъ пословъ, агитировавшихъ противъ Франціи; съ каждымъ изъ нихъ поговорилъ наединѣ, глазъ на глазъ. Затѣмъ, въ глубокую полночь онъ собралъ ихъ въ палаткѣ папскаго нунція; на этомъ ночномъ совѣщаніи присутствовали: посланникъ Австріи и послы Саксоніи, Баваріи, Бранденбурга, Лотарингіи, Нейбурга и Венеціи; въ немъ принимали участіе и двое изъ польскихъ магнатовъ, епископъ Куавскій и князь Сапѣга, истые поляки, всегда по принципу бывшіе противъ партіи, одержавшей верхъ. Въ рѣчи краткой, но энергической, Пржебендовскій изложилъ представителямъ иностранныхъ державъ весь вредъ, могущій произойти отъ новаго усиленія могущественной уже Франціи; представителей польской націи онъ убѣждалъ положиться скорѣе на Фридриха-Августа, который стоитъ уже со своими войсками на границахъ Польши, готовый пролить свою кровь за республику, чѣмъ на принца Конти, утопающаго въ вакханаліяхъ версальскихъ празднествъ. Пржебендовскій говорилъ съ жаромъ; казалось, торжественность минуты, въ которую рѣшалась судьба его родины, вызвала въ немъ весь горячій патріотизмъ поляка; казалось, рѣчь его лилась прямо изъ сердца; онъ былъ увлекателемъ, ему нельзя было не вѣрить...

Въ два часа ночи окончилось засѣданіе въ палаткѣ папскаго нунція и участники его разъѣхались въ разные концы.

На утро, когда солнце освѣтило долину, французская партія убѣдилась, что ея догадки были справедливы: лѣвая сторона, саксонская, еще вчера столь слабая, почти ничтожная, сегодня уже была равна сторонѣ французской. Удивился кардиналъ-примась. Его попытки привести обѣ партіи къ взаимному соглашенію не имѣли успѣха. Раздраженіе сторонъ достигло крайняго предѣла. Наконецъ, около шести часовъ вечера, примась, согласно обычаю, провозглашаетъ, по требованію большинства, Франциска-Людовика Бурбона принца Конти королемъ Польши и великимъ княземъ Литвы. Затѣмъ, французская партія, съ примасомъ во главѣ, отправляется въ Варшаву, отгоняетъ сторонниковъ саксонской партіи, занявшихъ входъ въ соборъ св. Яна, и торжественное «Te Deum» потрясаетъ своды храма *.

Въ то же время епископъ Куявскій, во главѣ саксонской партіи, оставшейся въ долинѣ Воли, пользуясь отсутствіемъ примаса, не менѣе торжественно провозгласилъ королемъ Польши и княземъ Литвы Фридриха-Августа, курфюрста Саксонскаго. Въ полночь прибыли они въ Варшаву, въ тотъ же соборъ св. Яна. и прогѣли тотъ же «Te Deum», заглушая грохотъ пушекъ, раздававшійся въ честь принца Конти.

Кончилось для Польши тяжелое время безкрулевья, но кончилось какъ никогда еще; республика впала изъ одной крайности въ другую: вчера не было короля, сегодня ихъ два. Въ Москву пришло извѣстіе, «что полскіе сенаторы имѣютъ между собою великое разгласіе и сердца раздвоенные, и обраны два короля — князь Деконтій съ французской стороны да курфистръ Саксонской, и стоять одни при Деконтіи, другіе при курфистрѣ, и которая сторона сильнѣе будетъ тому впредѣ время ,покажетъ» **. Республика поставила себя въ положеніе столь же грустное, какъ и комическое...

VI.

Въ четвергъ, 11 іюля, прибылъ въ Марли, гдѣ въ то время находился французскій дворъ, Галлеронъ, секретарь французскаго посла въ Варшавѣ аббата Полиньяка, отправленный имъ 26 іюня, прямо съ долины Воли. Галлеронъ привезъ съ собою два соб-

* Dangeau, II, 76.

** Памятн., VIII, 87.

стенноручныхъ письма Полиньяка: одно, къ королю Людовику XIV, въ которомъ посольство извѣщало своего государя объ избраніи принца Конти 220 эскадронами противу 40; другое, къ принцу Конти, было адресовано à Sa Majesté Polonoise ¹.

Людовикъ XIV поздравилъ принца и хотѣлъ тотчасъ же отдавать ему королевскія почести, но Конти просилъ повременить, пока его избраніе будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Эта скромность заслужила похвалы всего версальскаго семейства; одинъ лишь Людовикъ XIV не могъ долѣе скрывать своей радости, — избраніе принца радовало его: оно удаляло отъ него нелюбимаго челоуѣка. Выходя изъ опочивальни г-жи Ментенонъ, которой король успѣшилъ передать давно желанную вѣсть, Людовикъ XIV, обращаясь къ придворнымъ, сказалъ: *Je vous amène un roi*. Новость быстро разнеслась и всѣ спѣшили поздравить польскаго короля до его отъѣзда въ свое королевство ².

Но принцъ Конти не торопился отъѣздомъ. Оставивъ безъ отвѣта двухъ курьеровъ Полиньяка, онъ лишь 1-го августа отвѣчалъ ему короткимъ, сухимъ письмомъ: принцъ извѣщалъ посла, что принимаетъ польскую корону и благодарить его за труды. Спустя мѣсяць, 1-го сентября, принцъ долго и много разговаривалъ съ Людовикомъ XIV въ его версальскомъ кабинетѣ; когда онъ выходилъ, придворные замѣтили слезы на его глазахъ ³. Мы знаемъ причину этихъ слезъ; знали ее и тѣ придворные, что поторопились извѣстить объ нихъ Людовика XIV и тѣмъ еще болѣе возстановили короля противъ принца. Герцогъ С.-Симонъ въ своихъ мемуарахъ, передавая довольно обстоятельно отношенія всѣхъ лицъ версальской семьи, говоритъ, что избраніе принца Конти въ короли Польши обрадовало всѣхъ, кромѣ герцогини Бурбонской. Даже въ сердцѣ С.-Симона нашлось сочувственное сожалѣніе къ положенію герцогини: *Qui fut à plaindre? Ce fut m-me la Duchesse. Elle aimait, elle étoit aimée, elle ne pouvait douter qu'elle ne le fût plus que l'éclat d'une couronne. Il fallut prendre part à une gloire si proche, à la joie du roi, à celle de sa famille qui l'observait dans tous les momens, qui voyait clair, mais qui ne put mordre sur les bienséances* ⁴. Вотъ почему были

¹ *Mém. de S. Sim. II, 22. Dangeau, II, 74.*

² «Я привожу вамъ короля». *Mém. de S. Sim. II, 23.*

³ *Dangeau, II, 77. Mém. de S. Sim. II, 23.*

⁴ «Всѣхъ больше была достойна сожалѣнія герцогиня. Она любила, была любима; она не сомнѣвалась, что ее предпочитали коронѣ. И за всѣмъ тѣмъ, ей предстояло показывать участіе въ радости короля и всего ея семейства, которое зорко за ней наблюдало». *Mém. de S. Sim. II, 25.*

слезы на глазахъ принца Конти послѣ аудіенціи, на которой былъ рѣшенъ отъѣздъ его въ Варшаву. Во вторникъ, 3-го сентября, въ 11 часовъ вечера, онъ выѣхалъ изъ Парижа.

Вскорѣ послѣ отъѣзда принца Конти, въ Парижѣ были получены нѣсколько запоздавшія въ дорогѣ донесенія аббата Полиньяка о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ избирательнаго сейма. Эти донесенія кратки и осторожны; но въ письмахъ къ частнымъ лицамъ, отправленныхъ съ тѣми же курьерами, посольство откровенно указываетъ на главную причину выбора двухъ королей. Въ этомъ отношеніи особенно важны его письма къ М. de Torcy, который всегда поддерживалъ и защищалъ Полиньяка предъ королемъ, и съ которымъ аббатъ былъ вполне откровененъ *. Въ одномъ изъ писемъ сказано:

Si les fonds nécessaires eussent été envoyés et le prince élu présent ou du moins dans le voisinage, la double élection ne se serait pas faite, ou elle n'aurait pas subsisté un seul jour. Mais je me trouve, avec un titre incontestable, c'est-à-dire après une élection légitime sans roi et sans argent, au lieu que l'électeur de Saxe est aux portes du royaume avec ses troupes et l'assistance de tous les Etats voisins intéressés à le soutenir **.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ нѣсколько дней спустя, уже проглядываетъ та желчная раздражительность и то отчаяніе, которое начало овладѣвать французскимъ посломъ:

Combien durera ce silence qui me désespère? Ne songe-t-on pas que depuis deux mois on ne vit que d'espérances? Ne paraîtra-t-il pas de lettre ou de courrier qui nous soulagent et qui nous disent enfin: Le roi est parti! Si vous saviez, Monsieur, la peine que je souffre dans cette incertitude, et combien j'imagine de moyens pour conserver cette couronne que l'on refuse en France à mesure qu'on s'empresse ici de nous la donner, vous auriez pitié du pauvre martyr. Comment veut-on que je persuade aux Polonais que le roi n'abandonne pas cette affaire, puisque Sa Majesté ne s'explique qu'une fois en six semaines, encore n'est ce qu'à demi? *** Nous avons dit

* *Mém. de S. Sim. III, 150; V, 86.*

** «Еслибъ я имѣлъ нужныя суммы, и принцъ былъ на мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, по сосѣдству, двойное избраніе не могло бы имѣть мѣста. Но у меня нѣтъ ни денегъ, ни короля, тогда какъ саксонскій курфюрстъ стоитъ у предѣловъ королевства съ войсками и съ поддержкой всѣхъ сосѣднихъ государей». *Lettre de Polignac, du 17 août 1697.*

*** Герцогъ С. Симонъ передаетъ крайне сомнительную подробность, которая въ противномъ случаѣ могла бы служить объясненіемъ къ письму аббата: *L'ambassadeur avait été quarante cinq jours sans recevoir aucune lettre de Paris. La Reine de Pologne retirée à Dantzick et logée chez le maître de la poste, les interceptait toutes, et à la fin pour se moquer de l'abbé*

tant de fois que tout périrait si le prince ne venait bientôt, est-ce une raison pour le retenir? C'est un véritable miracle que l'affaire se soutienne encore. A la fin, on se lassera, et la Providence en décidera *.

Въ словахъ Полиньяка нѣтъ не только лжи, нѣтъ даже преувеличенія; въ нихъ все правда, до послѣдняго слова, — поляки устали отъ обѣщаній, которыя не исполнялись, отъ ожиданій, которымъ не видѣли конца, отъ словъ безъ дѣла. Противники Полиньяка справедливо говорили ему: *Vana est sine viribus ira* **. Сторонники французскаго посла утеряти довѣрiе къ его словамъ, охладѣли къ его дѣлу, и, сперва апатiей, потомъ противодѣйствiемъ его планамъ, рѣшили вопросъ объ избранiи польскаго короля въ пользу Фридриха-Августа.

Въ дѣлахъ государственныхъ слова имѣютъ мало значенія; только то мѣропрiятiе носитъ на себѣ характеръ государственной мудрости, которое обставлено извѣстною силою, достаточною для его поддержанiя. Въ этомъ отношенiи сторона саксонскаго кандидата выказала болѣе политическаго смысла, нежели сторона кандидата французскаго.

Нѣтъ сомнѣнiя, что законность избранiя была вся на сторонѣ принца Конти; но представитель его въ Варшавѣ былъ лишень средствъ, которыя понадобились для защиты его правъ, и королемъ Польши сталъ Фридрихъ-Августъ. Вслѣдствiе убѣжденiй Полиньяка, почти всѣ епископы королевства высказались за принца Конти; но Фридрихъ-Августъ, во главѣ своихъ войскъ, не обращалъ вниманiя на угрозы церковныхъ сановниковъ. По настоятельнымъ просьбамъ французскаго посла, прiамасъ приставилъ стражу ко гробу Собѣскаго, чтобъ саксон-

de Polignac, lui en envoya toutes les enveloppes (посолъ не получалъ въ теченiе сорока пяти дней писемъ изъ Парижя. Польская королева, живущая въ Данцигѣ у почтмейстера, перехватывала всѣ письма, и потомъ, въ насмѣшку, отослала къ аббату Полиньяку конверта отъ нихъ). II, 26. Dangeau. II, 97.

* «Долго ли продолжится это молчанiе? Ужь не думаютъ ли, что можно, впроложенiе двухъ мѣсяцевъ, жить одiими надеждами? Скоро ли лявится письмо или курьеръ, которые скажутъ намъ: король выѣхалъ? Еслибъ вы знали, сколько я страдаю, и какого труда мнѣ стоитъ сохранить эту корону, отъ которой такъ упорно отказываются во Францiи, вы пожалѣли бы меня. Могу ли я увѣрить поляковъ, что король не оставляетъ этого дѣла, коль скоро Его Величество объясняетъ мнѣ свои намѣренiя не чаще одного раза въ теченiе шести недѣль, да и то на половину? Надо удаляться, что дѣло еще кой-какъ держится. Но подъ ковецъ, оно надобсть всѣмъ, и тогда провидѣнiе рѣшитъ по своему усмотрѣнiю» *Lettre de Polignac, du 29 août 1697.*

** Ibid.

ская партія не овладѣла имъ, — по польскимъ обычаямъ, коронаваніе избраннаго короля и погребеніе умершаго должно совершаться въ одно и то же время, въ Краковѣ, — но Фридрихъ-Августъ приказалъ сдѣлать гробницу, подобную той, въ которой покоилось тѣло его предшественника, и 15-го сентября былъ торжественно коронованъ епископомъ Куявскимъ въ кафедральномъ соборѣ Кракова *. Примазь протестуетъ противъ нарушенія его правъ епископомъ Куявскимъ; но папскій нунцій поддерживаетъ епископа, дѣйствующаго вопреки обычаямъ и постановленіямъ католической церкви.

При такомъ направленіи дѣлъ, Полиньякъ былъ безсиленъ. Его дѣятельность ограничивается унижительными просьбами къ сторонникамъ, безсильными протестами противъ противниковъ, жалобами на враговъ. Такъ, на дѣйствіе папскаго нунція въ Варшавѣ онъ жалуется кардиналу Жансону, французскому послу при римскомъ дворѣ, и въ видѣ утѣшенія получаетъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Mon cher seigneur,

J'ai lu avec le plus grand déplaisir la lettre de Votre Excellence qui m'apprend la double élection qui s'est faite pour donner un roi à la Pologne, et la conduite pas équitable qu'a tenue le nonce apostolique. Sa Sainteté n'ignorait pas ce qui s'est passé dans la diète. Son courrier est arrivé. Je ne puis vous exprimer la douleur dont est pénétré Sa Sainteté à la vue du danger qui menace notre sainte religion dans ce royaume par l'élection de l'électeur de Saxe, dont l'abjuration nous est très-suspecte. Néanmoins, nous espérons que ceux qui ont pris le bon chemin se soutiendront et qu'ils ramèneront les personnes qui s'en sont écartées. Le Saint Père a établi une congregation d'Etat de dix-sept cardinaux qui ont fort désapprouvé la conduite du nonce. Cependant ils n'ont encore rien décidé, parcequ'ils attendent un autre courrier, qui doit arriver le 27 du présent mois. Je l'attends moi-même avec impatience, afin que je puisse être instruit avant mon départ de cette ville de l'état des affaires de Votre Excellence **.

* Mém. de S. Sim. II, 27. Памятн. VIII, 959, 964.

** Lettre du cardinal de Janson, du 19 juillet 1697. «Я съ неудовольствіемъ прочиталъ письмо ваше, извѣщающее о двойномъ избраніи польскаго короля и объ образѣ дѣйствій апостолическаго нунція. Я не могу выразить вамъ ту скорбь, которою проникнуть Его Святѣйшество при видѣ опасности, которая угрожаетъ нашей святой вѣрѣ, избраніемъ саксонскаго курфюрста, котораго переходъ въ католичество очень подозрителенъ. Святѣйшій отецъ учредилъ кон-

Положеніе дѣлъ аббата было изъ рукъ вонъ плохо. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся во французскомъ посольствѣ, въ Варшавѣ было извѣстно, что принцъ Конти 3-го сентября выѣхалъ изъ Парижа. Приходившія затѣмъ вѣсти были одна другой мрачнѣе. 25-го сентября, эскадра, на которой плылъ Конти, бросила якорь въ Данцигъ ¹. Сапѣга, Залужскій, Контскій и многіе другіе изъ польскихъ магнатовъ выѣхали къ нему на встрѣчу ². Протестантскій Данцигъ отказалъ католическому принцу въ королевскихъ почестяхъ, и Конти оставался на судахъ, гдѣ принималъ польскихъ депутатовъ, проваливалъ свою судьбу и задумывался о герцогинѣ Бурбонской... Это путешествіе, приближавшее его къ польскому трону, было для него ненавистно: оно удаляло его отъ той, для которой онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, даже славой своей храбрости, въ которой теперь многіе начинали сомнѣваться. Когда его пріѣздъ оживилъ вновь надежды Полиньяка, когда многочисленная партія выслала къ нему своихъ депутатовъ, онъ давалъ поводъ думать, что его останавливаетъ страхъ предъ войсками Фридриха-Августа. Мало кто зналъ настоящую причину его нерѣшительности, а изъ знавшихъ, мало кто находилъ ее уважительною...

6-го ноября, принцъ Конти узналъ, что Фридрихъ-Августъ разбилъ часть войскъ его приверженцевъ. Никогда еще не радовался онъ такъ побѣдѣ, какъ вѣсти объ этомъ пораженіи: ³ онъ тотчасъ же отдалъ приказъ плыть обратно во Францію, въ Парижъ. На письмо примаса, который съ непритворною досадою передавалъ ему свое сожалѣніе о предпочтеніи, оказываемомъ Фридриху-Августу, принцъ Конти, между-прочимъ, отвѣчалъ: я очень радъ, что моему сопернику отдали предпочтеніе; когда имѣешь честь быть принцемъ крови во Франціи, то трудно желать что-нибудь больше. Принцъ Конти не скрывалъ своего удовольствія по случаю возвращенія въ Парижъ. Въ субботу, 14-го декабря, онъ уже былъ на балѣ у герцогини Бургундской. ⁴

грегацию изъ семнадцати кардиналовъ, которые отнюдь не одобряютъ дѣйствій нунція. Но они еще ничего не рѣшили, въ ожиданіи новаго курьера. Я самъ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ» и проч.

¹ Пришла вѣдомость, что «князь Деконтій пріѣхалъ во Гданескъ и живетъ во Гданску, а проводилъ его до Гданска морского разбойническаго каравана генералъ Янъ Бартъ». Памяти. VIII, 875.

² *Mém. de S. Sim.* II, 28.

³ *Mém. de S. Sim.* II, 31.

⁴ *Dangeau*, II, 98.

Съ отъѣздомъ принца Конти обратно во Францію рушилась послѣдняя надежда французской партіи, утерялся послѣдній мотивъ ея существованія, и она сама собою уничтожилась. Положеніе Фридриха-Августа становилось все болѣе и болѣе прочнымъ. Празднества, по случаю его коронаванія, были великолѣпны. Въ оргіяхъ, застольныхъ пирушкахъ, въ пѣньяхъ и танцахъ придворныхъ ассамблей забыли поляки о славѣ прежнихъ дней, примирились съ настоящимъ положеніемъ вещей и не заглядывали въ будущее. *Après nous le déluge!* сказывалось во всякой чертѣ тѣхъ увеселеній, которыми праздновала Польша вступленіе на престолъ новаго короля.

Но два лица омрачали увеселенія въ столицѣ гордой республики: Марія Казимира — своимъ участіемъ въ пьяныхъ поминкахъ по своему великомъ супругу, и Полиньякъ — своимъ появленіемъ при дворѣ польскаго короля.

Вдова Собѣскаго имѣла еще безстыдство явиться въ Варшаву. Она надѣялась получить личное вліяніе на Фридриха-Августа, и черезъ него на дѣла королевства. Марія Казимира ошиблась. Она была изгнана изъ предѣловъ Польши и жестоко наказана за свою грѣшную жизнь: она имѣла несчастье прожить еще двадцать лѣтъ, влача безпокойную старость по мелкимъ дворамъ Германіи и Италіи, пока, наконецъ, не умерла въ Блуа, семидесяти-пяти лѣтъ отъ роду.

Аббатъ Полиньякъ переживалъ теперь въ Варшавѣ тяжелыя минуты. Противники глумились надъ нимъ; сторонники покинули его; онъ остался одинокомъ, испытывая на себѣ, какъ люди способны преклоняться предъ успѣхомъ, и какъ безжалостны къ неуспѣвшему. Ни въ комъ онъ не видѣлъ участія къ своему положенію, ни въ комъ не встрѣчалъ ни утѣшенія, ни признанія своихъ трудовъ. Неуспѣхъ давалъ всѣмъ жалкое право клеймить его усилія. А труды его были велики. Онъ достигъ цѣли въ странѣ ему чужой, достигъ единственно личнымъ умомъ, краснорѣчіемъ, ловкостію; онъ рисковалъ не разъ жизнію, разстроилъ здоровье, потерялъ имущество, которое было ограблено въ Данцигѣ при его возвращеніи на родину. Тотъ, для котораго онъ съ такимъ трудомъ добывалъ польскую корону, отказался надѣть ее.

Людовикъ XIV былъ до крайности раздраженъ неуспѣхомъ своихъ плановъ въ Варшавѣ. Какъ король, онъ былъ опечаленъ тѣмъ, что на польскій тронъ избранъ не принцъ французской крови; но какъ человекъ, онъ, быть можетъ, еще болѣе негодовалъ на то, что французскій принцъ, къ которому

онъ питалъ такую искреннюю ненависть, опять возвратился въ его двору. Ослѣпленный гнѣвомъ, Людовикъ XIV забылъ всѣ услуги, оказанныя Полиньякомъ въ Римѣ и даже въ Варшавѣ; онъ видѣлъ лишь нежданный результатъ возложенной на него мисси и, подѣ диктовку г-жи Ментенонъ, написалъ короткую записку аббату Полиньяку:

Il est aisé de comprendre, Monsieur, que vous n'avez désormais aucun service à me rendre dans le voisinage de la Pologne. Le seul ordre que j'aie donc à vous donner est de revenir incessamment dans mon royaume et d'attendre sur la frontière que je vous fasse recevoir mes instructions.*

Полиньякъ недолго ждалъ приказаній отъ своего короля. Еще не доѣзжая до границъ Франціи, встрѣтилъ онъ курьера, который передалъ ему письмо Людовика XIV:

«Monsieur l'abbé de Polignac,

Je vous écris cette lettre pour vous faire savoir que mon intention est que vous vous rendiez de suite dans votre abbaye de Bomport et que vous y demeuriez jusqu'à nouvel ordre.

«Louis» **.

Удаленіе отъ двора и запрещеніе выѣзжать въ Парижъ не было наказаніемъ для философа, хотя, быть можетъ, оно было оскорбленіемъ для дипломата. Въ бесѣдахъ съ Bayle'емъ въ Роттердамѣ, въ думахъ надъ своею философскою поэмой *Anti-Lucrèce* въ своемъ аббатствѣ въ Нормандіи, философъ забылъ гнѣвъ версальскаго старца, но умъ и талантъ дипломата заставили упрямаго старика снова вызвать аббата къ дѣятельности. Пятилѣтнее изгнаніе Полиньяка послужило въ пользу: онъ не раздражалъ своимъ присутствіемъ Людовика XIV, не напоминалъ о себѣ, предоставивъ времени смягчить гнѣвъ монарха.

Противное тому испыталъ принцъ Конти. Онъ долженъ былъ жить при дворѣ, всегда на глазахъ короля, который не могъ его выносить. *Le roi ne pouvait voir Conti* — говорить С.-Симонъ — *sans un grand déplaisir de n'avoir pu s'en défaire hon-*

* «Вы, конечно, поймете, что отнынѣ отъ васъ не требуется никакихъ услугъ въ дѣлахъ Польши. Единственное приказаніе, которое я могу вамъ дать, заключается въ томъ, чтобы вы немедленно возвратились въ мое королевство, и на границѣ ожидали отъ меня дальнѣйшихъ инструкцій».

** «Господинъ аббатъ де-Полиньякъ. Пишу къ вамъ настоящее письмо, чтобъ дать вамъ знать, что вы тотчасъ же обязываетесь отправиться въ ваше Бонпортское аббатство, гдѣ и будете жить до новаго распоряженія. Людовикъ».

nétement par une sougonne *. Конти, однако, не печалился: въ любви герцогини Бурбонской онъ находилъ полное удовлетвореніе за гнѣвъ короля и въ объятіяхъ молодой красавицы забывалъ о существованіи августѣйшаго старца...

Конти, такъ чистосердечно проклиная усилія Полиньяка возложить на него польскую корону, этотъ Конти былъ ли, по крайней мѣрѣ, благодаренъ теперь ему за неуспѣхъ? Герцогъ С.-Симонъ прекрасно отвѣтилъ на это въ своихъ мемуарахъ: Le prince Conti pardonna difficilement à Polignac la peur qu'il lui avait donnée **.

Проф. В. Вильбасовъ.

---

* «Король не могъ видѣть Конти, не вспомнивъ при этомъ, что онъ не могъ отдѣлаться отъ него даже посредствомъ короны». *Mém. de S. Sim. II, 137.*

** «Принцъ Конти никогда не забылъ Полиньяку тотъ страхъ, который онъ заставлялъ его испытать». *Mém. de S. Sim. II, 200.*

БУДНИ И ПРАЗДНИКЪ

ЯНКЕЛЯ ДВОРКИНА И ЕГО СЕМЕЙСТВА.

(Очеркъ современнаго быта евреевъ).

I.

Свѣтаетъ. На городской церкви часы пробили четыре. Тихо не только въ кривыхъ и грязныхъ, по случаю дождя, улицахъ и переулкахъ, но и на скверномъ, тряскомъ шоссе. Нигдѣ не видно ни одного человѣка, ни одной собаки. Да если посмотрѣть и во внутренность домовъ черезъ окна, не закрытыя снаружи ставнями, то и тутъ не увидишь ни одной живой души. Такъ и кажется, что въ этихъ сѣрыхъ и голубыхъ домахъ, съ высокими черепичными крышами, или вымерло все, или спитъ. А еслибы пришлось въ это время пройти по шоссе, раздѣляющему городъ на двѣ половины — прирѣчную и ярмарочную, или по улицамъ, идущимъ, справа къ рѣчкѣ Уху и слѣва къ полямъ; еслибы, говорю я, пришлось пройти въ это время жителю внутреннихъ губерній — онъ нашелъ бы большую разницу между уѣзднымъ городомъ, положимъ, губерніи приволжской и уѣзднымъ городомъ сѣверо-западнаго края. Такъ напримѣръ, здѣсь въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ лавочки, и чѣмъ больше домъ, тѣмъ въ немъ больше лавокъ; но не надъ каждой лавочкой есть вывѣски, и только по сору и грязи около дверей и крылецъ можно заключить, что тутъ входъ въ лавку, а не простая дверь. Улицы и переулки кривые, и есть такіе узкіе, въ которыхъ двумъ телегамъ нельзя развѣхаться. Поперекъ каждой улицы и cadaго переулка перекинуты за столбы проволоки, которыя отличаются отъ телеграфной тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ витыя, а нѣкоторыя опустились до того, что на серединѣ дороги задѣваютъ за коровьи рога. Еще на шоссе, ближе къ церкви и къ полиціи, можно замѣтить кое-какую чистоту передъ каменными двухъэтажными домами, построенными въ плотную, но за ними и чѣмъ дальше внутрь — тѣмъ больше грязи; нигдѣ нѣтъ ни тротуаровъ,

ни мостовъ, а если гдѣ, около домовъ, и замѣтна мостовая, то камни исчезаютъ съ такою же быстротою, съ какою они и привозились. Да и что говорить про улицы и дома, когда даже самая полиція окружена большою лужей, и чтобы пройти къ ней нужно имѣть большой навыкъ держаться около самыхъ домовъ, до и то не иначе, какъ дѣляясь за оконныя рамы, доски и углы, чтобы не поскользнуться и не попасть въ лужу. Ужъ если изъ двора этой полиціи пахнетъ круглый годъ разными нечистотами, то и говорить нечего о зловоніи, исходящемъ изъ каждаго обывательскаго двора, каждаго дверей и каждаго угла.

Пятый часъ утра, а во всемъ городѣ ни стука, ни звука, ни шороха. Только рѣдкій дождикъ то и дѣло помачиваетъ крыши, мостовыя. И грязь и дождь непріятно дѣйствуютъ на человѣка, да и кому охота въ такую погоду и такъ рано бродить по городу, тѣмъ болѣе, что вчера былъ шабашъ, въ который евреи довольно нагулялись?

Но вотъ вышелъ изъ одного переулка еврей невысокаго роста, съ длинною сѣдою бородою, сторбившійся, съ большими сѣрыми глазами, желтымъ лицомъ, со множествомъ маленькыхъ бородавокъ, на которыхъ росли сѣдые волосы, съ длинными, загнутыми немного къ низу носомъ, большими черными бровями и большими ушами, съ остриженнымъ затылкомъ и съ длинными, доходящими до бороды пейсиками. На немъ надѣто суконное пальто съ огромными пуговицами, пальто старое, продранное, съ нѣсколькими заплатами и весьма порывѣвшее отъ времени, на головѣ высокая фуражка съ приплюснутымъ верхомъ къ затылку, изъ-подъ которой видѣлась ермолка; на ногахъ большіе сапоги. Онъ несъ на спинѣ огромный мѣшокъ, набитый разными вещами, которые какъ будто хотѣли выскочить изъ него, издавая дребезжащій звукъ, когда старикъ одной ногой ступалъ въ лужу, при чемъ мѣшокъ сваливался и приклонялъ старика къ землѣ. Большаго труда стоило старику приладить мѣшокъ, потому что горбъ не желалъ имѣть около себя непріятнаго сосѣда, упирающагося въ него чѣмъ-то острымъ и давящимъ. Еврей вошелъ въ грязную улицу. И здѣсь тишина; мало этого, даже во многихъ домахъ окна закрыты ставнями.

Домъ, во дворъ котораго вошелъ еврей, выходилъ на улицу двумя окнами по серединѣ и двумя дверьми по бокамъ, запертыми на простые висячіе замки; но надъ ними не было вывѣсокъ. По обѣ стороны дома на углахъ прибиты дощечки, означавшія владѣльцевъ, такъ что налѣво значилось: хозяинъ Янкель Дворкинъ съ семействомъ, а направо Гирша Дворкинъ съ семействомъ, и хотя на обѣихъ дощечкахъ значилось *жильцы*, но ни

именъ, ни фамиліи жильцовъ не написано. Стѣны дома, какъ и сосѣднихъ домовъ, обиты досками, штукатурка съ которыхъ давнимъ давно выпала во многихъ мѣстахъ. Домъ крытъ черепицею, почернѣвшюю уже отъ времени. Узкая, низкая калитка вела въ узкое, темное, грязное пространство, называемое дворомъ. Налѣво домъ, не обитый досками, съ двумя окнами, съ такими тусклыми стеклами, что свѣтовъ ихъ развѣ можно увидеть только огонь ночью, а никакъ не разглядѣть днемъ что нибудь; направо черная бревенчатая стѣна сосѣдняго дома. Далше, за угломъ дома, налѣво, крыльцо. По обѣимъ сторонамъ крыльца по одному окну съ выращенными желтою краской косяками, съ разбитыми стеклами. Противъ крыльца, шагахъ въ пяти, флигель съ двумя окнами. Изъ трубы этого флигеля шель дымъ. Направо и налѣво — по обѣимъ сторонамъ флигеля, построены изъ досокъ помѣщенія для коровы, лошади, свиней, и разныя клѣтушки, загроможденныя всякими вещами; тутъ есть кадучки, горшки, мочало, фурманка, колеса и т. п. Отъ этихъ пристроекъ кажется такъ тѣсно, что едва ли во дворѣ можно сдѣлать оборотъ съ лошадыю, запряженною въ фурманку. Еврей вошелъ во флигель. Въ большой избѣ, съ сѣрожелтыми стѣнами, грязнымъ поломъ, по угламъ котораго валяются засаленныя корни хлѣба, какія-то грязныя вонючія тряпицы и другой хламъ, которому приличнѣе было бы валяться во дворѣ, находилась большая печь. Налѣво, въ углу передъ окномъ, стоитъ большой деревянный столъ, окрашенный желтою краскою; на немъ доска съ тѣстомъ, которое катаетъ дѣвушка лѣтъ пятнадцати съ черными волосами, черными глазами и съ синяками на лбу, локтяхъ и шеѣ. Надъ скамьею, стоящей около стѣны, висятъ на бичевкахъ вѣсы. Между узенькими дверьми, идущими куда-то въ темное пространство, нпчѣмъ незанавѣшенное, лежитъ на полу горбатая старушка, и спать два мальчика и одна дѣвочка; передъ печкою сидитъ на табуреткѣ еврей — лѣтъ сорока, средняго роста съ рыжей бородой и волосами неостриженными на затылкѣ и съ коротенькими пейсиками. Онъ въ ермолкѣ, жилеткѣ, ситцевой рубашкѣ съ продравшимися локтями, въ тиковыхъ загрязненныхъ, засаленныхъ брюкахъ и калошахъ. Онъ такъ сосредоточенно смотритъ на огонь, что ему какъ будто нѣтъ никакого дѣла до оханья старухи, до курицы, бродящей около него и старающейся что-то достать съ пятки, высунувшейся изъ-за спадывающей калоши, до песка, раздающагося изъ темнаго пространства; даже когда вошелъ еврей старикъ, онъ только взглянулъ на него и по прежнему продолжалъ смотрѣть въ печь.

Старикъ сбросилъ мѣшокъ на свамейку и сѣлъ около него, не скидая фуражки. Погладевъ бороду, онъ посмотрѣлъ сурово на дѣвушку, на тѣсто, на вѣсы, и уперши обѣими ладонями подбородокъ, сталъ смотрѣть на курящаго передъ печкой еврея. Молчаніе длилось съ четверть часа, и только прерывалось кашлемъ и оханьемъ старухи, писвомъ ребенка изъ темнаго пространства и стономъ одного изъ мальчиковъ. Оба еврея на все это какъ будто не обращали вниманія.

— Несчастный я человекъ!... Несчастный... проговорилъ старикъ, качая головой, такимъ голосомъ, что другой еврей широко раскрылъ глаза и сталъ глядѣть на него, засунувъ трубку въ карманъ брюкъ.

— Что? спросилъ онъ тоже поеврейски старика.

— Контрактъ сожегъ.

Другой еврей вскочилъ, подбѣжалъ къ старику и нагнувшись произнесъ во все горло отчаянно:

— Ужели?!

— Изорвалъ... сожегъ... аренду другому передалъ.

— Ай!! а — а — ай!!! завопилъ младшій еврей, выпрямляясь, подхвативъ животъ обѣими руками и покачиваясь всѣмъ туловищемъ.

Ему вторила появившаяся изъ темнаго пространства, съ ребенкомъ у груди, молодая еврейка съ черными глазами, съ бритою головою, на которой былъ надѣтъ парикъ, безобразившій и безъ того некрасивое ея лицо. На полу около ребятъ уже сидѣла старуха, тоже въ парикъ, съ большими точно оловянными глазами и черными бровями. Она туло глядѣла то на старика, то на молодого еврея. Находящіяся въ этой избѣ лица: старикъ еврей Янкель Дворкинъ, отецъ младшаго еврея Шмуеля; молодая женщина съ ребенкомъ — Малка, жена Шмуеля Дворкина; спящіе — принадлежатъ къ семейству Шмуеля, старуха — жена Янкеля, черноватая же дѣвушка — Дея, работница Шмуеля.

Дѣло состояло въ томъ, что Янкель три года арендовалъ у одного чиновника нѣсколько десятинъ земли, платя ему всегда исправно деньги, потому что чиновникъ занималъ видное мѣсто. Янкель эту землю уже отъ себя отдавалъ на аренду крестьянамъ. Но на прошлой недѣлѣ его вызвалъ къ себѣ чиновникъ и потребовалъ контрактъ, незасвидѣтельствованный, впрочемъ, ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ. Получивши контрактъ, онъ тотчасъ же бросилъ его въ печь. Янкель винулся съ крикомъ за контрактомъ, но только ожегъ руки, такъ какъ бумагу разомъ обхватило пламенемъ. Янкелю еще восемь

мѣсяцевъ слѣдовало пользоваться землей на томъ основаніи, что имъ деньги были внесены впередъ, чиновникъ позвалъ изъ сосѣдней комнаты гостей и объявилъ Янкелю, что онъ землю передалъ на аренду другому, а на него, Янкеля, будетъ жаловаться за то, что онъ землю испортилъ и вырубилъ много гѣсу. Янкель сталъ просить назадъ деньги, но его вытолкали.

Сѣтованія продолжались съ полчаса; говорили всѣ, кромѣ Деи, которая уже садилась въ мечку булки. Но дѣльнаго не выходило; Янкель злился на всѣхъ, и вдругъ приказавши Деѣ зажечь двѣнадцатириковую салную свѣчку, взявъ узелъ, и, наклонившись низко, пролѣвъ узкими дверьми въ темное пространство. Это былъ сырой, холодный, душный чуланъ, въ которомъ едва мерцалъ свѣтъ отъ двѣнадцатириковой салной свѣчи. Здѣсь былъ сдѣланъ каменный полъ. Надъ столомъ стояла кровать, надъ которою висѣла люлька. Въ углу, противъ кровати, находился небольшой столъ, съ наложенными на немъ: разною мѣдною и оловянною посудой, картинами въ рамкахъ съ разбитыми и неразбитыми стеклами, банками разныхъ величинъ. Напротивъ кровати и стола, около стѣны, стояло два большихъ шкафа простой работы, неокрашенные никакою краскою. На полу валялись: женскій башмакъ, чулокъ съ иглами и клубкомъ бѣлой шерсти, ломоть чернаго хлѣба, уже заплесневѣлый, и разный хламъ. Янкель воткнулъ свѣчку въ стоявшій на столѣ подсвѣчникъ и сталъ искать въ одномъ изъ шкафовъ.

— Малка! крикнулъ громко Янкель.

Малка вошла въ комнату.

— Гдѣ ключи? кто бралъ ключи отъ шкафа?

— Я брала.

— А кто тебѣ позволилъ брать ихъ! Гдѣ они?

Малка положила ребенка въ люльку и стала искать ключи на кровати.

— Я говорилъ, чтобы никто не смѣлъ прикасаться къ шкафамъ? Кому я говорилъ? И старикъ ударилъ по уху Малку.

— Что дерешься-то! Развѣ я воровка!

— Ты зачѣмъ ключи взяла? зачѣмъ? закричалъ подбѣжавшій къ Малкѣ мужъ ея, и сталъ ее хлестать веревкой.

— Не ты ли ходилъ въ угловой шкафъ! Не ты ли велѣлъ ключи спрятать?

— Когда? когда это было?

— Собаки! И за что это на меня напасть такая, будьте вы прокляты!

Съ этими словами Малга убѣжала во дворъ съ крикомъ: — Лея взяла! Работница! Тѣшьтеся надъ ней!...

II.

Во дворѣ бродили свиньи и въ калиткѣ стояла корова. Малга отъ злости подняла палку и швырнула ею въ одну свинью.

— Зачѣмъ ты мою-то свинью бьешь! крикнула женщина, только что вышедшая изъ одной клѣтушки. Еврейки заголосили и долго бы прокричали, еслибы изъ избы вдругъ не послышался крикъ и плачь ребятъ и немстовая ругань Шмуеля Дворкина.

— Дьяволы! кричалъ Шмуель и толкалъ ребятъ вонъ изъ избы, откуда вслѣдъ за ребятами бѣжала Лея. Волосы ея были всклокочены, изъ носу сочилась кровь. Она, какъ одичалая, подошла къ калиткѣ, и захвативши носъ подоломъ платья, стала глядѣть на улицу. Малга вошла въ домъ. Маленькія тѣсныя сѣни имѣють три входа въ домъ: прямо, направо и налево. Въ правомъ отдѣленіи съ двумя окнами, выходящими на улицу, помѣщается самъ Янкель Дворкинъ; въ другой половинѣ налево, принадлежащей его умершему брату Михелю Дворре, живетъ его племянникъ Гирша Дворкинъ; въ третьей половинѣ, рядомъ съ лавочкой, живетъ сестра жены Шмуеля Дворкина, Сарра Бульковская.

Малга пошла направо къ Саррѣ. У Сарры помѣщеніе состоитъ изъ кухни и лавочки. Въ кухнѣ Сарры немножко чище и даже полъ кажется мытымъ разъ въ мѣсяць. Кромѣ Сарры и дѣвочки годовъ четырнадцати, которая помогала теперь Саррѣ сортировать водку, разбавляя ее водой съ прибавкою ревеня, соды и масла, — въ этой половинѣ никто не жилъ. Сарра, пожилая, здоровая женщина, съ некрасивымъ лицомъ и съ безобразнымъ парикомъ, то-и-дѣло поднимала кверху бутылки съ разбавленною водкою, и нюхала. Удостоверившись, что водка хороша, она велѣла Хаѣ отнести бутылки въ лавочку и ставить ихъ на полки, на которыхъ не было ни полуштофовъ и никакой другой мелкой посуды. Водка, кромѣ бутылей, хранилась въ пятиведерныхъ бочонкахъ, съ казенною печатью, и эти бочонки стояли у выручки, въ углу, подъ шкапикомъ, съ стеклянными дверцами, сѣвозъ которыхъ видѣлись стаканчики, графинчики и картонная коробочка съ мѣдными польскими деньгами. Самая лавочка могла вмѣстить въ себѣ много-много человекъ десять, но стѣны ея были побѣлены, а на стѣнѣ, противоположной шкапнику, висѣли даже два портрета въ рамкахъ и подъ стеклами.

Малга, по приходѣ въ сарриную кухню, сѣла къ столу и запла-

кала. Саррѣ некогда было утѣшать ее; только дѣвочка нѣсколько разъ порывалась подбѣжать къ ней, но Сарра громко вскрикивала на нее, заставляя напередъ кончить что слѣдуетъ. По окончаніи разливки, Сарра подошла къ Малкѣ, сѣла къ столу съ другой стороны, и стала утѣшать.

— Не плачь, Малка; слезами не поможешь... Пройдетъ. Въ который разъ?

— Ой! жизнь моя проклятая!

— Не всегда же они бьютъ тебя! Полно... Твоя жизнь не Ленина жизнь.

— Охъ, кабы ты знала — горько! Мать больная, ребенокъ... все дѣлай... И въ управленіе иди, и подъ филары иди... и рыбой торговать иди...

— Экая важность! У меня у самой куча ребятъ, да я вездѣ успѣваю, проговорила вдругъ вошедшая Гитля, жена Гирши Дворкина.

— Полно-ка, Гитля! Охота тебѣ ее растревлять. Ты бы пожила...

— Не говори — живала!... Дай-ко мнѣ два злота — послѣ отдамъ.

— Ты куда?

— Пойду въ управленіе — долги собирать.

— Получили развѣ жалованье?

— Надо быть получили. Вчера двухъ офицеровъ видѣли: забрали снова и долги платили.

— Малка! будь такъ добра, посиди за меня, я схожу въ управленіе, сказала Сарра Малкѣ.

— Съ удовольствіемъ бы, Сарра, да самой надо въ управленіе и въ команду.

— Да у тебя развѣ много? спросила Гитля.

— Рублей двадцать-пять.

— О! стоять! эти деньги невеликія. Посидишь?

— Нѣтъ — некогда. Пойду...

— Хорошо! вспомнишь мою просьбу... Ступай! Пусть еще хорошенько поколотятъ!!

Малка плюнула и вышла

— Какова! сказала Гитля и пожала плечами.

— Гордачка! Ну, да эту спѣсь-то выбьютъ изъ нея. Присядь!

— Однако, дай-ко два-то злота? Да не говори старику-то...

— Будто я не имѣю своихъ денегъ?

— Не то... А такъ!... У васъ съ нимъ все на открытую.

— Это ты къ чему опять завела?

— Ну, полно — дай!

— Нѣтъ — ты меня обидѣла!

— Матушка, Сарра, голубушка!... Я такъ.

— То-то! говори да привкусывай языкъ-то. Я, можетъ быть, больше кого знаю, да и тутъ молчу.

— Какъ?

— Ничего!

— Смотри, чтобы намъ до ссоры не дойти.

— Ловка! сама не задирай.

Сосѣдки разошлись, какъ ни въ чемъ не бывало, но всякій бы замѣтилъ, что разставаясь, онѣ не смотрѣли въ глаза другъ другу.

III.

Посмотримъ на обиталище Гирши Дворкина.

Маленькая квадратная комната съ двумя окнами, выходящими во дворъ, устроена между лавкою и спальною. Потолокъ, съ тремя балками, обѣленъ; стѣна ко двору штукатурена, но штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась; стѣна напротивъ оконъ и стѣна въ спальной оклеена желтаго цвѣта обоями, которыя чѣмъ ниже къ полу, тѣмъ становятся сѣрѣе и, почернѣвъ, лохмотьями висятъ по угламъ и подъ небольшимъ клеенчатымъ диваномъ. Хотя въ каждой оконной рамѣ по четыре стекла, но, какъ замѣчено выше, свозъ нихъ видна только какая-то темная сплошная масса. Полъ здѣсь моется разъ въ годъ къ пейзаху (къ пасхѣ), и стоящій между печкой и стѣной голикъ служитъ единственнымъ способомъ для поддержанія чистоты и опрятности въ этой комнатѣ. Въ комнатѣ два шкафа,—одинъ большой, окрашенный черной краской, подъ лакъ, и употребляется для платья; другой, съ стеклянными дверцами вверху, служитъ для посуды. Въ углу между диваномъ и деревянной стѣной, висятъ часы, о достоинствѣ которыхъ не можетъ сказать съ положительностью даже самъ Гирша Дворкинъ. Передъ посуднымъ шкафомъ стоитъ табуретка, простой маленькій столъ и два плетеныхъ стула. Надъ самой серединой комнаты, на потолкѣ, виситъ шандаль—мѣдная, старинная люстра для четырехъ очень тоненькихъ свѣчъ.

Дверь въ лавку заперта, но дверь или проходъ въ спальню даже не занавѣшивается, такъ-что изъ лавочки видна постель съ высокою периной и подушками, покрытыми бѣлой простыней; но это постель парадная; супруги на ней рѣдко спятъ. Противъ постели такой же проходъ въ кухню, какъ и изъ комнаты въ спальню, съ тою разницею, что надъ нимъ сдѣлано подобіе шкафика, только безъ дверей, и въ этомъ шкафикѣ

стоять разныхъ величинъ десятка три еврейскихъ книгъ въ переплетахъ и съ золочеными буквами на корешкѣ. О кухнѣ можно сказать, что она немного чище и опрятнѣе кухни Шмюеля, и въ ней въ это время сидѣлъ Гирша Дворкинъ на мостолѣ у печки, держа на колѣняхъ двухгодоваго мальчика, и разговаривая съ женою, которая ставила самоваръ. Передъ кроватью, у колыбели (мѣшка въ ясляхъ), дѣвочка пяти лѣтъ старательно чистила луковицу, кусала и ѣла ее, а мальчикъ девяти лѣтъ, съ черными кудрявыми волосами, босой и въ жилетѣ, вертѣлъ папирску. Гиршѣ годовъ тридцать-пять; лицо чистое, но сразу изобличающее типъ еврея: такой же крючковатый носъ, длинныя уши, маленькіе глаза и широкій ротъ; такая же на немъ грязная рубашка съ большими воротничками, которые падаютъ на плеча, такая же глухая жилетка безъ галстука, такая же фуражка съ сплюснутымъ верхомъ на затылкѣ, такіе же пейсики, которые Гирша подкрашивалъ, чтобы они имѣли блескъ и подходили подъ цвѣтъ его черной небольшой бородки.

Супруга сообщила мужу о несчастіи Янкеля, но супругъ, по видимому, мало обращалъ вниманія на ея слова и сидѣлъ смотря въ уголь. Вдругъ онъ всталъ, небрежно сунулъ ребенка на кровать, вырвалъ у дѣвочки луковицу и, толкнувъ ее, крикнулъ:

— Смотри! которую луковицу-то жрешь?

— Первую.

Гирша надѣлъ на себя длиннополый сюртукъ, съ двумя рядами пуговицъ, обшитыхъ чернымъ атласомъ, и поправивъ фуражку на головѣ, ушелъ въ лавку. Принесши оттуда чернильницу, гусиное перо, счеты, и положивъ все это на столикъ, онъ отворилъ шкафъ, въ которомъ, кромѣ приходорасходныхъ книгъ и разныхъ тетрадокъ, не было ничего. Гирша немного порылся въ книжкахъ и тетрадахъ и досталъ одну изъ нихъ, по объему больше всѣхъ, а по наружному виду старѣе самого Гирши. Хотя она и не была толста, но Гирша взялъ ее осторожно и одной рукой придерживалъ высунувшіеся изъ нея лоскутки бумаги. Это была долговая книга семейства Дворкиныхъ, куда записывалась всякая вещь, взятая или на продажу, или на храненіе такимъ-то членомъ семейства. Онъ досталъ еще другую книгу изъ шкафа и сталъ смотрѣть въ нее съ конца. Онъ повѣрялъ какую-то записку. Записка не сходилась съ книгой. Гирша задумался.

— Гитля! крикнулъ онъ.

Явилась жена.

— Ты сколько на той недѣлѣ отпустила сѣна Ицкѣ Лерману?

— Записано — смотри.

— Да Ицко написалъ: взято отъ Петра Горячева пять пудовъ по два злота пудъ, а ты записала въ книгѣ пять пудовъ съ половиной на 1 р. 70 к.

— Ну, такъ чтожь такое?

— Не сходится.

— Ты сдѣлай, чтобы сошлось.

— Дура! Зачѣмъ ты росписку-то взяла? Развѣ слѣпа ты, что онъ ясно своей рукой написалъ, что и почему взято?

— Дай-ко сюда! И Гитля выхватила у Гирши записку, и доставши изъ кармана своего платья доскутокъ бумаги съ огрызкомъ карандаша, и обмакнувъ карандашъ въ чернильницу, начала писать подъ роспиской. Все это она такъ скоро сдѣлала, что Гирша не успѣлъ произнести: погоди! какъ она уже сунула ему росписку почти въ зубы и сказала:

— Понялъ ли ты, пустая голова! Жидъ еще! Хуже вацапа (русскаго).

— Нѣтъ, ты погоди... проговорилъ обиженный мужъ, и не то-ропясь, сталъ повертывать росписку.

Гитля ушла.

Гирша нѣсколько разъ повертывалъ росписку и два раза прочиталъ вслухъ приписку жены: «отпущено къ этому вновѣ двадцать фунтовъ за 1 злотъ и 10 грошей».

— Вѣрно-то вѣрно... и подкопаться нельзя!.. А все же я тебя поймаю! Не буду я честный еврей, если я тебя сегодня же не словлю!

Гирша усѣлся, углубился въ повѣрку записокъ и счетовъ. Не сходится. Это его разозлило хуже, и онъ, вѣроятно, желая придратъся къ женѣ, вошелъ въ лавку; но тамъ было все въ порядкѣ. Жена подошла къ проходу изъ спальни, заглянула въ комнату, хихикнула и ушла.

Гирша опять усѣлся, сталъ считать, и вдругъ крикнулъ жену. Та вошла на этотъ разъ уже держа на рукахъ ребенка.

— Опять-таки перебору больше?

— Чьего перебора — не нашего ли?

— За Янкелемъ переборъ — за отпомъ!

— Ты съ него и проси.

— А кто ему дастъ? За нимъ и такъ давно значатся пять-десять-семь рублей. А вотъ зачѣмъ одиннадцать рублей зачеркнути? Кто смѣлъ ихъ захерить?! И Гирша съ торжествомъ смотрѣлъ на жену.

— Что козлиную бороду оставилъ на меня?...

— Ну-у??

— А какія ты деньги взнесъ на той недѣлѣ въ общество?

— Ну?...

— Какія ты получилъ бумажки отъ Янкеля? Еще говорилъ мнѣ: вотъ я Янкелю далъ десять рублей только до вечера, а прошло ужъ два дня... Взялъ да и записалъ въ книгѣ на него одиннадцать руб... Вдругъ приходитъ Янкель и отдаетъ тебѣ: двѣ бумажки трехрублевыми польскими, три рублевыми да одинъ рубль мѣдными. И еще спросилъ: годятся ли мѣдные? Помнишь ли?

— Забылъ! Гирша взялъ фуражку, почесавъ затылокъ. Минуть пять продолжалось молчаніе. Въ это время въ комнату вошелъ Янкель въ томъ же одѣяніи, въ какомъ утромъ домой пришелъ. Только теперь у него въ рукахъ была трость.

— Пойдемте чай пить, сказала Гитля, и вышла.

— Ты мнѣ отдавалъ десять рублей? спросилъ Гирша Янкеля, сѣвшаго на диванъ и положившаго подбородокъ на кулакъ, въ которомъ онъ держалъ палку.

— А?

— Кажется, ты не отдавалъ...

— Ну? голосъ отца дрожалъ отъ злости.

— Нѣтъ... Я забылъ.

— То-то... То-то! И отецъ съ яростію застучалъ палкой.

Гирша сложилъ осторожно бумаги въ книгу и заперъ ихъ въ шкафъ.

— Дай-ко, Гирша, стаканъ водки... А эти десять рублей я тебѣ еще успѣю на спинѣ сосчитать.

— Забылъ... А знаешь, спросить слѣдуетъ.

Гирша досталъ изъ шкафика графинъ водки, которою и угостилъ отца. Потомъ пошли пить чай.

За чаемъ, къ которому пришелъ и Шмуель съ женою и съ булками, всё горевали объ Янкелѣ, и каждый что-нибудь ему совѣтовалъ, но Янкель больше молчалъ. Ребята терлись около нихъ, но ихъ отгоняли прочь. Изъ нихъ два мальчика изъ христіанъ уже расхаживали въ пальто, доходящія имъ до пятокъ, съ болтающимися длинными разодранными рукавами. Эти пальто уже отслужили взрослымъ и хотя на нихъ сузно болталось, коегдѣ держась на подкладкѣ, а вата была вытащена частію на папирсы, они для мальчиковъ казались еще хорошимъ одѣяньемъ: на другихъ было еще хуже. На ногахъ ихъ были большіе сапоги съ выпавшими пятками и съ отверстиями, похожими на рыбіи ротъ, на носкахъ... На головахъ у нихъ были надѣты фуражки, въ которыя могли свободно упрятаться ихъ головы и которыя поэтому сидѣли у нихъ на затылкахъ такъ, что бу-

важные разорванные козырьки торчали почти у каждого на темняхъ. Оба мальчика скоро ушли на фабрики; Гирша съ Гитлею стали торопить свою дочь Берку идти подъ филары съ калачами отъ Шмуеля, а дѣти Шмуеля—Азигъ былъ посланъ въ школу, а дочь Хая смотрѣть подъ филарами за работницею Фельдманъ, матерью Леи. Послѣ чая старикъ Янкель ушелъ въ чуланъ квартиры Шмуеля, зажегъ свѣчку и сталъ вытаскивать изъ мѣшка вещи. Въ мѣшкѣ были: самоваръ, образъ въ серебряной ризѣ, шкатулка, мѣдный утюгъ, пальто мужское, сапоги. Всѣ эти вещи онъ спряталъ въ шкафы, въ которыхъ уже было много другихъ вещей, взятыхъ въ залогъ за деньги или за долги. Гитля и Малва разошлись по городу; Гирша сталъ отпирать лавку, Шмуель отпускалъ бѣднымъ еврейкамъ для продажи, на книжку, калачи. Сарра уже прилаживала вывѣску надъ шинкомъ, гласящую: «заѣзжій домъ, продажа водокъ, пива и меда!»

IV.

Отецъ Янкеля былъ человекъ бѣдный, неимѣвшій даже своего дома, но человекъ все-таки здоровый, крѣпкій, привыкшій къ побоямъ, грязи, зною и холоду. Во всякое время года онъ носилъ одинъ несмѣняемый кафтанъ, тратилъ на кушанье, какъ и всѣ евреи, очень немного, не заботился о хорошемъ воздухѣ и не дорожилъ ни чѣмъ мнѣнимъ, а старался изъ всего извлекать хоть крохотный барышъ, еслибъ даже для этого пришлось предпринять путешествіе за сто верстъ. Онъ мечталъ только объ одномъ, чтобы дѣти его забрали къ себѣ въ руки торговлю во многихъ городахъ. А дѣтьми его Богъ не обидѣлъ.

Отецъ всю надежду возлагалъ на первенца — Янкеля, и поэтому не давалъ ему потачки. Школа терпѣнія и труда была такъ велика, что Янкель на десятомъ году былъ измученнымъ мальчикомъ, такъ что даже самъ отецъ подумывалъ, какой бы избрать ему родъ занятій, чтобы онъ поправился и не умеръ. Отцу было самому жалъ мальчика, потому что мальчикъ сносилъ всякія неприятности и лишения молчаливо, умѣлъ читать и писать поеврейски и попольски, и уже понималъ, какую изъ такой-то вещи можно извлечь выгоду. Такая внушка и жизнь среди яудей породили въ маленькомъ Янкелѣ страсть къ приобрѣтенію, или, какъ говорится на народномъ языкѣ — хананію. Это нравилось отцу; онъ радовался, что у него сынъ молодецъ и не пропадетъ. Одно не нравилось — это то, что Янкель ненавидѣлъ своихъ братьевъ и сестеръ и съ пріемнымъ сыномъ,

взятымъ на случай отдачи его въ рекруты за Янкеля, обращался вполне похозяйски: билъ, наговаривалъ на него, обкрадывалъ. Поэтому отецъ отдалъ Янкеля на фабрику, изъ которой за работу сына исправно получалъ каждую недѣлю два злата. Фабрика находилась отъ города въ пяти верстахъ, туда нужно было ходить пѣшкомъ каждый день, работа была не по дѣтскимъ силамъ и сидячая; за то общество товарищей пришлось по душе ему; тутъ была житейская школа, въ которой общество изощрялось на разные продѣлки, строило разные планы въ будущемъ. Рабочіе видѣли въ прикащикахъ мошенниковъ, прикащики считали рабочихъ ворами. Впрочемъ, на этой фабрикѣ Янкель пробылъ недолго, потому что Янкель сталъ заниматься факторствомъ во вредъ хозяину, и хозяинъ прогналъ его. Отецъ тоже не пустилъ его къ себѣ. И сталъ Янкель мѣяться по городамъ и селамъ, а такъ-какъ всѣ ремесла въ этомъ краѣ находились тогда и теперь находятся въ рукахъ евреевъ, Янкель же былъ мальчикъ толковый, усердный, то дѣло онъ имѣлъ всегда и къ семнадцатилѣтнему возрасту уже обладалъ капиталомъ около пятидесяти руб. Жизнь на посылкахъ не нравилась Янкелю, но открытъ за свой счетъ какую нибудь порядочную торговлю онъ не могъ, потому что былъ все-таки мальчишъ и не пользовался такимъ довѣріемъ, какъ люди взрослые. Чтобы заняться факторствомъ нужно было имѣть друзей, а друзей онъ не могъ выбрать, потому что въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, существовалъ раздоръ между двумя партіями: волынцами и литвянами. Обѣ партіи грызлись изъ-за того, что видѣли помѣху другъ въ другъ; литвяне или литовцы были превосходнѣе числомъ волынцевъ; вся торговля, фабрики, школы были въ рукахъ литовцевъ; литовцы хвастались ученостью, имѣли большую протекцію; волынцы же, за небольшими исключеніями, только были рабочими, торговали по мелочамъ и жаловались на литвянъ, что тѣ отдѣляются отъ закона Моисеева. И все-таки Янкель поступилъ на службу прикащикомъ къ богатому лицу изъ волынцевъ. Здѣсь онъ скоро понялъ, какъ можно извлекать доходъ отъ казны, какъ можно нажиться отъ найма рабочихъ, какъ можно зашибить копейку недодачей рабочимъ жалованья... Но и тутъ не привелось ему накопить много денегъ. Съ нимъ случился скандалъ: Янкель полюбилъ хозяйскую племянницу Сарру, которая и его полюбила, но хозяинъ уже предложилъ ей руку своему родственнику, богатому человѣку. Стали замѣчать, что Сарра и Янкель по вечерамъ отлучаются куда-то изъ дома и услѣдили за ними. Гвалтъ вышелъ ужасный. Чуть не весь городъ сбѣжался на поворище. На Сарру

онъ не задумавшись отвѣтитъ: «прямо съ Китаю» и непремѣнно будетъ рыться въ коробкахъ подъ полками. У него есть сахаръ разныхъ фабрикъ и ничего не значить, что въ лавкѣ стоятъ на виду только двѣ головы сахару, — онъ розичетъ и десять. У лѣвой стѣны, на лавкахъ лежатъ больше цѣнные товары — ситцы, ножи, коробки, духи и т. п.; противъ выходныхъ дверей, вмѣстѣ съ еврейскими и нѣмецкими книгами, лежатъ коробки, свертки, зеркала, щетки; направо всякая всячина: посуда, бумага, чернильницы, веревки, табакъ. Поперекъ лавки на веревочкѣ висятъ крендели, желѣзныя трубы для самоваровъ, сита, двадцатириковыя сальныя свѣчки, какой-то узелокъ въ грязной тряпичѣ. У выручки и у выходныхъ дверей стоитъ по табуреткѣ. На дверяхъ приклеены: правила о продажѣ табаку и объявленіе, что говорить попольски строго воспрещается.

Гирша досталъ изъ-за выручки небольшую желѣзную вывѣску и вытащилъ ее на крылечко, куда и поставилъ бокомъ. Это означало, что Гирша открылъ торговлю, и что сегодня у него есть особенный товаръ, какого ни у кого не купить въ городѣ; поэтому и вывѣска поставлена бокомъ. Затѣмъ онъ сталъ приводить лавку въ лучшій видъ. Такъ, напримѣръ, вытащилъ изъ угла двѣ головы сахару и поставилъ ихъ на выручку, принесъ изъ кухни самоваръ и его тоже поставилъ на выручку, смелъ кое-откуда гусинымъ перомъ пылъ, и затѣмъ, повѣсивши за двери большой подносъ лицомъ на улицу, чтобы нарисованная на подносѣ картина привлекала публику, сѣлъ къ дверямъ и сталъ ковырять тростью, глядя по сторонамъ.

Грязная улица теперь имѣла совсѣмъ другой видъ, чѣмъ въ четыре и въ пять часовъ утра. Двери лавокъ вездѣ уже открыты и около крылецъ и дверей стояли на мостовой вывѣски деревянные и желѣзныя, гласящія, что тутъ заѣзжій домъ, тамъ берутъ красить, тутъ продажа питій и т. д. Въ каждой лавкѣ или суетилась пожилая женщина въ парикѣ и безъ платка на головѣ, или вязала чулокъ дѣвица въ ситцевой юбкѣ и кофточкѣ, въ кринолинѣ и въ сѣткѣ на головѣ и тараторила громко съ кѣмъ-то, или выходили мужчины съ рыжими и черными бородами, въ длинныхъ сюртукахъ, въ фуражкахъ и, упираясь на палки, глядѣли бойко по сторонамъ. У нѣкоторыхъ лавокъ появились горшки, ведра съ дегтемъ, ведра поломанныя, желѣзные обручи и другой хламъ; рѣшота съ бѣлымъ хлѣбомъ, или булками, яицами, чеснокомъ, гнилыми или незрѣлыми грушами, сливами и яблоками. Около всѣхъ этихъ предметовъ или сидѣли или толкались женщины и дѣвушки съ какой-нибудь работой или съ горшками, изъ которыхъ онѣ брали

пальцами сухой сочень, обмакнутый въ мажъ, т.-е. Ёли мацу. Ближе къ рѣкѣ появились грязныя вонючія кадки съ свѣжей и гнилой рыбой, около которой суетились торговки, но покупателей еще не было. Въ одномъ мѣстѣ стоитъ еврей точилицы съ станкомъ и отъ нечего дѣлать вертитъ кругъ; въ другомъ еврей старикъ горбачъ стоитъ у столика и, поглядывая на лавочки, отпираетъ и запираетъ столики; но никто нейдетъ мѣнять денегъ къ старику. Тоска пробираетъ торговцевъ.

Но вотъ ѣдетъ крестьянинъ - полякъ въ сѣрой изъ войлока безъ полей шляпѣ, съ длинными какъ у провинціального дьячка волосами, въ сѣромъ зипунѣ, на плечи котораго падаютъ грязныя воротнички рубахи, и съ сумкою на спинѣ. Онъ сидитъ въ телегѣ, сложивши ноги калачикомъ, и покуривая изъ коротенькой пипки (трубки) махорку, потряхиваетъ головой. То и дѣло постегиваетъ онъ прутикомъ пару тощихъ воловъ, крича: нно-о! тю!! Сзади телеги идетъ корова на привязи.

— Яковъ! кричитъ одинъ еврей и снимаетъ фуражку.

Крестьянинъ поднимаетъ свою шапку и гонитъ воловъ дальше.

— Богатъ сталь!- рожи не воротить! кричитъ молодая еврейка изъ табачной лавочки.

Крестьянинъ что-то мычитъ.

— Прощу, панъ!... Заходи! кричитъ еврей изъ шинка.

— Во! своя есть, говорить крестьянинъ, улыбаясь и встряхивая кожаную сумку.

— Колбаса есть! свѣжая... кричитъ еврейка, подбѣгая къ телегѣ.

— Ни тшеба! мотааетъ головой крестьянинъ.

— Продавать ведешь корову-то? кричитъ Гирша, а Сарра въ это время подходитъ къ лужѣ и копаются въ ней.

— Покажи-ко корову-то? обступая корову говорятъ евреи и еврейки.

— Чего казать?

— А долгъ-то привезъ ли?

— Кому? Все заплачено.

— Ахъ ты!!

Евреи ругаютъ крестьянина; не успѣлъ онъ немного отбѣхать, какъ одно колесо уже завязло въ ямѣ, находящейся въ лужѣ. Это заняло евреевъ и евреекъ.

— Жиды проклятые!... Зачѣмъ вы тутъ яму сробили?..

Между тѣмъ появляются покупатели и евреи зазываютъ ихъ.

— Прощу, пани; прощу! Что пану нужно? Ваше благородье! пожалуйста... кричатъ съ одной стороны.

— Табакъ, гильзы есть! Бумага, сургучъ! самые заграничные! кричать съ другой стороны.

Вся улица огласилась крикомъ; ничего нельзя разобрать; даже и тѣ, которые не принадлежали къ торговому классу, кричали. Даже часовой мастеръ, очень приличный еврей, какъ будто испугавшись чего, вышелъ изъ своего магазина, и, держа въ лѣвой рукѣ часы, вѣжливо спросилъ проходящаго чиновника:

— Не желаете ли часы приобрести?

— Нѣтъ, не желаю, сказалъ тотъ.

Еврей мастеръ пошелъ за чиновникомъ.

— Можетъ быть, завести?... поправить... говорилъ робко мастеръ.

— Что ты меня останавливаешь?

Еврей презрительно посмотрѣлъ на ноги чиновника и не торопясь ушелъ въ свой магазинъ.

Въ это время крестьянинъ слѣзъ съ телеги, снявши предварительно сапоги, и сталъ вытаскивать изъ ямы колесо, но какъ онъ ни бился, а одному ничего нельзя было сдѣлать. И тутъ его выручили евреи. Два торгаша подошли къ телегѣ, и не смотря на то, что ноги ихъ на четверть были въ лужѣ, они, не говоря ни слова, стали поднимать телегу.

— Ахъ, какое вамъ спасибо! денегъ нима, говорилъ крестьянинъ, снявъ шапку.

— Какія тутъ деньги...

— Спасибо, други! Назадъ поѣду — угощу.

И крестьянинъ уѣзжаетъ, думая, какую ловкую штуку подвели евреи. «Ай жидовскій народъ хитрый. Какъ поѣдешь? Поѣхалъ бы другимъ переулкомъ — нельзя, тоже общался угостить. Скроюсь какънибудь», ворчитъ крестьянинъ.

— Ерники! кричалъ Гирша, подойдя къ евреямъ, помогавшимъ крестьянину.

— По твоему тонуть?

— Не утонетъ. Ты знаешь ли, безмозглая голова, чья яма-то? Янкеля! и лужа его!

— Неужели и вся улица ваша?

— Дуракъ! Гирша плюнулъ и ушелъ.

Гиршѣ было досадно, что не онъ, а другіе евреи подберутъ къ рукамъ крестьянина. Что они теперь подговорятъ его на какуюнибудь сдѣлку — это вѣрно.

— Не бывать же этому! сказалъ Гирша, входя въ лавку и рѣшилъ: тотчасъ отправиться на рынокъ. Шмуель ушелъ въ свою лавку.

Возвратилась Гитля, которая сказала мужу, что чиновники еще не получали жалованья. Гирша на это замѣтилъ, что стало быть теперь время самое удобное для наживы, потому что у чиновниковъ денегъ нѣтъ, и, отпуская имъ въ долгъ, можно присчитать не одинъ рубль.

— Стеариновы свѣчи всѣ вышли въ городѣ, замѣтила съ радостію Гитля.

— А у насъ есть?

Гитля показала Гиршѣ на одинъ изъ ящиковъ, въ которомъ было фунтовъ пятнадцать свѣчъ.

— Отчего жъ ты раньше объ этомъ не сказала? Отчего ты раньше не скупила свѣчки? кричалъ на Гитлю мужъ.

— А ты только понапрасну по улицамъ ходишь? Ну, что ты на улицахъ-то дѣлаешь?

— Я дѣло дѣлаю!

Въ лавку вошла писарша и стала просить въ долгъ на барыню табаку, гильзъ и свѣчъ.

— Свѣчи теперь два злота и десять грошей, сказала Гитля.

— Это почему?

— Потому что всѣ вышли въ городѣ. Хочешь, — бери...

VI.

Гитлю съ плачемъ окружили дѣти ея и Шмуела. Они просили ѣсть. Но сегодня не было ничего готовлено ни у Гитли, ни у Шмуела, потому что Гитля рассчитывала весь день не быть дома, Гирша котѣлъ ѣхалъ встрѣчать плоты, которые Янкель подрядился поставить одному богатому еврею, Янкель ушелъ въ мѣстечко, а у Шмуела рѣдко готовится мясное, на томъ основаніи, что Шмуель печетъ булки, которыми, но его мнѣнію, очень можно быть сытымъ. А такъ-какъ сегодня булки распродали всѣ, то у Шмуела ничего не осталось перекусить, и даже тѣхъ корокъ, которые валялись на полу утромъ, уже не было. Гитля же хотя и сдѣлала утромъ мацу въ большомъ количествѣ, но въ ея отсутствіе мужъ и дѣти такъ обчистили латку, что въ ней даже и крошекъ не осталось.

«Будто мы какіе бѣдные!» подумала Гитля, удостовѣрившись, что ей нечего перекусить. Эта мысль ей пришла сегодня потому, что она хорошо продала товаръ. Въ другое время она и вниманія не обратила бы на свой желудокъ, а теперь такъ и хочется ѣсть. Но какъ быть? Покупать не хочется, не хочется одолжаться и Саррѣ, которая, вѣроятно, сегодня варила печенку и имѣетъ брנדельки для покупателей.

«Подожду. Можетъ, и такъ пройдетъ», подумала она и пошла въ лавку, не обращая вниманія на ребенка, который ползъ за нею по полу, весь въ грязи и съ занозою на колѣнѣхъ.

Въ лавкѣ сидѣлъ чиновникъ съ бакенбардами; Гирша, стоя за вырубкой и уперши голову обѣими руками, смотрѣлъ въ приходо-расходную книгу и что-то обдумывалъ.

Гитля поклонилась чиновнику, какъ старому знакомому.

— Ты что, шельма, присчитываешь на меня? спросилъ ее чиновникъ.

— Какъ, панъ, присчитываю? обидчиво проговорила Гитля.

— Такъ. Цѣлыхъ три рубля присчитала. Развѣ я не знаю своего почерка?

— Не знаю, что панъ говоритъ? И Гитля стала власть коробки въ надлежащія мѣста.

— Ошибка есть, Алексѣй Алексѣичъ, сказалъ вдругъ Гирша и вышелъ изъ-за вырубки съ книгой къ чиновнику.

— То-то есть, шельма ты этакая. А еще хочешь, чтобы я подрадь утвердилъ въ твою пользу.

— Ахъ! какъ вамъ только говорить хочется!

— Ну, давай пива! И съ этимъ словомъ чиновникъ ушелъ въ комнату, за нимъ ушелъ и Гирша, а Гитля пошла къ Саррѣ за пивомъ.

Чиновникъ и Гирша говорили безъ умолку на польскомъ языкѣ. Разговоръ ихъ былъ очень быстръ.

— Ты, Гирша, шельма продувная!

— Еще бы! такой шельмы и въ вашемъ управленіи не найдется.

— Ты на меня-то не намекай.

— Да что и говорить! Такъ за тридцать?

— Тридцать-пять — рѣшено!

— О! сбавить, панъ, сбавить! для меня сбавить! и Гирша потрещалъ по плечу чиновника.

— Ты меня давно ли знаешь? Припомни-ко все, что я сдѣлалъ для тебя.

— Знаю, знаю. А книжка?

— Что мнѣ твоя книжка! Плюю я на твою книжку!

— Однако, панъ, рублей около сотни должеу-то накопилося.

— Выплачу... Дай-ка водки.

Явилась водка.

— Однако, братецъ ты мой, водка у тебя разбавлена.

— Э-э! засмѣялся Гирша. — При откупахъ хорошо было, а теперь лучше. Прежде были повѣренные, а теперь чиновники.

Придетъ, посмотритъ, цѣла печать, а тамъ, что внутри — дѣла нѣтъ.

За водкой торгъ состоялся: чиновникъ-бухгалтеръ получилъ отъ Гирши тридцать рублей и половину изъ нихъ отдалъ Гиршѣ въ счетъ долга.

— Ты шельма, Гирша! у тебя сколько должниковъ-то?

— Что и говорить! Всѣ чиновники въ долгу, какъ въ шелку; и все-таки денегъ нѣтъ...

— Гдѣ же они?

— Въ оборотахъ... у богатыхъ евреевъ... Съ этими словами Гирша вышелъ изъ лавки съ чиновникомъ. На углу они разстались.

Гирша пошелъ на рынокъ.

Тамъ десятка полтора евреевъ и крестьянъ окружали крестьянина. Говоръ происходилъ такой, что ничего нельзя было разобрать.

— Двѣнадцать рублей! кричали евреи, толкая крестьянъ.

— Четырнадцать рублей! голосили крестьяне, толкая евреевъ.

— Кожаные мои! Помѣщику нужно за землю платить. Помилуйте! Дайте семнадцать, вопилъ крестьянинъ.

— И назадъ уйдешь. А то еще отнимутъ дорогой.

— Помилуй Богъ... О! жизнь моя несчастная!

Гирша подошелъ незамѣтно, прислушался къ толпѣ.

— А много ли у тебя земли-то? спросилъ онъ крестьянина.

— Да всего двѣ десятины.

— То-то!... А кому сѣно-то продашь?

— О! сѣно-то скошено, да сгнило.

Гирша подошелъ къ крестьянину и шепнулъ ему на ухо:

— Хочешь, я тебя выручу?

Крестьянинъ выпучилъ на него глаза.

— Не вѣришь? А хочешь я такъ сдѣлаю: и корова будетъ твоя, и денегъ дамъ.

Крестьянинъ снялъ шапку, почесалъ затылокъ. Лицо его выражало и надежду и боязнь.

— Али ты не понимаешь? Оглохъ?

— Не вѣрю я тебѣ, панъ. То-то, не ѣдалъ я сегодня и горлика цѣла. Не вѣрю я тебѣ, панъ.

Гирша отошелъ прочь. Евреи и крестьяне опять окружили продавца. Евреи предлагали цѣну, крестьяне просили недовѣряться жиду.

Гирша подошелъ къ продавцу и показалъ ему десятирублевую бумажку.

— Видишь?! сказалъ онъ продавцу. — А у васъ есть ли

столько? Что вы торгуете-то, когда у васъ ни гроша нѣтъ въ карманѣ? прибавилъ онъ, обращаясь къ толпѣ.

— И у насъ есть! Видишь?! Это что? побольше твоего! кричали евреи — вытаскивая бумажники.

— Обманеть. Продавай за пятнадцать! кричали крестьяне.

— Хочешь, пять рублей и корова останется у тебя? спросилъ Гирша крестьянина.

— Ой? крикнулъ крестьянинъ.

— Честное слово. Запрягай воловъ и ѣдемъ ко мнѣ.

— Мошенникъ! подлець! кричали на Гиршу евреи.

— Обманеть! Ой, обманеть! кричали крестьяне.

Скоро волю повезли телегу съ хозяиномъ и Гиршей; за телегой шла корова на привязи. Ихъ сопровождали евреи и крестьяне съ руганью, суля имъ всевозможныхъ чертей и несчастій. Но они все-таки доѣхали благополучно до дома Янгеля и остановились передъ шинкомъ Сарры. Корову для безопасности завели во дворъ. Передъ шинкомъ стояли двѣ телеги, запряженные каждая въ два вола.

Когда они вошли въ шинокъ — онъ былъ биткомъ набитъ. Гирша провелъ крестьянина въ кухню, взялъ у Сарры квартиру водки, булки и печенки и усадилъ крестьянина у окна, чтобы тотъ могъ видѣть корову.

— Такъ какъ, панъ? началъ крестьянинъ.

Гирша налилъ ему стаканчикъ водки и сказалъ: «пей».

Крестьянинъ посмотрѣлъ на Гиршу подозрительно, но запахъ печенки и видъ булки щекотили его, и онъ выпилъ.

— Повтори! сказалъ Гирша и налилъ еще.

— О, панъ! Много будетъ.

Однако, крестьянинъ опять выпилъ и сталъ закусывать.

— Такъ ты говоришь, сѣно у тебя сгнило?

— Совсѣмъ сгнило. Охъ, ужъ и дѣло нынче.

— Что жъ, дѣло можно поправить. Сколько бы ты взялъ за него?

— Да рублей пятнадцать.

Гирша налилъ еще водки. Въ шинкѣ у Сарры и передъ шинкомъ въ это время происходила драка.

— А корова-то у тебя хорошая. Еслибы я имѣлъ на примѣтѣ покупателя, я бы далъ тебѣ двадцать.

— Купи, панъ! Дай десять рублей, остальные послѣ.

— Больше пяти рублей не могу дать.

Гирша вылилъ изъ посуды остатки.

— Еслибы нужно было, взялъ бы и далъ бы десять рублей

впередъ. А то самъ знаешь, кормить ее нужно; трава еще, говоришь, сгнила.

— Вся сгнила... Дай десять-то?

— Не могу. Пять дамъ. Хочешь?

Крестьянинъ былъ очень пьянъ, едва-едва сидѣлъ; ему хотѣлось спать.

Гирша показалъ ему пять кредитныхъ билетовъ по рублю.

— Бери.

Крестьянинъ протянулъ руку.

— Э-э! Нѣтъ, погоди! Условіе надо сдѣлать.

— Какъ же, панъ! какъ же. И свидѣтелей надо.

Въ это время вошли въ шинокъ два полиціанта. Крики затихли. Гирша пригласилъ въ избу полиціантовъ и Сарру, которая громко плакала, жалуясь, что ее ограбили вацапы.

— Вотъ, честные господа, я покупаю у пана Максима корову, такъ прошу васъ быть свидѣтелями, проговорилъ Гирша, наливая два стакана для полиціантовъ.

— А гдѣ корова?

Гирша указалъ на корову и, отвѣдя полиціантовъ въ сторону, проговорилъ что-то вполголоса, такъ что крестьянинъ, окончательно опьянѣвшій, ничего не слышалъ.

— Идетъ! гдѣ условіе? спросилъ одинъ изъ полиціантовъ.

Гирша началъ писать на четвертинкѣ, отъ имени крестьянина, росписку въ томъ, что панъ Максимъ продалъ Гиршѣ Дворкину корову такого-то числа за восемь рублей и получилъ за нее впередъ пять рублей, да пропито паномъ Максимомъ въ шинкѣ у Сарры Бульковской на восемь злотъ и заплачено за постой два злота. Росписку подписалъ за Максима солдатъ. А такъ-какъ Максимъ былъ пьянъ, то Гирша снялъ съ него сумку, досталъ изъ нея кошелекъ, въ которомъ было нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ и копеекъ, завернулъ бумажки въ тряпку и положилъ туда, а въ пустую небольшую фляжку налилъ воды, чтобы въ случаѣ спора доказать, что Максимъ покупалъ у Сарры водку. Затѣмъ онъ тщательно завязалъ сумку и надѣлъ на Максима, котораго вывели на улицу и уложили въ телегу.

Въ телегѣ Максимъ очнулся.

— А деньги?

— Деньги въ сумкѣ.

— Всѣ?!

— Сосчитай.

Максимъ сталъ развязывать сумку.

— Потеряешь, смотри, деньги-то.

Гирша стегнулъ воловъ и они тронулись.

Скоро волы утащили Максима вдоль по улицѣ, а Сарра повела корову къ еврейскому торгашу, который скупалъ коровъ для колотья.

Къ вечеру стали уносить съ улицы кадки, горшки и прочія вещи; стали снимать вывѣски и прятать ихъ въ лавки. Отъ разныхъ кадокъ и отъ метенія половъ въ домахъ, изъ которыхъ все выметали на улицу, на улицѣ еще больше прибавилось сору, но за то грязь немного утопталась. Рѣдко, кое-гдѣ въ окнахъ свѣтились огоньки, и можно было увидеть еврея или еврейку сидящихъ около стола и считающихъ дневную выручку или повѣряющихъ долговныя записки. Но было много и такихъ, которымъ нечего было считать.

Пужинавъ мадой, еврей, измученные дневною ходьбой, ложились спать куда попало. Такъ и Гирша легъ въ лавочкѣ, Гитля въ кухнѣ. Шмуель расположился въ своей кухнѣ около ребятъ. Ребенокъ плакалъ въ люлькѣ, но на него никто не обращалъ вниманія, потому что спали всѣ, какъ убитые. Малки долго не было, а хотя Лея и должна была присматривать за ребенкомъ ея, но она, какъ только уснули всѣ въ кухнѣ, ушла изъ дому. Старуху же Сарра уложила на своей кровати.

Скоро настала во всемъ городѣ тишина, прерываемая только собачьимъ лаемъ.

VII.

Лея, проживавшая у Шмуеля Дворкина, была дочь бѣдныхъ родителей. Отецъ ея, при всемъ стараніи, никакъ не могъ выбиться изъ бѣдности; сперва онъ былъ работникомъ кое у кого изъ богатыхъ евреевъ, потомъ приобрѣлъ себѣ лошадь и возилъ на ней каменья для подрядчиковъ, но одинъ разъ возъ навалился на него и онъ, пролежавъ около двухъ недѣль дома, умеръ. Хотя же послѣ него и осталась молодая жена съ двухлѣтней дочерью, но эта женщина не умѣла взяться за дѣло, продала лошадь евреямъ маклакамъ, купила на эти деньги лавочку и стала торговать горшками подъ филлярами. Скоро за нее сталъ свататься женихъ еврей, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она дочь куда нибудь пристроила. Какъ ни жалко было разстаться съ дочерью, съ которою она торговала, то есть, садила въ лавкѣ на голый полъ, но она разсудила, что, вопервыхъ, дѣвочка ей мѣшаетъ; вовторыхъ, отъ мужа могутъ быть другія дѣти, и втретьихъ, что, живя въ людяхъ, дочь выростетъ и потомъ будетъ пристроена къ мѣсту. Сообразивъ все это, она продала дочь Шмуелю за три рубля.

Шмуель купилъ дѣвочку потому, что у него дѣтей отъ жены не было. Лею рѣдко кормили, почти не одѣвали, держали въ холодѣ и грязи, и если она не умерла, такъ единственно по живучести, свойственной еврейскому организму. Наконецъ умерла жена Шмуеля отъ его побоевъ, Лея вздохнула. Въ семь лѣтъ вдовства Шмуеля, она была предоставлена на произволь окружающихъ ее личностей. Въ это время она постоянно была на улицѣ, огрызалась съ ребятами и со старшими; старшіе ее ничему не обучали, отъ младшихъ она переняла обманъ, дерзость, плутовство. А такъ-какъ она была куплена Шмуелемъ для работы, то съ семи лѣтъ ее стали заставлять дѣлать все то, что подъ силу только взрослой работницѣ. Но вотъ Шмуель въ другой разъ женился, на Малкѣ. Дѣла Леѣ прибавилось, и она не могла терпѣть Малку, видя въ ней деспотку, женщину, считавшую ее за рабу. Между дѣвушкой и женщиной завязалась съ самаго начала непримиримая вражда, такъ что обѣ не могли терпѣть другъ друга. Малка жаловалась и мужу, и тестю, и тещѣ на дѣвочку, отъ которой ей нѣтъ прохода; дѣвочку тиранили безъ апелляціонно, но потомъ махнули рукой, видя что съ ней рѣшительно ничего не подѣлаешь. Лея видѣла, что и съ Малкой всѣ обращаются не очень вѣжливо, бранятъ; и бьютъ за лѣнь и неумѣнье взяться за дѣло, и ненависть ея росла съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

При такомъ положеніи дѣлъ, Лея въ пятнадцать лѣтъ сдѣлалась дѣвушкой *дерзкой*. Такою по крайней мѣрѣ она слыла во всей грязной улицѣ. Но никто, кромѣ ребятъ, спавшихъ около нея, не замѣчалъ ея слезъ, никто не повѣрилъ бы, еслибы Лея сказала, что такая жизнь давить ее, что ей, болѣе чѣмъ кому другому, хочется свободы. Второй мужъ ея матери тоже былъ бѣдный работникъ и для поправленія своихъ средствъ высасывалъ у нея гроши. Въ эпидемію умеръ и этотъ мужъ и мать ея крѣпилась года два, но торговля горшками шла такъ скверно, что она рѣшилась заняться чѣмъ нибудь другимъ. Янкель и Шмуель предложили ей поступить къ нимъ въ работницы, но она, видя какъ истязуютъ ея дѣтище, стала требовать дочь назадъ; однако ее не отдали, а предложили взять деньги за ея лавку и сидѣть въ ней за дочь. Не понимая сѣтей, одурѣвшая отъ разныхъ невзгодъ, она согласилась, проторговала годъ и въ досталь одурѣла. Жила она у сестры, родня которой совѣтовала ей отнять дочь отъ Шмуеля, но она только горячилась на первыхъ порахъ, а потомъ забывала, о чемъ сама говорила. Дочь знала, что мать ея

полоумная и ненависть ея къ Дворкинымъ усилилась еще больше. Но вмѣстѣ съ Дворкиными она не полюбила всѣхъ евреевъ и евреекъ вообще. Лея строила различные планы: то ей хотѣлось убѣжать далеко-далеко отъ Дворкиныхъ; то хотѣлось завладѣть имуществомъ Дворкиныхъ и заняться торговлей. Но оба плана были неисполними. Идти къ христіанамъ, просить ихъ защиты тоже было невозможно, потому что законъ еврейскій обѣщаетъ за это страшныя муки, да и христіане издѣваются надъ ними, евреями. Много Лея строила плановъ, но ни одинъ изъ нихъ ей, бѣдной угнетенной дѣвушкѣ, не казался исполнимымъ и она ударилась въ мистицизмъ, надѣясь терпѣніемъ заслужить милость Божию. Но какъ ни велика была ея восторженность, дѣйствительная жизнь становилась съ каждымъ днемъ невыносимѣе.

Сегодня, на примѣръ, она только что убралась дома, какъ къ ней пристала Янкель.

— Что ты за ребенкомъ не смотришь?

— Развѣ я не смотрю!

— Молчать, раба! Къ чему ты положила въ колыску хлѣбъ?

— Что же, мнѣ голодомъ что ли сидѣть?

— Матери своей хочешь нести!.. Ничего не получишь. Еще вы, свиньи, несмыты; еще вы неблагодарны!

— Такъ и собаки не живутъ.

Янкель схватилъ ремень и хлестнулъ Лею по спинѣ. Но Лея скрѣпилась и смолчала.

Ребенокъ плакалъ; Лея пошла въ конуру.

— Куда ты пошла?

— Куда мнѣ идти! Къ ребенку.

— Зашей дыру на скуртугѣ.

— Зашью.

— А съ какимъ ты это солдатомъ шепталась, какъ я уходилъ изъ дому?

— Что нужно Янкелю? Что Янкель пристаеетъ къ рабѣ? Янкель съ Гитлей живеть! Что отъ меня Янкель хочетъ?..

Янкель не могъ дольше слушать. Онъ ушелъ и заперъ квартиру на замокъ.

Лея стала на колѣни и заплакала. Долго плакала Лея, и когда стало ей легче, она рѣшилась идти къ матери и уже не воротиться сюда.

Когда всѣ уснули, она тихонько вышла, сперва во дворъ, потомъ на улицу, и пустилась бѣжать. За ней гнались собаки,

но она благополучно добралась до жилища матери на берегу рѣки.

У этого дома не было вовсе воротъ и Лея, поднявшись по гнилымъ ступенькамъ на крылечко, стала стучать въ дверь.

— Кто тутъ? спросилъ ее старческій женскій голосъ.

— Лея Фельдманъ.

— Никого нѣтъ дома.

— Пустите! меня убьютъ Дворкины.

Скоро дверь открылась. Мать Лен не спала.

— Мать! Я не могу больше жить у Дворкиныхъ, говорила дочь, заливаясь слезами.

— И не живи. Будемъ вмѣстѣ торговать, проговорила мать. Въ голосѣ ея не слышалось ни радости, ни состраданія.

— Охъ, что-то будетъ!

Только что Лея начала заснывать, какъ въ избу ворвался Шмуель. Дверь едва держалась на петляхъ и ему ничего не стоило толкнуть ее хорошенько, чтобы она сорвалась совсѣмъ. Начиная свѣтать и Шмуель увидалъ свою жертву.

— А! вотъ ты гдѣ?

Начались истязанія; старуха кинулась на Шмуеля съ ножомъ, но Шмуель выхватилъ ножъ и за косу вытащилъ Лею на улицу. Мать кинулась за дочерью, но, дочь зная, что вообще всякая защита бесполезна, сказала: мама! Иди спать.

Всю дорогу Шмуель ругалъ Лею, часто схватывая за косу; Лея взвизгивала. Въ окна смотрѣли проснувшіяся еврейки и говорили:

— Эдакая негодная!.. Дерни ее за косу-то!

Эти женщины думали, что Лея сдѣлала какое нибудь преступленіе, напримѣръ, убѣжала къ любовнику христіанину. Но, кромѣ того, по ихъ понятіямъ раба вообще должна повиноваться своему господину безпрекословно.

У воротъ Шмуель встрѣтился съ Гиршей, который, узнавъ, что убѣжала Лея, сперва страшно перепугался, такъ-какъ у него вещей была много. Но въ лавкѣ у него все было дѣло; деньги тоже всѣ. Простоявъ въ воротахъ около четверти часа, онъ умѣрилъ свой гнѣвъ и пришелъ къ тому заключенію, что Лея бѣжала отъ побоевъ.

— Пусти ее, сказалъ онъ Шмуелю: — не убѣжить.

— Нѣтъ, я ее еще плетью.

— Будь человѣченъ, Шмуель. Вѣдь она еще молода.

— Тебѣ какое дѣло?

Шмуель вынулъ Лею; Лея ушла въ избу.

— То и дѣло, что она намъ всѣмъ худо сдѣлаеть. Посмотри на нее, какъ она избита! Лошади того не вынести.

— Не ты съ ней живешь, а мы съ ней.

— Все равно. Нужно помнить, что отъ побоевъ твоя первая жена умерла... А эта — работница, ее нужно беречь. Вѣдь ты небось никому не уступишь ея?

Шмуель ушелъ и не могъ уснуть.

Утромъ онъ сдѣлался ласковѣе съ Леей, и когда ушелъ изъ дома, не заперъ ее на замокъ, а даже сказалъ:

— Если Леѣ нечего будетъ дѣлать, она можетъ помочь Саррѣ. А когда понесешь въ лавку кушанье, возьми съ собой и ребенка, если Малка не придетъ.

Но Лея сперва истерически хохотала, а потомъ заплакала, и вдругъ, схвативъ изъ-подъ стола веревку, убѣжала въ одну изъ клѣтушекъ, заваленную разными вещами, лежащими здѣсь уже нѣсколько лѣтъ безъ употребленія. Очистивъ небольшое пространство въ углу, она надѣла на шею петлю, закинула веревку за переладину крыши и повѣсилась...

VIII.

Янкель Дворкинъ, между тѣмъ, ходилъ въ управленіе жаловаться на надувшаго его контрактомъ чиновника, но ему сказали, что теперь его дѣло пропащее, потому что у него нѣтъ документа. Дорогой къ дому, ему попался толстый купецъ, который, не говоря ни слова, два раза ударилъ старика палкой. Старикъ промолчалъ, потому что былъ долженъ купцу болѣе ста рублей.

— Даю тебѣ три дня сроку! Если ты по истеченіи трехъ дней не доставишь бревна — я отъ тебя домъ отберу.

— Что же я сдѣлаю, когда меня раззорили!

— А, старый чортъ! Да знаешь ли ты, почему мука-то теперь въ Петербургѣ?

— Знаю.

— Ну, такъ поѣзжай въ деревни, и гдѣ найдешь — всю забери. Ты на этотъ счетъ мастеръ, и я только каюсь, что связался съ тобой въ бревнахъ. Понимаешь ли ты, сколько я убытку-то несу? Нужно работать, а бревенъ нѣтъ...

— Не сомнѣвайся, скоро будутъ.

— Ну, изволь хоть муки поживѣе доставить, пока еще другіе не скупили.

Янкель, не заходя домой, отправился въ село Литки. Сначала онъ шелъ пѣшкомъ, но потомъ встрѣтилъ знакомаго чулу (крестьянинъ въ Литвѣ) и за десять грошей доѣхалъ до сель-

ца. Янкель проѣздилъ трое сутокъ. Въ сельцахъ и деревняхъ у него было много должниковъ. Онъ сталъ грозить и настраивалъ бѣдныхъ такъ, что они уплатили ему долгъ мукой, какую только могли собрать.

Янкель привезъ въ городъ двѣ телеги муки, изъ коихъ одну доставилъ купцу, другую отправилъ подѣ филары, въ лавку Шмуеля.

Въ это время цѣна на муку поднялась уже значительно, такъ что ржаной печеный хлѣбъ, который назадъ тому пять дней продавался по три гроша за фунтъ, теперь вдругъ сталъ продаваться по семи грошей. Пропорціонально хлѣбу, цѣна возвысилась и на мясо, соль и даже на табакъ.

Толстякъ купецъ остался очень доволенъ и даже спросилъ Янкеля: не чешется ли его горбъ?

Не менѣе купца торжествовалъ и Янкель; торгоши мукой отъ себя давали ему барыши, но онъ муки не продавалъ, а заперъ въ подпольѣ лавки Шмуеля, думая, что черезъ мѣсяцъ цѣна еще больше увеличится.

Но его весьма разозлило извѣстiе объ исчезновенiи Леи, которую и Шмуель и Гирша искали чуть-ли не по всему городу, но полиции не доносили, потому что она прежде не была нигдѣ заявлена. Дворкины, какъ ее, такъ и мальчиковъ изъ христіанъ, не показывали полиции, гдѣ они и не были записаны въ числѣ жителей. Янкель ругалъ Шмуеля, Малку, свою старуху; мать Леи говорила на рынкѣ, что Дворкины убили ея дочь. Одно только Янкель придумалъ: онъ сказалъ семейству, чтобы оно говорило, если будутъ допрашивать, что Янкель увезъ Лею въ село Лытки и она оттуда бѣжала.

На другой день, по прибытiи Янкеля въ городъ, его потребовали въ полицию. Янкель струхнулъ, и хотя подарилъ полиціанту злотъ, чтобы онъ сказалъ, зачѣмъ требуютъ, но тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. Женщинѣ дома не было: всѣ отбѣгали, кромѣ старухи, ушли въ управление получать долги.

— Странное дѣло! сказала Янкель, прохаживаясь по комнатѣ.

— Если объ этой лужѣ, что передъ окномъ, то и ходить не слѣдуетъ, сказала Гирша.

— Проклятая лужа! сколько она у меня денегъ высосала! И дали же мнѣ проклятое такое мѣсто...

— А все же заровнять ее слѣдуетъ: народу больше будетъ ходить, а то обѣгаютъ.

— Не объ лужѣ рѣчь! крикнулъ съ яростію Янкель, такъ что Гирша вздрогнулъ.

— Гдѣ Шмуель?

— Въ лавкѣ.

— Не искалъ онъ Лей?

— Всѣ мы искали — нѣту.

— То-то. Проклятіе мое да будетъ на васъ, если вы что худо съ ней сдѣлали! Никто, кромѣ меня, не имѣлъ права трогать ее...

И Янкель вышелъ, оставивъ Гиршу, сильно пораженнаго гнѣвомъ отца.

А Гиршѣ было надъ чѣмъ задуматься: о Леѣ не было никакого слуха, а вчера мать ея прибѣгала къ нимъ и потомъ кричала на всю улицу, что Дворянины задавили ея дочь. Гиршу самого удивляло, куда она могла дѣться? Убѣхать ей некуда и не на что, потому что все цѣло; еслибы она утопилась, то всплыла бы. Ему и въ голову не приходило, чтобы Лея могла удавиться, потому что такіе случаи очень рѣдко бывали въ городѣ. Шмуель сидѣлъ за какой-то еврейской книгой — признакъ скорби. Изъ книги онъ старался почерпнуть какую-то мудрость, но изъ его головы не выходило два обстоятельства: зачѣмъ отца зовутъ въ полицію и куда дѣлась Лея?

— Еще не бывало такихъ случаевъ, чтобы у Дворянскихъ рабы исчезали, сказалъ Янкель, входя въ лавку.

Шмуель вздрогнулъ.

— Ну, что ты теперь скажешь?

— Развѣ я виноватъ, что она убѣжала?

— Полно! не врешь ли, сынокъ! сказалъ Янкель ядовито и не спуская глазъ съ сына.

Но сынъ и не моргнулъ.

— Говори правду, потому тебѣ не повѣрять, а мнѣ повѣрять. Я съ частнымъ другъ и пріятель.

— Ничего не знаю.

Немного погода, Янкель ушелъ въ полицію. Пришедши въ прихожую и ставши къ дверямъ канцеляріи, Янкель совсѣмъ измѣнился: пейсикъ растеребилъ такъ, что ихъ стало почти незамѣтно, горбъ на спинѣ сдѣлался у него еще больше и безобразнѣе, лицо приняло смиренно-обиженное выраженіе, глаза глядѣли робко-плутовато. Около него стояло человѣкъ пять-шесть евреевъ съ такимъ же обиженнымъ видомъ, въ такой же потертой одеждѣ. Янкель ни съ кѣмъ не поздоровался и на него тоже какъ будто не обратили вниманія. Онъ стоялъ такъ, что не поворачивалъ головы ни направо, ни налево и тупо глядѣлъ на пуговку на фуражкѣ. Вдругъ къ нему подошла горба-

тая низенькая женщина съ морщинистымъ желтымъ лицомъ, которое наводило на посторонняго человѣка ужась.

— Подай мою дочь! крикнула женщина на Янкеля.

Янкель захохоталъ.

— Да была ли у тебя дочь-то? спросилъ онъ, смѣясь.

Лицо женщины передернуло нѣсколько разъ. Вдругъ она вцѣпилась въ сюртукъ Янкеля и разорвала его — до того сюртукъ былъ ветхъ.

— Будьте свидѣтели, она сумасшедшая! сказалъ Янкель евреямъ и, отошедши къ полиціанту, что-то шепнулъ ему, сунувъ въ руку бумажку.

Полиціантъ оттолкнулъ женщину и выгналъ ее во дворъ.

— Это изъ-за нея требовали сюда? спросилъ Янкеля одинъ еврей.

— Да... Никогда ни по какимъ дѣламъ не бывалъ здѣсь — и вдругъ эта баба!

Растворилась съ стукомъ дверь и передъ евреями предсталъ низенькій черноватый пожилой частный.

— А, Янкель! На тебя жалоба, проговорилъ онъ скороговоркой.

— Не знаю, въ чемъ.

— Куда ты дѣвалъ дочь жида Фельдманъ?

— Я ее свезъ къ пану.

— Не врешь?

— Нѣтъ.

— Пстой. Мы съ тобой еще потолкуемъ.

И частный обратился къ другому еврею:

— А ты, рыжая собака, долго ли насъ будешь морочить?

— О чемъ, ваше благородіе, говорить изволите?

— О томъ, что вчера его превосходительство изволилъ ѣхать по вашей улицѣ и противъ дома твоего его экипажъ свалился.

— Ай-ай!

— Не ай-ай, а я тебя спрашиваю: почему ты лужу не засыплешь?

— Невозможно.

— За эти слова я, знаешь, проморю тебя недѣлю въ кутузкѣ.

— Воля ваша.

Частный ушелъ въ присутствіе, за нимъ пошелъ и Янкель. Тамъ, кромѣ секретаря, никого не было. Частный сѣлъ на свое мѣсто, а Янкель сталъ около двери и погрузился въ думу. «Эта проклятая баба, думалъ онъ, ужъ успѣла пожаловаться на меня частному. Должно быть, она ему Богъ-знаетъ что насакала про насъ. Кабы дѣло было пустое, частный рѣшилъ бы въ при-

хожей. Нѣтъ, тутъ дѣло сотенное! Вотъ тебѣ и мука! Все, что нажилъ, теперь изволь отдать. Проклятая баба! Ты могла бы до кагала идти: насъ кагалъ разсудилъ бы по всей справедливости, и я могъ бы тебя взять къ себѣ на покой....

— Ну, старая собака, что ты скажешь въ свое оправданіе? спросилъ вдругъ частный и прибавилъ, обращаясь къ писмоводителю: — Иванъ Иванычъ, записывайте его показанія.

Янкель горько улыбнулся. Ему казалось, что это шутики, что надъ нимъ хотятъ издѣваться, чтобы взять больше денегъ.

— Что же ты молчишь?

— О чемъ изволите спрашивать, ваше благородіе? спросилъ рѣзко Янкель.

— Ага!.. Что у тебя за дѣвка жила?

— Дѣвка жила не у меня, а у сына Шмуеля.

— Но ты хозяинъ, ты отецъ, — ты долженъ былъ доносить объ этомъ.

— Что угодно вашему благородію?

— Куда дѣвалась эта дѣвка?

— Что нужно вашему благородію? Что, ваше благородіе, пристали ко мнѣ? говорилъ Янкель обиженнымъ тономъ.

— Въ кутузку хочешь?

— Говорите прямо: денегъ надо?

Частному стало стыдно, стыдъ перешелъ въ гнѣвъ: какъ смѣлъ еврей такъ дерзко говорить? Но онъ не рѣшался поступить съ нимъ строго, потому что Янкель исправно платилъ деньги, какія слѣдовали, а дѣвокъ мало ли бѣгаетъ отъ евреевъ...

— Скажи мнѣ, Янкель, по совѣсти, что такое случилось?

Янкель разсказалъ, что навадъ тому тринадцать лѣтъ Шмуель купилъ у вдовы Фельдманъ дочь, чтобы воспитать ее до возраста; но эта дѣвочка росла полоумной и онъ нѣсколько разъ хотѣлъ ее отослать назадъ, да жалко было. Въ послѣднее время она часто стала убѣгать по ночамъ изъ дома и разъ Шмуель увелъ ее отъ матери, что можетъ подтвердить множество евреевъ, видѣвшихъ, какъ Шмуель тащилъ домой Лею за косу. Послѣ этого онъ увезъ Лею въ село, гдѣ она теперь сидитъ въ шинкѣ. Онъ, Янкель, возвращаясь изъ села домой, хотѣлъ пристроить полоумную Фельдманъ у себя, но послѣ того, какъ она въ полициі, при нѣсколькихъ евреяхъ, разорвала его скюртку, онъ считаетъ ее сумасшедшей и проситъ взять ее въ больницу, а если полиція не сдѣлаетъ этого, то онъ пойдетъ до кагала и кагалъ рѣшитъ по справедливости.

— Всему этому я не вѣрю ни капли, сказалъ частный по окончаніи разсказа.

- Какъ угодно,— и Янкель подалъ двадцатипятирублевую.
- Ну, вотъ видишь! кабы ты былъ правъ, вѣдь не далъ бы?
- Известно вашему благородію, наше дѣло такое, что намъ каждый часъ дорогъ.
- Ну, ступай. Если что случится, иди ко мнѣ.
- Ничего не можетъ случиться.
- Э, братъ! Можетъ случиться. Можетъ быть, и не разъ придется побывать здѣсь, сказалъ частный значительно.

IX.

Янкель разругалъ страшнымъ образомъ сперва Шмуела, потомъ Гиршу, которымъ, между прочимъ, далъ наставленіе, чтобы они въ шабашъ заявили кагалу о томъ, что Фельдманъ сумасшедшая и ее слѣдуетъ взять въ больницу. Затѣмъ онъ отправился въ школу повидать подравина. Школа отличается отъ русскихъ школъ тѣмъ, что это большая комната безъ печки. Она четырехугольная, въ трехъ стѣнахъ окна, около четвертой нагѣво перила для учителя и тутъ же совершается богослуженіе. Двѣ трети комнаты заняты скамейками и длинными столами, за которыми сидятъ ученики; напротивъ этихъ скамеекъ, лавки для помощниковъ подравиновъ. Стѣны не обѣлены; полъ грязный; пахнетъ чеснокомъ и махоркой. Когда Янкель вошелъ въ школу, въ ней происходилъ необъяснимый крикъ очень непріятнаго свойства: передъ каждымъ столомъ стоялъ помощникъ подравина и что-то голосилъ по книгѣ, за нимъ голосили мальчики; напротивъ нихъ, на лавкахъ сидѣло четверо евреевъ отъ 30 до 40 лѣтъ, и каждый, держа книги, читалъ вслухъ. На Янкеля никто не обратилъ вниманія. Посмотрѣвъ пристально во всѣ стороны, онъ подошелъ къ большому столу, взялъ съ него одну большую книгу, подселъ къ пожилымъ евреямъ, надѣлъ огромные очки въ мѣдной оправѣ и сталъ читать вслухъ. Это чтеніе его немного успокоило, и онъ, не поговоривши ни съ кѣмъ, вышелъ на улицу.

— Во всемъ неудача! и Давида не застал! А съ евреями говорить до поры до времени нечего: все дѣло испортятъ. И куда это дѣвчонка дѣвалась?

Янкель прошелся раза два по улицѣ, посмотрѣлъ на пильщиковъ, нанялъ солдатъ стащить на берегъ бревна,—все невесело.

Янкель воротился домой еще злѣе прежняго и сѣлъ въ двери у лавки Гирши, ни слова не говоря ни съ кѣмъ.

Вдругъ явилась барыня.

— Я у васъ вещи заложила: салопоъ, шляпу, часы, проговорила она Гиршѣ.

— Пришла пани за вещами, сказалъ Гирша, обращаясь къ Янкелю.

— Пусть отдасть деньги и придетъ завтра, сказалъ Янкель, не глядя ни на Гиршу, ни на барыню.

Гирша передалъ слова отца, изъяснившись деликатнымъ образомъ.

— Но я бы хотѣла сегодня получить вещи, потому что я ѣду.

— Мы вещи отдали на храненіе, потому что у насъ квартира неудобная для храненія. Если вы оставите сегодня деньги, мы завтра къ вамъ сами принесемъ.

Барыня на это не согласилась и стала требовать вещи. Янкель пошелъ въ свой чуланъ и черезъ полчаса принесъ вещи.

— Помилуйте! Это не мой салопоъ!

— Можетъ быть, пани чужой закладывала: чужой нелегко узнать, проговорилъ Янкель.

— Но я вамъ не такой давала. Я знаю верхъ: верхъ былъ атласный, а этотъ суконный; мѣхъ былъ лисій, а этотъ бараній.

— Такъ вамъ не угодно брать? спросилъ Янкель.

— Зачѣмъ же я возьму!

— Мнѣ очень неприятно, но дѣлать нечего.

И Янкель швырнулъ салопоъ въ комнату.

— И часы не ваши?

— Часы?... Мои... Но салопоъ... салопоъ! Боже мой! Вѣдь это мамашинъ подарокъ.

— Пани! началъ Янкель: — вы закладывали назадъ тому полтора года?

— Но я платила проценты.

— Пани, выслушайте меня... Не говорилъ ли я вамъ, что салопоъ можетъ повредиться: вѣдь у насъ есть мыши...

— Но вы вовсе не салопоъ даете, а чортъ знаетъ, что такое.

— Богъ съ вами, пани. Напрасно обижаете бѣднаго еврея.

Вѣдь вотъ ваши часы цѣлы же и шляпка ваша цѣла...

— Боже мой! что я стану дѣлать...

— Продайте мнѣ ваши часы.

Явилась Гитля. Янкель и Гирша ушли въ комнату.

— Ну, ужъ и народецъ! нигде деньги не платить. Жалованье получили, а деньги не платятъ... А! пани! Здравствуйте! какъ поживаете? проговорила Гитля, обращаясь къ барышѣ.

— Голубушка, Гитля! салопоъ перемѣнили.

— Что вы??

Барыня стала жаловаться Гитлѣ, но та сказала, что это дѣло не ея.

— Я буду жаловаться полицейскому.

— Можете.

— Это ни на что не похоже. Въ прошломъ году тоже одному еврею заложила золотыя сережки, стала выкупать — онъ возвратилъ оловянина.

— Хорошо еще, что возвратилъ: могъ бы отнереться.

Барынь ничего не оставалось, какъ взять вещи и ѣхать, что она и сдѣлала.

Вошелъ солдатъ съ узломъ и спросилъ Янкеля:

— Не купишь ли ты у меня шинель?

— На что мнѣ солдатскую шинель? Развѣ другая есть?

— Есть.

И солдатъ сталъ развязывать узелъ, но Янкель велѣлъ ему идти за собой.

Они вошли въ четырехугольную комнату, съ двумя окнами, выходившими на улицу. Въ углу стояла конторка съ шандаломъ, въ которомъ было воткнуто три салныхъ восьмириковыхъ свѣчи; среди комнаты стоялъ длинный стулъ; около стѣнъ нѣсколько стульевъ. Полъ посыпанъ пескомъ.

Янкель сталъ разсматривать шинель, которая оказалась не солдатскою, а офицерскою.

— Шинель дрянная. Цѣна ей два злота, сказалъ Янкель и отдалъ шинель солдату.

— Мало даешь.

— Больше ни гроша! Хочешь отдавай, и мы ее пристроимъ; не отдашь — много не находишь, изловять.

— Да мнѣ баринъ подарилъ ее.

— Кто твой баринъ?

— Яковлевъ.

— А! Ну, онъ долговъ не платитъ. Нѣтъ ли еще чего?

— Боязно. На меня подумаютъ.

— Подумаютъ, да не узнаютъ и не найдутъ. Два злота.

— Три.

— Ни гроша.

— Бери!

Янкель взялъ шинель и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ ней солдата. Скоро онъ вернулся и выдалъ солдату деньги.

— Старуха-то наша больно плоха, сказалъ Янкель Гиршѣ, входя въ лавку.

— Поправится, отвѣчалъ тотъ.

— Надо доктора позвать, сказала Гитля.

— Вотъ еще тратиться! сказалъ Янкель.

— Вотъ что, сложитесь всѣмъ семействомъ. Докторъ скажетъ, что намъ дѣлать, сказалъ Гирша.

— Это все пройдетъ. Понапрасну только время тратить.

Въ лавку вошла пожилая женщина, еврейка. На рукахъ она держала ребенка.

— Не возьмете ли моего ребенка? проговорила женщина.

— Сколько ему времени? спросилъ Янкель.

— Полтора года. Болеетъ. Очень болеетъ.

— Не врешь?

Янкель, за нимъ Гирша и Гитля осмотрѣли ребенка, который былъ чуть живъ.

— Да дайте десять грошей.

Гирша выдалъ деньги, а Гитля взяла ребенка, котораго унесла въ избу и положила въ колыску, а своего ребенка уложила на кровать.

Получивши деньги, еврейка ушла очень довольная и благодарила Бога за то, что онъ пристроилъ ее дитя.

— Вотъ и кладъ! сказалъ Янкель.

— Больно плохъ ребенокъ-то.

— Ну, надо постараться, чтобы онъ былъ живъ.

— Плохо живутъ эдакія дѣти!

— Ну-ну! Иди покарауль доктора; онъ, я думаю, теперь въ городѣ. Посмотримъ. Если нельзя будетъ держать ребенка, надо возвратить.

Гирша ушелъ.

Дѣло въ томъ, что у евреевъ существуетъ обычай, что если ребенокъ болеетъ, мать продаетъ его евреямъ за 20 и 10 грошей для того, чтобы ребенокъ не умеръ. Они думаютъ, что у матери больное дитя скорѣе умретъ, а въ чужихъ людяхъ выздоровѣетъ. Въ доказательство, рассказываютъ случай такого рода, что у одной еврейки было пятнадцать дѣтей, и всѣ умерли. Шестнадцатую дѣвочку продали, и она жила въ людяхъ до двадцати-двухъ лѣтъ.

Когда Гитля вошла въ лавку, Янкель ушелъ въ комнату и сѣлъ къ столу, задумавшись. Невесело было у него на душѣ. Не исчезновеніе Лей беспокоило его, а такъ было скучно, ныло сердце; такъ бы и не смотрѣлъ ни на что. Это его состояніе въ послѣднее время замѣтили всѣ домашніе.

— Иди сюда, сказала Гитля Янкелю, стоя въ дверяхъ.

Янкель взглянулъ на нее и понурилъ голову.

Гитля подошла къ нему и положила на его плечо руку.

— Гитля! сказалъ дрожащимъ голосомъ старикъ, и сталъ глядѣть ей въ глаза.

Гитля обняла старика и, поцаловавъ его въ щеку, отошла къ дверямъ.

— Проквазница! проговорилъ весело старикъ, и застучалъ тростью.

— А ты старый чортъ!

— Ну, иди ко мнѣ.

— А кто придетъ?

— Ну-ну.

Гитля сѣла къ столу, Янкель взялъ ея руки и долго держалъ въ своихъ костлявыхъ лодоняхъ.

— Невесело мнѣ, дружокъ! въ могилу смотрю...

— Ну, полно. Ты еще молодецъ на всякія штуки.

— Не говори! Я ничего не нажилъ... Но, все-таки, я тебя люблю и все мое будетъ твоимъ.

«Старый песь», думала Гитля: «Ты отъ меня давно домогаешься любви и твердишь: «что мое, будетъ твое», а попроси у тебя грошъ — задавишься, не дашь... Впрочемъ, и то ладно, что ты меня любишь: и Гиршѣ хорошо, и меня никто не колотитъ».

Пятница. Всѣ еврейки высыпали на уголь грязной улицы къ торгашамъ рыбы. Каждая еврейка покупала одну или нѣсколько щукъ, и хотя тутъ же продавали окуней, но ихъ не брала ни одна покупщица. Въ каждомъ еврейскомъ домѣ топилась печь, варилась въ чугуиѣ щука, затѣмъ пеклись булки и опресноки, имѣющіе видъ нашихъ оладьевъ. Въ кухняхъ и комнатахъ заметались полы метлами и голиками, на столы стали стлать бѣлыя скатерти, а на середину ихъ ставили блюда съ опресноками и шандалы со свѣчами. Такъ и въ домѣ Янкеля Дворкина и его семейства, мелись полы, покрывались столы и ставились блюда и шандалы съ двѣнадцатриковыми свѣчами.

Въ пять часовъ во всемъ городѣ заперли еврейскія лавки. Во многихъ домахъ горѣли свѣчки, въ нѣсколькихъ евреяхъ совершали молитвы; изъ этихъ домовъ слышался неистовый крикъ. Теперь не было той суеты, какая была назадъ тому часъ, на улицахъ не видно было ни одной еврейской души. Начался шабашъ. Янкель, одѣвшись въ черный плисовый кафтанъ, опоясался чернымъ поясомъ, и надѣвши на голову ермолку, а на ноги бѣлыя туфли, пошелъ въ синагогу; остальное семейство разбрелось по школамъ, гдѣ совершались тоже моленія. Въ синагогѣ Янкель совсѣмъ преобразился: всѣ его жесты изображали человѣка честнаго, угнетеннаго, религіознаго въ высшей сте-

пени, а всеобщій крикъ заставляялъ еще усерднѣе выкрикивать молитву и колотить себя въ грудь, что было силы.

Дома осталась съ ребятами одна Хая. Ей нужно было при-
смотреть за всѣмъ, но, по закону еврейскому, она ничего не
могла брать въ руки. А такъ-какъ вездѣ, кромѣ лавокъ, были
зажжены свѣчки, она должна была присмотрѣть и за ними. Ре-
бенокъ, взятый за десять грошей, лежалъ бездыханный въ ко-
лыскѣ, ребенокъ Гитли плакалъ, другіе шалили, старуха охала.
Только входитъ Хая въ комнату Янкеля и видитъ, что одна
свѣчка упала изъ шандала и горить скатерть.

Хая выбѣжала на улицу и закричала:

— Гвалтъ! Пожаръ!

Но на улицѣ нѣтъ никого.

Хая начала кричать громче.

Изъ одного дома вышла старушка, вошла въ комнату Янкеля,
встала на ципочки и стала дуть. Но скатерть болѣе и болѣе
горѣла. Къ счастью Хаи, мимо шинка шелъ солдатъ, и она по-
звала его. Онъ погасилъ огонь и сталъ требовать водки.

— Шинкарка не пришла, отвѣчала Хая.

— Мнѣ что за дѣло до вашей религіи. Подай водки.

— Нельзя.

Солдатъ вошелъ самъ въ шинокъ, нацѣдилъ стаканъ и вы-
пилъ, къ великому ужасу Хаи, цѣлыхъ два стакана.

Вечеръ былъ теплый, лунный. Евреямъ нечего дѣлать, у нихъ
начался шабашъ, и они прохаживаются впередъ и обратно по
улицамъ; ходятъ и еврейскія дѣвѣцы. Всѣ идутъ медленно,
едва переступая ногами по два, по три человѣка врядъ посреди
улицы, по которой теперь ни одинъ еврей не поѣдетъ и ни-
чего не понесетъ. Если попадутся навстрѣчу евреи или еврейки,
они проходятъ мимо, не влкаясь и не заговаривая. На лицахъ
видится или печаль, или довольство. Но есть еще вещь, кото-
рая бросается въ глаза—это то, что трудно найти въ числѣ
гуляющихъ еврея статнаго; если у кого нѣтъ горба, тотъ, все-
таки, кажется сгорбившимся; это замѣтно даже между мальчи-
ками. И Янкель ходилъ съ сыновьями, за нимъ шелъ мальчикъ-
христіанинъ, живущій у Гирши.

— Яшка! сказалъ вдругъ Янкель, оборачиваясь. — Подотри
нось...

Яшка досталъ изъ-за пазухи платокъ и утеръ носъ Янкелю.

По еврейскому закону, пожилой еврей ничего не долженъ но-
сить въ рукахъ въ шабашъ тамъ, гдѣ есть русскіе. Поэтому,
нельзя имѣть при себѣ платка. Янкель съ сыновьями долго хо-
дилъ, такъ что уже многіе легли спать; вдругъ къ нимъ по-

дошелъ полиціймейстеръ съ женой и съ прїѣзжимъ гостемъ. Ихъ очень удивило, что трое евреевъ, глядя на луну, то и дѣло *дрмають*, т.-е., стоя на пальцахъ, трясутся и потомъ вдругъ всѣ вразъ выкрикнуть еврейское слово.

— Эй вы? крикнулъ полиціймейстеръ.

Еврей, хотя и знали голосъ полиціймейстера, но не прерывали своего занятія.

— Вамъ говорятъ? кричалъ полиціймейстеръ.

Но еврей не обращали никакого вниманія, даже не повернули голову.

— Полиціантъ! сходи за цирюльникомъ!

Еврей обернулись и перестали молиться.

— Кто вы такіе? крикнулъ полиціймейстеръ на евреевъ.

— Дворкины, сказалъ рѣзко Янкель.

— Хорошо. Полиціантъ! Иди и приведи цирюльнига.

— Ваше в-іе! завопили еврей.

— Я вамъ покажу... Ты зачѣмъ поеврейски нарядился? А?! дернулъ полиціймейстеръ Янкеля за лѣвый нейсикъ.

— Ваше в-іе, что хотите...

Полиція была близко, и скоро явилось четверо полиціантовъ съ цирюльникомъ.

— Стриги!

Еврей завопили.

XI.

Въ субботу утромъ, хотя и рано пробудились всѣ Дворкины, но долго лежали, потому что имъ ничего нельзя дѣлать. Лежа они вели разные разговоры о чиновникахъ, о торговлѣ, которая съ каждымъ годомъ падаетъ, потому что жителей годъ отъ году увеличивается. Но лежать надоѣло, безъ дѣла скучно. Встали всѣ и стали ходить изъ угла въ уголъ. Яковъ и Хая подали мужчинамъ еврейскія книги, усѣлись около мужей женщины и стали слушать чтеніе. Но не о чтеніи думали женщины, да и мужчинамъ слова не шли на умъ. Вотъ зашелъ сосѣдъ; стало немного веселѣе.

— Что это, Гирша, у насъ во дворѣ чѣмъ-то дохлымъ пахнетъ? сказала Гитля мужу.

— Не подохла ли свинья?

— Цѣлы всѣ.

— И я замѣчаю, что пахнетъ, сказалъ Янкель.

Но скоро заговорили о желѣзной дорогѣ, пришелъ еще сосѣдъ и началась дружеская бесѣда.

Стали стучаться въ шинокъ, въ лавку, но всѣмъ говорили, что сегодня шабашъ и продать ничего нельзя. Наконецъ пришелъ чиновникъ прямо въ комнату Янкеля.

— Я, братъ, тебѣ деньги принесъ. Долгъ, сказалъ онъ.

— Не могу получить.

— Почему?

— Потому что шабашъ.

— Ну, давай водки.

— И этого не могу... Вечеромъ, послѣ шабаша, можно, а теперь ни братъ, ни получать ничего нельзя.

Чинovníкъ ушелъ. Входитъ писарь.

— Дайте ради Христа табачку — умираю!

— Хотъ озолоти, не могу.

— Я самъ возьму, деньги положу на столъ.

— Хотъ умри, нельзя.

Обѣдать успѣлись всей семьей: Янкель со старухой, которая къ этому времени поправилась, Шмуель и Гирша съ женами, но обѣдъ состоялъ только изъ маринованной щуки съ лукомъ, чеснокомъ и кореньями, и изъ опресонокъ. Послѣ обѣда легли спать, но никому не спалось.

Въ городѣ тоже было пусто, точно всѣ вымерли, только и видно военныхъ, да гражданскихъ чиновниковъ.

Вдругъ въ кухню Гирши вбѣгаетъ Хая и кричить:

— Ай! ай! Гвалтъ! повѣсилась!

Гирша и Гитля вскочили съ кровати.

— Кто? кто?

— Лея.

Въ одну минуту всѣ Дворкины были во дворѣ, но никто не шелъ къ тому мѣсту, куда показывала Хая.

Всѣ были въ испугѣ, дрожали, смотрѣли другъ другу въ лицо, какъ-будто спрашивая: что это значить?

Янкель кое-какъ прошелъ въ темную клетушку, заставленную разными вещами и, вернувшись оттуда, сказалъ:

— Виситъ Лея.

За нимъ поочередно пролѣзли и остальные. А такъ-какъ говорили громко, то скоро дворъ наполнился евреями и еврейками. Всѣ были въ страшномъ переполохѣ, голосили и обвиняли Дворкиныхъ. Янкель ругалъ и билъ Шмуеля, Гиршу и Малку.

— До кагала Дворкиныхъ! до кагала!

— Эдакой грѣхъ! Позоръ для евреевъ!

Вошелъ во дворъ солдатъ.

— Что у васъ за сборище?

— Не твое дѣло! Пошелъ вонъ!.. Гоните солдата!

Солдата выгнали, и всѣ повалили въ школу. Скоро школа была биткомъ набита. Въ дверяхъ стояли евреи и не пускали никого изъ русскихъ.

— Это наказаніе Божіе за нашу спѣсь, за то, что мы слабы въ вѣрѣ! кричалъ раввинъ.

Евреи голосили, разобрать ничего нельзя было, унять тоже. Всѣ ругали Дворкиныхъ, а особенно Янкеля, который сидѣлъ, понуривъ голову.

— Изгнать изъ общества! кричали въ одномъ мѣстѣ.

— Они всѣ свѣчки скупили и продаютъ по два злота фунтъ!

Цѣлыхъ два часа шла кутерьма. Раввину большого труда стоило возстановить спокойствіе, и когда стало немного тише, онъ началъ:

— Слушайте! Такіе случаи у насъ, въ еврейскомъ народѣ, довольно рѣдки. Они посылаются Богомъ за наши преступленія... Но видитъ Богъ, что наши преступленія происходятъ не отъ насъ. Мы народъ несвободный... Настоящій случай надо отнести къ безпечности Дворкиныхъ, которые довели свою рабыню до самоубійства, а насъ до позора...

Народъ закричалъ. Всѣ кинулись на Дворкиныхъ и Богъ-знаетъ, чтó бы случилось, еслибъ не явилась полиція.

— У насъ свой судъ! Еврейка наша, мы ее и похоронимъ, а съ Дворкиными раздѣлаемся сами.

— Позвать на свидѣтельство госпитальнаго доктора, который евреевъ лечитъ! кричали евреи. Но полицейскіе успѣли оттереть Дворкиныхъ, которые были до того избиты, что едва держались на ногахъ.

За полицейскими народъ повалилъ къ Дворкинымъ. Тамъ началась драка полицейскихъ съ евреями, которые просили оставить трупъ до завтра. Но полицейскіе сняли трупъ, положили на землю и послали за городскимъ врачомъ. Врача въ городѣ не оказалось и трупъ унесли въ полицію при ожесточенныхъ крикахъ евреевъ.

— Ну, голубчикъ! гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ всегда сойдется. Хоть ты и хорошъ, а я тебя возьму въ кутузку! проговорилъ благодѣтель-частный Янкелю и велѣлъ взять его съ сыновьями.

— Но чѣмъ же мы виноваты? вѣдь она повѣсилась! говорили Дворкины.

— Все-равно; я васъ беру для безопасности.

И Дворкиныхъ увели въ полицію.

Народъ не пошелъ за ними, но долго стоялъ у дома Дворкиныхъ и вопилъ, что не слѣдовало бы изъ-за дѣвчонки поднимать такой гвалтъ, потому что теперь начнутся спросы, да вопросы, а, пожалуй, и раскошелиться придется. Не унывала только одна Гитля.

Нарядившись въ лучшее платье, она пошла къ богатому кущу еврею, и рассказала о несчастіи, постигшемъ ея мужа, Янкеля и Шмуеля.

Къ вечеру Дворкины явились домой, но уже безъ пейсиковъ, которые не скоро отростутъ!

С. Рѣшетниковъ.

ПѢСНЯ О ГАЙАВАТѢ.

ПОЭМА ЛОНГФЕЛЛО.

(Окончаніе) *.

VII.

СВАДЬБА ГАЙАВАТЫ.

Разскажу теперь о томъ я,
Какъ прекрасный По-Пок-Кивисъ
Забавлялъ гостей на свадьбѣ
Гайаваты чудной пляской;
И о томъ, какъ Чайбайабось,
Музыкантъ изъ всѣхъ первѣйшій,
Пѣсни пѣлъ любви и страсти;
А Ягу, хвастунъ великій,
Удивительный разскащикъ,
Говорилъ свои тамъ сказки
О чудесныхъ приключеньяхъ,
Чтобы пиръ былъ веселѣе,
Чтобы время шло пріятнѣй,
Чтобы гости не скучали.

Хлопотливая Накомисъ
По деревнѣ разслала
Посланцовъ, съ вѣтвями нвы,
Въ знакъ большаго приглашенья
На большое пированье.
Собрались на свадьбу гости,
Нарядясь какъ можно лучше,
Въ дорогихъ изъ мѣха платьяхъ,
Въ поясахъ и ожерельяхъ,

* Предъидущія главы напечатаны въ №№ 5, 6 и 10 «Отеч. Записокъ» 1868 года.

Пестрымъ вампумомъ * блистая,
Разрисовкой лицъ затѣвной,
Краской, перьями, кистями.

Приглашеннымъ подавали
Осетра большаго, Наму,
Также щуку Масконозу,
Дальше пимиканъ ** толченый,
Ляжку лани, горбъ бизона,
Посмо-жолтыя лепешки
Изъ мандамина *** и риса.
Но любезный Гайавата,
Миннегага и Накомисъ
Не участвовали въ пирѣ,
Лишь заботились о прочихъ,
Лишь гостямъ служили молча.

И когда всѣ гости вдоволь
Ужъ насытились, Накомисъ,
Суевливая, живая,
Принесла мѣшокъ изъ выдры
И наполнила ихъ трубки
Табаккомъ изъ странъ полудня,
Перемѣшаннымъ съ корою
Красной ивы и трухою
Изъ душистыхъ травъ и листьевъ.

И сказала: «По-Пок-Кивисъ!
Пропляши свои намъ пляски,
«Танцемъ нищаго» потѣшь насъ,
Чтобы пиръ былъ веселѣ!»
Былъ искусенъ По-Пок-Кивисъ
Въ разныхъ играхъ и забавахъ;
Покататься ли на лыжахъ,
Понграть ли въ мячъ и свайку,
Все онъ зналъ, во всемъ былъ ловокъ.
Правда, войны прозвали
По-Пок-Кивиса трусишкой,

* Вампумъ—маленькіе шарики изъ разноцвѣтныхъ раковинъ, которые сѣвероамериканскіе индійцы употребляютъ вмѣсто монеты, и которыми также украшаютъ свои пояса, въ видѣ украшенія.

** Пимиканъ—высушенное и истолченное мясо оленя или буйвола.

*** Мандаминъ—мансъ, кукуруза.

Но не думалъ онъ вниманья
 Обращать на ихъ насмѣшки,
 Потому что и у женщинъ
 И у дѣвушекъ любимцемъ
 Былъ красавецъ По-Пок-Кивисъ.

На пиру у Гайаваты
 Онъ въ рубашкѣ былъ изъ бѣлой
 Мягкой кожи дикой лани,
 Въ шитыхъ кожаныхъ штиблетахъ,
 И въ козловыхъ мокасанахъ*.
 Весь нарядъ былъ разукрашенъ
 Горностаевой обшивкой,
 Зернью раковинокъ пестрыхъ
 И ежовою щетиной.
 Остальной уборъ былъ тоже
 Щегольской: подъ головою
 Пухъ лебяжій въ видѣ перьевъ,
 И хвосты лисицъ на пяткахъ,
 И въ рукѣ держалъ онъ вѣеръ,
 А въ другой имѣлъ онъ трубку.
 А лицо его сіяло
 Все въ полоскахъ разноцвѣтныхъ, —
 Красныхъ, желтыхъ, синихъ, алыхъ, —
 Со лба падали на плечи
 Двѣ косы, лоснясь отъ масла,
 Раздѣленные поженски
 И увитыя плетеной
 Изъ душистыхъ травъ и злаковъ.
 Вотъ каковъ былъ По-Пок-Кивисъ
 Въ ту минуту, какъ при звукѣ
 Пѣсенъ, бубновъ и свирѣлей
 Всталъ, по вызову Накомисъ,
 Средь гостей нетерпѣливыхъ.

Онъ плясалъ сначала тихо,
 Важенъ въ жестахъ и движеньяхъ,
 То входя подъ тѣнь деревьевъ,
 То являсь на полянѣ,
 Выступая плавно, мѣрно,
 Осторожно какъ пантера.

* Мокасаны или мокасаны — башмаки безъ подошвъ, обыкновенно сдѣланные изъ оленьей кожи, обувы американскихъ индейцевъ.

Послѣ — шибче, шибче, шибче
 Сталъ кружиться, началъ прыгать
 Черезъ гостей ошеломленныхъ,
 И понесся вокругъ вигвама
 Такъ стремительно, что въ пляскѣ
 Листья вмѣстѣ съ нимъ кружились,
 Такъ что пыль, смѣшавшись съ вѣтромъ,
 Вкругъ него вздымалась вихремъ.
 А потомъ онъ въ бурной пляскѣ
 Точно бѣшенный помчался
 По песчаному побережью
 Гитчи-Гюми. Тамъ ногами
 Ударялъ въ песокъ сыпучій,
 И взметалъ его на воздухъ,
 Такъ что вѣтеръ несся вихремъ,
 А песокъ, подобно вьюгѣ,
 Застилалъ отъ глазъ окрестность,
 Падалъ на землю буграми —
 И усѣялъ берегъ моря
 Весь холмами Нѣго-Воджу *
 Кончилъ пляску По-Шок-Кивисъ,
 И съ улыбкою веселой
 Сѣлъ опять среди собранья,
 Освѣжаясь опахаломъ
 Изъ крыла индѣйской птицы.

И тогда всѣ обратились
 Съ просьбой къ другу Гайаваты —
 И пѣвцу и музыканту, —
 Говоря: «О, Чайбайабось,
 Позабавь насъ, спой намъ пѣсню,
 Чтобы пиръ былъ веселѣе,
 Чтобы время шло пріятнѣй,
 Чтобы гости не скучали».

И запѣлъ съ глубокимъ чувствомъ,
 Сладко, нѣжно Чайбайабось
 Пѣсню страсти и томленья,
 То смотря на Гайавату,
 То смотря на Миннегагу:

«Встань, проснися, дорогая
 Ты, простой цвѣточекъ дикой,

* Нѣго-Воджу — песчанна дны Верхняго озера.

Ты, щебечущая птичка,
Съ вроткимъ взглядомъ дикой лани!

«На меня едва ты взглянешь —
Я такъ счастливъ, я такъ счастливъ,
Точно лилія въ долину
Подъ прокладною росой!

«Сладко мнѣ твое дыханье,
Какъ цвѣтовъ благоуханье,
Какъ ихъ запахъ утромъ, или
Въ тихій вечеръ Листопада! *

«Кровь моя, играя, рвется
И спѣшитъ тебѣ на встрѣчу,
Какъ ростки на встрѣчу солнцу,
Въ теплый мѣсяцъ ясной ночи! **

«При тебѣ душа ликуетъ,
Сердце пѣснь поетъ въ восторгѣ,
Какъ поютъ, вздыхая, вѣтви,
Въ жаркій мѣсяцъ земляники! ***

«Загрустишь ли ты порою —
И моя душа мрачится,
Какъ поверхность свѣтлой рѣчки
Подъ нависшей черной тучей.

«А когда ты улыбнешься —
Сердце снова засіяетъ,
Какъ сіяетъ зыбь рѣчная,
Поднимаемая вѣтромъ.

«Пусть земля, вода и небо
Улыбаются и блещутъ,
Улыбаться не могу я,
Если нѣтъ тебя со мною!

«О, проснись, моя отрада!
Кровь трепещущаго сердца
Моего, вставай, проснись,
На меня взгляни скорѣе!»

* Листопадъ—сентябрь.

** Мѣсяцъ ясныхъ ночей—апрѣль.

*** Мѣсяцъ земляники—июнь.

Такъ окончилъ Чайбайабось
 Пѣсню страсти и томленья,
 Среди похвалъ всеобщихъ.
 И Ягу, хвастунъ великій,
 Соревнуя музыканту,
 Всѣхъ гостей обвелъ глазами —
 И, по взглядамъ ихъ и жестамъ,
 Увидалъ, что всѣ желаютъ,
 Повѣстей его послушать,
 Изъ безмѣрной жи сплетенныхъ.

Былъ Ягу хвастунъ извѣстный,
 И во всемъ хотѣлъ быть первымъ:
 Чуть рассказъ какой услышитъ —
 На него своимъ отвѣтитъ;
 Приключенье ль то какое —
 Съ нимъ случались и почище!
 Иль отважный смѣлый подвигъ —
 О! онъ дѣлалъ не такіе!
 Иль диковинная повѣсть —
 Онъ расскажетъ почуднѣе!
 Только бы его послушать,
 Только бы ему повѣрить,
 То никто съ такою силой
 Не умѣлъ стрѣлять изъ лука,
 Не убилъ такъ много дичи,
 Не поймалъ такъ много рыбы,
 Иль бобровъ такую пропасть,
 Какъ Ягу, во всемъ искусный.
 И никто не могъ сравниться
 Съ нимъ ни въ плаваньи, ни въ бѣгѣ
 И никто такъ много въ жизни
 Не постранствовалъ по свѣту,
 И чудесъ такихъ не видѣлъ,
 Какъ Ягу, повсюду первый,
 Краснобай неистоцимъ!

Такъ что имя это стало
 Ужъ пословицей въ народѣ;
 И когда какой охотникъ
 Начиналъ не въ мѣру хвастать,
 Иль вернувшись съ битвы воинъ
 Черезчуръ распространялся

О своихъ дѣяняхъ смѣлыхъ,
 То всѣ слушатели громко
 И начнутъ кричать, бывало,
 «Вотъ Ягу! Ягу пришелъ къ намъ!»

Онъ когда-то Гаѣаватѣ
 Сдѣлалъ липовую люльку,
 Онъ потомъ училъ ребенка
 Дѣлать луки и колчаны,
 А теперь, почетнымъ гостемъ
 Онъ присутствовалъ на свадьбѣ
 У того же Гаѣаваты,
 Старый, дряхлый, безобразный,
 Но расказчикъ несравненный.

И къ нему пристали съ просьбой:
 «Ну, Ягу, скажи намъ сказку,
 Чтобы пиръ былъ веселѣе,
 Чтобы время шло пріятнѣй,
 Чтобы гости не скучали!»
 И Ягу отвѣтилъ тотчасъ:
 «Вы услышите разказъ мой
 О чудесныхъ приключеньяхъ,
 Удивительную повѣсть
 О волшебникѣ Оссео! —

VIII.

П и с ь м е н а .

Разъ съ собою Гаѣавата
 Размышлялъ: «Какъ все на свѣтѣ
 Блекнетъ, гибнетъ, исчезаетъ?
 Гаснутъ въ памяти народа
 Всѣ великія преданья,
 Славныхъ воиновъ побѣды,
 Приключенья звѣролововъ,
 Мудрость мидовъ и вѣиновъ
 И видѣнія и грезы
 Прозорливыхъ джосакадовъ!»*

«На могилахъ нашихъ предковъ
 Нѣтъ фигуръ, не видно знаковъ;

* Миды—врачи; вѣины—чудесники, волшебники; джосакады—пророки.

Кто лежитъ въ могилахъ этихъ —
 Мы не знаемъ, знаемъ только,
 Что лежать тамъ наши предки.
 Что за родъ ихъ; что за племя,
 Это все намъ неизвѣстно,
 Лишь одно сказать мы можемъ:
 «Это были наши предки».

«Находясь другъ съ другомъ вмѣстѣ,
 Разговаривать мы можемъ,
 Но друзьямъ вдали живущимъ
 Голоса не слышны наши.
 Мы не можемъ тайной вѣсти
 Передать имъ, развѣ только
 Черезъ посланца, который
 Можетъ выдать нашу тайну,
 Исказать, переначить
 И открыть кому не должно».

Такъ съ собою Гайавата
 Разсуждалъ въ лѣсу пустынномъ,
 Много думая о благѣ
 Имъ любимаго народа.

Изъ мѣшка онъ вынулъ краски
 Разноцвѣтныя, и ими
 Много образовъ и знаковъ
 И фигуръ нарисовалъ онъ.
 Каждый знакъ и каждый образъ
 Означалъ иль мысль иль слово.

Гитчи-Манито представленъ
 Былъ яйцомъ; на немъ четыре
 Выдающіяся точки,
 По числу вѣтровъ небесныхъ.
 Это, въ мысли Гайаваты,
 Означало, что Великій
 Духъ находится повсюду.

Гитчи-Манито могучій,
 Духъ ужасный зла представленъ
 Былъ во образѣ большаго
 Пресмыкавшагося змія.
 Этимъ образомъ означилъ

Гайавата, что боварентъ
 И хитеръ духъ зла могучій.
 Все, что видимъ мы въ природѣ,
 Свой особый знакъ имѣло:
 Жизнь и смерть, земля и небо,
 Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, люди,
 Звѣри, птицы, рыбы, гады,
 Горы, рѣки и озера.

Жизнь и смерть изобразилъ онъ
 Въ видѣ двухъ круговъ: для жизни —
 Бѣлый кругъ, для смерти — черный;
 Для земли — черта прямая,
 Для небесъ, дуга надъ нею;
 Между ними — для дневнаго
 Свѣта бѣлое пространство;
 Группа звѣздъ на немъ — для ночи;
 Слѣва — точка для востока,
 Справа — точка для заката,
 Сверху — точка для прилива,
 И волнистыя полоски
 Изъ нея, для непогоды.

Слѣдъ двухъ ногъ, въ вигвамъ идущихъ,
 Былъ символомъ приглашенья;
 Руки, подняты къ небу
 И запятнанныя кровью,
 Были знакомъ разрушенья,
 Знакомъ вызова и мести.

Эти знаки Гайавата
 Показалъ, съ истолкованьемъ,
 Удивленному народу,
 Говоря: «Могилы ваши
 Не имѣютъ надъ собою
 Никакихъ фигуръ и знаковъ:
 Напишите на столбахъ ихъ
 Каждый — свой домашній символъ,
 Для того, чтобъ ваши внуки
 Знать могли и различать ихъ».

И они изобразили
 На столбахъ могилъ извѣстныхъ

Каждый — свой домашній символъ:
 Кто оленя, кто медвѣдя,
 Кто орла, кто черепаху,
 Въ знакъ, что въ этой-де могилѣ
 Погребенъ начальникъ рода,
 И что вождь, носившій символъ,
 Тлѣетъ въ прахѣ подъ землею.

Много образовъ тамъ было:
 И великій духъ — Создатель,
 Свѣтомъ небо обдающій;
 И великій змій, Кинабригъ,
 Съ поднятымъ кровавымъ гребнемъ;
 И сіяющее солнце,
 И ущербъ луны на небѣ,
 И орлы и пеликаны,
 И ходящіе по небу
 Люди безъ головъ, и трупы,
 Устилающіе землю;
 И кровавыя ладони,
 Угрожающія смертью,
 И великіе герои,
 Охватившіе руками
 Небеса и землю разомъ.

Въ этихъ знакахъ и фигурахъ
 На берестѣ и на кожѣ
 Люди пѣсни начертали —
 Пѣсни битвы и охоты,
 Волшебства и врачеванья.

Не была тутъ позабыта
 Пѣснь любви, изъ всѣхъ цѣлебныхъ
 Средствъ тончайшее лекарство,
 Волшебство надъ волшебствами,
 Ядъ, опаснѣйшій чѣмъ стрѣлы!
 И она изображалась
 Такъ:

Воцервухъ — красной краской
 Намалевана фигура
 Человѣка. То — любовникъ
 Музыкантъ, и это значить:

Живопись даетъ мнѣ силу
Надъ другими.

Дальше — тоже
Ярко-красная фигура,
Но въ сидячемъ положеньи,
Съ пѣньемъ бьетъ въ волшебный бубень.
Смысль такой тутъ заключался:
«Это ты мой голосъ слышишь
Это я пою; внимай мнѣ!»

Дальше — та-жъ фигура, только
Ужъ сидящая въ вигвамѣ.
Это значило: «съ любовью
Я приду къ тебѣ въ вигвамъ твой,
И сидѣть съ тобою буду!»

Дальше двѣ уже фигуры:
Женщина и съ ней мужчина.
Руки ихъ такъ тѣсно вмѣстѣ
Соединены, какъ будто
Нераздѣльны. Это значить:
«Въ сердцѣ я твоемъ все вижу
И краснѣешь ты стыдливо!»

Дальше — дѣвушка въ среднѣ
Островѣ; и это значить:
«Хоть бы ты была далеко
Отъ меня, но такъ ко мнѣ ты
Приворожена, такъ сильны
Чары страсти надъ тобою,
Что мнѣ стоитъ лишь подумать —
И ты здѣсь вдругъ очутишься.»

Дальше видѣлась фигура
Спящей дѣвушки; надъ нею,
Наклонясь, стоитъ влюбленный
И сквозь сонъ ей шепчетъ въ ухо.
Смысль: «хотя ты и далеко,
Въ царствѣ сна, но и дотуда
Долетить къ тебѣ мой голосъ!»

Наконецъ, послѣдній образъ:
Видно сердце, въ серединѣ

Заколдованнаго круга.
 Это значить: «предо мною
 Сердце все твое открыто
 И я съ нимъ веду бесѣду!»

Такъ премудрый Гайавата
 Научилъ народъ искусству —
 Выражать въ фигурахъ мысли
 На берестѣ и на кожѣ,
 И на столбикахъ могильныхъ.

IX.

П р и в и д ѣ н ѣ я .

Стоять коршуну спуститься
 Одному въ степи на падалъ,
 Какъ другой такой же коршунъ
 Съ высоты своей воздушной
 Вмигъ полеть его замѣтитъ
 И за нимъ туда жь стремится.
 За другимъ слетаегь третій,
 Появляясь въ эфирѣ
 Прежде чуть замѣтной точкой,
 Послѣ коршуномъ крылатымъ, —
 Тамъ четвертый... такъ что воздухъ
 Весь отъ крыльевъ потемнѣетъ.

И несчастье не приходитъ
 Никогда одно безъ многихъ,
 Бѣды точно выжидаютъ
 Сторожать одна другую:
 Чуть одна свалится, смотришь —
 Ужь другія сыплють, сыплють,
 Точно стадо собираясь
 Вкругъ своей несчастной жертвы,
 И ложатся ей на сердце
 Прежде тѣнью, послѣ тучей,
 Послѣ мракомъ непрогляднымъ,
 Такъ что все въ глазахъ страдальца
 Отъ отчаянья померкнетъ.

Вотъ надъ сѣверомъ печальнымъ
 Распростерся зимній холодъ

Пибоннъ * суровый, дунувъ
 На озера и на рѣки,
 Превратилъ ихъ воды въ камень.
 Съ головы своей косматой
 Отряхалъ онъ хлопья снѣга
 До того, что всѣ долины
 Ровнымъ пологомъ покрылись,
 Непрерывной бѣлизною;
 По лѣснымъ пустыннымъ дебрямъ
 Въ лыжахъ носится охотникъ,
 Жены сѣли за работу:
 Кто толокъ ядреный маисъ,
 Кто мочилъ оленью кожу;
 Молодежь въ снѣжки играла,
 Иль, скользя, каталась по льду.

Темнымъ вечеромъ однажды,
 У огня вигвама сядя,
 Миннегага и Накомисъ
 Поджидали Гайавату,
 Возвращавшагося съ ловли.

Въ очагѣ огонь, пылая,
 Разрисовывалъ ихъ лица
 Полосами алой краски,
 И мерцалъ въ глазахъ Накомисъ
 Свѣтомъ луннымъ, водянистымъ,
 А въ глазахъ у Миннегаги
 Отражался блескомъ солнца.
 Позади ихъ шевелились
 Тѣни ихъ, въ углахъ вигвама,
 Дымъ вился подобно кольцамъ,
 И волнистыми клубами
 Собираясь и тѣсняясь,
 Рвался сквозь трубу на воздухъ.

Вдругъ дверная занавѣса
 Приподнялася снаружи:
 На одну минуту пламя
 Ярче вспыхнуло въ жаровнѣ,
 На одинъ моментъ отхлынулъ
 Дымъ, влублившійся надъ нею, —

* Пибоннъ — зима.

И двѣ женщины явились
 На порогѣ, потихоньбу
 Проскользнули внутрь вигвама.
 Не сказавъ хозяйкамъ слова,
 Не привѣтствуя ихъ взглядомъ,
 И въ тѣни усѣлись молча.

По наружности, одеждѣ,
 Видно было, что чужія
 Эти женщины въ деревнѣ;
 Очень блѣдны, грустны, мрачны
 Были лица ихъ, и ежась,
 И дрожа, онѣ сидѣли
 Тамъ, окутанныя тѣнью.

Вотъ домой съ своей охоты
 Воротился Гаѳавата;
 Волоса его покрыты
 Были снѣгомъ и на плечахъ
 Несъ онъ мертваго оленя.
 Онъ у ногъ жены добычу
 Положилъ и величавѣй
 И прекраснѣй показался
 Миннегагѣ онъ, чѣмъ прежде,
 Чѣмъ когда принесъ впервые
 Ея убитаго оленя,
 Въ знакъ того, что полюбилъ онъ
 И пришелъ ее посватать.

И затѣмъ онъ обернулся
 И увидѣлъ незнакомогъ,
 И сказалъ онъ самъ съ собою:
 «Кто онъ? Какія гости
 Странныя у Миннегаги!»
 Ни о чемъ онъ ихъ, однако,
 Не спросилъ, а только съ лаской
 Ихъ привѣтствовалъ, прося ихъ
 Раздѣлить съ нимъ кровь и пищу.

И когда готовъ былъ ужинъ,
 И олень ужъ былъ разрѣзанъ,
 Обѣ гости вдругъ вскочили,
 Жадно бросились къ оленю,
 Не спросясь захватили

Всѣ отборные кусочки,
Бѣлый жиръ, что Гайавата
Отложилъ для Миннегаги,
Сѣбли все и ускользнули
Снова въ самый дальній уголь.

Имъ ни слова Гайавата
Не сказалъ на эту дерзость;
Ни движеніемъ, ни взглядомъ
Имъ не выразили гнѣва
Миннегага и Набомисъ;
Лишь тихонько Миннегага
Прошептала, съ состраданьемъ:
«Какъ онѣ проголодались!
Пусть ѣдятъ, ихъ мучитъ голодь!»

Много дней возшло на небѣ,
День за днемъ сидѣли гости,
Неподвижно и безмолвно,
По ночамъ же выходили
Въ лѣсъ онѣ, чтобы оттуда
Принести сосновыхъ шишекъ,
Или хворосту для топки.

Каждый разъ, что Гайавата
Возвращался съ рыбной ловли
Иль охоты, гости тотчасъ,
Только что готовъ былъ ужинъ,
Изъ угла къ нему бросались,
Брали лучшіе кусочки
И безъ всякаго отпора
Иль вопроса отъ хозяевъ
Сѣвши все, садлись въ уголь.
И ни разу Гайавата,
Миннегага и Накомисъ
Словомъ, жестомъ или взглядомъ
Ихъ за то не упрекнули.
Все они сносили молча
Отъ гостей, чтобы заслуга
Добровольнаго даанья
Не умалилась отъ взгляда,
Чтобы долгъ гостепріимства
Не былъ словомъ ихъ нарушенъ.

Вотъ, однажды, Гайавата
 Въ полночь слышитъ чьи-то стоны,
 Чьи-то вздохи и рыданья.
 Всталъ онъ со своей постели
 Изъ косматыхъ шкуръ бизона,
 И, при трепетномъ мерцаньи
 Потухающей жаровни,
 Увидалъ, что это гостыи,
 На своихъ постеляхъ сидя,
 Въ тишинѣ полночной плачуть.

И сказалъ: «О гостыи, что такъ
 Ваше сердце удручаетъ,
 Что рыдаете вы въ полночь?
 Ужь не старая ль Накомись,
 Иль, быть можетъ, Мпннегага
 Чѣмъ нибудь васъ огорчила, —
 Грубымъ словомъ, гнѣвнымъ взглядомъ
 И нелаской, позабывши
 Долгъ святой гостепрѣимства?»

Гостыи плакать перестали,
 Ихъ рыданья вдругъ умолкли,
 И онѣ сказали тихо:
 «Мы людей умершихъ души,
 Души въ землю погребенныхъ,
 Что когда-то жили съ вами,
 И теперь сюда изъ царства
 Чайбайабоса пришли къ вамъ
 Мы затѣмъ, чтобъ испытать васъ
 И подать благой совѣтъ вамъ.

Къ намъ въ селенія блаженныхъ
 Часто вопли долетаютъ!
 Эти вопли, эти крики
 Удручаютъ насъ напрасно
 Безполезною печалью.
 Потому-то и пришли мы
 Къ вамъ сюда, чтобъ испытать васъ:
 Но никто насъ тутъ не знаетъ,
 Никому до насъ нѣтъ дѣла,
 Мы для васъ одно лишь бремя,
 И мы видимъ, что умершимъ
 Мѣста нѣтъ между живыми!»

«О, подумай, Гайавата,
Ты объ этомъ хорошенько,
И скажи всему народу,
Чтобъ огниѣ и на вѣки
Люди воплямъ своимъ
Не тревожили усопшихъ».

Тѣни смолкли, — и внезапно
Весь вигвамъ покрылся тьмою;
Изумленный Гайавата
Услыхалъ какой-то шорохъ,
Точно-будто кто одеждой
Прошумѣлъ, скользнувши мимо;
Увидалъ, что занавѣска
Надъ порогомъ поднялася
Отъ руки ему незримой;
Ощутилъ ночную свѣжесть,
Увидалъ ночныя звѣзды
И затѣмъ все стихло снова.

X.

Г о л о д ѣ .

Наступилъ жестокой холодъ.
Ледъ все толще становился
На рѣкахъ и на озерахъ;
Снѣгъ все гуще, чаще падалъ
На замерзнувшую землю;
По лѣсамъ и по долинамъ
Выли вьюги и метели,
Нанесли онѣ сугробовъ,
Занесли онѣ деревню,
И едва-едва охотникъ
Могъ пробиться изъ вигвама,
Погребеннаго подъ снѣгомъ.

Но напрасно онъ, на лыжахъ,
По лѣснымъ бродилъ трущобамъ,
Никакой не находилъ онъ
Тамъ добычи, не видалъ онъ
На снѣгу слѣдовъ оленя,
Или зайца, или птицы,
Лѣсъ былъ мертвъ и пустъ и мраченъ
И, безъ силъ, охотникъ падалъ,

И уже не могъ подняться
Вновь отъ голода и стужи.

Истощилъ всю землю голодъ,
Изнурила лихорадка,
И поднялся вопль великій —
Плачь дѣтей и стоны женщинъ!
Голодалъ окрестный воздухъ,
Голодало даже небо,
Голодали въ небѣ звѣзды,
И съ него, подобно сотнѣ
Жадныхъ волчьихъ глазъ, смотрѣлп.

И въ жилищѣ Гайаваты
Появились два гостя, —
Такъ же мрачны, молчаливы
Какъ и тѣ, что были прежде —
Появились безъ зова,
Не привѣтствуя хозяевъ,
И усѣлись не спросися
На скамейкѣ Миннегаги.

И одинъ изъ нихъ сказалъ ей:
«Вотъ я: Голодъ, Бюкадэвинъ!»
А другой сказалъ ей: «Вотъ я
Лихорадка, Авазининъ!»

Содрогнулась Миннегага
И, закрывъ лицо руками,
Въ страхѣ бросилась въ постелю,
И дрожала и горѣла
Тамъ она отъ этихъ взглядовъ
И отъ словъ гостей ужасныхъ.

Снарядившись для охоты,
Взявши лукъ свой ясеновый
Съ полнымъ мѣткихъ стрѣлъ болчаномъ,
Въ шубѣ, въ темныхъ рукавицахъ
Гайавата въ лѣсъ помчался,
Въ сердцѣ съ смертною тоскою
И съ лицомъ окаменѣлымъ.
На челѣ его утрюмомъ
Капли пота выступали
И, мгновенно замерзая,
Такъ на немъ и оставались.

«Гитча-Маниту могучій!
 Онъ вскричалъ, воздѣвши руки,—
 «Нашъ отецъ! дай пищи дѣтямъ,
 Дай намъ пищи—плъ погребнемъ!
 Пищи дай для Миннегаги:
 Умираетъ Миннегага!»
 По отзывчатому лѣсу
 Крикъ отчаянья раздался,
 Но напрасно Гайавата
 Ждалъ отвѣта; только эхо
 Въ дальнихъ чащахъ повторило:
 «Миннегага! Миннегага!»

Цѣлый день въ лѣсу пустынномъ
 Онъ бродилъ въ тѣхъ самыхъ чащахъ,
 Гдѣ въ веселые дни лѣта
 Шелъ онъ изъ земли дакатовъ
 Въ свой вигвамъ, съ женой прекрасной.
 Въ это памятное лѣто
 Лѣсъ шумѣлъ зеленой листвою,
 Птицы въ немъ такъ громко пѣли,
 Ручейки, блестя, журчали,
 И душистъ былъ теплый воздухъ,
 А смѣющаяся Струйга
 Твердымъ голосомъ сказала:
 «Я пойду съ тобою, мужъ мой!»

Между тѣмъ въ своемъ вигвамѣ
 Подъ надзоромъ двухъ незваныхъ
 И непрошенныхъ пришельцевъ
 Голода и лихорадки
 Умирала Миннегага.

«Чу! — она сказала бабѣ —
 Чу! я слышу плескъ и грохотъ
 Водопадовъ Миннегаги!»
 «Нѣтъ, дитя мое, — Накомись
 Отвѣчала, — это сосны,
 Это лѣсъ шумить отъ вѣтра!»

«Посмотри-ка: вонъ — отецъ мой:
 Онъ стоитъ въ своемъ вигвамѣ
 Одинокъ у порога
 И киваетъ мнѣ оттуда!»

«Нѣтъ, дитя, тебѣ киваетъ
Дымъ, и вверхъ и внизъ колеблясь».

«Ай! — вскричала Миннегага —
Ахъ какъ страшно смотритъ Погockъ *
Вотъ онъ пальцами своими
Ледяными сжалъ мнѣ руки...
Гайавата! Гайавата!»

И за много миль оттуда,
Между горъ, въ лѣсу дремучемъ,
Гайавата, съ болью въ сердцѣ,
Услыхалъ тотъ крикъ внезапный,
Чтоъ зывалъ къ нему тоскливо:
«Гайавата! Гайавата!»
По бѣлѣющимъ равнинамъ,
Подъ нависшими вѣтвями,
Онъ стремительно помчался
Въ свой вигвамъ съ тяжелымъ сердцемъ
И съ руками безъ добычи.
И услышалъ у порога
Причитанія Накомръсъ:
«Вагономинъ, Вагономинъ!
Ахъ, зачѣмъ не я погибла!
Не тебѣ, а мнѣ бы нужно
Умереть, моя родная!»

А въ вигвамѣ онъ увидѣлъ
Трупъ холодный Миннегаги,
У котораго сидѣла
Бабка старая Накомпсъ
И, погачиваясь тихо,
Завывала съ причитаньемъ.

И изъ сердца Гайаваты
Вывался такой ужасный
Крикъ отчаянья, что лѣсъ весь
Застоналъ и содрогнулся,
И что даже звѣзды въ небѣ
Отъ него затрепетали.

Сѣлъ безмолвно Гайавата
На постелю Миннегаги,

* Погockъ — смерть.

Возлѣ ногъ жены умершей,
 Возлѣ ногъ, что никогда ужь
 Не пойдутъ ему на встрѣчу!
 Онъ закрылъ лицо руками
 И сидѣлъ семь сутокъ сряду
 Безъ движенья, безъ сознанья —
 Что теперь лежитъ надъ міромъ
 Свѣтъ дневной, иль тѣма ночная.

Схоронили Миннегагу,
 Сдѣлавъ ей въ снѣгу могилу
 Въ тишинѣ густаго лѣса
 Подъ тоскующею пихтой,
 Нарядивши трупъ холодный
 Въ богатѣйшія одежды
 И затѣмъ ее окутавъ
 Горностаевымъ покровомъ.
 Тамъ четыре ночи сряду
 Жгли костеръ, чтобъ освѣщаль ей
 Путь на острова блаженныхъ.
 Гайаватѣ изъ вигвама
 Тотъ костеръ въ лѣсу былъ видѣнъ;
 Часто онъ бессонной ночью
 Со своей вставалъ постели,
 Наблюдая, чтобы пламя
 Не погасло и во мракѣ
 Духъ умершей не остался.

И простился Гайавата
 Съ Миннегагою, взывая:
 «О, прости, моя отрада,
 Ты, смѣющаяся Струйка!
 Я свое въ могилѣ сердце
 Схоронилъ съ тобою вмѣстѣ,
 И стремлюсь я за тобою
 Всѣми мыслями моими!
 Не ходи уже ты больше
 Къ намъ, работать и томиться,
 Въ міръ, гдѣ голодъ, лихорадка
 Изнуряютъ духъ и тѣло.
 Скоро трудъ мой будетъ конченъ.
 И пойду я за тобою,
 Въ страны Вѣчнаго Понима
 Въ царство будущаго вѣка!

XI.

Слѣдъ вълаго.

У рѣки, въ своемъ жилищѣ,
 Надъ водою, покрытой толстымъ
 Льдомъ, сидѣлъ суровый старецъ,
 Одною и печальный.
 Волоса его подобны
 Были снѣжному сугробу,
 Въ очагѣ его горѣло
 Тускло, чуть замѣтно, пламя;
 И старикъ дрожаль и трясся,
 Завернувшись въ вобевайонъ —
 Ветхій плащъ изъ бѣлой кожи, —
 Ничего кругомъ не слыша,
 Кромѣ рева гнѣвной бури,
 Ничего во тьмѣ не видя,
 Кромѣ снѣга страшной вьюги,
 Чтò, свистя, визжа и воя,
 Въ вихрѣ бѣшено кружилась.

Угли всѣ уже покрылись
 Бѣлымъ тепломъ, угасая,
 Какъ предъ старцемъ появился
 Вдругъ какой-то незнакомецъ.
 Легкой поступью вошелъ онъ
 Въ дверь открытую вигвама,
 На его щекахъ цвѣтущихъ
 Краска юности играла,
 Кроткій свѣтъ его глубокихъ,
 Чудныхъ глазъ сіялъ мерцаньемъ
 Звѣздъ весеннихъ, лобъ украшенъ
 Былъ вѣнкомъ изъ травъ душистыхъ.
 Блескомъ солнца озаряла
 Весь вигвамъ его улыбка,
 А въ рукѣ держаль онъ свѣжій
 Пучъ цвѣтовъ, чтò все жилище
 Наполнялъ благоуханьемъ.
 «О, мой сынъ, воскликнулъ старецъ,
 Счастливъ я, тебя увидѣвъ!
 Сядь со мною на циновку,
 У золы едва горящей,
 Скоротаемъ ночь мы вмѣстѣ.
 Расскажи мнѣ, гдѣ бываль ты,

Что ты видѣлъ, и какія
Встрѣтилъ въ жизни приключенья;
А тебѣ поразскажу я
О своей великой силѣ,
О моихъ дѣлахъ чудесныхъ».

И старикъ при этомъ вынулъ
Изъ кармана трубку мира,
Очень старой, странной формы;
Онъ набилъ ее корою
Красной ивы, сверху уголь.
Положилъ, и эту трубку
Подаль юношѣ, и началъ
Свой разсказъ такую рѣчью:

«Я силенъ: когда дышу я —
Чуть дохну я на окрестность —
Рѣки всѣ недвижны стануть,
Воды всѣ окаменѣють!»

Гость ему на то съ улыбкой
Отвѣчалъ: «Когда дышу я —
Чуть дохну я на окрестность,
То мгновенно выбѣгають
Изъ земли цвѣты и травы.
Рѣки съ шумомъ вдаль несутся!»

«А когда встряхну своими
Я сѣдыми волосами, —
Продолжалъ старикъ суровый,
Мрачно хмурясь, — то мгновенно
Вся земля покрыта снѣгомъ,
Листья сыплются съ деревьевъ,
Сохнуть, блекнуть, погибають,
Потому что, стоитъ дунуть,
Только дунуть мнѣ — и нѣтъ ихъ!
Со своихъ озеръ и топей
Поднимаются въ испугѣ
Мангъ и вѣва и шух-шух-га*
И летять, летять далеко...
Потому что мнѣ лишь стоитъ
Молвить слово — и ужъ нѣтъ ихъ!»

* Нырокъ, дикій гусь и синяя цапля.

Гдѣ нога моя ступаетъ,
Тамъ бѣгутъ лѣсные звѣри,
Прячась въ норы и пещеры,
Какъ кремень земля твердѣетъ!»

«Стопть мнѣ тряхнуть кудрями, —
Молвилъ юноша смѣясь, —
Дождикъ теплый и пріятный
Съ шумомъ падаетъ на землю;
Весело свои головки
Поднимаютъ всѣ растенья,
И опять къ своимъ озерамъ
Улетаютъ гусь и цапля,
Мчится ласточка стрѣлою,
Возвращаясь во свояси.
Гдѣ моя нога ступаетъ,
Тамъ луга всѣ зеленѣютъ,
И волнуются цвѣтами,
Всѣ лѣса звучатъ отъ пѣсень,
А деревья всѣ темнѣютъ,
Отъ густой зеленой листвы!»

Ночь прошла въ такихъ бесѣдахъ,
И изъ дальнихъ странъ востока,
Изъ серебрянаго дома,
Какъ боецъ въ своемъ уборѣ,
Весь расписанный и пестрый,
Вышло солнце и сказало:
«Посмотрите, полюбуитесь
На меня, на солнце — гписиъ,
На великое свѣтло!»

И при этомъ появленьи
Отнялся языкъ у старца,
Всталъ пріятель, тенель воздухъ,
Стали сладко пѣть на кровлѣ
И опечи, и овейса *,
Зажурчалъ ручей прриво,
И разпесся по вигваму
Тихій запахъ травъ растущихъ.

И Сегвонъ **, — такъ звали гостя, —

* Опечи — репеловъ; овейса — маленькая синяя птичка изъ породы шоссилло.

** Сегвонъ — весна.

При разсвѣтѣ дня яснѣе
 Старика лицо увидѣлъ
 Ледяное, и узналъ онъ,
 Что съ Зимой онъ велъ бесѣду:
 То былъ Пибоанъ суровый!

Съ глазъ его бѣжали слезы,
 Какъ изъ тающаго снѣга
 Ручейки бѣгугъ весною,
 Тѣло стало умалиться,
 Осѣдать все больше, больше, —
 Между тѣмъ, какъ выше, выше
 Солнце въ небѣ восходило.
 Часть его исчезла въ воздухъ,
 Часть ушла въ сырую землю,
 И Сегвонъ, на самомъ мѣстѣ
 Очага, увидѣлъ первый,
 Самый ранній свѣтъ весенній,
 Мискодидъ * въ зеленыхъ почвахъ.
 Такъ весна пришла на сѣверъ,
 Послѣ страшной зимней стужи,
 Съ птицами, травой, цвѣтами,
 Съ жизнью, радостью и блескомъ.
 Направляясь на сѣверъ,
 Мчался лебедь манабизи;
 Въ длинныхъ линіяхъ волнистыхъ,
 Переломленныхъ на двое
 Съ врикомъ неся во-би-вэва,
 Бѣлый гусь; и, въ одиночку
 Или парами, летѣли
 Мангъ, нырокъ, звеня крылами,
 Цапля синяя шух-шух-га
 И тетерька мушкодаза.
 На лугахъ и въ чащахъ лѣса
 Щebetаль овейса синій;
 На гребнѣ вигвама сидя,
 Пѣлъ опери красногрудый;
 Подъ навѣсомъ темныхъ сосенъ
 Ворковаль омни, голубь, —
 И изъ мрачнаго вигвама
 Гайавата, опѣмѣвшій
 Отъ печали безпредѣльной,

* Мискодидъ—красота весны. *Cladonia Virginica*.

Услыхалъ ихъ звонный голосъ,
Звукъ ихъ призывныхъ пѣсенъ;
Вышелъ онъ на теплый воздухъ,
Глянулъ пристально на небо,
И на землю и на воды.

Изъ своихъ скитаній дальнихъ
Въ страны Вэбона *, къ востоку
Той порой Ягу вернулся,
Полный чудныхъ приключеній
И неслыханныхъ диковинъ.
Вся деревня собралася
Чтобъ его рассказы слушать,
Только всѣ надъ нимъ смѣялись,
Говоря: «вотъ, ужъ и видно,
Что Ягу пришелъ: другому
Никому не удастся
Чудеса тавія видѣть.»

Онъ рассказывалъ: «Я видѣлъ
Море—больше Гитчи-Гюми,
И съ водой такою горькой,
Что никто и пить не можетъ!»
Слушатели посмотрѣли
Другъ на друга, улыбнулись
И сказали: «вотъ такъ чудо!»

«И на немъ, на этомъ морѣ —
Продолжалъ Ягу, — шла лодка
Съ крыльями, и пребольшая...
Какъ сказать? ну, больше роши,
Выше самыхъ длинныхъ сосенъ!»
Старики, мужчины, бабы
Межъ собой переглянулись
И хихикнули лукаво;
«Нѣтъ! — они на то сказали, —
Нѣтъ! мы этому не вѣримъ!»

«Изъ жерла той лодки вышли, —
Продолжалъ опять рассказчикъ, —
Громъ и молнія!» — При этомъ
Всѣ смѣяться громко стали

* Вэбонъ — востокъ.

Надъ бѣдняжкой, и сказали:
«Что за вздоръ ты намъ городишь!»

«Въ ней, — сказалъ Ягу, — въ той лодкѣ,
Въ той большой, крылатой лодкѣ,
Сотню воиновъ я видѣлъ,
И у всѣхъ ихъ были лица
Бѣлой выкрашены краской,
Бороды жъ покрыты были
Волосами». Всѣ при этомъ
Надъ Ягу захохотали
И закаркали съ насмѣпкой,
Какъ вороны на деревьяхъ.

И одинъ лишь Гайавата
Не смѣялся, а серьезно
Отвѣчалъ на ихъ насмѣшки:
«Нѣтъ, Ягу сказалъ намъ правду;
То-жъ являлось мнѣ въ видѣннѣ.
Видѣлъ я большую лодку
Съ крыльями, людей я видѣлъ
Бѣлолицыхъ съ бородами.
Шли они изъ странъ востока.

«Гитчи-Манито могучій,
Онъ, Великій Духъ — Создатель
Шлетъ ихъ къ намъ, съ своимъ велѣньемъ.
Гдѣ живутъ они — повсюду
Тамъ кишать, роятся амо,
Пчелы, дѣлаючи меда;
Гдѣ нога ихъ только ступить,
Тамъ растеть цвѣтокъ, намъ чуждый,
Намъ невѣдомый, который
«Слѣдомъ бѣлаго» зовется.
И когда они придуть къ намъ,
Мы должны принять ихъ съ лаской,
Какъ друзей, какъ нашихъ братьевъ,
Это мнѣ сказалъ, въ видѣннѣ,
Гитчи-Манито могучій.

То-жъ видѣнне мнѣ открыло
Тайны дней еще далекихъ,
Тайны всѣ времянь грядущихъ.

Видѣлъ я, какъ шли на западъ
 Неизвѣстные народы;
 Вся страна были покрыта
 Ихъ несмѣтными толпами.
 Эти люди были бодры,
 Работащи, безпокойны,
 И въ борьбѣ неутомимы.
 На различныхъ говорили
 Языкахъ они, но сердце
 Билось въ нихъ одно; въ пустыняхъ
 По лѣсамъ стучали громко
 Топоры ихъ; по долинамъ
 Появлялися повсюду
 Ихъ селенья; и носились
 По рѣкамъ и по озерамъ
 Ихъ большія лодки съ громомъ.

«А потомъ передо мною
 Смутно, облаку подобно,
 Пронеслось еще видѣнье,
 Ужъ мрачнѣй; я въ немъ, съ тоскою,
 Видѣлъ, какъ народы наши,
 Позабывъ мои совѣты,
 Племя съ племенемъ враждуя,
 Ослабѣли и погибли
 Отъ своихъ междоусобій;
 Какъ ихъ жалкіе остатки
 Убѣгали все на западъ,
 Дальше, дальше, въ глубь пустыни,
 Грустно, въ дикомъ безпорядкѣ,
 Какъ обрывки тучъ отъ бури,
 Какъ сухіе листья въ осень,
 Разметаемы вѣтромъ!

Д. Михайловскій.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ДИКІЯ ПЛЕМЕНА.

9. Низшая ступень челоуѣчества.

«Кто желаетъ изучать челоуѣка — говоритъ Шафгаузенъ — тотъ не долженъ ограничиваться собой, или разсматривать ту или другую личность, какъ истинный образецъ челоуѣка; онъ долженъ изучать челоуѣка всѣхъ странъ и временъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія, не пренебрегая при этомъ, какъ утонченнымъ жителемъ европейскихъ городовъ, такъ и грубымъ сыномъ дикихъ странъ.

«Какъ часто приписываютъ челоуѣку вообще то, что вовсе не составляетъ достояніе каждаго челоуѣка! Челоуѣческій разумъ, облагоуоживающій насъ, такъ же различно развитъ, какъ и строеніе тѣла, то поразительно схожее съ обезьяной, то выходящее божественную красоту.

«Природа, населившая всякую страну различными животными и растениями, разнообразила и челоуѣческій образъ, смотря по мѣстностямъ, и, чтобы правильно оцѣнивать челоуѣка, мы не должны отдѣлять его отъ природы, его окружающей».

Обращаясь къ изученію спеціально тѣхъ народовъ, которыхъ называютъ дикими, Шафгаузенъ спрашиваетъ себя: каково тѣлесное и умственное развитіе дикихъ племенъ? Которое изъ нихъ занимаетъ низшую ступень въ челоуѣчествѣ?

Въ этомъ отношеніи мнѣнія различны. Африканскіе негры, которые долго считались низшей расой изъ всѣхъ по общечеловѣчности, и еще Вайомъ были поставлены на низшую ступень, давно уже нашли болѣе достойныхъ соперниковъ въ этомъ отношеніи. По словамъ Лэббока *, Кугъ, Дарвинъ, Фиц-

* Стр. 445.

рой и Уоллисъ склонились на сторону жителей Фиджи. Бурчель — на сторону африканскихъ бушменовъ. Д'Юрвилль находить, что австралійцы и тасманійцы всёхъ ниже. Дампьеръ считалъ австралійцевъ «несчастнѣйшимъ народомъ міра»; Форстеръ сказалъ, что островитяне на Малликало «приближаются болѣе другихъ къ обезьянамъ»; Оуэнъ склонился на сторону андаманцевъ, другіе на сторону сѣверо-американскихъ корнероекъ (root diggers), и одинъ французскій писатель находилъ, что даже обезьяны человѣчнѣе ланландцевъ. Шафгаузенъ поддерживаетъ въ этомъ отношеніи печальное преимущество австралійцевъ и нѣкоторыхъ островитянъ Южнаго океана, а затѣмъ. бушменовъ. О нѣкоторыхъ черныхъ туземцахъ Индіи мы имѣемъ тоже отрывочныя, въ высшей степени странныя разсказы, требующіе еще подтвержденія.

«Нетрудно — говорить Шафгаузенъ — нарисовать портретъ этихъ дикарей въ общихъ чертахъ: узкая голова, съ низкимъ лбомъ, сильнѣе изогнутый носъ, выступающія челюсти, глубоко впадины маленькіе глаза, наклоненное впередъ тѣло, длинныя руки, съ узкими ладонями, нога безъ икры, ступня безъ подъема; отдѣленный большой палецъ на ней — вотъ главнѣйшіе признаки, встрѣчающіеся въ самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ, въ Австраліи, какъ и въ Африкѣ». Всѣ эти особенности, анатомъ не можетъ не признать за приближеніе къ типу животныхъ, какую бы пропасть ни находили между человѣкомъ и обезьяной. Но именно то обстоятельство, что ученый профессоръ пытается начертить *общій* портретъ для расъ весьма различныхъ, не можетъ не удивить читателя, и въ подобныхъ случаяхъ частныя описанія представляютъ гораздо болѣе вѣроятности.

Мы говорили уже, что, по Шафгаузену, какъ и по многимъ другимъ авторамъ, едва-ли не самая жалкая порода людей населяетъ нѣкоторыя части Новой Голландіи. «Ничего не можетъ быть отвратительнѣе — говорить одинъ путешественникъ — какъ видѣть уроженку Новой Голландіи, съ высокими кривыми ногами, съ грушевидными грудями, которыя она можетъ, по произволу, перекидывать черезъ плечо, съ впадинами, воспаленными глазами, часто съ ранами на головѣ, изъ которыхъ постоянно сочится гной, совершенно нагую, нагруженную дѣтьми и домашней утварью» *. Вообще эти племена отличаются искудальнымъ тѣломъ, и морщинистымъ, обезьянинымъ лицомъ.

* И въ этомъ-то племени, Грей говоритъ о граціозности.

съ полузакрытыми глазами; покрытые всевозможною нечистотою, бродятъ они небольшими шайками, вооруженные щитами изъ древесной коры и длинными копьями, на оконечностяхъ которыхъ насаженъ обыкновенно или кусокъ твердаго дерева, или рыба кость. Кукъ нашель, что они не умѣли даже охотиться за кенгуру, пытались моллюсками и морскими животными, не имѣя другаго жилища, кромѣ дупла дерева или сплетеннаго изъ вѣтвей шалаша. Они, по словамъ Шафгаузена, «настоящіе сыны своей скупой родины, недавшей имъ даже гибкаго дерева, изъ котораго они могли бы сдѣлать себѣ лукъ, родины, которая, со своими лишенными тѣни, лѣсами, со своими двуутробками и утконосами, представляетъ столько поразительныхъ явленій, что наблюдатель готовъ принять страну за первобытное состояніе земнаго шара, оставшееся безъ измѣненія».

Немного лучше, въ бесплодныхъ степяхъ Южной Африки, должна быть жизнь несчастныхъ бушменовъ, презираемыхъ сосѣдями, бушменовъ, которые, на сѣверо-западѣ отъ Наталя, живутъ въ земляныхъ ямахъ, вырытыхъ просто руками, питаются насѣкомыми, отвратительными гадами и маленькими птицами, которыхъ они пожираютъ неошпаннными. Крапфъ рассказываетъ, со словъ одного невольника, что на югѣ отъ Шюа, одной изъ неизслѣдованныхъ до сихъ поръ странъ Абиссиніи, живетъ племя доко, которые ростомъ не выше четырехъ футовъ (средній ростъ десятилѣтняго ребенка). Они темно-оливковаго цвѣта, и живутъ совершенно въ животномъ состояніи; безъ жилищъ, безъ всякаго храма или священнаго дерева, безъ предводителей, безъ оружія. Они питаются кореньями, плодами, мышами, муравьями, змѣями и лазятъ по деревьямъ не хуже обезьянъ. У нихъ толстыя, выдающіяся губы, сплюснутый носъ, маленькіе глаза, длинные, вьющіеся волосы; длинные ногти служатъ имъ для вырванія кореньевъ и муравьевъ и для разрыванія змѣй, которыхъ они пожираютъ сырыми. Огонь имъ неизвѣстенъ *. Они размножаются быстро, но безъ всякаго понятія о супружествѣ или семьѣ. Оба пола ходятъ совершенно нагими и живутъ отдѣльно. Ихъ часто ловятъ сосѣднія, сильнѣйшія расы и обращаютъ ихъ въ рабовъ. «При этомъ описаніи — говоритъ Шафгаузенъ — невольно припомнятся ниггеры Геродота, которые, по его словамъ, обитали во внутренности Африки».

Маленькіе, черные минкопи на Андаманскихъ островахъ

---

* Какъ увидимъ ниже, всѣ подобныя свѣдѣнія переданы не очевидцами.

Бенгальскаго залива, которыхъ Фитче (Fytche) считаетъ ¹ напу-
асами, выказываютъ дикость, рѣдко гдѣ встрѣчающуюся, и не
знаютъ семьи; но то, что говоритъ Р. Оуэнъ ² о строеніи ихъ
 черепа и тѣла, заставляетъ думать, что они скорѣе принадле-
 жать къ племени, весьма отсталому по замкнутости жизни, не-
 жели къ племени, оставшемуся въ первобытномъ состояніи; у
 нихъ хорошо сформированная передняя часть головы, красивыя
 маленькія уши, не толстыя губы, волосы ихъ растутъ прядями.
 Но Оуэнъ думаетъ, что это одна изъ древнѣйшихъ первобыт-
 ныхъ расъ нашего рода. Они ходятъ нагими, не имѣютъ, какъ
 слышно, никакого понятія о Богѣ или будущей жизни, лишены
 всякой стыдливости, но они не людоеды. Одинъ изъ индѣй-
 скихъ, сипаевъ прожилъ между ними около году, и отъ него
 имѣемъ первое подробное описаніе ихъ жизни. Они вообще по-
 хожи на черныхъ обитателей Филиппинскихъ острововъ Лвы,
 Борнео и Цейлона, встрѣчающихся и до сихъ поръ, и безспор-
 но составляющихъ отдѣльную расу. Изъ изслѣдованій Оуэна
 видно, что, по строенію тѣла и черепа, андаманцы не пред-
 ставляютъ признаковъ, близкихъ къ животному типу.

Де-ла-Жироньеръ, проведеншій нѣсколько дней между ахетаса-
 ми (ajetas), обитающими во внутреннихъ горахъ Люсона, гово-
 ритъ о нихъ ³: «Народъ показался мнѣ скорѣе похожимъ на
 большое семейство обезьянъ, нежели на человѣческія существа,
 ихъ языкъ походилъ на отрывистые крики этихъ животныхъ;
 движенія тоже совершенно напоминали обезьянъ. Единственное
 ихъ отличіе состояло въ томъ, что они употребляли лукъ и
 стрѣлы, и умѣли добывать огонь».

Въ неприступныхъ мѣстностяхъ Индіи живутъ, какъ слыш-
 но, еще люди, до того похожіе на животныхъ, что дали по-
 водъ предполагать въ ихъ существованіи источникъ мнѣя объ
 обезьянѣ Гануманѣ, которая помогла Рамѣ завоевать Ланку,
 то-есть Цейлонъ.

Въ журналѣ бенгальскаго азіатскаго общества сказано, что
 между кулисами-дхангуръ, работавшими на кофейной плантаціи,
 находились въ 1824 г. два человѣка, мужчина и женщина,
 которыхъ называли людьми-обезьянами. Они не понимали джа-
 гурскаго языка, и объяснялись на особенномъ нарѣчій. Пид-
 дингтонъ говоритъ, что мужчина былъ малъ ростомъ, со сплю-

¹ «Aussland» 1862 № 20.

² «Report of the Britt. Assoc.» 1861.

³ W. Earl: Native races of Indian. Archip. (1858).

снутимъ носомъ и со странными, дугообразными морщинами около угла рта и на щекахъ. По его шероховатой, черной кожѣ, росли рыжеватые волосы; руки были очень длинны. Эти люди показывали кулисамъ знаками, что живутъ далеко въ горахъ, гдѣ находятся деревни ихъ племени. Позже, Пиддингтонъ узналъ, что Трайлъ, британскій уполномоченный въ Кумаонѣ, видѣлъ одного подобнаго же человѣка, изъ живущихъ на деревьяхъ въ лѣсахъ Тераи, и нашелъ его совершенно схожимъ съ обезьяной. Подобные же люди встрѣчаются, какъ слышно, и въ Читагонгѣ. Фонъ-Гюгель, сдѣлавшій такое невыгодное описаніе новголландцевъ, ставитъ * нѣкоторыхъ обитателей гористыхъ мѣстностей Индіи еще ниже ихъ, потому что эти существа не дошли еще даже до образованія какой-либо общины, и въ нихъ едва-ли найдемъ организованную семью. Мужъ и жена живутъ отдѣльно, и при случайной встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь, тотчасъ ищутъ убѣжища на деревьяхъ. Есть еще одно извѣстіе о дикаряхъ Индостана, встрѣчающихся въ джонгляхъ на югѣ отъ Нильгеррійскихъ горъ. Путешественникъ видѣлъ два женскія существа, живущія въ дуплѣ дерева, и сначала не могъ опредѣлить, люди ли это или обезьяны; въ особенности показались ему замѣчательными маленькіе живые глаза и морщинистыя лица.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ американскимъ путешественникомъ Жибсономъ, на островѣ Банса, близь Суматры, живутъ въ лѣсахъ цѣлыя стада дикихъ обезьянъ и человѣческое племя, называемое орангъ-кообось, которое ходитъ нагимъ, покрыто волосами, и имѣетъ весьма несовершенный языкъ. Малайцы, живущіе на Суматрѣ, кладутъ на окраинѣ лѣсовъ куски краснаго суна и другіе привлекательные предметы, но при появленіи дикихъ, удаляются и находятъ, на мѣстѣ положенныхъ ими предметовъ, росной ладонъ и камфору. То же рассказываютъ и про племя веддахъ, на островѣ Цейлонѣ, съ которымъ аравійскіе купцы ведутъ такую же нѣмую торговлю, какъ, по словамъ Геродота, уже въ его время вели финніяне съ народами западнаго берега Африки. Жибсонъ упоминаетъ еще объ одномъ племени, называемомъ орангъ-гугуръ, которое находится въ еще болѣе дикомъ состояніи, почти не имѣетъ подбородка, тѣло покрыто волосами, ноги безъ икръ съ длинными пятками, длинныя руки, уходящій назадъ лобъ и выдающіяся челюсти.

---

* «Amtlicher Bericht der Versammlung deutscher Naturforscher und Aerzte in Prag. 1851.

Можетъ быть, многое преувеличено въ существующихъ свѣдѣніяхъ насчетъ тѣлосложенія и сходства съ обезьянами этихъ дикихъ народовъ, но нельзя отвергать и возможности, что полученныя свѣдѣнія вѣрны. Ученое изслѣдованіе этихъ малоизвѣстныхъ остатковъ древнихъ обитателей Южной Азіи можетъ дать не мало указаній, весьма важныхъ для антрополога. Старое, но до сихъ поръ повторяющееся, сказаніе о людяхъ съ хвостами опирается на весьма сомнительныя данныя, хотя, конечно, удлинненіе спиннаго хребта можетъ встрѣчаться у отдѣльныхъ личностей. Относительно абиссинскихъ ніамъ-ніамъ, оно оказалось ошибочно, но на Зондскихъ островахъ эта особенность въ строеніи тѣла, по свидѣтельству Кэгеля *, встрѣчается часто.

Таковы свѣдѣнія, собранныя до сихъ поръ учеными относительно племенъ, которыя оспариваютъ одно у другаго печальное право занимать мѣсто на низшей ступени человѣческаго развитія. Подымаясь нѣсколько выше и сравнивая свѣдѣнія о народахъ, которыхъ мы привыкли обобщать однимъ названіемъ «дикие», мы должны признать за ними весьма различную степень развитія. Отдѣлка языка, половыя и семейныя отношенія, устройство жилищъ, пища, оружіе, обычай и обряды — все въ нихъ различно. Кромѣ того, извѣстія объ нихъ и недостаточны и противорѣчивы въ отношеніи всего, что касается умственнаго и нравственнаго развитія племенъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что лучшіе и самыя ученые путешественники: Кукъ, Форстеръ, принцъ Максимилианъ фонъ-Видъ, Александръ фонъ-Гумбольдтъ сообщаютъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ неблагопріятныхъ свѣдѣній о дикихъ племенахъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ. Обратимся сначала къ худшимъ явленіямъ жизни этихъ народовъ.

Относительно людоедства, повидимому, наиболѣе оскорбляющаго человѣческое достоинство, и на которое указываютъ обыкновенно, какъ на самое глубокое извращеніе человѣческой природы, Шафгаузенъ говорить, что не вездѣ этотъ обычай обусловливается первобытною грубостью быта; часто онъ уже является результатомъ нужды, а потомъ переходитъ въ обычай или въ религіозный обрядъ. Новозеландцы, по свидѣтельству Гохштетера **, дошли до людоедства только по истребленіи

* «Ausland» 1868, № 46; 1862. № 31.

** Это сочиненіе вышло въ оригиналѣ въ 1863 году, но въ нынѣшнемъ вышелъ англійскій переводъ «New Zealand etc.», by Ferd. v. Hochstetter, съ добавленіями автора, доведенными до 1866 г.

всѣхъ большихъ птицъ своей страны. Свиньи, введенныя уже Кукомъ, картофель и христіанство, какъ слышно, уничтожили этотъ обычай, послѣдній случай котораго упоминается въ 1848 году. Но въ іюнѣ 1865 года въ Англии получили извѣстіе о безчеловѣчномъ убійствѣ миссіонера Фольнера маорисами. Они бросили его внутренности собакамъ, сами пили его кровь и раздѣлили между собой сердце, печень и другія части его тѣла. Впрочемъ, людоедство, въ случаѣ нужды, довольно обыкновенно. Безчисленные примѣры того, что, въ виду голодной смерти, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ прибѣгали къ этому послѣднему средству, представляются намъ въ голодные года, при осадѣ городовъ и при кораблекрушеніяхъ. Людоедство господствовало въ древнія времена у всѣхъ древнихъ народовъ Европы; оно было очень распространено въ Америкѣ, отчего и произошло названіе племени атакопась; и еще Александръ фонъ-Гумбольдтъ слышалъ близъ Кассиквиаре объ одномъ алькадѣ, который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, нарочно откормилъ одну изъ своихъ женъ, чтобы потомъ ее съѣсть. Людоедство существуетъ до сихъ поръ на островахъ Южнаго океана, въ Бразиліи, въ Западной Африкѣ и даже въ Индостанѣ.

Обитатели острововъ Фиджи, по словамъ Мэтью (Matthew), приучаютъ съ малолѣтства своихъ дѣтей рубить на куски дѣтей враговъ, взятыхъ въ плѣнъ. Это племя считаютъ самымъ способнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми кровожаднымъ изъ всѣхъ океанійцевъ. Когда строятъ домъ для господина, рабовъ его зарываютъ живыхъ подъ фундаментъ; при погребеніи господина всегда истребляютъ множество рабовъ; при спускѣ лодки, назначенной для войны, эти несчастные служатъ живымъ скатомъ.

Въ округѣ Дрекетъ весь низшій классъ народонаселенія предназначается исключительно для жертвоприношеній или для угощенія на официальныхъ обѣдахъ въ торжественныхъ случаяхъ. Жизнь этихъ несчастныхъ такъ ужасна, что, рассказываютъ, будто они ждутъ своей смерти нетолько съ покорностью, но даже ради ей. Слово *бакола* обозначаетъ на языкѣ туземцевъ и трупъ и съѣстной товаръ. Лучшимъ подаркомъ, который только можно поднести друзьямъ, считается изжаренное и приправленное человѣческое тѣло. Трупъ кладутъ на носилки, придаютъ ему сидячее положеніе, тщательно сложивъ и привязавъ члены, вымазываютъ красной краской, украшаютъ голову перьями, даютъ въ руки трупу палку или вѣеръ, и такимъ образомъ доносятъ

до мѣста назначенія ¹. Но по свѣдѣнiямъ, полученнымъ десять лѣтъ тому назадъ съ этихъ острововъ, извѣстно, что методисты-проповѣдники жили тамъ нѣсколько лѣтъ, между кровожаднѣйшимъ народомъ земнаго шара, не имѣя ни малѣйшаго повода къ жалобѣ. Они были такъ увѣрены въ своей безопасности, что, однажды, жены миссіонеровъ мистриссъ Лисъ (Lith) и мистриссъ Кальвертъ, узнавъ, что въ извѣстный день, нѣсколько военно-плѣнныхъ должны быть зарѣзаны и съѣдены на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ, отправились одѣтъ, въ лодгѣ, на мѣсто убійства. Онѣ опоздали, но не совсѣмъ: уже пало десять жертвъ, но еще трое оставались въ живыхъ. Сибѣло выступили обѣ женщины предъ собраніемъ и требовали пощады для оставшихся въ живыхъ. Пораженный ихъ мужествомъ, начальникъ людоѣдовъ тотчасъ согласился на ихъ просьбу. «Да будетъ такъ, сказалъ онъ: — мертвые умерли, живые останутся живы!». Б. Зээманъ, посѣщавшій Фиджи въ 1860 и 1861 г., рассказываетъ ², будто въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ Самосома, самомъ извѣстномъ по варварству изъ острововъ Фиджи, не съѣденъ ни одинъ человекъ, и что королева сдѣлалась ревностною христіанкою. Съ 1854 г. людоѣдство прекратилось и въ столицѣ Бау, благодаря стараніямъ методистовъ. Зээманъ видѣлъ огромные, желѣзные котлы, въ которыхъ когда-то варились человѣческія жертвы. Но какъ сомнительны подобныя успѣхи, видно изъ новѣйшихъ извѣстій, сообщенныхъ К. А. Эгерштремомъ ³, который уже пять лѣтъ живетъ на островахъ Фиджи, совершенно, по его словамъ, оставленныхъ европейцами. Они считаютъ до 300,000 жителей, вполне предоставленныхъ самимъ себѣ. Кофейныя и хлопчатниковыя плантаціи остаются необработанными, за недостаткомъ рабочихъ рукъ, а горныя племена ведутъ постоянную войну съ береговыми. Враговъ, захваченныхъ въ плѣнъ, рубятъ на мелкіе куски, жарятъ въ печкѣ и сѣдаютъ. Шумъ этихъ празднествъ, по словамъ свидѣтеля, раздавался день и ночь. Изъ записки Прпчарда, помѣщенной въ первомъ томѣ записокъ «Лондонскаго антропологическаго общества» ⁴ видно тѣже, что людоѣдство на Фиджи существуетъ. Кромѣ того, онъ пришелъ къ заключенію, на основаніи существующихъ преданій, что оно, въ отношеніи къ иностранцамъ, не составляетъ остатка перво-

¹ «Aussland» 1855, по «Quarterly Review».

² Seeemann «Viti».

³ По «Westermann's Illustrir. deutsche Monatshefte», 1864.

⁴ «Mémoires» etc. I. (1865) 195 и слѣд.

бытнаго времени, а введено не особенно давно, какъ религіозно-политическій обычай, относительно всѣхъ иностранцевъ, приносимыхъ теченіемъ къ берегамъ Фиджи. Впрочемъ, дѣлають исключенія для островитянъ группы Самоа и Тонга, съ которыми туземцы Фиджи давно смѣшиваются.

Французамъ, занявшимъ въ 1853 году Новую Каледонію, никакъ не удавалось искоренить людоедство между туземцами до тѣхъ поръ, пока они не объявили, что каждый случай людоедства будетъ наказанъ смертію. Самымъ же вѣрнымъ средствомъ уничтоженія людоедства оказалось, какъ въ Новозеландіи, такъ и у ботовудовъ, введеніе животныхъ, способныхъ замѣнять человѣка. Одинъ изъ главныхъ начальниковъ, на островѣ Южнаго океана, отвѣчалъ слѣдующими словами, на упреки англійскаго капитана, въ этомъ отношеніи: «Вамъ хорошо говорить; въ вашей землѣ много быковъ; у насъ нѣтъ быковъ, есть только люди». «Для такихъ земель — говорить Шафгаузенъ — свинья, распространеніе которой не встрѣчаетъ препятствій, сдѣлалась истиннымъ проводникомъ высшей культуры». Привычка имѣеть слѣдствіемъ, что эти народы относятся совершенно иначе къ обычаямъ, приводящимъ насъ въ ужасъ. Такъ Ридъ (Reade) рассказываетъ, что одинъ негръ, изъ западноафриканскаго племени, горько жалѣлъ, умирая вдалекѣ отъ своей родины, что тѣло его будетъ съѣдено червями, тогда какъ оно могло бы служить пищей для его родныхъ и друзей. Какъ только дикіе народы оставляютъ этотъ обычай, они стыдятся его, и увѣряютъ, что онъ не былъ извѣстенъ и ихъ предшественникамъ. Многія племена негровъ внутренней Африки увѣряютъ, что людоедство есть клевета, взведенная на нихъ охотниками на невольниковъ. Но, по словамъ Маджіара (Madguar), людоедство существуетъ между неграми Бихе (Bihe), и, по словамъ дю-Шалью, между неграми Габуна. Когда Форстеръ былъ свидѣтелемъ случая людоедства въ Новозеландіи, одинъ молодой человѣкъ съ острововъ Товарищества, гдѣ уже вывелся этотъ обычай, выказалъ къ нему болѣе отвращенія, нежели матросы-европейцы; онъ убѣжалъ и залпла слезами.

Не всегда людоедство есть слѣдствіе особенной дикости; оно иногда, какъ сказано выше, удержалось, какъ древній обычай, или даже получило характеръ богослуженія. Въ Австраліи, по свидѣтельству Приорьеръ-беа *, колдунъ долженъ вкусить однажды человѣческаго мяса, чтобы приобрести сверхъестественное мо-

* «Bulletins». I, 489.

гущество. Воинъ погружаетъ копье въ свѣжую кровь или жиръ чело­вѣка, чтобы удары оружія были болѣе смертоносны. Мать съѣдаетъ своего мертвого ребенка, чтобы поддержать свое плодо­родіе. У иныхъ племень ѣдятъ умершихъ родителей въ благо­честіи, такъ-какъ существуетъ обычай уносить ихъ кости. Едва­ли не крайній предѣлъ людоедства представляетъ празднество, которое справляютъ батты на Суматрѣ. Они приговариваютъ своихъ преступниковъ или военно-плѣнныхъ быть съѣденными заживо, какъ писалъ Юнггунъ (Junghuhn) въ 1847 году *. Жертву привязываютъ къ столбу; раджа вынимаетъ свой ножъ и отрѣзываетъ первый кусокъ тѣла приговореннаго; съ востор­гомъ поднимаетъ онъ кусокъ вверху, обсасываетъ, съ блестя­щими отъ наслажденія глазами, текущую кровь, потомъ подно­ситъ кусокъ къ огню, чтобы нѣсколько его поджарить, и жадно проглатываетъ его. Затѣмъ бросаются на окровавленную жер­тву всѣ присутствующіе, отдираютъ отъ костей куски мяса, жарятъ его на огнѣ и ѣдятъ, приправленное солью и перцемъ, не обращая вниманія на раздирающіе вопли несчастнаго, кото­рый, предъ смертью, видитъ еще, какъ жарятъ и ѣдятъ его собственное мясо. Наконецъ, кости зарываютъ въ землю. О баттахъ слышно, что они не настоящіе малайцы, но индо-евро­пейскаго происхожденія и ихъ богослуженіе считаютъ древнѣе религіи Брахмы и Будды. Ни одинъ европеецъ не проникалъ во внутренность страны баттовъ. Ф. Эппъ говоритъ, что они крѣпко сложены, воинственны, но искусны и въ ремеслахъ: умѣютъ плавить металлы, обрабатываютъ желѣзо и мѣдь и пи­шутъ на бамбукѣ.

Съ людоедствомъ связанъ обычай приношенія людей въ жертву богамъ, обрядъ, слѣды котораго встрѣчаются у всѣхъ древнихъ народовъ. Ю. Цезарь сообщаетъ, что у британцевъ былъ обычай чело­вѣческихъ жертвоприношеній. Германскія племена тоже при­носили своихъ плѣнныхъ въ жертву Одину до VIII вѣка. Въ Шве­ціи обыкновенно для этого бросался жребій, котораго не избѣгали и короли. Ибн-Фодланъ и Массуди свидѣтельствуютъ о сожженіи живыхъ вмѣстѣ съ покойниками у славянъ и у русскихъ, при по­гребеніи. При освященіи одного большаго храма въ Мексикѣ въ 1486 году, говорятъ, до 72,000 чело­вѣкъ принесено въ жертву жрецами. Подобные же примѣры рѣзни во время праздни­ствъ повторяются при торжествахъ королей Дагомея, какъ слышно, лишь съ цѣлью доставить забаву народу, и несмотря на всѣ

* *Junghuhn*: «Die Battaländer auf Sumatra» (1847).

требованія англичанъ, дагомейцы до сихъ поръ не оставляютъ этого обычая. Когда Жирѳъ присутствовалъ при праздникѣ подобнаго рода въ 1836 году, было убито только отъ 500 до 600 человѣкъ; инымъ изъ нихъ рубили головы, другихъ бросали съ высокой стѣны и подхватывали на штыки; все это дѣлалось для увлеченія. Въ «West African Herald» 1861 года рассказываютъ, что король принесъ въ жертву памяти своего отца до 2,000 человѣкъ; иные говорятъ до 7,000. Голландскій купецъ Эушартъ послалъ миссию въ Попо подробное описаніе своего пребыванія въ Дагомеѣ 1862 г. Онъ былъ принятъ королемъ перваго іюля, король сидѣлъ на платформѣ у своего дворца, окруженный своими амазонками; протянулъ ему по-европейски руку и разговаривалъ съ нимъ на португальскомъ языкѣ; потомъ Эушартъ былъ отпущенъ съ приказаніемъ не оставлять въ теченіе трехъ дней своего дома. Пятаго числа его снова призвали къ королю, который сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, окруженный головами жертвъ, умерщвленныхъ въ предыдущую ночь, и произносилъ воинственныя рѣчи; вся площадь, надъ которой возвышалась платформа, была залита кровью. Первый предметъ, бросившійся въ глаза разсказчику, былъ распятый трупъ одного миссіонера изъ Сьерра-Леоне, Уильяма Дюперти. Его лобъ, грудь, руки и ноги, были пробиты гвоздями; подъ мышкой трупъ имѣлъ большой дождевой зонтикъ убитаго. Эушартъ былъ скоро отпущенъ со внушеніемъ не выходить изъ дома до заката солнца и не глядѣть на улицу. Десятаго іюля его снова привели къ королю; этотъ разъ при немъ на площади были отрублены головы трехъ предводителей племени Ишага. Потомъ притащили двадцать-четыре огромныхъ корзины; въ каждой изъ нихъ находился плѣнникъ, такъ что выглядывала только его голова; сначала поставили эти корзины передъ королемъ, а потомъ стали бросать ихъ ревущей и пляшущей толпѣ, и тотъ, кто успѣвалъ схватить корзину и отрубить голову несчастнаго, получалъ денежный подарокъ (около 70-ти копеекъ). Одиннадцатаго числа повторялись тѣ же сцены; послѣ этого продолженіе десяти дней казней не было, хотя онѣ, кажется, продолжались по ночамъ. На двадцать-второе число назначена была главная рѣзня. На двухъ эстрадахъ, нарочно для этого построенныхъ около дворца, помѣщались по шестнадцать жертвъ, назначенныхъ къ убіенію, и по четыре лошади; на третьей эстрадѣ, внутри дворца, помѣщались шестнадцать женщинъ, четыре лошади и аллигаторъ. Всѣ люди были уроженцы Сьерра-Леоне и взяты въ плѣнъ въ Итагѣ. Одѣтые по-европейски, каждые шестнадцать человѣкъ сидѣли связанные за столомъ и

должны были пить за здоровье короля, который, между тѣмъ, дѣлалъ смотръ своему войску, состоящему изъ 40,000 человекъ арміи, 10,000 амазоновъ и 24 полевыхъ орудій, и общалъ войскамъ новую добычу. Для заключенія умертвили всѣхъ приговоренныхъ людей и животныхъ, тщательно наблюдая при этомъ, чтобы кровь тѣхъ и другихъ смѣшалась.

Принесеніе въ жертву людей на похоронахъ было совершенно общимъ обычаемъ въ древней Европѣ, и этотъ обычай можно прослѣдить въ продолженіе многихъ вѣковъ. Мы видѣли выше, изъ словъ Тэйлора, что онъ составлялъ совершенно естественную часть первобытнаго міросозерцанія человѣка.

Многія обыкновенія, объясняемая жестокостью дикихъ народовъ, суть просто послѣдствія страшной нужды. Если груднаго младенца хоронятъ вмѣстѣ съ матерью, то потому, что не имѣютъ средствъ для его прокормленія. Бѣдныя, сѣверо-западные племена въ Соединенныхъ Штатахъ оставляютъ дряхлыхъ стариковъ умирать съ голоду; тѣ сами считаютъ приличнымъ слѣдовать обычаю, не жалуются, и въ трогательныхъ выраженіяхъ прощаются со своими дѣтьми и друзьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Германіи, населенныхъ когда-то вендами, небольшіе лѣса называются *лѣсами скорби*, потому, будто бы, что тутъ, по преданію, сыновья умерщвляли своихъ престарѣлыхъ родителей, неспособныхъ къ работѣ, и зарывали ихъ на этомъ мѣстѣ. У геруловъ, по словамъ Проконія, стариковъ сжигали, а женамъ, во избѣжаніе позора, предлагали удавиться. Тюрингенцы, прежде, нежели сжигали своихъ больныхъ, отрубали имъ головы. Сравнительно съ подобными жестокими обычаями, то, чему былъ свидѣтель американецъ Галль въ 1860 г. въ Гренландіи, кажется уже смягченіемъ нравовъ. Онъ видѣлъ собственными глазами, какъ эскимосы положили больную женщину въ шалашъ изъ снѣга, покрыли ее кожами, дали немного пищи, потомъ затворили дверь, обложили ее льдомъ и оставили старуху умирать одну.

При различіи привычекъ, обычаевъ и преданій дикихъ племенъ отъ нашего строя жизни, понятно, что идеалы приличія, человѣческаго достоинства, нравственнаго блага и справедливости у нихъ воплощаются въ чувства и дѣйствія весьма отличныя отъ того, что мы связываемъ съ этими идеалами. Лѣбовъ говоритъ, что кардинальня добродѣтели христіанскаго вѣроученія: вѣра, надежда и любовь, не входятъ въ число добродѣтелей дикарей. На нарѣчій сихуана нѣтъ выраженій благодарности; у алгонквинцевъ не существуетъ слово *любовь*; у иннэ нѣтъ слова для *милый*; милосердіе, по понятіямъ сѣверо-

американскихъ индіанцевъ—большая ошибка, миръ — зло; смиренія они даже не понимаютъ. Цѣломудріе не считалось добродѣтелью у новозеландцевъ; его не одобряли по совершенно различнымъ причинамъ нѣкоторые племена Бразиліи, обитатели Разбойничьихъ острововъ и андаманцы. Но жениться на женщинѣ, носящей одинаковое съ нимъ семейное имя, считалось неприличнымъ для австралійца; абипоны считали грѣхомъ проносить свое собственное имя; таитяне полагали предосудительнымъ ѣсть въ обществѣ, и ужаснулись, увидя англійскаго матроса, который несъ на головѣ корзину съ чѣмъ-то съѣдобнымъ. Этотъ предразсудокъ раздѣляли и новозеландцы; а люди на островѣ Фиджи, признававшіе милосердіе за порокъ, а жестокость за добродѣтель, искренно вѣрили, что женщина, татуированная не по надлежащимъ правиламъ, не можетъ надѣяться на счастливую загробную жизнь. Это вѣрованіе раздѣляютъ и эскимосы. Гэлли (Hall) говоритъ, что они «татуируютъ по принципу, потому что знаки, начерченные на этомъ свѣтѣ, будутъ въ будущей жизни служить доказательствомъ достоинствъ человѣка». Въ племени веддахъ считается очень естественнымъ жениться на младшей сестрѣ своей, тогда какъ жениться на старшей такъ же непозволительно, какъ и у насъ. Между жителями острова Дружбы святость верховнаго жреца не допускаетъ его жениться, но онъ можетъ имѣть неограниченное число наложницъ, и даже начальники не смѣютъ отказывать ему, если онъ требуетъ ихъ дочь. Между уроженцами южнаго Уэльса дѣтямъ считается неприличнымъ ходить нагими, хотя женщины никогда не носятъ одежды. Эскимосы считаютъ доказательствомъ дружбы мѣняться съ пріятелями женами на день или на два. Одинъ кандіанскій начальникъ, говоритъ Бэйли, считалъ позоромъ имѣть только одну жену: «точно у обезьянъ», говорилъ онъ. Когда капитанъ Кукъ былъ въ Новой Зеландіи, нѣкоторые изъ его товарищей заключили временные браки съ женщинами маоріи, и эти браки считались новозеландцами совершенно правильными. Нечего и говорить, что смѣшеніе съ европейцами, выказавшими себя вездѣ умнѣйшими, поведителями и эксплуататорами, внесло еще новый элементъ спутанности въ обычную нравственность низшихъ расъ. Образованные классы европейскихъ націй переживали еще недавно многочисленные примѣры, что семьи, считавшія бракъ таинствомъ и половое совокупленіе безъ брака порокомъ, гордились, если замужняя женщина, или дѣвица, *удостоивались милости* Людовика XIV, Августа Сильнаго или тому подобныхъ лицъ. Имѣеть ли въ такомъ случаѣ европеецъ малѣйшее право улыбнуться надъ женщиной

низшей расы, считающей себя честию имѣть ребенка отъ бѣлаго? Правду сказать, инья изъ низшихъ расъ въ этомъ отношеніи показали себя болѣе строгими, чѣмъ маркизы, бароны, князья и богатые буржуа Европы.

Впрочемъ, должно сознаться, что многіе дикари относятся очень легко къ цѣломудрію женщинъ. Между многими народами, напримѣръ, между островитянами Южнаго Океана и эскимосами, нескромные танцы весьма обыкновенны, такъ что женщины самаго высшаго круга принимаютъ въ нихъ участіе, не видя въ этомъ ничего неприличнаго. Уллоа говоритъ, что бразильцы не одобряютъ цѣломудрія незамужней женщины, смотря на него, какъ на доказательство непривлекательности. Жители Разбойничьихъ и Андаманскихъ острововъ приходятъ къ тому же результату, хотя по совершенно другимъ причинамъ: послѣдніе смотрятъ на цѣломудріе, какъ на доказательство эгоизма и гордости.

У болѣе части дикихъ народовъ встрѣчаемъ грубое, даже жестокое обращеніе съ женщиной; они смотрятъ на слабѣйшій полъ, какъ на существо низшаго разряда, какъ на рабочую силу только. Трудная работа и плохая пища — вотъ удѣлъ женщинъ.

10. Культура дикихъ племенъ.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ чертамъ жизни дикихъ, которыя нѣсколько ближе къ нашему пониманію.

Весьма обычно встрѣтить сравненіе дикихъ съ дѣтьми, и это сравненіе встрѣчаемъ у обоихъ писателей, которые служатъ здѣсь намъ преимущественно руководствомъ относительно фактовъ. Шафгаузенъ видитъ сходство дикарей съ дѣтьми въ томъ, что первые также живо чувствуютъ и мало думаютъ, любятъ наряды, танцы, забавы; они любопытны и трусливы, въ высшей степени переимчивы, робки и недовѣрчивы, или довѣрчивы и простодушны. Если они проводятъ большую часть жизни въ войнахъ, что случается часто, то становятся жестоки и мстительны, но и тутъ большинство ихъ дѣйствій болѣе зависятъ отъ увлеченія и отъ быстрога перехода къ совершенно противоположному настроенію. Кукъ, давшій такое добродушное описаніе туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ, былъ принятъ послѣдними за бога огнедышащихъ горъ, когда онъ показалъ имъ невиданное ими до тѣхъ поръ огнестрѣльное оружіе, и тотъ же самый Кукъ былъ впоследствии убитъ ими, вмѣстѣ съ сво-

ими матросами, за то, что нѣкоторые изъ послѣднихъ рубили гѣсь въ мѣстности, считавшейся священной. По другимъ извѣстіямъ, гибель Кука была вызвана имъ самимъ, такъ-какъ онъ, въ порывѣ гнѣва, выстрѣдилъ въ одного туземца. Форстеръ, описавшій жизнь Кука, и такъ искренно оплакивавшій его смерть, самъ былъ свидѣтелемъ, какъ цѣлый отрядъ матросовъ съ корабля «Adventure», вмѣстѣ съ проводникомъ, былъ истребленъ и съѣденъ въ Шарлоттензундѣ новозеландцами, и несмотря на то, увѣреть, что ихъ положительно нечего бояться, если ихъ оставить въ покоѣ и не раздражать преднамѣренно. Впрочемъ, Ла-Перузъ замѣчаетъ, по поводу умерщвленія натуралиста Ламанона обитателями острова Самоа: «я болѣе сержусь на философовъ, такъ высоко ставящихъ дикарей, нежели на этихъ послѣднихъ; еще вечеромъ, наканунѣ своей смерти, Ламанонъ говорилъ, что эти люди лучше насъ». Ужасна была казнь полковника Уильямсона, совершенная делаварами въ 1782 г., но это было возмездіе за его же жестокой поступокъ, когда онъ велѣлъ истребить делаваровъ-христіанъ съ ихъ женами и дѣтьми. Ихъ изыческіе братья отместили за нихъ.

Шафгаузенъ указываетъ и на особенную способность переимчивости, сближающую дикихъ съ дѣтьми. Обитатели Огненной Земли, по словамъ Дарвина, повторяли самыя трудныя слова европейскихъ языковъ, и если одинъ изъ матросовъ чихалъ или кашлялъ, то вся толпа разомъ подражала тому же звуку.

И Лэббокъ подтверждаетъ сравненіе дикарей съ дѣтьми. Онъ даже находитъ, что, въ отношеніи умственныхъ способностей, четырехлѣтній ребенокъ цивилизованной расы далеко превосходитъ ихъ. По его словамъ, дикія племена весьма непостоянны въ своихъ намѣреніяхъ. Описывая индіанцевъ дагрибъ, Ричардсонъ говоритъ: «мы по опыту узнали, что ни за какое вознагражденіе они не могли донести письма до мѣста назначенія. При малѣйшемъ затрудненіи, или при надеждѣ получить блюдо оленины, или при внезапно явившемся желаніи посѣтить пріятеля, они сворачивали съ дороги на неопредѣленное время». Даже между сравнительно выше стоящимъ населеніемъ острововъ Южнаго Океана весьма замѣтно это ребячество. «При всякомъ возбужденіи какой-либо сильной страсти — по словамъ Кука — слезы ихъ текли въ изобиліи, какъ у дѣтей, но, какъ и у дѣтей, скоро высыхали». Д'Юрвилль рассказываетъ, что Тан-ванга, одинъ изъ новозеландскихъ начальниковъ, плакалъ, какъ ребенокъ, отъ горя, что матросы запачкали любимымъ плащъ его мукой. «Ничего нѣтъ удивительнаго — говорить Кукъ — что горе этихъ безыскусственныхъ людей такъ скоро-

преходяще, или что страсти ихъ выражаются такъ внезапно и такъ сильно; ихъ никогда не приучали скрывать. или сдерживать свои чувства, они не привыкли къ мысли, постоянно обращающейся къ прошедшему и забѣгающей въ будущее, слѣдовательно, весьма естественно, что на нихъ дѣйствуютъ измѣненія, приносимыя каждымъ часомъ, и что они отражаютъ колоритъ минуты, какъ ни часто онъ бы измѣнялся; у нихъ нѣтъ плана, преслѣдующаго ихъ днемъ и ночью, постояннаго предмета заботъ и опасеній, который бы первый являлся утромъ на мысль при пробужденіи и послѣднимъ исчезалъ изъ мысли при засыпленіи ночью».

Извѣстно, что дѣти съ трудомъ произносятъ нѣкоторые звуки, напримѣръ, *l* и *r* и постоянно смѣшиваютъ ихъ. Фрэйсине говоритъ, что то же замѣчалъ онъ у жителей Сандвичевыхъ острововъ на Ваникара, между племенемъ дамарра, и на островахъ Тонго. Повтореніе одного слога тоже замѣчается въ нарѣчіяхъ дикихъ народовъ, и въ особенности въ собственныхъ именахъ. Дарвинъ говоритъ, что жителямъ Огненной земли очень трудно понять предложеніе, требующее выбора. Нельзя не замѣтить у дикихъ народовъ склонность составлять слова помощью повтореній. То же самое можно подмѣтить и у дѣтей высшихъ расъ. Нѣкоторые изъ самыхъ грубыхъ поступковъ дикихъ слѣдуетъ, по мнѣнію Лэббока, объяснять не жестокостью, но скорѣе ребяческаго необдуманностию и порывчатостию.

«Въ сущности, — говоритъ Лэббокъ, — мы должны резюмировать сказанное объ этомъ вопросѣ, въ слѣдующемъ общемъ заключеніи, что дикіе имѣютъ характеръ дѣтей, съ силой и страстями взрослога человѣка. Характеръ расъ, конечно, весьма разнообразенъ: напримѣръ, житель Фиджи имѣетъ мало общаго съ эскимосомъ; но какъ бы мы ни оправдывали дикихъ, должно признать, что дикія племена, въ нравственномъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ стоятъ ниже цивилизованныхъ расъ. Конечно, нѣтъ такого отвратительнаго преступленія, такого низкаго порока, сообщеннаго намъ путешественниками, которому мы не нашли бы подобнаго въ Европѣ, но то, что у насъ составляетъ исключеніе, у нихъ есть общее правило; то, что у насъ осуждается общественнымъ приговоромъ, что составляетъ принадлежность необразованныхъ и порочныхъ, то между дикими считается дѣломъ само собою разумѣющимся».

Точно также оба автора приписываютъ дикимъ чрезвычайную впечатлительность къ внѣшнимъ, чувственнымъ явленіямъ. Шафгаузенъ говоритъ, что, по тонкости чувствъ, дикіе народы далеко превосходятъ европейцевъ. Австраліицы узнаютъ слѣды

опоссума, гдѣ европейскій охотникъ не видитъ ничего. Индіанцы различаютъ европейскіе народы по запаху, и различные лѣсные ручьи по вкусу.

«Читая какое либо описаніе дикарей, — говоритъ Лэббокъ, — нельзя не удивляться поразительной ловкости, съ которой они пользуются своимъ столь несовершеннымъ оружіемъ. Напримеръ, стрѣла, пущенная рукой сѣверо-американскаго индіанца, пронзитъ насквозь лошадь или даже буйвола. Дикари Африки убиваютъ слоновъ, а чинооки не боятся даже нападать на кита. Капитанъ Грей рассказываетъ, что онъ часто видѣлъ, какъ австраійцы убивали голубя, пущеннымъ въ него копьемъ, на разстояніи тридцати шаговъ. Описывая тотъ же народъ, Стэнбриджъ (Stanbridge) говоритъ, что «любимое занятіе ихъ — нырнуть въ воду съ копьемъ въ рукѣ, и возвратиться на поверхности съ рыбой. Уудсъ Роджерсъ (Woodes Rogers) говоритъ, что калифорнскіе индіанцы всегда ныряютъ въ воду, и бьютъ рыбу деревянными баграми, а Фэльтнеръ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя племена Патагоніи питаются преимущественно рыбою и «добываютъ рыбу или ныряя, или прокалывая ее копьемъ». Уэллсъ (Wallace) говоритъ то же о бразильцахъ. Островитяне Южнаго океана въ особенности замѣчательны своими упражненіями въ водѣ. Они ныряютъ за рыбой, которая ищетъ убѣжища подъ коралловымъ рифомъ, но преслѣдователь отыскиваетъ ее тамъ, и возвращается на поверхность съ рыбой, въ глаза которой воткнулъ свои пальца. Они опасны соперники даже для акулы, и нападаютъ на нее съ ножомъ въ рукѣ. Если же они безоружны, то окружаютъ ее, и непременно вытащатъ на берегъ, если удастся какъ-нибудь загнать ее на прилесье. Но если акулѣ и удастся вырваться, они продолжаютъ свое купанье безъ малѣйшаго страха. Эллисъ выражается осторожнѣе, говоря «что они иногда нападаютъ на акулу, съ оружіемъ въ рукѣ». Жители Андаманскихъ острововъ, по слухамъ, тоже ныряютъ, и ловятъ подъ водою рыбу; Рутерфордъ свидѣтельствуетъ то же о новозеландцахъ. Скиррингъ видѣлъ одного жителя Огненной Земли, «который съ удивительной мѣткостью бросаетъ камни обѣими руками». Въ описаніи готтентотовъ, Кольбенъ говоритъ, что «ловкость, съ которой они пускаютъ свои асаган (дротики) и палки, поражаетъ каждаго зрителя. Когда, преслѣдуя зайца, дикую козу или оленя, готтентотъ приблизится къ добычѣ на разстояніи девяноста или ста-двадцати футовъ, онъ бросаетъ свой дротикъ, и жертва падаетъ, большею частью пронзенная насквозь». Искусствомъ дѣйствовать пращею было знаменито колѣно Веніамина, по священ-

нимъ книгамъ евреевъ, и легенда о Давидѣ служитъ тому иллюстраціей. Бразильскіе индіанцы убиваютъ черепахъ стрѣлой изъ лука, и такъ-какъ, при прямомъ выстрѣлѣ въ животное, стрѣла скользнула бы вдоль твердой брони, они пускаютъ стрѣлу вверхъ, и она, падая почти вертикально, пронизываетъ эту броню насквозь.

Необходимо много упражненія, чтобы достигнуть такой ловкости, и оружіе должно быть сдѣлано весьма тщательно. Дѣйствительно, различныя кремневыя оружія первобытныхъ людей, конечно, были приспособлены для различныхъ цѣлей; разнообразныя формы оконечностей стрѣлъ, каменныхъ топоровъ, багровъ, и проч., по мнѣнію Лэббока, не могли имѣть одно и то же употребленіе. У индіанцевъ Сѣверной Америки имѣлось два рода стрѣлъ: охотничьи были устроены такъ, что оконечность стрѣлы выходила изъ раны вмѣстѣ съ палкою; въ боевыхъ же, палка дѣлалась къ концу тоньше, такъ что и въ томъ случаѣ, когда ее вытаскивали, оконечность оставалась въ тѣлѣ. Зубчатыя и незубчатыя копья эскимосовъ объясняютъ различныя формы доисторическихъ гарпуновъ, употреблявшихся съ различною цѣлью. Гэльтонъ (Galton) писалъ Лэббоку, что искусство, съ которымъ дикари Южной Африки закалываютъ и разрѣзываютъ крупныхъ животныхъ самыми сѣверными ножами, дѣйствительно достойно удивленія. Даммары обыкновенно употребляютъ въ дѣло простыя сплюсненные куски желѣза, вдѣланные въ рукоятки, а за неимѣніемъ ихъ плоское остріе своихъ копій. Съ подобными ножами они отлично взрѣзываютъ жирафъ и носороговъ, между тѣмъ какъ Гэльтонъ съ трудомъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ прекраснымъ ножомъ европейской выдѣлки и получилъ очень плохой результатъ. Другія дикія племена рѣжутъ мясо кусками раковинъ и твердаго дерева.

Замѣчательна чистота въ шитьѣ готтентотовъ, эскимосовъ, сѣверо-американскихъ индіанцевъ, и проч., хотя въ рубахъ европейца шило и жилы были бы плохой замѣной иголокъ и ниткамъ.

Нѣкоторые осторожные археологи не рѣшились отнести пещеры эпохи сѣвернаго оленя въ Дордоньи къ періоду каменныхъ орудій, потому что тамъ найдены костяныя иглы и разныя произведенія искусства. Они полагали, что ушки иголокъ должны были быть сдѣланы непременно металлическимъ инструментомъ. Лартэ очень остроумно возразилъ имъ на это, сдѣлавъ собственноручно подобную иголку, съ помощью кремня, но онъ могъ бы представить имъ въ доказательство фактъ, приведенный Кукомъ, въ его первомъ путешествіи. Кукъ говоритъ, что

новозеландцы просверлили дыру въ кускѣ стекла, который онъ имъ далъ, и предполагають, что они при этомъ употребляли въ дѣло яшму. Бразильцы тоже носятъ украшенія изъ не вполне кристаллизированнаго кварца, отъ четырехъ до восьми дюймовъ длиною и около дюйма въ діаметрѣ. Несмотря на твердость камня, они просверливають съ обѣихъ концовъ отверстіе, употребляя для этого заостренные молодые листья большаго банана, песокъ и воду. Отверстіе обыкновенно дѣлается поперекъ, но украшенія начальниковъ просверливаются вдоль. По мнѣнію Уэллеса, на эту работу надо употреблять цѣлыя года.

Произведенія искусства, найденныя въ пещерахъ Дордонья, ничуть не выше по достоинству произведеній эскимосовъ или сѣверо-американскихъ индіанцевъ. Впрочемъ, по мнѣнію Лэббока, слѣды искусства могутъ скорѣе служить этнологическимъ признакомъ, чѣмъ указаніемъ на особенный періодъ общественнаго развитія. Мы видимъ также, что нѣкоторая степень земледѣлія часто предшествовала употребленію металловъ, и новозеландскія укрѣпленія, какъ и огромныя погребальныя постройки (могаіи) островитанъ Южнаго Океана, служатъ, какъ думаетъ Лэббокъ, аргументами въ пользу той теоріи, которая относитъ валы, курганы и другія постройки на западѣ Европы, считавшіяся прежде друидическими остатками, къ концу времени употребленія въ тѣхъ странахъ каменныхъ орудій.

Знаменитыя статуи на островѣ Вай-гу (или островѣ Пасхи) дѣйствительно колоссальны. Одна изъ нихъ, которая упала на землю, имѣетъ двадцать-семь футовъ вышины; другія, повидимому, еще больше. Дома на Разбойничьихъ островахъ тоже замѣчательны; большіе изъ нихъ поддерживаются крѣпкими каменными пирамидами. Эти послѣднія, по свидѣтельству Фрэйсинаэ, состоятъ изъ одной массы, въ которую входитъ мѣлъ, песокъ, и большіе камни; все это связано цементомъ особаго рода. Ихъ очень много, и въ одной мѣстности онѣ составляютъ каменную полосу въ 1,200 футовъ длины. Первый описалъ ихъ Эисонъ, который видѣлъ иныя пирамиды, достигающія до тринадцати футовъ вышины, а Фрэйсинаэ говорить, что высота ихъ доходитъ до двадцати футовъ. Онѣ имѣютъ квадратное основаніе и опираются прямо на землю. На каждомъ столбѣ находится полушаріе, обращенное плоской стороною вверхъ. Островитане Южнаго Океана представляютъ дѣйствительно истинно поразительные примѣры того, что можно сдѣлать каменными орудіями. Дома ихъ велики, и нерѣдко очень хорошо построены, а ихъ канѳъ возбуждали всегда удивленіе путешественниковъ.

И такъ, хотя на употребленіе камня, какъ главнаго матеріала

для инструментовъ и для оружія, и можно смотрѣть какъ на признакъ низкой степени цивилизаціи, но эта степень допускаетъ еще подраздѣленія. Напримѣръ, манкопіи или австралійцы, конечно, не могутъ быть поставлены рядомъ съ несравненно выше стоящими уроженцами острововъ Товарищества. Такъ и въ древнемъ каменномъ періодѣ Европы, мы встрѣчаемъ доказательства весьма различнаго развитія. Дикіе обитатели пещеръ южной Франціи, судя по изслѣдованіямъ Кристи и Лартэ, не имѣли домашнихъ животныхъ, не умѣли готовить глиняной посуды, и не знали земледѣлія. Люди, оставившіе кучи кухонныхъ остатковъ въ Даніи, имѣли собаку; у строителей швейцарскихъ озерныхъ построекъ была не только собака, но и овца, волъ, свинья, а можетъ быть даже и лошади; они уже имѣли нѣкоторое понятіе о земледѣліи и уже умѣли прясть.

Впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ Лэббокъ, мы имѣемъ не только количественную разницу, при сравненіи состоянія развитія разныхъ дикихъ народовъ, или слѣдовъ существованія первобытныхъ людей въ разныхъ мѣстностяхъ. Разница представляется и качественною. У одного племени, или въ одной мѣстности, мы встрѣчаемъ успѣхи, которыхъ нѣтъ въ другомъ племени, или въ другой мѣстности, но и во второй находимъ такіе, которыхъ нѣтъ въ первой. Для наглядности этого явленія, Лэббокъ, въ своемъ сочиненіи, представилъ его въ видѣ таблицы (стр. 447).

Перебирая вещи, наиболѣе употребительныя въ обыденной жизни дикарей, какъ напримѣръ, лукъ и стрѣлы, пращи, дробтики, глиняную посуду, домашнихъ животныхъ, обдѣлываніе земли, казалось бы, что слѣдуетъ ожидать въ приобрѣтеніи всего этого нѣкоторой правильной послѣдовательности, но на дѣлѣ это было не такъ. Конечно, иную разницу въ этомъ отношеніи легко объяснить. Промерзлая почва и арктическій климатъ не только не благопріятствовали земледѣлію у эскимосовъ, но даже дѣлали его невозможнымъ. Отсутствие свиней въ Ново-Зеландіи, собакъ на островѣ Дружбы и всякихъ млекопитающихъ на Вай-гу, объясняется тѣмъ, что вѣроятно, эти животныя не существовали у первыхъ колонизаторовъ, а изолированное положеніе этихъ странъ мѣшало жителямъ приобрѣсти этихъ животныхъ впослѣдствіи. Кромѣ того мы не должны забывать общее правило, что первобытный дикарь можетъ употреблять только одно или два орудія; онъ долженъ ограничиваться тѣмъ, что имѣетъ при себѣ, и конечно предпочитаетъ тѣ орудія, которыя имѣютъ болѣе обширное примѣненіе. Впрочемъ, этимъ, конечно, не объясняются всѣ факты. Въ Колумбіи, въ Австра-

ліи, на мысъ Добрай Надежды, и въ другихъ мѣстностяхъ, земледѣліе было извѣстно до начала сношеній съ европейцами. На Вай-гу, напротивъ, существовали уже плантаціи сладкихъ кореньевъ, банановъ, сахарнаго тростника, и пр. Но за то у чинооковъ Колумбіи были извѣстны лукъ и стрѣлы, крючки для ловли рыбъ и сѣти; австралійцы имѣли тоже дротинки, бумеранги, крючки для рыбъ и сѣти; у готтентотовъ были лукъ и стрѣлы, сѣти, крючки для рыбы, глиняная посуда, и даже нѣкоторое понятіе о желѣзѣ. Между тѣмъ всѣ эти вещи были, повидимому, совершенно неизвѣстны на Вай-гу, хотя онѣ были бы весьма полезны жителямъ острова, и легко могли бы быть ими придуманы за исключеніемъ желѣза, и войти въ употребленіе.

Еслибы дѣло шло только объ одномъ Вай-гу, можно бы было объяснить отсутствіе лука и стрѣлъ отсутствіемъ крупнои дичи для охоты, рѣдкостью птицъ, или совершенной изолированностью маленькаго острова, дѣлающею войну почти невозможной; но этотъ доводъ оказывается несостоятельнымъ въ другихъ случаяхъ. Возьмемъ для примѣра сѣвероамериканскихъ индіанцевъ атлантическаго побережья, австралійцевъ, каффровъ, бушменовъ, новозеландцевъ и уроженцевъ острова Товарищества. Всѣ они вели безпрестанныя войны, а двѣ первыхъ группы племенъ жили почти исключительно охотой, слѣдовательно, у нихъ должны были быть совершенно одинаковыя потребности. Несмотря на то, общими оружіями у нихъ были только копья, да развѣ еще дубины; у сѣверо-американцевъ были хорошіе лукъ и стрѣлы, у уроженцевъ острова Товарищества и у бушменовъ они были очень плохи; у первыхъ они были плохи даже до того, что не могли быть употребляемы на войнѣ; у австралійцевъ, каффровъ, новозеландцевъ не было ни лука, ни стрѣлъ. За то у австралійцевъ были дротинки и бумеранги; у уроженцевъ острова Товарищества были пращи; новозеландцы, кромѣ отличныхъ дубинъ, имѣли многочисленныя и обширныя укрѣпленія. Весьма замѣчательно, что такимъ воинственнымъ, и во многихъ отношеніяхъ довольно развитымъ племенамъ, какъ каффры и новозеландцы, было неизвѣстно употребленіе лука и стрѣлъ, тогда какъ оно существовало у растъ, стоящихъ весьма низко, какъ у жителей Огненной земли, у чинооковъ, у андаманцевъ и у бушменовъ. Невозможно сомнѣваться, что, въ особенности народы Новой Зеландіи, нашли бы употребленіе луковъ и стрѣлъ весьма полезнымъ. И что племя, которое бы избрѣло ихъ, получило бы большой перевѣсъ въ борьбѣ за существованіе.

Конечно, возможно, что чинооки переняли искусство владѣть лукомъ отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей; но трудно допустить, чтобы они выучились этому отъ восточныхъ краснокожихъ индiанцевъ, не перенявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ нихъ еще болѣе легкаго и столь же полезнаго гончарнаго искусства. Впрочемъ, есть случаи, когда о подобномъ предположенiи не можетъ быть и рѣчи; напримѣръ, дротики встрѣчаются у эскимосовъ, австралiйцевъ и нѣкоторыхъ народовъ Бразилiи; *бола* (камни, связанные веревками) находятся въ употребленiи у эскимосовъ и патагонцевъ; бумерангъ составляетъ особенность австралiйцевъ; нѣкоторыя орудiя находятся только у малайцевъ и въ Амазонской долинѣ. Съ другой стороны, иногда, оружiе какого нибудь народа совершенно незнакомо его сосѣдямъ. Такъ между народами, населявшими Бразилiю, мы встрѣчаемъ лукъ и стрѣлы лассо, и дротики. Первое болѣе всего распространено, но жители Барбадоса его не употребляютъ; моксы (*мохос*) оставили лукъ и стрѣлы для лассо, а пурупуру отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей тѣмъ, что употребляютъ не лукъ и стрѣлы, а *палхету*, или дротикъ; каффы не всѣ переняли лукъ и стрѣлы отъ бушменовъ; гончарному искусству не научились ни эскимосы отъ сѣверо-американскихъ индiанцевъ, ни южныя племена Колумби отъ сѣверныхъ мексиканцевъ.

Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ этихъ первобытныхъ искусствъ, напримѣръ, гончарное и дѣланiе лука и стрѣлъ, такъ полезны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ незамысловаты въ исполненiи, что невозможно предположить ихъ забвенiя, когда разъ они сдѣлались извѣстны. Но у новозеландцевъ и каффровъ нѣтъ лука и стрѣлъ, а всѣ полинезцы не имѣютъ понятiя о гончарномъ искусствѣ, хотя, судя по ихъ искусству въ другихъ издѣлiяхъ и по общему ихъ развитiю, можно безошибочно сказать, что они не затруднились бы этимъ производствомъ, еслибы только оно пришло имъ въ голову. *Бола* тоже представляетъ весьма дѣйствительное оружiе, и приготовить его, конечно, очень легко, между тѣмъ, его употребленiе, повидимому, ограничивается эскимосами и патагонцами. Гончарное искусство, конечно, передавалось часто отъ одного народа другому, но между тѣмъ, существуютъ указанiя на его, какъ будто, самостоятельное изобрѣтенiе, по крайней-мѣрѣ, мы его встрѣчаемъ въ зародышномъ состоянiи у эскимосовъ (камни, съ возвышенными глиняными краями, которые Кукъ видѣлъ на Уналашкѣ). Изъ всѣхъ этихъ, и еще множества другихъ фактовъ, можно заключить, какъ полагаетъ Лэббокъ, съ нѣкоторою вѣроятностью, что простѣйшiя орудiя и простѣйшiя оружiя были изобрѣтены само-

стоятельно различными дикими народами, хотя нельзя, конечно, отрицать и того, что иногда употребление ихъ передавалось отъ одного племени другому.

Привычки и обычаи дикихъ, какъ мы уже говорили, весьма неодинаковы. Правда, что разнообразіе, въ иныхъ случаяхъ, есть прямое слѣдствіе различныхъ условій, при которыхъ живутъ народы. Между привычками эскимоса и готтентота не можетъ быть ничего общаго. Но возьмемъ какое бы то ни было дѣйствіе, общее многимъ племенамъ, и которое можно совершить различными способами. Напримѣръ, большинство низшихъ племенъ питается частью птицами. Обыкновенно употребляютъ для этого лукъ и стрѣлы; но австралійцы ловятъ птицъ руками, или бьютъ ихъ простымъ копьемъ или бумерангомъ; у обитателей Огненной земли есть для этого праща и лукъ, а эскимосы изобрѣли сложное оружіе, состоящее изъ бивней моржа, связанныхъ короткими веревками и составляющимъ нѣчто въ родѣ *бола* южно-американскихъ племенъ. Сѣверныя племена, которыхъ видѣлъ Кэпъ, употребляютъ совершенно иной способъ. Они ловятъ большое количество птицъ въ сѣти, съ длинными костяными ручками. Но они не имѣли никакого понятія о рыболовствѣ.

Возьмемъ, для втораго примѣра, употребленіе собаки. Сначала, по мнѣнію Лэббока, человѣкъ и собака охотились вмѣстѣ; быстрота одного пополюлась хитростью другаго, и они раздѣляли добычу. Но ловкость ума, наконецъ, стала преобладать надъ ловкостью тѣла, и человѣкъ сталъ эксплуататоромъ собаки. Тогда собаку начали приучать къ другимъ ремесламъ, менѣе близкимъ ей по природѣ. Эскимосы заставили ее возить сани, чинооки держали ее изъ-за шерсти; островитяне Южнаго Океана, за недостаткомъ четвероногой дичи, откармливали собакъ на убой; индіанцы Чоносы научили ее ловить рыбу; пастушескіе народы сдѣлали изъ нея пастуха. Наконецъ, по свидѣтельству Плинія, въ древнія времена дѣльные отряды собакъ дрессировались для войны. Даже воловъ, несмотря на ихъ неповоротливость, употребляли въ упряжь и на войну.

Огонь добывается тоже различными способами. Нѣкоторые народы, напримѣръ, жители Огненной Земли, высѣваютъ его; другіе, напримѣръ, островитяне Южнаго Океана, добываютъ посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой. До сихъ поръ мнѣнія расходятся о томъ, существуетъ ли, или существовалъ ли въ историческое время народъ, которому бы было совершенно неизвѣстно употребленіе огня *. Вполнѣ до-

* Свѣдѣнія, подобныя вышеприведеннымъ мнѣніямъ Крапфа, встрѣчаются во

стовѣрно только, что въ ранній періодъ швейцарскихъ озерныхъ построекъ и кухонныхъ остатковъ Даниа употребленіе огня было очень хорошо извѣстно въ Европѣ.

Точно такъ же едва-ли можно придумать способъ обращенія съ покойниками, который бы не оказался въ употребленіи въ той или другой странѣ. У ннхъ племень покойника просто зарываютъ въ землю, другіе сжигаютъ трупъ. Нѣкоторыя сѣвероамериканскія племена помѣщаютъ своихъ мертвецовъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Другія опускаютъ ихъ въ священныя рѣки, или въ море. Между морскими дайяками умершаго начальника кладутъ обыкновенно въ его каноэ, вмѣстѣ съ его любимымъ оружіемъ и бѣльшей частью его имущества, и послѣ того спускаютъ каноэ на воду. Иные отдаютъ покойника на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, другіе предпочитаютъ сами употреблять его въ пищу. Нѣкоторые народы Бразиліи *выпиваютъ* своихъ покойниковъ. По свидѣтельству Уэллеса *, «таріаносы и туکانосы, и нѣкоторыя другія племена вырываютъ, черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ, уже сильно разложившійся трупъ, кладутъ его въ печь, или въ котель (great raw of oven), расположенный надъ огнемъ, гдѣ держатъ до тѣхъ поръ, пока улечивающіяся частицы не выдѣлятся окончательно, съ ужаснымъ зловоніемъ, и останется только одна черная, обугленная масса, которую обращаютъ въ мелкій порошокъ, и размѣшиваютъ въ нѣсколькихъ большихъ раковинахъ коксирі (сохигі); это выпиваетъ собравшееся общество, съ полной увѣренностью, что всѣ добродѣтели покойнаго переселятся въ каждаго изъ участвовавшихъ въ обрядѣ». Подобнымъ же образомъ пьютъ прахъ мертвыхъ и кабеусы.

Дѣйствительно, если только есть два различныхъ способа дѣлать что бы то ни было, можно сказать навѣрное, что каждый изъ нихъ войдетъ въ употребленіе у различныхъ народовъ. Напримѣръ, европейцамъ кажется весьма естественнымъ вести свое происхожденіе по мужской линіи; многіе же народы ведутъ его отъ матери, а не отъ отца (что, правду сказать, гораздо вѣрнѣе). Въ Европѣ отецъ считается всегда главой семьи; на островѣ Таити, напротивъ, сынъ уже при рожденіи наследуетъ званіе и имѣніе отца, который управляетъ имѣніемъ только какъ опекунъ или довѣренный, слѣдовательно, можно считать главой семьи скорѣе сына, нежели отца. Броунъ сообщаетъ, что между новозеландцами младшій сынъ наследуетъ

множествомъ, но всегда они идутъ не отъ лица, лично имѣвшихъ сношенія съ народами, и способныхъ дать ясный отчетъ о томъ, что они видятъ.

* Wallace: «Travels on the Amazons», 498.

имѣнне отца. Что встрѣчается и между славянами. Наконецъ, у нѣкоторыхъ расъ существуетъ суевѣрный обычай, запрещающій лицамъ, находящимся въ извѣстномъ родствѣ, говорить другъ съ другомъ; это обыкновение весьма распространено на Фиджи.

Кажется, нѣтъ ничего естественнѣе факта, что женщина, послѣ родовъ, лежитъ въ постель, а мужъ старается замѣнить ее, на время, во всѣхъ обыденныхъ трудахъ и заботахъ; казалось бы, это должно бы быть одинаково у всѣхъ народовъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Между карабами отецъ, послѣ рождения ребенка, ложится на свою койку, призываетъ доктора, между тѣмъ, какъ жена занимается обычными работами. Подобный обычай существовалъ и на материкѣ Южной Америки между араваками Суринама и въ Китайской провинціи Западнаго Ю-нана; Страбонъ упоминаетъ его въ древности между пберійцами, и онъ встрѣчается до сихъ подъ между басками, гдѣ, въ нѣкоторыхъ долинахъ, женщина встаетъ тотчасъ послѣ родовъ, и принимается за хозяйство, а отецъ ложится въ постель, беретъ къ себѣ ребенка и принимаетъ поздравленія сосѣдей. Тотъ же обычай указываютъ на югѣ Франціи; во времена Дюдора Сицилійскаго онъ существовалъ въ Корсикѣ, и, наконецъ, говорятъ, будто бы онъ существуетъ еще въ нѣкоторыхъ округахъ Беарна, подъ именемъ *faire la souvade*. Тэйлоръ, тщательно собравшій свѣдѣнія объ этомъ обычаѣ, въ своемъ сочиненіи о первобытномъ человѣчествѣ *, прослѣдилъ и строй мысли, приведшій первобытнаго человѣка къ подобнымъ страннымъ обычаямъ.

Звуки языковъ — говоритъ Лэббокъ — весьма разнообразны у различныхъ народовъ. Щельганье готтентотовъ можетъ служить тому поразительнымъ примѣромъ. Индіанцы *Port au Français* въ Колумбін, по свидѣтельству Ламанона, не употребляютъ вовсе согласныхъ буквъ: b, f, x, j, d, p, v. На языкѣ австралійцевъ не существуетъ звука, выражаемаго буквой s. У жителей Фиджи нѣтъ буквы c, на языкѣ Сомо-сосо нѣтъ k, у Ракираки и другихъ нѣтъ t. У островитянъ Товарищества нѣтъ ни s, ни c. Въ языкѣ Новой Зеландіи, по словамъ миссіонеровъ, оказалось возможнымъ устранить не менѣе тринадцати буквъ, а именно: b, c, d, f, g, j, l, q, s, v, x, y, z.

Даже чувства выражаются различно у разныхъ народовъ: поцалуи кажется намъ весьма естественнымъ выраженіемъ при-

* *Taylor*: «Early history of mankind»; недавно появилось въ русскомъ переводѣ.

взаимности; но онъ былъ вовсе неизвѣстенъ на Таити, въ Новой Зеландіи, у папуасовъ, среди уроженцевъ Австраліи; онъ не употреблялся у эскимосовъ. Обитатели Таити и многіе другіе полинезцы всегда садятся, говоря съ начальникомъ; обитатели Малликоло выражаютъ свое удивленіе гусинымъ шипѣніемъ; въ Ватавулу считается весьма почтительнымъ, говоря съ начальникомъ, обращаться къ нему спиною. Наконецъ, эскимосы выражаютъ свое уваженіе, дергая другъ друга за носъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на умственномъ различіи низшихъ расъ отъ высшихъ, и ограничимся только немногими замѣчаніями, относительно языка и счисленія изъ того, что находимъ у Леббока.

То, что сообщаютъ намъ Спиксъ и Марціусъ о племенахъ Бразиліи, повидимому, можетъ относиться ко многимъ, если не ко всѣмъ дикимъ расамъ. У нихъ богатый запасъ словъ; они имѣютъ отдѣльныя названія для различныхъ частей тѣла, для различныхъ животныхъ и растений, имъ извѣстныхъ—словомъ, для всего, что они могутъ видѣть и осязать. Но у нихъ, говорятъ, совсѣмъ нѣтъ словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій; они не имѣютъ словъ: *цвѣтъ*, *звукъ*, *полюсъ*, *родъ*, *духъ* и т. д. Тасманійцы не имѣютъ слова *дерево*, хотя они называютъ различные виды деревьевъ; не могутъ выражать свойства предмета, какъ-то: твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткий, круглый и т. д.; на мѣсто *твердый* они говорятъ: *какъ камень*; на мѣсто *большой*—*длиноююй*, на мѣсто *круглый*—*какъ шаръ*, *какъ мясъ* и проч. Между сѣверо-американскими индіанцами такой общій терминъ, какъ *дубъ*, составляетъ исключеніе. Даже, сравнительно вышестоящіе обитатели Таити не имѣютъ надлежащихъ словъ для выраженія отвлеченныхъ идей.

Словесная нумерація можетъ дать лучшее или, по крайней мѣрѣ, удобнѣйшее понятіе объ умственныхъ способностяхъ низшихъ расъ. Эскимосы съ величайшимъ трудомъ считаютъ до десяти; нѣкоторые изъ нихъ доходятъ только до пяти. Племя даммара не употребляетъ числительныхъ именъ далѣе трехъ. Крауфордъ сравнивалъ до тридцати австралійскихъ нарѣчій, и нашель, что ни одно изъ племенъ этого огромнаго материка не можетъ сосчитать далѣе четырехъ. Племя, обитающее у пролива короля Георга, доходитъ до пяти, но это послѣднее слово значитъ *много*. Племена, живущія на Норкскомъ полуостровѣ въ Австраліи, едва-ли считаютъ далѣе двухъ.

При столь незначительномъ умственномъ развитіи дикихъ племенъ, и при безпрестанномъ сравненіи ихъ съ дѣтьми, самъ

собою представляется вопрос о возможности ихъ обученія. «Въ вѣрномъ, чувственномъ наблюденіи дикихъ — говоритъ Шафгаузенъ — заключается и возможность ихъ воспитанія, въ особенности ихъ дѣтей, о чемъ мы имѣемъ достовѣрныя и согласныя между собою свѣдѣнія. Въ дѣтствѣ всѣ мы изучаемся всему путемъ подражанія, и способность переимчивости служитъ доказательствомъ высшей организаціи обезьянъ».

Докторъ Геггинсъ, проведеній много лѣтъ на С.-Винцентѣ, говоритъ, что мальчики-негры нисколько не уступаютъ въ способностяхъ дѣтямъ бѣлыхъ, и что, напротивъ, они развиваются обыкновенно быстрѣе, такъ-какъ болѣею частью предоставлены самимъ себѣ, и ранѣе изучаются упражнять свои силы и способности.

«То же самое явленіе — прибавляетъ Шафгаузенъ — мы замѣчаемъ у дѣтей нашихъ крестьянъ, сравнивая ихъ, въ первые годы ихъ жизни, съ дѣтьми образованныхъ родителей».

Рорбахъ сообщаетъ, что въ школахъ Тринидада мальчики-индіанцы превосходятъ чистотой и красотой почерка всѣхъ бѣлыхъ и черныхъ учениковъ, и что они вообще искуснѣе во всѣхъ ручныхъ работахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мальчики-негры гораздо быстрѣе успѣваютъ въ ученѣи, чѣмъ бѣлые, пока дѣло не дошло до математики; писать тоже имъ труднѣе выучиться по неловкости ихъ пальцевъ. Спикъ тоже удивляется быстрымъ способностямъ дѣтей негровъ, и готовности ихъ всегда отвѣчать на вопросы.

Нерѣдко у самыхъ низшихъ расъ проявляются замѣчательныя умственныя способности, и Блауменбахъ собралъ уже тому примѣры. Вотокудъ Гвидо Покране былъ проповѣдникомъ своего народа. Чирокезъ Секуойа изобрѣлъ слоговое письмо для своего языка. Эйра Ольдридждъ былъ украшеніемъ всѣхъ сценъ Европы, и въ настоящее время негръ Кроусеръ (Crowther) сдѣлался епископомъ въ Западной Африкѣ.

Эти свѣдѣнія, собранныя Шафгаузеномъ, весьма интересны въ томъ отношеніи, что ихъ слѣдуетъ противопоставить тѣмъ, можетъ быть преувеличеннымъ, указаніямъ на неспособность низшихъ расъ къ развитію, которыя встрѣтимъ ниже въ полемикѣ антропологическихъ обществъ. Въ то время, какъ спорящіе въ этихъ случаяхъ сами, невольно, высказываютъ свою тенденціозность, безпристрастный нѣмецкій профессоръ извлекалъ данныя изъ огромнаго матеріала, подлежавшаго его послѣдованіямъ, не скрывая аргументовъ, говорившихъ въ ту или другую сторону.

Мы довольствуемся предыдущими данными, преимущественно заимствованными изъ Шафгаузена и Лэббога, которые здѣсь переданы возможно ближе къ словамъ авторовъ, такъ-какъ тотъ и другой пользуются большимъ уваженіемъ въ современной наукѣ. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить уже изъ приведенныхъ мнѣній, какъ трудно европейскимъ ученымъ стать на надлежащую точку для оцѣнки дѣиыхъ. Самое собраніе фактовъ уже представляеть немалыя затрудненія, такъ-какъ противорѣчія между очевидцами встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Главной же помѣхой становится совершенно отличный строй мыслей ученаго изслѣдователя отъ строя мыслей общества, имъ разбираемаго. Тотъ же авторъ въ одномъ мѣстѣ указываетъ на крайне низкое развитіе какаго нибудь племени, а въ другомъ свидѣтельствуеть о томъ, что это племя самостоятельно выработало себѣ нѣкоторыя особенности культуры, до которыхъ не дошли и племена, вообще ушедшія далѣе. Лэббокъ не можетъ не отнестись съ нѣкоторымъ презрительнымъ снисхожденіемъ къ канонамъ странныхъ обычаевъ и повѣрій, которые онъ находитъ между низшими расами, тогда какъ Тэйлоръ очень основательно возводитъ самыя поразительныя изъ этихъ явленій къ общему міросозерпанію, съ точки зрѣнія котораго всѣ они становятся фактами весьма понятными. Говоря о нравственности и безнравственности, авторы невольно приивидываютъ мѣрку европейскаго обычая, даже европейскихъ предразсудковъ, тогда какъ если можно говорить о нравственности дѣиыхъ, то лишь устраняя все частное, выработавшееся исторически, и переходя къ основамъ всякой нравственности, къ сознанію личнаго достоинства и справедливости, къ сознанію о правѣ и обязанности вообще. Но именно *это* чрезвычайно трудно отличить путешественникамъ, когда они говорятъ о низшихъ племенахъ. Строгое соблюденіе обычая, даже весьма сложнаго, еще не ставитъ особенно рѣзкаго отличія въ человѣкѣ отъ члена другаго общества. Но самое отвратительное дѣйствіе или самый негѣпный обычай можетъ быть вызванъ не только рутинною, а глубокимъ сознаніемъ обязанности, чувствомъ справедливости, страстнымъ желаніемъ поддержать свое достоинство. Знанія могутъ быть такъ недостаточны, вѣрованія такъ узки, сила мысли такъ невыработана, что понятія обязанности, справедливости, достоинства находятъ очень странное и неумѣстное *приложеніе*, но тѣмъ не менѣе въ этихъ чувствахъ, и *только* въ этихъ, проявляется человѣческая нравственность. Сравненіе дѣиыхъ съ дѣтми болѣе поражаетъ воображеніе, чѣмъ удовлетворяеть

умъ. Требовалось бы гораздо болѣе тщательное сравненіе дѣтей дикихъ съ дѣтьми высшихъ расъ и психической разницы между дикимъ ребенкомъ и дикимъ взрослымъ, чтобы придать этому сравненію смыслъ. По даннымъ, собраннымъ Шафгаузеномъ, дѣти низшихъ племенъ мало чѣмъ отличаются отъ дѣтей европейцевъ. Поэтому вопросъ остается нерѣшеннымъ, какое психическое измѣненіе совершается въ человѣкѣ низшихъ расъ при переходѣ изъ дѣтства въ зрѣлый возрастъ. Гораздо важнѣе, если оно дѣйствительно, замѣчаемое въ языкахъ низшихъ расъ богатство конкретныхъ названій при бѣдности абстрактныхъ. Къ этому мы вернемся еще ниже.

Но какъ бы ни смотрѣли на дикихъ, все-таки они являются передъ нами племенами, которыя, по своимъ обычаямъ и по своему умственному развитію, должны быть поставлены, съ точки зрѣнія установившагося европейскаго идеала, ниже европейца. Ихъ обычаи возмущаютъ насъ; ихъ средства для борьбы за существованіе весьма недостаточны; ихъ мысль крайне неразвита. Это оказалось самымъ гибельнымъ образомъ, когда имъ пришлось выдержать борьбу не только съ окружающею ихъ природою, къ которой они болѣе или менѣе приноравлились, но со страшными *блѣднолицами*. Тамъ, гдѣ послѣдніе пришли завоевателями, хищниками, эксплуататорами, конечно, дикіе не выдержали. Но *блѣднолицы* жаждали и другихъ завоеваній. На дальніе острова пришли проповѣдники легендъ и догматовъ, выработанныхъ подъ тысячелѣтнимъ вліяніемъ семитическихъ равви и арійскихъ философовъ, юридическаго строя древнихъ римлянъ и борьбы ересей, католической іерархіи и протестантской экзегезы. На дальніе острова пришли и болѣе человѣчине учителя со школами и плугами, съ понятіями о законѣ, государственномъ строѣ, о равноправности людей. Эти *блѣднолицы* говорили, что они пришли къ своимъ слабѣйшимъ братьямъ, чтобы поднять ихъ, сдѣлать равными себѣ. И впродолженіе вѣковъ, миссія войны, миссія промышленности, миссія религіи, миссія знаній дѣйствуютъ уже среди дикихъ. Каковы же полученные результаты?

Разсмотримъ для этого два пренія, возникшія въ антропологическихъ обществахъ, имѣвшія въ виду преимущественно вопросы: что дѣлается съ низшими расами, при соприкосновеніи ихъ съ европейцами? Должно ли считать, возвращаясь къ мысли Гердера, что естественное разнообразіе условій жизни обуславливаетъ и различіе культуры въ человѣческихъ расахъ? Что муравей столь же неспособенъ устроить свое государство

на подобіе пчелинаго улья, какъ негръ уподобиться тунгусу, калмыкъ — англичанину? Что разныя племена не въ состояніи достигъ одинаковаго развитія? Или должно допускать, что способность къ развитію присуща всѣмъ расамъ? Наконецъ, какое значеніе въ этомъ случаѣ надо приписать приему, до сихъ поръ самому общеупотребительному, при дѣйствіи европейцевъ на низшія расы — именно проповѣди религіозныхъ миссіонеровъ различныхъ сектъ?

11. Можно ли цивилизовать дикихъ?

Мы уже говорили, по какому поводу возникъ въ 1860 году споръ о гибели низшихъ расъ. Немедленно стали высказывать обычные аргументы истребленія, со стороны европейцевъ, заразительныхъ болѣзней, пьянства, разврата, упомянули и о фактѣ бесплодія женщинъ, въ особенности въ Океаніи. При этомъ привели и мнѣніе Стжелецкаго (Strzelecki), что островитянка, имѣвшая дѣтей отъ европейца, становится, будто бы, бесплодною съ туземцемъ. Впрочемъ, оказалось, что лишь Брокъ зналъ надлежащимъ образомъ сочиненіе Стжелецкаго и литературу, имъ вызванную. Онъ резюмировалъ пренія о вопросѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ *:

Очевидно, что вымираніе австралійцевъ и американскихъ племенъ не зависитъ отъ избиеній, произведенныхъ европейцами въ разныхъ мѣстностяхъ, потому что оно встрѣчается и въ тѣхъ странахъ, гдѣ европейцы жили постоянно въ мирѣ съ туземцами. Опустошенія, дѣлаемыя заразительными и эпидемическими болѣзнями, ввезенными моряками и колонистами, были недостаточны для такого общаго явленія, какъ вымираніе дикихъ племенъ. Говорятъ о порокахъ, пьянствѣ, развратѣ, введенныхъ европейцами, но пьянство существовало въ Полинезій до открытія ея европейцами (именно, приготовляли пьянствующій напитокъ—*каву*), развратъ тоже не изобрѣтенъ въ Европѣ, и общества ареоисовъ и другія въ разныхъ мѣстностяхъ Полинезій имѣли положительную цѣль дѣйствія, которыя надо отнести къ низшей степени чувственнаго разврата, не говоря уже о дѣтоубійствѣ. Какъ ни вредны всѣ эти вліянія, но, по мнѣнію Брокъ, это все частности, которыя не могутъ служить объясненіемъ факта, къ несчастію, слишкомъ общаго.

* «Bulletins». I, 298 и слѣд.

«Есть, слѣдовательно, неизвѣстная причина, отъ насъ ускользающая. Можетъ быть, это тоска, упадокъ духа? Можетъ быть, европейцы, завладѣвъ частью земель, оставляютъ слишкомъ мало пространства туземцамъ, живущимъ исключительно охотою, и неспособнымъ принудить себя къ труду? Людямъ, живущимъ исключительно *естественными* произведеніями природы, необходима пространная территория. Ограничьте ее, уничтожьте лѣса и травяныя степи, гдѣ живутъ животныя, служація пищей человѣку, — послѣдуетъ голодъ. Замѣчено, что народы, неспособные принудить себя къ труду, вымираютъ скорѣе; они предпочитаютъ смерть обработкѣ земли; эта неспособность къ труду спасла ихъ отъ невольничества; но она есть признакъ низшей организаціи. Африканскіе негры стоятъ въ этомъ отношеніи выше краснокожихъ и австралійцевъ».

Катрфажъ замѣтилъ на это, что, повидимому, вымирание туземныхъ расъ Америки и Океаніи зависитъ частью отъ причинъ, которыя легко уловить, какъ эпидеміи, злоупотребленія спиртными напитками, неравная война съ европейцами, но что кромѣ этихъ причинъ есть еще и другія, еще таинственныя для насъ, но, вѣроятно, болѣе общія. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, повидимому, что начало цивилизаціи — опасное испытаніе для большей части расъ; внезапная перемена быта, образа жизни губительна для множества отдѣльных личностей. Не всѣ расы одинаково способны совершенствоваться, и упомянутое испытаніе тѣмъ опаснѣе для нихъ, чѣмъ менѣе имъ доступна цивилизація.

Слова: *таинственныхъ причинъ* (causes occultes), употребленныя Катрфажемъ (впрочемъ, совершенно невинно), дали поводъ Гратиолэ заявить, какъ уже сказано было выше, что такимъ причинамъ нѣтъ мѣста въ наукѣ. Онъ прямо сказалъ, что ни одинъ физиологъ не можетъ допустить предположенія Стжелецкаго, и особенно обратилъ вниманіе на нравственныя причины вымиранія туземцевъ, о которыхъ уже упомянулъ Брокъ. По мнѣнію Гратиолэ, дикарь, страной котораго овладѣли европейцы, какъ будто уже не дома и чувствуетъ что-то въ родѣ тоски по родинѣ. Въ пьянствѣ ищетъ онъ забвенія этой тоскѣ; но она возвращается, и онъ надаетъ духомъ, случается, какъ запертое животное. Тоска неволи достаточна для того, чтобы сдѣлать животное бесплоднымъ; собаки, постоянно запертыя въ клеткѣ, теряютъ даже стремленіе къ половому совокупленію. Быть можетъ, этой причиной можно объяснить бесплодіе полинезцевъ и австралійцевъ.

Отличительная черта дикихъ расъ, по Гратиолэ, не есть не-

достатокъ ума, но положительная неспособность подчиниться какому-либо правилу. Племена Меланезіи не отличаются умственными способностями, но полинезцы одарены ими, по крайней-мѣрѣ, на столько же, на сколько и многіе другіе народы, давно уже вышедшіе изъ дикаго состоянія. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали уже много успѣховъ на пути цивилизаціи, но продолжаютъ вымирать, какъ и другіе. Это зависитъ отъ того, что цивилизація проникаетъ къ нимъ ненормальнымъ путемъ; цивилизаторы прямо обращаются къ взрослымъ; ихъ отрываютъ внезапно отъ прежней жизни и предлагаютъ имъ совершенно новыя обычаи и нравы; они принимаютъ эту новую жизнь, но ими овладѣваетъ тоска, потому что они не были подготовлены къ этому воспитаніемъ. Слѣдовало бы начинать съ дѣтей; только въ новыхъ поколѣніяхъ можно сѣять новыя сѣмена; такъ-какъ до сихъ поръ этому правилу не слѣдовали, то трудно было и ожидать хорошихъ результатовъ.

Кастельно (Castelnau) еще развилъ мысль, высказанную Брокъ; онъ обратилъ вниманіе на вопросъ: не должно ли сосѣдство цивилизованныхъ народовъ измѣнить условія жизни дикарей? Первое вліяніе такого сосѣдства сказывается въ уменьшеніи пространства земли, находящейся въ распоряженіи дикарей, и потому ограничиваетъ ихъ скудные средства существованія. Въ особенности терпятъ отъ этого народы, живущіе около. Въ Сѣверной Америкѣ вѣтхенные европейцами краснокожіе должны были переселиться на западъ; тамъ они должны были оспаривать земли у другихъ индіанцевъ. Начались кровопролитныя войны между различными племенами, раздѣленіе территорій, новое вѣтхеніе и новыя эмиграціи. Каково приходилось въ это время изгнанному племени? Въ новой мѣстности оно не могло пользоваться тою опытностью, тѣмъ знаніемъ мѣстныхъ условій, которыми такъ выгодны для охотника. До приобрѣтенія новаго знанія, жизнь становилась трудна за недостаткомъ пищи. Нельзя сказать, что они буквально умирали съ голоду, но смертность возрастала; тѣло ослабѣвало; слабѣло и мужество. Удивительно ли, что все это отразилось и на плодородіи?

Въ слѣдующемъ засѣданіи Перье сталъ рѣшительно на старую, гердеровскую точку зрѣнія различной способности расъ въ совершенствованіи и необходимости приравливаться къ ихъ особенностямъ, а не подводить ихъ всеъ подъ одинъ уровень нашей цивилизаціи. «Мы говоримъ, — сказалъ онъ *, — съ

* «Bulletin». I, 329 и слѣд.

каждимъ народомъ на его языкѣ, и каждая раса имѣетъ свои врожденныя склонности, на которыя прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ-какъ извѣстно, что нравы создаютъ законы, а не законы нравы».

Странно требовать отъ народа, чтобы онъ внезапно измѣнилъ свое богослуженіе, особенно когда онъ не можетъ уклониться отъ нга, какъ сдѣлали нарсы, ушедшіе въ Индустанъ, или испанскіе мавры, которые предпочли выселеніе обращенію въ христіанство. «Нельзя сказать народу: цивилизуйся; если онъ цивилизуется, то по своему, въ свое время. Грустные примѣры представляютъ намъ новообращенные христіане вездѣ, куда проникли наши неустрашимые миссіонеры! Черное населеніе Океаніи совершенно не измѣнилось со времени ея открытія, а въ Африкѣ оно мало отличается отъ того, чѣмъ оно было во время поѣздки Ганнона.

«Мы забываемъ, къ несчастію, что, прежде чѣмъ сѣять, надо приготовить почву. Мы, кажется, думаемъ, что довольно заставить народъ отречься отъ вѣковыхъ обычаевъ, отъ его религіознаго преданія, чтобы доставить ему требуемое благосостояніе. Но физиологія несогласна съ этимъ мнѣніемъ, основаннымъ, повидимому, на прежнихъ понятіяхъ о равенствѣ человѣческихъ типовъ, различія которыхъ относили исключительно къ различію воспитанія и учреждений.

«Но безразличное перениманіе чужихъ привычекъ и обычаевъ еще не есть путь, по которому народы достигаютъ прогресса; примѣромъ тому могутъ служить турки. По нашему мнѣнію, пока существуютъ неравныя расы, различающіяся по способностямъ, по нравамъ, по призваніямъ,—скажемъ болѣе, по климатамъ,—до тѣхъ поръ всемірная религія или, если угодно, всемірный культъ, всемірное воспитаніе и всемірныя учрежденія на столько же возможны, на сколько невозможны общій языкъ или общій миръ.

«Большинство этихъ народовъ-дѣтей, умственные способности которыхъ такъ же ограничены, какъ и общественный строй, не только враждебно относятся ко всякому принужденію, ко всякой дисциплинѣ, но, кромѣ того, они неудержимо привязаны къ своему образу жизни, къ своимъ преданіямъ и, въ особенности, къ своимъ религіознымъ обрядамъ. Это объясняетъ, хотя частью, вредное и столь несогласное съ цѣлью вліяніе цивилизаціи, которую мы хотимъ имъ навязать, не уважая существующаго порядка, начиная съ конца и совершенно какъ бы дѣло шло о народахъ намъ близкихъ». Перье вывелъ изъ ряда

извѣстныхъ фактовъ, что не только расы имѣютъ различную способность совершенствоваться, а нѣкоторыя даже неспособны вовсе къ цивилизаціи, но еще, что начала воспитанія должны быть столь же различны въ приложеніи воспитанія къ различнымъ расамъ. Онъ заключилъ словами Бэкона: «побѣдить при-роду можно лишь подчиняясь ей».

Катрфажъ придалъ нѣсколько иной оттѣнокъ преніянь, на-пирая на понятіе о *среде* и на зоологическія и ботаническія аналогіи. Онъ усвоилъ слову *среда* болѣе широкое значеніе, нежели это дѣлаютъ обыкновенно, именно не только значеніе совокупности физическихъ условій; условія нравственности, по мнѣнію Катрфажа, составляютъ ея существенный элементъ. Между нравственными условіями, первое мѣсто занимаетъ, какъ онъ полагаетъ, вліяніе религіи, потому что влечетъ за собой множество обычаевъ и привычекъ, замѣняющихъ весь строй жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и общества. Далѣе онъ сказалъ, что, подобно нѣкоторымъ человѣческимъ расамъ, мно-гія породы животныхъ не могутъ жить въ извѣстной средѣ. Породы домашнихъ животныхъ Нормандіи, Бретани, Лимузина живутъ только въ своихъ провинціяхъ. У бретонскихъ коровъ, перевезенныхъ въ Лимузинъ, несмотря на хорошій уходъ и улучшение пищи, пропадаетъ молоко. То же можно сказать и о различныхъ видахъ растений. Есть мѣстности, гдѣ нужно еже-годно возобновлять сѣмена овощей. Точно также каждой расѣ необходима для ея существованія извѣстная среда, изъ кото-рой ее нельзя внезапно вырвать, не нанеся ей значительнаго вреда.

Вернейль (Verneuil) нашелъ сравненіе Катрфажа не совсѣмъ вѣрнымъ. Онъ сравниваетъ цивилизованіе дикихъ народовъ съ одомашненіемъ животныхъ. Животныхъ *цивилизуютъ* для того, чтобы ими пользоваться, слѣдовательно заботятся не только о томъ, чтобы укротить ихъ, а также о томъ, чтобы они стали сильнѣе и болѣе размножались. За ними ухаживаютъ съ разумною заботливостью, окружаютъ самыми благоприятными условіями, устраняютъ все, что можетъ имъ вредить. Подобное цивилизованіе разумно, потому что оно основано на благосо-стояніи тѣхъ, кого цивилизуютъ; потому и удалось приручить нѣкоторыя породы животныхъ, не вреда прочности ихъ расы; плодовитость нѣкоторыхъ изъ нихъ даже умножилась, чему можетъ служить примѣромъ домашній кроликъ, который втрое или вчетверо плодороднѣе дикаго.

Почему же цивилизація дикихъ народовъ ослабляетъ ихъ и

дѣлають безплодными? Потому что мы хотимъ измѣнить ихъ для нашей выгоды, а не для ихъ собственной. «Мы почти никогда не приходимъ къ нимъ, чтобы сдѣлать ихъ цивилизованными или христіанами, но чтобы завести среди ихъ конторы и поглотить богатства ихъ странъ».

Брокъ, какъ обыкновенно въ спорахъ парижскаго общества, постарался поставить вопросъ, по возможности, болѣе на точку зрѣнія фактовъ и науки. Онъ призналъ несостоятельность попытокъ, сдѣланныхъ для цивилизаціи дикихъ народовъ, но онъ не счелъ возможнымъ принять эту несостоятельность за единственную или даже за главную причину разнообразія результатовъ, полученныхъ въ различныхъ странахъ европейскими цивилизаторами. Онъ воспользовался употребленнымъ уже сравненіемъ цивилизованія дикихъ народовъ съ одомашненіемъ животныхъ, и замѣтилъ, что не всѣ животныя породы одинаково легко сдѣлались домашними: есть такія, которыя не поддаются никакимъ стараніямъ, а другія, напротивъ, поддаются имъ весьма скоро.

Маленькіе кролики, взятые изъ норокъ, весьма скоро дѣлаются ручными, и первое поколѣніе становится уже совершенно домашнимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Южной Америки, привезенныя изъ Европы собаки снова возвратились къ дикому состоянію. Онѣ собираются въ большія стаи и такъ же свирѣпы, какъ волки; взрослые особи не поддаются прирученію, но маленькіе щенки, воспитанные въ домахъ, дѣлаются ручными и привыкають къ человѣку. Напротивъ того, маленькіе волчата, взятые изъ лѣсу, очень кротки, ласковы и даже послушны въ молодости; но едва они достигаютъ зрѣлости, какъ врожденная дикость снова просыпается въ нихъ. То же самое замѣчено о человѣкообразныхъ обезьянахъ, и потому должны были бросить всѣ попытки одомашненія этого животнаго, сила и ловкость котораго могли бы быть такъ полезны человѣку. По мнѣнію Брокъ, между людьми, какъ между животными, есть расы, врожденныя и весьма различныя наклонности которыхъ облегчаютъ или затрудняютъ успѣхъ цивилизаціи, а иногда даже дѣлають ее совершенно невозможною. Иныя, очевидно, весьма способны къ усовершенствованію, другія нѣтъ. Первыя цивилизуются, каковъ бы ни былъ приѣмъ, для этого употребленный; вторыя противятся самымъ терпѣливымъ и разумнымъ стараніямъ.

Брокъ подтвердилъ свою мысль двумя примѣрами изъ Океаніи, а именно: онъ взялъ Австралію и островъ Гавайи (изъ

Сандвичевыхъ острововъ). Англичане употребляли въ Австраліи всевозможныя старанія для цивилизованія туземцевъ. Они не старались обратить ихъ въ невольничество, хотя вѣроятно бы въ этомъ и не успѣли, такъ-какъ въ невольничество можно обратить только племя, имѣющее понятіе о трудѣ, а австралійцы, кажется, неспособны дойти до этого. Съ ними обращались во многихъ мѣстностяхъ весьма гуманно. Имъ построили хижины, но они не могли рѣшиться провести ночь подъ какой-нибудь крышей; имъ выдали провіантъ, земледѣльческія орудія, одежды, но нивагъ не могли уговорить ихъ прикрывать свою наготу и растолковать, что самый легкій земледѣльческій трудъ въ сто разъ выгоднѣе рыбной ловли или охоты, далеко не всегда удачной. Попробовали, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на массу, обратиться къ личностямъ. Нѣсколькихъ молодыхъ австралійцевъ, казавшихся помышленнѣе, брали въ дома, гдѣ ихъ кормили, одѣвали и окружали всевозможными попеченіями. Имъ не навязывали никакой работы, не требуя отъ нихъ ничего, кромѣ позволенія кормить и одѣвать ихъ. Но все было напрасно: чрезъ нѣсколько лѣтъ они бросили свои платы и убѣжали въ лѣсъ. Двое изъ этихъ австралійцевъ: Бэннлонгъ и Даніэль пробывши нѣсколько лѣтъ въ Англіи, но едва успѣли пріѣхать снова въ Австралію, какъ возвратились къ дикой жизни. Знаменитый губернаторъ Мэквари (Macquarie) не удовольствовался этими примѣрами. Онъ руководствовался именно идеей Гратіола. Во имя довольно сомнительнаго права быть полезнымъ насильно, маленькихъ австралійцевъ брали въ лѣсу, какъ волчатъ. Ихъ отдѣлили отъ родителей, воспитали въ спеціальныхъ школахъ, выучили читать, писать и повторять нѣкоторыя молитвы. Но едва наступалъ періодъ возмужалости, какъ врожденные инстинкты пробуждались въ нихъ. Они сбрасывали одежду, перелѣзали иногда черезъ высокія стѣны, убѣгали для того, чтобы вести ту же жизнь, какъ ихъ отцы, которыхъ они никогда не знали. Думали, что не слѣдовало ихъ держать вмѣстѣ, изолируя отъ другихъ расъ, набрали новыхъ дѣтей обоюго пола и воспитали въ пріютѣ для сиротъ европейской расы, устроенномъ въ колоніи, думая, что, будучи постоянно окружены бѣлыми, они мало по малу переймутъ привычки товарищей. Результатъ былъ совершенно тотъ же, какъ и въ первый разъ. Наконецъ, попробовали увезти дѣтей въ Англію и поручили ихъ тамъ моравскимъ братьямъ, которые воспитали ихъ со всевозможнымъ стараніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ повезли обратно въ Австралію, надѣясь, что они

привлекуть къ цивилизаціи и своихъ соотечественниковъ; дѣло вышло наоборотъ, и пришлось сознаться, что эта раса неспособна къ цивилизаціи.

На Сандвичевыхъ островахъ встрѣчаемъ совсѣмъ иное. Обитатели ихъ въ настоящее время самыя цивилизованныя во всей Полинезиі, и обязаны этимъ только самимъ себѣ. Довольно было европейскимъ кораблямъ пройти мимо ихъ, чтобы они поняли пользу европейской цивилизаціи и вступили въ нее. Эти туземцы, которые въ 1779 году убили Кука, никогда не подчинились иновемцамъ. Европейскіе торговцы и миссіонеры поселились на ихъ островахъ, уже когда туземцы были цивилизованы. Одинъ изъ начальниковъ, извѣстный Тамеа-меа, главнѣйшимъ образомъ содѣйствовалъ этому быстрому развитію. Менѣе нежели въ 20 лѣтъ, онъ совершенно преобразовалъ архипелагъ. Когда европейское судно бросило якорь около Сандвичевыхъ острововъ, Тамеа-меа употреблялъ всевозможныя хитрости, чтобы соблазнить нѣсколькихъ матросовъ остаться на островѣ, и если ему удавалось, онъ дѣлалъ дезертировъ учителями своего народа. Менѣе нежели въ 15 лѣтъ, онъ создалъ себѣ флотъ, выстроилъ города, открылъ школы. Завоевавъ весь архипелагъ, онъ необыкновенно быстро сталъ развивать промышленность и торговлю. Онъ умеръ въ 1819 г., не измѣнивъ вѣрѣ отцовъ. Первые миссіонеры прибыли на Гавайи лишь въ 1820 г., и вскорѣ христіанство смѣнило прежнее вѣроисповѣданіе. Но европейскіе миссіонеры, также какъ европейскіе торговцы и солдаты, нисколько не содѣйствовали этому быстрому развитію; европейцамъ въ этомъ случаѣ не пришлось употребить ни силы, ни убѣжденія; они дѣйствовали только примѣромъ.

Достаточно сравнить исторію жителей Гавайи съ исторіей австралійцевъ для убѣжденія, что одни способны совершенствоваться, другіе нѣтъ. Первые цивилизовались сами, вторые устояли противъ всевозможныхъ попытокъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ на Таити, цивилизація не привилась такъ легко, какъ въ Гавайи. Тамъ англійскіе миссіонеры взяли въ руки управленіе; между ихъ прозелитами и приверженцами старой вѣры происходили кровопролитныя войны; послѣдніе были истреблены и новое общество возникло.

Но замѣчательно, что на Гавайи, на Таити и въ Австраліи соприсношеніе съ цивилизаціею было одинаково губительно для туземцевъ. Туземная раса угасала вездѣ: и въ странѣ, гдѣ цивилизовалась сама собой, и тамъ, гдѣ цивилизація обоплалась ей дорого, и наконецъ тамъ, гдѣ она не поддавалась никакимъ

попыткамъ. Жители Гаваи вымирають, какъ таитяне и австралийцы.

О таитянахъ можно сказать, что они были стѣснены нравственно; имъ навязывали насильно постороннее вліяніе, и нетерпимость миссіонеровъ отняла у нихъ часть свободы. Объ австралийцахъ можно сказать, что они были вытѣснены изъ своихъ владѣній въ другія мѣстности, имъ менѣе знакомыя и гдѣ средства къ жизни стали еще болѣе скудны; этимъ причинамъ физическимъ или нравственнымъ можно приписать угасаніе этихъ расъ. Но жители Гаваи теперь свободнѣе, чѣмъ когда либо; промышленность, земледѣліе, торговля стали новыми источниками ихъ благосостоянія. У нихъ прекрасныя жилища, здоровая пища, хорошая одежда, и между тѣмъ раса эта вымираетъ, какъ и другія. Отыскивая причины этого печальнаго явленія, невольно приходитъ на мысль, говорить Брокъ, что ихъ физическая организація противится цивилизованной жизни. Впрочемъ, они здоровы; болѣзни, занесенныя европейцами, не дѣлали большихъ опустошеній; средняя продолжительность жизни туземцевъ тоже, повидимому, не уменьшилась замѣтно. Вымираніе расы слѣдуетъ приписать безплодію женщинъ. Въ другихъ архипелагахъ оно обуславливалось патологическими причинами.

Такъ-какъ Брокъ говорилъ лишь объ Океаніи, то Рамò привилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Сѣверной Америкѣ, въ особенности же о Канадѣ, такъ-какъ въ другихъ мѣстахъ притѣсненія англичанъ и гражданъ Соединенныхъ Штатовъ могли содѣйствовать къ истребленію туземцевъ. По словамъ Рамò, въ Канадѣ дѣло шло совершенно иначе. Французы вовсе не желали колонизовать Канаду; они хотѣли побудить туземцевъ къ обработкѣ земли и потому не старались ни истреблять, ни вытѣснять ихъ, ни обратить въ невольничество. Колонисты поселились въ ихъ сосѣдствѣ; но оставили обширныя земли въ ихъ владѣніи и всегда чрезвычайно мягко обращались съ ними. Посланные миссіонеры были хорошо приняты туземцами; нѣкоторые обратились въ христіанство, другіе остались язычниками, но это не нарушило мира между тѣми и другими. Нѣкоторые племена состоятъ почти въ равномъ количествѣ изъ приверженцевъ обѣихъ вѣръ: есть и вполнѣ языческія племена, также какъ и вполнѣ христіанскія. Но что касается труда и развитія, то дикари нисколько не измѣнились. Они никакъ не могутъ понять пользу труда, и это продолжается съ 1640 года, т.-е. слишкомъ двѣсти двадцать лѣтъ! Влізъ la jeune Lorette, влізъ

Волчьей рѣки, живутъ племена прокезовъ, пѣльме 200 лѣтъ окруженны европейцами, но до сихъ поръ они находятся еще въ дикомъ состояніи, въ которомъ вѣроятно и останутся. Населеніе ихъ не измѣняется въ численности, плодородіе ихъ женщинъ, можетъ быть, нѣсколько уменьшилось, но онѣ не отличались имъ и до сношенія прокезовъ съ европейцами.

Слѣдующее засѣданіе отличалось обиліемъ и длиннотою рѣчей защитниковъ начала, что всѣ расы одинаково способны къ цивилизаціи. Но должно замѣтить, что аргументація ихъ была не весьма блистательна *. Катрфажъ, одинъ изъ упорныхъ моногенистовъ, можетъ быть, испугавшись того, что онъ подалъ поводъ къ сравненію человѣческихъ расъ съ животными, поставилъ прямо апіористическое положеніе: «способность къ цивилизаціи до такой степени свойственна человѣческой природѣ, что раса, неспособная цивилизоваться, не была бы расою людей». Онъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что сравнивая человѣческія расы въ отношеніи способности ихъ къ прогрессу, не надо упускать тѣхъ формъ, подъ которыми имъ явилась цивилизація, и тѣхъ способовъ, которые употребляли для пріивитія къ нимъ цивилизаціи. Если же, несмотря на вліяніе европейцевъ, народъ остался все-таки въ дикомъ состояніи, то слѣдуетъ прослѣдить, проявляется ли противодѣйствіе цивилизаціи во всей расѣ или въ отдѣльных вѣтвяхъ. Если хотя одно племя способно совершенствоваться, то, по мнѣнію Катрфажа, доказано, что всякая раса способна къ тому. Ораторъ заключилъ тѣмъ же основнымъ положеніемъ, съ котораго началъ.

Мы будемъ имѣть случай вернуться ниже къ длинной рѣчи Будена о религіозномъ вопросѣ. — Руфцъ замѣтилъ, что во всѣ времена болѣе цивилизованные народы смотрѣли на народы низшей цивилизаціи, какъ на неспособныхъ къ цивилизаціи вообще. Было время, когда римляне думали такъ о галлахъ. Что же касается вымиранія племени въ Океаніи, то причины его Руфцъ нашелъ чрезвычайно разнообразными, и за одну изъ нихъ призналъ «сдѣланную ошибку принужденія туземцевъ къ труду». Трудъ для дикихъ ненавистенъ; именно онъ отталкиваетъ болѣе всего дикаря отъ цивилизаціи. — Мартенъ де-Мусси (Martin de Moussy) выразилъ сомнѣніе, чтобы существовала раса, совершенно неспособная къ цивилизаціи. Въ Южной Америкѣ встрѣчаются расы, болѣе или менѣе способныя къ про-

* «Bulletins». I, 347 и слѣд.

грессу, но многія изъ нихъ, которыхъ считали совершенно къ нему неспособными, мало-по-малу все-таки приобрѣли кое-какую цивилизацію. Расы, занимающія равнину, которая не знала земледѣлія, не измѣнились и поврежнему живутъ охотою; но таубы, живущіе за рѣкой Параной, противъ Корѣнтеса, проводятъ время отъ времени работать въ городъ. Мужчины, большею частью кирпичники, работаютъ на бойнѣ или при уборкѣ апельсиновъ. Они продолжаютъ выщипывать себѣ волосы и татуироваться, но дѣти ихъ смѣшиваются съ бѣлыми. Они не переходятъ въ христіанство и объ этомъ вообще мало заботятся. Эти таубы часто производятъ внѣ своей страны торговлю съ другими племенами различными предметами европейской видѣлки. Женщины ихъ часто скрещиваются съ европейцами. Паугуасы, живущіе противъ острова Вознесенія и прежде ходившіе голыми, въ настоящее время закрываются въ одѣла. Женщины ихъ никогда не отдаются европейцамъ. Они не христіане. Они занимаются продажей рыбы и привозятъ въ городъ сѣно. Они не умѣютъ ни читать, ни писать, но очень хорошо знаютъ ассигнаціи и никогда не ошибаются въ нихъ. Они очень красивы и смуглые всѣхъ остальныхъ туземцевъ этихъ странъ.

Оставляя въ сторонѣ небольшой зоологическій споръ, возникшій эпизодически между Броуа и Жофруа-Сентъ-Илеромъ, переходимъ къ рѣчи Броуа на слѣдующее засѣданіе *, когда онъ отражалъ нападенія всѣхъ противниковъ и замѣтилъ, что пренія придаютъ тенденціозный смыслъ похвалы или осужденія для той или другой расы, пытался поставить пренія снова на научную почву, установивъ болѣе точно значеніе употребляемыхъ терминовъ. Онъ призналъ, что нѣкоторые англійскіе писатели овлеветали австралійцевъ, представивъ ихъ жестокими, кровожадными, чуждыми всякихъ хорошихъ чувствъ. Если австралійцы совершали преступленія, они, конечно, менѣ виновны, нежели европейцы, которые служили имъ въ томъ примѣромъ. «Я не утверждаю — говорить Броуа — что австралійцы жестоки (feroces), не говорю даже, чтобы они стояли ниже насъ по своимъ природнымъ нравственнымъ качествамъ; говорю только, что они дикари, и едва-ли способны выйти изъ этого состоянія. Эти два понятія не слѣдуетъ смѣшивать. Нѣтъ ничего общаго между *нравственными качествами*, какъ доброта, кротость, благодарность, любовь къ семьѣ и проч., и *умственными способностями*, отъ которыхъ зависятъ предусмотритель-

* «Bulletins». I, 368 и слѣд.

ность, порядокъ, остроуміе, изобрѣтательность, устойчивость въ трудѣ, именно то, что дѣлаетъ расу способной къ цивилизаціи, способной къ пониманію выгоды пожертвовать частью естественной свободы, чтобы жить въ благоустроенномъ обществѣ, выгоду работать сегодня, чтобы собирать жатву черезъ шесть мѣсяцевъ и поворяться законамъ, чтобы пользоваться ихъ защитой. Тѣ изъ расъ, которыя понимаютъ эти социальныя начала, болѣе или менѣе цивилизуются, нѣкоторыя сами собой, другія путемъ подражанія, убѣжденія или силы, смотря по свойству и по широтѣ ихъ ума; тѣ, которыя не могутъ понять этихъ началъ, остаются дикарями. Это вовсе не означаетъ, что эти расы лишены нравственныхъ качествъ или даже лишены ума; это означаетъ только, что имъ недостаетъ нѣкоторыхъ умственныхъ способностей или что эти способности существуютъ у нихъ не въ надлежащей степени. Я думаю, что австралійцы находятся въ этомъ состояніи, и думаю это потому, что нѣтъ факта, дозволяющаго думать иначе, потому, что ничто не побуждаетъ насъ ожидать переменъ ихъ социальнаго быта въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. Я желалъ бы ошибиться; время разсудитъ насъ.

«Было высказано, что «раса, неспособная цивилизоваться, не была бы расою людей». Эти слова кажутся мнѣ слишкомъ произвольными, потому что при классификаціи существъ нельзя подчинять всѣхъ признаковъ одному. Кромѣ того, способность къ цивилизаціи вовсе не простой признакъ, въ родѣ тѣхъ, которые служатъ для классификаціи или для опредѣленія родовъ и видовъ; это равнодѣйствующая сила, которая зависитъ не отъ присутствія или отсутствія тѣхъ или другихъ умственныхъ способностей, а отъ степени ихъ развитія.

«Впрочемъ, я хотѣлъ доказать лишь, что способность къ цивилизаціи или, если угодно, совокупность качествъ, которую мы называемъ *способностью совершенствоваться*, весьма неравномѣрно распредѣлена между человѣческими расами. Умственные способности расъ весьма различны; онѣ наследственны также, какъ и физическіе признаки, и образуютъ между расами такія же и даже болѣе рѣзкія различія, какъ анатомическія различія, на которыхъ основываются наши классификаціи. Вотъ, что я хотѣлъ доказать. Нѣкоторыя расы цивилизуются сами собой; другія, хотя имъ и не принадлежитъ инициатива прогресса, понимаютъ его и усваиваютъ его съ большею или меньшею стремительностью; есть, наконецъ, и такія, которыя, повидному, неспособны совершенствоваться сами. ни совершенство-

ваться отъ прикосновеній къ нимъ расъ, поставленныхъ въ болѣе выгодное положеніе.

«Делазіовъ (Delasiauve), въ довольно напыщенной рѣчи, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что о способности народовъ къ цивилизаціи судятъ по неопредѣленнымъ разсказамъ и по изолированнымъ примѣрамъ, но что при этомъ, для правительнаго сужденія, недостаетъ весьма многого, что въ самой Франціи, въ недавнемъ прошедшемъ, въ глухихъ провинціяхъ и особенно въ деревняхъ развитіе стояло весьма низко, крайне невысоко стоитъ и въ настоящемъ.

«Между тѣмъ — воскликнулъ ораторъ — вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ мы плывемъ въ океанѣ цивилизаціи *. Цивилизующее дѣйствіе богатаго, отдѣленнаго привычками и образомъ жизни отъ меньшинства на массу народа въ деревняхъ представляетъ столь же много препятствій, какъ и дѣйствія европейцевъ на дикихъ. Только то вліяніе оказывается дѣйствительнымъ, которое незамѣтно проникаетъ въ низшіе классы общества, которое распространяется какъ бы само собою и въ которомъ недовѣрчивая свобода личности не видитъ чего либо навязаннаго ей извнѣ».

Перье еще разъ, на слѣдующемъ засѣданіи, вступилъ въ пренія и указалъ на то обстоятельство, что защитники равенства способностей къ цивилизаціи у людей различныхъ типовъ допускаютъ, однакоже, физиологическое неравенство различныхъ вѣтвей человѣчества, неравенство физическое, неравенство нравственное, неравенство умственное. Въ наше время всѣ эти различія стали слишкомъ очевидны. Никто уже не вѣритъ въ основное равенство человѣческаго ума; однако, повидимому, предполагается, что наименѣе одаренныя расы могли бы, при извѣстныхъ условіяхъ, дойти до той степени умственнаго развитія, когда возможно явленіе, которое принято называть *цивилизацией*. Но, судя по всѣмъ извѣстнымъ свидѣтельствамъ, природа устроила иначе, потому что этническое различіе, по мнѣнію Перье, устойчиво.

«Если — замѣтилъ ораторъ — какъ мы это думаемъ, настоящая цивилизація, при надлежащей широтѣ ея, есть выраженіе высшаго умственнаго развитія человѣческихъ обществъ, то неужели неправда, неужели не очевидно, что лишь бѣлыя вѣтви въ прошедшемъ, какъ и настоящемъ, могутъ присвоить себѣ это великолѣпное право, за которое онѣ заслуживаютъ высшему достоинству».

* «Buletins». I, 419 и слѣд.

ству своего тина. Если же допускать, согласно съ дѣйствительностью, нѣсколько ступеней цивилизаціи, какъ есть нѣсколько родовъ ея, то опять не очевидно ли, что тѣ же расы, называемыя кавказскими, занимають при этомъ первое мѣсто; за ними слѣдуютъ цвѣтныя, а негры занимають послѣднюю ступень».

Что касается способности совершенствоваться въ смыслѣ способности къ *воспитанію*, то Перье нашелъ, что всѣ народы способны совершенствоваться: имъ всѣмъ доступно воспитаніе, слѣдовательно совершенствованіе. Только способность совершенствоваться умственно столь же различна, какъ самыя расы или какъ организмы, въ нихъ входящіе.

Повидимому, тутъ ничего не было сказано новаго, и даже скорѣе, послѣ рѣчи Перье, вопросъ былъ затемненъ, не говоря уже о томъ, что негръ былъ поставленъ ниже другихъ, противно всѣмъ аналогіямъ, а постоянство типовъ было утверждено для человѣка въ то самое время, когда книга Дарвина сдѣлала его крайне сомнительнымъ для цѣлаго животнаго царства. Тѣмъ не менѣе вдругъ оказалось, что всѣ противники почти согласны. Катрфажъ призналъ существованіе высшихъ и низшихъ расъ и сказалъ, что смотреть на взрослого негра, какъ на существо, умственныя способности котораго остановились на томъ фазисѣ развитія, которое мы замѣчаемъ у бѣлой расы въ періодъ отрочества. Въ школахъ, гдѣ воспитываютъ вмѣстѣ дѣтей негровъ и бѣлыхъ, они обнаруживаютъ одинаковыя способности и понятливость почти до двадцатилѣтняго возраста; но за этимъ предѣломъ разница дѣлается все болѣе и болѣе замѣтною. Негръ сохраняетъ на всю жизнь легкомысліе, непостоянство и вѣтренность ребѣнка. — Пушэ поспѣшилъ воспользоваться замѣчаніемъ Катрфажа для сравненія, которое, конечно, было непріятно послѣднему. «Я думаю — сказалъ онъ — что законъ, управляющій всѣмъ рядомъ животныхъ, распространяется и на высшихъ членовъ этого ряда, и что существуетъ градація между высшими обезьянами и низшими человѣческими расами. Человѣкообразныя обезьяны бываютъ въ молодости послушны, понятливы, ручны, я готовъ сказать — способны цивилизоваться; но какъ только достигаютъ онѣ періода возмужалости и на ихъ черепахъ образуется всѣмъ извѣстный костяной выступъ въ формѣ срединнаго гребня, тогда онѣ становятся неприступны и дикі. Инстинктъ животнаго, на время усиленный воспитаніемъ, снова становится преобладающимъ».

Но мы должны остановиться на двухъ замѣчаніяхъ Катрфажа:
T. CLXXXIV. — Отд. I.

въ послѣдней его рѣчи. Первое относится къ тому, что при дѣйствіи одного народа на другой для развитія послѣдняго, чѣмъ выше стоятъ воспитатели въ сравненіи съ воспитываемыми, тѣмъ сомнительнѣе успѣхъ желаемой цивилизаціи. «Полуобразованные люди имѣютъ болѣе вліянія на варваровъ — сказалъ онъ, — чѣмъ люди вполне развитые. Киргизовъ цивилизуютъ не русскіе офицеры, а казаки. Между тѣмъ эти казаки, сами, показались бы намъ варварами. Я заимствовалъ этотъ фактъ у г. Чихачева (Tchiatcheff)». Нельзя похвалить русскіхъ офицеровъ, если фактъ вѣренъ.

Второе замѣчаніе, о которомъ мы хотѣли упомянуть, Катрфажъ формулируетъ такъ: «есть только два способа усовершенствовать породу животныхъ: *подборъ родителей* и *скрещиваніе* съ высшей породой. Первое невозможно въ отношеніи человѣка; послѣднее, напротивъ, встрѣчается повсемѣстно».

Пренія 1860 г. были заключены длинною рѣчью Прюнеръ-Беа *, который пытался въ особенности поколебать убѣжденіе товарищей въ томъ, что австралійцы занимаютъ несправедливо низкое положеніе въ ряду человѣческихъ расъ. Онъ призналъ, что австралійцы не имѣли цивилизаціи и до сихъ поръ выказали мало склонности усвоить цивилизацію европейскую, но привелъ также свидѣтельства путешественниковъ, жившихъ долго въ Австраліи въ прикосновеніи съ туземцами. Судя по этимъ свидѣтельствамъ, австралійцы нисколько не ниже другихъ расъ по способностямъ. По Грею «они столь же способны и умны, какъ всякая другая раса»; по Кеппелю (1853) они быстро выучиваются языкамъ, хорошіе моряки и точные наблюдатели въ путешествіяхъ; по Мэсси (Massie) они прекрасные пастухи, сторожа; по Ридлею они весьма быстро выучиваются ходить за стадами и между собою очень честны; ихъ съ успѣхомъ выучиваютъ даже садоводству. По Грею, у нихъ есть рисунки и скульптурныя изображенія; по Эйру они вырываютъ колодцы въ известнякѣ; по Робинзону строятъ плотины для регулированія рѣвъ; близъ горы Нэпира они имѣютъ обширныя хижины. Они не цивилизовались сами, потому что особенность природы, ихъ окружающей, отказала имъ въ необходимыхъ средствахъ, чтобы собираться массами. По Эйру «они возвращаются къ прежней жизни вслѣдствіе предрасудковъ, дурной платы за трудъ, недостатка покровительства и вслѣдствіе противорѣчій законовъ. Тѣмъ не менѣе отъ 300 до 500 человѣкъ

* «Bulletins». I, 479 и слѣд.

приходить ежегодно въ Аделаиду искать работы». Возвращеніе дѣтей, воспитанныхъ искусственно, къ быту ихъ родителей повторилось у всѣхъ расъ. Но Прюнеръ-Бей, въ своей защитѣ австралійцевъ, прибѣгъ еще къ аргументу, который доступенъ весьма немногимъ изъ членовъ парижскаго общества, именно къ языкознанію. Онъ доказалъ, на основаніи развитія языка австралійцевъ, на сколько существуютъ о немъ свѣдѣнія, что умственное ихъ развитіе стоитъ даже выше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ развитіе нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Сближая жителей Австраліи съ туземнымъ племенемъ Индостана (дравидосами), Прюнеръ-Бей признаетъ, что между австралійцами существуетъ два типа племенъ и что нельзя отказать имъ въ способностяхъ цивилизоваться. На неграхъ онъ остановился менѣе, потому что, по правдѣ сказать, при теперешнемъ знакомствѣ съ племенами Африки, стоящими на весьма различной степени общественнаго строя, осужденіе негровъ огуломъ, какъ недоступныхъ цивилизаціи, чрезчуръ ненаучно. Подъ конецъ Прюнеръ-Бей употребилъ нѣсколько искусственный аргументъ относительно дикихъ народовъ. Названіе дикихъ, по его мнѣнію, предполагаетъ понятіе отвораченія къ обществу, а не можетъ быть приложимо къ семьямъ и народамъ. Есть дикія личности; нѣтъ дикихъ народовъ. Истинные дикіе — это эгоисты цивилизованнаго общества и люди въ родѣ американскихъ трэпперовъ, удаляющіеся изъ цивилизованнаго общества, чтобы жить внѣ закона и всякаго правила.

12. Гибель низшихъ расъ.

Приводя различныя мнѣнія ораторовъ парижскаго общества, мы обошли до сихъ норъ аргументы, изъ которыхъ, такъ-сказать, вышли всѣ эти пренія, т.-е. факты, доказывающіе вымирание различныхъ расъ. Мы предпочли такъ поступить, чтобы резюмировать данныя, сюда относящіяся, преимущественно по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, которыя находимъ въ статьѣ Шафгаузена, служившей намъ уже выше для очерка положенія дикихъ*.

Шафгаузенъ указываетъ, согласно съ другими свѣдѣніями, между прочими приведеннымъ выше указаніями Мартенъ-де-Мусси, что дикія племена Южной Америки и странъ, гдѣ коло-

* «Archiv». II, 180 и слѣд.

низация производилась испанцами, мало-по-малу втягиваются въ интересы цивилизации. Народонаселение Мексики еще и понинѣ состоитъ на половину изъ индейцевъ, которые, какъ и караибы, по большей части усердные хлѣбопашцы и искусные ремесленники. Индейцы Экуадора, говоряще языкомъ Квича, насколько не изменили своихъ привычекъ, обычаевъ, одежды и внѣшняго вида со времени вторженія Пизарро; они не смѣшиваются съ другими расами и число ихъ увеличивается, тогда какъ народонаселение бѣлыхъ и метисовъ замѣтно уменьшается съ уменьшеніемъ притока колонистовъ. Часто грубые народы выказывали сильное стремленіе учиться, и если, несмотря на то, не удавалось ихъ двинуть впередъ, въ этомъ была не только ихъ вина. Когда гернгутеры основали на югѣ Африки братство Гнаденталь (долины благодати) въ 1792 году, они описывали готтентотовъ, какъ весьма добродушный, пастушескій народъ; съ чистыми нравами и очень способный обучаться. Дикіе бушмены, войдя, послѣ долгой вражды, въ переговоры съ колонистами, просили, чтобы имъ дали такихъ учителей, какихъ они видѣли у готтентотовъ.

Уже не разъ основывались республики негровъ. Въ 1766 г. въ голландской Гвианѣ образовались три республики бѣлыхъ негровъ Фарамака, Коттика и Аука. Въ 1787 г. на берегахъ Сенегамбіи англичане основали колонію Сьерра-Леоне *. Конечно, всѣ эти общества имѣли эфемерное существованіе, но, по видимому, это не будетъ участь Либеріи, основанной въ 1823 году сѣверо-американскимъ филантропическимъ обществомъ на западномъ берегу Африки, называемомъ Перцовымъ. Въ 1846 году она стала независимой республикою, простирала свои владѣнія въ 1850 году до 1,800 кв. миль, имѣя 150,000 негровъ населенія; въ 1862 году населеніе ея возрасло до полумилліона, въ томъ числѣ 484,000 негровъ уроженцевъ Африки, и она владѣла берегомъ длиною въ 900 верстъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ генеральнымъ консуломъ Ральстономъ **. Ея представитель нынѣ, какъ слышно, въ Петербургѣ, и можно ожидать скорого признанія негритянской республики нашимъ правительствомъ. Либерія есть въ Африкѣ расадникъ протестантизма и американской цивилизации. Она раздѣлена на четыре графства, изъ которыхъ каждое посылаетъ въ сенатъ двухъ

* «Bulletins». I, 423 и сл. Относительно года основанія Либеріи при различіи данныхъ отъ 1821 до 1824 г. мы слѣдовали статьѣ въ «Unsere Zeit» 1859 г., писанной прусскимъ морякомъ, посѣтившимъ республику.

** «The Republic of Liberia» въ «Journ. of the Soc. of art.» May 1862.

депутатовъ; кромѣ того, каждыя десять тысячъ выбираютъ одного депутата въ палату представителей. Африканцы, принявшіе культурныя привычки и удержавшіе ихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, получаютъ право голоса при выборахъ. Англійскій языкъ господствуетъ въ Либеріи и важнѣйшіе начальники окрестныхъ странъ посылаютъ туда своихъ сыновей учиться англійскому языку и англійскимъ обычаямъ. Въ 1858 году республика заключила съ Португаліей договоръ, заключавшій условіе, что торговля невольниками будетъ преслѣдуема наравнѣ съ морскимъ разбойничествомъ.

Что касается колоній индіанцевъ, колоній, основанныхъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для огражденія туземцевъ отъ гибели и стоившихъ очень дорого, хотя онѣ управлялись большею частью очень дурно, то объ нихъ можно сказать мало хорошаго. Калифорнія тратитъ на нихъ ежегодно 250,000 долларовъ. Хотя индіанскую Reservation въ Мендосино выставляли тому нѣсколько лѣтъ назадъ весьма благодѣтельно для индіанцевъ, потому-что тамъ живутъ 4000 туземцевъ подъ весьма небольшимъ надзоромъ; но въ послѣдніе годы въ различныхъ Reservations Калифорніи много индіанцевъ умерло съ голоду. Въ долинѣ Номенкулъ зимой 1858—59 года было умерщвлено болѣе 150 индіанцевъ съ женами и дѣтьми, несмотря на то, что долина была имъ предоставлена, какъ Reservation; среди бѣлаго дня убивали безоружныхъ людей и женщинъ съ грудными дѣтьми на рукахъ. Около залива Гумбольдта былъ совершенъ цѣлый рядъ убійствъ. Въ другой мѣстности индіанцевъ вытѣснили изъ ихъ жилищъ при помощи отряда милиціи, и когда эти несчастные, побуждаемые голодомъ, воротились назадъ, вооруженная толпа прошла ночью въ ихъ стоянку и уничтожила всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Такъ говорятъ газеты изъ Санъ-Франциско; поэтому нечего удивляться извѣстію, что населеніе туземцевъ Калифорніи въ короткое время со ста пятидесяти тысячъ убавилось до 30,000. Герштейкверъ описываетъ этихъ дикарей, какъ добродушный, миролюбивый народъ и говоритъ о цивилизованныхъ калифорнійцахъ: «они называютъ этихъ несчастныхъ мошенниками и убійцами, когда тѣ, выгнанные изъ мѣстностей, гдѣ они охотились, лишеныя всякихъ средствъ существованія, въ виду кровавыхъ труповъ друзей и братьевъ, кое-когда — и еще какъ рѣдко — поступаютъ по праву мести и пытаются убить того или другого изъ тѣхъ, которые принесли ихъ племеню смерть и конечное разореніе». Вытѣсненіе изъ ихъ поселеній всегда губительно для этихъ на-

родовъ. Прокезы, до выселенія ихъ изъ Джоржін, были самымъ развитымъ изъ всѣхъ индіанскихъ племенъ; въ 1829 году они получили за отреченіе отъ своихъ правъ на земли 25 милліоновъ франковъ и территорію около границъ Арканзаса. Они отклоняли эти условія въ запискѣ съ 15.000 подписей, но имъ пришлось согласиться. Съ тѣхъ поръ населеніе ихъ убываетъ, вслѣдствіе унынія, ими овладѣвшаго, вслѣдствіе распространившихся пороковъ, преступленій и болѣзней. Вашингтонское правительство требовало тоже выселенія индіанцевъ изъ Висконсина, главный городъ котораго Медисонъ основанъ лишь въ 1837 году въ мѣстности, лежащей на западъ отъ Миссури. Гуроны, когда-то могущественное племя, живутъ теперь въ деревнѣ Лореттъ, въ Канадѣ, въ числѣ отъ 40 до 50 семействъ; они занимаются охотой и трудолюбивые ремесленники; изготовляютъ башмаки, сани, четки, ожерелья ежегодно на сумму 34,000 долларовъ.

Мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что колонисты въ Сѣверной Америкѣ практически стремились въ истребленію туземцевъ, и это мнѣніе находило и находитъ себѣ защитниковъ и въ исторіи*.

Нью-Йоркская газета отъ 16-го іюня 1859 года сообщаетъ о битвахъ съ индіанцами въ Тексасѣ слѣдующій нормальный процессъ этихъ столкновеній: прежде всего бѣлые вторгаются силою во владѣнія индіанцевъ, они захватываютъ ихъ лучшія земли, стрѣляютъ ихъ дичь, поятъ ихъ до пьяна водкой, хитростью и обманомъ выманиваютъ у нихъ ихъ собственность, обольщаютъ и увозятъ ихъ женъ. Рано или поздно индіанцы рѣшаются наконецъ отмстить и убиваютъ какогонибудь бѣлаго. Тогда колонія бѣлыхъ приходитъ въ волненіе. Составляется вооруженный отрядъ, отправляется въ округи, занятые индіанцами, жжетъ ихъ деревни, уничтожаетъ масть и стада, убиваетъ всѣхъ, не исключая женъ и дѣтей. Въ подобныхъ случаяхъ на индіанцевъ смотрятъ какъ на дикихъ звѣрей, убиваютъ гдѣ ни понало и никто не находитъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Ал. Россъ, служившій повѣреннымъ въ сѣверозападной мѣховою компаніи и долго жившій съ туземцами, говорить, что европейцы почти всегда могли бы избѣгнуть кровопролитія, обращаясь съ индіанцами. Нельзя не сказать объ англійскомъ правительствѣ, что оно большею частью кротко обра-

---

* Объ этой печальной сторонѣ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ см. *Th. Waitz: «Anthropologie der Naturvölker»*. III, 236 и слѣд.

лось съ туземцами. Компания Гудзоноваго залива сьумѣла спикать себѣ подарками дружбу индіанскихъ начальниковъ и вѣдетъ съ ними правильную мѣновую торговлю. Народонаселеніе индіанцевъ и не уменьшилось на сѣверъ отъ 49° широты, тогда какъ южнѣ оно значительно убавилось. Въ Калифорніи до послѣдняго времени продолжалось страшное истребленіе индіанцевъ. Одного подоврѣнія въ воровствѣ довольно, чтобы напасть на лагерь индіанцевъ и уничтожить всѣхъ безъ различія. Войска Соединенныхъ Штатовъ, подъ предводительствомъ генерала Кларка, отказывались въ послѣдніе годы идти на индіанцевъ и нерѣдко защищали ихъ отъ нападеній бѣлыхъ. Законодательное собраніе тоже отказало въ средствахъ для дальнѣйшихъ войнъ съ ними, такъ что колонисты принуждены набирать отряды волонтеровъ. Президенту Линкольну ставили въ заслугу, что онъ, около трехъ лѣтъ тому назадъ, неуклонно противился слѣпой мстительности населенія Миннесоты. Послѣднія извѣстія изъ Америки (ноябрь 1868) заставляютъ ожидать новую истребительную войну противъ краснокожихъ.

Впрочемъ, быстрое уменьшеніе народонаселенія почти во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ дикими народами, представляетъ и исключенія. Недавно Ф. Шерцеръ указалъ * на благосостояніе индіанцевъ тропической Америки, гдѣ въ Гватемалѣ на 10,000 бѣлыхъ и 100,000 метисовъ, приходится еще 650,000 индіанцевъ, въ Гондурасѣ 120,000, въ Санъ-Сальвадорѣ 150,000, въ Никарагуа 80,000 и въ Костарика 5,000. Слѣдовательно, во всѣхъ пяти республикахъ центральной Америки 1.005,000 индіанцевъ. Ф. Шерцеръ сдѣлалъ весьма вѣрное замѣчаніе, что эти народы удержались оттого, что до сношенія съ европейцами умѣли уже обрабатывать землю, между тѣмъ какъ народы Сѣверной Америки, жившіе охотою, погибли. «Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ переходовъ — говоритъ Шафгаузенъ — въ ней повсюду находимъ постепенное развитіе, а не скачокъ, какъ того, повидимому, требуетъ европейская культура отъ кочующихъ племенъ лѣсныхъ и степныхъ жителей». Однако, и народы центральной Америки только не вымерли, а можетъ быть и увеличились, какъ думаетъ Александръ ф. Гумбольдтъ, но ни на шагъ не подвинулись впередъ въ своемъ развитіи съ тѣхъ поръ, какъ въ страну ихъ явились конкистадоры. Эти народы едва ли можно признать потомками тѣхъ, которые, три столѣтія тому

* *C. v. Scherzer*: «Aus dem Natur und Völkerleben im trop. Amerika» (1864).

назадъ, жили въ стройныхъ государствахъ, говоритъ фонъ-Шерцерь. Вымирание араукановъ въ Чили въ особенности замѣчательно, говоритъ д-ръ Филиппи изъ Сантъ-Яго, потому что они находятся въ самыхъ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ; они свободные собственники, имѣютъ достаточно земли и скота и не платятъ никакихъ податей. Причина этого кроется, какъ полагаютъ, въ томъ, что они не въ состояніи такъ же противостоять свирѣпствующимъ болѣзнямъ, оспѣ и кровавому поносу, какъ бѣлые. Объ оспопрививаніи они не хотятъ и слышать, и при появленіи оспы бросаются для излеченія въ ледяные источники. Трудно опредѣлить настоящее число сѣвероамериканскихъ индіанцевъ. Въ 1850 году считалось ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ 400,000; въ 1855 г. только 350,000, а въ 1860 г. всего насчитывалось 283,385. Въ 1865 г. число ихъ уменьшилось до 200,000, хотя въ 1867 году американскія газеты, въ виду опасенія возстанія всѣхъ племенъ отъ Канады до Мексиканскаго залива, насчитывали 320,000 индіанцевъ. По свидѣтельству аббата Жанти, на С.-Доминго изъ милліона жителей осталось въ живыхъ только 60,000, которые въ продолженіе послѣдующихъ 10 лѣтъ убавились до 14,000. Точно также истребляли населеніе на Кубѣ и Ямайкѣ, при чемъ португальцы, французы и англичане дѣйствовали съ одинаковою жестокостью.

И на крайнемъ сѣверѣ цивилизація была гибельна для народовъ, пребывавшихъ въ естественномъ состояніи. Фонъ-Этцель говоритъ *, что, несмотря на успѣхи умственнаго развитія, населеніе Гренландіи уменьшается въ послѣдніе 10 лѣтъ, кромѣ нѣкоторыхъ частей страны, гдѣ часто случаются смѣшенія съ европейцами. Туземцы впали въ страшную нищету и не могутъ переносить климата съ тѣхъ поръ, какъ ихъ вырвали изъ прежнихъ общественныхъ условій. Они говорятъ, что вводили многоженство не изъ чувственности, а для того, чтобы имѣть больше дѣтей. На самомъ же далекомъ сѣверѣ Джонъ Россъ встрѣтилъ, подъ 75° ширины, здоровый народъ, нетронутый европейскою культурою; это отрасль эскимосовъ, которую Россъ назвалъ *полярными гурями*. Китоловныя суда тоже не разъ встрѣчались съ ними. Въ 1818 году они враждебно относились къ европейцамъ, а въ 1854 году спасли Кэна (Копе) и его товарищей отъ голодной смерти. Это, по словамъ Ширарда Осборна (Sherard Osborne), крѣпкіе, высокіе, веселые люди съ вы-

* A. v. Etzel: «Grönland» (1860).

сокою грудью и громнымъ голосомъ; несмотря на то, что у нихъ нѣтъ ни лодокъ, ни другого оружія, кромѣ приготовленнаго изъ костей, они убиваютъ моржей и бѣлыхъ медвѣдей.

Вымираніе населенія на островахъ Южнаго Океана Шафгаузенъ, подобно членамъ парижскаго антропологическаго общества, признаетъ фактомъ и относитъ не столько къ истребленію со стороны европейцевъ или къ внутреннимъ несогласіямъ, какъ ко многимъ другимъ, на половину неизвѣстнымъ причинамъ, «ослабляющимъ — какъ онъ выражается — ихъ жизненную силу». Кукъ считалъ на Таити, самомъ большомъ изъ острововъ Товарищества, отъ 150 до 200,000 человѣкъ жителей; теперь тамъ едва-ли 15,000. Въ 1863 году на Таити и Мауруа, по «*Annuaire de Tahiti*», считалось только 7,462 человѣка, но сказано, что населеніе увеличивается, хотя еще въ 1849 году по счисленію, произведенному французскимъ управленіемъ, считалось жителей 8,082 человѣка. Судьба этого прекраснаго и сильнаго народа тѣмъ поразительна, что и до сихъ поръ много говорятъ о благодѣтельномъ вліяніи христіанства на нравы и образъ жизни островитянъ. Коультеръ (Coulter), англійскій морской медикъ, посѣтившій Таити въ 1836 г., говоритъ, что дѣтубійство, приношеніе людей въ жертву и распущенность нравовъ совершенно исчезли; развратъ существуетъ только въ портахъ, гдѣ пристають европейскіе и американскіе корабли. Воинственность племени выказалась, когда французы хотѣли обратитъ свое покровительство въ господство.

На Маркизскихъ островахъ, по словамъ Бургореля, продолжительность жизни туземцевъ такъ уменьшилась, что почти нѣтъ стариковъ. Почти всѣ женщины умираютъ отъ чахотки между 30 и 35 годами. Сѣдина тамъ такая рѣдкость, что фальшивыя сѣдыя бороды составляютъ предметъ моды и оплачиваются дорогою цѣною туземцами. Чахотка такъ же губительна на островахъ, гдѣ никогда не было европейскихъ колоній, какъ и на другихъ. Прежде же она была большою рѣдкостью*.

На Сандвичевыхъ островахъ въ 1778 году Кукъ считалъ 400,000 жителей, хотя это, быть можетъ, нѣсколько преувеличено. Гопкинсъ (Hopkins) въ 1823 г. полагалъ ихъ 130,000, въ 1849 г.—80,000, въ 1860 г. считалось на восьми обитаемыхъ островахъ въ 300 квад. миль не болѣе 67,000 канаковъ, но болѣе 5,000 иностранцевъ. Несмотря на уменьшеніе туземнаго населенія, торговля сдѣлала тамъ въ послѣдніе годы весьма

* «*Bulletins*». I, 342.

быстрые успѣхи. Въ 1853 г. туда ввозилось товару на сумму 800,000 долларовъ, а вывозилось на 700,000 долларовъ. Въ 1862 г. вывезено сахару на 3.008,603, а въ 1864 г. на 10.414,441 фун. стерлинговъ. Кромя того тамъ принялись за обработку перуанскаго хлопчатника, такъ что можно предсказать, что эти острова, особенно вслѣдствіе своихъ сношеній съ Калифорніей, скоро займутъ такое же видное мѣсто въ сѣверной части Тихаго Океана, какъ Антильскіе острова въ Атлантическомъ океанѣ. По свидѣтельству Торнера *, и въ новыхъ Гебридахъ населеніе сильно уменьшается. Распространеніе болѣзней и междоусобныя войны приписываютъ присутствію миссіонеровъ, которые въ послѣднее время не имѣли никакого успѣха въ своихъ попыткахъ обращенія. Объ островахъ Тонга есть въ послѣднее время болѣе благопріятныя извѣстія. Филиппинскіе острова наиболѣе населены; они составляютъ какъ бы мостъ между Остъ-Индіей и Южнымъ океаномъ, и уже за 200 лѣтъ до нашего лѣтоисчисленія имѣли дѣятельныя сношенія съ Азіей. На нихъ считается отъ 4 до 5 милліоновъ жителей, что составляетъ вдвое болѣе противъ всего населенія Австраліи. Черные уроженцы, негритосы, которыхъ на Люсонѣ еще 25,000, вытѣснены въ горы иноземцами и малайцами, китайцами и испанцами.

Едва-ли какая нибудь отдаленная земля возбуждала въ послѣднее время болѣе всеобщее вниманіе, какъ Новая Зеландія, прекрасный, здоровый климатъ которой и роскошная растительность дѣлаютъ ее въ особенности привлекательной для переселенцевъ. Туземцы ослабѣли отъ убійственныхъ междоусобныхъ войнъ; въ доказательство ихъ жестокости приводятъ фактъ, что въ 1827 г. у нихъ возникъ возмутительный промыселъ человѣческими головами, которыя высушивали и продавали для украшенія комнатъ. Англичане, при своемъ поселеніи, встрѣтили здѣсь сильный и мужественный отпоръ, но продолжали войну съ такою жестокостью, что Томсонъ въ своей исторіи покоренія Новой Зеландіи говоритъ: «Британцы поступали, какъ дикіе; а, такъ называемые, дигари, какъ цивилизованные люди». Туземцы выказали большую склонность къ развитію и замѣчательныя способности во всѣхъ родахъ ремеслъ. Много способствовалъ ихъ обученію сэръ Джоржъ Грей, щедро помогавшій деньгами миссіонерамъ всѣхъ исповѣданій. Какъ и всѣ полинезцы, новозеландцы страстно любятъ рѣчи и, по-

* Turner: «Nineteen years in Polynesia».

добно сѣверо-американскимъ индіанцамъ, имѣють склонность къ поэтическимъ формамъ рѣчи, гордятся своимъ языкомъ и заставили англичанъ учиться поновозеландски. Въ сраженіяхъ они часто выказывали великодушіе. Когда возмущившійся предводитель Геке взялъ въ 1845 г. городъ Каророрака, дикари вели себя чрезвычайно сдержанно въ отношеніи колонистовъ; они объявили, что ведутъ войну только съ солдатами и со знаменемъ Англіи. По просьбѣ епископа, они даже не вылили доставшихся имъ бочекъ водки. Образование ихъ быстро двигалось впередъ; начальники стали землевладѣльцами, устроивали плавильные заводы, строили и оснащивали корабли, туземцы соперничали съ колонистами: завели конные заводы и стали отличными наѣздниками. Старый предводитель Рангихайэта, который когда-то собственноручно изрубилъ топоромъ семнадцать плѣнныхъ англичанъ за то, что въ схваткѣ пуля ранила одну изъ его женъ; тотъ самый, который еще въ 1849 г. отражалъ англичанъ въ своей неприступной позиціи, среди непроходимыхъ лѣсовъ, глубокихъ болотъ и отвѣсныхъ скалъ, — нѣсколько лѣтъ спустя занимался, по указанію миссіонера, устройствомъ дорогъ и безпрестанно разъѣзжалъ по нимъ въ своемъ тильбюри.

Такое быстрое развитіе еще не встрѣчалось въ исторіи цивилизаціи, но маорисы недолго наслаждались своими успѣхами. Въ послѣднее время страна была встревожена постоянными возстаніями и англичане повели истребительную войну противъ туземцевъ, которые, повидимому, гибнутъ и отъ вліянія непривычной культуры. Даже одинъ англійскій офицеръ, сражавшійся съ новозеландцами отъ 1860 до 1863 г., говорилъ, что съ маорисами поступили несправедливо; онъ говоритъ о нихъ, какъ о благородномъ, способномъ народѣ, сдѣлавшемся жертвою себялюбія англійскихъ колонистовъ; съ ними можно бы было жить въ мирѣ, основывая земледѣльческія колоніи, приучая ихъ къ сельскому хозяйству и поощряя ихъ торговлю. Страшное вымирание новозеландцевъ подало поводъ къ оффиціальному внимательству: Между тѣмъ какъ европейское населеніе Новой Зеландіи, по «United service Institution», съ 1851 по 1861 г. возрасло съ 27,707 ч. до 98,915 человекъ, туземное населеніе, котораго еще въ 1841 г. считалось около 104,000, въ 1858 г. было уже только 55,467, въ послѣдующіе 5 лѣтъ уменьшилось еще на 15%, такъ что въ 1864 г. осталось не болѣе 47,000 чел. Въ декабрѣ 1864 г. считалось въ Новой Зеландіи уже 171,931 европеецъ, въ томъ числѣ 6.000 нѣмцевъ. — Такъ-

какъ оспа не появлялась еще въ Новой Зеландіи и другія европейскія болѣзни не имѣли тамъ важнаго значенія, употребленіе спиртныхъ напитковъ также не очень значительно, то причинами вымиранія туземцы считаютъ слѣдующіе факты: междоусобныя войны, весьма распространенное дѣтубійство, кровосмѣшеніе, употребленіе въ пищу гнилыхъ зеренъ, что считалось у нихъ лакомствомъ, и употребленіе одежды, что изнѣживало кожу, прежде приученную къ большей переносливости. А. Р. Уэллсъ (Wallace) указываетъ на поступки голландцевъ на Целебесѣ, въ противоположность съ поведеніемъ англичанъ въ Новой Зеландіи. Голландія завладѣла Целебесомъ въ 1677 г.; онъ населенъ малайцами. Акклиматизація кофейнаго дерева голландскими миссіонерами много способствовала благосостоянію туземцевъ, и такъ-какъ голландское правительство уступило начальникамъ опредѣленную долю съ получаемаго барыша, оно тѣмъ самымъ побудило ихъ съ усердіемъ слѣдить за успѣхами плантаціи. Голландцы обращались вообще съ туземцами съ чисто отеческимъ деспотизмомъ, что имѣло здѣсь, какъ пишутъ, весьма хорошія послѣдствія. Какъ только дикій народъ выучился заставлять почву давать ему выгоду, онъ нашелъ источникъ благосостоянія и положилъ начало своей образованности. Поэтому пальмовое масло служитъ благодѣтельнымъ источникомъ для торговли съ иностранцами многимъ дикимъ народамъ западной Африки. Даже государи негровъ это поняли: владѣтель Суммы сказалъ маіору Лэйngu (Laing): «Если я веду войну, то трачу порохъ и людей, а не приобретаю ничего; если же и приобретаю, то во вредъ другимъ, что несправедливо. Когда же я занимаюсь торговлей, то дѣлаю добро и себѣ и другимъ и не врежу никому». Слѣдующія цифры ясно показываютъ степень распространенія торговли въ этихъ странахъ. Въ 1787 г. торговый оборотъ Англій съ западной Африкой и Марокко доходилъ до 72,000 фун. стерлинговъ, въ 1810 — до 535,577 ф. ст., теперь онъ простирается до 3 милліоновъ. На мѣсѣ Доброй Надежды англичане живутъ спокойно, тѣмъ въ Новой Зеландіи, тогда какъ голландскіе бозры постоянно воюютъ съ базутосами. Войны съ кафрами научили здѣсь англійское правительство, что лучше не трогать племень, оставшихся еще независимыми.

Понятно, что тѣ изъ дикихъ народовъ, которые стоятъ на низшей ступени челоуѣческаго развитія, имѣютъ наименѣе шансовъ въ борьбѣ за существованіе. Какъ только похищена у нихъ свобода, они исчезаютъ весьма быстро. Такова судьба

уроженцевъ Новой Голландіи и Вандименовой земли. Въ колоніи Викторія считается еще 1,764 уроженца, въ южной Австраліи 3,540, въ западной Австраліи всего 350. Герштеккеръ отзывается объ австралійцахъ одного изъ острововъ пролива Торреса, какъ о чрезвычайно добродушныхъ людяхъ и находитъ, подобно Мургаузу (Mooghouse), протектору южно-австралійскихъ племенъ, что первый поводъ къ враждѣ и жестокости всегда подавали бѣлые. Вандименова земля можетъ считаться уже могилой своего народа, который не находилъ никакой защиты противъ ссыльныхъ преступниковъ, или озлобленныхъ и огрубѣвшихъ въ отечествѣ и приносившихъ въ среду туземцевъ худшіе элементы европейской культуры. Доходило до того, что одинъ подобный злодѣй, убивъ мужа, привѣсилъ женѣ на шею окровавленную голову убитаго и гналъ бѣдную женщину такимъ образомъ предъ собою. Тому 50 лѣтъ число туземцевъ считалось еще до 6,000; они такъ быстро вымирали, что въ 1830 году хотѣли перегнать всѣхъ дикарей на полуостровъ Тасманію, но этотъ планъ не удался; въ 1842 г. ихъ частью уговорили, частью принудили переселиться на островъ Флиндерса въ проливѣ Басса; въ 1843 г. изъ нихъ осталось въ живыхъ только 54; въ 1847 году ихъ еще переселили на Oyster-Cove въ проливѣ Дантрекасто (d'Entrecasteaux). Здѣсь епископъ Никсонъ нашелъ въ 1857 году только 16 человекъ. Англійское колоніальное вѣдомство объявило въ 1840 г., что изъ 10 племенъ Вандименовой земли осталось въ живыхъ лишь 14 человекъ: 9 женщинъ и 5 мужчинъ; изъ нихъ четыре лица каждаго пола состоятъ въ супружествѣ, но дѣтей не имѣютъ. Туземцы сами полагали, что перемена образа жизни принесла имъ смерть. Въ 1862 г. остались въ живыхъ только 8 человекъ: 7 женщинъ и одинъ мужчина, съ которыхъ епископъ Никсонъ снялъ фотографическіе портреты и привезъ ихъ въ Европу. На праздникъ губернатора въ Гобардъ-тоунѣ, главномъ городѣ страны, въ 1864 г. присутствовали послѣдніе тасманцы: одинъ мужчина и 3 женщины, — остатки въ нѣсколько лѣтъ угасшаго народа. Одна мѣстная газета уже составила имъ эпитафію: «Мы ихъ нашли дикарями; они прожили дикарями; они умерли дикарями».

«И такъ, вездѣ та же исторія, восклицаетъ Шафгаузенъ. Но какъ будто для доказательства, что и дикіе народы одарила она непреодолимой способностью отстоять себя, природа избрала негра. Сколько тысячъ лѣтъ топчутъ его въ грязь господствующіе народы: бьютъ его вкнутомъ, какъ невольника, продаютъ, какъ товаръ, перевозятъ въ различныя земли, истя-

зуютъ всевозможными способами, а онъ все не погибъ и теперь, подъ защитой побѣдоноснаго звѣзднаго знамени Соединенныхъ Штатовъ, уже начинаетъ достигать благородной чело-вѣчности.

«Согласимся же наконецъ, что жалкое положеніе дивихъ народовъ, которые не увлечены образованностью, но живутъ съ нею въ борьбѣ и становятся ея жертвами, — если не преступленіе, то позоръ для восхваляемой цивилизаціи. Конечно, возможно укротить дикаря, но культурѣ, при ея спѣшной работѣ, недостаетъ на это ни терпѣнія, ни времени; культура скорѣе жаждетъ удивленія, уваживая, какъ въ 20 лѣтъ на мѣстѣ пустыни возникаютъ богатые города, и не заботится о томъ, что почва удобрена кровью избитыхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ Кувъ встрѣчалъ небольшія толпы бродящихъ дикарей, какъ въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, томъ стоятъ теперь города, блистающіе европейской роскошью, съ великолѣпными дворцами, церквами, университетами, библиотеками, музеями, театрами, газетами, музыкальными торжествами, художественными выставками и скачками.

«Какъ быстро развилась здѣсь колонизація англичанъ! Новый Южный Уэльсъ былъ основанъ въ 1788 году, Тасманія въ 1803, Западная Австралія въ 1829 г., Южная Австралія въ 1836 г., Новая Зеландія въ 1840 г., Викторія и Квинслендъ (Queensland, Королевина Земля) въ 1859 г. Австралійскія колоніи уже въ 1861 году имѣли до 1.184,838 человекъ населенія. Можетъ ли остановиться расширеніе цивилизаціи изъ-за того, что оно влечетъ за собой исчезновеніе низшей расы?»

СВОИМЪ ПУТЕМЪ.

РОМАНЪ.

(Изъ записокъ современной дѣвушки).

Часть третья.

I.

Передъ восходомъ солнечнымъ.

— Вотъ ^{твое} письмо отъ Лениныхъ, началъ братъ, входя въ комнату.

Просидѣвши нѣсколько часовъ на каменной ступенькѣ крыльца, я возвратилась въ рабочую, когда уже совсѣмъ разсвѣло, чтобы собрать свои вещи и идти къ брату. Смуглое, разгорѣвшееся отъ скорой ходьбы лицо его дышало одушевленіемъ; сюртукъ былъ растегнутъ; густые вихры беспорядочно пристали къ вспотѣвшему лбу. Я бросилась къ нему на шею...

— Милый ты мой! Родной ты мой братецъ!...

— Что, развѣ ты хотѣла уйти?

— Да; но это ничего, Никола. Я знаю, что теперь мнѣ дѣлать и больше не горюю. Я давно собиралась оставить Марью Ивановну, такъ-какъ мнѣ нечего здѣсь больше дѣлать: я отправляюсь опять домой въ Воскресенское.

— Теперь тамъ, Уля, другіе порядки; Сергѣй Петровичъ выбранъ предводителемъ дворянства. Вчера я видѣлся съ нимъ у директора; онъ говорилъ со мной о дѣлахъ нашихъ по хутору, и находить, что за уплатою нѣкоторыхъ долговъ и процентовъ, у насъ, можетъ быть, окажется около полутора ста рублей ежегоднаго дохода. Онъ вспоминалъ о покойной матушкѣ; они только по пріѣздѣ въ Воскресенское узнали, что она умерла. Живоготовъ уже не будетъ больше нашимъ опекуномъ и сдѣланъ мировымъ посредникомъ. Наши курники, что передъ до-

момъ стояли, будутъ перенесены подальше; Сватовъ лугъ переходитъ въ надѣлъ къ крестьянамъ. Крестьяне говорили правду: Ленинъ человѣкъ простой и добрый баринъ. Сегодня я получилъ письмо отъ Натальи Александровны: она желаетъ тебя видѣть и пришлетъ за тобою экипажъ въ одиннадцать часовъ...

— Но какъ же быть-то? вѣдь у меня нѣтъ ничего надѣть получше и покрасивѣе этого стараго платья и этихъ изношенныхъ башмаковъ. Хоть бы шляпку-то достать гдѣ-нибудь!

— Ну, это ничего; это все пустяки! Ленины знаютъ, что мы бѣдны и стыдиться нечего. Я приду за тобою вечеромъ, и если Ленины ничего для тебя не сдѣлаютъ, то поговорю о тебѣ съ Минаевой: можетъ быть, можно будетъ нанять для тебя комнату у нихъ въ домѣ. Учителя говорятъ, что въ скоромъ времени откроется женская гимназія. Безъ образованія тебѣ нельзя оставаться, Уля! Учиться надо, прибавилъ онъ, сознавая теперь, что сила для насъ обоихъ осталась только въ этомъ.

И не онъ одинъ говорилъ мнѣ это; «учиться надо» слышалось отовсюду, изъ цѣлаго возникающаго порядка вещей. Все стремилось впередъ, вездѣ происходили перемѣны, каждый день приносилъ какое-нибудь радостное извѣстіе и вѣрилось, что заря новаго дня засвѣтилась для всѣхъ. Братъ надѣлъ фуражку и ушелъ въ гимназію.

«Николая правъ», подумала я: «стыдиться не надо бѣдности. Чѣмъ виноваты и Саша, и Груня, и Любка, и Софья «голоногая», что онѣ бѣдны?» Но меня никто не научалъ не стыдиться бѣдности и уважать себя за умъ и честность. Мать прежде всего занималась моею наружностью и восхищалась мною тогда, когда я казалась красивѣе. Прасковья Ивановна и всѣ, кто ни приходилъ къ намъ, смотрѣли на меня точно такъ же. Отецъ хотя и любилъ меня будто за то, что я умнѣе другихъ, и лучше другихъ понимаю его фразы и стихи, но, въ сущности, и онъ смотрѣлъ на меня точно такъ же и самъ стыдился бѣдности. Одинъ только Яковъ Ивановичъ глядѣлъ на меня иначе.

Съ грустью я смотрѣла на свои старыя вещи, сняла со стѣны старую матушкину кардиналку, развязала узелокъ и принялась за пересмотръ и исправленіе старья. «Пусть только помогутъ мнѣ учиться», думала я, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая присылки экипажа: «и мнѣ ничего ни отъ кого больше не нужно». Проснувшись, въ рабочей, между тѣмъ, не знали, что начинать. Зѣвающая и невыспавшаяся Нюся, съ опухшими отъ слезъ глазами и нервно-блѣднымъ лицомъ, опять явилась въ углу на диванѣ; Мальха сосредоточенно бродила по комнатѣ; Саша шарила по угламъ, собирая ниточки и булавки.

— Что это, Ульяшечка, развѣ и вы уѣзжать собираетесь, что платье оправлять принимаетесь? обратилась она ко мнѣ.

— Собираюсь, Саша. Наши дѣла теперь перемѣнились. Сегодня въ одиннадцать часовъ я уѣзжаю въ одинъ богатый домъ, гдѣ меня желаютъ видѣть. А тамъ, я буду учиться.

— То-то вы такъ и прибираетесь. А постоитъ, у васъ вонъ складочка сзади на платьѣ немного отпоролась... дайте-но я вамъ зашью.

Она вынула изъ кармана игольникъ, нитки и наперстокъ и принялась зашивать мое платье.

— А какъ ты думаешь, Саша, можно будетъ отправиться въ этомъ платьѣ?

— А почему же нѣтъ? Ваше платьице хоть и старенькое, а дыръ на немъ большихъ нѣтъ. И фартукъ тоже ничего, а какъ выгладить, такъ и за новый пойдетъ. За богатыми не угоняешься — у нихъ что недѣля, то и новый фасонъ. Вотъ постоитъ-ка, я въ кухню за утюжкомъ сбѣгаю да выглажу.

«Саша добрая и умная дѣвочка», думала я: «и была бы еще лучше, когда бы могла не голодать и быть образованной». Скоро съ ея помощью я была готова. Она же постаралась покраснѣе положить мои косы и вынесла забытый платокъ, когда я уѣзжала.

II.

У АРИСТОКРАТОВЪ.

Черезъ парадную залу и еще болѣе парадную гостиную меня проводили въ будуаръ Лениной. Она мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла ее въ Воскресенскомъ, и я тотчасъ же узнала ее по длиннымъ, хорошо сохранившимся каштановымъ локонамъ и блѣдному матовому лицу. Одѣтая въ бѣлый батистовый пенюаръ и кружева, она сидѣла на бархатной зеленой софѣ, передъ столомъ, на которомъ висѣлъ развернутый покровъ отъ церковнаго палоя и нѣсколько воздушковъ. Нерѣшительно ступая по мягкому ковра, устилавшему всю комнату, я приблизилась къ ней. Нѣсколько другихъ дамъ помѣщалось тутъ же. На мое привѣтствіе она протянула мнѣ руку и указала на бархатный зеленый табуретъ, стоявшій подлѣ.

— Мнѣ нужна чтица, начала она: — часа на два или на три въ день. Вы хорошо читаете?

— Я часто читала вслухъ для матери и для другихъ...

— Мы только по прїѣздѣ въ Воскресенское узнали, что вы лишились вашей матушки. Она была въ нѣкоторомъ родствѣ

съ моимъ мужемъ. Вы, конечно, помните стараго воскресенскаго священника отца Парамона; онъ говорилъ мнѣ много о ней и о васъ и просилъ узнать, гдѣ вы теперь находитесь и чѣмъ занимаетесь...

— Я жила въ модномъ магазинѣ у Недоѣзжаевой и училась шить.

— Кто же васъ помѣстилъ въ этотъ магазинъ?

— Я сама пожелала поучиться шить и кроить платья и меня рекомендовала туда Прасковья Ивановна Пятикратова...

— Пятикратова? Кто же она такая? Я никогда не слышала такой фамилиі...

— Это одна очень бѣдная дворянка, сосѣдка наша по имѣнію, изъ деревни Сорокопановки. Она была знакома съ моею матерью.

— И вы долго оставались въ этомъ магазинѣ?

— Только полгода.

— И научились ужъ шить?

— Я знала шить и прежде, а теперь наловчилась еще болѣе и могла бы шить и скроить платье сама, безъ выкройки.

— Это хорошо, вамъ не нужно будетъ отдавать вашихъ платьевъ въ магазинъ, а отъ этого сберегается очень много экономіи.

Она обратилась съ нѣсколькими французскими фразами къ дамамъ; тѣ отвѣтили ей такими же французскими фразами. Изъ русскаго заключенія я поняла, что не мѣшало бы и въ институтахъ давать дѣвушкамъ нѣкоторое понятіе объ этомъ очень полезномъ искусствѣ. Затѣмъ, она взяла лежавшую подлѣ нея на кушеткѣ книгу, и раскрывши то мѣсто, которое было заложено бисерной закладкой, просила меня начать чтеніе. Это были «Письма и сочиненія аеонскаго пустынника».

— Вы знаете также какія-нибудь и другія руководѣя?

— Я знаю нѣсколько вышиваній по канвѣ и тюлю...

— Слѣдовательно вамъ нетрудно будетъ научиться вышивать и золотомъ. Я вышиваю вотъ этотъ покровъ къ будущему празднику для Воскресенской церкви и въ свободное время вы займетесь имъ... Я слышала, что вы очень любознательны, и очень рада буду, если я и мужъ мой будемъ въ состояніи что-нибудь для васъ сдѣлать.

Я отвѣчала, что желала бы учиться въ пансіонѣ. Наталья Александровна слушала меня, тихо глядя въ глаза, и каждый разъ сдвигала слегка брови, когда я начинала говорить громче; изъ этого я заключила, что говорить здѣсь такъ не принято и понизила голосъ... Но вообще впечатлѣніе было въ мою пользу. Она позвонила и приказала вошедшему слугѣ позвать изъ

другихъ комнатъ дочь. Это была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, красивая и стройная, съ синими продолговатыми глазами, очень похожая на мать.

— Кетти, рекомендую тебѣ — Улиньга Безсонова, сказала она: — сосѣдка наша по Воскресенскому. Она останется у насъ, и я увѣрена, что ты ее полюбишь.

Кетти съ улыбкой, но съ нѣкоторой небрежностью протянула мнѣ руку и повела къ себѣ.

— Вотъ это моя классная, начала она, входя въ особенную комнату съ нѣсколькими шкапами и диванами. — Вотъ это миссъ Эвангелина, моя гувернантка...

Миссъ Эвангелина, дама въ черныхъ локонахъ и въ черномъ платьѣ, важно отвѣтила на мой поклонъ.

— Это шкафъ съ моими игрушками. Вы любите играть въ куклы?

— Мнѣ никто не покупалъ куколь, а дѣлать для себя я ихъ не любила...

Кетти взглянула на меня не то съ удивленіемъ, не то съ жалостью.

— Мнѣ они самой надоѣли, подхватила она. — Я теперь мало играю и больше учусь. Но мнѣ ихъ безпрестанно присылають, то тѣтя изъ Парижа, то дядя изъ Москвы, то вузины изъ Петербурга... А вамъ позволяютъ читать романы?

— Мнѣ некому запрещать читать: у меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни гувернантки, и я читаю всякую занимательную книгу, какая ни попадется: и романы, и повѣсти, и путешествія...

— А я читаю романы только на англійскомъ языкѣ; французскихъ и русскихъ романовъ мамаша мнѣ читать не позволяетъ... Но я люблю больше французскіе и часто потихоньку беру книгу у m-le Aline, моей французской гувернантки. Вѣдь вы говорите пофранцузски, или поанглійски?

— Нѣтъ, не говорю.

— Такъ вамъ, должно быть, очень скучно, когда говорятъ другіе, и вы не понимаете? Отчего же вы не учитесь?

— Потому что я бѣдная.

— Вы и музыкѣ не знаете? И ничему не учитесь?

— Теперь ничему, кромѣ шитья...

— Какая же вы несчастливая! А мнѣ ужасно какъ надоѣли всѣ эти уроки музыки, грамматики и экзерсисы, которые мнѣ задають мои учителя, и я жду съ нетерпѣніемъ, когда мнѣ будетъ шестнадцать лѣтъ, и меня освободять отъ всей этой галиматъи, и повезуть на балъ. Вы знаете, что такое балъ?

— Нѣтъ.

*

Кетти скоро прекратила со мной разговоръ, и обратилась къ своей гувернантѣ, предоставивъ въ мое полное распоряженіе свои вынутыя изъ шкафа книги въ дорогихъ переплетяхъ, на французскомъ и англійскомъ языкахъ, текстъ которыхъ остался для меня непонятенъ.

Я осталась у Лениныхъ въ ожиданіи исхода. Все въ домѣ было тихо, парадно и торжественно. Совсѣмъ не то, что у Недоѣзжаевой. Тихо прибирались въ домѣ большія комнаты, бѣлшею частью пустыя, тихо накрывались столы для закуски и обѣда, засвѣчались лампы и кенкеты; прислуга, не торопясь, тихо и плавно выступала по коврамъ, и говорила почти шопотомъ; тарелки и другая посуда неслышно вынимались изъ буфета, ставились на столъ, и опять уносились въ буфетъ; серебряные ножи и вилки еле прикасались къ тарелкамъ; вода, вино или кофе еле лились изъ графиновъ, бутылокъ и кофейниковъ. Сначала множество новыхъ предметовъ заняло и развлекло мое любопытство; но, рассмотрѣвши все, я сдѣлалась къ нимъ равнодушной. Многому я совсѣмъ не понимала толку и приращенія. «Зачѣмъ здѣсь столько игрушекъ?» думала я, рассматривая множество фарфоровыхъ, бронзовыхъ и мраморныхъ бездѣлушекъ. «Неужели и большіе такъ любятъ игрушки? И это все скупила и поставила сюда Наталья Александровна? Зачѣмъ ей онѣ понадобились, когда она постоянно сидитъ въ своемъ будуарѣ, гдѣ вышиваетъ только воздушки и слушаетъ сочиненія аеонскаго пустытника? Зачѣмъ валяются эти прекрасные альбомы и книги, когда ими никто не любитъ и никто не читаетъ? Зачѣмъ наверху такое множество пустыхъ комнатъ, куда ежедневно ходятъ только стирать пыль, и отчего внизу, гдѣ живетъ прислуга, такъ тѣсно и грязно?» Порядокъ жизни и препровожденіе времени мнѣ показались также очень странны. Съ перваго же дня моего перехода отъ Недоѣзжаевой къ Ленинымъ, я подумала, что здѣсь тянется одинъ постоянный праздникъ. Всѣ парадно разодѣты съ самаго утра, и всѣ какъ будто ничего не дѣлаютъ. Вставши, накинувши бѣлый пеньюаръ и окончивши чтеніе утреннихъ молитвъ, Наталья Александровна пила свой кофе, и съ помощью двухъ горничныхъ, еле ступавшихъ по полу, совершала туалетъ. Окончивши его, отправлялась куда нибудь съ визитами по дѣламъ благочестія, или занималась вышиваніемъ. Я не знаю, какія именно благочестивыя дѣла совершала Наталья Александровна, и какіе

болящія и страдающія облегчались ея визитами; знаю только, что въ домѣ кто ни пріѣзжалъ къ намъ, считали ее удивительной женщиной, чуть не святой. Наталья Александровна была женщина лѣтъ сорока-пяти, высокая и тонкая, съ правильными чертами лица, сохранявшими выраженіе глубокой печали. Большую часть жизни, по выходѣ замужъ, она провела за границею, гдѣ постоянно лечилась на какихъ нибудь минеральныхъ водахъ. Она говорила очень тихо, никогда не возвышая голоса, двигалась также тихо, глядѣла на все спокойно, ровно и безстрастно, никогда не вмѣшивалась ни въ какія дразги хозяйственнаго управленія по своему имѣнію, ни въ педагогическія и воспитательныя заботы учителей и наставницъ своей дочери, предоставивши все это въ распоряженіе мужа. Со всѣми она обращалась ровно, вѣжливо, и, несмотря на богатство и роскошь, вела грустную и меланхолическую жизнь. Сергѣй Петровичъ былъ обыкновенно на своей половинѣ, гдѣ до двухъ часовъ принималъ посѣтителей, и затѣмъ отправлялся въ клубъ, въ собраніе, и рѣдко обѣдалъ и бывалъ дома. Это былъ человѣкъ другаго рода, мало похожій на свою жену. Человѣческія и предводительскія качества его выражались въ радужности, гостепримствѣ и памяти къ старымъ друзьямъ. Во всемъ остальномъ онъ былъ, какъ и всѣ люди его сословія. Былъ онъ невысокъ ростомъ, черноволосъ, имѣлъ широкій животъ, черные, густые бакенбарды, носилъ тончайшее бѣлье, владѣлъ въ совершенствѣ языками, но на русскомъ говорилъ довольно вяло; къ обязанности своей относился больше съ формальной стороны; но, одушевляясь на торжественныхъ обѣдахъ, произносилъ довольно удачныя речи. Вниманіе его къ намъ объяснялось нѣкоторымъ родствомъ и старымъ знакомствомъ съ моею матерью. Иногда вмѣсто одного часа или двухъ, я читала по пяти и шести часовъ сряду, и Наталья Александровна, взявши подушки, засыпала подъ мое чтеніе, и просыпалась тотчасъ же, какъ только я повышала голосъ или прерывала чтеніе. По вечерамъ, Кетти съ своей гувернанткой и рабочимъ несессеромъ, отправлялась куда нибудь въ гости, или къ ней пріѣзжали ея подруги съ такими же иностранными гувернантками и несессерами. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и болтовни, открывались несессеры; всѣ усаживались на диванъ и кресла вокругъ стола, выбиралась какая нибудь книга на французскомъ или англійскомъ языкѣ. Вечеръ обыкновенно начинался рукодѣліемъ и чтеніемъ; но то и другое надобдало въ нѣсколько минутъ; статьи въ книгѣ мѣнялись одна другою, и опять начиналась та же болтовня; рукодѣлья оставались на столѣ или

диванъ, или передавались гувернанткамъ съ покорнѣйшей просьбой кончить такой-то узоръ, или зашить такой-то фонъ. Начиналось безцѣльное фланированье по комнатамъ, и секретныя сообщенія другъ другу сердечныхъ тайнъ. Кто-нибудь садился за рояль, и начиналъ играть нивѣсть какую чепуху, смѣнивая въ одно и вальсы Штрауса, и этюды Калькбренера и Баха, и Мендельсона. Но это такъ же скоро надоѣдало, какъ и исторiи въ книгѣ, и смѣнялось играми въ фанты (*petits jeux*), во время которыхъ большая часть общества, перессорившись другъ съ другомъ, цалующая и будирующая, увозилась по домамъ негодующими гувернантками. Я обыкновенно присутствовала въ той же комнатѣ, читала или работала, но меня никто не замѣчалъ, и я приглашалась къ игрѣ только тогда, когда недоставало у кого нибудь царъ. Иногда въ торжественные праздники Наталья Александровна, желая сдѣлать мнѣ удовольствiе, брала и меня съ собой къ кому нибудь изъ своихъ ближайшихъ друзей или родственниковъ, гдѣ обыкновенно роль моя оставалась все та же, но гдѣ я всегда скучала до отчаянья.

Подъ рождество я была взята на елку къ баронессѣ Аннѣ Карловнѣ Герцъ, ближайшей родственницѣ и прiятельницѣ Натальи Александровны. Баронесса считалась въ этомъ обществѣ ученой женщиной, покровительствовала наукамъ и искусствамъ, читала Бокля, и показывала даже какихъ-то рѣдкихъ бувашекъ, нарисованныхъ ею для книги какого-то ученаго друга. Домъ баронессы былъ очень нарядный, гостей было очень много, елка блестящая, и всѣ, для которыхъ устраивалось это торжество, были въ восторгѣ неопisanномъ. Потихоньку пробираясь у стѣны, между стульями и толпою дѣтей, я уже нѣсколько разъ перемѣняла мѣсто, чтобы полюбоваться съ разныхъ точекъ зрѣнiя на великолѣпно-убранную и освѣщенную елку, и, отыскивая новыхъ предметовъ для развлечения, отправилась въ слѣдующiя комнаты. Въ углу гостиной, между другими дамами, сидѣла содержательница моднаго пансиона *m-me Лапрѣ*, увитая плющами. Увидѣвъ меня у дверей, Наталья Александровна позволяла къ себѣ, и представила ей, какъ будущую ученицу.

— Баронесса, вѣроятно, передавала вамъ ея исторiю? начала она: — *une fille bien douée*. Много читала, прекрасно обо всемъ судить, жажда знанiя необыкновенная...

Я успѣла оправиться, и смотрѣла не безъ страха и смущенiя въ лицо *m-me Лапрѣ*, ожидая, что она будетъ отвѣчать...

— Я знала *mademoiselle Безсоновъ* полтора года тому назадъ, когда она приходила просить принять ее въ мой пансионъ. Я очень сожалѣла тогда, что она такъ рано лишилась

своей матушки, и посовѣтовала ей возвратиться домой... И сказала ей, что приличіе и кротость составляетъ лучшее украшеніе дѣвицъ. Я занимаюсь воспитаніемъ дѣвицъ не изъ выгоды, какъ думаютъ нѣкоторые, а по призванію, и принимаю дочерей только извѣстныхъ и хорошихъ семействъ. Я держусь системы Баумгартена, и нахожу, что корошая обстановка облагораживаетъ вкусъ дѣвицъ, и возвышаетъ въ нихъ чувство гармоніи... Вы знакомы съ Баумгартеномъ?

— Къ сожалѣнію, я не имѣю удовольствія читать понѣмца.

— Oh! c'est dommage! Баумгартенъ говоритъ, что женщины созданы для любви и гармоніи, что онѣ должны жить для любви и гармоніи, что это ихъ призваніе — высокое призваніе, и потому онѣ должны быть окружены предметами пріятными и возвышающими душу... Oh! c'est un philosophe!...

— Я много слышала о вашей прекрасной методѣ, отвѣчала Наталья Александровна.

— Трудъ и терпѣніе преодолѣваютъ все, отвѣчала m-me Лапрэ. — Mademoiselle Безсоновъ говоритъ пофранцузски?

— Она начала у насъ, но говорить, кажется, еще не отживалась.

— О! я увѣрена, что она пойметъ высокое призваніе женщины!

Въ залѣ произошелъ шумъ разгроменія елки! Каждый стремился набить свои карманы, фартуки и фуражки интересными предметами. Изъ гостиной многіе встали, чтобы полюбоваться на торжествующихъ, и разговоръ о высокомъ призваніи женщины, столько для меня интересный, былъ отложенъ до болѣе удобнаго времени.

III.

Въ пансіонѣ.

Оказалось, что пансіонъ Лапрэ дѣйствительно лучший въ губерніи. Когда Ленины, желая узнать о существующихъ въ городѣ пансіонахъ, обратились къ баронессѣ и другимъ дамамъ, то она прямо указала на m-me Лапрэ, увѣряя, что языки и танцы идутъ у нея отлично; дѣвицы получаютъ великолѣпные дипломы на прекрасной веленовой бумагѣ, и совѣтовали немедленно туда обратиться, увѣряя, что число желающихъ поступить въ него всегда превышаетъ возможность приема. Анна Карловна, движима сочувствіемъ къ моему любознательности,

взялась сама похлопотать о помѣщеніи меня туда, въ чемъ, какъ говорятъ, и не встрѣтила особеннаго затрудненія.

Пятнадцатаго января въ семь часовъ вечера, карета Лениныхъ остановилась у подъѣзда дома Демидова, на соборной площади, гдѣ былъ пансіонъ. Тотъ же швейцарь отворилъ передъ нами дверь, и мы по той же широкой, лаковой лѣстницѣ, устланной коврами, вошли во второй этажъ и вступили въ ту же парадную приемную съ бѣлыми обоями, паркетнымъ поломъ и люстрой. Миссъ Эвангелина и Катя захотѣли проводить меня въ пансіонъ. Въ приемной встрѣтила насъ м-ше Лапрѣ съ той же неподвижностью и холодной строгостью въ чертахъ и предложила осмотрѣть дортуары и классы. Черезъ залу въ это время проходила длинная вереница дѣтей, одѣтыхъ въ зеленныя платья съ бѣлыми передниками.

— Это мой первый классъ, рекомендовала м-ше Лапрѣ: — это мой второй! это мой третій!

Каждый классъ, дошедши до середины залы, вдругъ присѣдалъ.

— *Doucement, mesdemoiselles!* слышались голоса классныхъ дамъ. Всѣхъ дѣтей было около восьмидесяти.

— Въ какомъ они у васъ порядкѣ, какъ всѣ милы и граціозны, замѣтила миссъ Эвангелина.

— Порядокъ — душа гармоніи! отвѣчала м-ше Лапрѣ и прибавила, что похвала ея воспитанницамъ составляетъ высокую награду за ея трудъ.

Въ дортуарахъ, однако, не было ни шелковыхъ драпри, ни паркетныхъ половъ, ни кружевныхъ занавѣсей и цвѣтовъ на окнахъ; но была такая же мебель изъ чернаго дерева въ простѣвахъ — большія зеркала съ подзеркальниками и красивые ситцевыя занавѣски; на подушкахъ видѣлось чистѣйшее бѣлье. М-ше Лапрѣ старалась обратить вниманіе своихъ посѣтителей на каждый предметъ въ отдѣльности.

— Бѣлье у меня голландское. Оно мѣняется по три раза въ недѣлю. Это гардеробъ и вѣшалки для платья. Это рукомошники для умыванья. Это табуреты, гдѣ прячутся гребенки, полотенца и мыло. И она лила воду изъ рукомошниковъ, показывала гребенки, мыло и полотенца. — Дѣвицы говорятъ у меня превосходно на трехъ языкахъ. Для прайтики иностранныхъ языковъ, я имѣю въ каждомъ классѣ по иностранкѣ. М-ше Вейеръ — нѣмка, получаетъ восемьсотъ рублей, м-ше Грелье — французевка, то же самое, м-ше Фузь — англичанка, пятьсотъ рублей. Всѣ онѣ превосходно образованы.

Мы остановились въ небольшой комнатѣ, со сводами и готическими окнами.

— Это мой второй классъ, рекомендовала м-те Лапрё вторично второй классъ. — Всѣ онѣ очень прилежны.

Затѣмъ показывать, вѣроятно, уже было нечего. Миссъ Эвангелина и Катя поспѣшили раскланяться и уйти. М-те Лапрё проводила ихъ до дверей и скрылась.

Я осталась въ концѣ стола, подлѣ классной дамы.

— Сядьте, сказала она мнѣ. — Вы говорите пофранцузски?

— Нѣтъ, не говорю.

— Съ этихъ поръ вы должны будете говорить пофранцузски. Здѣсь всѣ говорятъ пофранцузски и говорить порусски не позволяется.

Я сѣла.

Классная дама быстро передвигала прутками своего вязанья и безпрестанно переносила глаза свои то на дѣтей, то на свое вязанье. По уходѣ м-те Лапрё, однѣ изъ нихъ и очень многія, сидѣли разсѣянно вокругъ стола надъ книгами и бесѣдовали другъ съ другомъ; другія, заткнувши уши и закрывши глаза, старались затвердить иностранныя слова и географическія названія. На первый взглядъ онѣ казались всѣ очень миловидны; но лица большей части были болѣзненно блѣдны; у тѣхъ, которыхъ уши были заткнуты и глаза закрыты, румянецъ выступалъ яркимъ, краснымъ пятномъ. Одна изъ дѣвочекъ, высокая и худенькая блондинка, стояла посрединѣ у стола, и съ выраженіемъ тревожнаго вниманія, прислушивалась къ говорящимъ. На шеѣ у нея на черной тесемкѣ висѣла красная дощечка съ надписью: «Pour la langue russe». «Что это значитъ?» подумала я, останавливая свое вниманіе на дѣвочкѣ и на дощечкѣ съ надписью. Вдругъ лицо ея внезапно оживилось, глаза заблестали; она сильно двинула табуретомъ и побѣжала къ одной изъ своихъ подругъ, которая только что отнеслась съ чѣмъ-то къ своей подругѣ.

— Vous parlez russe! Vous parlez russe! начала она скоро. — Prenez la langue!...

Та отговаривалась и увѣряла, что отнеслась къ своей сосѣдкѣ съ вопросомъ, какъ сказать пофранцузски, и только потому произнесла русскую фразу.

— Degaeff! prenez la langue! сказала дама.

Дегаева вспыхнула, сильно двинула табуретомъ и встала.

Классная дама торопила дѣтей просказывать ей уроки. Мало-помалу нѣкоторые начали вставать съ своихъ мѣстъ и группировались вокругъ классной дамы съ книжками. Одна изъ

старших читала порусски, другія отвѣчали пофранцузски діалоги. Классная дама продолжала вязать, поправляла произношеніе словъ и обороты фразъ; сердилась, кричала и гнала отъ себя прочь — доучивать уроки. Другія совсѣмъ не вставали съ мѣстъ и безпрестанно поглядывали на часы. Наконецъ пробило десять. Снова послышался звонокъ. Усталыя лица дѣтей оживились; начался шумъ и приборка книгъ и тетрадей. Одна изъ дѣвочекъ съ бѣлой ковардой на плечѣ подала классной дамѣ переплетенную тетрадь; началась опять переборка — ставились баллы за поведеніе. Всѣ опять на минуту притихнули, нѣкоторые словно опечалились.

Опять разставлены были пары и всѣ отправились въ залъ наверхъ. Сюда пришли пансіонерки и изъ другихъ классовъ.

Одна изъ старшихъ прочла вечернія молитвы, точно такимъ образомъ, какъ ихъ читаетъ пономарь въ церкви на клиросѣ. Послѣ этого дѣти, не выслушавъ еще послѣднихъ словъ молитвы, вскочили съ колѣнъ, и, сдѣлавши послѣдній реверансъ класснымъ дамамъ, пустились бѣжать въ дортуары уже не по парамъ, а перегоняя другъ друга, тѣсясь у дверей и величая одна другую «невѣжами» и «свиньями» уже порусски. Классныя дамы оставались еще въ залѣ. Дѣти торопились раздѣться, нѣкоторые громко и порусски рассказывали о прошедшемъ днѣ. Я остановилась въ первомъ дортуарѣ.

— Ты говоришь пофранцузски? спросила меня одна дѣвочка, та самая, которая стояла первая съ дощечкой, проходя мимо.

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— Такъ ты будешь постоянно стоять съ языкомъ. Порусски здѣсь говорить только можно въ саду и въ дортуарѣ.

— Silence, mesdemoiselles! Dormez! заставило всѣхъ утихнуть.

— Вы пойдете въ мой дортуаръ, обратилась ко мнѣ классная дама: — и будете тамъ спать на постели, которую я покажу вамъ.

Я могла бы и пофранцузски разобрать всѣ эти фразы. Но французевка говорила со мной порусски, желая, вѣроятно, польстить на первый разъ моему самолюбію.

Я улеглась въ голландское бѣлье съ тревожнымъ ожиданіемъ будущаго дня. Въ дортуарѣ не гасилась свѣча, а одна изъ классныхъ дамъ долго натирала себѣ чѣмъ-то шею и завивала свои локоны передъ зеркаломъ.

IV.

Дни за днями.

На другое утро меня, какъ и всякаго новичка, просыпающагося въ первый разъ подъ кровлей школы, неприятно разбудилъ колокольчикъ, прозвенѣвшій, какъ мнѣ показалось, чуть не подъ самими ушами.

Дѣти начали вставать скоро и безъ шума. Ситцевые занавѣсы на окнахъ были еще спущены и классныя дамы повоились въ своихъ постеляхъ. Горничныя входили въ двери съ кувшинами свѣжей воды и накрахмаленными юбками и суетились около дѣтей. Въ часъ всѣ были готовы и собрались въ залъ для молитвы. Я уже была совсѣмъ одѣта, когда въ дортуаръ вошла м-ше Лапрѣ въ сопровожденіи горничной съ узломъ и чемоданомъ. Вещи мои были присланы.

— Сегодня вы заниматься не будете, сказала она мнѣ. — Совѣтую вамъ присматриваться къ порядку заведенія и дѣлать, что будутъ дѣлать другія.

По окончаніи молитвы дѣти каждого класса выстроились въ шерингу передъ классными дамами, которыя ревизовали ихъ платья, руки, ноги, зубы и пр. Въ первомъ классѣ дежурила новая дама.

— Вотъ вамъ еще одна ученица, сказала м-ше Лапрѣ, подводя меня къ ней. — Я помѣщаю ее, покажѣсть, въ маленький классъ, такъ-какъ она не говоритъ пофранцузски.

Новая классная дама окинула меня ревизорскимъ взоромъ съ ногъ до головы и остановилась на моихъ волосахъ.

— Вы хотите сказать насчетъ ея прически? Сегодня она можетъ остаться такъ. Завтра ее причешутъ, какъ и другихъ.

Классная дама успокоилась и обратилась къ ревизіи дѣтскихъ спинокъ. У одной изъ дѣвочекъ не оказалось гдѣ-то крючка и виднѣлась бѣлая юбка, что привело даму въ ужасное негодованіе. Она тотчасъ же выгнала ее изъ ряда и приказала оставаться безъ чаю. М-ше Лапрѣ дѣлала также свои замѣчанія: у одной дѣвочки юбки были нехорошо выглажены и казались потертыми, у другихъ оборки на фартукѣ не держались, какъ бумага, и обувь была ненова. Все это неприятно подѣйствовало на м-ше Лапрѣ. Наконецъ дѣти сдѣлали послѣдній реверансъ и отправились въ столовую пить чай.

Въ столовой, вокругъ большаго стола, накрытаго скатертью, разставлены были чашки съ чаемъ и молокомъ, съ лежащими подлѣ кусками бѣлаго хлѣба. Маленькія, въ избѣжаніе безо-

ряда, пили стоя вокругъ стола, старшія сидѣли у стѣны на стульяхъ. Я выпила очень скоро свою чашку и съѣла кусокъ хлѣба, потому что весь предшествующій день ничего не ѣла и была очень голодна. Въ столовой на первый разъ вниманіе мое обратилъ на себя большой листъ росписанія преподаваемыхъ предметовъ и распредѣленія учебныхъ часовъ, висѣвшій на стѣнѣ въ черной рамкѣ. Пока другія пили чай, я подошла къ программѣ. И Боже мой! Чего я тутъ не увидѣла! Кромѣ грамматики, исторіи, географіи, ариѳметики и другихъ общезвѣстныхъ предметовъ, были тутъ: и литература французскаго, нѣмецкаго и русскаго языковъ, и геометрія и физика. И всему этому я буду учиться, думала я, и все это знаютъ m-me Лапрѣ, классная дама и старшія дѣвочки!... И душой моей овладѣло чувство чего-то безконечнаго... Но въ то время, когда я мечтала надъ программой, мнѣ замѣчено было, что я беспорядочно выпила свой чай и приказано было поднять съ пола нѣсколько упавшихъ крошекъ, что вызвало насмѣшливыя улыбки со стороны моихъ новыхъ подругъ. По окончаніи чая всѣ ушли обратно въ классы.

— Вотъ это будетъ ваше мѣсто, сказала мнѣ новая классная дама, подводя къ одному изъ табуретовъ, стоящихъ у стола. — Вотъ эта полка будетъ мѣстомъ для вашихъ книгъ; изъ этой чернильницы вы должны будете писать. Во время лекціи вы не должны двигаться, ни о чемъ не спрашивать; не класть рукъ на столъ; не протягивать ногъ подъ столъ; держаться прямо и глядѣть въ глаза учителю. Вы должны помнить, что учитель — гость, и держать себя такъ, чтобы онъ не могъ рассказать о васъ ничего дурнаго въ другомъ мѣстѣ.

Другія дѣвочки также старались усѣсться на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга и держаться въ опредѣленномъ положеніи. Нѣкоторые крестились и крестили свои книги; лица ихъ были блѣдны и выражали смущеніе. Классная дама между тѣмъ управляла сзади ихъ юбки и ранжировала табуреты.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ классѣ растворилась дверь и въ комнату воѣжалъ учитель, мосье Лапрѣ, рыжій французъ съ козьею бородкой, супругъ m-me Лапрѣ, котораго я уже видѣла за чаемъ. Расшаркавшись, онъ бросилъ на столъ пукъ тетрадей, которыя тутъ же раздала дѣтямъ дежурная дѣвочка, черкнулъ перомъ въ журналѣ и началъ писать что-то на доскѣ. Исписавши всю доску, учитель вызывалъ къ доскѣ то одну, то другую дѣвочку, требовалъ объясненій, и за неудовлетворительныя отвѣты ставилъ въ журналѣ палки. Шелъ переводъ съ

французскаго языка на русскій съ объясненіемъ грамматическихъ правилъ и поправленіемъ тетрадей.

Дѣти глядѣли то на доску, то въ свои тетради, то на учителя, видимо недоумѣвая, но боялись спрашивать и робко переглядывались другъ съ другомъ. Черезъ часъ опять зазвонилъ колокольчикъ; учитель черкнулъ что-то въ журналъ, взялъ пукъ собранныхъ тетрадей, шаркнулъ точно такимъ же образомъ ногой и скрылся за дверью.

Дѣти поднались съ своихъ мѣстъ и вздохнули свободнѣе.

Классная дама также встала и взяла журналъ.

— Я вами сегодня недовольна, обратилась она къ дѣтямъ:— многія изъ васъ держали себя очень дурно въ классѣ; болтали и шумѣли тетрадами, когда учитель объяснялъ урокъ. М-лле Веберъ, м-лле Михайлова, м-лле Аскочинская, м-лле Степанова получили единицы и останутся безъ завтрака. Mesdemoiselles Иванова, Шевырева, Гладиллина — за шумъ, будутъ стоять во время обѣда. М-лле Дегаева — то же самое.

— Pourquoi? слышался недовольный голосъ Дегаевой.

— Taidez vous, mauvais sujet, отвѣчала дама.

Дегаева отвернулась къ ней спиной, и взявши книгу, отошла въ другой уголъ комнаты.

Послѣ класса послѣдовала маленькая рекреация. Дѣти ликовали свои тетради и готовили перья; на лицахъ ихъ не было боязни и смущенія; многія даже подпрыгивали на мѣстѣ и говорили громко другъ съ другомъ, несмотря на запрещеніе классной дамы. Черезъ четверть часа въ классъ вошла м-ме Лапрѣ.

— М-лле Петрова нездорова и не можетъ съ вами заниматься русскимъ языкомъ, сегодня я сама займу ея мѣсто.

Извѣстіе это, повидимому, опечалило дѣтей; черезъ минуту онѣ снова притихли и опять превратились въ статуи.

Начался классъ русскаго языка. М-ме Лапрѣ спрашивала изъ грамматикки о частяхъ рѣчи, и заставляла дѣлать склоненія, упирая именно на тѣ слова, въ которыхъ сама дѣлала ошибки, что выходило очень странно; продиктовала: «Простой цвѣточекъ дикій» Дмитріева, и приказала выучить его на память. Я читала Дмитріева и прежде, и знала, что у него есть лучшія стихотворенія, а потому не понимала, почему «Дикій цвѣточекъ» могъ обратить на себя особенное вниманіе м-ме Лапрѣ.

За урокомъ слѣдовалъ завтракъ, состоящій изъ куска бѣлаго хлѣба, намазаннаго прогорклымъ масломъ, и кусочка колбасы. Послѣ завтрака довольно длинная рекреация, во время которой

дѣти снова были поставлены по парамъ, и должны были дѣлать продолженіе часа променада вокругъ класснаго стола.

Я также была поставлена въ пару и также должна была прогуливаться, оглядываемая съ ногъ до головы своей новой подругой, которая не смѣла заговорить со мною, зная, что я не могу отвѣчать ей пофранцузски. Классная дама въ это время стояла у стѣны съ вязаньемъ и наблюдала, чтобы дѣти говорили пофранцузски, хорошо держались и ходили. Послѣ променада, слѣдовали двѣ другія лекціи нѣмецкаго языка и ариметики. Первый преподавала m-me Бейеръ, рыжая, старая и подкрашенная дама; вторую—учитель Сотовъ, худой, длинный, съ высокимъ чубомъ и длинными, торчащими по обѣимъ щекамъ сѣрыми бакенбардами, напоминающими собою половую щетку. По окончаніи этихъ уроковъ, одна только треть класса удостоена была полнаго обѣда въ приличномъ этому торжеству положеніи; остальные должны были или ѣсть стоя, или насыщаться запахомъ блюда и зрѣлищемъ обѣдающихъ прилежныхъ и во всемъ исправныхъ дѣвицъ.

За обѣдомъ подавался вассеръ-супъ съ плавающими наверху звѣздочками моркови и петрушки, жареная говядина съ картофелемъ и мильхзуппе съ тѣмъ же прогорѣлымъ масломъ, что и за завтракомъ. Классная дама пила еще кофе.

Послѣ обѣда променада вокругъ стола не было; дѣтямъ приказано было переодѣнуть платье, обувь и идти въ садъ.

Садъ этотъ представлялъ нѣчто въ родѣ цирка; вѣрнѣе—это былъ дворъ, обнесенный высокимъ заборомъ, тянувшимся полукругомъ, отъ одного угла дома до другаго. Одна широкая дорожка, по краямъ которой торчали тамъ и сямъ жиденькія вишневья деревья, окружала площадку, покрытую поблекшею травою, да, притаившись у забора, росли жалкіе кусты тощей акаціи. Тамъ, гдѣ тѣнь была погуще, стояли скамьи и диваны.

На этомъ, незримомъ для посторонняго наблюдателя пространствѣ, дѣтямъ допускалась свобода играть и говорить по-русски. Постороннему наблюдателю могла бы представиться любопытная картина превращенія, — какъ милая, выдержанная и во всемъ приличная дѣвочка, которыхъ можно было бы принять за ангеловъ, вдругъ превращались въ обыкновенныхъ школьницъ съ угловатыми манерами и нелѣпыми выходками.

Вырвавшись на свободу, дѣти не знали, какъ лучше ея воспользоваться. Кромѣ обыкновенныхъ игръ въ мячъ и волакъ, бѣганья въ залуски и въ горѣлки, нѣкоторые ссорились и дрались другъ съ другомъ, катались по землѣ, лѣзли на заборъ, ломали деревья и т. д. М-me Лапрѣ знала, что такая картина

могла бы произвести неприятное впечатлѣніе на посторонняго зрителя, а потому въ садъ — сколько я помню — никогда таковыхъ не являлось.

Цѣлый день со мной еще никто не заговаривалъ и я сидѣла одна, на скамейкѣ, у края дорожки, оставаясь покаместъ посторонней зрительницей метаморфозы. Вдругъ, пущенный въ меня сзади комъ грязи заставилъ меня вскочить съ мѣста... за тѣмъ полетѣлъ другой и третій... Протирая глаза, я отошла въ сторону. Толпа дѣтей обступила меня со всѣхъ сторонъ.

— Скажи, пожалуйста, говорила одна, теребя меня за рукавъ:—отчего ты такая большая и ни одного слова связать не умѣешь пофранцузски?

— Отчего ты такая черная, какъ мужичка? торопилась узнать другая.

— Отчего ты ходишь какъ гусь? спрашивала третья, тормоша меня за юбку.

— Mesdames! тащите, тащите ее! чего она сидитъ? Пусть пройдетя и покажетъ намъ, какъ гуси ходятъ!...

Такой сцены я совсѣмъ не ожидала...

Я пошла на другую скамейку, прося самымъ деликатнымъ образомъ оставить меня въ покоѣ. Но подружки мои не обращали никакого вниманія на мою просьбу: онѣ тормошили меня со всѣхъ сторонъ, забѣгали впередъ, вертѣлись у моихъ глазъ, хлопали въ ладоши и кричали: га! га! га! стараясь подражать походкѣ и крику гусей.

— Mesdames! оставьте ее, это, кажется, новенькая, которую вчера привезли; я хочу поговорить съ ней, возвысился чей-то новый голосъ и къ толпѣ дѣтей присоединилась новая толпа.

— Э! да какой же она смотреть несчастной!

— Тебѣ, вѣрно, ѣсть дома не давали... Ты не воспитанница ли м-ше Лапрѣ?

— Нѣтъ.

— Правда ли говорятъ, что ты разъ прибѣгала сюда съ просьбою, чтобы тебя м-ше Лапрѣ приняла въ пансіонъ? поднялся опять первый голосъ.

Протерши глаза, я взглянула на говорившую.

Толпа раздвинулась и впередъ выступила дѣвочка, лѣтъ 13, съ воланомъ, вся разгорѣвшаяся и запыхавшаяся отъ движенія. Большіе синіе глаза ея смотрѣли открыто и смѣло, въ голосъ звучала какая-то особенная сила.

— Правда, отвѣчала я.

— Что же тебя заставило это сдѣлать? Развѣ ты думала, что въ пансіонѣ Лапрѣ будетъ тебѣ лучше, чѣмъ дома?

- Да, я думала.
- И она тебя прогнала? Прогнала? Что же она тебѣ сказала?
- Она мнѣ сказала, что приличіе и кротость поступковъ составляютъ лучшія украшенія дѣвушекъ.
- И ты ей повѣрила?
- Повѣрила.
- Плоха же ты послѣ этого! Это она каждый день твердитъ старшимъ дѣвицамъ, да только ей мало кто вѣритъ...
- А у тебя есть отецъ—генераль? спрашивала другая.
- Нѣтъ.
- А дядя генераль—есть? спрашивала другая.
- Нѣтъ.
- А тетка — княгиня есть?
- Нѣтъ.
- А отецъ и мать твои богаты?
- Нѣтъ.
- А домъ большой у васъ въ деревнѣ?
- Большой.
- А сколько душъ крестьянъ у васъ?
- У меня нѣтъ крестьянъ.
- А у кого дѣлалось твое бережовое платье?
- Не знаю.
- Какая противная эта новенькая! говорили старшія дѣвицы съ перетянутыми тальями и прямыми какъ аршинъ, гулявшія мимо меня подъ руку.—Она, должно быть, глупая... Говорятъ, что она ужъ прибѣгала сюда разъ, чтобы м-ше Лапрѣ ее приняла въ пансіонъ.
- И чтожь, м-ше Лапрѣ ее прогнала?
- Прогнала, конечно.—Она, говорятъ, нищая. Mesdames! что вамъ рассказываетъ новенькая?
- Она говоритъ, что не знаетъ, гдѣ дѣлалось ея платье...
- И что у ней нѣтъ крестьянъ... Ей, должно быть, кто ип-буди пожертвовалъ это платье: она—нищая.
- Кто же за тебя платитъ? спросилъ кто-то опять.
- Меня воспитываютъ дворяне.
- Какъ, дворяне? Какіе?
- Баронъ Герцъ, Леннины и другіе.
- И ты никому ничего не можешь дарить? спросила опять та же смѣлая дѣвочка съ волакомъ, собираясь уйдти.
- Нѣтъ.
- Значить, ты то же самое, что и Дегаева, воспитанница Лапрѣ.

— Ветрищева! въ горѣлки! крикнулъ кто-то съ другаго конца дорожки, и она побѣжала въ сторону.

На другой день мнѣ былъ экзаменъ по предметамъ закона Божія, ариметики, географіи и русскаго языка. Я была готова въ третій классъ; но по языкамъ едва годилась въ первый, и потому меня оставили въ первомъ, въ надеждѣ, что за это время я не отстану въ другикъ предметахъ. Содержаніе французскаго урока о томъ ребенкѣ, который, желая получить говядины, попросилъ соли, и ему дали соли и говядины, показалось мнѣ очень несложнымъ, и я пожелала узнать о другомъ ребенкѣ, который захотѣлъ имѣть усы, чтобъ съ большими обѣдать; но мнѣ замѣчено было, чтобъ я ограничила свои стремленія.

— *Moderez votre zèle*, замѣтила француженка Грилье:—всему свое время и мѣсто; гораздо будетъ лучше, если вы обратите побольше вниманія на манеру держать себя.

Замѣчаніе *mademoiselle* Грилье меня изумило. Мнѣ казалось, что я держу себя точно также, какъ и другія, и я осмѣлилась спросить, чѣмъ она недовольна.

— Во время класса, вы скрипѣли грифелемъ, горбились, дѣлали неприличныя движенія плечами, отвѣчала она.—Сядьте и не смѣйте другой разъ спрашивать... Дегаева! идите просказывать мнѣ вашъ урокъ, обратилась она къ Дегаевой.

— Я не понимаю моего урока, отвѣчала Дегаева.— Потрудитесь мнѣ объяснить его.

— Дегаева, идите просказывать мнѣ вашъ урокъ, повторила снова Грилье.

— Я не понимаю урока, отвѣчала снова Дегаева:— и не хочу зубрить, какъ поугай.

— Дегаева, идите просказывать мнѣ вашу грамматику, настаивала въ третій разъ Грилье.

Дегаева сильно двинула табуретомъ, и встала.

Грилье взяла грамматику и Дегаева съ первыхъ же словъ начала говорить вздоръ.

— Идите въ уголъ и встаньте на колѣни, бросая грамматику, сказала Грилье, и вызвала Гладилину. Гладилина была черненькая, кругленькая дѣвочка, которую въ пансіонѣ звали кошкой.

— Я не понимаю моего урока, настаивала Дегаева, продолжая стоять у стола.— Потрудитесь мнѣ объяснить его...

Грилье ее не слушала и продолжала спрашивать Гладилину, читая содержаніе французской грамматики по книгѣ. Вскорѣ ее со всѣхъ сторонъ обступили дѣти, съ которыми она болтала

о разныхъ новостяхъ дня, фасонахъ платья и разныхъ мелочныхъ происшествіяхъ пансіонской жизни, барабана по столу двумя пальцами и разсѣянно глядя въ окно на проходящихъ.

Вечеромъ Дегаева подошла ко мнѣ. Я читала.

— Что ты читаешь? спросила она меня, ~~оживаясь~~ оживаясь подлѣ.

Это былъ, помнится, романъ «Рыбаки», который достала мнѣ братья у кого-то изъ своихъ товарищей.

— Ты дашь мнѣ эту книгу, когда прочтешь ее сама? попросила Дегаева.

— Хорошо.

— Я тоже люблю читать, и лѣтомъ, когда я гостила на каникулахъ у сестры Ольги, въ деревнѣ, я много читала. Ты любишь деревню?

— Да, люблю!

— Правда ли, говорятъ, что ты пожелала сама учиться въ пансіонѣ Лапрё?

— Правда.

— А ты рисуешь?

— Рисую.

— И я люблю рисовать. Хочешь, я покажу тебѣ мою тетрадь съ рисунками?

— Хорошо, покажи...

Она достала изъ ящика тетрадь, на которой крупными буквами было написано: «Часы досуга». Въ тетради было нѣсколько ландшафтовъ и группъ, нарисованныхъ Дегаевою. Подъ нѣкоторыми виднѣлись куплеты стиховъ.

— Ты мнѣ нарисуй что-нибудь въ эту тетрадь или напиши стихи, сказала она,

— Хорошо, что-нибудь нарисую.

Проходили дни за днями, а между тѣмъ, мои уроки заключались все изъ тѣхъ же анекдотовъ о разныхъ остроумныхъ младенцахъ, тѣхъ же діалоговъ, въ которыхъ освѣдомлялись о здоровьѣ рара или пашапа, братцевъ или сестрицъ, дяденекъ или тетѣнекъ, кузеновъ и кузинъ, которымъ желалось добраго утра и доброй ночи, хорошаго аппетита, и проч. И въ то же время не проходило часа, чтобы ко мнѣ не обращались замѣчанія классныхъ дамъ.

— Philosphes! кричала одна, едва я займусь чтеніемъ какой-нибудь книги, разборкомъ новыхъ словъ и углублюсь въ свои занятія. — Проснитесь! вы забыли, гдѣ вы находитесь! Зачѣмъ вы такъ развадились? Зачѣмъ разложили на столъ ваши локти? Примите ихъ! Зачѣмъ вы протянули ноги такъ неприлично? Спрячьте ихъ!

— Безсонова! замѣчала другая: — зачѣмъ вы скорчили такую глупую рожу? О чемъ вы думаете? Подите вымойте ваши руки — у васъ пальцы въ чернилахъ. Зачѣмъ вы ставите ноги, какъ гусь? Зачѣмъ у васъ торчатъ сзади лопатки! Спрячьте ихъ. Зачѣмъ грифель и перья у васъ не на своихъ мѣстахъ? и т. д.

— Нѣтъ, вы обратите вниманіе на этотъ животъ, на эти плеча и походку. *Mais c'est quelque chose d'horrible!* Это верхъ неприличія! замѣчала Бейеръ, которая какъ-будто особенно не влюбилась мою фигуру и не могла видѣть меня спокойно.

— Философы! вы нѣсколько разъ обратили на себя вниманіе, прибавляла она: — будьте сегодня безъ обѣда.

О моемъ желаніи продолжать анекдоты, вопреки принятому порядку постепенности, было донесено m-me Лапрѣ, какъ о безпорядкѣ. M-me Лапрѣ сдѣлала мнѣ замѣчаніе, но объяснила класснымъ дамамъ, что я принята на такихъ условіяхъ, которыя допускаютъ переходъ въ старшій классъ, хотя бы черезъ два мѣсяца. Конечно, если я буду достойна во всѣхъ другихъ отношеніяхъ... Получивши позволеніе идти впередъ, я ревностно принялась за изученіе анекдотовъ и діалоговъ, въ надеждѣ поскорѣй перейти въ слѣдующій классъ. Но туча уже скопчилась надъ моей головой... Поводомъ къ такому печальному событію былъ танцклассъ.

V.

Танцклассъ.

Танцклассъ все это время лежалъ тяжелымъ кошмаромъ на моемъ сердцѣ. Даже теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, я не иначе, какъ съ содроганіемъ сердечнымъ думаю о томъ, сколько трудовъ и мукъ, сколько чувствительныхъ ударовъ моему самолюбію стоилъ танцклассъ, сколько крови я испортила у неоцѣннаго учителя танцевъ г. Бродзкаго. И что же? все было напрасно: я никогда не могла отличиться ни на одномъ балѣ, никогда не могла выдержать себя съ достоинствомъ ни въ одномъ вадрили, не говоря уже о чемъ-нибудь характерномъ. Танцклассъ въ пансіонѣ Лапрѣ былъ нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго. Къ танцклассу обыкновенно готовились бѣлыя платья, бѣлые кушаки, бѣлыя перчатки. Дѣтямъ въ этотъ день предоставлялась полная свобода бѣгать по дортуарамъ, завивать себѣ волосы, и даже безнаказанно иной разъ вернуть во французскую рѣчь русскую фразу. Отъ танцкласса могли осво-

бождаться только безногія. Въ пять часовъ сходили внизъ; сначала упряжнялись въ разныхъ пѣ, позціяхъ, турнюряхъ, и проч.

Въ семь часовъ открывался настоящій балъ. Зала освѣщалась люстрой и кенкетами; съѣзжались гости, большею частью, родственники дѣтей. Нѣкоторые почтенные отцы семействъ, не будучи въ состояніи помѣстить своихъ дочерей на полный пансіонъ къ м-ше Лапрѣ, привозили ихъ только на танцклассъ. Другіе прїѣзжали просто только затѣмъ, чтобы насладиться прїятнымъ зрѣлищемъ танцующихъ дѣвицъ и полюбоваться порядкомъ пансіона. М-ше Лапрѣ очень любила такихъ безкорыстныхъ поклонниковъ гармоніи, принимала ихъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ и старалась посвятить во всѣ таинства системы Баумгартена.

Учитель танцевъ Бродскій былъ артистъ въ душѣ, и до того человѣкъ горячій, что рѣшительно не помнилъ себя во время танцевъ. Покуда еще не съѣзжались гости, онъ кричалъ, горячился, отдавливалъ ноги, надѣлялъ толчками въ спину, давалъ подзатыльники, шивался своими длинными ногтями въ кожу и проч. М-ше Лапрѣ это видѣла, но изъ уваженія къ таланту учителя, только увѣщевала плачущихъ дѣтей не плакать и быть внимательными къ наставленіямъ учителя...

Говорю не изъ скромности, но по чувству смиреннаго сознанія, что природѣ какъ-то незаблагоразсудилось надѣлать меня способностями къ хореграфическому искусству, столько свойственному назначенію женщины. До поступленія въ пансіонъ, я рѣшительно не имѣла понятія о томъ, что такое позція, и потому, несмотря на все мое желаніе угодить г. Бродзкому и поступать по правиламъ искусства — рѣшительно не могла сладить съ своей фигурой, ногами, руками и головой. Но этого никто не хотѣлъ принять во вниманіе. Однажды, недѣль шесть спустя послѣ моего поступленія въ пансіонъ, Бродскій, въ субботу, находился въ какомъ-то особомъ экстазѣ. Онъ поставилъ насъ въ каре, шагаль ужаснѣйшимъ образомъ по залѣ, обращаясь съ наставленіями и увѣщаніями то къ одной, то къ другой. Заиграла музыка.

— Ангельчикъ ты мой! Неоцѣненная ты моя! говорилъ онъ, подходя ко мнѣ. — Поставь ты свои ножки въ четвертой позціи, подними ты свою головку, выверни локотки, протяни ты свои ручки впередъ и подними ихъ надъ своей головкой!

Тронутая неожиданными припадками такой нѣжности, я употребляла всѣ усилія, чтобы представить изъ себя грацію.

Учитель всталъ среди комнаты и, то поднимая руку вверхъ, то опуская внизъ, командовалъ на всѣ четыре стороны.

— *Jettez en avant! Jettez en arrière!*

Всѣ бросались впередъ и назадъ, впередъ и назадъ.

— *Grande tournée!* командовалъ онъ снова.

Всѣ обращались къ огнямъ, ударили пятками и дважды поднимались на воздухъ...

— Помилосердствуй ты! побойся ты Бога! возопилъ онъ вдругъ, останавливаясь передо мной и скрещивая руки.—Чего ты скачешь козломъ?

— Нѣтъ, вы обратите вниманіе на этотъ животъ, на то, какъ она держить ноги! говорила Бейеръ.

— Безсонова! гдѣ вы прежде жили, съ кѣмъ вы прежде плясали? ужъ не съ медвѣжатами ли?

— *Jettez, balancez!* настаивалъ учитель. Я не двигалась.—*Ras de zéphir*, обратился онъ къ другимъ, махнувъ на меня рукой.

— Разъ—два! разъ—два! разъ—два!

Я только переминалась съ отчаяніемъ на мѣстѣ, и готова была провалиться сквозь землю.

— Кровопійца ты! вдругъ заревѣлъ Бродскій, побѣгая ко мнѣ и яростно сжимая кулаки.—Что ты тутъ дѣлаешь?

Я взглянула на учителя, и вдругъ лицо его показалось мнѣ до такой степени дикимъ, искаженнымъ злостью и лишеннымъ всякаго человѣческаго смысла, что вмѣсто того, чтобы повиноваться и начать дѣлать *ras de zéphir*, я повернулась къ нему спиной, и отошедши въ другой уголь залы, сѣла на прежнее мѣсто.

Бродскій почернѣлъ отъ злости, побѣжалъ жаловаться Бейеръ, но не могъ говорить, и только разводилъ руками, показывая на стулъ, гдѣ я сидѣла; Бейеръ, однакожъ, поняла его и приказала мнѣ встать съ мѣста и идти въ дортуаръ.

Въ дортуарѣ пахло помадой и духами. У меня кружилась голова. Я сѣла на окно и открыла одну изъ половинокъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Домъ этой стороною спускался къ оврагу; внизу былъ чей-то садъ и протекала рѣка. Изъ окна открывались городскія предмѣстья, синѣли лѣса вдаль, желтѣли пески; тамъ и сямъ, извиваясь, блистала рѣка. Въ воображеніи моемъ представлялся большой господскій домъ Лениныхъ, старая деревенская церковь, кроткое лицо отца Парамона; вспомнился большой широкій лугъ, покрытый яркой зеленью, толпа ребятишекъ грязныхъ, полунагихъ, но добрыхъ и привѣтливыхъ; встала мельница съ ея вѣчной толкотней и шумомъ колесъ... Представился серьезный Тарасъ, суеящійся съ мѣшками; Васи-

лиса, хлопочущая у колыбели своего ребенка; старушка Захаровна, называющая учение свѣтомъ, а неученіе — тьмою; Палаша — добрая Палаша съ ея убѣжденіями, что я *произошла* всѣ науки... Гдѣ вы? Чтѣ съ вами теперь! Забыли вы меня, или еще помните?...

Первое отдѣленіе танцкласса окончилось, и въ дортуарь вошли маленькія, подъ предводительствомъ Бейеръ. Я поднялась съ окна, и въ ту же минуту побѣжавшій неожиданно вѣтеръ быстро захлопнулъ за мною окно: одно изъ стеколъ вылетѣло изъ рамы, и, дребежжа, полетѣло въ оврагъ...

Я обомлѣла отъ страха.

— *Philosophe!* закричала Бейеръ, разинувъ ротъ отъ изумленія и всплеснувъ руками: — *qui vous a permis de vous mettre sur la fenêtre? A genoux, philosophe!*

Изумленные необыкновеннымъ происшествіемъ, дѣти остановились посреди комнаты, ожидая, чѣмъ должно это кончиться.

— *Enfants!* обратилась она къ дѣтямъ: — *apportez moi une feuille de papier, une aiguille, du coton et une plume. Je vais lui faire un bonnet d'âne!*

Дѣти засуетились, нѣкоторые бросились бѣжать въ классъ, и принесли требуемые матеріалы. Бейеръ въ одну минуту свернула изъ бумаги шапку, пристегнула раза два ниткой, и, сдѣлавши на ней надпись: «*Philosophe éffronté*», торжественно надѣла ее на мою голову. Такая коронація бывала довольно рѣдка. Съ тѣхъ поръ, какъ я поступила въ пансіонъ, я въ первый разъ увидѣла дурацкую шапку на своей головѣ. М-ше Лапрè вошла тотчасъ же въ дортуарь, и сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ случившагося.

— Чтѣ это такъ дуетъ? обратилась она къ Бейеръ, которая тотчасъ же и рассказала о моихъ подвигахъ въ танцклассѣ и дортуарѣ.

— Дѣти! идите въ классъ, и не приближайтесь къ ней! торжественно возгласила Лапрè, и удалилась въ другую комнату. Дѣти потихоньку, на цыпочкахъ, закусивши губы, вышли изъ дортуара.

Я осталась одна въ комнатѣ, на колѣняхъ, подлѣ разбитаго окна, изумленная и пораженная.

Вечеромъ, когда дѣти воротились въ дортуарь, мнѣ было приказано встать съ колѣнъ и идти въ больницу. Больница эта находилась на чердакѣ подъ самой крышей, и была извѣстна подъ именемъ черной верхней комнаты. Небольшое полукруглое окно, занавѣшенное зеленой занавѣской, пропускало мало свѣта въ комнату. Въ комнатѣ стояла черная кровать съ

кожаной подушкой, съ тюфякомъ безъ бѣлья, чернѣй столъ, и ничего больше. Черная комната приводила въ страхъ всѣхъ пансіонерокъ не потому, чтобы здѣсь производились какія нибудь истязанія: розги отвергались принципомъ заведенія, и для исправленія употреблялись болѣе гуманныя средства. Преступницъ обыкновенно наказывали голодомъ и страхомъ, и то только за самыя важныя преступленія. Страхъ дѣйствовалъ больше всего на суевѣрное воображеніе робкихъ дѣвочекъ. У кого была своя горничная, тому еще легко было выдержать испытанія и пробыть въ больницѣ нѣсколько дней и ночей сряду, но для другихъ больница была страшнѣе всего. Нѣкоторыя не выдерживали заключенія, и на другія сутки становились больными.

Еслибъ не неизвѣстность будущаго, то мое заключеніе можно было бы считать милостью.

Необходимость быть каждую минуту на виду, подъ неотступнымъ надзоромъ, дѣлать все по звонку, не быть господиномъ ни одного изъ своихъ движеній, думать постоянно о внѣшнемъ, ни на одну минуту не принадлежать себѣ — все это казалось для меня невыносимо-тяжелымъ бременемъ, съ которымъ я мирилась только во имя того лучшаго будущаго, которое представлялось мнѣ за преодоленіемъ этихъ трудностей.

Я рада была остаться одна, сидѣть, двигаться, думать, плакать, молиться безъ свидѣтелей. Съ тѣхъ поръ, какъ я поступила въ пансіонъ, я ни разу еще не молилась, какъ мнѣ хотѣлось, и тотчасъ же, по уходѣ горничной, бросилась на колѣна, и молилась до тѣхъ поръ, пока не успокоились и не пришли въ равновѣсіе взволнованныя мысли и чувства. Потому я легла на кожаную постель безъ голландскаго бѣлья, и заснула крѣпко, спокойно, твердо увѣренная въ счастлиvomъ исходѣ случившагоса.

Только дней черезъ пять послѣ моего заключенія, когда голодъ и скука начали сильно одолевать меня, я начала мало-по-малу понимать величину своихъ преступленій.

Въ «больницу» вошла m-me Лапрѣ въ сопровожденіи Бейеръ.

— Встаньте, сказала она мнѣ: — вы можете идти въ классъ и продолжать ваши занятія, такъ-какъ вы дѣйствительно не могли еще знать всѣхъ постановленій моего пансіона. Я буду строго наблюдать за вами, и вы должны будете совершенно измѣниться, если не пожелаете быть изгнанною и огорчить вашихъ благодѣтелей.

Дѣти въ это время находились, по случаю какого-то торжественнаго праздника, въ торжественной заѣ: одни играли въ фанты, другія сгрушировались у фортепьяно, третьи прогули-

вались подъ руку по залѣ. Всѣ сторонились отъ меня, и смотрѣли съ какимъ-то недоумѣннѣмъ, какъ на преступника, только что выпущеннаго изъ тюремнаго заключенія. Грустная и усталая, я сидѣла въ углу залы у окна, наблюдая за играющими. Вскорѣ глаза мои открыли Дегаеву. Она сидѣла за фортепьяно, разыгрывая какую-то польку-мазурку. Лицо ея, по обыкновенію, тревожное, и сохранявшее слѣды недавнихъ слезъ, было спокойно, и выражало вниманіе и тихое одушевленіе. Видно было, что она отдыхала за фортепьяно отъ недавней тревоги, которая сопутствовала каждый часъ ея жизни въ пансіонѣ.

— Дегаева! пошла прочь изъ-за фортепьяно! сказала одна изъ старшихъ, принеся съ собой какія-то ноты, и толкая Дегаеву со стула.

— Mesdames, dansez! обратилась она къ стоявшимъ въ залѣ у фортепьяно дѣвицамъ.

— Это фортепьяно для второго класса, отвѣчала Дегаева, продолжая играть. — Я играю въ свои часы...

— Mesdames! мы сегодня въ ссорѣ съ Дегаевой, сказала старшая, обращаясь къ подругамъ. — Дегаева, чтобъ ты не смѣла входить въ нашъ классъ, иначе мы тебя прогонимъ! угрожала она.

Дегаева продолжала играть, не обращая на это никакого вниманія.

— Нищая! приемышь! голышь! mauvais sujet! говорили старшія, проходя мимо ея. — Еслибы не м-ше Лапрѣ, ты бы умерла съ голоду. Mesdames! гоните ее изъ-за фортепьяно!

Произошла схватка, въ которой Дегаева сначала старалась только защищаться отъ насилія старшей. Старшая порвала ноты и, бросивъ ихъ на полъ, вцѣпилась ей въ ухо. Вспыхнувшая Дегаева отвѣчала пощечиной. Старшая закрыла лицо руками, зарыдала и побѣжала жаловаться м-ше Лапрѣ. Оказалось, что это была одна изъ богатыхъ дѣвушекъ, «любимокъ» м-ше Лапрѣ.

Дегаева все это время возбуждала мое вниманіе и сочувствіе. Это былъ живой протестъ окружающему порядку. Я видѣла ее такъ часто плакавшею, и такъ рѣдко смѣявшеюся, что при одномъ воспоминаніи о ней въ моемъ воображеніи является типъ блѣднолицей, плачущей дѣвочки съ узенькими плечиками, съ впалой грудью, съ большими сѣрыми, тревожными глазами, съ маленькимъ, вздернутымъ носикомъ, съ вѣчно-тревожными движеніями...

Она была побочной дочерью какого-то генерала, и по отцу могла причислить себя къ аристократическому кругу. Въ дѣт-

ствѣ она была его любимицей и баловницей, росла въ колѣ и роскоши, но обѣднѣвши послѣ его смерти, и, очутившись круглой сиротой, была принята въ пансіонъ m-me Лапрѣ въ число двухъ бѣдныхъ воспитанницъ по ходатайству того же барона Герцъ, друга ея покойнаго отца, который съ этой минуты забывъ о ея существованіи. Несправедливость приводила ее въ отчаяніе, и ей вѣчно казалось, что съ ней поступаютъ несправедливо.

Меньшія были обыкновенно рабами старшихъ и старшія дѣвочки могли располагать ими какъ имъ угодно: прогнать изъ-за фортепьяно, отнять лакомство, книгу, завтракъ, выслать въ дежурство за хлѣбомъ или водою, прогнать изъ-за фортепьяно, и меньшія должны были безпрекословно повиноваться старшимъ, хотя бы за незнаніе урока или безпорядокъ пришлось быть наказанною — иначе ее и цѣлый классъ ожидало гоненіе старшихъ. Нѣкоторые устраивали засады въ корридорѣ за дверью или дортуарѣ за кроватами и подкарауливали, когда меньшая, набивши себѣ карманы лакомствомъ, проходила черезъ корридоръ въ классъ, или отправлялась въ свой ящикъ, гдѣ хранились деньги и другіе запасы. Карманы и ящики несчастной опорожнивались подъ угрозою — выдрать за уши и быть на цѣлую недѣлю въ ссорѣ, если она осмѣлится пожаловаться классной дамѣ. Въ этомъ отношеніи особенно отличались такъ-называемыя «любимки» m-me Лапрѣ. Всѣ постановленія пансіона относились къ нимъ только слегка; ихъ просили, но никогда не приказывали; за незнаніе уроковъ и другіе проступки ихъ никогда не наказывали, и для оправданія ихъ всегда находились благовидный предлогъ. Онѣ могли уходить чаще изъ класса, вставать позже другихъ, по воскресеньямъ гулять въ цѣломъ домѣ. По воскресеньямъ ихъ приглашали въ гостиную, когда пріѣжали гости. Къ числу такихъ любимыхъ принадлежала и Гладкова, которая обидѣла Дегаеву. Изъ этого происшествія произошла исторія, тянувшаяся цѣлую недѣлю, въ продолженіе которой Дегаева была исправляема всѣми возможными мѣрами, и наконецъ за дерзости и упрямство была высѣчена въ видѣ исключенія изъ общаго правила...

VI.

УЧЕНІЕ И УЧИТЕЛЯ.

Споровъ и разговоровъ съ учителями въ особенности о предметахъ теоретическихъ у насъ никогда не водилось. Мы должны были дѣлать только одно — зубрить и копировать, и въ

этомъ искусство состояла вся суть, все совершенство, какого можно было достигнуть. Разговоры между пансіонерками никогда другихъ не было, кромѣ споровъ о красотѣ глазъ, носа, губъ, платья, и другихъ подобныхъ предметовъ. Слова: «умъ», «умная» никогда не произносились между ними. Онѣ никогда не говорили другъ о другѣ: какъ она умна, а говорили: «счастливица! какая у нея память!» А если и случалось услышать отъ когонибудь это слово, то оно звучало какъ-то странно въ ухахъ и внушало недоверіе къ лицу, обладающему такимъ качествомъ. Копировка тетрадей, зубристка иностранныхъ словъ, повтореніе тысячу разъ одного и того же естественно не могло поглотить всего моего вниманія, и какъ только я вошла въ роль свою и приучилась къ самообладанію, то оказалось, что у меня очень много свободного, ничѣмъ незаятаго времени. Можно было запретить свободу движенія, запретить строить глупныя рожи, можно было сдавить естественное развитіе способностей, можно было дать имъ одностороннее направленіе, но запретить размышлять, когда въ головѣ уже шевельнулась мысль, было невозможно. И несмотря на всеобщее осмѣяніе мысли въ пансіонѣ Лапрё, я продолжала думать и думать втихомолку, и въ этомъ отношеніи законъ Божій былъ одинъ изъ предметовъ, на который тогда прежде всего обратились мои размышленія.

Законоучитель былъ у насъ человѣкъ свѣтскій и какъ нельзя болѣе во вкусѣ пансіонскаго начальства. Былъ онъ высокъ, строенъ, держался величественно, носилъ высокую, вытертую спереди полубархатную камилавку лиловаго цвѣта и такую же шелковую рясу, былъ сѣдъ, хотя бодръ и молодъ въ душѣ, имѣлъ длиннѣйшую сѣдую бороду, которою, какъ и всей своей особой, чрезвычайно какъ щеголялъ и гордился. Входя въ классъ, онъ, по крайней мѣрѣ, употреблялъ пять минутъ на расчесыванье, подчесыванье и выпрямленье бороды своей, на приведеніе въ порядокъ рясы, золотой цѣпи и креста. Затѣмъ каждая изъ ученицъ должна была вставать съ мѣста за полученіемъ благословенія и прикладываться къ его рукѣ, для чего и былъ установленъ особый церемоніальный маршъ вокругъ стола. Послѣ чего протоіерей, широко отодвинувъ учительское кресло, садился, развертывалъ журналъ и начиналъ классъ не иначе, какъ обратившись сначала съ увѣщаніями въ Дегаевой, которая, по свойственнымъ ей строптивости и упрямству, подхода къ нему за благословеніемъ, долго не хотѣла прикладываться къ рукѣ, за что имѣла съ нимъ длинную-предлинную исторію.

— Цалуй! говорилъ отецъ Серафимъ: — ты не руку мою цалуешь, а знаешь, что ты цалуешь!

Но убѣжденія и наставленія плохо дѣйствовали на Дегаеву, и она уступала только силѣ.

— Ну, что, козле строптивый, начиналъ онъ, обращаясь къ ней: — смирихся?

Дегаева смотрѣла въ книгу и не отвѣчала.

— Хе-хе-хе-хе!.. мало тебя березовой кашей дома кормили. А слѣдовало бы, ужъ какъ слѣдовало бы тебя прохворостить! А то какое тебѣ наказаніе, что ты въ углу постоишь! Тебѣ бы ѣсть, поврайней мѣрѣ, дня три давать не слѣдовало бы.

— Это за что же мнѣ давать ѣсть не слѣдовало бы? отвѣчала брюзгливо изъ угла Дегаева. — Я знаю свой урокъ, и въ пансіонской ѣдѣ не нуждаюсь. Протоіерей бросалъ презрительный взглядъ на Дегаеву и обращался къ занятіямъ.

Занятія его состояли въ томъ, что онъ спрашивалъ вызубренный отъ слова до слова урокъ изъ катихизиса и отмѣчалъ новый почти безъ пропуска текстовъ, въ объясненіе которыхъ рѣдко пускался, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ урокѣ находился текстъ, на который онъ долженъ былъ въ ближайшій празникъ сказать проповѣдь въ соборной церкви. Тогда онъ обыкновенно приказывалъ произносить этотъ текстъ съ особеннымъ выраженіемъ и повторялъ самъ вслѣдъ за говорившей, скрещивая руки и поднимая глаза къ иконамъ.

На глазахъ его наворачивались слезы. Затѣмъ онъ вынималъ изъ кармана платокъ, встряхивалъ его, сморкался и умолкалъ. Впрочемъ, трудно было сказать, отчего плакалъ о. Серафимъ: умилялся ли онъ собственнымъ краснорѣчіемъ, вспоминалъ ли тяжкіе грѣхи свои, желалъ ли придать больше эффекта своимъ проповѣдямъ — Богъ его знаетъ.

Дегаева, когда представляла его говорящимъ проповѣди въ церкви, тоже плакала, и когда мы спрашивали у ней, какимъ образомъ она можетъ себя заставить плакать, отвѣчала, что въ это время у ней начинается въ носу колоть....

Во время класса отецъ Серафимъ часто обращался къ ученицамъ, съ родителями которыхъ былъ лично знакомъ:

— А что, Гладилина, батенька твой здоровъ?

— Здоровъ.

— А давно видѣла?

— Вчера.

— А славные кони у твоего батеньки... Не знаешь, гдѣ купить? — Нынче проѣжалъ мимо моего дома...

— Не знаю.

— Ну, Дегаева, знаешь свой урок? обращался онъ къ концу класса къ Дегаевой. И когда Дегаева, вырубивши свой урокъ не хуже другихъ, начинала говорить, протоіерей оставивалъ ее.

— Стой, пономарь! Стой! Чего мелешь безъ толку! Ты объясни впередъ, чтѣ значать слова писанія.

Дегаева кончала — и протоіерей ставилъ ей единицу.

Въ другой разъ, когда Дегаева, не желая получить единицу, обращалась къ нему съ вопросомъ — объяснить ей смыслъ словъ Писанія, то отецъ Серафимъ говорилъ:

— Вѣрь и не разсуждай!

Стараясь переломить себя и примѣниться къ требованіямъ наставниковъ, я достигла наконецъ того, что замѣчанія и насмѣшки начали обращаться ко мнѣ рѣже, и черезъ два мѣсяца послѣ поступленія моего въ пансіонъ я была переведена во второй классъ. Не скажу, чтобы кругъ моихъ занятій сталъ значительно шире. Изъ предметовъ прибавилась только пѣтвая, русская исторія и французская грамматика.

Преподавателемъ перваго предмета въ старшемъ классѣ былъ нѣкто Митрофанъ Ивановичъ Тредьяковъ, учитель института, учитель по преимуществу для женскихъ учебныхъ заведеній. Вѣдь пишутся же учебники, посвященные исключительно женщинамъ, издаются же журналы для дѣвицъ, почему же не быть и такому учителю, котораго сама природа, такъ сказать, сотворила для служенія дѣвицамъ. Есть люди безотвѣтные, совершенно лишены всякой своеобразности, о которыхъ давно сказано: ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ — люди, которые не вырабатываются и на всю жизнь остаются младенцами; къ числу такихъ принадлежалъ и Митрофанъ Ивановичъ. Всего замѣчательнѣе, что такіе люди берутся именно за тѣ дѣла, въ которыхъ оказываются всего менѣе годными. Посмотришь — вся возможность ихъ состоятъ въ томъ, чтобы копировать бумаги и повторять буквально слова какого нибудь авторитета, а они берутся за дѣло, въ которомъ сами должны руководить другихъ — и только портать. И берутся за него совсѣмъ не потому, чтобы оно было близко ихъ сердцу, чтобы они чувствовали къ нему душевное влеченіе; у такихъ людей нѣтъ влеченія ни къ какому дѣлу; выбора тутъ не существуетъ, а обыкновенно есть врожденное самолюбіе. Имъ хочется также подняться на каблучки, также прокричать что нибудь своимъ визгливымъ голосомъ, и это имъ иногда удается.

Слабъ ужъ очень умственно былъ Митрофанъ Ивановичъ. Это умственное ничтожество учителя понималось даже воспитанни-

цами пансіона m-me Лапрè, и это сознание обнаруживалось въ скрытой враждѣ къ учителю и въ презрѣніи къ преподаваемому имъ предмету.

Весь курсъ нашей словесности состоялъ изъ трехъ тетрадокъ, равныхъ по объему: риторика, пѣнрики и литературы. Для пополненія уроковъ переписывались и зубрились наизусть образцы по каждому отдѣлу прозаическихъ и пѣнрическихъ произведеній изъ двухъ частей Христоматіи Галахова; причемъ отдавалось предпочтеніе отдѣлу ораторскаго краснорѣчія, — одѣ и гимновъ, до которыхъ Тредьяковъ былъ большой охотникъ и о которыхъ впослѣдствіи мы не могли вспоминать безъ тошноты. Затѣмъ намъ задавались еще сочиненія по большей части на философическія тѣмы, напримѣръ: о пользѣ наукъ вообще и о пользѣ изученія отечественной словесности въ особенности, о превосходствѣ человѣка надъ другими тварями, о любви къ родинѣ и пользѣ прилежанія и послушанія наставникамъ. Но были и другія тѣмы, какъ напримѣръ — описать пожаръ въ степи, миражъ, бурю, кораблекрушеніе и т. п. Всѣ эти тѣмы составляли для насъ чистую пытку и писались только послѣ неоднократнаго требованія со стороны учителя, подѣ страхомъ голода. Съ бурей на морѣ, съ пожаромъ въ степи и кораблекрушеніемъ мы могли еще кое-какъ справиться, порывшись во французской христоматіи и сдѣлавши буквальный переводъ; но усмотрѣть пользу наукъ вообще и изученія русской словесности въ особенности или усмотрѣть превосходство человѣка надъ другими животными рѣшительно не было возможности. Какъ ни грызли мы перья, какъ ни кусали губы, какъ ни вздымали на лбу волоса, — инья даже по цѣлымъ ночамъ предавались размышленію, но только до того и додумывались, что человѣкъ сотворенъ по образу Божію, а животныя безъ всякаго подобія.

Но такъ-какъ сочиненіе должно было быть, по крайней мѣрѣ, написано на поллистѣ, то такое заключеніе могло составить только введеніе къ цѣлому, котораго не оказывалось. Впрочемъ, предоставлялась свобода выбирать и свои тѣмы, но съ тѣмъ, чтобы выборъ этотъ согласовался съ задаваемыми учителемъ, и потому выбрать тѣму для сочиненія было все-таки совсѣмъ не легкимъ дѣломъ.

Нѣкоторые, не надѣясь на свои способности, обращались съ просьбой къ своимъ братьямъ-гимназистамъ и студентамъ, которые и присылали имъ свои сочиненія, переписанныя и исправленныя. Другія получали въ наслѣдство отъ старшихъ сестеръ, а эти завѣщали другимъ. Такимъ образомъ, одно сочиненіе переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Но это было только

начало скорбей; самая же суть ихъ начиналась съ тѣхъ поръ, какъ тетради поступали въ руки учителя и начиналось исправленіе. Цѣлыя предложенія сдвигались съ прежнихъ мѣстъ и переходили по нѣскольгу разъ съ мѣста на мѣсто; то, что было въ началѣ, являлось въ концѣ, а окончаніе вѣвжало въ начало. Нѣкоторыя фразы совсѣмъ теряли право гражданства и замѣнялись новыми, придуманными учителемъ.

Съ переводами происходило то же самое. Учитель хлопалъ глазами и повторялъ: «Неясно, неясно, госпожи! Надобно быть яснѣе, точнѣе! Авторъ не то разумѣлъ!» — «Что же разумѣлъ авторъ?» Учитель ломаннымъ французскимъ языкомъ прочитывалъ подлинникъ, и оказывалось, что авторъ разумѣлъ то же самое, а между тѣмъ, къ переводу прибавлялась еще новая фраза. Такая операція продолжалась до тѣхъ поръ, пока не исчезалъ совсѣмъ оригиналъ и не являлось новое произведеніе, облеченное въ ризы благолѣпія. Получивши сочиненіе, или переводъ, измаранные и испещренные новыми словами и фразами, смыслъ которыхъ былъ для насъ не совсѣмъ ясенъ, мы должны были переписывать его по нѣскольгу разъ для того, чтобы онъ могъ явиться въ совершенно опрятномъ видѣ.

Одинъ разъ Дегаева взялась описывать каникулы въ деревнѣ. Сочиненіе было написано порядочнымъ языкомъ и, въ то же время, обличало въ дѣвочкѣ наблюдательность и присутствіе поэтическаго чувства. Учитель взялъ тетрадь и точно такимъ образомъ измаралъ и испачкалъ ее, какъ и другія, и отдалъ для переписки.

Дегаева взглянула на тетрадь и бросила ее въ сторону... изъ глазъ ея брызнули слезы. Съ этихъ поръ никакимъ образомъ нельзя было заставить ее написать другое сочиненіе и отдать на исправленіе Тредьякову. И въ продолженіе цѣлаго года она дѣйствительно не написала ни одного сочиненія. Каждое самостоятельное выраженіе, каждая попытка разъяснить себѣ дѣло, вырваться изъ общепринятаго, условнаго, ни къ чему не вело: Тредьяковъ тотчасъ же все ступшеывалъ и смарывалъ.

Учитель исторіи въ третьемъ классѣ былъ нѣкто Семень Ивановичъ Савченко, человекъ пожилой, незначительный и неполюзовавшійся никакимъ авторитетомъ. Въ числѣ характерныхъ признаковъ его было, во первыхъ, то, что онъ имѣлъ огромную лысину, былъ сутуловатъ, носилъ всегда вытертый виц-мундиръ, сильно нюхалъ табакъ изъ стеклянной баночки и, при вынимаіи платка изъ кармана, разбрасывалъ по полу крошки хлѣба, сыра, говядины и сахара. Вслѣдствіе этого, онъ совсѣмъ потерялъ во мнѣніи m-me Лапрѣ. Въ исторіи любимымъ его отдѣломъ

почему-то была исторія Лидіи и Персіи, изъ которой онъ повторялъ всегда безконечныя анекдоты, а изъ убѣжденій его намъ извѣстно было только то, что онъ твердо вѣрилъ въ бесполезность знанія исторіи для дѣвиць.

— Помилуйте, на что дѣвушкамъ знать исторію? обыкновенно отвѣчалъ онъ посѣтителю, желавшему знать, какъ занимается дочь по его предмету: — развѣ имъ быть полководцами, государственными людьми, министрами?

— Положимъ, что не быть, отвѣчалъ обыкновенно посѣтитель: — но знать исторію своего отечества все-таки необходимо...

— А на что имъ русская исторія, смѣю спросить? возражалъ онъ, лѣзя въ карманъ за бабочкой и ударяя сильно двумя пальцами по крышкѣ.

— Ну, хотъ, положимъ, изъ чувства патріотизма, говорилъ гость.

— А на что имъ чувство патріотизма? продолжалъ Савченко.

Гость не находилъ что и отвѣчать, просилъ извиненія и уходилъ.

— Ничего-съ! продолжалъ обыкновенно Савченко и чихалъ затѣмъ цѣлыя четверть часа.

Въ дальнѣйшей программѣ числилась физика, первая основанія геометріи, литература и проч. Физику и первая основанія геометріи преподавалъ Сотовъ, учитель до сихъ поръ лучшій, и у него дѣйствительно можно было узнать кое-что, еслибъ онъ, подобно Савченко, тоже не былъ бы убѣжденъ въ бесполезности знанія для дѣвиць. А потому, выучивши насъ первымъ четыремъ правиламъ ариметики, онъ касался далѣе всего поверхностно, выбирая, что полегче. Не стѣсняясь послѣдовательно, онъ задавалъ изъ физики только то, что могло быть годно для чтенія, никогда не доказывая ничего математическими вычисленіями и не дѣлая опытовъ. О первыхъ основаніяхъ геометріи и говорить нечего; эти основанія рѣшительно существовали только для номенклатуры и улетѣли изъ головы въ первую же недѣлю послѣ экзаменовъ.

Французской литературой занимался м-г Лапрѣ точно такимъ же образомъ, какъ ею занимаются и до сихъ поръ въ женскихъ заведеніяхъ. Мы знали, какъ и всѣ, о существованіи великихъ Мольера, Расина, Корнеля и проч., не входя въ объясненія причинъ ихъ величія и полагаясь въ этомъ совершенно на слова *monsieur* Лапрѣ. Онъ же взялся дополнить наши свѣдѣнія и по естествознанію, и составилъ для насъ нѣчто въ родѣ сборника анекдотовъ о кровожадности волка, о

хитрости лисы, о лубавствѣ кошки и великодушнїи льва. Изъ ботаники познакомилъ насъ съ названїями нѣкоторыхъ рѣдкихъ оранжерейныхъ растений, изъ минералогїи разсказать намъ объ ахонтѣ, рубинѣ и изумрудѣ, которые носилъ самъ въ перстняхъ и булавахъ.

Сойтись съ кѣмънибудь нравственно, по душѣ, было нельзя. Отношенїя къ намъ классныхъ дамъ ограничивались только требованїями выполненїя правилъ, почерпнутыхъ изъ системы Баумгартена. Ихъ дѣло было смотрѣть за порядкомъ хожденїя, сидѣнїя въ классѣ, приготовленїемъ уроковъ, приличїями и манерой — и онѣ строго держались этихъ границъ, ни во что постороннее не вмѣшиваясь, и изъ нихъ, развѣ, одна только Бейеръ имѣла то, что называется влїянїемъ, хотя это влїанїе было чисто отрицательнаго свойства и приобрѣталось неизмѣннымъ педанствомъ, чопорностью, закоренѣлостью правилъ и тѣмъ долгимъ временемъ, которое она пробыла въ пансіонѣ. Остальныя классныя дамы были большою частїю личности безъ всякаго влїанїя и впродолженїе двухъ съ половиною лѣтъ, прожитыхъ мною въ пансіонѣ, онѣ очень часто мѣнялись. Лучшихъ воспитанницъ онѣ награждали улыбками, ласкательными: Marie, Catherine, Annette, нѣсколькими фразами полуслутливаго, полунаивнаго содержанїя и прочими пустяками. Лучшими, по ихъ понятїямъ, были тѣ, которыя были всѣхъ смиреннѣе, всѣхъ послушнѣе и совершеннѣе другихъ понимали Баумгартена, то-есть казались всѣхъ милѣй, всѣхъ граціознѣе; остальныя качества и дарованїя въ дѣвушкѣ, кромѣ дарованїя къ танцамъ и музыкѣ, цѣнились ими ни во что.

Дружба между пансіонерками была самаго легкаго, пустаго содержанїя, и утвердиться чемунибудь болѣе прочному было не на чемъ. Дегаевой я сочувствовала и сострадала болѣе другихъ, и это была дѣйствительно болѣе воспримчивая и живая натура, таланты которой, развившись при другихъ, болѣе благоприятныхъ условїяхъ, могли сдѣлать изъ нея счастливаго и хорошаго человѣка, но при настоящихъ обстоятельствахъ, сдавленныхъ и поработенныхъ, всѣ силы души ея тратились только въ пустой и безсильной борьбѣ, исважавшей лишь ея собственную личность...

Съ Лениными я видѣлась, но очень рѣдко. Наталья Александровна освѣдомлялась о моихъ успѣхахъ и присылала за мной въ торжественные праздники экипажъ, но я не скажу, что бы это доставляло мнѣ большое удовольствїе.

«Отчего я не мальчикъ?» думала я. «Отчего бы мнѣ не учиться вмѣстѣ съ братомъ въ гимназїи? Въ гимназїи все иначе — и от-

ношенія другъ къ другу не тѣ, и уваженіе есть, и предметы проходятся несравненно обширнѣ!...»

Все начало подвергаться анализу: и окружающее, и прошлая жизнь, и содержаніе каждаго урока. Мысль съ какимъ-то страстнымъ отчаяніемъ привязывалась ко всему темному, ко всему, въ чемъ заключался намекъ на какое нибудь сомнѣніе. Все размышляя, спрашивая и отрицая, я не находила конца и выхода изъ путаницы, которая происходила въ головѣ моей. Обыкновенный порядокъ мыслей и занятій, обыкновенный сонъ, — все было разстроено, все пошло назнану... И требовалось слишкомъ много напряженія воли, чтобы удержаться на той степени внѣшняго благопримиренія и порядка, чтобы опять не быть отправленной въ больницу или не быть изгнанной, какъ «зараза», изъ общества благовоспитанныхъ дѣвицъ.

Часто сидя разсѣянно въ классѣ, я совсѣмъ не слушала того, что говорилъ учитель, ожидая только свободной минуты или уединеннаго угла, чтобы предаться своимъ размышленіямъ.

Такое расположеніе моего духа, несмотря на всю мою скрытность и осторожность, съ которой я держала себя потомъ въ пансіонѣ, не могло скрыться отъ глазъ моихъ наставниковъ и наставницъ. Сотовъ первый замѣтилъ ненормальность мыслей въ моихъ отвѣтахъ и сообщилъ объ этомъ мадамъ Лапрё, какъ о признакѣ непрочности женскихъ способностей, которыя развиваются, будто, до извѣстнаго и короткаго періода, а потомъ замѣтно начинаютъ ослабѣвать. Мадамъ Лапрё, какъ поклонница женскаго пола, находила другую причину и отвѣчала, что способности у дѣвочекъ надежнѣе, чѣмъ у мальчиковъ, но что въ періодъ отъ пятнадцати и до шестнадцати лѣтъ, онѣ начинаютъ задумываться. Бейеръ подозрѣвала еще что-то другое, и встрѣтивши меня разъ одну въ дортуарѣ, открыла во мнѣ признаки сумасшествія и донесла объ этомъ мадамъ Лапрё. Мадамъ Лапрё позвала меня къ себѣ и долго испытывала, намекая то на Сотова, то на Тредьякова, думая открыть слѣды влюбленности, но ничего не открывши, отпустила назадъ, пригрозивши только больницей...

Впрочемъ, не я одна испытывала это расположеніе къ мистичизму и меланхоліи; нѣкоторыя изъ дѣвочекъ секретно подвергались тому же самому: у многихъ завелись молитвенники, какія-то секретнописанныя молитвы; многія, вмѣсто французской грамматики, твердили наизусть эти молитвы, часто грустили и плавали; нѣкоторыя условливались по ночамъ съходить для молитвы въ одну изъ пустыхъ комнатъ, гдѣ стояло когда-то фортепьяно, перенесенное оттуда въ гостиную по слу-

чаю холода. На эти сходки будилась и я. Босня и почти полькомъ, мы пробирались по темному корридору, осторожно отворяли дверь, зажигали восковую свѣчу, становились всѣ на колѣни, и одна читала вслухъ молитву, другія молились молча, нѣкоторые плакали... Никогда я не видѣла на лицахъ ихъ такого благоговѣнія, такого вниманія къ молитвѣ, какъ въ это время... О чемъ всѣ молились, чего хотѣли, чего просили у Бога—объ этомъ никто другъ у друга никогда не спрашивалъ. Каждая чувствовала, что ей нужны были просторъ, свобода чувству, свобода уму, свобода сердцу — и ихъ не было... Эти сходки продолжались до тѣхъ поръ, пока о нихъ не узнали старшія и не запретили ихъ, назвавши шалостями...

Въ концѣ втораго года моего пребыванія въ пансіонѣ случилась страшно холодная зима. Демидовскій замокъ, въ которомъ помѣщался тогда пансіонъ, оказался очень холоднымъ, печи были въ неисправности и нагрѣвались недостаточно. Исправлять было уже поздно, переѣзжать на другую квартиру было нельзя, такъ-какъ контрактъ съ хозяиномъ дома былъ заключенъ на пять лѣтъ. Въ дортуарахъ было такъ холодно, что замерзала вода у стѣнъ въ рукомойникахъ и дѣти дрожали по цѣлымъ ночамъ подъ тонкими фланелевыми одѣялами, но одѣваться шубами и ватными одѣялами мадамъ Лапрѣ не позволяла, во избѣжаніе беспорядка и дурныхъ слуховъ о пансіонѣ. Она перенесла кровать свою изъ кабинета въ дортуаръ и первая подала примѣръ стоическаго перенесенія холода. Но это ни къ чему не повело, и въ пансіонѣ открылась эпидемическая горячка. Разнесся слухъ о ледяномъ домѣ и о жестокомъ обращеніи съ дѣтьми мадамъ Лапрѣ. Приѣхалъ директоръ ревизовать домъ, нюхалъ воздухъ, пропитанный сыростью, затхлостью и запахомъ женой глины, теръ руки, ежилса, снова нюхалъ воздухъ, находилъ, что вмѣсто пелеринокъ дѣтямъ слѣдовало бы сшить какія нибудь теплыя кофты, за что мадамъ Лапрѣ даже обидѣлась, и надѣясь на свое знакомство съ какой-то герцогиней, чуть съ нимъ не поссорилась. Въ числѣ прочихъ заболѣвшихъ въ это время была и Дегаева. Особенный дортуаръ былъ отведенъ для больныхъ, гдѣ помѣщались уже десять кроватей. Эпидемія прекратилась только въ мартѣ — и мадамъ Лапрѣ заплатилась за свою любовь къ порядку потерей трехъ ученицъ мертвыми и десятью живыми, которыя были разобраны въ скоромъ времени...

VII.

Открывается мѣсто домашней наставницы.

Однако, время шло и приближался выпускъ.

Въ одинъ вечеръ, недѣли за двѣ до окончанія экзаменовъ, я сидѣла въ дортуарѣ. Вдругъ меня повали въ кабинетъ m-me Лапрѣ.

— Я получила только-что нисьмо отъ моего стараго пріятеля Гаврила Гаврилыча Чуфарова, начала она.—Онъ желаетъ имѣть гувернантку, и проситъ моей рекомендаціи; я думаю отпустить васъ. Если вы согласны, то я напишу къ нему... И онъ въ скоромъ времени пришлетъ за вами лошадей.

Желаніе стать на свои ноги, жить собственнымъ трудомъ было моимъ лучшимъ желаніемъ. Мнѣ хотѣлось скорѣй вырваться изъ стѣнъ пансіона, выйти на свободу, начать жить собственной жизнью. Тѣмъ не менѣе, сердце мое стѣснилось при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

Стремленій дѣлиться своими познаніями у меня не могло еще родиться, такъ-какъ дѣлиться собственно было нечѣмъ. И несмотря на великолѣпную программу пройденныхъ предметовъ, я совсѣмъ не чувствовала своего образованія и мнѣ казалось, что я не гожусь еще къ роли наставницы.

«Ну что, если эти Чуфаровы», думала я: «говорять лучше меня пофранцузски и найдуть, что я не гожусь быть гувернанткой? Вѣдь я, кромѣ обыкновенныхъ фразъ, пофранцузски даже сдѣлать ничего не умѣю!»

— Ну, что-жь, вы обдумали ваше рѣшеніе? спросила меня дня черезъ два m-me Лапрѣ, встрѣтивъ въ классѣ.

Я передала ей мои сомнѣнія насчетъ собственной несостоятельности.

— О, что касается вашихъ сомнѣній, то они совершенно напрасны; вы кончили курсъ въ моемъ заведеніи и можете быть наставницей какихъ угодно дѣтей, отвѣчала она.

Я замѣтила хорошо, что ей хочется поскорѣе сбить меня съ рукъ и наградить Чуфарова гувернанткой изъ своего заведенія. Я пожелала узнать, по крайней мѣрѣ, какихъ лѣтъ мои будущіе воспитанники, и что за люди господа Чуфаровы.

— Господинъ Чуфаровъ? Человѣкъ солидный, отецъ многочисленнаго семейства, въ которомъ старшему не болѣе четырнадцати лѣтъ. Я познакомилась съ нимъ, когда онъ служилъ въ Петербургѣ гвардейскимъ офицеромъ. Жалованья 400 рублей. Это очень хорошее жалованье на первый разъ.

Мнѣ хотѣлось знать нѣчто и о личныхъ свойствахъ господъ Чуфаровыхъ и объ образованіи ихъ, но я знала по опыту, что м-ше Лапрѣ не любить вопросовъ объ отвѣченностяхъ и потому съ стѣсненнымъ сердцемъ отвѣчала, что согласна...

По окончаніи курса за мной былъ присланъ экипажъ, лошади и сто рублей задатку съ двумя бывшими крѣпостными людьми: лакеемъ Аванасіемъ Гулой и вучеромъ Сидоромъ Пробгой, съ порученіемъ отъ господъ поторопиться отъѣздомъ.

Медлить было нечего. Всѣ хлопоты о моемъ дорожномъ костюмѣ м-ше Лапрѣ взяла на себя, и въ три дня я была готова въ дорогу.

Отъѣздъ мой изъ пансіона, естественно, ни для кого не могъ составить чувствительной потери. Всѣ тѣ, которыя кончили воспитаніе вмѣстѣ со мной, уѣхали еще раньше.

Олю Дегаеву взяла жить къ себѣ какая-то богатая тѣтка и увезла въ деревню. Многихъ взяли еще до окончанія курса, во время открытія эпидеміи. Оставшіяся въ меньшихъ классахъ завидовали моему отъѣзду и желали быть на моемъ мѣстѣ. Классныя дамы хотя и помирились со мной наружно въ послѣднее время, но никогда не были особенно довольны мною, и дружбы между нами не было. Каждая пожелала мнѣ счастливаго пути и пожала руку: одна съ чувствомъ великодушнаго покровительства, другая — съ холодной любезностью, третья просто была занята въ это время и, протянувши мнѣ свои три пальца, послѣшила принять назадъ руку, кивнувши небрежно головой.

М-ше Лапрѣ была въ своемъ кабинетѣ, когда я пришла къ ней проститься.

Она показала мнѣ счетъ издержекъ, вычла изъ присланныхъ денегъ 75 рублей и осмотрѣла мой новый дорожный костюмъ.

— Прощайте! сказала она мнѣ, прикладывая свои тонкія губы къ моей щекѣ. — Вы были умны и прилежны послѣднее время, и я ничего не имѣю противъ васъ. Надѣюсь, что вы останетесь такою. Обращайте только больше вниманія на порядокъ и гармонию—это необходимо. Вы будете жить въ чужомъ домѣ, гдѣ съ васъ должны будутъ брать примѣръ другіе, и вы должны заставить уважать себя.... и заслужить хорошую репутацію.

Я поблагодарила за совѣтъ, и затѣмъ оставалась спокойной до тѣхъ поръ, пока не сѣла въ санѣ и не почувствовала, что оторвалась на всегда отъ своего прошедшаго... И стало мнѣ какъ-то особенно тяжело и жаль своего оставленнаго жилища, жаль людей, жаль прошедшихъ страданій и радостей, хотя ра-

достей было немного. Счастливъ юноша, который изъ школы можетъ хотя на время возвратиться въ родную семью, къ забытымъ впечатлѣніямъ дѣтства, гдѣ ждуть его родныя объятія, гдѣ дипломамъ и успѣхамъ его радуются, по крайней-мѣрѣ, люди близкіе его сердцу, гдѣ и самое горе и неуспѣхи раздѣляются и облегчаются сочувствіемъ. Но несчастливъ тотъ, кто за порогомъ школы очутится на рубежѣ незнакомаго ему міра, изъ котораго со всѣхъ концовъ устремляются на него чужіе, холодныя взоры!

Счастливъ тотъ, кто, оставляя школу, загодя опредѣлилъ свое назначеніе, знаетъ свой путь и принимается за избранное имъ дѣло смѣло и весело; но несчастливъ тотъ, кто, покидая школу, оставляетъ прерваннымъ свое душевное дѣло, которымъ не опредѣлилъ своего призванія, не знаетъ своего пути и берется за дѣло ему чуждое, берется, повинувшись только неизбежной волѣ обстоятельствъ...

Уткнувшись въ уголь экипажа и всплкнувши немного, я вытерла слезы и начала всматриваться въ свою новую обстановку.

— За мною были присланы широкія, крытыя сани, въ которыхъ, кромѣ моей поклажи, помѣщалось много кое-чего посторонняго. На козлахъ сидѣли Аванасій и Сидоръ въ теплыхъ, овчинныхъ тулупахъ, въ широкихъ, поярковыхъ шапкахъ; на Аванасіѣ былъ еще, кромѣ того, козухъ съ капюшономъ, закрученнымъ на голову. Сидоръ покуривалъ табакъ изъ короткой трубки.

— Городъ уже отодвинулся къ горизонту и широкой полосой нагроможденныхъ зданій, большихъ и малыхъ, съ высокой, посреди поднимающейся къ небу, соборной колокольней, лежалъ въ сторонѣ, обрамленный сосновыми лѣсами. Тамъ и сямъ были разбросаны подгородныя села. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ мѣстность становилась пустынной. Скрылись лѣса, исчезли всякіе слѣды жилищъ человѣческихъ, и глазамъ моимъ представилась однообразная, снѣжная пустыня...

Сани, катившіяся сначала прямо по гладко-утоптанному снѣгу, начали нырять изъ сугроба въ сугробъ. Морозъ сильно хваталъ за носъ и щеки.

Вѣтеръ безъ шума пролеталъ надъ моею головою, надувалъ капюшонъ Аванасія, забѣгалъ подъ стѣнки повозки, хлопалъ фартукомъ и, разносясь по полю, буровилъ снѣгъ, какъ песокъ, подымая цѣлыя столбы и наносилъ сугробы... Визжали и шуршали полозья, глубоко погружаясь въ снѣгъ, храпѣли кони, Аванасій хлопалъ рукавицами и покривлялъ на ло-

шадей... И ни пѣсни, никакого другаго живаго звука не было слышно въ степи...

«Что это за люди, господа Чуфаровы?» спрашивала я себя снова. «Что-то я найду въ нихъ? Какъ-то они найдутъ меня? Понравлюсь ли я имъ? Буду ли я имъ пригодна? Прилажусь ли я сама къ моему новому дѣлу?»

Мы ѣхали трое сутокъ, въ продолженіе которыхъ моимъ глазамъ не переставала представляться та же однообразная стѣнная пустыня.

Каждыя сутки, утромъ и вечеромъ, экипажъ вѣзжалъ въ какую-нибудь степную деревню, разбросанную на холмѣ, съ безчисленнымъ множествомъ вѣтряныхъ мельницъ, или останавливался въ полѣ у одинокаго шинка съ высокимъ срубомъ и бадьею колодца. На крыльцѣ являлся хохолъ въ свиткѣ, въ высокой шапкѣ, или баба въ очникѣ и черной запаскѣ. Аэнасій освѣдомлялся о цѣнѣ овса и сѣна, и экипажъ вѣзжалъ на дворъ. Отстегивался фартукъ и я входила въ комнату, раздѣвалась, съ любопытствомъ останавливая свое вниманіе и на толстой бабѣ въ запаскѣ, вносившей огромный самоваръ, и на стѣнной живописи, и на архитектурѣ сосѣднихъ домовъ, и на обозѣ чумаковъ, остановившихся противъ оконъ и зашедшихъ въ шинокъ выпить горилки, и на индѣйскомъ пѣтухѣ, важно прогуливавшемся подъ овнами въ кругу своихъ смиренныхъ подругъ...

На четвертыя сутки экипажъ что-то долго не останавливался у шинка. Утомленная продолжительнымъ путемъ, непрерывнымъ шумомъ вѣтра и однообразіемъ сценъ и впечатлѣній, я заснула, предоставивши себя на волю судьбы...

Не помню, что мнѣ снилось. Но я проснулась уже тогда, когда сани остановились у крыльца.

Л. Ожигина.

ЗАМОКЪ БОНКУРЪ *.

(Изъ Шамиссо).

Снова вижу себя я ребенкомъ
И качаю сѣдой головой...
То, что мнѣ позабытымъ казалось,
Появляется вновь предо мной.

Межъ деревьями висится замокъ
Въ блескъ роскоши и красоты;
Я узналъ эти башни, ворота,
И зубцы, и валы, и мосты.

На меня львы герба родового
Обращаютъ привѣтливый взоръ,
Я киваю стариннымъ знакомымъ
И вбѣгаю на замоковый дворъ.

Вотъ два сфинкса лежатъ у колодца,
Вотъ роскошная яблонь моя,
Вотъ окно, за которымъ впервые
Началъ грезить и чувствовать я.

И вхожу я въ домовую церковь,
И смотрю на гробницы отцевъ;
Вотъ онѣ, средь ружейныхъ трофеевъ,
У подножья высокихъ столбовъ.

---

* Стихотвореніе это, помимо своего художественнаго достоинства, пользуется въ нѣмецкой литературѣ большою извѣстностью еще потому, что въ немъ поэтъ выразилъ свое profession de foi—отреченіе отъ родового аристократизма своего—(Шамиссо происходилъ изъ знатной французской фамиліи)—и обращеніе къ народу, именно къ земледѣльческому сословію. П. В.

Только надписи древнія стерлись;
Я стараюсь прочесть—мудрено,
Хоть сіянье полдневнаго солнца
Пробивается ярко въ окно.

Такъ въ душѣ у меня сохранился
Навсегда ты, мой замокъ родной,—
Но исчезъ ты—и пахарь проходитъ
По владѣньямъ твоимъ съ бороной.

Будь щедра, о земля дорогая!
Призываю въ сердечной мольбѣ
Благодать на тебя и на руки,
Проводящія плугъ по тебѣ!

Я же, съ доброю арфой моею,
По широкому свѣту пойду,
Вдохновенныя пѣсни слагая
Добротѣ, и уму, и труду!

П. Вейнбергъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

УЛИЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

(По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрывъ»).

Если вамъ случается, читатель, слышать въ тагъ-называемомъ обществѣ, съ одной стороны, сѣтованія на слишкомъ широкіе размѣры, принимаемые жизнью, съ другой стороны, разнообразныя предположенія по части укороченія ея — вамъ, конечно, могутъ подобныя бессознательныя толки въ значительной степени опротивѣть, показаться несносными, нелѣпыми, но ни въ какомъ случаѣ они не удивятъ и не приведутъ васъ въ негодованіе. Мало ли всякаго люда шатается по улицамъ? Развѣ можно за всякимъ усмотрѣть, всякаго переспорить, всякаго вразумить? Да и вразумлять этотъ «шлющійся народъ» — далеко не легкое дѣло; это значило бы съ каждымъ проходящимъ начинать съ азбуки, что, очевидно, можетъ быть съ успѣхомъ выполнено только приходскими учителями, которыя съ тою цѣлю и устроены, чтобы въ нихъ обучались люди всякаго рода «начаткамъ».

Поэтому, когда вы слышите на улицѣ голословныя извѣты противъ якобы господствующаго въ современномъ поколѣніи духа отрицанія; когда вы слышите, что людей, ищущихъ отнестись къ жизни сознательно, называютъ чуть-чуть не негодяями и разбойниками; когда вы видите людей малосмысленныхъ, бессмысленно вращающихъ глазами по поводу такихъ вопросовъ, которыхъ они даже изъяснить себѣ не могутъ — васъ можетъ это встревожить только съ точки зрѣнія абстрактной и гуманной. Быть можетъ, вы были убѣждены, что сумма знаній, увеличиваясь непрерывно, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается болѣе и болѣе доступною и для массъ; что факты, которые въ прежнее время стояли подъ защитою темныхъ и голословныхъ аксіомъ, отнюдь не перестали быть фактами, отъ того только, что они перемѣнили эту ненадежную защиту на болѣе прочную защиту разума — и вотъ уличная толпа увѣряетъ васъ въ противномъ. Она громко заявляетъ себя сосудомъ не въ смыслѣ накопленія знаній, а въ смыслѣ накопленія невѣжества; она протестуетъ противъ

вѣдѣтельности разума въ дѣла міра сего, и становитея на сторону бевосознательности, случайности и произвола, какъ такихъ формъ, въ которыхъ наиболѣе удобнѣмъ образомъ укладываетя человѣческая жизнь. Это васъ огорчаетъ. Но, повторяемъ, ваше огорченіе въ этомъ случаѣ имѣетъ чисто абстрактный характеръ. Взятый въ отдѣльности, ни одинъ изъ членовъ невѣжественной толпы не можетъ возбудить вашего негодованія. Вамъ заранѣе извѣстно, что все, что тамъ ни дѣлается, въ этой темной пучинѣ, дѣлается или по привычкѣ, или по невѣдѣнію. Вы знаете, что если эта уличная толпа, съ которой вы на каждомъ шагѣ встрѣчаетесь, и обучалась когда-то какимъ-то «начаткамъ», то она давно забыла ихъ, и даже это скудное знаніе замѣнила такъ называемою житейскою мудростью, или, попросту, рутинною; въ противномъ случаѣ, она, конечно, не приходила бы въ ужасъ отъ такихъ, напримѣръ, истинъ, что громъ есть явленіе объяснимое, и что рѣки текутъ не къ источникамъ, а къ устьямъ не по щучьему велѣнію, а по причинамъ, удовлетворительно раскрываемымъ законамъ природы.

Сказавши себѣ разъ навсегда, что толпа обогащается знаніями медленно, вы легко можете установить свои отношенія къ ней. Что бы она ни говорила, какъ бы ни шипѣла противъ пытливости человѣческаго разума — все это будетъ для васъ дѣломъ постороннимъ, не требующимъ ни возраженій, ни препирательствъ. Вы идете по улицѣ, и говорите себѣ: я иду тутъ, потому что мнѣ нельзя сдѣлать иначе; покорюсь этой необходимости, и постараюсь сдѣлать такъ, чтобы какъ можно меньше слышать, какъ можно меньше видѣть, какъ можно меньше обонять. Заручившись такимъ благоразумнымъ рѣшеніемъ, вы, въ согласность ему, принимаете мѣры, которыя наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ могутъ оградить васъ отъ неприятныхъ ощущеній. Вотъ все, къ чему вы обязываетесь въ видахъ самосохраненія.

Но когда міросозерпаніе, совершенно понятное и умѣстное, если вы знакомитесь съ нимъ въ такомъ философскомъ трактатѣ, какъ, напримѣръ, «Голубиная книга», проникаетъ въ литературу; когда эта послѣдняя, вмѣсто того, чтобы пробуждать общество, ищетъ усыпить его, вмѣсто того, чтобы сѣять въ немъ мысль о необходимости сознательнаго отношенія къ жизни, еще болѣе усиливаетъ и безъ того сильныя опасенія тѣхъ откровеній, которыя влечетъ за собой безпристрастный анализъ понятій, явленій, и формъ, — тогда, говоримъ мы, равнодушіе становится дѣломъ гораздо менѣе легкимъ. Литература и пропаганда — одно и то же. Какъ ни стара эта истина, однакожъ, она еще такъ мало вошла въ сознаніе самой литературы, что повторить ее вовсе не лишнее. Всякая свѣтлая мысль, брошенная литературою, всякая новая истина, добытая ею, находитъ слишкомъ большое количество прозелитовъ, чтобы можно было не дорожить этими присущимъ ей качествомъ побуждать нравъ и по-

корять людей, наиболѣе упорствующихъ въ предрасудкахъ. Точно то же приблизительно должно сказать и о заблужденіяхъ. Литература, пропагандирующая бессознательность и безпечальное житіе на авось, конечно, не можетъ имѣть особенныхъ шансовъ навсегда покорить міръ своему вліанію, но она можетъ значительно задержать дѣло прогресса, и наносить ему по временамъ такіе удары, которые будутъ тѣмъ чувствительнѣе, что представители прогресса все-таки люди, и въ этомъ качествѣ къ перенесенію ударовъ не всегда равнодушны.

Въ особенности важно, въ смыслѣ образовательномъ, вліаніе той отрасли литературы, которая называется бельетристикою, потому собственно, что эта отрасль есть наиболѣе доступная пониманію большинства. Конечно, бельетристика не дастъ читателю той полноты и увѣренности знанія, къ которымъ приведетъ его наука путемъ доказательствъ, но вліаніе бельетристики все-таки можетъ быть благотворнымъ въ томъ отношеніи, что она предрасполагаетъ къ исканію истины и заставляетъ читателя скептически отнестись къ тѣмъ несознаннымъ аксіомамъ, которыми онъ до того руководился. По нашему мнѣнію, эта заслуга немаловажная, и только совсѣмъ лишеныя смысла люди могутъ называть бельетристику, какъ орудіе пропаганды, литературою легкаго поведенія. Эти люди, очевидно, не понимаютъ, что дѣло совсѣмъ не въ названіи, и что можно, пожалуй, отыскать и науку легкаго поведенія, то-есть ту самую, которая служитъ популяризироваціи первоначальныхъ истинъ, безъ знакомства съ которыми невозможно однакожъ дальнѣйшее движеніе общества на поприщѣ знанія. И бельетристика, и наука, въ этомъ случаѣ, конечно, заслуживаютъ названіе «легкихъ», но воспитательное ихъ значеніе отъ того нисколько не умалется.

Каждое произведеніе бельетристики, не хуже любого ученаго трактата, выдаетъ своего автора со всѣмъ его внутреннимъ міромъ. Читая романъ, повѣсть, сатиру, очеркъ, мы безъ труда можемъ опредѣлить не только міросозерцаніе автора, но и то, въ какой степени онъ развитъ или невѣжественъ. Ошибочно думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что интересъ бельетристическаго произведенія исчерпывается одною художественною стороною, одною авторскою способностью живо схватывать признаки того или другого явленія. Выборъ явленія въ этомъ случаѣ далеко не индифферентенъ, какъ равно не индифферентно и отношеніе къ нему автора. Мы можемъ, пожалуй, назвать довольно отечественныхъ бельетристовъ, которые, со стороны художественной цѣлности, надѣлены не меньше, напримѣръ, Шиньгагена, но въ то время, какъ послѣдній представляетъ намъ человѣка цѣлнаго, опредѣлившаго свои отношенія ко всѣмъ разнообразнымъ стихіямъ, изъ которыхъ, въ данную минуту, слагается общественная и индивидуальная жизнь — первые рисуютъ рядъ простыхъ организмовъ, озабоченныхъ исключительно потребностями пи-

танія и половых отравленій. Ясно, что область, которую захватывает Шпильгагенъ, обширнѣе, нежели та, которую берутъ русскіе талантливые бельетристы, что эта область заключаетъ въ себѣ большее разнообразіе явленій, что она представляетъ поводъ для значительнѣйшаго числа комбинацій, и что ежели мы примемъ во вниманіе только одно послѣднее условіе, то-есть разнообразіе и болѣшую сложность комбинацій, то и тутъ окажется, что *интересъ* бельетристическаго произведенія, при равныхъ художественныхъ силахъ, всегда пропорціоналенъ степени умственнаго развитія автора.

Что касается до міросозерцанія, то хотя, въ большей части случаевъ, благодаря еще ходячему ученію, будто художественная сила сама по себѣ индифферентна, оно не высказывается столь рѣзко, какъ умственная развитость или неразвитость авторовъ, но такъ-какъ ледяная кора, дававшая возможность скрывать человѣческія симпатіи и антипатіи, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становится тоньше и тоньше, то и шансы угаивать ихъ дѣлаются все менѣе и менѣе доступными. Олимпическое равнодушіе къ текущимъ (или, какъ обыкновенно говорится, временнымъ) интересамъ дѣйствительности понятно только тогда, когда интересы эти устроиваются сами собою, идутъ своимъ чередомъ, по разъ заведенному порядку (такъ было у насъ при крѣпостномъ правѣ); но когда дѣйствительность втягиваетъ въ себя человѣка усиленно, когда наступаетъ сознаніе, что безъ нашего личнаго участія нигто нашего дѣла не сдѣлаетъ, да и само собою оно ни подъ какимъ видомъ не устроится, тогда необходимость сознать себя гражданиномъ, необходимость принимать участіе въ общемъ теченіи жизни, а слѣдовательно, и имѣть опредѣленный взглядъ на явленія ея представляется на столько настоятельною, что едва-ли кто-нибудь можетъ уклониться отъ нея. И чѣмъ пристальнѣе художникъ вникаетъ въ эти текущіе интересы, которые онъ не безъ презрительной улыбки именовалъ временными, тѣмъ болѣе убѣждается, что это суть интересы, не менѣе важные, нежели тѣ, которые онъ, переносясь въ другую сферу, нѣсколько напыщенно называлъ вѣчными, и что, въ конечномъ анализѣ, не можетъ существовать того мелкаго человѣческаго интереса, который бы не былъ интересомъ вѣчнымъ уже потому одному, что онъ интересъ человѣческій.

Эта необходимость относится къ явленіямъ жизни подъ тѣмъ или инымъ угломъ зрѣнія, укрѣпленная воспитаніемъ и всею совокупностью жизненныхъ условий, ни мало не можетъ служить стѣсненіемъ для творческой дѣятельности художника, а напротивъ того, открываетъ ей новые горизонты, оплодотворяетъ ее, даетъ ей смыслъ. Художникъ становится существомъ не только созерцающимъ, но и мыслящимъ, не только страдательно принимаетъ своею грудью лучи жизни, но и резонируетъ ихъ. Ничто въ такой степени не возбуждаетъ умственную дѣ-

и интересъ на
творч. актъ?

тельность, не заставляет открывать новые стороны предметов и явлений, какъ сознательныя симпатіи или антипатіи. Безъ этой подстрекательской силы, художественное воспроизведеніе дѣйствительности было бы только безконечнымъ повтореніемъ описанія однихъ и тѣхъ же признаковъ. Намъ могутъ, конечно, сказать, что въ этихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ именно и находится источникъ всевозможныхъ преувеличеній, — такое возраженіе, конечно, во многихъ случаяхъ, не лишено будетъ правдивости, но въ томъ-то и дѣло, что отъ этихъ преувеличеній должно предостеречь писателя то чувство мѣры, то критическое отношеніе къ жизненному матеріалу, въ которыхъ собственно и заключается мѣрило истинной силы художника. Какъ бы то ни было, однакожъ, впадетъ ли художникъ въ преувеличенія или остережется отъ нихъ, это обстоятельство можетъ имѣть вліяніе только на критическую оцѣнку его произведенія. Въ первомъ случаѣ, произведеніе будетъ менѣе совершенно, во второмъ — болѣе. Но законъ, въ силу котораго писатель-беллетристъ не можетъ уклониться отъ необходимости относиться къ дѣйствительности подѣ определеннымъ угломъ зрѣнія, остается непререкаемымъ, и избѣгнуть его имѣетъ право лишь тотъ, кто въ то же время заявляетъ право и на полное невниманіе публики.

Перехода отъ этихъ общихъ соображеній собственно къ русской беллетристикѣ, мы встрѣчаемъ и въ ней, за послѣднее время, несомнѣнное стремленіе, во первыхъ, расширить ея содержаніе введеніемъ новыхъ элементовъ, которые въ прежней беллетристикѣ не принимали никакого участія; во вторыхъ, поставить читателя на извѣстную точку зрѣнія, на которой стоятъ сами авторы, и въ которой, по мнѣнію ихъ, заключается благо. Отсюда — раздѣленіе героевъ на сочувственныхъ и несочувственныхъ автору не по одному тому, что они лѣнивы или прилежны, строптивы или добродушны, то-есть не по однимъ ихъ домашнимъ качествамъ, но и потому, что они имѣютъ тотъ, а не другой образъ мыслей. Отсюда — цѣлыя тирады, въ которыхъ авторы прямо отъ своего лица выражаютъ извѣстный взглядъ на вещи, не стѣсняясь тѣмъ, что подобная догматика, особливо ежели содержаніе ея дѣтское, можетъ серьезно повредить художественной сторонѣ ихъ произведеній.

По какому-то странному недоразумѣнію, рѣшившись знакомить публику съ своимъ міросозерцаніемъ, всѣ извѣстнѣйшіе русскіе беллетристы высказали взгляды совершенно однородные, всѣ стали на сторону уличной морали, на сторону заповѣданнаго, общепринятаго и установленнаго противъ сомнѣвающагося, неудовлетвореннаго и ищущаго. На первый взглядъ это обстоятельство можетъ казаться загадочнымъ. Мы помнимъ беллетристику сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, помнимъ, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ и какія дѣйствительно неоцѣнимыя услуги оказывала она пробужденію общественной совѣсти. Она была неизмѣнно представительницей и

распространительницей гуманных стремлений въ русскомъ обществѣ; она образовала поколѣніе людей, взявшихъ на себя въ послѣдствіи починъ въ одномъ изъ величайшихъ дѣлъ нашего времени, въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ; имѣя во главѣ лучшаго своего разъяснителя, Бѣлинскаго, она косвенно или прямо, но всегда неутомимо, всегда не меньше того, сколько позволяло механическое давленіе извнѣ, преслѣдовала ложь и зло во всѣхъ проявленіяхъ. Намъ скажутъ, что ея гуманность очень близко граничилась съ туманностью, что гуманность сама по себѣ есть нѣчто въ высшей степени неопредѣленное, трудно формулируемое и потому недостигающее существенныхъ результатовъ. Пусть такъ, но въ то время уже и то было немаловажно, что находились люди, которые *всегда* стояли на сторонѣ хорошаго и всегда противъ дурного. Это постоянство дѣйствія заставляло предполагать, что то туманное и недосказанное, которое затемняло лучшія произведенія тогдашней литературы, было не органическимъ ея недостаткомъ, а только временною, недобровольно принятою формою, и что, принимая эту форму, представители литературной мысли, тѣмъ не менѣе, имѣютъ вполне твердыя основанія пропагандировать тѣ стремленія, которыя подъ нею скрываются, что они, пробуждая въ публикѣ желаніе добра, сами понимаютъ это добро въ полномъ его объемѣ.

На повѣрку вышло, однакожь, что проповѣдуемое добро есть добро только отвлеченное, что едва потребовало оно примѣненія для себя, какъ уже оказалось вышедшимъ изъ начертанныхъ для него границъ, что литература охотно бралась воспитывать общество, но съ тѣмъ, чтобы оно не дѣлало изъ этого воспитанія никакихъ практическихъ приложений. Люди, чьихъ жизнь была непрерывнымъ сѣяньемъ, побужденіемъ и подстрекательствомъ, отвернулись отъ самихъ себя и проклинали въ другихъ тотъ кумиръ, которому сами такъ исправно служили. Неправда ли, нужно, чтобы случилось что-нибудь очень прискорбное для объясненія подобнаго переворота, и чтобы это прискорбное отразилось не только на личномъ существованіи того или другого индивидуума, а чтобы существованіе цѣлаго общества было потрясено имъ.

Случилось, однакожь, не болѣе того, что періодически случается на нашей шаткой и мало подготовленной почвѣ, а именно, что люди, проводившіе литературнымъ путемъ въ русское общество гуманныя идеи и стремленія, были, за нѣкоторыми исключеніями, люди неубѣжденные, люди, не органически воспитавшіе въ себѣ идею добра, а принявшіе ее ради ея красоты, ради того прекрасно-душія, которое она приноситъ съ собою. Въ этомъ-то собственно и заключалась ошибка, въ то время, впрочемъ, совершенно извинительная; ибо кто же могъ помышлять въ сороковыхъ годахъ, что идея добра когда-нибудь сдѣлается идеею воинствующей, не останавливающейся,

что она заявить претензію исчерпать свое содержаніе во всѣхъ примѣненіяхъ и комбинаціяхъ, что ей когда-нибудь надобѣсть служить только красивымъ обрывкомъ, годнымъ для украшенія той или другой головы? Ужасъ при видѣ разрушенія монополіи проповѣди добра былъ великъ; но надо сказать правду, что онъ все-таки не столь сильно дѣйствовалъ на проповѣдниковъ, какъ то обстоятельство, что проповѣдь все-таки продолжалась, и въ дальнѣйшемъ развитіи, повидимому, предположила себѣ совсѣмъ другія цѣли, нежели прежде, и во всякомъ случаѣ, не хотѣла ограничиться тѣми неопредѣленными порываніями, тѣмъ успокоивающимъ диллетантизмомъ, какимъ отличалась проповѣдь сороковыхъ годовъ.

Но то, что, въ сущности, было дорого только какъ украшеніе, естественно утерало всякую цѣнность, какъ скоро перестало быть имъ. При прежнемъ характерѣ проповѣди нельзя было остаться не потому, чтобы недостаточность ея признана была самими проповѣдниками, а потому что ея никто не слушалъ. На первыхъ порахъ, въ пользу старыхъ учителей устраивали торжества, на нихъ возлагали надежды, видѣли въ нихъ своего рода Лафайетовъ и Дюпонъ де-Лероувъ, которыхъ имена какъ-то необходимо связываются со всякимъ движеніемъ въ смыслъ добра. И это были дѣйствительно Лафайеты и Дюпонъ де-Леру, но только до того уже своеобразные, что они даже не могли понять чисто почетныхъ свойствъ своихъ ролей. Въмѣсто ожидаемой скромности, въ нихъ прежде всего выступило вперёдъ желаніе первенствовать и замыкать рты другимъ, желаніе, неоправдываемое ни законами справедливости, ни пониманіемъ потребностей времени. Оказалось, что это совсѣмъ не Лафайеты, а просто мухи, отъ которыхъ надлежало отмахиваться.

Мы не сомнѣваемся, что бельетристы сороковыхъ годовъ не менѣе либеральны теперь, нежели въ то для всѣхъ памятное время, когда они, вслѣдъ за Бѣлинскимъ и Грановскимъ, занимались проповѣдью гуманнхъ стремленій. Но дѣло въ томъ, что эти стремленія, оставаясь только стремленіями (тѣмъ собственно и исчерпывалось содержаніе тогдашней либеральной проповѣди), очевидно, не могли уже удовлетворять въ такое время, когда сама жизнь ставила вопросы, требовавшіе не одного сочувственнаго отношенія къ нимъ, но и дѣйствительнаго разрѣшенія въ либеральномъ смыслѣ. У большинства дѣятелей сороковыхъ годовъ на такой подвигъ не оказалось ни подготовки, ни достаточной рѣшимости. Метафизическія основанія, съ которыми это большинство подходило къ новому дѣлу, совершенно не клеились съ нимъ, ибо это дѣло не ограничивалось одними внѣшними побужденіями свободы, одной отвлеченной идеей ея, но проникало дальше, захватывало тѣ практическія и не всегда легко дающіяся условія, безъ овладѣнія которыми свобода не можетъ быть ни дѣйствительною, ни

прочью. Для гуманистовъ сороковыхъ годовъ казалось достаточнымъ объявить во всеуслышаніе, что свобода есть благо, чтобы всякъ и каждый удовлетворился уже однимъ тѣмъ, что провозглашена такая прекрасная истина; на дѣлѣ, однакожъ, выходило, что это, такъ сказать, только первая половина предложенія, что самыя лучшія истины мало питательны, ежели онѣ не получили приложенія въ дѣйствительности, и ежели, сверхъ того, это приложеніе не обезпечено противъ наплыва всякихъ зловредныхъ случайностей. Нѣтъ ничего желательнѣе, напри- мѣръ, чтобы всѣ люди были добры, чтобы они не подвигивались другъ подъ друга, не вредили другъ другу, но какую сложную обстановку нужно придумать, чтобы достигнуть такого результата? Ясно, стало быть, что одно заявленіе прекраснѣйшихъ принциповъ (и притомъ заявленіе, лишенное реальныхъ основаній и дѣлаемое съ безчисленнымъ множествомъ оговорокъ), очень скоро должно обнаружить свою несостоятельность и показать себя тѣмъ, чѣмъ оно всегда было: громвою, щегольскою фразою, очень мало подвигающею дѣло общественнаго прогресса.

Повторяемъ: было время, когда, конечно, и просто щегольская фраза, проникнутая либеральнымъ духомъ, уже сама по себѣ представляла благо и выражала борьбу; но теперь, и arena дѣйствія и самый характеръ борьбы измѣнились, а этого-то именно и не поняли дѣятели сороковыхъ годовъ. Еслибъ они были проникательны, то сознали бы, что имъ предстоитъ одно изъ двухъ: или примкнуть къ дальнѣйшему движенію мысли и начать разработывать жизненные вопросы на той реальной почвѣ, на которую выводило ихъ неумолимое время, или же оставаться въ почетномъ положеніи Лафайетовъ и доживать свои дни подъ защитою прошлаго. Думаемъ, по крайней-мѣрѣ, что такъ поступили бы тѣ знаменитые покойники, которые нѣкогда были ихъ руководителями, и которые, конечно, никогда не могли бы себѣ представить челоуѣческую мысль остановившеюся. Но большинство разсудило иначе; оно долго упорствовало остаться при своемъ распутии, но, подъ конецъ, сила вещей одолѣла, т.-е. доказала, что время торжества фразы миновалось безвозвратно. Тогда, оно предпочло лучше пойти назадъ, нежели примкнуть къ движенію, указывавшему впередъ. Предпочли, быть можетъ, не злостно, а просто вслѣдствіе недоразумѣнія, вслѣдствіе того, что новое движеніе застало его врасплохъ, а пастыря добраго у него не было.

Вотъ мысли, на которыя мы невольнымъ образомъ были наведены чтеніемъ пятой части романа г. Гончарова «Обрывъ». Тѣмъ не менѣе мы взяли за перо вовсе не съ тѣмъ, чтобы дать читателю оцѣнку новаго произведенія знаменитаго нашего беллетриста—это будетъ выполнено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала — а желаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ

только объ одной составной части этого романа, и именно о философии почтеннаго автора.

Этой философии посвящена почти вся шестая глава пятой части «Обрыва». Г. Гончаровъ до сихъ поръ воздерживался отъ яснаго заявленія своихъ либо политическихъ или социальныхъ взглядовъ на современность, и, сознаваясь откровенно, мы видѣли въ этомъ признакъ того такта, который всегда отличалъ этого писателя. Въ «Обломовѣ» усматриваются скорѣе даже зачатки мысли, побуждающей впередъ, зачатки, правда, очень неопредѣленные, но, во всякомъ случаѣ, не заключающіе въ себѣ ничего противорѣчащаго преданіямъ сороковыхъ годовъ. Но теперь, очевидно, преданія кончились; «Обломовъ» можетъ служить для будущаго историка русской литературы только уликой того, какъ непрочны бывають всякія начинанія и какъ легко они сводятся на нѣтъ.

Чтобы понять всю суть философии г. Гончарова, необходимо хоть въ общихъ чертахъ познакомиться читателя съ физиономіей одного изъ дѣйствующихъ лицъ его романа (одного только), Марка Волохова. Волоховъ есть представитель такъ-называемаго молодого поколѣнія и тѣхъ идей, которыя оно внесло или стремилось внести въ нашу жизнь. Немного красокъ потратилъ г. Гончаровъ, чтобы нарисовать этого грубаго мужчину, и мы имѣемъ право думать, что это сдѣлано не безъ умысла, потому что на палитрѣ этого автора обыкновенно имѣется большое обиліе и разнообразіе красокъ. Когда живописцы изображаютъ Тайную Вечерю, то почти всегда слѣдующимъ образомъ рисуютъ Иуду: фигура темная, мрачная, невыражающая никакой внутренней борьбы, а одну тупую рѣшимость. Благочестивые живописцы дѣлають это, конечно, съ расчетомъ: въ ихъ намѣреніи—внушить омерзеніе къ Иудѣ, а такъ-какъ они знаютъ, что всякій признакъ внутренней борьбы уже исстачаетъ изъ себя начало примиренія, то и избѣгаютъ всего, что могло бы напомнить о человѣческомъ образѣ, при взглядѣ на эту отверженную фигуру. Точно такъ поступилъ и г. Гончаровъ; онъ сказалъ себѣ: Волоховъ — это пятно нашей современности, а потому и надлежитъ рисовать не человѣка, а только пятно. Согласно съ этими соображеніями онъ заставляеть и дѣйствовать своего героя. Волоховъ входитъ въ дома, въ большинствѣ случаевъ, не иначе, какъ въ окошко и черезъ заборъ; онъ спитъ въ телегѣ, покрытой циновкою; онъ занимаетъ деньги, предупреждая, что не отдастъ ихъ; онъ не признаетъ бессрочной любви и довольствуется любовью срочною. Все это черты, которыя, по мнѣнію г. Гончарова, характеризуютъ новаго человѣка, черты, впрочемъ, новыя, образцы которыхъ мы видѣли у гг. Стебницкаго и Авенаріуса, не говоря уже о г. Писемскомъ, который, въ «Взбаламученномъ морѣ», представилъ такое образцовое руководство къ познанію нигилистовъ, что даже при самомъ тщательномъ трудѣ едва-ли кому-нибудь придется срав-

ниться съ нимъ въ дѣлѣ собранія всякаго рода нигилистическихъ чертъ.

Почему г. Гончаровъ желаетъ, чтобъ герой его входилъ къ своимъ знакомымъ не черезъ дверь, а черезъ окно, чтобъ онъ спалъ въ телегѣ, покрытой рогожею, почему онъ видитъ въ этомъ признали типа, и притомъ типа современнаго передоваго человѣка — это одному Богу извѣстно. Россійская Имперія никогда не оскудѣвала людьми, входившими въ дома черезъ окна, и не только выходящими, но даже вылетающими тѣмъ же путемъ обратно, точно такъ же, какъ не оскудѣвала и всякаго рода винниками, спавшими и въ телегахъ, и на погребницахъ, и подъ рогожами, и просто въ натуральномъ видѣ. Нельзя отрицать, что это были типическія черты довольно рѣзкія, но никто никогда не думалъ приурочивать ихъ къ извѣстной современности, никто никогда не связывалъ ихъ съ тѣмъ или другимъ образомъ мыслей. Скорѣе всего на подобныя выходы способны были люди, именно страдавшіе отсутствіемъ образа мыслей, нежели наоборотъ, какъ, напримѣръ, всякаго рода забуддны, лихачи-кудрявичи, ухари и т. п., которыми и додѣсь едва-ли оскудѣла русская жизнь, и которые въ неистовствахъ и необычностяхъ видятъ подвигъ всей жизни.

Очень легко можетъ статься, что г. Гончаровъ, заставляя Волохова лезть въ окна и спать подъ циновкой, хотѣлъ инсказательно намѣтить слѣдующія типическія черты: вопервыхъ, пренебреженіе къ формализму, предлагающему окольные пути (по мнѣнію почтеннаго автора, вѣроятно, не лишніе) тамъ, гдѣ существуютъ пути прямые, и вовторыхъ, отсутствіе потребности въ самыхъ первыхъ удобствахъ жизни и преднамеренное хвастовство этимъ качествомъ. Если это такъ, то подобное иносказаніе можетъ подать поводъ ко многимъ соображеніямъ, вовсе не столь дикимъ, какъ это представляется въ новомъ романѣ. Что жизнь дѣлается проще, что она мало по малу освобождается отъ лишннихъ формальностей—это выдуманно не Волоховымъ, а засвидѣтельствовано исторіей развитія чловѣческихъ обществъ. Тѣ наружныя дѣйствія и поступки, которые налагаются на людей, такъ-называемыми, свѣтскими приличіями, видоизмѣняются и упрощаются совершенно пропорціоально степени развитія общественнаго. Имѣя первоначальную цѣль обуздывать дикаго человѣка, они, съ исчезновеніемъ этой дикости, теряютъ свой смыслъ, и ежели почему-либо еще удерживаются, то становятся лицемеріемъ. Поэтому они, съ теченіемъ времени, все-таки падаютъ сами собою, и уступаютъ мѣсто приличію внутреннему, т. е. такому образу дѣйствій, который подчиняется только критериуму разума и совѣсти. Если въ этомъ естественномъ ходѣ вещей и есть что нибудь смѣшное, то это смѣшное представляетъ только форма, въ которой г. Гончаровъ заставляеть Волохова выразить свой протестъ противъ общественнаго формализма. А между тѣмъ, авторъ изо-

бражаетъ своего героя человѣкомъ умнымъ (только умъ у него не настоящій, а развращенный), и вдругъ этотъ умный человѣкъ не понимаетъ, что способъ вхожденія въ чужіе дома черезъ окно не только не самый короткій и удобный, но, напротивъ того, самый длинный и неудобный. Вопервыхъ, можно перепугать хозяевъ дома и даже отъ самаго терпѣливаго получить неприятыишій репримандъ; во вторыхъ, можно быть принятымъ за вора, и не успѣвъ еще привести въ исполненіе своего намѣренія осчастливить пріятеля такимъ оригинальнымъ способомъ вхожденія въ его квартиру, быть застигнутымъ хозяевами и сведеннымъ въ полицію. Все это влечетъ за собой такія проволочки времени, которыя нивагъ не свидѣтельствуютъ ни въ пользу разсудительности Волохова, ни въ пользу нетерпѣливаго его желанія освободиться отъ околныхъ путей. И ежели подобная черта и можетъ быть признана дѣйствительно типическою, то, во всякомъ случаѣ, выраженіе для нея выбрано очень неудачное. Точно то же должно сказать и о спазѣ подъ циновкою. Основное правило всякаго человѣка, сознающаго свое достоинство, — это принимать свое положеніе въ томъ видѣ, какъ оно есть, и не стыдиться его. Положенія не всегда добровольны и не всегда заслуженны. Были времена, когда людей подымали на дыбу, заставляли ходить на спицахъ, и даже не за преступленіе какое-нибудь, а просто съ цѣлями юридической любознательности. Ужели такое положеніе само по себѣ недостаточно мучительно, чтобъ углублять его еще совсѣмъ неидущему къ дѣлу стыдливостью? Нѣтъ, требованіе такого рода, еслибъ оно и было возможно, заключало бы въ себѣ или утонченную жестокость, или легкомысленное надругательство. Волоховъ, какъ видно изъ романа г. Гончарова, находился если не совсѣмъ въ положеніи человѣка, ходящаго по спицамъ, то въ положеніи приблизительно-подходящемъ. Онъ не добровольно лишалъ себя удобствъ (мы видимъ даже, что онъ нѣсколько сибаритъ и съ этою цѣлью занимается безъ отдачи деньги), а потому, что эти удобства были ему недоступны. Смѣшнаго тутъ опять-таки нѣтъ ничего. Остается, стало быть, преднамѣренная выставка этихъ неудобствъ напоказъ, но здѣсь, во первыхъ, едва-ли не большую роль играетъ, такъ называемая, красота слога, а во вторыхъ, стоитъ только отчетливо представить себѣ то развинченное существо, которое называется Райскимъ, и передъ которымъ собственно и производится упомянутая выставка неудобствъ, чтобъ понять, что со стороны Волохова это просто невинное желаніе посмѣяться надъ великосвѣтскимъ разинею, а совсѣмъ не провозглашеніе какихъ-либо принциповъ.

Третій типическій признакъ: Волоховъ беретъ въ займы деньги и не отдаетъ ихъ. Черта дѣйствительно рѣзкая, хотя въ исторіи и небезпримѣрная. Деньги — это воистину такой краеугольный камень, относительно котораго непочтительное обра-

щеніе составляет проступокъ чувствительный и не легко забываемый. Но все же, повторяемъ, это проступокъ не до такой степени безпримѣрный, чтобы чувствовалась необходимость положить его въ основаніе типической черты, и притомъ не отдѣльнаго индивидуума, не Волохова, какъ Марка, а Волохова, какъ представителя извѣстныхъ стремленій современности. Шекспировскій Фальстафъ положительно не различалъ своего отъ чужаго, и пользовался этой свободой смѣшенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но никому въ голову не приходило приписать Шекспиру намѣреніе изобразить въ этомъ простодушномъ бездѣльникѣ новатора и провозвѣстника какихъ-то началъ общественнаго возрожденія. Оказывается, однакожь, что Волоховъ именно новаторъ, что онъ отнюдь не сирота занимаетъ деньги у знакомыхъ, а въ силу принципа. Онъ занимается, и приговариваетъ. Мы думаемъ, однакожь, что подобная наклонность связывать наиболѣе подвергающіяся порицанію человѣческія дѣяствія съ такою доктриною, которая еще не выяснилась окончательно, или почему-либо въ данную минуту антипатична обществу, есть наклонность крайне предосудительная. Это наклонность наносить удары, въ увѣренности не встрѣтить отпора; это наклонность брать крѣпости безъ боя. Тѣмъ не менѣе, даже и при подобной увѣренности, дѣло не всегда можетъ кончиться благополучно для лица, обладающаго ею. Очень можетъ случиться, что читатель не удовольствуется одними темными инсинуаціями и пожелаетъ разъясненій. Въ какомъ положеніи очутится инсинуаторъ, если окажется, что онъ не имѣетъ даже самыхъ первоначальныхъ понятій о томъ дѣлѣ, которое думаетъ раззорить? Очевидно, ему будетъ стыдно. Мы, русскіе, благодаря цензурному гнѣту, долго надъ нами тяготѣвшему, въ особенности обладаемъ какою-то несчастною способностью проглатыванья. Если мы чего-нибудь не знаемъ, то стоимъ намъ только въ надлежащемъ мѣстѣ крикнуть, чтобъ читатель подумалъ, что за этимъ криканьемъ таится и невѣсть какая ученая глубина. Однако, пора бы, кажется, вспомнить, что если во время оно и было согласно съ видами цензуры, чтобы обстоятельное изложеніе нѣкоторыхъ доктринъ не допускалось даже подъ условіемъ критическаго отношенія къ нимъ, то теперь этого стѣсненія не существуетъ. Теперь можно свободно опровергать ту или другую доктрину шагъ за шагомъ, ни мало не стѣсняясь; можно дажебранить, выражать негодованіе и проч. Предполагаются, что возразители на столько убѣждены сами, что могутъ и въ другихъ поселить тѣ же убѣжденія. Это считается даже излишнимъ, потому что увеличиваетъ кругъ людей, сознательно отвергающихъ ученіе, признаваемое ложнымъ, а не подмигивающихъ только по поводу его. Сословіе подмигивателей и безъ того распространено больше, чѣмъ нужно, но пользы отъ него нѣтъ; напротивъ того, очень часто случается, что подмигиватель

самый ревностный, случайно и даже очень поверхностно просвѣтившись, вдругъ превращается въ не менѣ ревностнаго пропагандиста. Этотъ народъ тѣмъ легковѣрнѣе, тѣмъ менѣ устойчивъ противъ всякаго рода соблазновъ, чѣмъ сильнѣе укоренилась въ немъ привычка жить на вѣру, чѣмъ слабѣе въ немъ способность рассуждать. Вотъ почему казалось бы желательнымъ, что если ужъ есть поползновеніе непременно установить связь между такими дѣйствіями, какъ напримѣръ, воровство, и такими доктринами, о которыхъ русская публика имѣетъ понятіе довольно смутное, то было бы не лишнее, чтобы такого рода установители представляли какія-нибудь доказательства, что имъ, по крайней-мѣрѣ, безъизвѣстно то, къ чему они приравниваютъ то или другое человѣческое дѣйствіе, подлежащее, по ихъ мнѣнію, порицанію. Вотъ намъ, напримѣръ, ничего неизвѣстно о доктринѣ займа у пріятелей денегъ безъ отдачи, а г. Гончаровъ, повидимому, нѣчто знаетъ о существованіи ея. Очевидно, однако, что это не просто доктрина безвозвратныхъ займовъ, а кака-нибудь особенная, и что безвозвратный заемъ денегъ есть только грубая и пошлая форма, къ которой всякій встрѣчный шалопай имѣетъ возможность прибѣгнуть для прикрытія своего бездѣльничества. Но въ такомъ случаѣ, что же общаго между этой особенной доктриной и такимъ пошлымъ ея извращеніемъ? И ежели доподлинно извѣстно, что существуетъ такое ученіе, которое отвергаетъ различіе между твоимъ и моимъ, то для чего скрывать это? Для чего оставлять читателя въ недоумѣніи? Для чего потворствовать этой особенной доктринѣ—иначе мы не можемъ назвать подобный приемъ, какъ потворствомъ—прикрывая ее самымъ простымъ и общеизвѣстнымъ житейскимъ актомъ займа денегъ безъ отдачи? Помилуйте, скажетъ любой читатель, что же въ ней особеннаго, въ этой доктринѣ! Да у меня не дальше, какъ вчера, такой-то, Иванъ Ивановичъ занялъ побольше тѣхъ трехсотъ рублей, которые занялъ у Райскаго Волоховъ, и хоть я, и безъ его предупрежденія, знаю, что онъ никогда мнѣ ихъ не отдастъ, но у меня и въ помышленіи никогда не было и не будетъ называть, вслѣдствіе этого, Ивана Ивановича ни новаторомъ, ни даже опаснымъ человѣкомъ!

Вообще, по нашему мнѣнію, если обличать человѣка новаго, человѣка, одержимаго современными тенденціями, то слѣдуетъ обличать его до конца. Сошлемся опять на того же Шпильгена, на котораго ужъ нѣсколько разъ ссылались (мы считаемъ его талантливѣйшимъ изъ современныхъ бельетристовъ, дающимъ роману совершенно новое содержаніе). Въ романѣ его «Одинъ въ полѣ—не воинъ», мы встрѣчаемся съ дѣйствительнымъ представителемъ новыхъ стремленій, но этотъ представитель не воруетъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые герои «Взбаламученнаго моря», и не занимаетъ денегъ безъ отдачи, какъ это дѣлаетъ Волоховъ, а устраиваетъ ассоціацію работниковъ,

становится во главѣ соціального и политическаго движенія, и заинтересовываетъ въ своемъ дѣлѣ даже такихъ лицъ, которыя всего менѣе имѣютъ наклонность и выгоду интересоваться вопросами подобнаго рода. Допускаемъ заранѣе, что все, что ни предпринимаетъ этотъ новый человекъ, есть ложь, но эта ложь грандіозная, ложь, о которой стоитъ говорить, противъ которой не стыдно бороться. Люди порядочныхъ же, а не шалопаявъ, которые изъ-за четвертака, или изъ-за неполученныхъ ими выгодныхъ кондицій готовы проклясть свою душу и выдавать и клеветать своихъ единомышленниковъ. А намъ представляютъ мелкихъ ворюшекъ платковъ, и приглашаютъ видѣть въ нихъ демоновъ-искусителей и опасныхъ новаторовъ — не странное ли это недоразумѣніе!

Но, скажутъ намъ, что же дѣлать, если русская жизнь не представляетъ такихъ широкихъ мотивовъ, какіе могъ безъ труда найти Шилльгагенъ въ Германіи? На это мы отвѣтимъ, что такое возраженіе во всѣхъ частяхъ неправильно. Что русская жизнь обладаетъ мотивами очень разнообразными и весьма высокаго разряда, въ этомъ мы можемъ убѣдиться даже по роману г. Ключникова «Марево». Если авторъ опошлялъ эти мотивы, украсивъ ихъ разными Горобцами, — это не доказываетъ ихъ несуществованія, а доказываетъ только наклонность романиста увлекаться легкимъ способомъ отдѣлываться отъ своихъ героевъ. На подобные же мотивы мы встрѣчаемъ намѣки въ недавней повѣсти г. Пл. Успенскаго «Разореніе». Вообще, всякій, кому небезызвѣстна исторія нашей общественности за послѣдніе восемь-девять лѣтъ, едва-ли можетъ сказать, чтобы она не содержала въ себѣ достаточнаго матеріала для драмы. Самое обиліе всякаго рода неудачъ, ошибокъ и разочарованій уже достаточно указываетъ на это. Да и романисты наши, очевидно, понимаютъ не только то, что нужно чѣмъ-нибудь оживить старый матеріалъ, но что и есть чѣмъ оживить его, да не знаютъ, какъ сдѣлать это.

Четвертый типическій признакъ — протестъ противъ бессрочной любви, или, говоря словами не столь мудренными: Волоховъ не хочетъ жениться на Вѣрѣ, предпочитая пользоваться одними удовольствіями любви, безъ тѣхъ стѣсненій и обязательствъ, которыя налагаются на это пользованіе общественными приличіями. И это признакъ типическій только потому, что г. Гончарову угодно было дать ему такой характеръ, приурочивъ его тоже къ какой-то догмѣ, и сдѣлавъ доктринодержателемъ Волохова, этого невиннаго козла, на котораго безъ всякаго основанія возложены прегрѣшенія современности. А дѣло, между тѣмъ, объясняется очень просто. Существуетъ такъ-называемый «женскій вопросъ», то-есть вопросъ о положеніи женщины въ обществѣ, о правахъ ея на участіе въ дѣлахъ его, объ отношеніяхъ женщины къ мужчине, и пожалуй, коли хо-

тите, о томъ, что г. Гончаровъ называетъ срочной и безсрочной любовью. Вопросъ чрезвычайно обширный, требующій со стороны занимающагося имъ тщательной подготовки, и встрѣчающій, въ своемъ разъясненіи, множество очень серьезныхъ препятствій, благодаря щеголивости предмета, возможности поставить ее на самую неблагоприятную и исключительную почву и другимъ болѣе или менѣе злокозненнымъ инсинуаціямъ. И вотъ, Маркъ Волоховъ является воплощениемъ этого вопроса съ такою же точно готовностью, съ какою, какъ показано выше, онъ взялъ на себя трудъ быть представителемъ доктрины, отрицающей собственность. Чѣмъ же онъ заявляетъ свое пониманіе женскаго вопроса? — А тѣмъ, и тѣмъ однимъ, что онъ, во что бы то ни стало, хочетъ соблазнить дѣвушку, возбуждающую въ немъ вожделѣніе! Какъ легко, подумаешь, представителствовать въ этомъ злосчастномъ обществѣ, въ которомъ никто ничего не можетъ дѣлать, кромѣ какъ развѣвать ротъ! Хочешь быть отрицателемъ собственности — займи денегъ и не отдай ихъ; хочешь быть поборникомъ правъ женщины — соблазни дѣвицу, сказавъ ей предварительно, что этотъ актъ называется автоматъ срочной любви.

Для всякаго, однакожь, понятно, что между «женскимъ вопросомъ» и поступкомъ Волохова, соблазняющаго Вѣру, связи нѣтъ никакой, и что послѣдній можетъ быть совершенно независимо отъ всякой прикосновенности даже къ теоріи срочной и безсрочной любви. Къ сожалѣнію, авторы-бельетристы не всегда различаютъ, что практика отнюдь не всегда непосредственно слѣдуетъ за теоріей, и что послѣдняя, въ большей части случаевъ, значительно опережаетъ первую. Вотъ почему изслѣдованія по какому бы то ни было социальному вопросу, производимому въ области теоріи, никогда не могутъ быть связываемы съ идеею о началѣ, хотя бы они въ извѣстной степени и не сходились съ дѣйствительностью. Иначе пришлось бы понятіе о населеніи примѣнять ко всякому исканію истины еще невыяснившейся, но возможной. Пришлось бы оставаться неподвижнымъ въ ожиданіи, что истина объявится сама, а такъ какъ она сама никогда не объявляется, то люди, поставленные въ невозможность исать ее, должны были бы довольствоваться только тѣми простыми ея зачатками, которые дѣйствительно сами бросаются въ глаза. Но въ то же время, исканіе истины, даже самой необычной, самой противорѣчащей установившимся понятіямъ, вовсе не предполагаетъ фаталистически чьего-нибудь несчастія, или порчи чьей-нибудь жизни. Тотъ, кто признаетъ преимущество срочной любви передъ безсрочною, вовсе не обязанъ быть развратнымъ и даже не обязанъ забыть, что, при извѣстномъ образомъ сложившихся обстоятельствахъ, теорія срочной любви, какъ бы она ни казалась вѣрною, не можетъ имѣть непосредственнаго и немедленнаго примѣненія иначе, какъ на собственннй рискъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ.

Даже и тотъ злосчастный и очевидно заблуждающийся человекъ, который отрицаетъ въ принципѣ собственность, не только не обязанъ доказывать правоту своего убѣжденія воровствомъ или безвозвратными займами денегъ, но даже можетъ на практикѣ пользоваться правомъ собственности, защищать эту собственность и воровства не одобрять. Вообще, люди, сильно занятые интеллектуальными интересами, рѣже рѣшаются на такіе поступки, которые могутъ только дразнить общественное мнѣніе, не приводя къ другимъ, болѣе существеннымъ результатамъ. Но еще менѣе допускаются ими подобныя поступки, въ тѣхъ случаяхъ, когда они ставятъ въ фальшивое положеніе постороннее лицо, которое, быть можетъ, стораща и приметъ это положеніе, но впоследствии можетъ и не совладать съ нимъ. Такого рода практика скорѣе свойственна тѣмъ негоднымъ людямъ, которые лицемѣрно выполняютъ всѣ предписываемыя обществомъ формальности, и въ то же время подкапываются подъ его основанія гораздо зловреднѣе, нежели тѣмъ, которые явно ищутъ новыхъ формъ жизни, въ видахъ согласованія интересовъ всѣхъ и каждаго.

Такимъ образомъ, связывая взбалмошное вождѣленіе Волохова съ вопросомъ о взаимномъ отношеніи половъ и о положеніи женщины въ обществѣ, и дѣлая изъ этой связи типическую черту, рисующую представителя современныхъ стремленій, г. Гончаровъ напрасно думаетъ, что онъ что-либо доказываетъ и въ чемъ-либо убѣждаетъ. Это только его личное мнѣніе, или, лучше сказать, плодъ его недоразумѣнія, которое при немъ, конечно, и останется. Типъ женолюбца существовалъ издревле, и новый романъ не прибавляетъ къ нему ни одной новой черты. Въ произведеніи г. Гончарова, стремленіе къ женщинѣ изображается въ томъ же самомъ грубомъ и невоздѣланномъ видѣ, въ какомъ оно встрѣчается и можетъ встрѣтиться въ любой изъ многочисленныхъ російскихъ весей. Попытки Райскаго насчетъ Марейньки и Вѣры не меньше возмутительны, нежели попытки Волохова—почему же авторъ не возмущается ими, и смотреть на нихъ, какъ на милую шалость? Не потому ли, что Райскій богатъ, а Волоховъ бѣденъ, что Райскій прилично одѣтъ, а Волоховъ едва прикрываетъ наготу свою? Не потому ли, наконецъ, что къ Волохову надо было, во что бы то ни стало, пришить какую-нибудь этикетку, которая выпшвырнула бы его еще далѣе за предѣлы признаннаго *société*? Хорошо; но въ такомъ случаѣ, все-таки надо было бы, по малой мѣрѣ, предварительно прочитать эту этикетку и объяснить ее себѣ.

Таковы типическіе признаки, таковы дѣйствія человека, котораго авторъ «Обрыва» выдаетъ намъ за представителя какихъ-то новыхъ идей, представителя, въ присутствіи котораго имѣть на столѣ четвертакъ небезопасно. Понятно, что эти признаки заинтересовываютъ читатели, если не со стороны художественной правды, которой въ нихъ не обрѣтается, то, во

во всякомъ случаѣ, со стороны оригинальности и смѣлости. Читатель желаетъ узнать то великое и мудрое міросозерпаніе, во имя котораго могъ создаться столь непривлекательный антитезисъ, то міросозерпаніе, которое успокоило бы читателя, примирило бы его съ жизнью и заставило забыть всѣхъ этихъ Волоховыхъ, нагло берушихъ взаимн деньги безъ отдачи и вдобавокъ посѣщающихъ своихъ знакомыхъ необычнымъ путемъ—черезъ окно. Изложенію этого міросозерпанія, какъ сказано выше, авторъ посвятилъ шестую главу пятой части своего романа; мы и займемся имъ теперь.

Вотъ его сущность, выраженная словами самого автора:

«Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ, и внесъ новый взглядъ во все то, что она (то-есть Вѣра) читала, слышала, что знала — взглядъ полного дерзваго отрицанія всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ... Она съ изумленіемъ увидѣла этотъ новый, вдругъ вырвавшійся откуда-то потокъ смѣлыхъ, иногда увлекательныхъ идей, но не бросилась въ него слѣпо и тщеславно, изъ мелкой боязни показаться отсталой, а пытливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться въ горячую проповѣдь новаго апостола.

«Ей прежде всего бросились въ глаза зыбкость, односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышленная ложь пропаганды, на которую тратились живныя силы, бойкій умъ, и ненасытная жажда самолюбія и самонадѣянности, въ ущербъ простымъ и очевиднымъ, готовымъ уже правдамъ жизни, только потому, казалось ей, что онѣ были готовы.

«Иногда, въ этомъ безусловномъ рвеніи къ какой-то новой правдѣ, видѣлось ей только неумѣнье справиться съ старой правдой, бросающейся къ новой, которая давалась не опытомъ и борьбой всѣхъ внутреннихъ силъ, а гораздо дешевле, безъ борьбы и сразу, на основаніи только слѣпаго презрѣнія ко всему старому, неразличавшаго стараго зла отъ стараго добра, и принималась на вѣру отъ непровѣренныхъ ничѣмъ новыхъ авторитетовъ, нивѣсть откуда взявшихся новыхъ людей — безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ.

«Она добиралась въ проповѣди и увлеченіяхъ Марка чего нибудь вѣрнаго и живаго, на что можно опереться, что можно полюбить, что было такъ прочно, необманчиво въ старой жизни, которой, во имя этого прочнаго, живаго и вѣрнаго, она прощала ея смѣшныя, вредныя уродливости, ея весь отжившій соръ. Она страдала за эти уродливости, и отъ этихъ уродливостей, мѣшавшихъ жить, чувствовала нервѣдко цѣпи, и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу, наконецъ... чѣмъ бы онъ ни былъ для нея — и идти на борьбу противъ старыхъ враговъ: стирать ложь, мести соръ, освѣщать темные углы, смѣло, не слушая старыхъ разби-

ныхъ голосовъ... Но для этого нужно глубокаго и невозвратно убѣдиться, что истина впереди.

«Она шла не самонадѣянно, а напротивъ, съ сомнѣніями, не ошибается ли она, не правъ ли проповѣдникъ, нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, тамъ, куда такъ пылко стремится онъ, чего нибудь такого, чистаго, свѣтлаго, разумнаго, что могло бы не только избавить людей отъ всякихъ старыхъ оковъ, но отереть Америку, новый, свѣжій воздухъ, поднять человѣка выше, нежели онъ былъ, дать ему больше, нежели онъ имѣлъ? Она искала, ждала, прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про себя на одну ставню, но не находила ни новой жизни, ни счастья, ни правды, ничего того, что обѣщало, куда звалъ смѣлый проповѣдникъ...

«Дѣло ограничивалось беспощаднымъ отрипаніемъ всего, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее большинство. Маркъ клеймилъ это враждой и презрѣніемъ: но (?) Вѣра сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ того знаетъ и видитъ болѣзнь: ей нужно знать, гдѣ Америка? Но ея Колумбъ, вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра и любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, показываеъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ. Это были фараоновы тощія коровы, пожравшія коровъ толстыхъ, и недѣлавшія сами отъ того толще. Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, неживотную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано человѣку. *Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за конечную ея цѣль. Разламая матерію на составныя части, онъ думалъ, что разложила вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что выражаетъ матерія.* Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожалъ и невѣдомую силу, давшую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее, за неимѣніемъ приемовъ и свойствъ ума, чтобъ разложить ее. Закрывалъ доступъ въ вѣчность и къ безсмертію всѣмъ религиознымъ и философскимъ упованіямъ, разрушая, младенческими химическими или физическими опытами, и вѣчность, и безсмертіе, думая своей дѣтской тросточкой, какъ рычагомъ, шевелить дальніе міры, и заставляя всю вселенную отвѣчать отрицательно на религиозныя надежды и стремленія «отжившихъ» людей.

«Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдывалъ какую-то правду (*дерзкій!*), какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ дѣламъ, не замѣчая, что все это дѣлалось ненужнымъ при томъ, указываемомъ имъ, случайномъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ

мешки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутося, млеются, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтелковенъ процессѣ жизни, чтобъ завтра дать мѣсто другому такому же столбу. «Да, если это такъ», думала Вѣра: «тогда не стоить работать надъ собой, чтобы къ концу жизни стать лучше, правдивѣе, чище, добрѣе. Зачѣмъ? для обихода на нѣскольکو десятковъ лѣтъ? Для этого надо, какъ муравью, запастись зернами на зиму, необходимымъ умѣньемъ жить, такою честностью, которой синонимъ лживость, такими зернами, чтобъ хватало на жизнь, иногда очень короткую, чтобъ было тепло, удобно... Какіе же идеалы для муравьевъ? Нужны муравьиныя добродѣтели... Но такъ ли это? Гдѣ доказательства?»

«А онъ требовалъ не только честности, правды, добра, но и вѣры въ свое ученіе, какъ требуетъ ея другое ученіе, которое за нее обѣщаетъ — безсмертіе въ будущемъ, и въ залогъ этого обѣщанія даетъ и въ настоящемъ просимое всякому, кто просить, кто ищетъ.

«Новое ученіе не давало ничего, кромѣ того, что было до него, ту же жизнь, только съ уничтоженіями, разочарованіями, и впереди обѣщало — смерть и тлѣнь. Взявши девизы своихъ добродѣтелей изъ книги стараго ученія, оно обольстилось буквою ихъ, не вникнувъ въ духъ и глубину, и требовало исполненія этой «буквы» съ такою злобой и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе. Оставивъ себѣ одну животную жизнь, «новая сила» не создала, вмѣсто отринутаго стараго, нивакого другаго, лучшаго идеала жизни.

«Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юмаго агостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди и добраго, и вѣрнаго — не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизаци», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи. Отъ этого она только сильнѣе увѣровала въ послѣднее, и убѣдилась, что — какъ далеко человекъ ни иди впередъ, онъ не уйдетъ отъ него, если только не бросится съ прямой дороги въ сторону, или не пойдетъ назадъ, что самыя противники его черпаютъ изъ него же, что, наконецъ, ученіе это — есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, внѣ котораго остаются только ошибки.

«Вѣрѣ подозрительна стала личность самого проповѣдника»...

Что прежде всего порождаетъ въ этой, безконечно-длинной обвинительной рѣчи — это то, что содержаніе ея ни подъ какимъ видомъ нельзя собрать въ одинъ фокусъ, равно какъ невозможно разсказать его своими словами. Это-то собственно и есть то пресловутое искусство проглатыванія, о которомъ говорено было выше. Наговорено очень много, наговорено, повидимому, даже очень красиво, и вмѣстѣ съ тѣмъ не сказано ни-

чего, что могла бы задержать память безъ исключительныхъ усилій; не употреблено ни одного слова въ его собственномъ значеніи, не выражено ничего такого, что относилось бы къ дѣлу прямо, а не бродило кругомъ да около. «Какой-то», «какъ-будто» — вотъ любимѣйшія выраженія автора, вотъ тѣ орудія, при помощи которыхъ онъ намѣревается кого-то и въ чемъ-то убѣдить.

Постараемся, однакожъ, опознаться во всѣхъ этихъ неопредѣленностяхъ, постараемся найти въ нихъ указаніе на ту истину, которою намъ полезно руководиться въ жизни; и на ту ложь, которой слѣдуетъ избѣгать. Какъ люди скромные и отнюдь не отворачивающіеся отъ того, что можетъ имѣть для насъ послѣдствіемъ душевный миръ и довольство собою (а пожалуй даже и просто «тихое и безмятежное житіе»), мы охотно воспользуемся всѣми указаніями, которые будутъ намъ даны въ этомъ смыслѣ. Если мы излишне строитвы, потщимся переломить и усмирить себя; если наши страданія и жизненные неудачи происходятъ отъ того, что наша мысль дерзко переходитъ за тѣ предѣлы, которые предназначены ей самой ея природою — постараемся ввести ее въ эти предѣлы. И будемъ счастливы.

До сихъ поръ г. Гончаровъ объяснялъ созданный имъ типъ новаго человѣка дѣлами его. Дѣла эти, какъ мы видѣли, не особенно мудренаго свойства и даже не особенно типичны. Это дѣла, свойственные любому человѣку стараго закала, безсознательно отдающагося потоку жизни, дѣла, съ которыми мы на улицѣ встрѣчаемся чуть не на каждомъ шагѣ, и ни въ какомъ случаѣ не обличающія новатора. Но въ пятой части, почтенный авторъ уже не ограничивается теоріей безвозвратныхъ займовъ и срочной любви, ибо понимаетъ, что этого далеко недостаточно, чтобы испугать читателя. Поэтому, онъ считаетъ необходимымъ раскрыть передъ нами ту завуалированную сторону жизни Волохова, которую послѣдній обнаруживаетъ неохотно и не передъ всѣми; онъ вводитъ насъ въ самое святилище мысли своего героя.

Но прежде, нежели мы приступимъ къ подробному разбору «новыхъ» мыслей, которыми снабдилъ г. Гончаровъ свое дѣтище, мы встрѣчаемся съ вопросомъ: имѣлъ ли Волоховъ право такъ мыслить, какъ онъ мыслилъ, или, по крайней-мѣрѣ, какъ заставилъ его мыслить авторъ «Обрыва», то-есть мыслить, собираясь единственно съ собственнымъ разумѣніемъ и съ той степенью умственного развитія, которой онъ достигъ? Откровенно говоря, мы думаемъ, что право это принадлежало Волохову непререкаемо, и что г. Гончаровъ, въ художественномъ смыслѣ, сдѣлалъ большую ошибку, не признавъ за нимъ этого права. Разоблачая внутреннюю жизнь своего героя, онъ, по нашему мнѣнію, поступилъ слишкомъ уже просто, а именно: ограничился однимъ сухимъ перечнемъ его «новыхъ» мыслей, и затѣмъ вмѣнилъ ихъ ему въ вину, не воплотивъ ихъ въ

жизнь, то-есть не давъ практическаго исхода ни его дерзости, ни его отрицанію, ни его презрѣнію «ко всему тому, что не носитъ на себѣ печати реальности». Искусство имѣетъ не болѣе правъ на человѣка, нежели общество съ его арсеналомъ законовъ, обычаевъ и условныхъ приличій. Искусству не возбраняется, конечно, проникать во внутреннюю хранину человѣка, но экскурсія такого рода могутъ быть терпимы только въ такомъ случаѣ, когда художникъ навѣрное знаетъ, что онъ найдеть въ этой хранилѣ то именно, что ему нужно, и когда плодомъ такихъ экскурсій будетъ доказательство, то-есть соединеніе въ одномъ живомъ образѣ такихъ типическихъ чертъ, изъ которыхъ ни одна другую не исключаетъ, ни одна другой не противорѣчитъ. Если художникъ, вмѣсто живого образа, находитъ только сухой перечень мыслей человѣка, то это значить, что онъ забрался въ такую сферу, которая ему не подь силу, ибо эта сфера, не изобилуя внѣшними признаками, поддается только самому тонкому наблюденію, и во всякомъ случаѣ требуетъ, чтобы наблюдатель стоялъ на одномъ уровнѣ съ наблюдаемымъ. Что г. Гончаровъ находился именно въ такомъ затруднительномъ положеніи относительно изображаемаго имъ лица, это доказывается тѣмъ, что онъ не нашелъ въ его внутреннемъ мірѣ ничего такого, чего нельзя было бы отыскать въ любой хрестоматіи. «Перечни» мыслей обладаютъ именно тѣмъ свойствомъ, что ихъ можно составлять, по произволу, короткіе и длинныя, и по произволу же приурочивать къ любому субъекту, не прибавляя черезъ то ни одной черты къ его характеристикѣ. Можетъ быть, этотъ субъектъ и дѣйствительно мыслить такъ, какъ увѣряетъ художникъ, а можетъ быть и не такъ—гдѣ доказательства того или другого предположенія? Мысль есть функція крайне неудовная и колеблющаяся; чтобы имѣть возможность съ увѣренностью сказать, что вотъ такая-то мысль составляетъ существенное и жизненное достояніе такого-то субъекта (а только подъ такимъ условіемъ она и можетъ подлежать какому бы то ни было суду), надобно, чтобы она выразилась или въ цѣломъ рядѣ повторительныхъ дѣйствій, или хотя и въ одиначномъ дѣйствіи, но на столько характерномъ и рѣшительномъ, что оно даетъ поворотъ цѣлой жизни, или, же наконецъ, въ полной и строго соглашенной теоріи. Покуда художникъ не успѣлъ добыть ни перваго, ни другаго, ни третьяго, дѣло его будетъ невѣрно, и какъ бы ни былъ пространенъ и разнообразенъ перечень мыслей, которыми онъ обогатитъ своего героя, какія бы онъ ни дѣлалъ усилія, чтобы увѣрить читателя, что герой его мыслить именно такъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется въ книгѣ—читатель не повѣритъ ему. Онъ скажетъ: я вѣрю только тому, что вижу и въ чемъ убѣждаюсь; я не считаю себя въ правѣ ни одобрять, ни порицать такихъ мыслей, которыя ни въ чемъ себя не проявили, которыя могли заро-

даться случайно и умереть въ слѣдующую минуту послѣ ихъ зарожденія.

Общество, которое въ этомъ смыслѣ можно назвать художникомъ, въ высшемъ значеніи этого слова, именно такъ и поступаетъ. Оно простираетъ свои притязанія на внутренній міръ человѣка только въ той мѣрѣ, въ какой этотъ міръ заявляетъ себя во внѣшности, и награждаетъ или караетъ лишь то, что дѣйствительно обнаружилъ себя добромъ и зломъ. Конечно, нельзя отрицать его права останавливаться и на нѣкоторыхъ частныхъ признакахъ этого внутренняго міра, но, подмѣчая эти частности, оно получаетъ основаніе только для одного и притомъ самаго недостаточнаго изъ всѣхъ актовъ, въ которыхъ выражается способность анализировать и обсуждать человѣческія дѣйствія, а именно: для предчувствія, и много-много для подозрѣнія. Какъ бы ни казалось вѣроятнымъ предчувствіе или подозрѣніе, все-таки оно только вѣроятно, а не достоверно. Отсутствие этой достоверности дѣлаетъ очертанія неясными, вводитъ въ нихъ враждебный элементъ сомнѣнія. Матеріалъ, добытый этимъ невѣрнымъ путемъ, можетъ дать поводъ къ дальнѣйшему изслѣдованію, возбудить желаніе увеличить ту сумму признаковъ, которая отчасти уже собрана, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ достаточнымъ и прочнымъ матеріаломъ для суда. Поэтому общество, обыкновенно столь строгое къ человѣческимъ *дѣйствіямъ*, гораздо болѣе осторожно и осмотрительно относительно человѣческой мысли. Оно знаетъ, что для дѣйствій нѣтъ ни возврата, ни поправки, и что мысль, напротивъ того, воспитывается, развивается и, слѣдовательно, сама себя каждоминутно поправляетъ.

Повторяемъ: приемы истинно-художественной силы и приемы общественнаго суда въ этомъ случаѣ совершенно одинаковы. Какъ та, такъ и другой тогда только дѣйствительно овладѣваютъ своимъ предметомъ, когда изъ области гадательнаго и произвольнаго вступаютъ въ область достоверности. Подтасовать признаки, нанизать ихъ цѣлую нить легко можетъ любой адвокатъ, но ложь этой подтасовки немедленно обнаружится въ тѣхъ перерывахъ, которые *всегда* влечетъ за собой преднамѣренная подтасовка, и которыхъ не наполнить искусство самое кропотливое. Мы знаемъ, что въ азбукахъ найдется довольно всякихъ сентенцій, съ помощью которыхъ можно и возвеличить и убить человѣка, но для этого надобно, чтобы эти сентенціи, по малой мѣрѣ, были предъявлены не въ видѣ истрепанныхъ листочковъ, случайно заблудившихся въ письменномъ столѣ того человѣка, котораго внутренній міръ мы положили себѣ задачей раскрыть.

Посмотримъ же теперь, какія это опасныя мысли, какіе тѣ новые взгляды, которые Волоховъ нигдѣ и ни въ чемъ не высказываетъ, но которые авторъ романа находитъ у него въ головѣ. Не забудемъ при этомъ, что г. Гончаровъ называетъ

Волохова «новымъ апостоломъ», и что, слѣдовательно, онъ придаетъ его мыслямъ и взглядамъ значеніе далеко не шуточное.

Все сказанное по этому случаю г. Гончаровымъ можетъ быть приурочено къ слѣдующимъ девяти пунктамъ: 1) Волоховъ предъявляетъ «взглядъ полнаго дерзкаго отрицанія всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ»; 2) онъ неоснователенъ, зыбокъ, одностороненъ, не умѣетъ «справиться со старой правдой, бросающейся къ новой, добытой имъ безъ борьбы»; 3) онъ вѣритъ какимъ-то новымъ авторитетамъ «безъ имени, безъ прошедшаго, безъ правъ, безъ исторіи»; 4) онъ «развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ и самый процессъ жизни выдавалъ за конечную цѣль ея»; 5) онъ «разложилъ матерію на составныя части и думалъ, что разложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что выражаетъ матерію»; мало того: «угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, давшую эти законы»; 6) онъ закрылъ доступъ въ вѣчность религіознымъ и философскимъ упованіямъ, и «младенческими своими химическими и физическими опытами разрушилъ безсмертіе»; 7) онъ указывалъ на какой-то случайный порядокъ бытія, гдѣ люди толпятся, какъ мошны, мятутся, сталкиваются, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни; 8) онъ требовалъ честности, правды и добра въ жизни, и въ награду за это ничего не обѣщалъ и, наконецъ, 9) онъ совершалъ подлогъ, выдавая за новое ученіе то, что, въ сущности, содержалось и въ старомъ ученіи, изъ котораго онъ взялъ даже всѣ девизы проповѣдуемыхъ имъ добродѣтелей.

Какъ ни увѣсисты обвиненія, изложенныя въ этихъ девяти пунктахъ, но они кажутся таковыми только на первый взглядъ; въ сущности, это не болѣе, какъ дѣтскія разглагольствованія, въ основаніи которыхъ положено безсодержательное и давно уже всѣмъ пріѣвшееся слово «отрицаніе».

Что такое «отрицаніе»? Очевидно, это уличное выраженіе, выдуманное только въ цѣли науку и людямъ, занимающимся изученіемъ явленій природы и жизни. Попробуйте выдти на улицу и сказать первому проходящему, что воздухъ можетъ быть разложенъ на составныя части, — онъ навѣрное отвѣтитъ вамъ: э, какіе вы пустяки городите! Ясно, что въ этомъ случаѣ, прохожій отрицаетъ; онъ отрицаетъ науку, отрицаетъ добытые ею результаты, но въ то же время онъ думаетъ, что защищаетъ, а именно защищаетъ цѣлостность и неприкосновенность воздуха, которымъ онъ дышитъ. А такъ-какъ тутъ все-таки кто-нибудь нѣчто отрицаетъ, то онъ эту роль отрицателя возлагаетъ на ваши плеча, а на свои собственные плеча кладетъ сладкое бремя «спрочнаго, необманчиваго, живаго и вѣрнаго». — Эге! скажетъ, онъ, если можно разложить воздухъ,

стало быть можно разложить и матерію вообще, стало быть нѣтъ тайны, нѣтъ прочнаго, нѣтъ живаго и вѣрнаго! такъ ты вотъ кто! такъ ты, значить, отрицаешь *все!*

Вотъ мудрые глаголы, которые обыкновенно изрекаетъ говорящая улица, и по поводу ихъ мы можемъ только повторить совѣтъ, данный въ началѣ нашей статьи — какъ можно менѣе говорить на улицѣ, и предлагать только самыя необходимыя вопросы, напримѣръ: какъ пройти въ такой-то переулокъ, или на такую-то площадь? Но людямъ, изъявляющимъ притязаніе на мышленіе, и излагающимъ свои философствованія на бумагѣ, необходимо разяснить, въ чемъ собственно заключается та работа мысли, которая въ просторѣчій именуется «отрицаніемъ». Это мы и сдѣлаемъ.

Когда человѣкъ подходитъ къ извѣстному явленію или предмету, то первое и самое естественное его желаніе заключается въ томъ, чтобы познакомиться не только съ наружнымъ его видомъ, но узнать и внутреннія его, составныя, части и качества. Это желаніе является въ немъ совсѣмъ не по капризу, но или вслѣдствіе чувства самосохраненія — такъ-какъ многіе предметы и явленія могутъ быть ядовиты и вредны — или вслѣдствіе потребности извлечь изъ предмета пользу, и тѣмъ увеличить сумму находящихся въ его распоряженіи удобствъ, или, наконецъ, вслѣдствіе потребности болѣе утонченной, побуждающей человѣка удовлетворять своей любознательности. Возьмемъ хоть тотъ же примѣръ о воздухѣ. Человѣкъ замѣчаетъ, что въ одномъ мѣстѣ ему дышется легко, въ другомъ — онъ задыхается и страдаетъ; въ одномъ мѣстѣ свѣча у него горитъ свѣтло, въ другомъ — едва-едва мерцаетъ или совсѣмъ гаснетъ. Это явленіе уже по тому одному не можетъ не интересоваться его, что онъ отъ него терпитъ. Заручившись опытомъ, вынесеннымъ имъ прямо изъ жизни, цѣною страданія собственныхъ легкихъ, онъ невольно приходитъ къ заключенію, что воздухъ не просто воздухъ, а есть въ немъ что-то такое, что дѣлаетъ его инымъ въ одномъ мѣстѣ, и инымъ — въ другомъ. Вотъ это-то первый актъ возбужденной человѣческой мысли и составляетъ то, что на улицѣ слыветъ подъ именемъ отрицанія. Очевидно, однакожъ, что это совсѣмъ не отрицаніе, а именно только первый шагъ къ познанію истины, и что отрицаніемъ приличнѣе было бы, напротивъ того, назвать такой актъ человѣческой мысли, который упорно отказывается отъ познанія истины, который согласенъ, чтобы человѣчество ггло жертвою своего невѣжества, но отнюдь не выходило изъ своего *gar-niente*, отнюдь не смѣло ударить пальцемъ о палецъ. Затѣмъ, когда этотъ первый шагъ сдѣланъ, начинаются уже дѣйствительныя изслѣдованія составныхъ частей воздуха и тѣхъ вліяній, которыя оказываетъ преобладаніе той или другой изъ нихъ. И чѣмъ глубже вдается человѣкъ въ эти изслѣдованія, тѣмъ, разумѣется, дальше удаляется онъ отъ такъ-называемаго «отри-

панія», такъ что подъ конецъ получается уже результатъ на столько *помощительный*, что даже на улицѣ начинаютъ говорить о немъ съ похвалою, какъ это и случилось, на примѣръ, съ нѣкоторыми примѣненіями силы и свойствъ пара.

Но при этомъ дѣло мыслителя нѣрѣдко усложняется еще побочнымъ обстоятельствомъ, неизбѣжнымъ прямого отношенія къ его сущности. Можетъ случиться, что найдутся такіе люди, которые будутъ утверждать, что познаніе истины есть дѣло вредное, потому, дескать, что «умъ за разумъ зайдетъ», или «поспѣвшишь — людей насмѣвшишь», или «много будешь знать — скоро состаришься»; однимъ словомъ, что познаніе одного явленія ведетъ за собою необходимость познанія другаго, затѣмъ третьяго и т. д., а такъ-какъ, дескать, этихъ явленій безконечное множество, то лучше и не трогать ихъ, а жить какъ живетъ. Тогда этимъ людямъ, *отрицающимъ* необходимость элемента сознательности въ человѣческомъ существованіи, приходится *доказывать*, что всякая вновь добытая истина непременно должна принести не вредъ, а пользу, и подтверждать это примѣрами въ родѣ слѣдующихъ: Иванъ, по невѣдѣнію, наѣлся незрѣлыхъ плодовъ и отъ того умеръ; въ то же время, Петръ, знавшій, что смерть можетъ произойти отъ употребленія плодовъ только въ такомъ случаѣ, когда они незрѣлы или ими объѣдаются неумѣренно, съѣлъ точно такое же количество плодовъ, какъ и Иванъ, но зрѣлыхъ, и остался живъ и здоровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такого рода доказательства совершенно необходимы, но нельзя не сознаться, что именно этотъ-то побочный инцидентъ мыслительнаго процесса и навлекаетъ на себя преимущественное негодованіе улицы; ему-то собственно и присвоивается названіе «отрицанія». Уличная толпа обижается въ этомъ случаѣ сугубо, потому что здѣсь предлагается ей не та или другая истина, которую она, взятую безъ связи съ другими истинами, принять по нуждѣ можетъ, а опровергается цѣлое міросозерцаніе, разрушаются тѣ отношенія къ жизни, которыя заповѣданы ей вѣками. Ясно, что она и не можетъ отнестись къ такому дѣйствию иначе, какъ заклеиввъ его словомъ «отрицаніе», но для человѣка непредубѣжденнаго, для человѣка, поставившаго себѣ задачей не играть словомъ, а обращаться съ нимъ уважительно, будетъ опять-таки совершенно безспорно, что тутъ нѣтъ никакого отрицанія, а есть только *доказательство*.

Такимъ образомъ, ясно, что то общее употребленіе, которое дѣлается изъ слова «отрицаніе», есть злоупотребленіе, которое, по обстоятельствамъ и намѣреніямъ лицъ дѣйствующихъ этимъ оружіемъ, можетъ быть и добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ. Оно добросовѣстно, когда эти лица болтаютъ, какъ говорится, зря, сами не понимая о чемъ говорятъ, и недобросовѣстно—когда это дѣлается сознательно и преднамѣренно. Мы будемъ говорить только о злоупотребленіи добросовѣстнымъ.

Исходя изъ того положенія, что всякое стремленіе повѣсть и объяснить явленіе равносильно отрицанію этого самаго явленія, добросовѣстное непониманіе законовъ мышленія приходитъ къ результатамъ весьма сильнымъ. Произвольная и кабалистическая точка зрѣнія не можетъ дать иныхъ выводовъ, кромѣ произвольныхъ же и кабалистическихъ. Отсюда, вопервыхъ, «отрицаніе» начинаетъ именоваться *дерзкимъ*, *вотворныхъ*, съ нимъ связывается *оскорбленіе авторитетовъ*. Сказать о человѣкѣ или о какомъ-нибудь человѣческомъ дѣйствіи, что оно дерзкое — значитъ сказать все, т.-е. все, что можетъ служить ему во вредъ. Даже когда какой-нибудь пѣта говорить: *державъ пѣть*, *державъ* хвалить, то и тутъ онъ рекомендуетъ себя, какъ человѣка строштиваго и безокойнаго. «Державъ пѣть» — это въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ: я, ничтожный и непотребный пѣта, я, червь, а не человѣкъ, до такой степени возмнилъ о себѣ, что изъ низменности, въ которой нахожусь, дерзнулъ обратить взоры на твое, о солнце, сіяніе; но ты простишь мою дерзость ради того, что цѣль ея — похвала. Не даромъ же рассказываютъ анекдотъ, что когда одинъ подчиненный, въ разговорѣ съ начальникомъ, то и дѣло говорилъ: осмѣлюсь доложить, осмѣлюсь заявить, осмѣлюсь представить на благоусмотрѣніе, — то начальникъ, наконецъ, серьёзно обезпечился этимъ, и приказалъ смѣльчаку быть на будущее время скромнѣе. Изъ этого видно, какое значеніе придается слову «дерзкій» на языкѣ общеупотребительномъ. Но что же общаго между этимъ значеніемъ и естественнымъ стремленіемъ человѣческой мысли къ приобрѣтенію знанія? Человѣкъ хочетъ учиться, хочетъ знать, какъ ему поступать, чтобы не отравиться, не задохнуться или инымъ образомъ не пропасть, онъ не грубить, не забіячить — вѣдь за это въ школахъ похвальные листы вѣдаютъ, а вы называете его дерзкимъ! Но вы прибавляете: онъ не признаетъ авторитетовъ, но позвольте, скажите, какихъ именно? Если онъ не признаетъ авторитета улицы, то очень хорошо дѣлаетъ; если не признаетъ и другихъ, повидимому, съ большимъ основаніемъ утвердившихся авторитетовъ, но ложность или сомнительность которыхъ доказана, то также хорошо дѣлаетъ. А такъ-какъ вы никакихъ авторитетовъ все-таки не называете (проглатываете), то очевидно, весь споръ сводится только на то, учтиво или неучтиво отзывается извѣстный субъектъ о томъ или другомъ авторитетѣ. Но ежели вы добиваетесь только учтивости въ отзывахъ, то мы охотно уступимъ вамъ это, но въ возвратъ потребуемъ и отъ васъ такой же учтивости къ людямъ мыслящимъ и ищущимъ, которыхъ вы голословно называете дерзкими похитателями авторитетовъ.

Но вы говорите: у Волохова есть новые авторитеты, ничѣмъ непровѣренные, безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ. Если это авторитеты дѣйствительно «ничѣмъ непровѣренные» — это очень важно. Это значитъ, что это авто-

ритеты уличные, авторитеты Татьяны Марковны, Тычкова, Ватутина и прочей компании. Слово «провърка» представляет тутъ такой же плодъ недоразумѣнія, какъ и множество прочихъ словъ, употребляемыхъ не невѣднью. Авторъ, очевидно, подъ провъркой авторитета разумѣетъ давность ея и заключаетъ, что если известное правило существуетъ давно, то это значить, что оно достаточно провърено. Но это невѣрно. Мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ цѣлыя поколѣнія, живущія подъ гнетомъ одного и того же преданія, и убѣждаемся, что преданіе это предъявляетъ такую живучесть именно потому, что оно никогда не подвергалось процессу провърки. И живетъ оно до тѣхъ поръ, покуда само собой не истощится его содержаніе и не перестанетъ давать людямъ то, что они до поры до времени отъ него получали. Такъ на примѣръ, существовало преданіе, что нужно только вой-какъ вспахать и взбороновать землю и бросить въ нее зерно, чтобы затѣмъ это зерно принесло все то количество хлѣба, какое необходимо на потребу людямъ. И держалось это преданіе до тѣхъ поръ, пока, съ одной стороны, не увеличилось народонаселеніе, а съ другой стороны, земля не истощилась до того, что перестала давать удовлетворительные урожаи. Тогда потребовалась провърка преданія или авторитета, и оказалось, что хотя это преданіе жило весьма достаточно, но жило потому только, что не было надобности въ его провъркѣ. Слѣдовательно, качество достовѣрности не составляетъ неотъемлемой принадлежности старыхъ или новыхъ авторитетовъ, не есть качество особенное, свидѣтельствующее, что съ прилагательными именами надлежитъ обращаться съ большею разборчивостью, нежели та, съ которою обращался поваръ Ноздрева съ ингредиентами стола своего барина. Когда Коперникъ учтивымъ образомъ опровергъ бывшія до него соловечныя системы, и взамѣтъ ихъ далъ новую, то выраженіе «провъренное», конечно, болѣе приличествовало новой, чѣмъ какой либо изъ старыхъ системъ; это фактъ, который отрицать нельзя, подъ опасеніемъ попасть въ число самыхъ отчаянныхъ отрицателей. Затѣмъ, если мы обратимся къ послѣдующимъ выраженіямъ той же тирады: «безъ имени», «безъ исторіи», «безъ прошедшаго», «безъ правъ», то легко поймемъ, что нѣтъ даже большой нужды распространяться объ нихъ. Можемъ прибавить здѣсь только одно: нѣтъ такой новой теоріи, которая не имѣла бы своихъ корней въ исторіи; теоріи берутся не съ печки, а развиваются путемъ историческимъ; это до такой степени вѣрно, что даже для такой диковинной теоріи, какъ теорія безвозвратныхъ денежныхъ займовъ, можно отыскать нѣкоторые историческіе слѣды. Поэтому и авторитетовъ «безъ исторіи» не существуетъ.

Новая правда! старая правда! послѣдняя «бросается въ первую», — первая глумится надъ послѣднею! Какая поразительная картина! какое поразительное зрѣлище великодушія старой

правды и неблагодарной закоснѣлости новой правды! Картина эта, однакожь, существуетъ лишь въ воображеніи талантливаго романиста.

Начать съ того, что выраженіе «новая и старая правда» можетъ быть правильно употреблено только по отношенію къ частнымъ отраслямъ знанія. Но тутъ, однако, нельзя сказать, что старая правда бросается къ новой, а новая глумится надъ старой, а просто слѣдуетъ сказать, что новая правда, воспользовавшись тѣмъ матеріаломъ, которымъ обладала старая правда, и дополнивъ его новыми наблюденіями, замѣнила и вытѣснила старую правду навсегда. Это будетъ не столь поэтично, но точно. Въ этомъ смыслѣ, новая правда астрономіи замѣнила и вытѣснила старую правду астрологій. Что касается до общей правды жизни, то она не старая и не новая, а всегда одна и та же, и складывается изъ тѣхъ итоговъ, которые даетъ новая правда частныхъ отраслей знанія, и той суммы невѣжества, которую противопоставляетъ этой новой правдѣ слишкомъ компактная уличная толпа. Слѣдовательно, тутъ вся правда заключается въ томъ, что одни стоятъ на сторонѣ уличной толпы, а другіе на сторонѣ испытующей мысли. Но если и признать первыхъ сторонниками старой правды, а вторыхъ—поборниками правды новой, то и тогда окажется, что взаимныя ихъ отношенія другъ къ другу совсѣмъ не таковы, какъ представляетъ г. Гончаровъ въ написанной имъ картинѣ. Старая правда не «бросается» къ новой, а напротивъ того, преслѣдуетъ ее всѣми силами, отстаивая свое существованіе; новая правда не глумится надъ старой, но употребляетъ неслыханныя усилія, чтобъ примирить ее съ собою на столько, чтобы, по крайней-мѣрѣ, ей не было сочтено въ преступленіе ея существованіе. Ужели г. Гончарову неизвѣстно это? неужели исторія недостаточно представляетъ доказательствъ, что не только такъ-называемые «безумные новаторы», но даже простые труженики-изобрѣтатели всегда проводили жизнь въ борьбѣ съ лишеніями и нуждой, и только отъ исторіи получали возмездіе за дѣла свои? Если все это неизвѣстно изъ исторіи, то г. Гончарову стоило только обратиться къ собственному своему роману, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Этотъ самый Маркъ Волоховъ, котораго онъ представляетъ новаторомъ, даже не чуждымъ понятій о срочной любви—въ какомъ положеніи онъ находится? Ужели въ лучшемъ, неужели бабушка Наталья Марковна, которая тѣми же преимуществами срочной любви воспользовалась не въ качествѣ новаторки, а въ силу любезнаго уличнаго правила: хочу люблю, хочу — нѣтъ? Или въ лучшемъ, неужели Райскій, который на всѣ роды любви готовъ, лишь бы они не связывали его, а представляли пріятное препровожденіе времени? Нѣтъ, видно, и для Волоховыхъ, несмотря на ихъ дѣтскую несостоятельность, новаторство не дешево достается:

видно, и тутъ «старая» нелѣпость не очень-то охотно бросается въ объятія «новой» ребаческой необдуманности.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Не довольствуясь постановкою обвиненія въ «дерзкомъ отрицаніи», г. Гончаровъ усиливается опредѣлить подробнѣе этого опаснаго явленія. Изъ этихъ усилій выходитъ слѣдующее: если одного общаго мѣста мало, то примемся за тавтологію этого общаго мѣста; быть можетъ, повтореніе сдѣлаетъ нашу рѣчь болѣе убѣдительною.

Однакожь, общее мѣсто всегда остается общимъ мѣстомъ, какъ бы ни были ядовиты его намѣренія. Дальнѣйшее развитіе мысли г. Гончарова заключается въ томъ, что Волоховъ «разложилъ матерію на составныя части, и думалъ, что разложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что выражаетъ матерія», что онъ «физическими и химическими опытами разрушилъ безсмертіе», что онъ указывалъ на какой-то «случайный порядокъ бытія, гдѣ люди толпятся какъ мошки и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни»...

Читаешь, и не вѣришь глазамъ. Химическіе опыты и «безсмертіе души», разложеніе матеріи и «разложеніе того, что она выражаетъ», толпящіяся мошки и «безтолковый процессъ жизни!» Какъ все это укладывается рядомъ? какъ сводится на очную ставку предметы столь разнородные, неимѣющие между собой никакихъ точекъ соприкосновенія?

Увы, читатель! все это слова, слова и слова! Слова, случайно взятая изъ лексикона и поставленная рядомъ по недоразумѣнію. Съ незапамятныхъ временъ производятся физическіе и химическіе опыты, съ незапамятныхъ временъ всѣ усилія испытателей природы направлены къ тому, чтобы разложить матерію—и вотъ оказывается, что всѣ эти усилія имѣютъ секретною цѣлью подкопаться подъ безсмертіе души и уничтожить самую душу! Что дѣлать, скажите, какъ отвратить эту бѣду? Запретить ли химическіе и физическіе опыты, закрыть ли каѳедры естественныхъ наукъ, общества, съѣзды естествоиспытателей, или только заставить физиковъ и химиковъ, для успокоенія подозрительности нашихъ бельетристовъ, оговариваться, при производствѣ опытовъ, что это воистину химическіе и физическіе опыты, а не памфлеты, пущенные противъ безсмертія души? Но вѣдь тогда невозможно будутъ никакія лекціи; если каждое слово надо будетъ приправлять оговорками, то, очевидно, даже самая рѣчь человѣческая до того загромоздится вставками, что сдѣлается совершенно непонятною и по всему лицу земли прекратятся словеса.

Но этого не будетъ, потому что и физикъ и химикъ, производя свои опыты, всего меньше думаютъ о безсмертіи души, а думаютъ о тѣхъ непосредственныхъ результатахъ, которые должны выйти изъ этихъ опытовъ. Какъ не сообразилъ г. Гончаровъ, что вопросъ о безсмертіи души есть вопросъ, принад-

лежаций къ области теологін, остающейся неприкосновенною и совершенно независимою отъ изслѣдованій, дѣлаемыхъ въ области естественныхъ наукъ. Безсмертіе души есть догматъ, который проповѣдывается въ церквахъ, а не въ химическихъ лабораторіяхъ, и это не можетъ быть иначе, потому что въ послѣднихъ онъ былъ бы совсѣмъ неуцѣстенъ. Г. Гончарова, очевидно, ввело въ соблазнъ то, что новѣйшіе фвіологи у жившихъ организмовъ признаютъ душу, и что наши ученые переводятъ трактаты объ этомъ на русскій языкъ; но онъ упустилъ изъ виду, что душа, признаваемая у этихъ животныхъ, есть душа скотская, ни на какое безсмертіе претендующая. Можетъ быть, его соблазнило еще то обстоятельство, что новѣйшая философія все больше и больше отдаетъ предпочтеніе антропологическому принципу передъ метафизическимъ, и что книги объ этомъ также переводятся на русскій языкъ; но антропология говоритъ только о томъ, какими путемъ достигаются человѣку ощущенія, но до безсмертія души опять-таки не касается. Повторяемъ, безсмертіе души составляетъ область особую и непререкаемую. Мы знаемъ множество отличнѣйшихъ химиковъ и фвіологовъ, которые весьма нелѣпно производятъ опыты надъ разложеніемъ и свойствами матеріи, но это нисколько не мѣшаетъ имъ быть ревностными христіанами. Вы скажете, можетъ быть, что это химики благонамѣренные, а есть химики неблагонамѣренные. Прекрасно. Но такъ-какъ химическіе опыты всегда одинаковы, всегда равны себѣ, то, очевидно, что благонамѣренность или неблагонамѣренность лицъ, занимающихся ими, не имѣетъ никакой необходимой связи съ предметомъ ихъ занятія, и зависить совсѣмъ не отъ опытовъ.

Остановить производство опытовъ нельзя; вы сами будете протестовать противъ этого, потому что, безъ этихъ предварительныхъ опытовъ, случись вамъ быть больнымъ, нельзя будетъ разгадать свойства вашего недуга, нельзя будетъ указать средства для его исцѣленія. О чемъ же собственно идетъ рѣчь? О томъ ли, чтобы Волоховъ имѣлъ минуту ребяческаго удовольствія сказать, что онъ химикъ и въ этомъ качествѣ не признаетъ безсмертія души? Съ охотой уступаемъ ему эту минуту, но все-таки не можемъ признать за нимъ качествъ тина, потому что слова его, или лучше сказать, слова, сказанныя за него г. Гончаровымъ, составляютъ только случайную и ничѣмъ неподкрѣпленную выходку, которая ни въ какомъ художественномъ произведеніи основаніемъ для созданія типа служить не можетъ.

Агитируетъ Волоховъ, въ обществѣ Вѣры и попадья, противъ безсмертія души, и въ жару агитаціи забываетъ, что есть вопросъ гораздо болѣе простой и гораздо болѣе близкій: вопросъ о томъ положеніи, въ которомъ онъ самъ находится, и находится, конечно, не по своей волѣ. Мало того: въ жару агитаціи, онъ употребляетъ слова не въ собственномъ ихъ зна-

ченіи. Онъ говоритъ о толпящихся мошкахъ, и называетъ это «безтолковыми процессомъ жизни!» Этотъ физиологъ, химикъ и физикъ не понимаетъ даже, что такой процессъ жизни, для мошекъ, есть, напротивъ, самый толковый; для человѣка же онъ тоже безтолковъ, по той причинѣ, что невозможенъ. Можно, конечно, себѣ представить уличную толпу, кружащуюся, подобно мошварѣ, на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, но нельзя сказать, чтобъ это круженіе могло сдѣлаться жизненнымъ закономъ даже для толпы самой малосмысленной.

Но самый любопытный обвинительный пунктъ противъ Волохова заключается, конечно, въ томъ, что онъ требовалъ честности, правды и добра въ жизни, и за это ничего не обѣщаль. Какъ мы ни усиливаемся угадать, что бы такое могъ обѣщать Волоховъ за честность и правду—угадать не можемъ. Мы склоняемся къ тому убѣжденію, что, въ его положеніи, онъ не могъ обѣщать даже годовато оклада жалованья. Располагалъ ли онъ не только вѣчностью, которую никому изъ смертныхъ располагать не дано, но даже самонадѣйшимъ правомъ обѣщать что-нибудь въ будущемъ? Нѣтъ, потому что вѣчность и награды въ будущей жизни можетъ давать только ученіе, называемое Откровеніемъ. Онъ былъ скромнень; онъ понималъ, что есть сферы, за предѣлы которыхъ переступать человѣку нельзя,—онъ и не переступалъ. Онъ требовалъ, говорите вы, честности, правды и добра въ жизни; но вѣдь это все, чего онъ имѣлъ право требовать, ибо то остальное, о чемъ вы бесѣдуете, прилагается само собою, какъ естественное послѣдствіе честной или безчестной жизни, доброй или злой. Вотъ Вѣра—та мыслить на этотъ счетъ посolidнѣе. Она въ особенности думаетъ о наградахъ и даже, повидимому, знаетъ, когда онѣ даются, ибо говорить о чемъ-то такомъ, что заставляетъ человѣка работать надъ собою, чтобы именно *къ концу жизни* стать лучше и правдивѣе. Однако, по нашему мнѣнію, она думаетъ такъ ошибочно. Дѣйствительно, есть нѣчто такое, что заставляетъ человѣка работать надъ собою, чтобы сдѣлаться честнымъ, добрымъ и правдивымъ, но не только *къ концу жизни*, а и въ продолженіе всей жизни. Слѣдуя теоріи Вѣры, можно попасть въ большой просакъ; ибо извѣстно, что Богъ въ смерти и животѣ человѣка воленъ, и конца жизни никто опредѣлить не можетъ; стало быть, если нравственное очищеніе приготавливать только какъ закуску къ концу жизни, то можно пропустить удобную минуту и умереть неочищеннымъ и непроедѣннымъ. Мы думаемъ даже, что теорія Вѣры во всякомъ случаѣ безнравственнѣе, нежели теорія Волохова; она напоминаетъ раскольничій догматъ: *несоуртшиный не спасется*, на основаніи котораго человѣку предоставляется дѣлать всякія нравственныя безобразія въ чаяніи замолить ихъ. Мы съ охотой соглашаемся, что молитва очищаетъ, но ежели ея цѣль корыстна, если она повторяется только при извѣстныхъ и всегда однородныхъ условіяхъ, то

становится обрядомъ, лишеннымъ внутренняго значенія. Затѣмъ, наступаетъ то *нестовое маханіе*, которому религія не только не придаетъ значенія добродѣтели и подвига, но даже преслѣдуетъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что г. Гончаровъ, желая раскрыть передъ читателями нѣкоторыя стремленія современности, желая ввести ихъ въ область того *несторнаго*, которое, по мнѣнію его, царитъ надъ этими стремленіями, не пошелъ дальше области *недозволеннаго*, которую и смѣшалъ съ невѣрнымъ. Это и понятно, потому что признаки *несторнаго* очень сложны и во всякомъ случаѣ не такъ легко достаются, какъ признаки *недозволеннаго*. Но замѣчательнѣе всего, что даже эту послѣднюю область (достаточно, впрочемъ, обширную) авторъ счужилъ запутать разными соображеніями Вѣры, которыя во всякомъ случаѣ ни для кого не обязательны. Можно до извѣстной степени понять (хотя и трудно), что общество недовѣрчиво смотритъ на химическіе и физическіе опыты, на разложеніе матерій, что оно видитъ въ этомъ «дерзкое отрицаніе всего, отъ начала до конца», и слѣдовательно не слишкомъ поощряетъ подобнаго рода занятія; но что касается до того, какъ думаетъ объ этомъ кузина г. Райскаго, и какихъ она ждетъ для себя отъ того послѣдствій—никому въ голову не придетъ и справиться объ этомъ. Область *недозволеннаго* достаточно велика, но она опредѣлена и это, по крайней-мѣрѣ, избавляетъ отъ недоразумѣній тѣхъ, которые имѣютъ надобность справиться съ нею. Она не запрещаетъ производство химическихъ и физическихъ опытовъ, она допускаетъ разложеніе матерій—вотъ все, что нужно знать. Никто, ни даже хорошенькая Вѣра не въ правѣ искинуировать, что за физическими и химическими опытами скрывается разрушеніе чего-либо другаго, а не невѣжества. Это не ея ума дѣло.

Но если стремленіе къ познанію силъ и свойствъ природы, стремленіе ввести въ жизнь элементъ сознательности можетъ привести только къ гибели, то что же, по крайней-мѣрѣ, можетъ, по мнѣнію Вѣры, спасти насъ отъ оной? А вотъ что: прочное, живое и вѣрное, заключающееся въ старой жизни. Напрасно вы будете искать истолкованія этихъ словъ — въ отвѣтъ вы получите тѣ же слова, или безконечную перестановку ихъ: что такое прочное? — это живое и вѣрное; что такое живое? — это прочное и вѣрное; что такое вѣрное? — это прочное и живое? Почему одно прилагательное поставлено прежде, другое — послѣ?

Темно всюду, глухо всюду,
Быть тутъ чуду, быть тутъ чуду!

Однакожь, не только чуда, но даже и самаго простаго указанія нѣтъ. Взгляните на всѣхъ этихъ людей, которые противопоставлены Волохову (онъ самъ ихъ же поля ягода; но такъ-

как автору непременно хочется сдѣлать изъ него демоническую силу, то мы невольно подчиняемся его намѣренію), и вы увидите, что нѣтъ ничего болѣе непрочнаго, ничего болѣе пораженнаго мертвенностью, болѣе невѣрнаго, нежели ихъ жизнь. Это даже не жизнь, а колеблющіеся шаги или ползанье младенца. Бабушка ползаетъ, Ватутинъ ползаетъ, Райскій ползаетъ — всѣ ползаютъ, всѣ шатаются на угадъ, и нащупавши трапизу, выброшенную людьми сороковыхъ годовъ, воображаютъ, что эта трапиза причина всѣхъ ихъ несчастій. А несчастье ихъ въ томъ-то именно и заключается, что они ничего не видятъ, ничего не сознаютъ, что ихъ дѣйствія безъ начала и безъ конца, что они никогда не знаютъ, куда идутъ, и для чего предпринимаютъ то или другое дѣйствіе. Эту ли жизнь можно назвать прочною, живою и вѣрною?

Но примиримся съ словами; допустимъ, что пустой звукъ можетъ имѣть значеніе, что такіа выраженія, какъ «прочное», «живое» и «вѣрное», могутъ нравиться сами по себѣ. Но вѣдь надобно же наполнить ихъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ содержаніемъ? Какимъ же? — На это мы отвѣтимъ: сознательнымъ отношеніемъ къ природѣ и жизни, стремленіемъ раскрыть законы, управляющіе ими, и умѣнемъ воспользоваться этими открытіями. Вотъ единственный выходъ изъ области ползанія и ощупыванія и единственный способъ найти «прочное», «живое» и «вѣрное».

Защита невѣжества — вещь очень легкая и всегда сочувственная уличной толпѣ, но не думаемъ, чтобы мы находились въ такомъ положеніи, когда подобная защита можетъ считаться даже временно-полезною. Вездѣ она приноситъ только вредъ, и можетъ найти себѣ оправданіе лишь въ глазахъ очень близорукихъ людей; но у насъ она принесетъ вредъ сугубый. Мы такъ недалеко ушли отъ возрѣній «Голубиной книги»; въ нашей уличной статистикѣ числится еще такое множество «цуповъ земли», что чуть ли не каждая губернія считаетъ себя обладательницей своего собственнаго «пуза»; притомъ мы съ такою неохотою расстаемся съ возрѣніями, завѣщанными намъ преданіемъ, съ такимъ принужденіемъ пристаемъ ко всему, что будитъ нашу мысль, что, право, больше, нежели странно укорять насъ въ какой-то разнузданности, въ какомъ-то стремленіи ниспровергать кумиры и разрушать преданія. Бросать камень въ людей за то только, что они *ищутъ*, за то, что они хотятъ стать на дорогѣ познанія, за то, что они *учатся*, и бросать этотъ камень, не давъ себѣ даже предварительно отчета, въ чемъ заключается сущность стремленій этихъ людей — вотъ подвигъ, котораго изловкость и несвоевременность, по нашему мнѣнію, не можетъ подлежать спору.

Къ сожалѣнію, такого рода неловкій и несвоевременный подвигъ совершилъ г. Гончаровъ своимъ романомъ «Обрывъ».

ЖЕНСКІЕ ТИПЫ ШПИЛЬГАГЕНА.

I.

Ни одинъ изъ германскихъ романистовъ не пользовался у насъ такой громадной и вполне заслуженной популярностью, какъ Шпильгагенъ, и ею онъ обязанъ общечеловѣчному значенію своихъ романовъ, такъ широко захватывающихъ всѣ стороны жизни и тѣ вопросы, которые выдвинуты на очередь великой борьбой, проходящей черезъ всю исторію человѣчества. Въ романахъ Шпильгагена отразилась умственная и политическая жизнь Германіи за три послѣднія десятилѣтія во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ фазахъ ея развитія, начиная отъ сороковыхъ годовъ, когда она въ лицѣ своихъ передовыхъ людей начала сознавать всю несостоятельность идеализма съ его титаническими и весьма неопредѣленными стремленіями и первыми слабыми судорожными попытками порывалась разбить завѣщанный ей средними вѣками формы общественнаго быта, которыя она переросла, вплоть до настоящаго времени, когда она изъ заоблачныхъ высей идеализма спускается на твердую почву дѣйствительной жизни и при занимающихся лучахъ дневнаго свѣта приходитъ къ ясному сознанию и собственныхъ силъ и пути, по которому она должна идти.

Германскія женщины не оставались совершенно чужды этому движенію, хотя онѣ не принимали въ немъ дѣятельнаго, самостоятельнаго участія. Роль германскихъ женщинъ была исключительно пассивна: онѣ сочувствовали убѣжденіямъ и стремленіямъ избранниковъ своихъ сердецъ, и, разумѣется, при этомъ самая значительная доля сочувствія падала на самихъ избранниковъ; они шли за ними всюду, куда тѣ ни вели ихъ, жизнь ихъ была вѣрнымъ отраженіемъ жизни тѣхъ, съ кѣмъ онѣ связали свою судьбу. Но это отраженіе не могло пройти безслѣдно для германскихъ женщинъ; измѣняясь сообразно съ каждымъ шагомъ мысли и успѣхами науки, оно вліяло на умственное развитіе ихъ, кругъ воспринимаемыхъ идей расширялся, исключительно пассивная роль перестала удовлетворять ихъ и вмѣстѣ съ чувствомъ неудовлетворительности этой роли явилось стремленіе къ болѣе дѣятельной, и женщины послѣднихъ романовъ Шпильгагена далеко уже не похожи на тѣхъ, которыя встрѣчаются въ первыхъ. Чтобы выяснитъ вполне все вліяніе

этого отраженія, подъ которымъ развивался новый типъ германской женщины, необходимо столько же, если еще не болѣе, говорить о самомъ отраженіи и причинахъ, видоизмѣнявшихъ его, чѣмъ о тѣхъ, которыя воспринимали его.

Первые романы, которыми русская публика познакомилась съ Шпильгагеномъ, были: «Загадочныя природы» и продолженіе: «Изъ мрака къ свѣту». Въ обоихъ романахъ Шпильгагенъ является преимущественно мыслителемъ, который глубоко прослѣдилъ вліяніе германской трансцендентальной философіи, умѣвшей создавать только «Загадочныя природы». Онъ поставилъ эпиграфомъ къ первому роману слова Гёте: «Есть загадочныя природы, которыя не приходятся ни къ одному изъ положеній, въ которыя поставлены, и не удовлетворяются ни однимъ изъ нихъ. Отсюда происходитъ странное противорѣчіе, пожирающее ихъ жизнь безъ наслажденія». Настоящее время произнесло свой безпощадный приговоръ надъ этими людьми съ ихъ «титаническими» силами, не находившими исхода, и необъятными планами, которые они носили въ груди, тратя жизнь на мелочи, съ ихъ гордыми требованіями совершенства отъ жизни и людей и неизбѣжными послѣдствіями этихъ требованій—отвращеніемъ и неспособностью къ жизни. Оно назвало этихъ страдальцевъ, которые вынесли на плечахъ своихъ всю болѣзнь своего вѣка, лишними людьми, а самую болѣзнь отжившей и похороненной! Но не слишкомъ ли оно поторопилось въ послѣднемъ отношеніи? Болѣзнь, сгубившая этихъ людей—идеализмъ, отживаетъ свой вѣкъ, но еще не отжила его, она только утратила свой острый характеръ, и нѣсколькихъ годовъ, какъ пахнуло здоровымъ воздухомъ реализма, далеко еще недостаточно чтобъ совершенно уничтожить ее. Самые безпрестанные толки, которые слышатся во всей Европѣ о реализмѣ въ воспитаніи, въ отношеніяхъ между людьми, въ искусствѣ и наукѣ, доказываютъ, какъ мало еще онъ привился къ жизни: вообще никто такъ много не толкуетъ о здоровьѣ, какъ больные. Если въ наши дни идеализмъ изгоняется изъ искусствъ и науки, то онъ еще долго можетъ продержаться въ обществѣ силою собственной инерціи, которою держатся такъ многія отжившія свой вѣкъ учрежденія, какъ дерево съ подгнившими корнями можетъ еще долго стоять пока разомъ не рухнетъ подъ дружнымъ со всѣхъ сторонъ натискомъ сильныхъ работниковъ. Когда оно рухнетъ тогда увидятъ, какъ глубоко корни его проникли въ почву, подготовленную для него всѣмъ прошедшимъ человѣчества, и тогда настанетъ время болѣе спокойной оцѣнки этихъ людей, и приговоръ, произнесенный надъ ними, будетъ смягченъ, потому что они были одной изъ необходимыхъ переходныхъ ступеней, по которымъ шла человѣческая мысль, и еслибъ они не прошли этой скорбной ступени, то слѣдующему за ними поколѣнію пришлось бы пройти ее.

Взрослая въ идеѣ дуализма, завѣщанной ей древней циви-

лизацией, челоѳъческая мысль носила слѣды ученія, въ которомъ выросла и не могла сразу придти къ ясному и трезвому пониманію природы и жизни. Дуализмъ училъ челоѳъка, что онъ существо, раздѣленное на двѣ половины, изъ которыхъ первая, главная, свободная и независимая — духъ, а вторая, подчиненная ей — тѣло. Весьма естественно, все вниманіе челоѳъка было обращено на главную половину, онъ сталъ изслѣдовать сущность, свойства и законы, управляющіе ею. Проникнувшись убѣжденіемъ, что онъ существо, одаренное свободнымъ духомъ, челоѳъкъ сталъ видѣть себя изъ жизни и признавать себя независимымъ отъ окружающей его среды и времени. И тутъ-то выказалось вполнѣ гибельное вліяніе идеализма. Но основаніи ученія объ абсолютной свободѣ духа легко было построить всевозможныя теории самаго идеальнаго совершенства, и требовать, чтобы челоѳъкъ непременно достигалъ его. Но грубая жизнь, непризнающая никакихъ теорій, крѣпко со всѣхъ сторонъ охватываетъ челоѳъка, онъ продуть ея; она безпрестанно вынуждаетъ у него уступку за уступкой; каждая уступка есть уклоненіе отъ теории идеальнаго совершенства; эти уклоненія идеалистъ не могъ приписать ни чему иному, какъ собственной порочной волѣ челоѳъка, который, имѣя полную возможность стать существомъ совершеннымъ, выказываетъ непонятное пристрастіе къ порокамъ и всевозможнымъ мерзостямъ, и вслѣдствіе этого неприятое чувство, вызванное этими уклоненіями, обрушилось на самаго челоѳъка. Каждая собственная уступка вызывала въ идеалистъ горькое разубѣжденіе въ своемъ челоѳъческомъ достоинствѣ, убійственное сознаніе собственнаго безсилія, разрѣшшія наконецъ презрѣніемъ къ себѣ, отчаяніемъ и полнѣйшей апатіей. Каждая уступка въ другихъ вызывала чувства недовольства, раздраженія, доходившихъ до полнѣйшаго озлобленія, до гадливости, откуда единственный выходъ былъ — бѣгство отъ людей и полное одиночество.

Всего сильнѣе въ челоѳъкѣ потребность наслажденія, счастья, это главное условіе его существованія; всѣ выработанныя челоѳъкомъ учрежденія, семья, государство, всѣ ученія и искусства, наука, все имѣетъ цѣлью отвратить отъ него страданіе и дать ему возможно большую сумму наслажденія. Но идеалистъ поклонникъ духа; духъ, по представленіямъ идеалиста, нѣчто неопредѣленное и безграничное, и только безграничное, необъятное можетъ удовлетворить его. И идеалистъ сталъ требовать отъ жизни невозможно большую, при извѣстныхъ условіяхъ, сумму счастья, ему нужно было счастье полное, безъ малѣйшаго несовершенства. Замѣтивъ малѣйшій недостатокъ въ предметѣ, составлявшемъ цѣль его желаній, онъ съ презрѣніемъ бросалъ его какъ капризный ребенокъ и съ жадностью хватался за другой; онъ такъ переходилъ отъ наслажденія къ наслажденію, пока съ ужасомъ не замѣчалъ наконецъ, что съ каждымъ разомъ испытывалъ все менѣе и менѣе удовлетворенія. Идеалистъ не могъ понять это

чувство утомленія и неудовлетворенности, которое возникает вслѣдъ за наслажденіемъ, эту жажду новаго лучшаго, благодѣтельнаго свойства человѣческой природы, которая не даетъ человѣку останавливаться и засыпать, но какъ могучій рычагъ двигаютъ человѣка впередъ, и счель это чувство утомленія и неудовлетворенности признакомъ бѣдности, ограниченности и безсилія своей природы. Ему хотѣлось, чтобъ способность его ощущать наслажденіе не притуплялась и чтобъ въ жизни, какъ въ волшебной сказкѣ, ношенное платье не изнашивалось и истраченная монета снова шевелилась въ кошелькѣ. Но грубой жизни нѣтъ дѣла до подобныхъ превыспреннихъ требованій, и идеальность, видя какъ кошелекъ его пустѣлъ день отъ дня и платье изнашивалось до лохмотьевъ, принимался глушить и тоскливое ощущеніе этой пустоты, и мучительный стыдъ лохмотьевъ опьяненіемъ чѣмъ бы то ни было: любовью, мечтами, и еще того проще виномъ.

Сознавая неудовлетворительность жизни, идеалисты захотѣли исправить ее, но какъ поклонники духа и наслѣдники ученія о презрѣннѣйшей жизни, вмѣсто того, чтобъ терпѣливо изучить ее со всѣми ея потребностями и силами, и въ ней самой отыскивать средства противъ развѣдавшихъ ее золь, они отвлеченнымъ чистымъ мышленіемъ захотѣли проникнуть въ ея сущность, открыть законы, управлявшіе ею, и на основаніи ихъ построить новую теорію жизни. Но презираемая жизнь сама знаетъ не хотѣла тѣхъ, кто презиралъ ее, она шла своимъ чередомъ, съ своими насущными потребностями, тревогами, страданіями и уродствами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на проносившія надъ нею туманъ идеалистическихъ теорій, изъ которыхъ каждая имѣла претензію быть единой вѣрной и спасающей. Вскорѣ идеалисты запутались въ своихъ теоріяхъ, опровергавшихъ одна другую, и съ ужасомъ увидѣли, что абсолютная истина, которой они искали—страшное ничто: они не могли понять, что сами искали того, чего быть не можетъ, всѣ силы ихъ были изжиты въ этихъ поискахъ, и имъ оставалось одно: сложить руки и отречься отъ воли и жизни. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятія, запирали ихъ все тѣснѣе и тѣснѣе въ заколдованный кругъ безвыходныхъ и бесплодныхъ страданій, которыя разрѣшались наконецъ помѣшательствомъ и самоубійствомъ, физическимъ или нравственнымъ.

Но не одни идеалисты должны нести всю тяжесть упрека въ бесплодности своего существованія; другая и самая большая половина должна пасть на тѣ условія жизни, въ которыя они были поставлены, и политическое положеніе, въ которомъ находилась тогда Европа. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія властители, испуганные нашествіемъ Наполеона, и сознавая, что они съ вучкою своихъ приверженцевъ безсильны поддержать колеблющіеся подъ собой троны, протянули съ самыми торжественными обѣщаніями руку за помощь къ народу. Народъ

откликнулся на ихъ призывъ, онъ не жалѣлъ ни жертвъ, ни крови, чтобъ отстоять отъ чужеземнаго завоевателя эти троны, съ которыми была связана національная независимость. Пришла бѣда, торжественныя обѣщанія были забыты, но народъ не забылъ ихъ. Онъ въ этой борьбѣ созналъ не только свою силу, но и былъ признанъ силою тѣми, которые привыкли смотрѣть на него, какъ на безгласное стадо. Чувство личной независимости выросло изъ чувства націи опальной, герои-освободители отечества не могли снова спуститься до роли безправныхъ рабовъ. Родилось чувство общаго неудовольства, болѣе рѣзкія выраженія котораго глушили въ казематахъ: но можно заставить умолкнуть, или такъ или иначе стереть съ лица земли отдѣльныя личности, а не мысль, — духъ не умираетъ. Отцы передавали свое неудовольство дѣтямъ, которыхъ и безъ словъ научили бы вынесенныя отцами преслѣдованія. Реакція, становясь все безстыднѣе, ростила это неудовольствіе. Слабые падали, сильные озлоблялись. Въ обществѣ прибывало число людей, чьи здоровыя легкія не могли дышать зараженнымъ воздухомъ; они видѣли зло и сознавали свои силы; но эти люди были только призваны, а не избраны; всѣ поприща, на которыхъ могли плодотворно дѣйствовать ихъ силы, были въ рукахъ избранныхъ, купившихъ это избраніе не талантами, не знаніемъ и добросовѣстной подготовкой, а единственно тѣмъ, что появились на свѣтъ съ извѣстнымъ титуломъ или частицей передъ фамиліей. Ограничить свои стремленія и въ узкой рамкѣ, отмежеванной имъ жизнью, работать для лучшаго будущаго, которое не суждено имъ увидѣть, эти люди не сдумѣли: нелегко дается это ограниченіе, за него приходится иногда платиться атрофіей лучшихъ силъ. И вотъ въ своей узкой рамкѣ эти люди, одушевленные своей вѣрой въ идеальную силу правды, которая должна восторжествовать, однимъ словомъ убѣжденія, повели въ одиночку ожесточенную войну съ окружавшей ихъ пошлостью, пока, выбившись изъ силъ, не падали подъ безчисленными и отравленными стрѣлами своихъ мелкихъ враговъ, какъ тотъ школьный учитель съ замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ, о которомъ упоминаетъ Шпиллгегенъ въ этомъ романѣ, и который всю жизнь спорилъ съ пасторомъ, бургомистромъ и прочими деревенскими властями, пока не доспорился до сьумасшедшаго дома. Такихъ идеалистовъ много еще найдется въ наши дни, потому что условія жизни, создавшія ихъ, существуютъ въ той же силѣ. Число больныхъ, которыхъ не исключительно физическія причины загоняютъ въ стѣны сьумасшедшихъ домовъ, увеличивается съ невѣроятной быстротой въ цѣлой Европѣ, и значительный процентъ ихъ составляютъ эти призванные, а не избранные. Неудовольство жизнью растеть день ото дня, не превращающее неудовольство тѣмъ, что надѣванное платье изнашивается и истраченная монета не возвращается въ кошелекъ, но законное

недовольство, честная скорбь о томъ, что жизнь—широкое поле битвы, гдѣ побѣда достается грубой силѣ, гдѣ постоянно раздается варварскій кликъ: «горе слабѣйшему!», гдѣ миліоны должны томиться въ рабствѣ и невѣжествѣ для того, чтобы сотнямъ было привольно жить.

Все мыслящее человѣчество болѣе или менѣе страдаетъ этимъ недовольствомъ, этою скорбью. За примѣрами нечего далеко ходить, ихъ довольно и въ нашей жизни. Очень немного годовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ писателей, слишкомъ рано умершій, представилъ намъ одного заѣденнаго «кладбищенствомъ» героя, котораго `разные всесельные пейзажи жизни доводятъ до торричеліевой пустоты и страшной потребности заливать ее виномъ, а другаго—энергическаго работника, который годами вынесенныхъ лишеній и честнаго неутомимаго труда добивается у жизни одного мѣщанскаго счастья. Лучшіе люди нашего времени излечиваются отъ этой болѣзни трудомъ; за нимъ они забываютъ всѣ противорѣчія жизни и находятъ утѣшеніе своимъ неудовлетвореннымъ стремленіямъ въ сознаніи приносимой пользы. Но этихъ лучшихъ людей немного. Свѣтъ занимающагося дня освѣщается прежде всего вершины горъ, а въ долинахъ все еще стелется, хотя значительно порѣдѣвшій, туманъ идеализма. Всѣ мы, дѣти девятнадцатаго вѣка, болѣе или менѣе долго блуждали въ немъ, и подрастающему поколѣнію придется выбираться изъ него. Идеализмъ легъ въ основѣ воспитанія, онъ съ первыхъ шаговъ ставитъ человѣка въ противорѣчіе съ окружающею его жизнью и съ самимъ собой. Не здоровое понятіе о единствѣ его природы даютъ человѣку, но о томъ, что онъ жертва двухъ враждебныхъ одна другой силъ, которыя тянутъ его въ разныя стороны, и между которыми онъ обреченъ прокляться всю жизнь, какъ маятникъ часовъ; не пониманію жизни, какъ она есть, учать его еще не окрѣпшій умъ, но даютъ ему недостижимые, невозможные идеалы, которые жизнь опровергнетъ на каждомъ шагу. Для большинства эти идеалы пропадаютъ совершенно даромъ, оно никогда не выходитъ изъ круга своихъ обыденныхъ потребностей, заботъ и мелкихъ выгодъ, какъ кроль изъ своей норы, но богато одаренная натура и пытливые умы увлекаются ими. Доказательство тому примѣры изъ нашей жизни. По безпощадности, съ какою Добролюбовъ боролся противъ всѣхъ видовъ «Темнаго царства» и ученія его, видно, что онъ на себѣ испыталъ всю прелесть этого ученія; Писаревъ въ ранней молодости увлекался идеализмомъ и даже мистицизмомъ, который есть крайній идеализмъ и перешелъ на новый путь не безъ борьбы: она была коротка; силы были велики, но она была, потому что только посвянное на пескѣ вырывается легко, не оставляя ни малѣйшаго слѣда. Другимъ, менѣе сильнымъ приходится и долго еще придется, вступая въ жизнь, не тотчасъ приложить къ дѣлу непочатая силы, но потратить часть ихъ

на борьбу съ призраками. Утѣшительно тутъ одно, что исходъ этой борьбы несомнѣненъ, и несомнѣнность эта служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что идеализмъ отживаетъ свой вѣкъ, что бы тамъ ни говорили его защитники. Когда ученіе, прежде наполнявшее всю жизнь человѣка, становится лишь переходнымъ моментомъ его развитія, это вѣрный признакъ наступающаго паденія этого ученія, начало его конца.

Начало этого конца всего менѣе предвидится у женщинъ, такъ-какъ онѣ, вслѣдствіе своего замкнутого положенія и недостаточности образованія, представляли постоянно консервативный элементъ въ новѣйшей цивилизаціи, изъ чего защитники умственного застоя и крѣпостничества женщины, принимая неизбѣжныя послѣдствія ихъ положенія и развитія за неизмѣнный и основной законъ женской природы, заключили, что назначеніе женщины въ обществѣ быть хранительницею преданій. И надо сознаться, что женщины, за немногими исключеніями, оставались неизмѣнно вѣрны этому назначенію: онѣ были усердными хранительницами преданій какихъ бы то ни было, и идеалистическій туманъ, хотя несравненно менѣе остраго свойства, зато несравненно крѣпче, держится въ ихъ головахъ. Вся жизнь ихъ такъ сложилась, чтобы загонять ихъ въ міръ заоблачныхъ мечтаній и идеальныхъ стремленій; этотъ же дуализмъ, ставившій человѣка въ противорѣчіе съ самимъ собой и дающій ему недостижимые идеалы, лежитъ въ основѣ ихъ воспитанія, а вліяніе мужчинъ не давало имъ, до сихъ-поръ, выйти изъ этого міра противорѣчій. Что бы ни говорили идеалисты о вдохновляющемъ и смягчающемъ вліяніи женщины, оно сильно только надъ отдѣльными личностями, и нѣсколькихъ случаевъ, когда женщина съ характеромъ забирала въ руки безхарактернаго мужчину или женщина, ставшая выше уровня своего пола красотой и любовью увлекала мужчину на дорогу, по которой у того не хватило бы силъ идти одному, не доказываютъ рѣшительно ничего; это единичные факты, пропадавшіе безслѣдно для всего строя женской жизни. Онѣ опредѣлялся вполнѣ волей и требованіями мужчины, потому что тотъ, въ чьихъ рукахъ и ответственная и матеріальная сила, будетъ всегда господиномъ. Мужчина установилъ законы, закрѣпляющіе жизнь женщины; онѣ опредѣляли и норму ея воспитанія и идеалъ той подруги, которая нужна ему въ данную минуту. И надо всѣми этими идеальными требованіями, лежалъ далеко неидеальный вопросъ о кускѣ хлѣба и содержанія—вопросъ, такъ мѣтко поставленный нашей народной мудростью въ этихъ немногихъ словахъ: «у васъ товаръ, у насъ купецъ». Фабриканты товара должны весьма естественно хлопотать о томъ, чтобы товаръ сходилъ съ рукъ, и потому выдѣлывать его того сорта и той доброты, которые требовались купцомъ. До нашего времени, когда взглядъ на подобныя отношенія сталъ измѣняться и то въ извѣстномъ слѣдствіи общества, купцы постоянно предъявляли слѣдующія требованія.

Взявъ себѣ на долю всѣ стороны жизни, науку, трудъ, борьбу, они въ женщинахъ искали только утѣшенія, отдыха и наслажденія; имъ нужны были помощницы, любящія, покорныя сочувствующія, на которыхъ они могли бы свалить всѣ заботы о своемъ комфортѣ, нужны были благоухающіе цвѣты для украшенія жизни, чистыя, неземныя созданія, которыхъ они первые научили бы слову любви, для того, чтобъ наслажденіе ихъ было полнѣе. Вслѣдствіе этихъ требованій все воспитаніе женщины было направлено на то, чтобы сдѣлать изъ нихъ эти благоухающіе цвѣты, неземныя, чистыя созданія, этихъ любящихъ, кроткихъ подругъ. Въ нихъ съ дѣтства ревностно подавляли малѣйшій порывъ энергій, малѣйшую самобытность, внушали покорность и кротость, какъ первыя добродѣтели; въ нихъ упорно заглашляли малѣйшее стремленіе ко всему выходящему за рамки ихъ жизни, каждое поползновеніе стать чѣмъ инымъ кромѣ благоухающаго цвѣтка. «Къ чему тебѣ это?» былъ постоянный отвѣтъ, который приходилось слышать каждой дѣвушкѣ, когда пытливый умъ заставлялъ ее спрашивать о тѣхъ сторонахъ жизни, знаніе которыхъ не входило въ спросъ купцовъ. Для охраненія ихъ чистоты и невинности, которыя такъ цѣнились купцами-идеалистами, ихъ заботливо растили въ дѣтскомъ невѣдѣніи жизни, скрывали все, что въ ней есть мрака, грязи и зла, знаніе которыхъ могло бы запятнать эту идеальную чистоту. Подобное воспитаніе пропадало даромъ для практическихъ натуръ изъ тѣхъ, которыя неспособны видѣть далѣе своей норки, но зато какъ нельзя лучше умѣютъ устроить себѣ эту норку съ возможно-большимъ комфортомъ; онѣ видѣли въ талантахъ и идеальной чистотѣ отличную приманку, чтобъ привлечь купца богаче. Но на честныя и даровитыя природы подобное воспитаніе имѣло самое губительное вліяніе и оставляло неизгладимыя слѣды на всю жизнь. Онѣ принимали на вѣру эти идеалы безграничной любви, кротости, нѣжности, чистоты и правды; въ нихъ развивалась жалкая неувѣренность въ собственныхъ силахъ и потребность постоянно опираться на чужую руку; дряблая чувствительность, проливающая слезы надъ жертвой и нѣмьющая передъ мучителемъ, чистота, которая способна лишь брезгливо отвернуться отъ жизни, и это брезгливое чувство забыть въ созерцаніи идеаловъ небесныхъ и земныхъ, хотя это созерцаніе не мѣшало ни мало этимъ ангельски-чистымъ созданіямъ захлунуть, когда на нихъ попадала капля житейской грязи. Чѣмъ менѣе развитъ въ человѣкѣ трезвый, здоровый взглядъ на жизнь, тѣмъ сильнѣе въ немъ воображеніе; доказательство тому—дѣти: осѣдлавъ палочку, они вполне счастливы, воображая, что подгоняютъ живую лошадь или прижимаютъ кулаку къ груди съ такой любовью, какъ будто эта была живая малютка. И женщины въ этомъ отношеніи недалеко ушли отъ дѣтей; онѣ отличались постоянно необыкновеннымъ искусствомъ создавать себѣ цѣлую жизнь мечтами изъ бездушныхъ куколъ, дѣлать

себѣ героевъ, на которыхъ тратили всѣ сокровища своей безпредѣльной любви, и убѣждались въ ошибкѣ, когда было слишкомъ поздно исправить ее, и имъ оставалось только горько оплакивать свою разбитую жизнь, потому что воля мужчины отняла у нихъ всякій выходъ изъ тѣснаго міра любви. Чѣмъ ограниченнѣе кругъ, въ который поставленъ человекъ, тѣмъ большаго требуетъ онъ отъ этого круга; чѣмъ менѣе сторонъ жизни открыты для него, тѣмъ крѣпче держится онъ за тѣ, которыя доступны ему, тѣмъ тяжелѣе ему вынести сознаніе, что онъ обманулся въ нихъ, тѣмъ страшнѣе для него, когда этотъ тѣсный кругъ закрывается для него навсегда, за этимъ кругомъ у него не остается ничего въ жизни. А рѣдкой женщинѣ, благодаря идеаламъ неземной чистоты, правды безграничной любви, не приходилось горько обмануться въ единственно доступной ей жизни. Прикрѣпленіе къ чужой жизни, избавивъ ихъ отъ заботъ о своемъ содержаніи, отняло у нихъ возможность даже тѣхъ соприкосновеній съ дѣйствительной жизнью, которыхъ не можетъ избѣжать даже самый отпѣтый идеалистъ, затворившійся въ гордомъ одиночествѣ; и для тѣхъ женщинъ, которыя неспособны видѣть цѣль жизни въ страсти и содержаніи домашняго порядка, оставался полнѣйшій досугъ предаваться всевозможнымъ идеальнымъ стремленіямъ. Впрочемъ, эти стремленія не заставляли ихъ пытаться проникнуть въ сущность всего сущаго, и разгадывать тайну абсолютной истины; имъ не пришлось въ ужасѣ увидѣть за этой тайной ничто, и вслѣдъ за этимъ открытіемъ сложить руки, что было бы для нихъ. сверхъ того, положительно невозможно, по той простой причинѣ, что онѣ никогда и не разжимали ихъ. Эти высшія стремленія не переходили никогда за міръ семьи и міръ внутренней жизни. Женскій идеализмъ ограничивался презрѣніемъ будничной жизни съ ея прозаическими потребностями, мечтами о жизни поэтической, чистой, прекрасной и любовной, тоскою о томъ, зачѣмъ люди не ангелы чистоты, правды, добра, и требованіями этой ангельской чистоты, нѣжности, правды отъ самихъ себя, отъ всѣхъ окружающихъ, и всего болѣе отъ избранниковъ своихъ сердецъ, которые, сверхъ того, должны были быть образцами вѣчной пламенной, безпредѣльной любви и нечеловѣческаго героизма. Женскій идеализмъ имѣлъ въ Германіи, этой родинѣ идеализма, своихъ жертвъ и добровольныхъ мученицъ: одна плаксиная поэтесса утопилась оттого, что жизнь такъ далека отъ того идеала правды, добра, чистоты, возвышенныхъ помисловъ и самоотверженной вѣчной любви, который она носила въ груди своей; другая, не поэтесса, но жена плохаго стихокропателя, воображивъ, что онъ призванъ быть великимъ поэтомъ, и что только прозаическая семейная жизнь запутала его талантъ, убила себя, чтобы освободить его отъ этой прозаической жизни и, потряса его этой катастрофой, пробудить въ немъ заглушенный гений поэзіи. За этими рѣзко выдающимися личностями таятся не-

скончаемая вереница чахоточныхъ героинь съ кроткими угасающими взглядами и печальною улыбкою на блѣдныхъ губахъ, поэтическую прелесть которыхъ воспѣвали столько поэтовъ и патетично описывали романисты, и которая изнывала среди грубой жизни, пока смерть не принимала ихъ въ свои холодныя и успокоительныя объятія. Только въ недавніе годы это изнываніе о томъ, что жизнь недовольно чиста, нѣжна, любезна и прекрасна, перешло въ сознательное недовольство условіями ея, и женщины, жизнь которыхъ была и нѣжна, и любовна, и прекрасна, увидѣли, что этой нѣжности, любви и красоты далеко недостаточно для нихъ. Впрочемъ, это чувство недовольства было весьма ограниченнаго и смиреннаго свойства; оно не выскзалось въ нихъ нивакимъ общимъ протестомъ противъ этихъ условій, не заставило сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага. На женщинъ, по выраженію Гончарова, брызнула одна капля изъ отравленной чаши міровой скорби; онѣ не выжили ее до дна, разные «веселенькіе пейзажики» жизни не довели ихъ до «кладбищенства», эта болѣзнь была не дамская. Вотъ отчего въ числѣ загадочныхъ натуръ Шпильгагена нѣтъ женщинъ, и въ героиняхъ его можно отыскать лишь слабыя намеки на загадочность.

II.

Мелита фонъ-Берковъ—одна изъ главныхъ героинь романа, въ которой всего яснѣе видны намеки на загадочность. Мелита — поэтическая и вполнѣ женственная натура и за то пользуется особенной симпатіей автора, который въ женственности видитъ главное достоинство женщины. Она — умная, страстная и очаровательная красавица, вполнѣ способная внушить ту безумную, опьяняющую любовь, которой такъ искали загадочныя природы, чтобъ забыться отъ противорѣчій жизни. Какъ натура женственная, она не можетъ быть самостоятельна и вполнѣ подчиняется чужому вліянію; но какъ натура чуткая, она умѣетъ выбирать его и подчиняется только вліянію лучшихъ людей, а такими, несмотря на всѣ ихъ ошибки, были загадочныя природы, и потому на ней вполнѣ отразилась вся двойственность этихъ натуръ. Она въ нравственномъ мірѣ принадлежитъ къ тому переходному возрасту, про который говорится: отъ маленькихъ отсталъ, къ большимъ не присталъ. Это возрастъ броженія неустоявшихся силъ, въ немъ та же неопредѣленность стремленій и та же тревога, въ немъ и разрывъ съ прошедшимъ и неизвѣстность будущаго. Человѣкъ въ этомъ возрастѣ не можетъ не признать очевиднаго факта, что онъ головой переросъ дѣтей; у него нѣтъ болѣе ничего общаго съ ними, ихъ мелкія радости, печали, дѣли, перестали занимать его; онъ чувствуетъ въ себѣ потребность другихъ, болѣе крупныхъ, болѣе осмысленныхъ, но умъ его не на столько окрѣпъ еще, чтобъ указать

ему, гдѣ и въ чемъ искать ихъ; а между тѣмъ день ото дня прибываютъ въ груди его молодныя силы, которыя просятъ выхода, и все тревожище закипаетъ въ немъ жажда жизни; но жизнь для него закрытая книга, и силы тратятся на заманчивыя и таинственныя догадки о содержаніи этой книги. Мелита по развитію своему цѣлой головой выше женщинъ своего круга, которыя тратятъ жизнь въ пустѣйшихъ забавахъ, сплетняхъ, пошлыхъ интригахъ и готовы выцарапать другъ другу глаза изъ-за лишняго поклонника, разумѣется, не выходя изъ границъ свѣтскихъ приличій. Ей противны пустоголовые молодые люди этого круга съ ихъ «красивыми лицами, которыя такъ же плоски и бездушны, какъ морды ихъ красивыхъ лошадей и собакъ», тѣ самые молодые люди, изъ которыхъ другія женщины выбираютъ себѣ любовниковъ, чтобъ утѣшиться въ горькой необходимости выйти замужъ за какого-нибудь урода или пьяницу ради династическихъ интересовъ своего рода и собственнаго устройства. Ей противенъ весь строй этой жизни съ ея грубымъ невѣжествомъ, предрасудками, и презрѣніемъ ко всему, что не носитъ громкаго титула, съ ея тупоумной ненавистію и беспощаднымъ гоненіемъ каждой свѣтлой мысли. Она сдумала остаться чистой среди этой грязи и разврата, и авторъ много и красиво говоритъ о чистотѣ ея, внушавшей благоговѣніе, но эта чистота — листъ бѣлой бумаги, на которомъ нѣтъ ни одного пятна грязи, но за то и не вписано ни одного слова. Мелита, какъ вполне женственная натура, не желаетъ вписать на этотъ листъ ничего кромѣ любви, которой она не знала, несмотря на то, что ей уже тридцать лѣтъ. Безпутный отецъ продалъ ее въ уплату карточного долга развратнику Беркову, который сошелъ съ ума отъ послѣдствій своей жизни и отъ отчаянія, что не могъ добиться ея любви; впрочемъ, продалъ ее не насильно, но, валяясь въ ногахъ ея, слезно умолялъ спасти его отъ позора не уплатить «долгъ чести», который отыгралъ послѣ свадьбы дочери, и молодая дѣвушка, неимѣвшая понятія о жизни, сочла своимъ долгомъ спасти валявшагося въ ногахъ родителя. Любовь — одна изъ настоятельныхъ и естественныхъ потребностей человѣческой природы, и отсутствіе ея заставляетъ человѣка ощущать по временамъ чувство неудовлетворенности и холода, но для идеальности, какою была Мелита, это отсутствіе было страшнымъ несчаціемъ, жизнь безъ любви была для нея пустыней. Мелита пыталась заглушить мучительное ощущеніе этой пустоты путешествіями, искусствомъ, религіозными увлеченіями, въ которыя кидаются обыкновенно тѣ, кого обманула надежда на любовь. Лютеранство, эта сдѣлка разума съ вѣрой, съ его холоднымъ култомъ и нескончаемыми проповѣдями, не могло удовлетворить ея страстную натурѣ, которая стремилась къ цѣлости, полнотѣ и красотѣ. Въ Римѣ Мелита готова была перейти въ католицизмъ, который удовлетворялъ этимъ стремленіямъ строгой послѣдовательностію своей и льстилъ ея арти-

стическому вкусу красивой и поэтической обстановкой, но во время догадалась, что эта красивая, говорящая чувству обстановка — цвѣты на гробѣ, позолота, прикрывающая отречение отъ жизни. Въ Парижѣ она увидѣла статую Венеры Милосской, и «сбогиня красоты сдѣлалась ея божествомъ». Она заказала себѣ копію со статуи, устроила себѣ поэтическую келью, въ которой спасалась отъ грязи жизни и молилась своему божеству. Кромѣ этого моленія, она развлекалась филантропіей, ухаживала за больными, когда они были интересны. Какъ красавица цыганка, подобранная въ лѣсу, увлекалась либеральными идеями, интересовалась наукой, но все это были лишь невыяснившіяся стремленія натуры, отставшей отъ маленькихъ, броженіе силъ, немѣвнихъ единственнаго указаннаго имъ изъ жизни выхода; либеральныя увлеченія ея не высказались никакимъ дѣломъ, не сдѣлались цѣлью ея жизни, не затушили въ ней ни томительную скуку, ни мучительное ощущеніе пустоты ея жизни. Ощущеніемъ этой пустоты и этой томительной скукой, которыя народъ въ своемъ грубомъ пониманіи жизни такъ невѣжливо опредѣлялъ поговоркой «съ жиру бѣсятся», раслачивается старшая братья за то, что ей не приходится въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой какъ младшей, и эта скука, это ощущеніе пустоты перебѣдаютъ жизнь такъ же, какъ и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ — этотъ бичъ жизни работника. Если для сильныхъ, богато одаренныхъ натуръ, способныхъ сдѣлать что нибудь замѣчательное, необходимо обезпеченіе, чтобы забота о кускѣ хлѣба не отвлекала ихъ силы отъ дѣла, то для такихъ натуръ, какъ Мелита, отставшихъ отъ маленькихъ и непроставшихъ къ большимъ, это обезпеченіе положительно вредно. Трудъ избавилъ бы ихъ отъ мучительнаго сознанія пустоты жизни, борьба изъ-за куска хлѣба дала бы исходъ бродившимъ въ нихъ силамъ, потраченнымъ на разныя мистическія и идеалистическія увлеченія, и не задавила бы ихъ, какъ задавила бы маленькихъ.

Но у нея былъ сынъ и она желала любви! Что за безнравственная женщина! Женщина должна жить для дѣтей. Имъ посвятить жизнь! воскликнуть высоконравственныя фарисейки, которыя такъ усердно вваливаютъ на плечи другихъ бремена неудобноносимыя. Но жизнь постоянно и зло осмѣиваетъ всѣ эти высоконравственныя сентенціи. Разсмотрите жизнь каждой матери, которая увѣряетъ, что живетъ только для дѣтей, и вы увидите, что она столько же, если еще и не больше живетъ для свѣта, для своихъ привычекъ и удовольствій; — дѣти одна изъ сторонъ ея жизни, а одна сторона не можетъ замѣнить собой остальные; и когда она будетъ поставлена въ необходимость выбирать между этими сторонами и ей придется жить исключительно для дѣтей, то она станетъ такъ жить, что для блага дѣтей надо будетъ пожелать, чтобъ она вовсе не жила для нихъ; въ замѣнъ своей жизни, посвященной дѣтямъ, она ста-

нетъ считать дѣтскую жизнь своей собственностію, и жертвы, которыя принесеть дѣтямъ, взмскивать съ нихъ съ жидовскими процентами. Тѣ же чадолюбивыя маменьки, у которыхъ всего одна сторона въ жизни, дѣти, чья жизнь безъ всякихъ жертвъ поглощается этой стороною, вообще неспособны возвыситься надъ любовью самки къ своему дѣтищу. Есть разумная, святая любовь матери, которая учитъ женщину приготовить честнаго работника для жизни, и въ этомъ, единственно доступномъ ей дѣлѣ, забыть о сторонахъ жизни, закрытыхъ для нея; но эти матери никогда не скажутъ, что женщина должна жить исключительно для дѣтей; онѣ знаютъ, что одна сторона жизни не можетъ замѣнить другія, что одна связь, какъ бы она крѣпка ни была, не должна поглотить всего человѣка; эти женщины не бросятъ въ Мелиту камень за то, что она осмѣливалась желать въ жизни другаго, кромѣ счастья быть матерью, но пожалѣютъ только, что всѣ ея желанія не привели ее ни къ чему. Къ тому же отношенія Мелиты къ сыну могли наполнить только незначительную часть ея времени: онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда считается необходимымъ отдавать мальчика въ руки мужчины, и приласкавъ ребенка и повѣривъ его успѣхи, ей оставался полный досугъ томиться жадной любви. Въ женскую жажду любви входитъ очень много другихъ, совершенно постороннихъ ей побужденій, равно законныхъ и несравненно болѣе широкыхъ, чѣмъ потребность любви. Чѣмъ выше стоитъ женщина по развитію, тѣмъ сильнѣе въ ней потребность жизни, болѣе полной, осмысленной, чѣмъ та, которою она живетъ, тѣмъ болѣе въ ней бродитъ сила, которыя ждуть только слова, чтобъ развиться богато. Въ иныхъ женщинахъ это чувство сознательное, но жизнь ихъ такъ сложилась, чтобъ отнять у нихъ всякую надежду достичь этой лучшей осмысленной жизни своими силами; общество, воспитаніе и къ довершенію всего романисты, у которыхъ онѣ ищутъ образовъ жизни, и мыслители, къ которымъ онѣ обращаются за совѣтомъ, всѣ, — за весьма немногими исключениями, наперерывъ повторяютъ имъ, что онѣ сами собой, безъ помощи мужчины, безсилны выйти на дорогу къ этой жизни, сами собой найти это слово. И вотъ онѣ ждуть съ мучительной тоской, когда явится имъ учитель въ образѣ любимаго человѣка, который укажетъ имъ эту дорогу и скажетъ это слово. Въ другихъ женщинахъ, какъ въ Мелитѣ, все это бродитъ бессознательно: измученная пошлостью и грязью окружающей ихъ жизни, онѣ готовы кинуться въ объятія перваго, кто чистъ отъ этой пошлости и грязи, кто первый похожъ на человѣка среди молодежи, «лица которой такъ же плоски и бездушны, какъ лица собакъ и лошадей»; онѣ рады отдать этому человѣку всю свою жизнь для того, чтобъ послѣ первыхъ минутъ опьяняющаго счастья спросить себя: неужли все тутъ и больше для меня ничего не будетъ, кромѣ этой любви и этого счастья? Мелита, какъ отставшая отъ малень-

нихъ, непремѣнно задала бы себѣ этотъ вопросъ, еслибъ любимый человѣкъ не предупредилъ возможность его измѣной. Встрѣтъ она въ эти минуты тревожнаго ожиданія человѣка, который повелъ бы ее въ міръ мысли и дѣятельнаго добра, она пошла бы за нимъ съ восторгомъ всюду, куда бы онъ ни повелъ ее, но она встрѣтила Освальда Штейна.

Штейнъ—представитель загадочныхъ натуръ изъ бюргеровъ. потому что каждое сословіе, аристократовъ, ученыхъ и мѣщанъ, имѣетъ своего представителя въ этомъ романѣ, исключая народа, которому въ его борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба было не до загадочности, и въ жизни котораго не было противорѣчій, а была одна безысходная нужда, да тяжелый неблагодарный трудъ. Согласно эпиграфу романа, жизнь Штейна сложилась изъ противорѣчій, «главные факторы, изъ которыхъ выработывается человѣкъ — природныя наклонности и воспитаніе — были у него въ постоянномъ разладѣ». Штейнъ считаетъ себя сыномъ честнаго ученаго изъ бюргеровъ, но онъ незаконный сынъ аристократа Гаральда Гренвича, прозваннаго буйнымъ Гаральдомъ, и Маріи Монбергъ, воспитанницы этого ученаго, которую буйный Гаральдъ обманулъ подлой комедіей и безчеловѣчнымъ обращеніемъ заставилъ бѣжать беременную, чтобъ спасти ребенка. Штейнъ наслѣдовалъ отъ отца горячую кровь и его жажду наслажденій, которая высказывается въ ребенкѣ любовью къ свѣтлымъ красотамъ природы, красивымъ товарищамъ, красивой одеждѣ, и къ тѣмъ людямъ, чья жизнь была изящнѣе и красивѣе, наклонности, которыя были ненавистны его воспитателю, аскету и мизантропу. Воспитатель не притѣснялъ его и любилъ по своему, но ребенокъ зналъ, что онъ невольно оскорблялъ наклонностями своими того, кого считалъ своимъ отцомъ, и старался примѣниться къ чужой жизни. Примѣняться къ чужой жизни, значить подавлять свои наклонности, ломать, насиловать свою природу, и результатъ этихъ примѣненій всегда одинъ — чувство недовольства, страданія. Страданіе — далеко непріятное чувство, хотя поэты и увѣряли, что есть блаженство въ страданіи и что они собственно затѣмъ и хотѣли жить, чтобъ мыслить и страдать; и когда мы видимъ, что человѣкъ добровольно выбираетъ его, то онъ подчиняется лишь печальной необходимости выбрать изъ двухъ золъ меньшее, и всегда будетъ по возможности стараться облегчить себѣ послѣдствія своего выбора. Для юноши съ наклонностью къ поэзіи какъ Штейнъ и запертому въ келью аскета, единственно доступное облегченіе были — мечтанія, и въ этихъ снахъ на яву онъ сталъ ловить призракъ жизни, какъ мусульманинъ ловить его въ хашишъ и опиумъ. Послѣдствія этого умственнаго пьянства тѣ же, что и физическаго — безсиліе и отвращеніе къ обыденной жизни. Сверхъ того мизантропія и скептицизмъ отца усиливали двойственность жизни юноши. Мизантропы и скептики—плохіе руководители юношества; дѣло воспитателя приго-

готовить работника для жизни, а какого работника может приготовить тотъ, кто не вѣритъ ни въ жизнь, ни въ человѣчество? Изъ рукъ такого воспитателя Штейнъ выходитъ изломаннымъ человѣкомъ, и въ тѣ года, когда въ человѣкѣ должны кипѣть свѣжія, непочатая силы, онъ чувствуетъ себя старикомъ. Онъ смѣется надъ ребяческими увлеченіями своихъ университетскихъ товарищей и отдается тѣмъ же увлеченіямъ; онъ мечтаетъ о подвигахъ, о свободѣ и равенствѣ, но не дѣлаетъ ни шага для этой свободы; онъ ненавидитъ аристократовъ «честной ненавистью плебея къ патрицію и паріи къ брамину», и поступаетъ домашнимъ учителемъ къ аристократамъ, по совѣту своего учителя — профессора Бергера. Бергеръ — загадочная натура, представитель ученыхъ, но натура несравненно болѣе энергическая и гениальная, чѣмъ Штейнъ. Онъ пытался бороться, и за эту борьбу заплатилъ пятилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости и запрещеніемъ своей книги въ Германіи, для которой она была написана; вида невозможность политической борьбы, онъ кинулся въ науку, и потративъ всю жизнь на отысканіе абсолютной истины, съ ужасомъ увидѣлъ, что эта истина — ничто, и Бергеръ, измученный и побѣжденный боецъ, убѣдившійся своею только въ собственномъ безсиліи и потому передающій свое оружіе молодому и сильному товарищу, но и въ ненужности борьбы вообще и ничтожествѣ жизни. Вліяніе его на Штейна было гибельно; въ своей отеческой заботливости онъ захотѣлъ избавить ученика своего отъ мучительныхъ поисковъ истины, на которые потратилъ всю жизнь, и послѣшилъ передать ему безотрадные выводы, къ которымъ пришелъ. Но какъ въ Штейнѣ оставалось еще настолько здороваго чувства, чтобъ возмутиться этими выводами, то Бергеръ посовѣтовалъ ему, чтобы вполне убѣдиться въ пустотѣ и безобразіи жизни, взять мѣсто домашняго учителя у аристократовъ. «Узнайте свѣтъ — поучалъ Бергеръ — чтобъ убѣдиться, какъ совершенно правы люди, когда любятъ собакъ. Все равно, куда вы ни пойдете, на востокъ или на западъ, вездѣ одно и то же. Жизнь есть повѣсть Балзака «*Illusions perdues*», и чѣмъ короче повѣсть, тѣмъ лучше»; и Штейнъ, повинувшись учителю, спѣшилъ занести на страницы своей жизни пустоту и безобразіе высокоблагородныхъ Гренвицевъ. Эта раззолоченная пустота и безобразіе скоро убѣждаютъ Штейна не только въ ничтожествѣ жизни вообще, но и въ собственной несостоятельности. Раззолоченная рамка этой пустоты и безобразія начинаетъ соблазнять его. Авторъ приписываетъ это увлеченіе Штейна роскошью исключительно его аристократической крови, но онъ заходитъ слишкомъ далеко. Вопросъ о наследственности далеко еще не уясненъ наукой, хотя самая наследственность — фактъ, неподверженный сомнѣнію. Доказано, что устройство органовъ глаза, болѣе или менѣе воспримчивыхъ къ оттѣнкамъ цвѣтовъ, изгибамъ и прямизнѣ линій и правильности формъ, слуховые нервы, болѣе или

менѣе способные уловлять различіе и переливы звуковъ, такъ-называемое музыкальное ухо, передаются отъ родителей дѣтямъ; доказано тоже, что мозгъ дѣтей, родившихся отъ нѣсколькихъ поколѣній, привыкшихъ къ умственному труду, болѣе способенъ къ быстрымъ соображеніямъ и усвоенію новыхъ понятій, чѣмъ мозгъ тѣхъ, чьи предки занимались однимъ физическимъ трудомъ; но при этомъ невозможно въ точности опредѣлить вліяніе наслѣдственности и вліянія той среды, въ которой развивался ребѣнокъ, равно и степень, въ какой высказалось бы вліяніе наслѣдственности, еслибы тотчасъ по рожденіи дѣтей заставили обмѣняться средой. Не одна аристократическая кровь могла заставить Штейна увлекаться роскошью; были кромѣ того и другія психологическія причины этому увлеченію: послѣ дѣтства и юности, проведенныхъ въ мрачной кельѣ аскета, привольная жизнь въ раззолоченной рамкѣ могла увлечь его въ силу того закона, что одна крайность вызываетъ другую, закона, который дѣтей скраги дѣлаетъ мотами, дѣтей мотовъ скрагами, а дѣтей пьяницъ трезвыми людьми. Но Штейну нѣтъ дѣла ни до какихъ законовъ жизни; онъ все болѣе и болѣе запутывается въ противорѣчій, въ которыя поставилъ себя, и въ разныхъ утонченнѣйшихъ умствованіяхъ. Онъ терзаетъ себя мыслью, что онъ, котораго обнималъ благоговѣнный трепетъ отъ словъ, что сыну человѣческому некуда преклонить голову, который взросъ въ убѣжденіи, что за страшное преступленіе, эта роскошь горсти избранныхъ, купленная тѣмъ, что сынамъ человѣческимъ некуда преклонить голову, онъ, самъ одинъ изъ этихъ сыновъ, теперь не только раздѣляетъ эту преступную роскошь, но чувствуетъ, что рожденъ для нея, боится ради нея измѣнить своимъ убѣжденіямъ. «Неужели Анна-Марія права?» допрашиваетъ онъ себя, щупая свой нравственный пульсъ: «когда утверждаетъ, что всё такъ-называемые друзья народа и тебѣ и прежде имѣли въ виду только свою личную выгоду, что вся разница въ томъ, что одинъ продаетъ свои убѣжденія дороже, другой дешевле?»

Подобной мнительности больнаго, который въ легкомъ кашлѣ видитъ чахотку, а въ пустой головной боли размягченіе мозга, можетъ предаваться только идеалистъ, не нашедшій въ жизни дѣла, которое захватило бы всё его силы. Здоровому работнику некогда ломать голову надъ такими утонченностями. Его не обниметъ благоговѣнный трепетъ отъ жалостности и красоты словъ: «сынъ человѣческой не имѣетъ гдѣ преклонить голову»; онъ увидитъ въ нихъ одну необходимость работать, работать и работать, чтобы сынамъ человѣческимъ было куда преклонить голову. Приведетъ ли его работа на днѣвку въ богатныя хоромы, онъ скажетъ: «они красивы», потому что у него есть глаза, и если ему нужно отдохнуть, растянется съ удовольствіемъ на мягкой мебѣли, и не станетъ терзать себя упреками за это удовольствие, какъ за измѣну противъ остальныхъ братьевъ, кото-

рымъ некуда преклонить голову, вопервыхъ, потому, что всѣ его терзанья не принесутъ ни на грошъ пользы его братьямъ, а ему самому испортятъ минуту отдыха; а вовторыхъ, онъ знаетъ, что его удовольствіе вполне естественно и потому законно, и что сыны человѣческіе когда добудутъ себѣ уголокъ, куда преклонить голову, непременно постараются устроить этотъ уголокъ покрасивѣе; тревожиться же о томъ, что онъ, ради этихъ хоромахъ, способенъ будетъ продать свои убѣжденія, ему не придется въ голову, какъ тревожиться — взойдетъ ли завтра поутру луна вмѣсто солнца. Покончивъ то, что ему нужно было въ богатыхъ хоромахъ, онъ пойдетъ дальше, куда позоветъ его работа.

Работа, которая привела Штейна въ богатныя хоромы, была не «титаническая», не геройскій подвигъ, который могъ бы прославить его имя, но скромная честная работа и неизмѣримо важная по своимъ послѣдствіямъ. Воспитавъ одного честнаго человѣка, мы дѣлаемъ услугу человѣчеству и сверхъ того черезъ этого человѣка имѣемъ вліяніе на тѣхъ, кому приведется быть въ его рукахъ. Штейну представлялся прекрасный случай приложить свои убѣжденія къ дѣлу и изъ этихъ юношей воспитать враговъ ненавистныхъ ему привилегій аристократіи и работниковъ для устройства сынамъ человѣческимъ угла куда преклонять голову. Но подобныя соображенія не приходятъ въ голову Штейна, когда онъ берется за это дѣло. Увлечшись симпатичной ему натурой Бруно, онъ усердно занимается его воспитаніемъ. Въ Бруно авторъ видитъ кандидата на званіе загадочной натуры, но по тѣмъ чертамъ, которыми обрисованъ этотъ юноша, въ немъ скорѣе можно видѣть будущаго бойца: сильные мужчины блѣднѣютъ отъ взгляда шестнадцатилѣтняго юноши; онъ готовъ и кинуться въ воду для друга, и своими руками задушить обидчика. Штейнъ пугается богатства «этой демонической натуры» и заѣдаетъ себя рефлексіями о томъ, способенъ ли онъ развить и ввести въ міръ науки и въ жизнь. Не будь Бруно, онъ съ пренебреженіемъ отнесся бы къ своему дѣлу, хотя исполнялъ бы его аккуратно изъ мѣщанской честности. Но стоило явиться Мелитѣ, и Бруно забыть.

Съ первой встрѣчи Мелита и Штейнъ очаровываются взаимной красотой и умѣемъ говорить красивыя слова; со второй признаются въ любви со всѣми романтическими пригласами: тутъ и колѣнопреклоненія, и обмороки, и длинные монологи съ восклицательными знаками. Мелита блаженствуетъ, хотя встрѣчаетъ свое блаженство горькими слезами, совершенно непонятными въ женщинѣ, считавшей себя свободной передъ судомъ совѣсти. Блаженствуетъ и Штейнъ, но весьма короткое время, и послѣ первыхъ дней опьяняющаго счастья, начинаетъ чувствовать утомленіе. Любовь его — не дѣятельное и осмысленное чувство здороваго человѣка, не привязанность работника къ помощницѣ, которая раздѣлитъ его трудъ. Если у него не было дѣла въ

жизни, которое онъ могъ бы раздѣлить съ Мелитой, то были же свои убѣжденія, выразившіяся парадоксами, въ родѣ: «собственность есть кража», и «нищіе—настоящіе короли»; онъ могъ передать ихъ Мелитѣ и научить ее, какъ употреблять ея краденую собственность подѣльнѣе, чѣмъ на постройки часовень Венерѣ Милосской. Но ни о чемъ подобномъ между ними не было и рѣчи. Всѣ ихъ свиданія наполнены длинными разсужденіями о силѣ, степени и вѣчности ихъ любви, рисованіемъ портретовъ, писаніемъ стихотвореній и созерцаніемъ природы. Если наслажденіе искусствомъ и созерцаніе природы благотворно дѣйствуетъ на усталого труженика, когда онъ перемѣной впечатлѣній захочетъ освѣжить усталый мозгъ для того, чтобъ потомъ еще бодрѣе приняться за работу, или когда онъ изъ душнаго кабинета и пыльной мастерской вырвется на просторъ полей и лѣсовъ, расправитъ усталые члены и забить на время и мелкія и крупныя невзгоды жизни, то это же наслажденіе искусствомъ и созерцаніе природы имѣютъ вредное вліяніе, какъ только они перестаютъ быть отдыхомъ. Наслажденіе есть напряженное состояніе человѣческой природы и не можетъ долго продолжаться. Когда оно проходитъ для людей, неумѣющихъ смѣнить его трудомъ, который бы точно также захватывалъ всѣ силы ихъ, оно оставляетъ по себѣ чувство утомленія и пустоты. Красота и полнота природы заставляютъ ихъ еще сильнѣе почувствовать противорѣчія ихъ жизни; вмѣсто освѣжающаго, наслажденіе сдѣлается томительнымъ и нѣжащимъ, которое и расслабляетъ и раздражаетъ человѣка. Всѣ эти созерцанія, поэтическіе восторги, мучительныя ощущенія блаженства, эта любовь праздныхъ людей, неимѣющая другой связи, кромѣ наслажденія, выросшая не на свѣжемъ воздухѣ жизни, а въ теплицѣ, пропитанной ароматическимъ, но тѣмъ не менѣе удушливымъ запахомъ тропическихъ растений, доводятъ Штейна до галлюцинацій, до разныхъ наивныхъ вопросовъ, въ родѣ: «отчего сердце человѣческое такъ бѣдно, что одно ощущеніе изглаживаетъ другое и нельзя равно сильно и глубоко любить и брата и возлюбленную», и до преступныхъ: «что, еслибы Мелита сказала: «отреченіе отъ твоихъ правилъ будетъ условіемъ моей любви»? До того, что онъ на послѣдній вопросъ не находитъ отвѣта, кромѣ утѣшенія, что она неспособна сказать это, и чувствуетъ, какъ подъ взглядомъ ея глазъ растаетъ какъ воскъ вся гордая сила его.

И на Мелиту любовь человѣка, «чья гордая сила можетъ растаять какъ воскъ» отъ взгляда женщины не можетъ дѣйствовать благотворно. У этого человѣка ничего нѣтъ въ жизни, кромѣ призраковъ—что же онъ можетъ дать любимой женщинѣ? Онъ самъ каждую минуту боится упасть; какъ же можетъ онъ вести ее? Любовь ея къ Штейну унижаетъ Мелиту—это любовь рабы къ господину. Она вполне подчиняется Штейну, она гордится своимъ подчиненіемъ. Когда въ порывѣ ревности

господинъ. дасть ей чувствовать свое неудовольствіе, она первая смиренно протягиваетъ руку на примиреніе, а господинъ принимаетъ это съ самодовольной улыбкой, какъ должную дань. Понятно, что подобная любовь, неизбывная прочной связи съ жизнью, не можетъ долго продолжаться, и рано или поздно должна исчезнуть, какъ исчезаютъ прекрасныя грезы. Мелита, какъ женщина, грезила бы подолѣе. Предразсудки общества, ревность Штейна и двойственность характера самой Мелиты ускорили неизбежную развязку. Сознывая себя передъ судомъ совѣсти вполне свободной располагать собой, и презирая то общество, въ которомъ жила, Мелита на дѣлѣ дорожила его мнѣніемъ; она дрожала за свою репутацію, какъ и самая высокоправственная фарисейка, заискивала у старухъ, потому что онѣ составляютъ репутацію молодыхъ женщинъ, и даже любезничала съ пустоголовыми молодыми людьми, надъ которыми такъ смѣялась для того, чтобъ ея любовь къ Штейну не бросалась всѣмъ въ глаза, и дѣлала это единственно изъ страха, что этотъ, такъ презираемый ею свѣтъ, закроетъ передъ нею двери, когда узнаетъ про ея любовь. Другой причины, кромѣ этого страха, у Мелиты не могло быть: у ней не было никакого близкаго дорогаго существа, кому бы она отравила жизнь или испортила будущность своимъ поступкомъ, не было никакого дѣла, которому она могла бы повредить, еслибы явно оскорбила всѣ предразсудки свѣта. Но эта необходимость скрывать свою любовь, прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и хитростямъ можетъ придать особую прелесть любви для дон-жуановъ и кокетокъ, которымъ нужны приянности для ихъ притупленнаго вкуса, но для честныхъ и свободныхъ натуръ эта необходимость невыносимо тяжела. Есть что-то унижительное, трусливое въ каждомъ тайномъ поступкѣ, и любовь, которую бояться показать свѣту, и скрываютъ, какъ преступленіе, теряетъ свое достоинство. Штейну Мелита, свѣтская женщина, принимающая поклоненіе пустоголовыхъ аристократовъ, кажется совершенно другой, чужой ему женщиной. Ревность усиливаетъ разрывъ, ревность идеалиста, который привыкъ требовать отъ женщины, чтобы не только ея будущее было всецѣло отдано ему, но и все прошедшее ея было однимъ лишь предчувствіемъ той минуты, когда онъ полюбитъ ее. Мужъ Мелиты заботливаетъ отчаянно, и она ѣдетъ ухаживать за нимъ въ сопровожденіи своего друга дѣтства Ольденбурга, и это сопровожденіе, ради репутаціи Мелиты, хранится въ тайнѣ, потому что о короткости ея съ Ольденбургомъ давно ходили сплетни въ обществѣ. Кромѣ ревности, на Штейна извѣстіе о близкой смерти мужа Мелиты дѣйствуетъ непріятно: она захочетъ быть его женой, ему предстоитъ роль выскочки въ ненавистой ему пустотѣ и безобразіи аристократіи. Простая мысль увести Мелиту изъ этой пустоты и безобразія, чтобъ жить съ нею въ кругу мыслящихъ людей, не приходитъ ему въ голову, потому что

простыя мысли всего рѣже приходятъ въ голову идеалистовъ. Къ тому же, Мелита для него уже сорванный цвѣтокъ, и, насладившись имъ, онъ хочетъ теперь сорвать другой. Но хотя женщины и цвѣтка, но цвѣтки живые, способные чувствовать страданіе, когда ихъ промѣниваютъ на другіе. Сознаніе, что мы причинили страданіе другимъ, погубили ихъ надежды на счастье, всегда мучительно для человѣка, если онъ не потерялъ послѣднюю способность чувствовать и понимать; но для идеалиста, привыкшаго считать любовь вопросомъ жизни и смерти, это сознаніе принесетъ съ собою страшныя угрызения совѣсти. Въ неизбѣжной потребности перемены, которую влечетъ за собою любовь, неизмѣющая связи прочтѣ наслажденія, онъ увидитъ измѣну своему идеалу вѣчной любви, и станетъ презирать себя за эту измѣну. Неспособный по двойственности своей природы на рѣшительный шагъ, онъ, вмѣсто того, чтобы разомъ порвать всѣ отношенія, станетъ насильно натягивать на себя чувство и обманывать женщину маской любви; но маску невозможно носить съ постояннымъ успѣхомъ, и онъ этой маской и равнодушіемъ, выглядывающимъ изъ-подъ нея, несравненно болѣе принесетъ страданій бѣдной женщинѣ, чѣмъ принесъ бы ей такъ-называемый грубый реалистъ, когда, увидѣвъ, что ошибся въ своемъ чувствѣ, онъ прямо сознается въ своей ошибкѣ. Штейнъ даже не пробуетъ надѣть маску, онъ поступаетъ еще безчестнѣе. Испугавшись предстоящихъ ему терзаній совѣсти за измѣну Мелитѣ и некрасивой роли измѣнника идеалу вѣчной любви, онъ спѣшитъ и непріятное чувство измѣны, и некрасивость роли свалить на самую Мелиту. Вмѣсто того, чтобы спросить у Мелиты объясненія ея отношеній къ Ольденбургу, онъ хватывается за сплетню отцвѣтшей бокетки, чтобы имѣть право считать себя обманутымъ, и потому чистымъ передъ любимой женщиной и собой, даже настроиваетъ себя до такой виртуозности, что терзается настоящей ревностью, и когда Мелита, оловѣвъ, возвращается, онъ отталкиваетъ ее. Идеалисты увѣряютъ, что къ женщинамъ нельзя иначе подходить, какъ съ рыцарскимъ поклоненіемъ и клятвами вѣчной любви; всякое другое отношеніе для нихъ оскорбленіе и поруганіе женщины. Но спросите тѣхъ женщинъ, чьи головы были вскружены этимъ рыцарскимъ поклоненіемъ, которыя повѣрили этимъ клятвамъ для того, чтобы горько обмануться въ нихъ — какое жестокое оскорбленіе это рыцарское поклоненіе, которое будто бы, поднимая женщину надъ жизнью, дѣлаетъ изъ нея жалкаго, безпомощнаго ребенка, какое поруганіе чести и правды эти лживыя клятвы, и не въ тысячу ли разъ лучше ихъ откровенное объясненіе Базарова, что онъ не хвастаетъ, можетъ ли отдать жизнь за жизнь.

Покиннутой Мелитѣ остается только горько оплачивать свое разбитое счастье, перебирать на досугъ всѣ воспоминанія, и мало-по-малу придти къ ясному пониманію и вѣрной оцѣнкѣ.

своей любви. Она поняла, что любовь, имѣвшая цѣлью одно наслажденіе, была исключительно чувственная любовь, и не могла дать ни прочнаго осмысленнаго счастья, ни поднять женщину. Но она не остановилась на сознаніи, что эта любовь была печальной ошибкой, она сочла ее поворотомъ и преступленіемъ, которое слѣдуетъ искупить долгимъ покаяніемъ, чего невозможно бы было ожидать отъ женщины, считавшей себя свободной. Но дѣло въ томъ, что Мелита только считала себя свободной, и въ этомъ выказалась вся шаткость людей, оставшихъ отъ маленькихъ и не приставшихъ къ большимъ. То не было сознательное чувство возмужалаго человѣка, а самообольщеніе недоростка, считающаго себя взрослымъ, и первое столкновеніе съ жизнью показало и всю несостоятельность этого самообольщенія, и то, сколько въ недоросткѣ было еще младенческихъ понятій. Переходъ Мелиты изъ этого мрака къ свѣту составляетъ уже предметъ романа этого имени.

III.

Высокоправственная Анна-Марія, какъ называетъ ее авторъ, высокородная баронесса Гренвицъ, хотя не принадлежитъ къ героинямъ романа, которыми могутъ быть только женщины, увѣнчивающія своею любовью героя, но ее нельзя пройти безъ вниманія, какъ личность, въ высшей степени характеристичную. Анна-Марія представительница типа женщинъ практическихъ и съ характеромъ, какой можетъ выработаться при настоящемъ умственномъ развитіи женщины. Это честолюбивая, энергичская и способная натура, которая, разъ задавшись цѣлью, будетъ идти къ ней всю жизнь, и которую никакія постороннія побужденія, никакія трудности и препятствія не заставятъ свернуть съ дороги; но это натура не на столько способная, чтобъ видѣть далѣе той норки, въ которую поставлена; она можетъ только принять окружающую ее жизнь, какъ нѣчто, вполне завершенное и неизмѣнное, но никогда не возвысится надъ нею, и потому вся энергія и способности ея потратятся на то, чтобъ идти избитой дорогой къ цѣли, невыходящей изъ границъ норки. Анна-Марія рано прошла тяжелую школу бѣдности — бѣдности аристократовъ, несравненно болѣе развращающей, чѣмъ чистенькая бѣдность германскихъ бюргеровъ. «Нужда родитъ умъ», говоритъ пословица, но разная нужда родитъ разный умъ, и та же нужда родитъ разный умъ въ разныхъ людяхъ. Мужчина съ честолюбіемъ, энергіей и способностями Анны-Маріи, изъ тѣхъ сословій, гдѣ трудъ не считается униженіемъ, гдѣ человѣкъ привыкъ стоять на своихъ ногахъ, въ трудъ положилъ бы всѣ свои силы, и имъ однимъ выбился бы изъ-подъ гнета нужды: торговля, промышленность, разныя ремесла и профессіи открыты для него; тотъ же, котораго нѣтъ выше предразсудки касты научили бы считать этотъ

родъ занятій безчестящимъ его родъ, все-таки имѣлъ средство проложить себѣ дорогу. Плечи титулованныхъ родственниковъ вынесли бы его нетолку къ обезпеченному, но блестящему положенію, даже на видныя мѣста въ государственной службѣ. Что же могла сдѣлать женщина въ положеніи Анны-Маріи? Перебиваться изо дня въ день въ родной семьѣ и для поддержанія дворянскаго достоинства выносить лишенія нищеты, которыхъ не знаетъ чистенькая бѣдность бюргеровъ и ремесленниковъ, отказывать себѣ въ лишней вязанкѣ дровъ, когда на дворѣ морозъ, въ тепломъ платьѣ, кускѣ хлѣба, чтобы имѣть приличную мебель на случай пріѣзда титулованныхъ знакомыхъ и порядочное платье и шляпку для выѣзда въ большой свѣтъ, дрожать ежеминутно, чтобы этотъ свѣтъ, для котораго приносились всѣ эти жертвы, разстроивалось лишеньями здоровье, переѣдалась жизнь, не узнавъ когда-нибудь того, что скрывалось отъ него, какъ позоръ. Идти въ гувернантки? Но профессія гувернантокъ еще менѣе завидна въ Германіи, чѣмъ у насъ, и пользуется еще ничтожнѣйшимъ вознагражденіемъ и еще меньшимъ уваженіемъ въ обществѣ; да и это было бы возможно для какой-нибудь мѣщаночки, а не для знатной дѣвушки. Оставалось существовать милостью богатыхъ родственниковъ, которые дадутъ пріютъ и кусокъ хлѣба бѣдной дѣвушкѣ и будутъ считать это великимъ благодѣяніемъ, за которое она обязана расплачиваться цѣлой жизнью благодарности, угожденій и терпѣнія, хотя благодѣтели имѣютъ въ виду не столько обезпеченіе облагодѣтельствованной, сколько огражденіе собственнаго самолюбія отъ неприятности вынести осужденіе свѣта, если онъ узнаетъ, что дѣвушка, которая носить ихъ высокоблагородное имя и въ жилахъ которой течетъ та же высокоблагородная кровь, терпитъ нужду. Въ обоихъ случаяхъ положеніе бѣдной дѣвушки далеко не завидное и жизнь ея—непрерывная цѣпь страданій, крупныхъ и мелкихъ, горькихъ униженій, самой тяжелой зависимости. Ей приходится выносить надменно-покровительственныя, милостиво-снисходительныя улыбки людей, глупость и ничтожество которыхъ умная дѣвушка принимаетъ, какъ нельзя лучше, угадывать вездѣ, куда бы она ни появлялась, оскорбительно-сострадательный шопоть: «бѣдная дѣвушка», и въ то же время видѣть на каждомъ шагѣ привольную, роскошную жизнь, высокое положеніе людей, передъ которыми все преклоняется. Добиться во что бы то ни стало этой привольной, роскошной жизни, выйти какими бы то ни было средствами изъ своей темноты и ничтожества и заставить этотъ покровительственный тонъ и оскорбительно-сострадательный шопоть смѣниться завистливымъ удивленіемъ, сдѣлается цѣлью каждой дѣвушки съ характеромъ и честолюбіемъ Анны-Маріи. Для дѣвушекъ единственный путь къ этой цѣли—замужество. И вотъ всѣ способности, всѣ помыслы дѣвушки направляются на то, чтобы найти себѣ мужа, который бы могъ дать ей все это; она научается

цѣнить людей на вѣсь золота и звонъ громкаго имени, смотрѣть на нихъ, какъ на ступени, по которымъ надо пройти къ своей цѣли; естественная потребность привязанности, и безъ того не слишкомъ сильная въ такихъ натурахъ, вымираетъ совершенно; бѣдная дѣвушка съ дѣтства видѣла, что онѣ, кромѣ горя, не принесли ничего ея близкимъ, и бѣдная дѣвушка становится товаромъ, который ищетъ купца съ возможно выгодными условіями. Обезпеченное положеніе и независимость — два непремѣнныя условія этихъ практическихъ женщинъ съ характеромъ, но не какая-нибудь безнравственная независимость эманципированныхъ женщинъ, а просто возможность исполнять всѣ свои прихоти и деспотически распоряжаться и мужемъ и семьей. Чтобы добиться перваго, онѣ не отступятъ ни передъ какими мелкими и крупными подлостями, дозволенными обществомъ, законы котораго онѣ свято хранятъ, потому что за нарушение ихъ можно поплатиться почетомъ, который имъ такъ нуженъ послѣ годовъ униженія, и самимъ обезпеченнымъ положеніемъ. Чтобы добиться второй, онѣ изъ куницъ, которые могутъ дать выгодную цѣну, стараются выбрать человѣка безъ характернаго и простоватаго, вовсе не въ силу ученія идеалистовъ, что противоположныя природы сходятся, чтобы пополнить одна другую и изъ соединенія своего создать полную гармонию, а просто потому, что недалекаго добряка легче залучить въ купцы и потомъ забрать въ руки. Быть женой человѣка съ умомъ и энергіей не всегда удобно: такой человѣкъ не годится въ покорные слуги жены, комфортъ ея не будетъ исключительной цѣлью его жизни, у него даже, чего добраго, могутъ быть цѣли, для которыхъ придется пожертвовать этимъ комфортомъ, и практическія женщины, какъ Анна-Марія, понимаютъ это какъ нельзя лучше. Что жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ — ежедневное принужденіе, самая тяжелая независимость, что это средство обезпеченія безчестно и безнравственно, что оно — поруганіе женщины — подобныя понятія практическія женщины считаютъ идеализмомъ. Безнравственно, когда всѣ такъ живутъ, когда нѣтъ возможности жить иначе? Безчестно — когда чѣмъ дороже цѣна, тѣмъ больше почетъ въ свѣтѣ? Практическимъ женщинамъ никогда не понять этого. Добившись обезпеченнаго положенія и независимости, надо умѣть сохранить пріобрѣтенное; обезпеченное положеніе не всегда бываетъ прочно и независимость практическихъ женщинъ очень шатка. Это не независимость свободнаго человѣка, который не чужой рукой былъ выведенъ на дорогу, но самъ собой твердо пошелъ по ней и которому не нужно ни оглядываться ни на кого, ни принаравливать свой шагъ къ кому бы то ни было — это независимость ловкаго любимца раба, который хитростью и лестью сьумѣлъ поддѣлаться къ своему господину, и потому добился не только полной свободы дѣлать что хочетъ, но даже повелѣвать своимъ господиномъ. Но повелѣвая своимъ господиномъ и

самовластно распоряжаясь другими рабами, онъ все-таки чувствуетъ, что держится только любовью и довѣріемъ господина; что потерявъ ихъ, онъ потеряетъ свободу дѣлать что хочетъ, и сдѣлается такимъ же безправнымъ рабомъ, какъ тѣ, которыми распоряжается самовластно; и потому принимаетъ всѣ мѣры, чтобы сохранить эту любовь и довѣріе. Ему нужно постоянно выказывать господину самую нѣжную любовь и преданность, скрывать отъ него тѣ мысли, чувства и поступки, которые могутъ показаться непохвальными господину и подорвать его довѣріе; слѣдить ежеминутно за собой, чтобы неосторожнымъ словомъ или взглядомъ не выдать свои истинныя чувства и качества, покупать свою независимость цѣлой жизнью жи и лицемѣрія.

Эту жизнь ведетъ практическая Анна-Марія. Она умомъ и красотой отыскала себѣ богатаго купца, барона Гренвица, и не ошиблась въ выборѣ — баронъ былъ именно такимъ человекомъ, который годился въ покорные слуги женѣ. Онъ добрый, простой и мѣщански честный старикъ, и вслѣдствіе этой простоты и честности, недостойный потомокъ высокородныхъ бароновъ; въ немъ нѣтъ ни капли ихъ гордаго достоинства, онъ имѣетъ глупость любить дѣтей своихъ для нихъ самихъ, а не какъ наслѣдниковъ рода Гренвицей, способенъ отдать непринадлежащее ему наслѣдство и признать незаконнорожденнаго племянника своимъ родственникомъ, и къ довершенію всего, у него непонятное ослѣпленіе считать богатства и титулы страшнымъ зломъ на томъ основаніи, что они вносятъ зависть и вражду между людьми, которымъ слѣдовало бы любить другъ друга. У честолюбивой Анны-Маріи не можетъ быть ничего общаго съ филистеромъ-супругомъ; она глубоко презираетъ его, но разыгрываетъ въ отношеніи его роль нѣжной и заботливой супруги съ мастерствомъ, которое впродолженіе двадцати лѣтъ обманываетъ простака и упрочиваетъ за нею въ свѣтѣ репутацію высоконравственной женщины. Анна-Марія очень хорошо понимаетъ, что держится только мужемъ, что его рука вывела ее изъ прежняго униженія на высоту гренвицскаго баронства, что положительное право въ его рукахъ и каждое дѣйствіе ея приобретаетъ законность только тогда, когда онъ скрѣпитъ его своимъ согласіемъ. Чтобы оставаться полновластной госпожей Гренвица и распоряжаться судьбой дѣтей, ей надо скрывать подъ личиной высокихъ нравственныхъ побужденій и заботъ о благѣ семьи своекорыстные расчеты и неблаговидные поступки, на которые мужъ не далъ бы никогда согласія; когда послѣ двадцатилѣтняго ослѣпленія, старикъ разгадалъ, наконецъ, свою жену, разгада, которая разбила сердце честнаго простака, онъ отказался быть послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Эта жизнь жи и лицемѣрія нисколько не тяготитъ Анну-Марію; у ней одна цѣль — упрочить свое блестящее положеніе, а оно далеко непрочно. Имѣніе Гренвицей майоратъ, и по смерти барона,

здоровье котораго очень плохо, должно перейти (въ Юковую линію Гренвицей. Старшій ребенокъ — дочь, которой Анна-Марія мститъ холодностью за то, что она, родившись не мальчикомъ, не можетъ упрочить за матерью владѣніе Гренвицемъ; второй — сынъ, наслѣдникъ майората, слабый и недолговѣчный ребенокъ; къ довершенію несчастія, два большія имѣнія, принадлежащія къ майорату, завѣщаны буйнымъ Гаральдомъ; прежнимъ владѣльцемъ Гренвица, неизвѣстному его ребенку отъ Маріи Монберъ, и только за неявкой наслѣдника по истеченіи извѣстнаго срока, должны перейти къ ея мужу. Явись этотъ наслѣдникъ и умри мужъ и сынъ, Аннѣ-Маріи грозитъ прежняя бѣдность и ничтожество. Но Анна-Марія не откажется легко отъ своей цѣли; она употребитъ всю энергію, всю изворотливость своего ума, всѣ средства, которыя у нея подъ рукой, чтобы сохранить Гренвицъ, и если это окажется невозможнымъ, — чтобы покинуть его съ возможно меньшими невыгодами. Люди, самыя дорогіе, близкіе — для нея орудія, которымъ она мститъ за отказъ служить ей и бросаетъ, какъ скоро они оказываются непригодными. Дочь для нея живой капиталъ, изъ котораго практическая женщина рассчитываетъ извлечь богатые проценты, и степень ея нѣжности опредѣляется большей или меньшей цифрой ожидаемыхъ процентовъ. Она порѣшила выдать ее за Феликса Гренвица, наслѣдника майората, въ случаѣ смерти ея мужа и сына. Мысль о томъ, что безчеловѣчно связать молодую дѣвушку, полную силъ, жадны счастья и нетронутой вѣры въ добро, съ истаскавшимся кутилой и игрокомъ, за которымъ водятся мазурническія продѣлки, не можетъ придти въ голову практической женщинѣ; да еслибы и пришла, то всякое естественное чувство было такъ давно вытравлено въ ней, что она не остановилась бы ни на минуту въ выборѣ между счастьемъ дочери и возможностью остаться госпожей Гренвица. Она даже рада пустотѣ Феликса, которая ручается ей, что и его легко будетъ забрать въ руки. Мужъ и сынъ для нея тѣ же средства: она ~~заботится~~ о ихъ здоровьѣ потому только, что съ ихъ жизнью связано для нея владѣніе Гренвицемъ. Когда дочь ея дѣлается невѣстой владѣтельнаго князька, она съ полнѣйшимъ равнодушіемъ ожидаетъ смерти мужа, весьма основательно рассчитывая, что влюбленный до безумія, женихъ устроитъ для матери невѣсты положеніе поблестящѣе гренвицскаго баронства. Вѣсть о безнадежной болѣзни сына глубоко поражаетъ ее, потому лишь, что пришла какъ разъ въ то время, когда спекуляція на живой капиталъ лопнула и князь оказался незаконнымъ сыномъ акробата, а на два имѣнія явился наслѣдникъ съ неоспоримыми документами.

Женщина, которая такъ бездушно спекулируетъ на «собственную плоть и кровь», съ посторонними станетъ еще менѣе церемониться. Она безсовѣстнѣйшимъ образомъ выжимаетъ сокъ изъ арендаторовъ и готова изъ-за лишней сотни талеровъ

хладнокровно пустить по міру съ семейю раззореннаго неурожаемъ работника, потому что эта сотня назначена на увеличеніе капитала, который она приващиваетъ себѣ съ самымъ скреднымъ сряжничаньемъ на случай печальной необходимости покинуть Гренвицъ. Поддайся она сегодня человѣческому чувству, и нѣтъ лишней сотни, завтра, послѣ завтра поддашься еще легче, а нѣтъ сотенъ составляются тысячи и каждая тысяча—лишняя степень комфорта и почета. Что значилъ кусокъ хлѣба какаго-нибудь работника передъ комфортомъ баронессы Гренвицъ? Не для того же она билась всю жизнь, чтобъ остановиться на подобныхъ мелочахъ. Чтобъ не потратить этихъ драгоценныхъ талеровъ, она до послѣдней минуты не посылаетъ за докторомъ для Бруно, жизнь котораго не нужна ей, и мальчикъ умираетъ отъ запущенной болѣзни: Она отступается отъ Феликса, какъ скоро узнаетъ, что неизлечимая чахотка отниметъ у нея возможность въ его лицѣ владѣть Гренвицемъ, и отзывается ему въ деньгахъ на поѣздку въ Ниццу, но эти деньги тотчасъ находятся, когда потребовалось удалить Феликса, чтобъ очистить дорогу владѣтельному князю. Склонность дочери къ Штейну грозитъ ей потерей ожидаемыхъ процентовъ съ живаго капитала и непоправимымъ урономъ ея почету въ обществѣ, и ей надо удалить Штейна; но отказавъ безъ всякаго предлога, придется заплатить ему полторы тысячи талеровъ неустойки, а ей нужно средство подешевле. Пасторъ Эгеръ, покорнѣйшій слуга властей предержащихъ, потому что самъ держится ими, съ іезуитствомъ, составляющимъ принадлежность не одного католическаго духовенства, предлагаетъ баронессѣ выручить ее изъ затрудненія: согласно вновь вышедшему постановленію домашніе учителя должны представлять отъ приходскаго священника свидѣтельство о религіозности и хорошей нравственности, а Штейну какъ ученику атеиста Бергера, какъ нельзя легче отказать въ этомъ свидѣтельствѣ; и Анна-Марія готова воспользоваться предлагаемой услугою и лишитъ куса хлѣба и серьезно скомпрометировать всю будущность молодого человѣка, чтобъ не разстаться съ своей полторы тысячей. Ее останавливаетъ только, что это средство не довольно быстрое, а обстоятельства требуютъ немедленнаго удаленія Штейна. Ловкій аферистъ нашель письма, доказывающія происхождение Штейна отъ буйнаго Гаральда и Маріи, Монберъ и началъ выманивать деньги у баронессы угрозами передать документы въ руки законнаго наследника. Анна-Марія поручаетъ Феликсу удалить Штейна прилично, что въ переводѣ значило оскорбленіями заставить его самого убраться изъ дому, не поднимая скандала и запугать афериста, или подкупить его; она убѣждена, что бумаги подложныя, но будь онѣ подлинныя, она не отступила бы и передъ преступленіемъ. И только когда всѣ планы ея уничтожены, и впереди грозитъ прежняя темнота и ничтожество, когда ей приходится отказаться отъ цѣли всей жизни—энергія

ея сломлена и честолюбивая, самовластная женщина рада опереться на руку дочери.

Характеръ Анны-Маріи обрисованъ далеко непривлекательными чертами: извращеніе самыхъ естественныхъ человѣческихъ чувствъ, самое возмутительное бездушіе, на каждомъ шагу обманъ и подлость, прикрытыя громкими фразами о долгѣ и нравственности. Но дѣло критики не возмущаться и не удивляться, не раздавать вѣнки добродѣтели и не налагать позорныя клеймы; ея дѣло преслѣдовать силы, изъ которыхъ сложился извѣстный характеръ, и причины, почему эти силы, которыя могли бы принести богатый плодъ, дали одни плевелы. А силъ было много: честолюбіе, мужество, умъ, не многосторонній, но пронизательный и изворотливый, и умѣнье обдуманно и упорно преслѣдовать свою цѣль. Дряблыя натурашки неспособны имѣть опредѣленную цѣль въ жизни, — онѣ живутъ, какъ живется; а еслибъ имъ и случилось задаться какою-нибудь цѣлью, то онѣ обыкновенно ожидаютъ, что путь къ этой цѣли будетъ гладокъ, и наткнувшись на первое препятствіе, останавливаются; въ ихъ великихъ отъ страха глазахъ препятствіе разрастается до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что заслоняетъ самую цѣль; и только, потративъ много времени на измѣреніе, оцупываніе препятствія, онѣ увидятъ, что его очень можно обойти и даже перешагнуть черезъ него, затѣмъ потратится столько же времени на раздумыванье, слѣдуетъ ли перешагнуть и не лучше ли повернуть назадъ, онѣ расхрабратятся и перешагнуть, но для того только, чтобъ остановиться въ такой же безпомощности передъ новымъ препятствіемъ. Потребуется ли отъ нихъ цѣль иныхъ, не слишкомъ благовидныхъ соображеній и поступковъ, онѣ старательно запрячутъ ихъ въ самый потаенный уголокъ своего внутренняго мірка и будутъ отводить себѣ глаза увѣреніями, что поступаютъ изъ самыхъ похвальныхъ побужденій. Оставаясь равнодушными къ смерти близкаго человѣка, жизнь котораго не нужна имъ болѣе, онѣ прикроютъ это равнодушіе благовиднымъ предлогомъ, что печаль о его смерти была бы эгоизмомъ, потому что для него лучше, что онъ избавленъ отъ страданій. Продавая дочь въ замужество, онѣ увѣряютъ себя, что поступаютъ такъ единственно изъ любви къ ней, и настрадавшись сами вдоволь надъ тяжелой необходимостью и промучивъ дочь слезами, аханьемъ и нерѣшительностью, онѣ въ концѣ-концовъ поступаютъ, какъ Анна-Марія, потому что для нихъ нѣтъ возможности поступить иначе. Вся разница въ томъ, что Анна-Марія знаетъ твердо, чего хочетъ, и не будетъ никогда пытаться согласить невозможное и желать, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты, и добываясь своей цѣли всѣми средствами, не станеть плакаться о томъ, что средства скверны. Будъ у ней другія средства подъ рукой, она употребила бы ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Пользуясь она довѣріемъ дочери,

она не распечатывала бы воровски ея писемъ; и то хорошо еще, что она способна понимать, что это средство скверное, и въ этомъ пониманіи видно все-таки превосходство нѣмецкой семейной жизни передъ русской: русская матушка распечатала бы десятки писемъ дочери, безъ малѣйшаго подозрѣнія о неблаговидности такого поступка, ни на минуту не усомнясь въ своемъ правѣ такъ поступить. Если бы вмѣсто Феликса былъ другой наслѣдникъ Гренвица, Анна-Марія гораздо охотнѣе отдала бы дочь за него, это избавило бы ее отъ неприятной борьбы и сплетенъ; будь у ней другія средства обезпечить себя отъ нищеты, грозившей ей по смерти мужа и сына, она не стала бы прибѣгать къ скряжничеству и разоренію арендаторовъ, потому что эти занятія сами по себѣ далеко неприятныя и чловѣкъ съ здоровымъ мозгомъ не станетъ безъ всякой необходимости, изъ одной любви къ искусству и, скряжничать, и пускаться по міру другихъ. Но какъ скоро нѣтъ другихъ средствъ, она должна употребить тѣ, которыя у ней подъ рукой; и она употребляетъ ихъ, не колеблясь ни на минуту, и обманывая весь свѣтъ и мужа, никогда не обманываетъ самоё себя. Эта цѣльность, это умѣнье направить всѣ силы къ одному — рѣдкія качества въ жизни; приложите ихъ къ другой цѣли, и они принесутъ богатые плоды. Еслибы жизнь указала Аннѣ-Маріи честный путь выбиться изъ темноты и униженія, она пошла бы по немъ съ тою же послѣдовательностью и энергіей. Наука есть именно тотъ путь, на которомъ такія холодныя, разсчитливыя натуры могутъ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ. Анна-Марія была умна, она читала философскія и ученныя книги и даже считалась ученой женщиной въ своемъ кругу; разумѣется, эта ученость было хватанье вершковъ для того, чтобы пріобрѣсти въ свѣтѣ репутацію ученой женщины, и эти хватанные вершки вмѣстѣ съ востовыми предразсудками и Шлейермахеровской философіей могли произвести въ головѣ ея одинъ безобразный хаосъ, въ которомъ выпузло выступала одна ненависть къ либеральнымъ идеямъ, подрывавшимъ цѣль ея жизни. Но все-таки этотъ хаосъ доказывалъ, что въ Аннѣ-Маріи были способности, которыя, не находя въ окружавшей ее средѣ пищи для развитія, могли выродиться только въ бесполезную и уродливую черту ея характера, какъ членъ, не находящій для себя упражненія въ своей средѣ и не нужный для поддержанія существованія животнаго, постепенно вырождается въ бесполезный и уродливый придатокъ организма; но перенесите организмъ въ среду, которая дастъ этому члену необходимое упражненіе, и онъ изъ ненужнаго придатка разовьется въ одно изъ самыхъ дѣятельныхъ орудій для поддержанія его жизни. Родись Анна-Марія въ обществѣ, которое сдумало бы устроить свой бытъ на разумныхъ началахъ, гдѣ умственныя силы цѣлой половины чловѣчества не пропадали бы даромъ и женщинамъ для выхода изъ темноты и ничтожества были открыты

другіе пути, кромѣ семьи,—она, вмѣсто того, чтобъ возмущать насъ чудовищнымъ эгоизмомъ, лицемѣріемъ, черствостью и спекуляціями на самыя близкія кровныя связи, была бы честной работницей на проложенномъ пути и заслужила бы въ обществѣ почетное имя не богатствомъ и баронствомъ, а полезной дѣятельностью, а быть можетъ, удивила бы свѣтъ какимъ-нибудь изслѣдованіемъ или открытіемъ.

IV.

Елена Гренвицъ, другая героиня «загадочныхъ натуръ», есть тотъ новый цѣвѣтокъ, для котораго Штейнъ забываетъ Мелиту, и капиталъ, изъ котораго практическая Анна-Марія хочетъ извлечь богатые проценты, не спросясь съ капиталомъ. Но Анна-Марія жестоко обочлась въ своемъ расчетѣ, какъ обчитываются практическіе люди ея сорта, принимающіе жизнь за нѣчто вполнѣ законное и неизмѣнное, когда они, на основаніи извѣстныхъ имъ данныхъ, составляютъ планъ дѣйствія, не допустивъ возможности новаго явленія, которое уничтожитъ всѣ ихъ хитро задуманные и вѣрно рассчитанные планы. Этимъ новымъ, невиданнымъ явленіемъ въ аристократической семьѣ, гдѣ принципъ власти родительской и дѣтской покорности хранился цѣлыми поколѣніями—была Елена. Елена не пользуется особенной симпатіей автора и образъ ея нарисованъ далеко не съ тою теплотою, которая видна въ описаніи другихъ героинь обоихъ романовъ; въ ней нѣтъ ихъ кроткой прелести, нѣжности, однимъ словомъ, женственности, о которой такъ хлопочутъ эстетика. Елена—«демоническая» натура, созданная для борьбы и побѣды, но не для покорности, говоритъ авторъ, и потому именно она и можетъ быть этимъ явленіемъ; не даромъ ея красота, «дышащая гордой силой», очаровала Бергера, и этотъ германскій Мефистофель въ пятьдесятъ лѣтъ забылъ, при первомъ взглядѣ черныхъ глазъ молодой красавицы, всѣ три степени мудрости: презрѣніе къ людямъ, себѣ и жизни, и принялся писать сонеты, полные юношескаго огня и страсти. Елена съ первыхъ шаговъ жизни была поставлена въ самыя выгодныя условія для развитія этой гордой силы — она выросла чужой въ семьѣ. Эти слова могли бы быть сочтены парадоксомъ, еслибы жизнь не подтверждала на каждомъ шагу непреложную истину ихъ. Жизнь еще не выработала семью на разумныхъ человѣческихъ началахъ, которая умѣла бы воспитывать людей гордой силы, эту соль земли, и до сихъ поръ семья, гдѣ дѣти растутъ въ отчужденіи, гдѣ царитъ неумолимый деспотизмъ, одна исполняла это дѣло, хотя на манеръ мольтеровскаго мѣщанина въ дворянствѣ, который дѣлалъ прозу, самъ того не подозревая. Если отчужденіе отъ семьи и деспотизмъ губили слабыя натуры, они закаляли сильныя, и самыя неутомимые борцы за независимость, самыя ожесточенные

враги самоуправства и насилія, эта соль, безъ которой общество давно разложилось бы, вышли изъ тѣхъ дѣтей, которыя съ дѣтства вынесли на себѣ всю тяжесть семейнаго гнѣта. Отчужденіе ребенка отъ семьи, которая не можетъ дать ему ничего, кромѣ нелѣпныхъ предрассудковъ, избавить его отъ вреднаго вліянія ея; ребенокъ не пойдетъ повѣрять свои мысли людямъ, которые отталкиваютъ его, но будетъ затаявать ихъ въ себѣ; за то тѣмъ сильнѣе станутъ эти мысли зрѣть въ его головѣ, тѣмъ самостоятельнѣе будетъ работа ея; весьма естественно, она будетъ работать и вкрьивъ, и вкось, пока не попадетъ прямо, много дорогихъ силъ и времени потратятся даромъ, которыя сбереглись бы въ рукахъ разумной семьи, но взаменъ этого, ребенокъ приобретаетъ навыкъ къ самостоятельной работѣ, сознание собственныхъ силъ и рано приучается опираться на одного себя, а эти качества такъ драгоценны и такъ рѣдки въ жизни, что ихъ нельзя считать купленными слишкомъ дорогой цѣной. Каждое насиліе вызываетъ реакцію; чѣмъ гуще мракъ, тѣмъ сильнѣе порывъ къ свѣту; чѣмъ грубѣе самоуправство, тѣмъ сильнѣе духъ противорѣчія, *Geist des Widerspruchs*, этотъ могучій двигатель человѣка впередъ, котораго дряблая нѣжность и бессмысленное потаканье всѣмъ желаніямъ усыпили бы въ ребенкѣ. Разумѣется, жаль даромъ потраченныхъ силъ, жаль загубленныхъ слабыхъ, и желательно какъ нельзя болѣе, чтобъ было иначе, но пока еще придетъ это иначе, намъ остается только отдать предпочтеніе Аннѣ-Маріи, которая приготовила себѣ изъ дочери энергическую противницу вмѣсто покорнаго орудія, передъ Анной-Маріей, которая любовью завладѣла бы дочерью и сдѣлала изъ нея дѣвушку, готовую, во имя дочернаго долга, выйти за шулера Феликса.

Въ Еленѣ много яснаго, здороваго ума и совершенное отсутствіе слезливой чувствительности,—рѣдкія качества въ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ и вдобавокъ германкѣ. Сознавъ, что она и мать чужія другъ другу, она не расплывается въ слезахъ и оханьяхъ, не упрекаетъ себя за нарушеніе дочернаго долга, не ломаетъ себя во имя его, натягивая на себя чувство любви, которой неоткуда было взяться, какъ сдѣлала бы всякая другая дѣвушка ея лѣтъ и времени, — слово безъ смысла не имѣетъ власти надъ нею,—она спокойно, хотя и съ грустью признаетъ очевидный фактъ. Когда взволнованная непріятностью съ матерью, она видитъ сонъ, показавшійся бы пророческимъ тысячамъ дѣвушекъ, воспитанныхъ какъ она, она не позволяетъ себѣ смущаться, но очень основательно изслѣдуетъ причины этого страшнаго сна и не думаетъ о немъ болѣе, потому что не хочетъ того. Эта черта можетъ показаться мелочной, но она признакъ сильнаго характера; въ жизни едва ли не самое трудное умѣть владѣть своими мыслями. Пусть каждый, кому приходилось переживать трудныя минуты, при-

помнить, как неотвязно преслѣдуютъ человѣка именно тѣ мысли, о которыхъ онъ не хочетъ думать, и сколькихъ усилій ему стоило заставить себя не думать о нихъ. Человѣкъ, умѣющій не думать о томъ, о чемъ не хочетъ, можетъ всегда поручиться за себя; онъ не потеряется ни въ какомъ случаѣ жизни, его не смутитъ неотвязная мысль въ ту минуту, когда ему надо будетъ рѣшиться на какой-нибудь важный шагъ. Сверхъ того, въ Еленѣ сильно чувство собственнаго достоинства: оскорбятъ ли ее, она не протянетъ первая руку на примиреніе, кто бы ни были оскорбители. Узнавъ, что мать порѣшила видать ее за Феликса, она глубоко возмущается мыслью, что ею распорядились, какъ вещью. «Да, мы не имѣемъ права думать, мы красивыя игрушки, которыхъ можно дарить кому вздумается», говоритъ она съ горечью, ни на минуту не тревожится объ исходъ ожидающей ее борьбы. Она знаетъ, что безъ ея воли съ нею не сдѣлаютъ ничего, а въ себѣ она не сомнѣвается; она не красивая игрушка, которую можно подарить кому вздумается; она существо, идущее на борьбу и побѣду, но не на покорность. Начинается обыкновенная, такъ возмутительная своей пошлостью драма, съ упреками неблагодарности дочери, позорящей имя родителей, угрозами родительской властью и напоминаніями о священномъ долгѣ, которая, съ незначительными измѣненіями въ декорацияхъ и монологахъ, разыгрывается едва-ли не въ жизни каждой высоко или низко рожденной дѣвушки и будутъ разыгрываться, пока женщины не перестанутъ быть товаромъ, который чадолюбивые родители считаютъ своей обязанностью сбить съ рукъ хорошему купцу, или капиталомъ, изъ котораго практическіе разсчитываютъ извлечь богатые проценты. Впрочемъ, благодаря приличному тону баронской семьи, дѣловой сухости практической матери и спокойному самообладанію молодой дѣвушки, эта драма разыгрывается всего въ одной сценѣ. Нѣтъ ни слезныхъ попытокъ умолить мать отложить рѣшеніе, ни вспышекъ безтолковой горячности. На приказаніе матери выходить за Феликса, Елена отвѣчаетъ отказомъ; на угрозу объявить всему обществу о помолвкѣ ея — угрозой объявить, что никогда не будетъ женой Феликса. И Анна-Марія принуждена уступить дочери. Анна-Марія умѣетъ понимать людей; она видитъ, что слова дочери не пустыя угрозы, и не рѣшается на скандалъ, на который готова молодая дѣвушка, чтобы отстоять свою независимость. Пусть независимость эта очень ограничена и значеніе борьбы невелико, но Елена всего шестнадцать лѣтъ и рамки жизни ея такъ тѣсны. Въ чемъ же, кромѣ внутренняго міра и міра семьи, можетъ выказаться сила дѣвушки?

Елена стоитъ гораздо выше другихъ великосвѣтскихъ барышень, «глупыхъ вуколъ», какъ она называетъ ихъ; она не находитъ удовольствія въ любезничаньи пустоголовыхъ юнкеровъ и офицеровъ и неспособна винуться на шею первому красивому

юношѣ, который скажетъ ей слово любви, какъ эти барышни, «кровь и нервы которыхъ заражены наследственной необузданностью»; ей нужна жизнь болѣе полная, осмысленная, чѣмъ ихъ жизнь пошлаго кокетства и бальныхъ побѣдъ, ея умъ можетъ удовлетворить одно «великое и необыкновенное». Это стремленіе къ великому и необыкновенному не пустое фантазерство. Если женщина въ двадцать-пять лѣтъ ограничится брезганьемъ глупыми куклами, да мечтами о великомъ и необыкновенномъ, не ударивъ ни разу палець о палець, чтобы сдѣлать что-нибудь путное, то ее, не обинуясь, слѣдуетъ признать пошлой фантазеркой, готовой для желтаго дома; но въ шестнадцать лѣтъ, когда жизнь еще закрытая книга, это стремленіе къ великому и необыкновенному—признакъ богатой, сильной натуры, которой нужна осмысленная, плодотворная жизнь, это аппетитъ здороваго юноши, котораго посадили на антоніевскую пищу. Но это великое и необыкновенное Елена можетъ ждать только отъ любви, и въ головѣ ея сложился идеаль челоувѣка, котораго она полюбитъ—этотъ челоувѣкъ долженъ быть идеаломъ той же гордой силы, героемъ; но благодаря кастовымъ предрасудкамъ, въ которыхъ выросла Елена, герой ея долженъ непременно носить громкій титулъ. Предвидя, съ какимъ негодованіемъ отвернутся отъ Елены развитыя читательницы, умѣющія такъ хорошо говорить о равенствѣ и братствѣ, я считаю необходимымъ прибѣгнуть къ нѣскольکو длинному объясненію. У насъ мечтать о героѣ съ титуломъ можетъ только пошлая дура, которой, смотря по вкусу, пужень идеаль, блондинъ или брюнетъ, съ усами или безъ оныхъ, и которой никогда и во снѣ не приснится стремиться къ чему-нибудь великому и необыкновенному. Но Елену не бессмысленная барская спѣсъ заставляла требовать, чтобы при имени ея героя стоялъ какой-нибудь титулъ или высокородное «фонъ»; для нея этотъ фонъ былъ залогомъ нравственнаго превосходства челоувѣка надъ тѣми, кто не имѣетъ права на этотъ фонъ, эти были для нея не люди, а статисты, по выраженію Анны-Маріи. Эта вѣра, что только привилегированная кровь можетъ передать чувство челоувѣческаго достоинства, чести, мужества, этотъ культъ аристократіи возможенъ только въ странѣ, гдѣ высшее сословіе составляло тѣсно-сплоченную силу, имѣвшую подъ собой твердую почву признанныхъ правъ и умѣвшую отстаивать эти права отъ наслія произвола, но совершенно немислима у насъ, потому что наше барство никогда не сплачивалось въ политическую силу съ признанными правами и имѣло лишь одно право давить своихъ холоповъ. Сознаніе своихъ правъ развиваетъ въ челоувѣкѣ чувство независимости и собственнаго достоинства и понятіе о своемъ превосходствѣ надъ тѣми, которые лишены этихъ правъ. Воспоминаніе о вынесенной за эти права борьбѣ, о славныхъ подвигахъ, вызванныхъ ею, передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ предметъ законной гордости;

воспитаніе дѣтей слагается на основаніи этихъ преданій, которыя производятъ глубокое впечатлѣніе на «демоническія» натуры какъ Елена, тѣмъ болѣе, что въ шестнадцать лѣтъ невозможно отнести критически къ этимъ преданіямъ, для которыхъ въ то время только начиналась настоящая оцѣнка, и то въ другой средѣ, неизвѣстной Еленѣ. Елена и не подозрѣвала, что это сознаніе собственнаго превосходства, развитое дѣльными вѣками, потеряло свой смыслъ съ возникновеніемъ въ обществѣ новой силы, пришедшей на смѣну прежней, и выродилось въ юродивое чванство словомъ, лишеннымъ смысла; она съ донкихотствомъ молодости могла только ухватиться за давно утраченный смыслъ и въ немъ искать великаго и необыкновеннаго. Но первая встрѣча съ этой новой силой въ лицѣ Освальда Штейна, заставила ее усомниться въ непреложности своихъ аристократическихъ вѣрованій. Она съ удивленіемъ замѣтила превосходство Штейна надъ необразованными дворянчиками и въ особенности надъ кузеномъ Феликсомъ, его тонкую иронию, которая такъ ярко выставляла ихъ ничтожество, и то достоинство независимаго человѣка, которое заставляло самую Анну-Марію побавиваться объясненій съ человѣкомъ изъ разряда статистовъ, и его человѣчныя отношенія къ больнымъ и бѣднымъ, которыя казались смѣшными другимъ. Встрѣтивъ первое противорѣчіе жизни съ своими понятіями, человѣкъ съ дѣятельнымъ умомъ неизбежно придетъ къ анализу и противорѣчія и своихъ понятій. Елена, анализируя всѣ достоинства Штейна, приходитъ къ выводу, что или Штейнъ счастливое исключеніе, или ея вѣра въ превосходство аристократіи — ложь. Когда молодая дѣвушка начнетъ анализировать молодаго человѣка, а молодой человѣкъ такъ уменъ и хорошъ и поэтиченъ, какъ Штейнъ, результатъ анализа угадать не трудно. Делкатное и молчаливое участіе Штейна въ тяжелые дни въ борьбѣ съ матерью и его умѣнье понимать каждую мысль ея, привлекаютъ Елену и любовь подирадывается къ ней безсознательно, какъ всегда любовь къ молодой дѣвушкѣ, кровь и нервы которой не заражены «наслѣдственной необузданностью». Елена находитъ удовольствіе говорить съ Штейномъ, дорожить его похвалою, тревожится, когда видитъ его печальнымъ. Но неопредѣленные отношенія не могутъ долго продолжаться: рано или поздно должна придти минута, когда они выяснятся, и когда эта минута настаетъ для Елены, въ ней прежде высказывается аристократка, не допускающая любви къ плебею. Сомнѣніе ея въ непреложности ея вѣрованій были мимолетны и единичный фактъ не можетъ уничтожить вліяніе всего строя ея жизни, научившей ее считать эту любовь позоромъ и униженіемъ. Штейнъ передаетъ ей перехваченное ея матерью письмо, въ которомъ Елена повѣряла пріятельницѣ и свои сомнѣнія, и результатъ своего анализа Штейна. Это былъ первый поступокъ, которымъ Штейнъ выказалъ свое участіе, и гордость Елены, примирившаяся съ

невъсказаннымъ чувствомъ, возмущается, когда оно переходитъ въ дѣло, и ложная женская стыдливость заставляетъ дѣвушку отталкивать выраженіе человѣчнаго чувства участія, потому только, что это участіе мужнины. Она съ оскорбительной холодностью спѣшитъ указать плебею его мѣсто и мужчинѣ — неприличіе навязчиваго участія, но здоровое, естественное чувство тотчасъ беретъ верхъ надъ привитыми предразсудками и Елена рѣшается на шагъ, на который не отважилась бы свѣтская барышня: она подаетъ Штейну письмо со словами: «я знаю, что вы любите другую, я ничего не хочу, но если всѣ знаютъ, что я о васъ думаю, то я хочу, чтобъ знали и вы, которые такъ добры ко мнѣ». Тутъ двойная побѣда: и надъ предразсудками аристократин, и надъ ложными понятіями о женской скромности, выработанными вѣковыми отношеніями товара къ купцу. Но побѣда эта мимолетная; Елена не можетъ такъ скоро поступиться своими вѣрованіями и продолжаетъ бороться со своею любовью. Эта ненужная ломка естественныхъ влеченій молодости должна окончательно уронить юную героиню въ глазахъ развитыхъ читателей. Но не всегда увлеченіе чувствомъ признакъ силы, а отреченіе отъ него — признакъ мелкости и слабости; надо смотрѣть на побужденія, которыя руководятъ и этимъ отреченіемъ, и увлеченіемъ. Если дѣвушка, изъ страха борьбы съ семьей и общественнымъ мнѣніемъ и ожидающихъ ее лишеній комфорта и роскошной жизни, отказывается отъ своихъ правъ на любовь и счастье, это, безъ всякаго сомнѣнія, признакъ дряблой и мелкой натуры; но если она во имя ложно понятаго долга, чувства собственнаго достоинства и вѣрованій, въ которыхъ выросла, борется со своею любовью, то эта борьба — признакъ силы, эта борьба доказываетъ, что дѣвушка не слабый ребенокъ, котораго унесетъ первый нахлынувшій потокъ, но человѣкъ, способный твердо идти по выбранной дорогѣ, и выйти на другую, когда увидитъ, что ошибся въ первой; что у дѣвушки есть свое святое въ жизни, за которое счумѣетъ постоять, которымъ она не поступится при первомъ увлеченіи; эта борьба — нравственная гимнастика, развивающая ея силы для другой, которая ждетъ ее, когда, понавѣ жизнь, она увидитъ несостоятельность своей прежней святини; тогда она счумѣетъ еще рѣшче стоять за новую и не поступится ею ни для всѣхъ благъ міра, ни ради страха страданій и лишеній.

Кромѣ этихъ предразсудковъ, вполне увлечся Штейномъ мѣшаетъ Еленѣ ея тонкое чутье его настоящаго характера. Въ силу того закона, что равные сходятся, человѣкъ, котораго она полюбитъ, долженъ быть идеаломъ той же гордой силы, идеаломъ бойца, а она чувствуетъ, что Бруно, который влюбленъ въ нее со всѣмъ пыломъ юношеской страсти, еслибъ былъ постарше, несравненно болѣе подходилъ бы къ этому идеалу, чѣмъ Освальдъ, которому именно недостаетъ этой гордой силы. Елена ничего не можетъ знать ни о колебаніяхъ Штейна, ни о его

щупаньи своего нравственного пульса; она только вѣрнымъ женскимъ инстинктомъ чувствуетъ, что онъ ей не пара. Ее привлекають къ Шгейну его образованность, умъ и то, что онъ одинъ походилъ на человѣка въ томъ безлюдьи, среди котораго она жила. Не влюбиться же ей было въ идиота Клотена, который не умѣетъ отличить тифа отъ тифа и готовъ повѣрить самой нелѣпой сказкѣ, не въ мелкихъ фатовъ въ родѣ Фонъ-Брезеновъ и Надатцей, готовыхъ изъ мелкой зависти цѣлой шайкой напасть на одного, не въ гулякъ въ родѣ Барневица, съ которыхъ послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина спадаетъ лоскъ, натертый свѣтомъ, и грубость, невѣжество и развратъ выступаютъ во всемъ своемъ цинизмѣ, и всего менѣе въ кузена Феликса, преслѣдовавшаго ее съ самой безтактной самоувѣренностью и говорившаго о женщинахъ тѣмъ же языкомъ, какимъ говорилъ о своихъ лошадяхъ, и который въ жизнь свою не сдѣлалъ порядочнаго поступка, а только умѣлъ глупо издѣваться надъ хорошими поступками другихъ. Въ увлеченіе Елены Шгейномъ входила не столько личность самого Шгейна, сколько потребность молодости любить. За это увлеченіе, отказъ Феликсу и дуэль Шгейна вслѣдствіе скандала, затѣяннаго первымъ, которая сдѣлала ее предметомъ сплетенъ, она платится изгнаніемъ изъ родительскаго дома въ пансіонъ въ Гренивицѣ, гдѣ долженъ заняться для нея свѣтъ, который выведетъ ее изъ мрака предразсудковъ.

V.

Этотъ занимающійся среди мрака свѣтъ, къ которому авторъ ведетъ свои загадочныя натуры, занимаетъ въ среднемъ сословіи или, вѣрнѣе, въ одномъ кружкѣ этого сословія — людей труда и науки, не трансцендентальной науки, упосящей человѣка въ заоблачныя выси идеализма, но науки, имѣющей дѣло съ жизнью. Послѣ рѣдкаго воздуха заоблачныхъ высей, гдѣ не было пищи легкимъ, удушливаго аромата часовень, гдѣ курится еміамъ Венерѣ Милосской, и зараженнаго воздуха раззолоченныхъ палатъ, на читателя пахнуло несравненно болѣе чистымъ воздухомъ мирной трудовой семейной жизни, его охватило чувство ясности, спокойствія и любви. Здѣсь нѣтъ ни Мефистофелей, своей развѣдающей проіей заставляющихъ учениковъ своихъ отвернуться отъ жизни, Гамлетовъ, изнуренныхъ мечтаніями о великихъ подвигахъ и тратящихъ жизнь на мелочи, или праздныхъ скитальцевъ, мыкающихъ по свѣту свою тоску о томъ, что «голубой цвѣтокъ» не дается ни въ руи; нѣтъ буйныхъ Гаральдовъ, подлой комедіей обольщающихъ молодыхъ дѣвушекъ, отцовъ, продающихъ дочерей въ уплату картоннаго дома, ни матерей, считающихъ «собственную плоть и кровь» капиталомъ, изъ котораго можно извлечь богатые проценты; нѣтъ женщинъ, которыхъ бездѣлье выдаетъ отъ поклоненія Ма-

доннѣ въ поклоненіе Венерѣ Милосской, ни дѣвушекъ, заранѣе запасавшихся красивымъ любовникомъ, чтобъ утѣшиться въ печальной необходимости продать себя ради династическихъ интересовъ своей фамилии, или собственнаго пристройства, пьяницѣ и дураку. Здѣсь нѣтъ ни презрѣнія къ себѣ и людямъ, ни убійственнаго сознанія торричеліевой пустоты съ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — страшной потребностью заливать эту пустоту виномъ, нѣтъ грубой животности, послѣдствія невѣжества и пресыщенной праздности, которую надо тѣшить оргіями и даже преступленіями. Здѣсь лучшія силы человѣка не становятся ему пролятиемъ, не отвращаются его естественные инстинкты, потому что жизнь этого кружка не исключила одно изъ важнѣйшихъ условій существованія и развитія человѣческой природы — трудъ, но крѣпко держится на этой почвѣ, а не на гнилыхъ подпоркахъ беззаконныхъ привиллегій. Читатель, утомленный горькими сѣваніями геніальныхъ безумцевъ, воплями отчаянія сломленныхъ бойцовъ, бессмысленной болтовней велико-свѣтскихъ идиотовъ, отдыхаетъ, встрѣтивъ бодрыхъ, довольныхъ работниковъ съ здоровыми радостями и здоровыми привязанностями, знакомыми ему тревогами и печалами, слыша трезвую, бодрую рѣчь живыхъ людей. Эти люди не высокородные бароны и владѣтельные князья, не философы, идеалисты и поэты, а естественники и доктора.

Во всѣхъ современныхъ романахъ послѣднее слово остается за представителями естественныхъ наукъ и преимущественно за докторами; они замѣнили собой хоръ древнихъ трагедій и здравомысловъ классическихъ комедій. Эстетика, злобствуя на эти романы, которые выводятъ искусство изъ храма на торговую площадь жизни, отвергаютъ жизненность этихъ романовъ и называютъ писанными по рецепту современныхъ теорій, закрывая глаза на то, что этотъ рецептъ подсказанъ самой жизнью и что эти здравомыслы удовлетворяютъ настоящимъ потребностямъ человѣческой мысли. Измученная погоней за безплотными идеалами, которые ускользали чуть только она надѣялась схватить ихъ, и блужданіемъ въ туманѣ разныхъ трансцендентальныхъ теорій, человѣческая жизнь захотѣла, наконецъ, стать на твердую почву дѣйствительной жизни. Послѣ долгихъ, бесплодныхъ попытокъ проникнуть въ сущность всего сущаго и въ тайну собственнаго я, человѣкъ отказался отъ нихъ и понялъ, наконецъ, что онъ не независимое существо, стоящее надъ жизнью, не богъ, который носить міръ въ груди своей и имѣть право устроить жизнь на основаніи требованій этого міра, а только капля въ неизмѣримомъ океанѣ человѣчества и, какъ капля, не можетъ имѣть абсолютной независимости, а управляется тѣми же законами, какъ и прочія капли, составляющія океанъ; онъ увидѣлъ невозможность міромъ, носимымъ въ груди, дойти до познанія законовъ, управляющихъ жизнью и каждой каплей и цѣлаго океана, и сталъ искать въ наукѣ, каждое положеніе

которой скрѣпляется очевидными доказательствами, отвѣта на тѣ вопросы, на которые такъ долго и напрасно допрашивался отвѣта у науки, занимавшей исключительно міромъ, носимымъ въ груди. Но только изучивъ составъ и свойства капель и условія, въ которыя онѣ поставлены, можно опредѣлить ихъ силы и потребности, и только на знаніи этихъ потребностей и этихъ силъ предъявить требованія и установить законы, которые должны управлять и жизнью капли, и жизнью цѣлаго океана. Вотъ почему послѣднее слово должно неизбежно остаться за людьми, изучающими эти свойства и силы, и почему писатель, который почерпаетъ свои произведенія изъ жизни, не можетъ брать своихъ героевъ изъ другой среды, когда захочетъ создать образы этихъ людей.

Представители этого свѣта, занимающагося среди мрака: докторъ Робранъ, зять его Францъ Браунъ и труженикъ Бемперлейгъ. Докторъ Робранъ, знаменитость медицинская, добрый, честный весельчакъ и эпикуреецъ по взгляду на жизнь. Жизнь для него не юдоль печали, какъ для его друга Бергера, гдѣ добро гибнетъ и нагло торжествуетъ зло, а надо всѣмъ глушость потрясаетъ свой колымакъ съ погремушками и вѣчное ничто раскрываетъ свою зіяющую пропасть, чтобъ поглотить «всѣхъ и все», но «безконечный ландшафтъ», гдѣ пустыни перемежаны съ елисейскими полями», и вся житейская мудрость доктора состоитъ въ томъ, чтобъ избѣгать однѣхъ и селиться въ другихъ. Впрочемъ, въ этой мудрости есть пробѣлы. Если, благодаря своимъ талантамъ, учености и неутомимому труду, онъ могъ выбраться изъ пустыни и поселиться въ елисейскихъ поляхъ, то сотня тысячъ такихъ же неутомимыхъ труженниковъ, но которымъ природа отказала въ его талантахъ, лишены всякой возможности слѣдовать указаніямъ этой мудрости и обречены томиться зноемъ и жаждой въ пустынѣ, въ виду елисейскихъ полей. Но доктору Робрану некогда задумываться надъ этими пробѣлами, онъ работаетъ съ утра до вечера, и работаетъ въ безводной пустынѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ въ елисейскихъ. Францъ Браунъ такой же неутомимый работникъ и замѣчательный ученый, но, какъ сынъ своего вѣка, заплатилъ ему дань. Онъ тоже увлекался трансцендентальной философіей и едва не погибъ въ ея туманахъ, но его спасло убѣжденіе, «возникшее сначала какъ темное предчувствіе, но которое становилось все яснѣе, и наконецъ перешло въ полную увѣренность, что жизнь есть космосъ, въ которомъ каждый изъ насъ долженъ заимать съ пользой опредѣленное мѣсто, и что человѣчество связано между собой общими интересами и подчинено тѣмъ же законамъ», и онъ занялся медициной потому, что въ ней «каждое психическое явленіе доказывается *ad oculos*», и что она ставитъ человѣка въ постоянныя и близкія сношенія съ людьми. Это изученіе привело его къ убѣженію, «что намъ слѣдуетъ быть сынами человѣческими, дѣтьми этой земли съ правами и обязанностями,

всѣ силы изжить на этой нашей землѣ съ другими людьми, нашими братьями, имѣющими тѣ же права и обязанности». И у него дѣло идетъ вмѣстѣ съ словомъ; онъ выбралъ себѣ опредѣленное мѣсто и честно исполняетъ взятія на себя обязанности врача и человѣка. Онъ не теряетъ даромъ ни минуты, лечитъ больныхъ, пишетъ диссертацин и, кромѣ того, готовъ быть полезнымъ каждому брату участіемъ и вліаніемъ. Въ его жизни нѣтъ ни тревогъ, ни противорѣчій, все ясно и опредѣленно. Третья личность въ этомъ кружкѣ людей труда и науки, далеко уступающая первымъ двумъ въ умѣ и талантахъ, но не въ энергій, Бемперлейнъ—скромный труженникъ, «который знаетъ, что онъ ничтожный человѣкъ и въ сознаніи своего ничтожества не осмѣливается поднять глазъ на высоту, но только благоговѣетъ передъ тѣми, кто можетъ гордо и свободно держаться на этой высотѣ». Бемперлейнъ—сынъ деревенскаго пастора, почти нищаго, и былъ брошенъ въ жизнь съ нѣсколькими грошами въ карманѣ, и благодаря своимъ талантамъ писать очиненными сѣрными спичками, быть сытымъ однимъ бутербродомъ и изъ семи дней голодать одинъ, высаживать послѣ шести часовъ лекцій шесть часовъ частныхъ уроковъ, онъ не только могъ содержать себя въ университетѣ, но поставить на ноги двухъ братьевъ, которымъ природа отказала въ этихъ талантахъ. Въ тридцать лѣтъ, когда наконецъ открылось для него обезпеченное мѣсто пастора, онъ увидѣлъ, что негодится для него и что всю жизнь шелъ по ложной дорогѣ; но не тратя ни мноту на оплакиванье столькихъ даромъ загубленныхъ годовъ и силъ, онъ снова принялся учиться и наконецъ цѣной нечеловѣческой выносливости и упорнаго труда купилъ себѣ хорошенькій домикъ въ елсейскихъ съ хорошенькой женой. Всѣ эти люди — нѣжные супруги, отцы, однимъ словомъ, образцы семейныхъ добродѣтелей. Кромѣ труда, человѣку необходимо въ жизни наслажденіе. Сознаніе приносимой пользы — чувство какъ нельзя болѣе почтенное и отрадное, но имъ удовлетвориться можетъ какой нибудь заморившій себя аскетъ, а не здоровый человѣкъ. Здоровый человѣкъ всегда захочетъ на своемъ «опредѣленномъ мѣстѣ въ жизни» найти, кромѣ этого сознанія, любовь, ласку, дорогое существо. Это естественная потребность человѣческой природы, которая въ праздныхъ людяхъ вырождается въ нравственную распущенность, въ людяхъ, стоящихъ на гнилыхъ подпоркахъ — въ спекуляцію для подкрѣпленія этихъ подпорокъ, въ людяхъ труда дѣлается источникомъ прочныхъ семейныхъ привязанностей. Отстраняется хорошенькій домикъ въ елсейскихъ, отыскивается добраа, любящая подруга. Чѣмъ болѣе трудовъ стоило человѣку добытое имъ наслажденіе, тѣмъ болѣе онъ дорожитъ имъ, тѣмъ сильнѣе привязывается къ нему; чѣмъ менѣе въ человѣкѣ покойныхъ стремленій, заставляющихъ его кидаться отъ одного наслажденія къ другому, тѣмъ прочнѣе его привязанности,

тѣмъ вѣнче онъ держится за радостями, которыя онѣ даютъ, и тѣмъ заботливѣе станеть онъ охранять эти радости отъ всего, что можетъ помрачить ихъ, и вотъ изъ труженника выработывается нѣжный супругъ и отецъ, и въ елисейскихъ поляхъ устроивается мирная любовная жизнь, въ которой отрадно отдохнуть человѣкъ съ грудью, измученной рѣдкимъ воздухомъ горныхъ высотъ и отравленной атмосферой раззолоченныхъ гостинныхъ, и улыбнется и мелочнымъ радостямъ, и умилительно наивнымъ шуточкамъ, и тяжеловѣснымъ остротамъ, принадлежностямъ германскихъ домиковъ въ елисейскихъ, потому что право на эти радости, шуточки и остроты взято съ боя у жизни, потому что на него положены годы упорнаго труда, много честныхъ силъ. Но присмотрѣвшись къ этому счастливому міру, человѣку станеть въ немъ тѣсно; онъ увидить, что счастье этого міра далеко непрочно, и что для того, чтобъ ему быть прочнымъ, изъ человѣчнаго ему надо сдѣлаться мѣщанскимъ, и что рано или поздно настанеть минута, когда этимъ труженникамъ придется или отказаться отъ этого счастья, взятаго съ боя у жизни, или превратиться въ филистеровъ. Существованіе свѣтленькихъ домиковъ въ елисейскихъ можетъ быть прочно лишь съ непремѣннымъ условіемъ забыть о братьяхъ, которые томятся зноемъ и жаждой въ безводной пустынѣ, закрыть глаза, чтобъ не видѣть ихъ искаженныя страданіемъ лица, заткнуть уши, чтобъ не слышать ихъ воплей. Докторъ Робранъ не соблюдя этого условія; онъ не могъ оставать безучастнымъ зрителемъ этихъ страданій, и протягивалъ руку братьямъ каждый разъ, когда вопли ихъ доносились до дверей его домика въ елисейскихъ; онъ бился всю жизнь, «чтобъ наполнить бездонную бочку пролетаріата», и едва не погибъ жертвой этихъ усилій. Большая часть его состоянія исчезла безслѣдно въ этой бочкѣ, онъ сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ, которому грозитъ тюрьма и позоръ, и поплатился ударомъ за ожиданіе этого позора. Зять его Браунъ внесъ за него свой скопленный капиталъ, но, умудренный опытомъ тестя, не пытался уже наполнять бездонную бочку, потому что этими попытками можно только раззорить свой собственный домикъ въ елисейскихъ, не выведя братьевъ изъ пустыни. Бемперлейнъ, обдѣленный тѣми талантами, которые Робранъ считалъ неисчерпаемымъ источникомъ приобрѣтеній и которому его свѣтленькій домикъ въ елисейскихъ стоилъ несравненно большихъ трудовъ, былъ еще менѣе способенъ рисковать имъ. Добившись счастья вдвоемъ съ хорошенькой Маргариточкой, онъ началъ находить вакхическими гимны свободѣ и безумнымъ и гибельнымъ увлеченіе Бергера этими гимнами. И когда братья его, томящіеся въ этой пустынѣ, откуда онъ выбрался, гибнуть, а люди, поющіе вакхическіе гимны и стоящіе на высотѣ, на которую онъ не смѣлъ поднять глазъ, идутъ умирать съ ними, онъ съ филистерской осторожностію держится въ сторонѣ и благодумствуетъ съ своей Маргариточкой. Счастье вдвоемъ по

законамъ природы разрастается въ счастье втроемъ, вчетверомъ т. д. Бемперлейнъ, который отдавалъ послѣднюю копейку сестрамъ и голодалъ годами чтобъ поставить на ноги братьевъ, для любимой женщины и дѣтей не остановился бы и передъ болѣе крупными жертвами; для себя ему ничего не нужно было: онъ такъ втянулся въ эту жизнь лишеній, что скромное довольство было для него роскошью и онъ не зналъ бы, что сдѣлать съ богатствомъ; будь онъ одинъ, можно поручиться, что онъ остался бы тѣмъ же скромнымъ труженикомъ, готовымъ подтануть вакхическому гимну; но сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ станеть дрожать отъ мысли, что съ его жизнью связана жизнь жены и дѣтей, что имъ придется вынести даже сотую долю того, что онъ вынесъ, и забывши о братьяхъ въ пустынѣ, онъ примется усердно сколачивать копейку, чтобъ заготовить сперва одному, тамъ другому и т. д. ребенку свѣтленькій домикъ въ елисейскихъ, чтобы избавить ихъ отъ странствованія въ безводной пустынѣ, которое онъ вынесъ. Копейка сколачивается медленно, ее надо пускать въ оборотъ, язь управляющаго заводомъ удобно сдѣлаться компаньономъ, заводчикомъ, а тамъ дорога торная, будь эксплуататоромъ, спекулируй на трудовой потъ, здоровье, жизнь тысячъ братьевъ, томящихся въ пустынѣ, или самъ съ женой и дѣтьми иди изъ елисейскихъ въ пустыню. Честный Бемперлейнъ, жалуясь на вакхическіе гимны, не предполагалъ, что подобная участь ожидаетъ его лѣтъ черезъ десятокъ.

Но есть мѣра человѣческой выносливости и страданіямъ. Можетъ настать минута, что чаша переполнится и зной и жажда пустыни доведутъ братьевъ до той степені отчаянія, когда человѣкъ становится звѣремъ, и они въ безумной ярости пойдутъ обращать въ пустыни елисейскія поля, чтобы самимъ погибнуть подъ ихъ развалинами, и цивилизованному міру загрозитъ новое нашествіе варваровъ, которые выросли на его глазахъ, которыхъ онъ самъ же создалъ. Францъ Браунъ видитъ единственное средство отвратить эту минуту ученіемъ о солидарности человѣческихъ интересовъ. Но успѣютъ ли жители елисейскихъ на столько проникнуться этимъ ученіемъ, чтобы принять во время мѣры болѣе дѣйствительныя чѣмъ наполненіе бездонной бочки пролетаріата въ одиночку, какъ дѣлалъ докторъ Робранъ, а братья, томящіеся въ безводной пустынѣ на столько, чтобъ терпѣливо выждать, пока будутъ приняты эти мѣры — это тайна будущаго. Люди труда и науки очень хорошо видятъ это безотрадное положеніе, но этотъ веселенькій пейзажикъ и ожиданіе другихъ, еще болѣе веселенькихъ не доводитъ ихъ до владбищенства. Зная свои силы, они не мучаютъ себя отчаяніемъ, зачѣмъ они не могутъ однимъ мгновеніемъ руки превратить безводныя пустыни въ елисейскія поля, и не складываютъ рукъ отъ сознанія безсилія. Когда горсть братьевъ, доведенныхъ зноемъ и жаждой пустыни до той степені отчаянія, когда человѣкъ готовъ кинуться съ ножомъ за глотокъ воды, строить бар-

рикады и съ ржавыми пиками и саблями и ружьями безъ замковъ становятся подъ жерла пушекъ, люди науки очень хорошо понимаютъ всю бесполезность этой попытки, которая загонить братьевъ еще дальше въ безводныя пустыни, но они не покидаютъ братьевъ, а служатъ имъ на «своемъ опредѣленномъ мѣстѣ», хотя за это служеніе могутъ заплатить своимъ домикомъ въ елисейскихъ. Такъ дѣлалъ Францъ Браунъ, когда, рискуя и мѣстомъ профессора и жизнью, пошелъ на баррикады перевязывать раненныхъ. Этыхъ людей можно загнать изъ елисейскихъ въ пустыню, можно сгноить въ казематахъ или въ ссыльѣ, но нельзя связать имъ руки, пока въ нихъ есть еще искра жизни, ни отнять у нихъ отрадное сознаніе, что въ великое общее дѣло они внесли и свою долю труда. Трудъ ихъ — крѣпкая связь съ братьями, прочная опора ихъ жизни — ихъ религія. Она поддержитъ ихъ въ минуту тяжелой скорби, въ минуту пораженія, и дастъ имъ силы и снова бороться и съ ленимъ спокойствіемъ встрѣтить смерть. Исповѣданіе этой религіи высказалъ докторъ Робранъ въ своей послѣдней рѣчи:

«Мы, дѣти девятнадцатаго вѣка, родимся на то, чтобъ не имѣть отдыха. Громадныя задачи, поставленныя намъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ каждой области человѣческой дѣятельности, съ ранней юности порабащаютъ наши силы. «Къ оружію, къ оружію!» вѣчно слышится у насъ, хотя наше оружіе теперь перья или кости, плугъ или молотокъ, циркуль или ланцетъ. Что за дѣло работѣ до работника! Пусть виски его лихорадочно бьются, мозгъ напрягается до безумія, члены дрожатъ отъ истощенія, — что за дѣло? Она вознаграждаетъ его бѣдностью, болѣзнями и требуетъ отъ него, обезсиленнаго, удрученнаго, подвиговъ Геркулеса. Да, мы, пролетарин на барщинѣ работы, мы, слабые, должны совершать подвиги, съ которыми подвиги Геркулеса и древнихъ героевъ кажутся дѣлами пигмеевъ. Наше столь укоряемое въ бездѣйствіи и сонливости время все же гора, рождающая не смѣшныхъ мышей, а дышащихъ паромъ коней, исполнскія произведенія промышленности, удивительнѣйшія открытія. Оттого, что въ наше время измѣнилась пропорція трудящихся. Въ тѣ вѣка борьбу за работу на цѣлое поколѣніе несли на себѣ только герои, а толпа шла за ними какъ низкая и лѣнвая челядь. Въ наше время, какъ бы ни замѣчательна была отдѣльная личность, она не можетъ имѣть много значенія. Вся сила въ массѣ, которая плотными рядами медленно и неизмѣнно подвигается по пути прогресса. Въ этомъ еще далеко не всё убѣдительно, и нѣкоторымъ эгоистамъ хотѣлось бы воротить тѣ времена, когда одинъ былъ все, а толпа ничего, но имъ не измѣнить хода исторіи. Прогрессивная армія человѣчества тянется непрерывной линіей впередъ плечо къ плечу, задніе за передними и, если по временамъ является промежутокъ, то въ слѣдующую минуту толпа опять сплывается. Эта мысль такъ успокоительна. Что за дѣло, что ты сломишься завтра или се-

годна, за тобой послѣдуетъ молодой сильнѣйшій воинъ, который тотчасъ займетъ твое мѣсто и помощью того же оружія, которое выпало изъ твоей ослабѣвшей руки, произведетъ болѣе великое дѣло. Въ лицѣ другихъ мы непобѣдимы и безсмертны, работникъ—въ своей работѣ».

V.

Посмотримъ, что дали женщинѣ люди труда и науки романовъ Шильгаена. Слѣдуя ученію своему, что миръ есть космосъ, въ которомъ каждый долженъ занимать съ пользою определенное мѣсто, они опредѣлили это мѣсто женщинамъ въ семьѣ. Семья, кромѣ труда, была единственнымъ счастьемъ, которое жизнь могла дать этимъ людямъ, и это счастье было въ рукахъ женщины. Женщина для нихъ не цвѣтокъ, который срываютъ сегодня, чтобы завтра бросить для другаго, не божество, которому преклоняются сегодня, чтобъ завтра затоптать въ грязь, не предметъ спекуляціи для династическихъ интересовъ; она—вѣрная, любящая помощница, которая должна устроить имъ уютный домикъ въ елисейскихъ, гдѣ бы они отдыхали послѣ дневной работы, и съ ясной улыбкой нести мелочныя заботы, которыя такъ отравляютъ жизнь и мѣшали бы имъ вполне отдаться ихъ дѣлу; она—подруга, способная сочувствовать ихъ цѣлямъ, понимать значеніе ихъ работы, и согрѣвать ихъ жизнь своимъ участиемъ и любовью. Этой подругой можетъ быть только женщина, чья жизнь вполне поглощается и этими заботами, и этимъ сочувствіемъ, и которыхъ никакія беспокойныя силы не заставляютъ рваться за стѣны уютнаго домика въ елисейскихъ. Софи Робранъ, невеста Франца Брауна, вполне удовлетворяетъ этому идеалу жены. Софи—милое, любящее, честное дитя, которое заботливая рука отца и жениха охраняютъ отъ всякихъ невзгодъ жизни; отъ нея скрываютъ и разореніе отца, и жертва Франца; ея назначеніе—радовать, и потому она сама должна быть радостью. Софи несравненно умнѣе сотенъ дѣвушекъ ея круга и вовсе не похожа на нихъ; вопросъ о томъ, къ лицу ли ей такое-то платье, не составляетъ для нея вопроса жизни; она лишена способности божественно веселиться съ военными, и не спать ночи передъ баломъ; она не любитъ сходиться на короткую ногу съ молодѣжью, какъ другія дѣвушки; это значить, что въ ней нѣтъ ни ихъ кокетства, ни привычки отдавать свою благосклонность по мелочамъ, играть своею жизнью, но за то она способна искренней дружбой согрѣть жизнь одинокаго бѣдняка. Она серьезно смотритъ на жизнь, на сколько можетъ хватить ея взглядъ; она не любитъ ни громкихъ фразъ, ни увлеченій, ей антипатиченъ Штейнъ за его пропію, она ему предпочитаетъ Бемперлейна и усердно занимается перевоспитаніемъ этого дикаря; въ ней сильна потребность ясности и опредѣленности, она чужда и тревогъ и противорѣчій, но за то и стрем-

лений къ «великому и необыкновенному». Она никогда не спрашивала себя: «чего ты хочешь, безпокойное сердце?» Да ей и нечего желать. Жизнь для нея — открытая дорога, съ которой рука любимаго человѣка отодвинетъ всѣ препятствія, и по которой она пойдетъ опираясь на эту руку, не жалуясь на трудности пути, и съ тою же свѣтлой улыбкой, встрѣчая и лучъ солнца и непогоду. Этотъ человѣкъ научилъ Софи, что у мужчины есть другая забота, кромѣ заботы о пищѣ для себя и своихъ, что онъ прежде всего жрецъ духа и что священнѣйшая обязанность женщины — помогать ему сочувствовать, а не взваливать на его плечи весь мелочной скарбъ жизни. Софи не подозрѣваетъ, что духъ дышетъ гдѣ хочетъ и гласъ его слышатъ всѣми, и нѣтъ такой силы, которая могла бы сказать этому духу: останись здѣсь и не иди далѣе. Но въ ней нѣтъ стремленій къ «великому и необыкновенному»; тѣ, которыми обнаруживается присутствіе этого духа, пока для него не откроютъ пути въ жизни. Ей никогда не случалось видѣть, чтобы женщина становилась жрицею духа, а чего она не видала, то для нея не можетъ существовать. Софи тоже практическая женщина въ своемъ родѣ, какъ Анна-Марія, но Анна-Марія доказательство того, въ какую сторону, при настоящемъ положеніи женщины, можетъ направиться эта практичность въ натурахъ холодныхъ, энергическихъ и честолюбивыхъ, а Софи — доказательство, куда направляется практичность любящихъ женственныхъ натуръ. Несмотря на разность натуръ, въ обѣихъ женщинахъ одна общая черта: обѣ принимаютъ жизнь, какъ она есть, обѣ неспособны заглянуть далѣе тѣхъ рамокъ, которыми она обведена. Софи дороги эти рамки, она съ радостью беретъ выносить на плечахъ своихъ весь мелочной скарбъ жизни для своего Франца, любовь придаетъ смыслъ каждой мелочи, но она не нѣмецкая кухарка, погрязшая всѣмъ существомъ своимъ въ домашнемъ скарбѣ. Она должна не только нести мелочной скарбъ, но умѣть украсить жизнь своего Франца. Она — талантливая музыкантша, любитъ чтеніе, она учится ровно настолько, чтобы быть способной «заслужиться рѣчей гостя и забыть о его угощеніи, какъ Марія; это Марія, надѣвающая фартукъ Марѣ», когда требуется угощеніе; но этимъ и ограничивается сходство. Она не пойдетъ, какъ Марія, на Голгоу за учителемъ, а по смерти его — на проповѣдь съ апостолами; для этой Маріи и то уже великій подвигъ, если она, чтобы не опечалить мужа слезами, съумѣетъ скрыть свою горестъ, когда ей приходится разстаться съ любимымъ отцомъ, котораго не надѣется больше увидѣть. Она живетъ семьей, и внѣ ссмыи нѣтъ для нея жизни; у ней даже нѣтъ собственной личности. Когда Елена спрашиваетъ, что бы она сдѣлала, если бы ее оскорбили близкіе люди, протянула ли бы она первая руку оскорбителямъ, — Софи даже не понимаетъ вопроса, она не въ состояніи представить себѣ, какъ можно считать себя оскорблен-

ной близкими людьми: «отецъ, мать—это все равно, что я, это выйдетъ, какъ будто я сама себя оскорбила», говоритъ она Еленѣ. Семья—опредѣленное мѣсто въ жизни, ея религія, и ей она останется вѣрна, даже еслибы вмѣсто радостей она дала ей одни страданія. Попадись она вмѣсто Франца, готоваго на плечахъ своихъ вынести всю тяжесть труда, чтобъ только избавить ее отъ огорченія, какому нибудь грубому деспоту, который сталъ бы безпощадно ломать ее, — она и тогда не поняла бы, какъ можно возмутиться; онъ былъ бы ея мужемъ, отцомъ ея дѣтей. Возмутиться, значило бы выдѣлить свою личность изъ семьи, разбить семью, измѣнить своей религіи; и она стала бы безмолвно выносить все во имя долга, и въ жизни прибавилось бы еще одной страдальцей, угасающей безропотно подъ гнетомъ, однимъ вреднымъ существомъ, которыя поддерживаютъ униженіе и порабощеніе женщины, и своимъ примѣромъ парализируютъ попытки другихъ, слабыхъ, выбиться изъ-подъ этого гнета. Какъ личность такихъ женщинъ поглощена семьей, то и эгоизмъ ихъ не единичный, а коллективный, эгоизмъ семьи. Для нихъ нѣтъ интересовъ выше интересовъ семьи; благоденствуй семья, и онѣ закроютъ глаза на все, имъ вездѣ будетъ хорошо, гдѣ хорошо любимому человѣку; эти женщины—ветхозавѣтная Руѳъ, которая говоритъ: «твоя родина будетъ моею, твой Богъ моимъ Богомъ». Онѣ не удержатъ любимаго человѣка отъ служенія его Богу потому только, что любимый самъ для нихъ Богъ, и жизнь его будетъ всегда для нихъ дороже всякихъ служеній, и еслибы имъ пришлось выбирать между этой жизнью и интересами его служенія, онѣ не поколебались бы ни на минуту въ выборѣ. Софи не удерживала Франца, когда онъ шелъ на баррикады, потому что Франца нельзя было удержать; но будь Францъ другимъ человѣкомъ, она пустила бы въ ходъ слезы, мольбы, всѣ средства женскаго вліянія, противъ котораго другой не устоялъ бы, и однимъ честнымъ дѣломъ было бы мѣнѣе въ жизни. Женщины какъ Софи чисты отъ лжи и лицемерія, но они имъ не нужны: дорога ихъ гладка и свѣтла, борьбу за ихъ жизнь несетъ за нихъ другой; остаться чистыми нетрудно, когда идешь по расчищенной дорогѣ, опираясь на руку честнаго человѣка. Но заставьте этихъ женщинъ самихъ выносить на плечахъ свою семью, когда для нихъ открыто такъ мало честныхъ путей, — и вы увидите, что нужда научитъ ихъ всему. Онѣ станутъ лгать и лицеферить не хуже Анны-Маріи; всѣ средства будутъ для нихъ хороши, чтобъ достичь цѣли — прокормить и поднять семью, люди будутъ для нихъ цифрами, общающимися болѣе или менѣе выгодъ, для дорогой семьи орудіями, которыя онѣ станутъ употреблять, какъ Анна-Марія, и также бездушно бросать, чуть только они сдѣлаются непригодными; окажется ли необходимымъ для спасенія ихъ семьи погубить сотни другихъ, онѣ не остановятся и передъ этимъ: человѣкъ всегда будетъ стоять за то, въ чемъ его жизнь.

Если сравнивать Софи съ тѣмъ идеаломъ женщины, которая живо чувствуетъ свою связь съ человѣчествомъ и живетъ самостоятельной, осмысленной жизнью, потребность котораго такъ настоятельно ощущается въ наши дни, то Софи, способная идти только опираясь на руку мужа, и то по протоптанной дорогѣ, окажется далеко несостоятельной; но если сравнить ее съ большинствомъ женщинъ, разоряющихъ мужей своими тряпками, утѣшающихся красивыми любовниками за то, что продали себя противному мужу, большихъ куколъ, царапающихъ другъ другу глаза за лишняго поклонника,—то придется сознаться, что она стоитъ гораздо выше этого огромнаго большинства, и пожелать, чтобъ каждая женщина этого огромнаго большинства превратилась въ Софи Робранъ, хотя счастье имѣть такую жену доступна только человѣку, зарабатывающему не менѣе тысячи двухъ въ годъ. Такія жены неспособны внести своего заработка въ семью, но за то онѣ никогда не будутъ бесполезнымъ бременемъ для мужа. Онѣ сѣмѣютъ сберечь его трудовую копейку, не потребуютъ чтобъ онъ измѣнилъ своему служению для того, чтобы устроить имъ жизнь комфортабѣе и роскошнѣе; когда онъ вернется усталый съ работы, онѣ не станутъ доносить его глупѣйшими претензіями, капризами, тѣми тысячами мелочей, которыми женщины такъ умѣютъ отравлять жизнь; это не праздныя барыни, которымъ нужны экономки, гувернантки, няньки, горничныя, цѣлый штатъ прислуги, и трудъ ихъ, какъ нанекъ, кухарокъ, швей, воспитательницъ, избавить мужа отъ лишнихъ расходовъ, которые составить въ годъ очень очень круглую цифру; и если онѣ неспособны заглянуть за свое родное гнѣздо, то онѣ не будутъ въ немъ трутнями, а трудолюбивыми муравьями. Онѣ будутъ заботливыми матерями и не помѣшаютъ сыновьямъ идти по дорогѣ отца служить духу; но если въ дочеряхъ замѣтятся стремленіе «къ великому и необыкновенному», онѣ постараются заглушить его. Эти женщины не свѣтъ занимающагося дня, но за то и не блудящія огоньки болота, а ясный огонекъ домашняго очага.

VI.

Этотъ огонекъ и есть тотъ свѣтъ, къ которому авторъ ведетъ Елену изъ ея блужданій во мракѣ. Въ Гренвипскомъ пансіонѣ она сходится съ Софи; но эта новая встрѣча съ жизнью не наводитъ ее на сомнѣнія въ непреложности ея аристократическихъ вѣрованій, хотя Софи, образованная, талантливая, умная дѣвушка, чуждая всякой пошлости и грубости, могла служить такимъ же доказательствомъ нелѣпности этихъ вѣрованій, какъ Штейнъ, но молодая дѣвушка для молодой дѣвушки предметъ несравненно менѣе интересный, чѣмъ молодой человѣкъ. Елена холодно отталкиваетъ Софи, а между тѣмъ ей такъ нужно участие и совѣтъ, мракъ сгущается около нея все болѣе и болѣе.

Мелкій, владѣтельный князекъ Вальденбергъ, обладатель несчетнаго количества душъ въ Россіи, дѣлаетъ ей предложеніе. Вальденбергъ, такъ же, какъ Елена—типъ, который можетъ выработаться только въ Германіи или Англіи, но не у насъ; въ немъ та же гордость и та же донъ-кихотская вѣра. Онъ убѣжденъ, что одинъ дворянинъ можетъ съ честью носить оружіе; онъ солдатъ потому, что въ его глазахъ это самое почетное званіе: «солдатъ охраняетъ власть, священныя преданія и порядокъ, благодаря которому мирный селянинъ можетъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ», и не измѣнитъ своимъ убѣжденіямъ. Князь изъ тѣхъ сухихъ, положительныхъ и ограниченныхъ, такъ-сказать, чугунныхъ натуръ, всю жизнь сохраняющихъ ту форму, въ которую были отлиты, пока она не разобьется въ дребезги; князь консерваторъ, не ради личныхъ выгодъ, но ради принципа. Узнавъ, что онъ сынъ незаконный акробата, онъ готовъ отказаться и отъ титула и отъ шпаги, которыхъ считаетъ себя недостойнымъ, и отъ руи любимой дѣвушки, которой не хочетъ владѣть обманомъ, и идетъ умирать въ борьбѣ противъ свободы. Рѣшеніе его мгновенно, но неизмѣнно, въ немъ нѣтъ ни колебаній, ни сомнѣній—это человѣкъ дѣла. Родись онъ въ другой средѣ, изъ него бы вышелъ одинъ изъ тѣхъ солдатъ, которые въ 93 году отстояли Францію отъ цѣлой Европы и разнесли по ней идеи свободы, или тѣмъ наборщикомъ-революціонеромъ (однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ другого романа Шпильгагена), который, съ сломанной рукой, нѣсколько часовъ набиралъ статью. Между Вальденбергомъ и Еленой нѣтъ ничего общаго, кромѣ ихъ донъ-кихотской вѣры. Елена скучаетъ съ нимъ; бойцы вообще немногорѣчивы; а князь, вдобавокъ, боецъ отжившихъ началъ и на немъ лежатъ печать смерти. Только участіе въ жизни настоящей, вѣчно изъ себя возобновляющейся и вѣчно создающей, можетъ дать человѣку ту жизненность и силу, которыя могутъ увлечь дѣвушку съ «демонической» натурой Елены. Несмотря на его молодость, въ князѣ есть черствость и безпопачность, которыя отталкиваютъ ее. Но титулъ и богатство князя удовлетворяютъ ея потребности великаго и необыкновеннаго; жизнь не научила ее, гдѣ она должна искать это великое и необыкновенное. Сдѣлавшись женой Вальденберга, она поднимется высоко надъ подругами, и это соображеніе перетягиваетъ вѣсы въ пользу князя. Это заставитъ чувствительныхъ читательницъ объявить Елену низкой, продажной, мелочной; я не стану утверждать, чтобы чувство, заставившее перетянуть вѣсы въ пользу князя, было прекраснымъ, благороднымъ, но дѣвушка съ воспитаніемъ, энергіей и честолюбіемъ Елены, не могла иначе чувствовать. Большая ошибка предполагать, что если есть сила, то она непременно уйдетъ на подвиги добра: поставленная на ложный путь, она еще дальше пойдетъ по немъ потому, что она сила. Каждая сильная натура неизбѣжно стремится подняться надъ стоячимъ уровнемъ. Покаместъ жизнь—

поле битвы, гдѣ побѣда достается самому сильному, всѣ люди, преслѣдующіе одну цѣль, должны видѣть другъ въ другѣ соперниковъ, они не могутъ не быть ими, не отказавшись отъ цѣли; каждый успѣхъ соперника купленъ нашей неудачей, каждый нашъ шагъ впередъ загораживаетъ ему дорогу. Нѣтъ возможности радоваться своей неудачѣ и огорчаться своимъ успѣхомъ. Если соперникъ дорогъ намъ, то мы стараемся скрыть нашу радость при успѣхѣ, и нашу зависть, когда успѣхъ будетъ его, но все-таки эти чувства, какъ бы мы ни подавляли ихъ, будутъ жить въ насъ, пока мы будемъ преслѣдовать ту же цѣль. Тѣмъ сильнѣе это соперничество тамъ, гдѣ всегда одна цѣль, гдѣ побѣжденный знаетъ, что ему нѣтъ другаго пути, на которомъ онъ могъ бы попытаться свои силы. Это соперничество исчезаетъ только тогда, когда люди связаны общою цѣлью, когда каждый успѣхъ отдѣльной личности подвигаетъ впередъ общее дѣло, тогда слабый безъ злобы уступить свое мѣсто болѣе сильному, потому что успѣхъ этого сильнаго принесетъ и ему болѣе пользы, чѣмъ принесъ бы его собственный.

Неожиданная встрѣча со Штейномъ усиливаетъ борьбу Елены. Но молодость и здоровая натура Елены берутъ свое, и она отвѣчаетъ на любовь Штейна, хотя онъ менѣе, чѣмъ когда-либо можетъ удовлетворить ея потребности великаго и необыкновеннаго. Покинувъ Гренвицъ измученный и вынесенной пустотой, и безобразіемъ жизни, и своей напускной ревностью, и собственной несостоятельностью передъ идеаломъ вѣчной любви, онъ видѣлся со своимъ учителемъ Бергеромъ, котораго поиски абсолютной истины загнали въ сумасшедшій домъ, и былъ посвященъ имъ въ три степени великой мудрости: презрѣнія къ людямъ, къ себѣ и жизни, и потомъ, по совету Франца Брауна, надѣявшагося спасти его трудомъ, поступилъ учителемъ въ гренвицскую гимназію. Штейнъ съ отвращеніемъ смотритъ на принятія на себя обязанности. Онъ не думаетъ о томъ, что великое дѣло сказать слово правды и свободы синовьямъ тѣхъ отцовъ, «которые забыли о великихъ подвигахъ своей юности и покорно склонили голову подъ ярмо, и грубыхъ филистеровъ, погнавшихъ въ интересы своего узенькаго мірка и сходящихся только затѣмъ, чтобы за кружкой пива убить время въ нескончаемыхъ спорахъ о томъ, кто лучше, пруссаки или саксонцы, баварцы или ганноверцы!» Это былъ единственный путь, на которомъ люди слова, какъ онъ, могли быть полезны, подготовляя людей дѣла. Ихъ горячая рѣчь имѣла неотразимое вліяніе на молодое поколѣніе, ихъ ненависть ко лжи, гнету и безобразію открывала бы ему глаза на грязь и пошлость филистерства, и пробудила бы къ жизни эти молодые умы, которые усмирили мертвымъ сномъ педанты въ родѣ Снелліуса и К. Но между этими юношами не было ни одного Бруно, и Штейнъ предпочелъ ѣдко издѣваться надъ Снелліусами и К. и вступать не лучше ихъ. Онъ забылъ даже и мѣщанскую честность. Въ

немъ просыпалось повременамъ сознание унизительности его поведения, но онъ закрывалъ глаза на все. Если жизнь — торречеллева пустота, то не все ли равно, такъ или иначе носиться въ этой пустотѣ; если всѣ люди презрѣнны, то не все ли равно быть болѣе или менѣе презрѣннымъ. Онъ дошелъ до той степени отчаянія, когда промотавшійся человѣкъ видитъ, что кошелекъ его почти пустъ и швыряетъ послѣднія монеты и съ горя идетъ въ кабакъ; только идеалисты выражали это красивымъ стихомъ Байрона: «Intoxication is the best in life». Любовь его къ Еленѣ — другой видъ этого опьяненія. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго сознания, что онъ можетъ испортить жизнь молодой дѣвушки, ни малѣйшей заботы о томъ, что будетъ съ нею и что онъ можетъ дать ей въ замѣнъ тѣхъ жертвъ, на которыя онъ наталкиваетъ ее, ни раздумья о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми этотъ шагъ повлечетъ для обонхъ. Вырвавъ неожиданностью у ней признаніе, онъ идетъ въ кабакъ къ пріятелю-гулякѣ намекнуть съ донъ-жуанской улыбкой о своей побѣдѣ, *точь съ точь*, какъ сдѣлалъ бы это Феликсъ или идиотъ Клотенъ. А на другой день онъ повторяетъ тѣ же клятвы любви хорошенькой Эмили, потому что не могъ устоять противъ ея слезъ и красоты.

Любовь не даетъ Еленѣ счастья; ее мучитъ мысль, что эта любовь унизитъ ее въ глазахъ матери; но можно поручиться, что она еще менѣе захотѣла бы унизиться въ глазахъ любимаго человѣка и счумѣла бы отстоять свою любовь, какъ отстояла свою независимость. Но измѣна Штейна дѣлаетъ эту борьбу ненужной. Елена, услыжавъ сплетни, ходившія о его связи съ Эмилией, рѣшается на неженскій, по словамъ автора, шагъ. Она не выноситъ ни колебаній, ни неизвѣстности, которымъ рады трусливыя натуры, чтобы отдалить неизбѣжный ударъ. Завидя двѣ фигуры, похожія на Штейна и Эмилию, она вечеромъ бѣжитъ въ паркъ, и спрятавшись за деревомъ, убѣждается въ измѣнѣ Штейна. Въ эту минуту ей больно не столько за разбитыя надежды на любовь и счастье, сколько то, что любимый человѣкъ сдѣлалъ недостойный выборъ, измѣнилъ ей для «глупой куклы». Елена не была способна къ мелкой злобѣ Гортензій, дарапающихъ другъ другу глаза за лишняго поклонника, и какъ ни трудно оставаться безпристрастной къ соперницѣ, но ревность не заставила бы ее клеветать; ей было бы несравненно легче, еслибы соперница была равна ей или выше ея, въ измѣнѣ Штейна не было бы ничего унизительнаго для нея. Съ этой минуты рѣшеніе ея принято; она будетъ женой Вальденберга. Развязка самая дюжинная и избитая, но тѣмъ она печальнѣе, что прихоть мужчины ставитъ жизнь женщины на карту, даже такой, въ которой было столько богатыхъ задатковъ развитія, какъ въ Еленѣ. Для Елены начинается жизнь лжи и лицемерія, которою столько лѣтъ преблагополучно жила ея мать; но если Анна-Марія, благодаря холодности своей на-

туры, могла относиться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ правамъ своего супруга, то пылкая, страстная Елена неспособна къ такому равнодушію: ее тяготитъ короткость жениха, и это чувство мало-по-малу переходитъ въ полное отвращеніе до того, что когда, заслушавъ барабанный бой на улицѣ, князь уходитъ драться противъ народа, она не чувствуетъ ни малѣйшаго опасенія за его жизнь, а одно облегченіе, что онъ ушелъ съ ея глазъ. Кто знаетъ, до какой страшной развязки привело бы ее это чувство, еслибы она стала его женой. Умирающій отецъ угадываетъ борьбу дочери; онъ слишкомъ поздно разгадалъ, что его Анна-Марія неспособна вести дочь честнымъ путемъ, и примѣромъ собственной жизни умоляетъ Елену не покупать такой страшной цѣной богатство и знатность, которыми не дають счастья. Елена колеблется и ѣдетъ за совѣтомъ къ Софи. Видъ Софи, въ кухонномъ передникѣ, раскраснѣвшей отъ кухоннаго огня и сіявшей мирнымъ счастьемъ, положилъ конецъ всѣмъ колебаніямъ Елены. Она увидѣла, что у людей, у которыхъ ничего нѣтъ въ жизни кромѣ труда, есть счастье, котораго она не знала; свѣтленькій домикъ въ елисейскихъ показаль ей всю пустоту и безобразіе раззолоченныхъ палатъ. Софи говоритъ Еленѣ, что кромѣ счастья нести на плечахъ мелочной скарбъ жизни для любимаго человѣка, есть еще счастье, всегда оставаться вѣрной себѣ, и не краснѣя, смотрѣть всѣмъ въ глаза. Еленѣ доступно только это счастье — и она отказываетъ жениху. Романъ ея со Штейномъ тоже кончается. Штейнъ, узнавъ о проискахъ афериста и о своихъ правахъ на наслѣдство послѣ буйнаго Гаральда, пришелъ въ страшное негодованіе отъ мысли, что любимая дѣвушка можетъ заподозрить его въ низкомъ разсчетѣ, и принесъ ей всѣ документы, доказывающіе, что онъ законный наслѣдникъ обоихъ имѣній. Онъ не хочетъ взять ни гроша изъ ненавистнаго ему наслѣдства отъ аристократа, который уморилъ его мать, и идетъ на баррикады умирать съ сынами человѣческими, которымъ не было куда преклонить голову. Ему и въ мысль не приходитъ, что онъ могъ бы гораздо сильнѣе заявить свою ненависть къ аристократу, погубившему его мать, еслибы употребилъ это наслѣдство на то, чтобы дать сынамъ человѣческимъ лучшія средства къ борьбѣ. Но тогда онъ лишился бы возможности выказать красивое великодушіе передъ любимой дѣвушкой. Но какъ бы то ни было, онъ, по словамъ своимъ, что смерть за великое дѣло искупаетъ все, искупилъ всѣ ошибки своей бесполезной жизни. Елена осталась жить, и въ тѣ минуты, когда на нее обрушиваются ударъ за ударомъ, смерть отца, разлука съ любимымъ человѣкомъ, она находитъ въ себѣ силы поддержать мать, все мужество которой сломилось передъ грозившей нищетой! «У меня есть силы для жизни и борьбы», говоритъ она матери. По тѣмъ чертамъ, которыми обрисовалъ авторъ Елену, видно, что эти слова семнадцатилѣтней дѣвушки не пу-

стая похвальба ребенка, не имѣющаго понятія о жизни, но вызовъ молодой силы, которая сдержитъ то, что обѣщаетъ. Но авторъ не показалъ намъ ни полнаго развитія этой силы, ни борьбы, въ которой могли проявиться эти силы. Такія натуры какъ Елена не могутъ удовлетвориться ни идеальнымъ счастьемъ быть вѣрнымъ себѣ, ни реальнымъ несеніемъ мелочнаго скарба жизни для любимаго человѣка, и ихъ потребность «великаго и необыкновеннаго» никогда не пропадетъ безслѣдно. Елена — не полный жизни и пластичности образъ сильной женщины будущаго, которая борьбой сумѣетъ отстоять себѣ жизнь пошире несенія мелочнаго скарба и счастье быть вѣрной не одной себѣ, но тому дѣлу, для котораго будетъ жить, — Елена эскизъ, набросанный рѣзкими и яркими чертами, которыя будутъ еще ярче и полнѣе выступать въ одной изъ героинь послѣдующаго романа Шпильгагена.

VII.

Въ обоихъ романахъ Шпильгагена встрѣчается еще одна женщина, для которой нѣтъ свѣта ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ — это хорошенькая Эмилія фонъ-Бруень, типъ одалиски, у которой ничего нѣтъ въ жизни кромѣ страстности, но одалиски не гаремной, а великосвѣтской, имѣющей полную возможность выбрать своего султана. Этотъ типъ женщинъ можетъ выработаться только въ средѣ аристократической, гдѣ «кровь и нервы заражены наслѣдственной необузданностью», гдѣ дѣвушки въ 13 лѣтъ уже вполне свѣтскія женщины, а въ 15, благодаря цинической болтовнѣ полупьяныхъ братцевъ и кузеновъ, уже теоретически посвящены во всѣ тайны жизни. Имъ привольно, какъ рыбамъ въ водѣ, въ раззолоченной пустотѣ и безобразіи ихъ жизни, онѣ находятъ величайшее удовольствіе въ шуткахъ и любезничаньи пустоголовой молодѣжи, съ которой послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина спадаетъ доска свѣтскихъ приличій и животная грубость выступаетъ во всей ея отвратительной наготѣ. Некому научить этихъ женщинъ, что каждый долженъ занимать съ пользой свое опредѣленное мѣсто въ жизни, и сами онѣ неспособны заразиться безнравственнымъ ученіемъ либерализма, а еще менѣе того имѣть какія нибудь стемленія къ великому и необыкновенному — онѣ способны только кинуться за первой красивой игрушкой, которая попадется имъ на глаза, и отдаться первому красивому мужчинѣ, который броситъ имъ платокъ. Этой игрушкой былъ для Эмиліи Штейнъ; онъ былъ несравненно красивѣе и ловчѣе окружавшей ее молодежи, а для нея не надобно было ничего болѣе. Штейнъ, чтобъ подразнить Мелиту, сказалъ нѣсколько любезностей Эмиліи, и этого было вполне достаточно, чтобъ Эмилія кинулась со слезами и мольбами о любви на шею человѣку, котораго видѣла въ первый разъ въ жизни. Штейнъ сначала

былъ немного смущенъ некрасивостью собственнаго поступка, ему стало жаль бѣдной дѣвушки, чувствами которой онъ такъ неосторожно игралъ, и онъ поспѣшилъ отвести себѣ глаза тѣмъ, что и самъ великій Гете не могъ бы иначе поступить съ дѣвушкой такой прекрасной, какъ Эмилія, и, принимая къ своей широкой груди гордую лилію, не оттолкнулъ бы и пышную розу. Но и великій Гете, не во гнѣвъ будь сказано его тѣни, поступилъ бы какъ нелвы болѣе безчестно, еслибъ, прижимая розу къ груди, скрылъ отъ нея, что на этой груди покоилась лилія. Вообще идеалисты прикрываютъ очень красивыми выраженіями очень некрасивыя отношенія къ женщинамъ. Не то безчестно, что они смотрятъ на женщинъ, какъ на цвѣты: въ этомъ виноваты сами женщины, если до сихъ поръ не сумѣли быть ничѣмъ инымъ; безчестно то, что они скрываютъ отъ женщинъ этотъ взглядъ; впрочемъ, высказать его было бы слишкомъ невыгодно для нихъ, потому что и розы и лиліи никогда не согласились бы, чтобъ ихъ въ одно и то же время прижимали къ груди, будь хоть то къ широкой груди самаго великаго Гете. Въ Штейнѣ оставалось еще настолько честности, чтобъ не играть сознательно маленькой Эмиліей; къ тому же онъ примирился съ Мелитой и забылъ о своемъ минутномъ увлеченіи. Но маленькая Эмилія не забыла его; она была причена, чтобы всѣ ея прихоти мгновенно исполнялись, и ей въ первый разъ было отказано въ исполненіи. Она съ досады обручается съ идиотомъ Клотеномъ, какъ избалованная дѣти, у которыхъ отнять любимую игрушку, со злости бьются головой о полъ. Видя, что это стучанье головой о полъ не произвело желаннаго дѣйствія и игрушка не возвращается, она распускаетъ слезную о любви Штейна къ Еленѣ и направляетъ на него Феликса, потому пугается послѣдствій своей слезы и поручаетъ Еленѣ спасти Штейна. Сдѣлавшись женой Клотена, она забываетъ на время свою красивую игрушку, потому что жизнь свѣтской замужней женщины доставляетъ ей много новыхъ развлеченій: можно безнаказанно кокетничать, доводить до бѣшенства зависть соперницъ толпою поклонниковъ, которые вообще держать себя осторожно съ дѣвушками, потому что неровенъ часъ, за лишнюю любезность можно заплатить своей свободой, а ухаживанье за молодыми женщинами не принесетъ ничего, кромѣ удовольствія, цвѣты котораго очень удобно срывать за ширмою — идиотомъ мужемъ. Эмилія очень скоро усваиваетъ эту пріятную мораль, и когда, при новой встрѣчѣ съ Штейномъ въ Гренвицѣ, въ ней проснулася прежняя прихоть къ красивой игрушкѣ, она увѣряетъ его, что вовсе не сердится на него за то, что по его милости она теперь супруга фонъ-Клотена, и находитъ, что можно устроить все какъ нельзя лучше. Клотенъ будетъ ширмой, за которой они будутъ срывать цвѣты удовольствія, Штейнъ — другомъ дома; она заставитъ Клотена быть любезной къ нему и они заживутъ втроемъ

въ общему благополучію. Живутъ же такъ многое множество женщинъ, которыя, пользуясь уваженіемъ общества и преспокойно дѣля себя между мужемъ и любовникомъ, готовы затѣять въ грязь тѣхъ, которыя неспособны идти этимъ путемъ разврата, но захотятъ для себя честной свободы. Но Штейнъ возмущается этимъ предложеніемъ, онъ неспособенъ жать дружески руку человѣку, счастье котораго онъ воровски разрушаетъ, и хладнокровно дѣлитъ любимую женщину съ другимъ. Онъ предлагаетъ ей видѣться въ другомъ мѣстѣ. Эмилія соглашается и на это, какъ согласилась бы на всѣ условія, лишь бы у нея не отнимали красивой игрушки. Съ этой минуты мужъ будетъ для нея чужимъ человѣкомъ, она не дастъ ему прикоснуться даже къ ея рукѣ, и Штейнъ, который ничего не могъ дать ни Еленѣ, ни Мелитѣ, спасаетъ маленькую Эмилію отъ разврата Гортензій Баршвицъ и имъ подобныхъ. Встрѣтъ она вмѣсто Штейна другую такую же красивую игрушку въ родѣ Феликса, и она пошла бы во всѣмъ мытарствамъ Гортензій. На Штейна любовь такой женщины, какъ Эмилія, имѣетъ вредное вліяніе; она не требуетъ отъ любимаго человѣка ничего «великаго и необыкновеннаго», и не наводитъ на него раздумье о томъ, стоитъ ли онъ ее. Ей нужно только его постоянное присутствіе, ласки, она заставляетъ его еще болѣе пренебрегать уроками въ гимназій, и наконецъ убѣждаетъ его увезти ее. Штейнъ, махнувшій уже рукой на жизнь, ѣдетъ съ Эмиліей въ Парижъ, какъ шелъ въ кабакъ къ гулякѣ Тимму; ему надо одно — забыть, хоть бы для этого пришлось развить жизнь другаго существа. Предупрежденный мужъ пускается въ погоню, и въ эти минуты страсть дѣлаетъ изъ маленькой глупой кувыли геронню. Когда Штейнъ отдастъ на ея рѣшеніе, что дѣлать, если ихъ настигнутъ, она проситъ его убить ее. Она скорѣе умереть, чѣмъ вернуться къ мужу, а между тѣмъ она очень хорошо знаетъ, что попадется не въ руки деспота, который годами мученій выместилъ бы на ней ея поступокъ, а въ руки безхарактернаго идіота, который, поворчавши и покричавши досыта, остался бы попрежнему ея покорнымъ слугою; ея побѣгъ былъ бы скрытъ отъ свѣта и она могла бы снова вести жизнь велико-свѣтской красавицы и бѣсить Гортензій толпою поклонниковъ, но для нея уже невозможна жизнь Гортензій: страсть выгла всѣ грязныя пятна прежней Эмиліи. Однако, все героизмъ и страсть Эмиліи не помѣшали Штейну скорѣе охладѣть къ ней. Эмилія сама очень хорошо видитъ, что стала ему въ тягость, и не рѣшается оставить его. Она раба, которая готова выносить отъ господина и всевозможныя оскорбленія, и удары, лишь бы онъ не отсылалъ ее отъ себя. Братъ, пользуясь благоприятной минутой, увозитъ ее отъ Штейна къ отцу, и маленькая Эмилія сходитъ навсегда со сцены романа.

Несмотря на всю ея поэтическую прелесть и героизмъ, до котораго поднимаетъ ее страсть, Эмилія одна изъ тѣхъ жен-

пниъ, которыя всегда будутъ бесполезнымъ бременемъ для челоука, съ которымъ свяжутъ свою жизнь. Онѣ лишены всякой прочной опоры; первый нахлынувшій потокъ унесетъ ихъ, какъ уносить сломанную вѣтку, которая нигдѣ не пуститъ корня и не принесетъ плода. Праздность создала ихъ вмѣстѣ съ наслѣдственной необузданностью, и онѣ всю жизнь несутъ кару за эти грѣхи. Изрѣдка страсть блескомъ молнии освѣтитъ мракъ ихъ жизни, для того только, чтобъ мракъ сталъ еще страшнѣе. Послѣ быстро пролетѣвшихъ минутъ упоенія, ихъ ждетъ жизнь томительныхъ сожалѣній, вялое, бездѣльное прозябаніе, или попытка въ новой страсти воскресить бывшее счастье для того, чтобъ встрѣтить тотъ же обманъ, ту же тоску, тѣ же разбитыя надежды.

III.

Изъ мрака отчаянія и чувственной любви Мелита, какъ натура вполнѣ женственная, не идетъ сама къ свѣту, но ее ведетъ къ нему другъ ея дѣтства, баронъ Ольденбургъ, а въ отношеніяхъ къ ней этого друга дѣтства вполнѣ высказался взглядъ автора на женщинъ и женскую жизнь,—взглядъ, значительно измѣнившійся въ послѣдующихъ романахъ. Ольденбургъ—загадочная натура изъ аристократовъ съ желчью Печорина, значительно разсыропленной германской сентиментальностью, но натура все-таки несравненно энергичнѣе и честнѣе Штейна. Жизнь Ольденбурга, какъ жизнь всѣхъ людей переходнаго времени, сложилась изъ противорѣчій. Первые впечатлѣнія дѣтства привили ему предрасудки той среды, въ которой онъ родился; воспитаніе въ гимназій сдѣлало изъ него челоука, зараженнаго безнравственнымъ ученіемъ либерализма, по словамъ высоко нравственной Анны-Маріи, и эта двойственность отразилась на первомъ же шагу его въ жизни. Въ ранней молодости онъ влюбился въ цыганку и ушелъ съ нею въ таборъ; и когда общество знакомыхъ аристократовъ встрѣтило его въ лѣсу съ нею и узнало его золотую цѣпь у ней на шеѣ, онъ забылъ это безнравственное ученіе, и изъ страха насмѣшекъ отрекся отъ своей любви и обвинилъ любившую его дѣвушку въ воровствѣ. Этотъ грязный поступокъ тяжелымъ камнемъ легъ на его совѣсть, но за то этотъ камень придалъ ему устойчивость, и онъ съ тѣхъ поръ ни разу не измѣнилъ знамени, подъ которое всталъ. На провинціальныхъ дворянскихъ сеймахъ онъ постоянно говорилъ противъ привилегій дворянства и стоялъ во главѣ партіи нововодителей; но эта дѣятельность была гласомъ вопіющаго въ пустынь, и озлобленный Ольденбургъ отказался отъ нея и занялся созерцаніемъ людскихъ глупостей. Онъ съ мефистофельской улыбкой смотритъ на жизнь, зная очень хорошо, что она изъ молодой и красивой дѣвушки сдѣлаетъ лѣтъ черезъ десять несчастную женщину или идиотку, а изъ пылкаго юноши—тупоголоваго юнкера, который станетъ примѣнять къ своимъ кре-

стыянамъ *jas primaе postis*, и ѣдкими насмѣшками вымещаетъ горечь этого знанія на этихъ юнкерахъ и женщинахъ, виновныхъ въ томъ, что природа отказала имъ въ мозгѣ, способномъ устоять противъ развращающаго и одуряющаго вліянія жизни. Онъ, такъ же, какъ и прочіе люди сороковыхъ годовъ, искалъ истины и «свадь юноша въ Саясъ, отдернувшій покрывало съ богини», увидѣлъ за нимъ ничто. Затѣмъ онъ отправился скитаться по Нубіи и Египту, чтобъ размыкать и ужасъ этого открытія, и хандру отъ созерцанія людскихъ глупостей, и всего болѣе тоску безнадежной любви къ прекрасной Мелитѣ, которую любилъ съ дѣтства честной, хорошей любовью. Отношенія его къ любимой женщинѣ пронинуты глубокимъ человѣческимъ чувствомъ. Она не цвѣтокъ, который срываютъ, чтобъ затоптать черезъ минуту, не божество, которое отуманиваютъ куреньями оміама, а человѣкъ, за чье счастье онъ отдаетъ свое, котораго онъ заботливо охраняетъ отъ порчи жизни. Онъ открываетъ ей глаза на пустоту и безобразіе, среди которыхъ она росла, указываетъ ей ея недостатки, учитъ серьезно смотрѣть на жизнь, помогать больнымъ и бѣднымъ. Ему одному обязана Мелита, если не упала въ грязь Гортензій, когда отецъ продалъ ее фонъ-Беркову. Узнавъ о любви Мелиты къ Штейну, онъ подавляетъ свою ревность и сближается съ соперникомъ, чтобъ убѣдиться, можетъ ли онъ сдѣлать счастливой любимую имъ женщину. Но, несмотря на эту человѣчность, до которой могутъ подняться только люди развитые, въ отношеніяхъ Ольденбурга къ Мелитѣ видна иногда неопредѣленность и сбивчивость понятій людей переходной эпохи, неизбежное слѣдствіе борьбы въ человѣкѣ двухъ противоположныхъ началъ, отживающаго и нарождающагося. Увлечение Мелиты Штейномъ нисколько не уронило Мелиту въ его глазахъ; она осталась для него тѣмъ же, тѣмъ была всегда, онъ «находитъ несправедливымъ, чтобы люди несли всю тяжесть законовъ, которые не они установили», и вѣрить, «что наступитъ день, въ который многое измѣнится и разнесется по вѣтру», а между тѣмъ, когда Мелита напоминаетъ ему о правахъ на него цыганки, у которой есть отъ него дочь, и спрашиваетъ, что онъ отвѣтитъ дочери, когда та скажетъ ему: «почему другая, а не ея мать жена отца?» онъ не находитъ, что отвѣчать и чувствуетъ себя совершенно свободнымъ только со смерти цыганки, то-есть самъ подчиняется законамъ, которые не онъ установилъ. Взглядъ его на женщинъ, выработанный идеальнымъ созерцаніемъ жизни, обиденъ для нихъ какъ нельзя болѣе. Онъ убѣжденъ, «что мужчина не только умственно и физически превосходитъ женщину, но и сердце его способнѣе нѣжнѣе и сильнѣе ощущать», и надѣется, «что наука докажетъ это, какъ доказала уже въ отношеніи мозга». Бѣдныя женщины! Что же остается вамъ теперь? Мужчина объявляетъ свои притязанія даже на ту сторону жизни, которая единогласно была признана

вашей исключительной собственностью. Ольденбургъ не даетъ имъ ничего взамѣнъ отнятаго. «Мужчина по своей натурѣ стремится къ безграничному и общему», гласитъ его философія, но уже безъ ссылки на анатомію, потому что, на счастье женщины, не оказалось въ мозгѣ никакихъ нервовъ, специально занимающихся передачей стремленій къ безграничному и общему; «женщина, по натурѣ своей, стоитъ ближе къ природѣ и любви къ себѣ самой въ ней обозначается яснѣе. Мужчина представляетъ центробѣжную силу, женщина — центростремительную силу нравственнаго міра. Дѣлайся все по волѣ первыхъ, и міръ превратился бы въ нѣчто заоблачное; «дѣлайся все по волѣ вторыхъ, и мы не поднялись бы выше стеблей, на которыхъ ласточка вьетъ свои гнѣзда». Противъ послѣдняго положенія спорить невозможно, и женщинамъ остается только посылать голубы пепломъ и сказать: mea culpa, но что касается перваго, то помилосердитесь, г. Ольденбургъ! По чьей же волѣ все до сихъ поръ дѣлалось, а не только заоблачнаго, но и человѣческаго-то мало видно. «Средство помирить оба эти полюса—любовь», заключаетъ его философія. Посредствомъ любви къ прелестной женщинѣ, мужчина узнаетъ, что онъ не только гражданинъ въ области духа; посредствомъ любви къ благородному мужчинѣ, женщина узнаетъ, что есть высшіе интересы, кромѣ заботъ о домашнемъ очагѣ». И идеалисты, и реалисты Шпильгагена сходятся въ одномъ и томъ же; роль женщины — нести мелочной скарбъ жизни и заслушиваться рѣчей гостя. Но реалисты его забрали себѣ дѣятельную сторону жизни, а роль идеалистовъ, слѣдуя этому ученію, очень незавидна. Это ученіе Шомегауера, основанное на индѣйскомъ мнѣн, что мужчина и женщина—двѣ половинки груши, которыя только соединившись составляютъ цѣлое, изъ чего слѣдуетъ, что каждая половинка сама по себѣ не можетъ быть полнымъ, законченнымъ существомъ. Примириться съ этой недожонченностью, значить добровольно обречь себя на убожество, а это противно инстинкту самосохраненія. Человѣческая природа всегда будетъ стремиться къ здоровью, къ цѣлости, а этого здоровья и этой цѣлости можно достигнуть только отыскавъ свою половинку груши; изъ этого взгляда естественно вытекаетъ, что цѣлью жизни каждой половинки груши должна быть находка родственной ей половинки. Но эта находка зависитъ отъ тысячи случайностей; родственныя половинки груши не обозначены никакими ярлыками, по которымъ бы ихъ было можно сразу признать, большая или меньшая степень родственности обозначается часто только, когда обѣ половинки уже приставлены другъ къ другу; вѣчно напѣняющаяся жизнь можетъ внести новые элементы въ которую-нибудь изъ половинокъ, и родственная сегодня, можетъ сдѣлаться чужой завтра; половинка груши, обманутая легкимъ сходствомъ, можетъ почувствовать влеченіе къ неподходящей для себя половинкѣ, или, потративъ значи-

тельную часть жизни на поиски, увидѣть свою половинку, при- ставленную къ другой, и ничуть не расположенную оставить для нея эту другую, — и ей тогда останется одно: отказаться отъ всякихъ поисковъ и такъ и скоротать свой вѣкъ въ своемъ жалкомъ убожествѣ. Ольденбургъ вполне вѣренъ этому ученію. Когда наступятъ «дни скорби и печали», ему для того, чтобы сохранить хладнокровіе, находчивость и энергію для предстоящей борьбы, чтобъ остаться «цѣльнымъ человѣкомъ», необходима любовь Мелиты. Но какъ ни односторонне и ошибочно было это ученіе, оно все-таки было для женщины шагомъ впередъ; быть половинкой груши несравненно лучше, чѣмъ розой или лиліей, которыхъ поэты прижимали къ своей широкой груди; она дѣлала ее не пустымъ украшеніемъ, но существомъ, необходимымъ для полноты жизни другого, и такимъ образомъ давала ей возможность косвенно участвовать въ жизни этого другого и черезъ него—въ великомъ дѣлѣ человѣчества, если этотъ другой служилъ ему.

Мелита еще до встрѣчи со Штейномъ готова была полюбить Ольденбурга, но ее испугала его репутація безнравственности. Когда его половинка груши была отдана другому, Ольденбургъ утѣшался разными связями, болѣе или менѣе невинными, но аристократія, которая свозь пальцы смотрѣла на развратъ своихъ, какъ на милыя шалости, не простила ничего своему измѣннику; имя Ольденбурга, благодаря ея фарисейской безопасности, сдѣлалось синонимомъ Дон-Жуана, и это дон-жуанство стало между Мелитой и Ольденбургомъ. Каждая честная женщина, которая трезвыми глазами смотритъ на жизнь, увѣрена въ томъ, что любимый человѣкъ придетъ къ ней послѣ многихъ грязныхъ объятій, приметъ, какъ неизбежный, хотя очень печальный фактъ, въ которомъ виноваты условія общественнаго быта, но для идеалистки, съ ея требованіями вѣчной и исключительной любви, этотъ фактъ будетъ страшнымъ ударомъ, который оттолкнетъ ее отъ любимаго человѣка. Бывали случаи, что счастье многихъ молодыхъ женщинъ, воспитанныхъ въ идеальной чистотѣ, бывало разбито, когда имъ приходилось узнать о нѣкоторыхъ подробностяхъ холостой жизни своихъ мужей; къ тому же, человѣкъ долженъ стоять очень высоко для того, чтобъ эта грязь, въ которой большинство волочить первые годы молодости, не пристала и не всплыла потомъ невольно въ отношеніяхъ его къ любимой женщинѣ. Мелита же видѣла печальный примѣръ на своемъ мужѣ. Повинутая Штейномъ, Мелита научается цѣнить неизмѣнную преданность своего друга. Полученный урокъ не прошелъ для нея даромъ: она поняла, что жизнь должна имѣть цѣль выше поклоненія Вемеръ Милосской. Эту цѣль даетъ ей ученіе о половинкахъ груши. Она примиритъ съ жизнью своего преданнаго друга, котораго заставила скитаться изгнанникомъ, и призоветъ къ великой дѣятельности его силы, пропадавшія безплодно. Но ея

увлеченіе Штейномъ тяжелымъ упрекомъ лежить на совѣсти, и она считаетъ своимъ долгомъ искупить его. Всѣ убѣжденія Ольденбурга, что несправедливо быть жертвой законовъ, которые не они установили, напрасны. Для женщинъ ея времени не было середины между грязью Гортензій и слѣпымъ повиновеніемъ этимъ законамъ, закрѣпляющимъ женщину. Бороться съ порядкомъ, освященнымъ вѣками, дѣло не натурь, отставшихъ отъ маленькихъ, и къ большимъ не приставшихъ. Самъ Ольденбургъ училъ ее, что женщина сила центростремительная, и по природѣ своей лишена всѣхъ стремленій къ общему, и Мелита, какъ послушная ученица, убѣждена, что женщина не можетъ работать для дня освобожденія, какъ мужчина, а можетъ только терпѣливо ожидать, когда онъ наступитъ.

Авторъ, чтобъ выставить всю идеальную чистоту Мелиты, на нѣсколькихъ десятицахъ страницъ описываетъ, какъ Ольденбургъ умоляетъ Мелиту сдѣлаться его половинкой, и какъ Мелита вытягиваетъ ему душу своими колебаніями, совершенно непонятными для свѣжаго человѣка. Если она не могла считать себя свободной до дня освобожденія, значить, она признавала себя связанной существовавшими законами, но передъ лицомъ этихъ законовъ она была свободна, потому что мужъ ея умеръ, и они не могли мѣшать ей быть женой Ольденбурга; если же она считала себя связанной прежнимъ увлеченіемъ къ Штейну, то это была связь, добровольно взятая на себя, и никакой день освобожденія не могъ освободить ее, если она сама не признаетъ себя свободной; подразумѣвала ли она подъ днемъ освобожденія тотъ день, когда все общество проникнется сознаниемъ правъ женщины на свободу располагать собой, и не станеть клеймить ее позоромъ за невольную ошибку чувства? То вѣдь ни ей, ни Ольденбургу не пришлось бы дожить до этого дня, и ожиданіе этого дня было равносильно отреченію ея отъ новой цѣли жизни—быть половинкой груши. Означалъ ли для нея ожидаемый день освобожденія тотъ день, когда она найдетъ, что достаточно намучила себя угрызениями совѣсти и повытянула душу у Ольденбурга? Но для наступленія этого дня не требовалось никакой работы мужчины. Куда ни внишь, выходитъ клинъ, изъ котораго, какъ ни бейся, не выкроишь ни одной логической мысли. Эти клинья крѣпко засѣли въ мозгу большинства женщинъ нашего переходнаго времени; всѣ онѣ съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждуть дня свободы, всѣ чувствуютъ себя связанными, несчастными; но попробуйте поразспросить ихъ, какое имъ надо освобожденіе, что для нихъ долженъ развязать этотъ день, что дать имъ,—и вы сейчасъ наткнетесь на какойнибудь крѣпко-всаженный съ дѣтства клинъ, которымъ онѣ и разобьютъ свою жизнь, и вдоволь намучаютъ тѣхъ, кто станеть работать для дня ихъ освобожденія.

У Мелиты, несмотря на ея колебанія, есть одно свое, на чемъ она твердо стоитъ, въ чемъ не потерпитъ ни малѣйшей

слабости и уступки — это «служение Ольденбурга общему». Когда онъ убѣждаетъ ее согласиться быть его женой, чтобы въ эти «дни скорби и печали» онъ могъ чувствовать себя цѣльнымъ человѣкомъ, она возмущается этимъ сознаниемъ, что онъ безъ нея не можетъ найти въ себѣ силы на предстоящую борьбу; она видитъ въ этомъ сознаніи отреченіе, и напоминаетъ Ольденбургу его же слова: «что мужчина долженъ служить общему». Она вдохновляетъ его на это служеніе, какъ средневѣковныя дамы своихъ рыцарей на турниры, и въ эту минуту одушевленіемъ своимъ напоминаетъ «жрицу, поддерживающую огонь на жертвенникѣ божества». Но, какъ у жрицы, у ней никогда не будетъ своей жизни: она удовольствуется полною тѣмъ, что будетъ отраженіемъ жизни другого, но только отраженіемъ жизни честной, дѣятельной, жизни борьбы; она будетъ половиной груши, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы любимый человѣкъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ. «Когда настаетъ день великой скорби и печали», и братья, доведенные вносемъ и жаждой пустыни до безумія отчаянія, пошли на баррикады подъ пушки Ольденбурговъ, вдохновленный Мелитой Ольденбургъ оказался цѣльнымъ человѣкомъ. Понимая какъ нельзя лучше всю бесполезность этой попытки, онъ всталъ подъ свое знамя, хотя оно вело его на вѣрную смерть. Онъ былъ общимъ голосомъ избранъ предводителемъ, и своимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа спасъ жизнь многихъ братьевъ. Мелита, подвергая жизнь опасности, отыскала его на баррикадѣ, почеркнувшего отъ пороха и покрытаго кровью героя, и увѣчала его своею любовью, въ которой нашла, наконецъ, цѣль жизни. Но настанетъ время, когда люди будутъ не половинами груши, а цѣльными людьми, и безъ вдохновляющаго вліянія женщины будутъ знать, что имъ дѣлать, и огонь служенія на жертвенникѣ, безъ всякой поддержки жрицы, будетъ горѣть яркимъ пламенемъ — что же тогда останется Мелитамъ? Въ чемъ онѣ найдутъ смыслъ своей жизни?

Романъ изъ мрака къ свѣту оконченъ. Служеніе народу и свободѣ былъ свѣтъ, который вывелъ загадочныя натуры изъ мрака сомнѣній, озлобленія, безцѣльныхъ скитаній и погони за личными наслажденіями. Бергеръ и Штейнъ всеискупающей смертью за великое дѣло искупили свои блужданія во мракѣ. Для Ольденбурга зажегся свѣтленькій огонекъ домашнего очага, но у этого очага была жрица, которая могла придать ему силы жить для общаго дѣла такъ же, какъ онъ шелъ умирать за него. Но этотъ свѣтъ, на пути къ которому Бергеръ и Штейнъ встрѣтили смерть, не свѣтитъ для женщинъ. «Въ прогрессивной арміи человѣчества, которая непрерывной линіей тянется впередъ», нѣтъ мѣста женщинамъ; имъ указано авторомъ со-

стоять при обозѣ. Онъ не пускаетъ ихъ «на барщину великой работы», не ихъ дѣло служеніе свѣту. Ихъ дѣло только нести мелочной скорбь жизни для любимаго человѣка, какъ несли Софи, или какъ Мелита увѣнчивать своего бойца за великое общее дѣло. Кухонный огонекъ и огонекъ жертвенный — вотъ единственный свѣтъ ихъ жизни. Но къ чему же тогда природа владываетъ въ нихъ стремленія къ великому и необыкновенному? На это авторъ не даетъ отвѣта.

М. Цебрикова.

НОВЫЯ КНИГИ.

Картины прошедшаго. Писалъ съ натуры А. Сухово-Кобылинъ. Москва. 1869.

Разбираемая книга заключаетъ въ себѣ три пьесы, то-есть все, въ чемъ покамѣстъ выразилась литературная дѣятельность г. Сухово-Кобылина. Пьесы эти суть: всѣмъ извѣстная «Свадьба Кречинскаго», затѣмъ «Дѣло», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, и «Смерть Тарелкина», комедія-шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Въ предисловіи къ одной изъ этихъ пьесъ («Дѣло»), авторъ говоритъ: «Предлагаемая здѣсь публикѣ пьеса «Дѣло» не есть, какъ нѣкогда говорилось, «Плодь-Досуга» (?), ниже, какъ нынѣ дѣлается, «Поддѣлка литературнаго ремесла» (??), а есть въ полной дѣйствительности сущее и изъ самой реальнѣйшей жизни съ кровью вырванное «Дѣло». Затѣмъ, увѣдомляя читателя, что классъ литераторовъ ему чуждъ, «какъ и остальные четырнадцатъ», г. Сухово-Кобылинъ прибавляетъ, что онъ и не думаетъ о литературной «стакъ-называемой разцѣннѣ», и что если «какой-нибудь Добросовѣстный изъ цѣха Критиковъ и приступилъ бы къ ней (то-есть къ драмѣ «Дѣло») съ своимъ казеннымъ аршиномъ и клейменными вѣсами, то едва-ли такой официалъ Вѣдомства Литературы и журнальныхъ Дѣлъ можетъ себѣ составить понятіе о томъ равнодушіи, съ которымъ онъ, г. авторъ, посмотритъ на этотъ судъ».

Несмотря на достаточное разногласіе съ наукой, именуемой «правописаніемъ», правило, проповѣдуемое этимъ предисловіемъ, не безвыгодно для гг. сочинителей, и ежели будетъ принято, то, конечно, обезпечитъ ихъ отъ притязаній критики. Но въ томъ-то именно и заключается трудность, что правило можетъ тогда только сдѣлаться правиломъ, когда оно принято обѣими заинтересованными въ дѣлѣ сторонами, а мы сильно сомнѣваемся, чтобы литературная критика, или, какъ выражается г. Сухово-Кобылинъ, «Добросовѣстные изъ цѣха Крити-

ковъ», подчинилась заявленію почтеннаго автора и даже обратила вниманіе на его равнодушіе или неравнодушіе.

Критика узаконена обычаями всѣхъ извѣстныхъ литературъ, и отнять у нея право на оцѣнку того или другаго литературнаго произведенія столь же мало возможно, какъ и не признавать за кѣмъ бы то ни было права писать повѣсти, драмы, комедіи и проч. Если существуютъ романисты и драматурги, то рядомъ съ ними совершенно свободно могутъ существовать и критики, и наименованіе ихъ цѣховыми нисколько не умаляетъ ихъ значенія, точно такъ же, какъ названіе «кропателей» нисколько не умаляетъ значенія романистовъ и драматурговъ. Бѣлинскаго и Добролюбова тоже въ свое время называли «цѣховыми», но это ни мало не помѣшало имъ стоять во главѣ литературы и давать ей тонъ. Если критика и убиваетъ слабое и неустойчивое, то она же, съ другой стороны, вызываетъ литературныя силы къ дѣятельности и создаетъ цѣлыя литературныя школы; она не только разъясняетъ матеріалъ, который даетъ то или другое произведеніе, но и намѣчаетъ тѣ незамѣченныя до тѣхъ поръ стороны жизни, которыя литература могла бы разработать не безъ пользы для самой себя. Слѣдовательно, критика, какъ самостоятельная отрасль литературной дѣятельности, имѣетъ совершенно безспорное право не справляться съ мнѣніемъ того или другаго писателя относительно ея значенія, и дѣлать свое дѣло даже въ такомъ случаѣ, еслибы лично на самого; подлежащаго ея суду автора, оно и не оказало никакого дѣйствія.

Далѣе, теорія, высказываемая авторомъ «Картинъ Прошедшаго», относительно правъ его драматическихъ произведеній на вниманіе публики, тоже не можетъ быть признана правильною въ своемъ основаніи. Онъ говоритъ, что никто не долженъ сомнѣваться «въ дѣйствительности, а тѣмъ паче въ возможности описываемыхъ имъ событій». И подкрѣпляетъ это заявленіе тѣмъ, что онъ «имѣетъ подъ рукою факты довольно яркихъ колеровъ, чтобы увѣрить всякое невѣріе». Но это еще не доказываетъ, чтобы его драмы должны были интересовать публику въ смыслѣ художественныхъ произведеній. Здѣсь, очевидно, смѣшиваются процессы совершенно разнородные: процессъ художественнаго созданія и процессъ простаго собранія фактовъ, на столько любопытныхъ, чтобы заслуживать преданія гласности.

Въ основаніи всѣхъ трехъ произведеній г. Сухова-Кобылина лежитъ *амекдотъ*. Никто, конечно, не имѣетъ права сомнѣваться въ достовѣрности описываемыхъ въ нихъ случаевъ, но говоря по правдѣ, читателю и нѣтъ надобности сомнѣваться въ этомъ. Для него не столько важна *достоверность* описываемаго, сколько его *откровеніе*, то-есть не одна фактическая правда, засвидѣтельствованная свѣдущими и бывшими при происшествіи людьми, а правда общечеловѣческая, естественнымъ образомъ вытекаю-

щая изъ всей постановки происшествія и характеровъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Опыты магіи, показываемые различными претидигаторами, несомнѣнно достовѣрны, но для драмы они представляютъ матеріалъ недостаточный.

Подобно сему, и изъ анекдота, если его содержаніе не введено въ рамы общечеловѣческаго, если оно является только отрывкомъ изъ жизни человѣка, не имѣющимъ ни начала, ни конца, можно сдѣлать только анекдотъ, а никакъ не драму.

Примѣры отлично рассказаннаго анекдота въ драматической формѣ представляютъ «Игроки» Гоголя. Трудно представить себѣ что-нибудь забавнѣе, трудно придумать обстановку болѣе блестящую разнообразіемъ характеровъ, запутанностью интриги и быстротою дѣйствія; но все-таки это анекдотъ, а не драма. Другой примѣръ тоже хорошо, хотя и нѣсколько длинно рассказаннаго анекдота, мы имѣемъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго».

Изъ всѣхъ произведеній г. Сухова-Кобылина, «Свадьба Кречинскаго» можетъ быть названа лучшимъ, и благосклонность, которою пользуется эта комедія со стороны публики, есть благосклонность заслуженная. Въ ней рассказанъ анекдотъ, котораго содержаніе заключается въ томъ, что игрокъ Кречинскій, со всѣхъ сторонъ осаждаемый кредиторами, рѣшается поправить свои обстоятельства женитьбой на богатой невѣстѣ. Но для этого онъ прежде всего долженъ скрыть отъ родныхъ невѣсты свои тѣсныя обстоятельства, а такъ-какъ достигнуть этого нельзя иначе, какъ съ помощью чуда или мошенничества, и какъ чудеса въ нашъ вѣкъ на помощь Кречинскимъ не являются, то остается одинъ выходъ — мошенничество. Онъ выманиваетъ у своей возлюбленной брилліантовую булавку дорогой цѣны и съ помощью ея и такой же другой поддѣльной булавки устраиваетъ финансовую операцію, то-есть заемъ. Но операція не удается и Кречинскій попадаетъ въ просакъ.

Анекдотъ не блистаетъ новизной, но, благодаря быстротѣ дѣйствія и оригинальности нѣкоторыхъ характеровъ, пьеса смотрится съ удовольствіемъ. Самъ Кречинскій довольно баналенъ; его нельзя даже назвать очень ловкимъ плутомъ, потому что выдуманное имъ предпріятіе шито бѣлыми нитками. Вся его афера рассчитана на то, чтобы сыграть свадьбу въ самое короткое время (даже, какъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ. въ два дня), но такого рода расчеты, особливо при той обстановкѣ, въ которой находится Лидочка Муромцева (невѣста), на столько непрочны, что, очевидно, основывать на нихъ ничего нельзя. Не менѣе банальны и нѣкоторые другія лица комедіи, какъ напримѣръ: старуха Атуева, Нелькинъ, Лидочка. Но есть два лица, которыя поправляютъ эти недостатки и сообщаютъ пьесѣ движеніе и характеръ неподдѣльнаго юмора. Это—Расплюевъ, орудіе Кречинскаго и холопъ высшей школы, и затѣмъ купецъ Щербневъ. Расплюевъ, какъ главная пружина комедіи, есть лицо, которое надолго останется достояніемъ рус-

скаго театра, хотя нельзя сказать, чтобы всѣ дѣйствія его были строго выдержаны, и чтобы въ самомъ діалогѣ его не было допущено утрировки. Его рѣчь почти вездѣ своеобразна, но по мѣстамъ онъ ужъ черезчуръ настаиваетъ на этой своеобразности, какъ напримѣръ, всякій разъ, когда ему приходится на умъ несчастное слово «боксъ». Но идея, съ которою задумано это лицо, сама по себѣ такъ счастлива, что зритель охотно пропускаетъ мимо ушей нѣкоторыя подробности, несогласныя съ жизненною правдой, тѣмъ болѣе, что эти подробности хорошій актеръ всегда сумѣетъ скрыть. То же должно сказать и о Щербневѣ, который, впрочемъ, появляется только въ одной сценѣ. Но этими двумя лицами дѣло и ограничивается; все остальное предоставлено внѣшней интригѣ, сценическому дѣйствию и искусству актеровъ. Зрители и за то уже благодарны, что авторъ сумѣлъ свести съ концами, что онъ не кончилъ какимъ-нибудь совсѣмъ нелѣпнымъ образомъ и не заставилъ свою аудиторию ломать себѣ голову и спрашивать себя: Господи! да чтѣжь это такое мы сегодня слышали? А вѣдь съ нашими драматургами не въ рѣдкость и такого рода вопросы.

Но чѣмъ долѣе мы углубляемся въ изданную г. Сухова-Кобылинымъ книгу, тѣмъ болѣе убѣждаемся, какъ трудно создать что-нибудь интересное, не имѣя подъ руками никакого другаго матеріала, кромѣ анекдота. Драма «Дѣло», есть продолженіе «Свадьбы Кречинскаго», которую совсѣмъ не было даже надобности продолжать, такъ-какъ содержаніе ея и для трехъактной комедіи достаточно бѣдно. Правда, къ прежнему забытому и вполне оконченному анекдоту о продѣлѣхъ Кречинскаго, авторъ прибавляетъ еще другой, о томъ, какъ служители Феиды, посредствомъ ловко устроенной махинаціи, успѣваютъ въ одно и то же время и ограбить Муромскаго до тла, и ничего не сдѣлать въ пользу его дѣла, но для драмы этого опять-таки очень мало. Лица, выводимыя на сцену (кромѣ, впрочемъ, чиновника Шило, являющагося на минуту, но схваченнаго очень живо) — не лица, а маски, которыя могутъ играть только дѣтей. Изъ первой комедіи удержаны именно тѣ дѣйствующія лица, которыя и тамъ поражали своимъ малокровіемъ; все остальное, введенное вновь, гораздо лучше охарактеризовано авторомъ въ предпосланной пьесѣ номенлатурѣ дѣйствующихъ лицъ (почему-то носящей названіе «Данности»), нежели въ самой драмѣ. Это не лица, а куклы, къ которымъ пристегнуты опредѣленія совершенно произвольныя. Какъ напримѣръ: «*Максимъ Кузьмичъ Варравинъ*; правитель дѣлъ и рабочее колесо какого ни есть вѣдомства, дѣйствительный статскій совѣтникъ при звѣздѣ; природа при роженіи одарила его кувшиннымъ рыломъ, судьба вскормила ржанымъ хлѣбомъ; остальное приобрѣлъ самъ». Но изъ пьесы видно только, что Варравинъ снабженъ кувшиннымъ рыломъ—и ничего больше. Такія лица, очевидно, могутъ быть повернуты въ какую угодно сторону. Что авторъ застав-

ляеть Варравина ограбить Муромскаго—это еще можно понять: Варравинъ желаетъ получить всю сумму денегъ, которую тотъ можетъ дать; но почему, достигши своей цѣли, онъ оставляетъ своего клиента въ прежнемъ положеніи, — этого изъ драмы совершенно не видно.

Еще менѣе можетъ удовлетворить читателя комедія-шутка въ 3-хъ дѣйствіяхъ, носящая названіе: «Смерть Тарелкина». Изъ предисловія, написаннаго къ этой пьесѣ, нельзя ничего понять, кромѣ того, что люди, не умѣющие писать порусски, съ особенной охотой прибѣгаютъ къ пословицамъ. Можно ли, напримѣръ, назвать грамотными слѣдующія строки: «однако, издавая «въ свѣтъ мои драматическіе опыты, мнѣ хотѣлось, даже и въ «смыслѣ аффирмаціи, удержать за нами столько и Дѣйствительности «Діалектикѣ» любезное число *три*»:

«Нѣмцы говорятъ:

Ein Mal'ist kein Mal.

Drei Mal ist ein Mal.

«Мы русскіе говоримъ: «безъ Тронцы домъ не строится»...

Можно напередъ сказать, что немного найдется людей, которые поймутъ эту шараду. Что касается до самой пьесы, то она основана на переодѣваніи, до такой степени нежскусномъ, что даже въ самомъ заурядномъ водевилѣ оно показалось бы неудобнымъ.

Столбы. *Старая поудка на новый ладъ.* Изданіе В. Крылова. С.-Петербургъ. 1869 г.

Какъ ни туго подвигается дѣло нашего доморощеннаго прогресса, какъ ни медленны его завоеванія, нельзя не сказать, что для беллетриста современная жизнь представляетъ въ высшей степени богатый матеріалъ, не только полный самаго насущнаго интереса, но даже и поучительный. Чего не пришлось испытать намъ, чего не пришлось видѣть въ короткое время послѣ крестьянской реформы: то слышатся страннныя толки о всевозможныхъ ужасахъ крестьянскаго непокорства, то предпринимается какой-то ярмый походъ на синіе очки и стриженныя волосы; гласный судъ съ беспощадной откровенностью раскрываетъ намъ самые разносторонніе подвиги нашихъ героевъ: въ Нижнемъ — крупная кража соли, въ Москвѣ — поддѣлка кредитныхъ билетовъ, въ Харьковѣ — поддѣлка серій, здѣсь — убійство, тамъ — родительское преслѣдованіе дѣтей, наконецъ, просто какое-нибудь безобразіе подгулявшаго купчика или ловеласа-чиновнаго старичка... Въ одной губерніи недоимки съ крестьянъ увеличиваются, потому что слишкомъ много хлѣба народилось и некуда его дѣвать, въ другой оттого, что его слишкомъ мало и голодь... Появляется множество концесій на постройки желѣзныхъ дорогъ; люди предприимчивыя и

аферисты, съ лихорадочною дѣятельностью быстро наживаютъ громадные капиталы... Словомъ, и не перечестъ, сколько въ эти годы дотолѣ невиданныхъ типовъ въ очю предстали передъ нами, сколько исполнилось живыхъ повѣстей и драмъ... Правда, въ большинствѣ случаевъ мало отраднаго представляютъ эти типы и повѣсти, но ужъ и то дорого, что понемножку выплываетъ наружу эта борьба жизни, что плодovitый разгулъ эксплуатаціи и невѣжества не остается мѣстной легендой, а дѣлается достояніемъ и назиданіемъ всякаго мало-мальски живого человѣка.

Одно изъ такихъ назиданій представляетъ собою и книга, заглавіе которой мы выписали. «Столбы» В. Крылова содержать въ себѣ повѣсть о послѣднихъ столкновенияхъ нашего помѣщичества и крестьянства. Авторъ, въ легкомъ разсказѣ, представляетъ намъ рядъ яркихъ картинъ борьбы старыхъ и новыхъ нравовъ, при чемъ особенно рельефно выступаютъ тѣ ухищренія, къ которымъ прибѣгаетъ отживающая помѣщичья власть, пользуясь крестьянскимъ невѣдѣніемъ своихъ нравъ, — ухищренія, доказывающія, что и при новыхъ порядкахъ еще многое возможно.

Описывая свое посѣщеніе какаго-то мирового посредника, въ деревню котораго отправился лѣтомъ погостить, авторъ рассказываетъ, какъ тамъ случайно встрѣтилъ крестьянина, сообщившаго ему о нѣкоторой продѣлкѣ одного изъ помѣщиковъ уѣзда, предпринятой ради содранія съ крестьянъ изряднаго количества ихъ трудовыхъ денегъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: помѣщикъ Фискель, вкупу съ какимъ-то землемѣромъ и своимъ управляющимъ, въ одинъ прекрасный день вынулъ изъ законной семидесяти-футовой землемѣрной цѣпи одно звѣно, и такимъ образомъ, уменьшивъ цѣпь на одинъ футъ, выславъ съ нею своихъ сообщниковъ къ крестьянамъ повѣрять разстояніе между столбами, поставленными на межахъ крестьянскаго надѣла. Разумѣется, всѣ разстоянія оказались невѣрными... Тогда управляющій заявилъ крестьянамъ, что столбы переставлены, что такая перестановка есть уголовное преступленіе, за которое они всѣ могутъ насидѣться въ тюрьмѣ, и, пугнувши помѣщикомъ, занимавшимъ въ то время должность мирового посредника, потребовалъ на мировую за каждый невѣрный столбъ по десяти рублей. Хотя крестьяне очень хорошо знали, что никогда столбовъ не трогали и не было на то имъ никакой надобности, но, испугавшись суда и зная, что пришлось бы спорить съ своимъ же начальствомъ, съ посредникомъ, согласились платить, такъ-называемый, штрафъ. Уплата производилась туго, какъ вдругъ, къ всеобщему удивленію крестьянъ, открылось, что цѣпь подложная, укороченная. Это открытіе не остановило преслѣдованій управляющаго за столбы, а со стороны крестьянъ возбудило сначала только просьбу къ барину, чтобъ онъ запретилъ управляющему брать штрафъ, за каковую милость

обѣщали ему дать сто-сорокъ лошадей на работу, куда онъ потребуеть. Но, видно, брать штрафы казалось выгоднѣй, и баринъ не исполнилъ просьбы крестьянъ. Тогда только рѣшились они судиться съ управляющимъ и подали на него жалобу въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Въ это время помѣщикъ оставилъ должность посредника и сдѣлался мировымъ судьей, а его мѣсто занялъ Ивановъ. Новый посредникъ, сдѣлавъ дознаніе и лично убѣдившись въ правотѣ крестьянъ, ввѣлъ ихъ сторону, — и такимъ образомъ возникло дѣло о столбахъ.

Этимъ дѣломъ авторъ заинтересовался, узналъ его въ подробности и съ третьей главы описываетъ весь ходъ дѣла. И такъ, вина въ уголовномъ преступленіи пала не на крестьянъ, а на управляющаго и на землемѣра, — потому же и на самаго помѣщика. Но помѣщикъ лицо важное въ уѣздѣ: онъ богатъ, онъ вліятеленъ, — и вотъ около него группируются всѣ, чующіе за собой грѣшки, все болѣе или менѣе темное барство уѣзда, съ рѣзко очерченнымъ хитрымъ и ловкимъ помѣщикомъ Куличевымъ во главѣ. Къ посреднику Иванову примыкають другіе люди, сочувствующіе законнымъ требованіямъ крестьянъ. Слѣдствіе по дѣлу о столбахъ доходитъ до того, что съ барина берутъ залогъ для воспрепятствованія ему уклониться отъ суда и отвѣтственности, — и баринъ, въ свою очередь, предлагаетъ крестьянамъ мириться, и готовъ до десяти тысячъ и болѣе заплатить имъ на мировую. Озлобленные крестьяне не берутъ ничего и требуютъ суда. Борьба помѣщика съ крестьянами дѣлается борьбою двухъ партій уѣзда и отражается даже въ дворянскихъ выборахъ. Глава за главой постепенно развиваетъ передъ вами дѣло, широко захватывая провинціальную жизнь, съ ея мельчайшими интересами, съ ея грубоватыми интригами и курьезными типами... Въ концѣ книги выступаетъ на сцену окружной судъ, который освобождаетъ отъ слѣдствія помѣщика, основываясь на однѣхъ его жалобахъ, да и самое слѣдствіе передаетъ другому слѣдователю. Этотъ другой слѣдователь совершаетъ, по выраженію автора, три чуда: онъ превращаетъ все дѣло, посредствомъ софистическихъ измышленій, въ маловажное и не стоящее суда, чтобъ направить его къ прекращенію. На этомъ авторъ заканчиваетъ свою книгу, прибавляя только слѣдующее:

«Крестьяне ждуть и молятъ, чтобъ судъ состоялся и разъяснилъ имъ, за чтѣ они платили свои трудовыя, кровныя тысячи Фискелю? — Они надѣются, что судъ скажетъ имъ, насколько эти поборы были справедливы, и узнаютъ они, какъ вести себя впредь. За это небольшое знаніе крестьяне готовы подвергнуться карѣ суда, если признаютъ ихъ клеветниками... Фискель ждетъ и молить, чтобъ судъ не состоялся, и дѣло кануло въ вѣчность... Рѣшить трудно, добьются ли, наконецъ, крестьяне своихъ невинныхъ желаній, или въ самомъ дѣлѣ

свершится пророчество Фискеля... и, укрьпившись этой полной побѣдой, онъ съ новой силой напуститъ на окрестные поля и луга своего Тамерлана-Милановскаго... и, наученные опытомъ, безотвѣтные, безпомощные крестьяне все понесутъ на жертву ему.

«Но тогда, по крайней-мѣрѣ, отданы будутъ подѣ судѣ посредникъ и Шлендеръ (первый слѣдователь), потому что, если дознание и первое слѣдствіе будутъ признаны несправедливыми, и показанія, въ нихъ находящіяся, вынужденными, то должны же инквизиторы отвѣчать за то, что лгали и вынуждали.

«А какъ вдругъ да ни тѣ, ни другіе не окажутся виновными?

«Не станемъ предрѣшать эту загадку... Еще въ мірѣ остается многое неразгаданнымъ, что на первый взглядъ кажется просто и ясно — и еще долго будутъ скрыты отъ грубаго зрѣнія человѣческаго тонкія пружины жизненнаго механизма, дающія неожиданные результаты... Многого можно желать, на многое надѣяться, — но удивляться ничему не слѣдуетъ» (стр. 208).

Изъ этого заключенія автора, слишкомъ уже *откровенно*, мы предполагаемъ, что въ книгѣ очень мало вымысла, что книга не столько писана, сколько списана авторомъ съ натуры. Оттого, вѣроятно, авторъ болѣе всего занятъ изложениемъ самаго дѣла, и меньше обращаетъ вниманія на характеристику личностей; общая жизнь, общій ходъ ея, группировка фактовъ, преобладаютъ надъ отдѣльной дѣйствующихъ лицъ; отчего весь рассказъ отличается сжатостью и изобиліемъ фактами.

Всѣ, кого судьба обрекла на житіе въ городахъ, подобныхъ Провалишину, конечно, съ удовольствіемъ встрѣтятъ и прочтутъ книгу г. Крылова.

Стихотворенія Н. Пушкарева. С.-Петербургъ. 1869.

Стихотворенія за подписью г. Н. Пушкарева начали появляться на страницахъ нашихъ періодическихъ изданій назадъ тому года съ два. Большая часть изъ нихъ производила довольно удовлетворительное впечатлѣніе. Въ нихъ обыкновенно обнаруживался весьма честный взглядъ автора на различные жизненные вопросы, нерѣдко проводились довольно серьезныя мысли, а нѣкоторыя изъ стихотвореній были даже весьма удачны. Мы, да, вѣроятно, и вся понимающая публика, смотрѣли на произведенія г. Н. Пушкарева, какъ на рядъ этюдовъ, обещающихъ въ немъ современемъ порядочнаго стихотворца... Но, увы! оказывается, что самъ авторъ смотрѣлъ на свое дѣло иначе. Мысль собрать всѣ свои стихотворенія отдѣльною книжкой, служить этому доказательствомъ. Россійскіе пѣвцы, какъ это извѣстно и вѣдомо всѣмъ и каждому, раздѣляются на мыслящихъ и немслящихъ, и послѣдніе, какъ то же знаетъ публика, на отечественномъ Парнасѣ преизобилуютъ. И тѣ и другіе весьма охотно издаютъ собранія своихъ стихотвореній,

но объ категоріи руководствуются при такихъ изданіяхъ различными мотивами. Немыслящіе издають собранія своихъ стиховъ по болѣеи части безъ всякаго для этого повода, не задалаясь никакой цѣлью, что называется «ни къ селу, ни къ городу»; мыслящіе позволяютъ себѣ подобный шагъ только тогда, когда убѣдятся на опытѣ, что слово ихъ въ отечественной печати не излишне, что имъ удалось нѣчто сдѣлать для общественнаго развитія, что значительная часть ихъ поэтической карьеры уже пройдена и они получили право сдѣлать результаты своей дѣятельности общимъ достояніемъ. При этомъ, на основаніи развитаго своего вкуса, они сами производятъ строгую оцѣнку творческаго своего продукта и печатають въ собраніяхъ не все, что напало на бумагу съ ихъ пера, а выбираютъ только болѣе удачныя произведенія, представляющія ихъ талантъ въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ. Не такъ поступилъ г. Н. Пушкиревъ, хотя отъ него, какъ отъ начинателя мыслящаго, и нельзя было этого ожидать. Онъ собралъ, безъ всякаго разбора, все имъ написанное и издалъ книжку, въ которой, рядомъ съ каждымъ порядочнымъ стихотвореніемъ, напечатано по нѣсколькx плохихъ, какіе-то водевильные куплеты или прозаично-риторическія тирады въ рямострочковой формѣ. Мало того. Помимо того, что, поторопившись, какъ можно скорѣй собрать воедино всѣ произведенія своей музы, онъ высказалъ этимъ присутствіе въ себѣ той степени самомиѣнія, какую встрѣчать въ счастливо начинающемъ писателѣ не особенно пріятно: онъ снабдилъ свою книгу поэтическимъ предисловіемъ, въ которомъ, изобразивъ идеаль современнаго поэта-человѣка, весьма возвышенный, и примѣнивъ его, какъ водится, къ самому себѣ, провозгласилъ:

И такъ впередъ! впередъ со знаменемъ и лирой,
 Вооружись мечемъ пророка и бойца,
 И злой проніей, сарказмомъ и сатирой
 Насквозъ пронизывай своихъ враговъ сердца.

Этимъ онъ оказалъ самому себѣ достаточно медвѣжью услугу; хотя въ книгѣ его и найдется до десятка порядочныхъ стихотвореній, но въ концѣ-концовъ оказывается все-таки, что на пронизываніе насквозъ сердець онъ мастеръ не особенный. Когда приходится прочитывать сплошь всѣ его стихотворенія, то въ нихъ открывається множество недостатковъ, которые, при отдѣльномъ чтеніи его стиховъ въ журналахъ, не бросались рѣзко въ глаза. Хотя по болѣеи части это недостатки, такъ сказать, молодеи поправимые, но явясъ во всеоружіи на судъ критики, онъ далъ послѣдней полное право ткнуть на нихъ пальцемъ. По болѣеи части, это недостатки формы, проистекающіе отъ недостаточнаго владѣнія языкомъ и стихомъ, и г. Н. Пушкиревъ можетъ даже упрекнуть насъ въ придирчивости и въ томъ, что, во имя мысли, мы должны были бы быть снисходительны къ внѣшнимъ промахамъ формы. Но это не совсѣмъ такъ; мы по-

лагаемъ, что чѣмъ выше мысль, развиваемая поэтическимъ произведеніемъ, тѣмъ обязательнѣе для таковаго произведенія и изящная форма. Этимъ отличается мысль поэта отъ аподегмъ мыслителей и философовъ. Всякая мысль, высказываемая поэтомъ, только тогда получаетъ подобающую цѣнность, когда выражена соотвѣтственно, т. е. сильно, увлекательно, и можетъ произвести впечатлѣніе на читателя или, по меньшей мѣрѣ, удобно имъ запоминаться. Безъ соблюденія, по крайней мѣрѣ, послѣдняго условія, не для чего даже и прибѣгать къ языку боговъ; а лучше уже писать простой и понятной прозой. Кромѣ того, въ стихотвореніяхъ г. Н. Пушкирева встрѣчаются не только одни формальные недостатки и промахи отъ мало развитаго вкуса, но и болѣе существенные. Такъ, напримѣръ, уважемъ хоть на стихотвореніе «Житейскія дробы» (стр. 160), въ которомъ, по нашему мнѣнію, просто нельзя добиться никакого смысла, и на стремленіе г. Н. Пушкирева вообще доводить мысль до *absurdum*. Такъ, въ стихотвореніи «Дума», герой его, сидящій въ тюрьмѣ за то, что былъ добродѣтеленъ и честенъ, говоритъ:

Прямотой я сгубилъ свой нерадостный вѣкъ,
Съ прямою я попался подъ судъ,
А потомъ и въ тюрьму — и пропалъ человекъ!
А вѣдь будь я мошенникъ и плутъ,
Видитъ Богъ, не сидѣть бы мнѣ тутъ!

Отчего же такъ-таки и не сидѣть ужъ, г. Н. Пушкиревъ? Иногда и мошенники дѣйствительные попадаютъ въ тюрьму. Или въ другомъ стихотвореніи «Миръ съ тобой», гдѣ авторъ, обращаясь къ умершей подругѣ своей, проводитъ не совсѣмъ-то вѣрную мысль, что лежать въ могилѣ лучше, нежели жить на свѣтѣ при настоящихъ условіяхъ, онъ до того утрируетъ свой парадоксъ, что сочиняетъ слѣдующія строки:

Развѣ люди не черви голодные,
Развѣ даже не хуже и ихъ
Эти фаты и сметники модныя...
Этотъ сонмъ идиотовъ родныхъ?
Или *вошь* отъ умершаго смрадная
Хуже воши отъ гнили живой?..

Эта *вошь* знаменательна еще и потому, что показываетъ ту степень поэтического безвкусія, до какой умѣетъ доходить г. Н. Пушкиревъ, и благодаря которой у него встрѣчаются сплошь да рядомъ, напримѣръ, такія выраженія: «юность въ брюкахъ» (понимай: молодые люди), «зрѣлость въ брюкахъ и накладкахъ» (id.: пожилые), стихи въ родѣ:

Я-бъ и радъ замолчать, *да душа не брешетъ...*

и т. д., и т. д. При этомъ иногда онъ не чуждъ изысканной витіеватости: въ одномъ стихотвореніи высказываетъ пополюзновеніе «налетѣть грозю на злыхъ и швырнуть въ нихъ *самы*

рой, *забрызганной кровью*; въ другомъ передаетъ, какъ ему было тяжело:

Подъ *прессю* судьбы, подъ гнетомъ глупыхъ модъ,

и т. д. Формальные недостатки г. Н. Пушкирева всѣ происходятъ, какъ мы уже сказали, отъ недостаточнаго умѣнья владѣть языкомъ и стихомъ. Стихъ его вообще грубъ, тяжелъ и чуждъ всякаго изящества; языкъ знаетъ онъ весьма неудовлетворительно. Не говоря уже о томъ, что оба эти условія препятствуютъ большей части его стихотвореній производить на читателя опредѣленное впечатлѣнне, иногда чрезъ это у него встрѣчаются многочисленныя неясности мысли. Не угодно ли, напримѣръ, понять, что хочетъ сказать авторъ слѣдующими стихами:

Смѣхъ поэта — не смѣхъ; это — стонъ,
 Это вопль несконнаго горя,
 Какъ вода изъ соленнаго моря,
 Оттого-то и солонъ, знать онъ!

Или:

И много видѣли мы всякихъ тамъ больныхъ,
 Больныхъ, и возрастовъ, и касть и половъ разныхъ.

Кромѣ того, онъ употребляетъ не тѣ слова, какія слѣдуетъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что сынъ женился и сталъ подобенъ отцу, онъ говорить:

Тотъ женатъ и сталъ *сходенъ* съ отцомъ.

Въ другомъ мѣстѣ:

Да! любовь твоя будетъ сбиваться
 На вражду, а вражда на забаву,
 И свобода на *страсть подыматься*. (?)

Прибѣгая къ дѣепричастіямъ, онъ творить такіа строки:

Алмазъ и тотъ, *бмъ* ограниченъ,
 Послушно видъ свой *измѣняетъ*.

Или:

Завизжали
 Полозья, *рыжа* крѣпкій ледъ.

употребляетъ неправильно ударенія, напримѣръ, въ словѣ: паяца; очень любятъ неправильныя выраженія въ родѣ: *немного* время и т. д. Когда у него въ стихѣ для размѣра недостаетъ слова, онъ по нѣскольку разъ повторяетъ одно и то же, такъ что мы встрѣтились у него даже съ слѣдующимъ стихомъ:

Но не смѣхъ, этотъ смѣхъ. Этотъ смѣхъ
 Это — вопли, и т. д.

Что же касается до частицъ рѣчи, то онъ совершенный камень преткновенія для г. Пушкирева. Вмѣсто *о* у него всегда *про* (стр. 156). Уснащая свою рѣчь частицами *бы*, *ли*, *ужь*, онъ

рѣшительно распоряжается ими самовластно и пихаетъ ихъ между словами, не руководствуясь никакими соображеніями. Не угодно ли провѣрить наше замѣчаніе хотя по страницамъ 25, 44, 47, и 116, или прослушать хотя этотъ конецъ стихотворенія «Миръ съ тобой»:

Жизнь не *такъ* бы съ тобой разсчиталася,
 Чѣмъ бы *больше* жила ты, мой другъ,
 Тѣмъ бы *больше* ты въ ней ошошлася,
 По примѣру друзей и подругъ.
 Жизнь безъ смерти, *безъ сна* (?) и забвенія
Записала-бъ тебя въ мертвецы,
Научила бъ готовить печенія,
Приучила бъ солить огурцы.
 Сплетни, зависть и злость безпощадная,
Все-бъ съ годами сроднилось съ тобой.
 Да! Я радъ за тебя ненаглядная!
 Миръ съ тобой!

Если все это множество недостатковъ (а мы еще о многомъ не упомянули) зависитъ отъ одного незнанія языка, то не долженъ ли съ нами согласиться г. Н. Пушкиревъ, что ему слѣдовало бы предварительно выработать себѣ форму, а ужъ потомъ издаваться. Если же они происходятъ также и отъ небрежности г. Пушкирева къ собственному своему производству, то какъ авторъ согласуетъ подобную небрежность въ служеніи общественному дѣлу съ тѣмъ идеаломъ поэта, который изображенъ въ его предисловіи? Признаемся, мы весьма досадуетъ, что г. Н. Пушкиревъ поторопился записаться въ патентованные стихотворцы. Между его стихотвореніями попадаются вещи положительно недурныя (напримѣръ, «Весеннія впечатлѣнія», «Лѣсные пожары», «Три совѣта», «Подъ звѣзднымъ небомъ», «Разладъ» и нѣсколько еще), и тѣмъ несправедливо дѣйствуютъ на насъ всѣ его ошибки. Чтобы не разстаться, однако, съ г. Н. Пушкиревымъ, не показавъ читателю и хорошей его стороны, позволимъ себѣ выписать одно изъ его стихотвореній, которое мы причисляемъ къ самымъ удачнымъ изъ всего имъ написаннаго:

Г Д Ъ?

Грязная хата, глаза разъѣдающій,
 Вдѣй, удушливый чадъ,
 Дымъ отъ лучины, *трещи* догорающей,
 Грязныя бабы и плачь несмолвающій
 Грязныхъ и дичихъ ребятъ,
 Весь этотъ адъ,

Вся эта жизнь съ тяготой ея голою,
 Полною горя, страданій и мукъ —
 Все это снова съ тоской невеселою,
 Живо и рѣзко, картиной тяжелою,
 Встало въ глазахъ моихъ вдругъ.

Мысль! облетя ты всё царства извѣстия,
И... и отвѣтъ ты мнѣ: гдѣ,
Гдѣ въ нихъ злодѣи, глупцы и безчестные
Вѣчно не въ шелкѣ, а умный и честные
Вѣчно не гибнуть въ нуждѣ?
— Гдѣ? Да нигдѣ!

Мысль! гдѣ наша ты ту землю счастливую,
Землю, гдѣ грязь не противна для глазъ,
Зло не тревожить въ насъ душу тоскливую
И... и не будить въ насъ месть справедливую?
Гдѣ она? — Гдѣ? Да у насъ.

Голось изъ земства. *Выпускъ 1-й.* А. Кошелева. *Издание съ помызу сельскихъ школъ Сапожковскаго уезда. Москва. 1869 г.*

Завелась у насъ на Руси одна такая зловередная газета, которой стѣить только похвалить какую нибудь, вновь вышедшую книгу, чтобы возбудить со стороны всѣхъ другихъ газетъ немолчаемую брань и хулу противъ вновь вышедшей книги. Появилась, мѣсяца полтора назадъ, книга г. Кошелева подъ вышеприведеннымъ заглавиемъ — и сейчасъ же на себѣ испытала, что значать и барскій гнѣвъ, и барская любовь. При первомъ появленіи книги, почти всѣ, такъ-называемыя, либеральныя наши газеты отозвались объ ней хотя коротко, но благосклонно. Въ одной изъ *либеральныхъ* газетъ было даже сказано, что вотъ-де вышла книга весьма интересная, почтенное имя автора которой вполнѣ ручается за ея содержание: но вдругъ, на бѣду, газета «Вѣсть» вздумала похвалить ту же книгу — и всѣ, по-видимому сочувствовавшія ей, газеты вразъ повернулись къ ней спиной, и вразъ почувствовали сильнѣйшее отвращеніе, называя уже, такъ еще недавно почтеннаго и уважаемаго автора, ретроградомъ и крѣпостникомъ. Лишь только замолчала «Вѣсть» — сейчасъ унялись и другія газеты, перемѣнили даже гнѣвъ на милость, доказывая тѣмъ, что книгѣ повредило преимущественно не что иное, какъ одобреніе «Вѣсти», къ которой не мѣшало бы всѣмъ, выступающимъ на литературную арену, обращаться съ просьбою: ни подъ какимъ видомъ не хвалить ихъ произведеній, а, если милость будетъ, то даже и побранить.

Разсмотримъ же теперь сами, на сколько вновь вышедшая книга заслуживаетъ похвалы зловередной газеты и рѣзкаго осужденія другихъ газетъ, считающихъ себя органами съ направленіемъ диаметрально-противоположнымъ направленію «Вѣсти».

Авторъ книги «Голось изъ земства» принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ у насъ господъ, которые убѣждены, что основательно разсуждать о современномъ положеніи нашего отечества могутъ только лишь одни опытные помѣщики-чиновники, прожившіе не менѣе шестидесяти лѣтъ въ деревняхъ и глухихъ городахъ; всѣхъ же другихъ, преимущественно столиц-

нихъ жителей, хотя бы они считались глубоко учеными и образованными мыслителями, признають къ такому дѣлу негодными и малоспособными. Въ доказательство высокихъ достоинствъ своей книги, авторъ самъ считаетъ нужнымъ заявить читателю, что онъ «дворянинъ, землевладѣлецъ (не сказано сколько именно десятинъ) и *русскій*, прожившій болѣе 60 лѣтъ въ дѣлахъ и хлопотахъ, въ деревнѣ и городахъ, въ жизни частной, и на службѣ государственной и общественной; нынѣ же, по довѣрью своихъ согражданъ, состоитъ въ разныхъ общественныхъ званіяхъ и должностяхъ».

Изъ этого собственнаго показанія автора видно, что теперь ему уже, по крайней-мѣрѣ, лѣтъ восемьдесятъ, и даже слишкомъ, потому что къ хлопотамъ по общественнымъ дѣламъ ранѣе 25-ти лѣтъ мужчины не допускаются; слѣдовательно, мы, развертывая его книгу, должны заранѣе приготовиться слушать голосъ старческой, хотя правдивый, но уже нѣсколько дребезжащій, и потому, изъ уваженія къ старости, заранѣе отбросить излишнюю придирчивость. Г. Кошелевъ не разъ посылалъ свои статьи, собранныя въ книгѣ, въ разные повремениныя изданія, но несмотря на его литературную извѣстность, ни одну изъ его статей редакторы не рѣшились напечатать, по мнѣнію автора, потому, что въ нихъ правды ужъ слишкомъ много; потому-то, на старости лѣтъ, онъ и рѣшился издать ихъ отдѣльной книгой и, притомъ, въ нѣсколькихъ выпускахъ, если Господь продлитъ его жизнь.

Почтенный авторъ задаясь мыслью, вопервыхъ, доказать, что самоуправленіе вообще и мѣстное управленіе въ особенности книгѣмъ лучше ведено быть не можетъ, какъ людьми мѣстными, по выбору и подъ надзоромъ мѣстнаго населенія; что въ особенности Россія, съ своими многоразличными климатами, почвами, народностями, съ своими богатствами и нуждами и проч., имѣеть болѣе нужды въ мѣстномъ самоуправленіи, чѣмъ какое либо другое государство... чѣмъ, напримѣръ, какая нибудь сравнительно крохотная Англія, или плюгавенькая Бельгія — прибавимъ мы отъ себя. «Есть-ли какая нибудь возможность — развиваеетъ авторъ свою мысль — изъ Петербурга, или даже изъ губернскаго города назначать съ сознаниемъ тѣ сотни служащихъ, которые необходимы для веденія мѣстнаго хозяйства и мѣстнаго судопроизводства?» Авторъ убѣжденъ, конечно, что нѣтъ никакой возможности, и мы, разумѣется, согласились бы въ этомъ съ нимъ вполне, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы онъ былъ несравненно моложе 80-ти лѣтъ и не обладалъ такою громадною опытностью.

Соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ вполне, что самоуправленіе для Россіи положительно необходимо, мы съ большимъ любопытствомъ приступили къ чтенію тѣхъ страницъ, на которыхъ опытный и знающій русскій народъ авторъ развиваеетъ подробности, необходимыя для осуществленія вполне разумной

мысли, но здѣсь немедленно убѣдились, что слишкомъ уже большая практичность старца-мыслителя принесла ему вовсе не пользу, а положительный вредъ. Представьте себѣ, что, ратуя за самоуправленіе, почтенный авторъ отстраняетъ отъ участія въ немъ — кого бы вы думали? Ни больше, ни меньше, какъ всю, безъ исключенія, огромную массу крестьянъ всѣхъ наименованій, и вообще весь рабочій, трудящійся классъ, предоставляя пользоваться самоуправленіемъ только лишь дворянамъ, купцамъ и капиталистамъ, то-есть всѣмъ тѣмъ, которые живутъ и благоденствуютъ насчетъ рабочаго класса! Опытному старцу хотѣлось бы даже отнять у крестьянъ и тѣ необширные права, которыми они въ настоящее время пользуются. Главнѣйшую причину страшнаго развращенія крестьянскихъ нравовъ (по мнѣнію почтеннаго старца, крестьянская нравственность, разумѣется, въ старыя годы стояла несравненно выше, чѣмъ нынче) представляютъ собою узаконенія, разрѣшившія крестьянамъ сельскіе и волостные сходы и крестьянскіе волостные суды. «Трудно себѣ представить — пишетъ многоопытный старецъ — до какого безобразія доходятъ беспорядки въ крестьянскихъ обществахъ. *Почти все начальники — пьяницы.* Знали мы людей, вовсе непившихъ вина, которые, сдѣлавшись старшинами и старостами, *стались скруга, и произвели значительные захваты изъ мирскихъ суммъ.* (А мы, къ несчастію, знаемъ тоже очень много случаевъ пропорціонально съ населеніемъ несравненно больше, чѣмъ у крестьянъ, въ которыхъ выборные люди (начальники) изъ высшихъ сословій, хотя скруга и не спивались, но тоже произвели не только значительные, но даже огромные захваты мирскихъ суммъ, преимущественно дворянскихъ и земскихъ). По мнѣнію автора, крестьянскіе волостные суды и сходы представляютъ собою зло громадное, и потому ихъ слѣдуетъ немедленно уничтожить, а вмѣсто нихъ выбрать особыхъ благонамѣренныхъ чиновниковъ изъ дворянъ, въ родѣ мировыхъ посредниковъ, которые, по поводу ихъ совершеннѣйшей ненадобности, вѣдется, скоро будутъ уничтожены. Авторъ, въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ и мнѣній, ссылается на слова какихъ-то идіотовъ изъ крестьянъ Сапожковскаго уѣзда, которые вообще съ нимъ во всемъ согласны. Когда сами мировые посредники Сапожковскаго уѣзда, устыдившись, что они даромъ только берутъ жалованье, заявили на земскомъ собраніи о необходимости немедленнаго ихъ упраздненія, то, по показанію автора, гласные отъ крестьянъ *принимъ съ великое смущеніе, и, въ припадкѣ сильнѣйшаго идіотизма, будто бы сказали: «а кто же намъ будетъ управлять? Безъ посредника мы безбрежно стодимъ другъ друга!»*...—«Госнода, смотрите, будетъ хуже—прибавилъ будто бы одинъ изъ опытнѣйшихъ сапожковскихъ идіотовъ—теперь мало у насъ порядка, а тогда и вовсе его не будетъ. Мы одни управиться не можемъ». «Слова весьма замѣчательныя!» добавляетъ авторъ. Еще бы не замѣчательныя!

И такъ, по мнѣнію глубоко-свѣдущаго старца-сочинителя, самоуправленіе въ Россіи необходимо даже болѣе, чѣмъ въ Англіи, но для этого необходимо прежде всего совершенно истребить тѣ, едва замѣтные начатки самоуправления, которые даны крестьянамъ Положеніемъ 19-го февраля. По мнѣнію автора, какъ видно, для начала въ новомъ дѣлѣ самоуправления, всего бы лучше было опять завести нѣчто въ родѣ палаты государственныхъ имуществъ и окружныхъ правленій, но, вопервыхъ, назвать ихъ по другому, а вовторыхъ, чиновниковъ назначать по выбору дворянства, правами котораго авторъ очень недоуоленъ.

Въ особой статьѣ: «Что такое русское дворянство, и чѣмъ оно быть должно?», г. Кошелевъ совершенно справедливо говоритъ, что сословіе это въ настоящее время не имѣетъ твердой почвы подъ ногами; что дворяне наши въ сущности не аристократы, а только лишь корчатъ изъ себя аристократовъ, разумѣется, неудачно; что дворянамъ не мѣшало бы къ кому нибудь пріурочиться, чтобы не изображать собою раковъ на мели; что дворянскія собранія давно утратили всякій смыслъ, и потому возбуждаютъ только лишь хохотъ и проч. и проч. Все это совершенно справедливо, и доказываетъ, что авторъ — дѣйствительно человѣкъ опытный и бывалый; но вотъ, вопросъ о томъ: чѣмъ дворянство это быть должно? нельзя сказать, чтобы имъ разрѣшенъ былъ особенно удовлетворительно. Сравнивая права, данныя дворянамъ и крестьянамъ, авторъ съ какою-то завистью говоритъ, что крестьянскія права несравненно больше дворянскихъ; что крестьянскіе волостные суды могутъ приговаривать своихъ односельцевъ, избравшихъ судей, къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а у дворянъ ничего подобнаго нѣтъ, и проч. и проч. Автору, какъ видно, хочется, чтобы всѣ права, дарованныя крестьянамъ, за исключеніемъ права наказывать другъ друга розгами, были отъ нихъ немедленно отняты и предоставлены дворянству. Въ этомъ, какъ видно, и должно заключаться то самоуправленіе, которое необходимо въ Россіи больше, чѣмъ во всякой другой странѣ.

Размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности, заключающіяся въ книгѣ г. Кошелева, да едва ли это и нужно, такъ-какъ вся книга состоитъ изъ противорѣчій и несообразностей. Видно, что авторъ ея хотя человѣкъ и опытный, прошедшій, быть можетъ, чрезъ огонь и воду, и мѣдныя трубы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ ужъ старый, до такой степени старый, что чрезъ часъ забываетъ уже, о чемъ онъ говорилъ часъ тому назадъ. Въ одномъ мѣстѣ книги, на примѣръ, русскихъ крестьянъ онъ считаетъ положительно неспособными къ самоуправленію, а въ другомъ, про тѣхъ же крестьянъ, онъ отзывается очень благосклонно. «Гласные отъ помѣщиковъ и гласные отъ крестьянъ — пишетъ старецъ — сѣли (на земскихъ собраніяхъ) за одинъ столъ, и занялись об-

щими дѣлами, имѣя въ виду только настоящее и будущее. Это великолѣпное зовйство русскаго характера одно только объясняетъ существованіе такой обширной Имперіи... и проч.»... И все въ этомъ же родѣ: то вдругъ похвалить ни съ того, ни съ сего, то недоумкомъ назоветъ! По нашему мнѣнію, и хвалить бы не за что, но и неспособными признавать неразумно, потому что рано еще немножо. Мы ничего не видимъ особенно великолѣпнаго въ томъ, что наши запуганные мужики и корчащіе изъ себя аристократовъ помѣшники засѣли за одинъ столъ, и не разодрались; но, съ другой стороны, не видимъ тоже никакихъ разумныхъ поводовъ уничтожить только что возникшіе крестьянскіе суды, изъ-за того только, что у нихъ, по неприличію, дѣла идутъ не блестящимъ манеромъ. На этомъ основаніи привелось бы у насъ закрыть и уничтожить очень многое, если только не все.

Причины болѣзней. Врача Веніамина Португалова. Стб. 1869. 1.

Книга, лежащая передъ нами, составляетъ перепечатку статьи, печатавшейся въ продолженіе прошедшаго года и въ началѣ настоящаго въ «Архивѣ судебной медицины и общественной гігіены». Поводомъ къ отдѣльному изданію ея послужило желаніе автора обратить на предметъ своего изслѣдованія вниманіе большаго числа образованныхъ читателей, нежели обычный, небольшой кружокъ лицъ, интересующихся названнымъ нами журналомъ, который, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, далеко не пользуется тою степенью вниманія общества, какого, по своей дѣльности, вполне заслуживаетъ. Отъ души желаемъ, чтобы цѣль г. Португалова была имъ достигнута и съ его изслѣдованіемъ познакомилось какъ можно большее число образованныхъ людей. Предметъ его статьи — ужасающая многочисленность и разнообразіе болѣзней, существующихъ въ наши дни, и та неимоверная смертность нашего времени, которая, будемъ надѣяться, для ближайшаго нашего потомства, черезъ три, четыре, поколѣнія, будетъ казаться просто невѣроятною. Отысканіе причинъ этого печальнаго, кающагося въ наши дни чуть не фатальнаго, явленія и указанія пути, идя по которому, можно значительно ему противодѣйствовать — дѣло въ высшей степени серьезное и важное и должно составлять весьма существенный интересъ для каждаго человѣка, претендующаго на сознаніе. Статья же г. Португалова, несмотря на свою краткость, даетъ весьма много отвѣтовъ, соответственныхъ современному уровню науки, на самые трудные и темные вопросы этиологии (ученіе о происхожденіи болѣзней) и общественной гігіены. Серьезное изученіе первостепенныхъ европейскихъ антропологовъ, какъ Вайцъ и Рейхъ, и этиологовъ и медицинскихъ статистиковъ, какъ Гиршъ, Эстерлейнъ и Мюри, дало возможность г. Португалову усвоить себѣ множество новѣйшихъ дан-

нихъ по избранному имъ предмету, и переработать этотъ цѣнный матеріалъ на основаніи ученій Грове и Дарвина, хотя и не въ той удовлетворительной степени, въ какой желалось бы это самому автору. «Живя въ отдаленнѣйшей глуши необъятной Россіи, мы—говорить г. Португаловъ—лишены средствъ и возможности взять на себя смѣлость и право примѣнять ученіе Дарвина и Грове къ медицинѣ, и не обладаемъ на столько ни матеріаломъ, ни знаніями по части естественныхъ наукъ, да и вообще не на столько компетентны въ этомъ дѣлѣ. Но намъ кажется, что это единственный возможный и лучшій путь для точнѣйшаго и полнѣйшаго уразумѣнія этиологии вообще и основанія послѣдней на неизбѣжныхъ началахъ науки». «Все, что мы скажемъ въ предлежащей статьѣ, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ— взято нами цѣликомъ изъ упомянутыхъ сочиненій (Рейха: «Причины тѣлесныхъ и моральныхъ болѣзней», Гирша: «Руководство къ историко-географической патологій», Эстермейна: «Руководство къ медицинской статистикѣ»). Мы только позволили себѣ изложить собранные факты въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ и придать имъ вѣсъ, значеніе и смыслъ, кажушіеся намъ болѣе подходящими, болѣе сообразными съ требованіями логики». Несмотря на добросовѣстную скромность приведенныхъ нами оговорокъ автора, онъ даетъ въ своей книгѣ гораздо болѣе, чѣмъ общается. Основные, общіе его взгляды пронизаны такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, представляютъ такое стройное цѣлое, въ смыслѣ единства и логической послѣдовательности, что трудъ его, на который онъ самъ готовъ смотрѣть, какъ на компиляцію, и въ которой онъ пересказываетъ чужіе выводы, представляетъ всѣ признаки самостоятельности. Чтобы познакомить читателей хотя сколько нибудь съ основными воззрѣніями автора, постараемся передать нѣкоторыя изъ его положеній, на которыхъ основано все его изслѣдованіе. Исходя изъ мысли, проводимой съ особенною настойчивостью Клодомъ Бернаромъ въ его лекціяхъ общей физиологии, что для живыхъ существъ необходимо признавать двѣ совершенно различныя среды: 1) космическую или внѣшнюю среду, окружающую цѣлый индивидъ, и 2) органическую или внутреннюю среду *

* Вотъ объяснительныя выписки изъ Клода-Бернара, для лицъ незнакомыхъ съ его ученіемъ: «Идея эта принята уже многими физиологами. У животныхъ съ низшею организаціею нѣтъ, можно сказать, явственной органической среды, но чѣмъ животное стоитъ выше въ ряду существъ, тѣмъ болѣе организація его усложняется; его гистологическіе элементы становятся нѣжаче и тоньше устроенными, и уже не могутъ жить непосредственно во внѣшней средѣ». Въ другомъ мѣстѣ («Введеніе къ изученію опытной медицины», стр. 126) онъ говоритъ: «Условія нашей космической среды вообще управляютъ минеральными явленіями, совершающимися на поверхности земли; но организованныя существа содержатъ въ себѣ особыя условія своихъ жизненныхъ обнаруженій, и, по мѣрѣ того, какъ организмъ, то-есть живая машина совершенствуется въ силу того, что ея организованные элементы становятся болѣе нѣжными, эта машина

г. Португаловъ справедливо считаетъ это ученіе «спасительнымъ якоремъ» для лучшаго уразумѣнія причинъ болѣзней. «Было бы безуміемъ съ нашей стороны — говорить онъ — не признавать зависимости нашего организма отъ вѣншей, окружающей природы; но съ другой стороны, организмъ человѣка, самъ по себѣ, та же природа, и далеко не маловажная природа. Въ немъ одномъ намѣрены мы искать причины всѣхъ его болѣзней и всѣхъ его страданій; въ немъ одномъ мы готовы видѣть средства къ устраненію ихъ; онъ одинъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ первостепеннѣйшую важность, а все остальное отходить на задній планъ, получаетъ значеніе чисто второстепенное и третьестепенное. Совершенство и несовершенство организаци — альфа и омега нашей вѣры въ науку. Совершенство человѣческой организаци — идеаль, къ которому мы должны стремиться въ силу присущей намъ природы; это — физиологія въ обширнѣйшемъ значеніи слова; несовершенство — это патологія, какъ общественная, такъ и индивидуальная и т. д.» Привода затѣмъ примѣры выносливости человѣческаго организма, въ доказательство того, что совершенство человѣческой природы не утопія, и что кромѣ его, нечѣмъ объяснить ту способность человѣка съ изумительнымъ долготерпѣніемъ выносить всѣ ужасы физической и моральной обстановки, въ какой случалось находиться людямъ до настоящаго времени, авторъ такимъ образомъ подходитъ къ классификаціи болѣзней по ихъ происхожденію. «Все человѣчество, цѣликомъ взятое, находится въ непрерывной борьбѣ за существованіе. Результатъ этой борьбы съ одной стороны — усовершенствованіе человѣческой организаци, съ другой — вырожденіе человѣчества. Усовершенствованіе происходитъ путемъ естественнаго подбора или наслѣдственностью полученныхъ особенностей, или отличій; вырожденіе совершается путемъ уклоненія отъ нормальнаго типа, силою опять же естественнаго подбора и унаслѣдованія вредныхъ уклоненій. Достигнуть совершенства можно только въ

создаетъ специальныя условія органической среды, которая все болѣе и болѣе изолируется отъ среды космической. Мы, такимъ образомъ, приходимъ опять къ различію, которое я установилъ съ давнихъ поръ и которое считаю весьма плодотворнымъ, то-есть что въ физиологіи нужно разсматривать двѣ среды: среду *микрокосмическую* общую, и среду *микроскопическую*, частную для каждаго живаго существа; *последняя болѣе или менѣе независима отъ первой, смотря по степени совершенства организма*. Человѣческая машина будетъ тѣмъ болѣе совершенна, чѣмъ лучше будетъ она защищаться отъ прониканія вліаній вѣншей среды; когда организмъ старѣетъ, ослабляется, онъ дѣлается болѣе чувствительнымъ къ вѣншнимъ вліаніямъ тепла, влажности, также, какъ ко всякимъ другимъ климатическимъ вліаніямъ вообще. Подъ совершенствомъ организма слѣдуетъ понимать счастливое соединеніе доброкачественныхъ тканей и правильно устроенныхъ органовъ, расположенныхъ съ наибольшимъ удобствомъ для совершенія съ наибольшою легкостью всѣхъ, присущихъ организму управленій.

борьбѣ за существованіе. Сильнѣйшія, усовершенствовавшіся, одерживаютъ верхъ и выживаютъ; слабѣйшія, не выдержавъ борьбы, вымираютъ. Вымирание и вырожденіе совершается двоякимъ путемъ: 1) естественнымъ или уклоненіемъ отъ нормальнаго типа, въ силу закона естественнаго подбора и 2) искусственнымъ — *отравленіями, совершаемыми человечествомъ надъ собственнымъ своимъ организмомъ*. Вслѣдствіе этого, авторъ группируетъ всѣ болѣзни въ слѣдующіе отдѣлы: 1) болѣзни отъ недостатка организаціи въ борьбѣ за существованіе съ врагами и съ окружающей природой; 2) болѣзни вырожденія или естественныхъ уклоненій; 3) болѣзни приобрѣтенныхъ уклоненій и 4) болѣзни отъ отравленія. При такой группировкѣ болѣзней, по мнѣнію г. Португалова, становится ясной и сущность ихъ причинъ. «Борьба за существованіе — продолжаетъ онъ — породила существующій теперь социальный порядокъ, теперешнюю социальную обстановку, такъ-называемый, общественный бытъ. Выраженія: борьба за существованіе и социальный бытъ, для насъ, стало-бытъ, равнозначительны. Социальный бытъ въ продолженіе тысячелѣтій продуктировалъ все однообразное разнообразіе современнаго человѣчества, со всѣми его индивидуальными особенностями, съ стремленіемъ къ совершенствованію, со всѣми его болѣзнями, безъ исключенія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому предположенію, къ той гипотезѣ, что причины всѣхъ болѣзней, безъ исключенія, главнымъ образомъ коренятся только въ социальномъ бытѣ, продуктировавшемъ все разнообразіе индивидуальностей. Такимъ образомъ, повторяемъ, мы принуждены высказать наше глубокое убѣжденіе, что единственная причина всѣхъ болѣзней — одинъ лишь *социальный бытъ*, что въ немъ одномъ гнѣздится все зло страданій людскихъ; что въ немъ одномъ можно и должно искать средства къ спасенію, мѣры къ устраненію причинъ, къ удаленію зла. Такимъ образомъ климатическія, атмосферическія, геологическія, почвенныя и всѣ вообще космическія условія могутъ имѣть значеніе и получить силу вліянія только лишь вслѣдствіе той или другой социальной обстановки. Сами же по себѣ они никогда не бывають причиною болѣзней, въ смыслѣ строго-логическомъ, въ смыслѣ закона связи причины со слѣдствіемъ. Всѣ эти условія, слѣдовательно, могутъ быть названы только вліяніями вредными или полезными, смотря по обстоятельствамъ быта, сообразно условіямъ социального существованія. Вотъ собственно идея, заставившая насъ писать эту статью». Идея эта, впрочемъ, не составляетъ новости. Вайцъ, какъ передаетъ самъ г. Португаловъ, въ своей антропологии признаетъ четыре причины всѣхъ измѣненій, какія претерпѣваетъ человѣческая природа: 1) климатическія условія; 2) пища и образъ жизни; 3) культура и 4) наслѣдственность уклоненій отъ первоначальнаго типа. Онъ весьма доказательно показываетъ, что вліяніе климата на людей сравнительно незначительно, и что даже въ тѣхъ случаяхъ,

когда продолжительное дѣйствіе этихъ вліаній производитъ извѣстныя измѣненія въ человѣческомъ организмѣ, то все же можно принять за положительный фактъ одно лишь *совпаденіе* извѣстныхъ климатическихъ вліаній съ опредѣленными различіями тѣлесной человѣческой организаціи. Кроме того, различныя особенности племенъ, какъ, напримѣръ, дѣтъ кожи негровъ, считавшіяся прежде прямымъ произведеніемъ тропическаго климата, подвергся въ настоящее время сомнѣнію (его объясняютъ изобиліемъ принятія растительной пищи, богатой углеродомъ), точно также, какъ крѣпость развитія, половая зрѣлость, плодovitость, оказались по новѣйшимъ наблюденіямъ почти внѣ всякаго вліанія климата. Цѣлымъ рядомъ фактовъ Вайцъ доказываетъ почти совершенное ничтожество вліанія климата на темпераментъ и характеръ народа, а всестороннее изученіе разнообразія и измѣненія типовъ приводитъ его къ заключенію, что климатъ, самъ по себѣ, едва-ли въ состояніи значительно измѣнить типъ того или другаго народа. Но за то пища, образъ жизни человѣка и состояніе культуры той страны, гдѣ онъ обитаетъ, имѣютъ на него громадное вліаніе. Рѣшительное вліаніе пищи на ростъ и смертность людей давно уже доказано Кетле. Количество болѣзней и цифра смертности въ странѣ — положительные выразители того, правильно ли и достаточно ли питается тотъ или другой народъ и на сколько высока въ немъ цивилизація. Весьма интересны по своей рѣзкости въ этомъ отношеніи наблюденія, напримѣръ, надъ бушменами и якутами въ отношеніи пищи (бушмены, прозябающіе на каменной, бесплодной мѣстности, питающіеся всякою дрянью: кореньями, саранчей и т. д., почти обратились въ животныхъ; бушмены же озера Игами, хорошо питающіеся, представляютъ рослое, здоровое племя; то же замѣчается и между якутами, живущими на различныхъ мѣстностяхъ), и надъ неграми по отношенію къ цивилизаціи. По *Уарду*, негры въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки, въ теченіе 200 или 300 лѣтъ, не подвергаясь никакимъ подмѣсамъ, подъ вліаніемъ лучшей физической и моральной обстановки, утратили свои вздутыя, обвислыя губы и выдающіеся подбородокъ; по *Стемофу Смиту* даже негры-рабы въ Америкѣ, хорошо культурованные, теряютъ свой непріятный запахъ и курчавость волосъ; дѣти же негровъ, родившіеся на свободѣ, несравненно красивѣе своихъ родителей: глаза ихъ выразительнѣе, осанка благороднѣе, черты лица тоньше и нѣжнѣе и т. д. Смитъ видѣлъ даже негра, который, въ силу одного хорошаго ухода, побѣдѣлъ, а волосы его сдѣлались совершенно гладкими. Въ отношеніи наследственности полезныхъ уклоненій отъ первоначальнаго типа, Вайцъ, на основаніи множества наблюденій (напримѣръ, дѣти туземцевъ Питкорна, хорошихъ пловцовъ, уже въ возрастѣ 2-хъ, 3-хъ лѣтъ весело плаваютъ въ пучинѣ волнъ), заключаетъ, что пріобрѣтеныя и усвоенныя умственныя способности людей также передаются въ наследство дѣ-

тѣмъ, какъ и тѣлесныя качества. Въ результатъ всѣхъ своихъ изслѣдованій о причинахъ, отъ совмѣстнаго дѣйствія которыхъ зависятъ измѣненія физической организаціи въ процессъ развитія и совершенствованія, Вайцъ приходитъ къ тому заключенію, что въ нихъ самое могущественное значеніе и самая большая сила присуща культурѣ, а самая маловажная и почти ничтожная климатическимъ условіямъ (температура воздуха, ея абсолютная высота, ея непостоянство и разнообразіе, степень влажности, давленіе и химическій составъ воздуха, частость вѣтровъ, ихъ свойства и направленія, количество выпадающихъ дождей, разнообразіе пережѣвъ или правильность ихъ и т. д.); пища же и образъ жизни занимаютъ среднее мѣсто между этими двумя моментами. Разнообразіе же человѣческихъ особенностей обусловливается почти исключительно наслѣдственностью полезныхъ уклоненій. Выхода изъ всѣхъ этихъ положеній, г. Португальскій ставитъ себѣ задачей доказать, что весь патологическій процессъ человѣчества подчиняется этимъ же условіямъ, и пытается путемъ логическимъ, путемъ закона связи причины со слѣдствіемъ провѣрить: существуетъ ли прямая, непосредственная причинная связь между болѣзнями человѣка и внѣшними космическими условіями, и какимъ образомъ эта связь выражается. «Прежде, чѣмъ перейдемъ къ частностямъ, — говоритъ онъ — замѣтимъ, что, судя по историко-географическому описанію болѣзней, весь земной шаръ — юдоль плача. Нѣтъ такого угла на землѣ, гдѣ не было бы тѣхъ или другихъ болѣзней; нѣтъ такого мѣстечка, куда человѣкъ могъ бы укрыться отъ преслѣдующей его смерти: нѣтъ такого климата, который предохранялъ бы отъ всякихъ болѣзней; нѣтъ того времени года, въ которомъ человѣкъ считалъ бы себя обезпеченнымъ отъ всякаго рода болѣзней или даже отъ смерти; но, съ другой стороны, совершенно неправиленъ взглядъ человѣчества, который подчасъ смотритъ на природу, какъ на мачиху. Напротивъ, организація человѣческая такъ гибка, что можетъ извѣстнымъ образомъ приспособиться ко всякимъ внѣшнимъ условіямъ. *И только тогда, когда социальная условія, вытекающія изъ незнанія, невежества и историческаго развитія, мешаютъ человѣку приспособить свой организмъ къ этимъ условіямъ, только тогда внѣшнія условія могутъ вредно дѣйствовать на человѣчскій организмъ.* Такимъ образомъ, внѣшнія условія, окружающія человѣка, становятся вредными для него только въ силу недостатковъ его общественнаго быта; сами же по себѣ они едва-ли когда-нибудь причиняютъ болѣзнь. Человѣкъ на пустынномъ сѣверѣ нуждается въ теплой одеждѣ, но, несмотря на всѣ свои старанія, онъ не можетъ завестись шубой; при этомъ онъ мало пытается, и притомъ пищей неудобоваримой, малопитательной, онъ долго бродитъ по улицамъ при сильномъ морозѣ и заболѣваетъ ревматическимъ поражениемъ мышцъ не вслѣдствіе холода, но вслѣдствіе недостатка теплаго платья,

скуднаго и недостаточнаго питанія, дурной обстановки. Только въ свѣту послѣднихъ условій холодъ возымѣлъ дурное вліяніе на организмъ, ослабленный и истощенный предшествовавшими условіями и обстоятельствами. Признаться, только въ послѣднее время стали обращать серьезное вниманіе на изученіе причинъ болѣзней и искать ихъ въ социальныхъ условіяхъ. До сихъ поръ большинство врачей сваливало причину всѣхъ болѣзней то на климатъ, то на погоду, то на время года. Жаркое лѣто — худо, холодное лѣто — опять худо, теплая зима — плохо, холодная зима — тоже плохо, есть вѣтеръ — нехорошо, нѣтъ вѣтра — еще хуже. Поднялась почвенная вода — будетъ лихорадка, опустилась почвенная вода — будетъ холера (Петтенкоферъ) или тифъ (Буль). Врачи сваливали всѣ обвиненія на эти невинныя условія, и сами успокоивали свою совѣсть и публику успокоили. Извѣстное дѣло: «со стихіями и царямъ не совладать». Намъ кажется, что можно совершенно оставить въ покоѣ всѣ климатическія, атмосферическія и теллурическія вліянія и заняться хорошимъ устройствомъ своей обстановки. Пльсенъ и гніеніе въ квартирѣ, дурная вентиляція, продуванье изъ подполья гораздо вреднѣе всѣхъ возможныхъ климатовъ и временъ года. Къ тому же всѣ антигигиеническія вредности могутъ быть устранены, *вся социальная неурядица раньше или позже должна непременно исчезнуть* и тѣмъ самымъ освободить человѣчество отъ дѣлага ряда болѣзнетворныхъ мотивовъ, что повлечетъ за собою большую крѣпость организацій и большую возможность противостоять внѣшнимъ космическимъ вліяніямъ. Такимъ образомъ, мы снова приходимъ къ тому убѣжденію, что спасеніе человѣчества — въ общественной и частной гигиенѣ. Будущему гигиенисту предстоитъ широкая задача и обширная дѣятельность. Гигиенистъ долженъ будетъ во все вмѣшиваться, все контролировать. Постройка дома, топка печи, вся кухня съ ея подробностями, покроя платья, качество и достоинство обуви, уходъ за чистотою тѣла, время сна и бдѣнія, часы труда и отдыха, родъ занятія, все воспитаніе, условія брака, похоронная процессія, всѣ общественныя увеселенія, устройство общественныхъ заведеній и проч. — словомъ, весь социальный и индивидуальный бытъ будетъ дѣломъ гигиениста, и въ этомъ вся суть его земской службы».

На этомъ выводѣ г. Португалова мы и остановимся, тѣмъ болѣе, что все остальное въ его книгѣ только частное развитие основныхъ его взглядовъ, уже переданныхъ нами, да и вся важность его изслѣдованія заключается именно въ томъ, что она показываетъ, если даже допустить, что въ ограниченіи всякаго вліянія климатическихъ условій на человѣка, онъ, вслѣдъ за Вайдомъ и Рейхомъ, нѣсколько и увлекается, что большая часть болѣзней человѣчества и усиленная смертность — результатъ дурнаго социального устройства и недостаточной культуры нашего времени и что, слѣдовательно, уменьшитъ рѣшительно

цифру смертности и количество болѣзней зависить отъ насъ самихъ. Само собою разумѣется, что при этомъ дѣло идетъ не о случайныхъ, механическихъ поврежденіяхъ и отравленіяхъ минеральными, растительными и животными ядами, о чемъ г. Португаловъ въ своей книгѣ и не упоминаетъ, вѣроятно потому, что по закону случайныхъ причинъ процентъ это рода страданій въ человѣчествѣ сравнительно весьма незначителенъ, да отчасти и это незначительное число случаевъ можетъ быть человѣческой предусмотрительностью весьма ограничено. Между тѣмъ количество *искусственныхъ* болѣзней и *преждевременныхъ* смертей до того значительно, что поражаютъ всякаго строгаго наблюдателя, такъ что, по отношенію къ цифрѣ смертности, даже весьма умѣренные медицинскіе писатели, не отличающіеся особо смѣлостію мысли и воображенія, какъ напримѣръ, Паненгеймъ, признають, что она вдвое, втрое, вчетверо, а иногда и впятеро больше противъ неизбѣжной смертности для нашего времени (таковою признается 1 проц. или 10 человекъ на 1,000 ежегодно). Конечно, съ другой стороны цифра эта тотчасъ же уменьшается, вслѣдъ за малѣйшимъ поднятіемъ уровня цивилизаціи въ той или другой странѣ и вообще съ каждымъ столѣтіемъ дѣлается все меньше и меньше. Такъ напримѣръ, въ Женевѣ цифра смертности дошла въ наши дни до сравнительно хорошаго уровня (около $2\frac{1}{2}$), между тѣмъ, какъ въ XVI столѣтіи процентъ этотъ долженъ былъ быть неизмѣримо значительнѣе, такъ-какъ извѣстно (Эстерленъ), что тогда въ первый годъ жизни умирало дѣтей больше, чѣмъ теперь въ первые 10 лѣтъ включительно, что тогда тамъ до 40 лѣтъ доживала одна пятая живущихъ, между тѣмъ, какъ теперь до этого возраста достигаетъ ихъ половина, и въ настоящее время болѣе $\frac{1}{2}$ достигаетъ тамъ даже до 70 лѣтъ. Во всѣхъ европейскихъ странахъ уровень средней продолжительности жизни въ текущемъ столѣтіи поднялся, а цифра смертности понизилась, что особенно рѣзко выразилось на большихъ городахъ, гдѣ даже за послѣдніе 25 — 30 лѣтъ, процентъ смертности понизился съ 7,5 и 3,5 до 3 и 2. Одна изъ неприятнѣйшихъ цифръ этого рода падаетъ на Россію, гдѣ среднимъ числомъ смертность слѣдуетъ признать нѣсколько меньшую 4 проц. (1 изъ 29), хотя нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ, Casper, и возводятъ ее до 9, но вѣроятно недостатокъ у насъ въ точныхъ статистическихъ матеріалахъ ввелъ послѣдняго наблюдателя въ значительную ошибку, хотя для нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ напримѣръ, для Пермн, гдѣ ежегодно умираетъ 1 изъ 14, такой процентъ близокъ къ истинѣ. Что въ Россіи процентъ этотъ зависить не отъ климатическихъ условій, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить, что въ Норвегіи, находящейся тоже на крайнемъ сѣверѣ, процентъ этотъ по Отто Гауснеру даже нѣсколько менѣе 2.

Такимъ образомъ важнѣйшій результатъ изслѣдованія г. Пор-

тугалова — новое подтверждение истины, повторяемой с разных сторон новейшими наблюдателями, что социальный быт составляет главнейший источник происхождения болѣзней, и бороться с ними необходимо путем общественной или если хотите государственной гигиены, такъ-какъ частная гигиена до основнаго измѣненія существующаго общественнаго строя, обуславливающаго невозможность для большинства руководства ея выводами, хотя и можетъ нѣсколько уменьшить цифру смертности, но представляя только единичныя и частныя попытки, она доступна только привилегированнымъ сословіямъ и достаточнымъ людямъ. Главное зло — въ громадной суммѣ нищеты и невѣжества, существующихъ еще повсюду въ наше печальное время неправильнаго распредѣленія богатствъ. Безъ коренныхъ и всеобщихъ экономическихъ реформъ, трудно, слѣдовательно, надѣяться на сколько-нибудь значительную побѣду надъ болѣзнями и чрезмѣрною смертностью въ человѣчествѣ. Это должно почтяться какъ бы аксіомою, и этотъ принципъ — общественная гигиена должна признать исходною точкою своихъ дальнѣйшихъ изысканій. Для того же, чтобы изысканія эти могли плодотворно отражаться въ жизни и вводиться безпрепятственно въ житейскую практику — необходимо, чтобы общественная гигиена входила неизбѣжнымъ элементомъ въ высшее образованіе, и государственные люди и всѣ образованные дѣятели общественной жизни были съ ея выводами знакомы подробно и основательно. Если для врачей — изслѣдованіе г. Португалова и не представляетъ особенной новости, то такую новость оно конечно составить для массы публики, и слѣдовательно на его книгу, написанную понятно и занимательно — журналистика обязана обратить свое вниманіе. Для сомнѣвающихся въ справедливости и истинности выводовъ, о которыхъ мы говорили, приведемъ небольшое извлеченіе, относящееся къ разбираемому нами вопросу изъ обширной Гигиены и медицинскоѣ полціи Папенгейма (переведенной порусски и изданной въ видѣ приложения къ нынѣ почившей «Библиотекѣ Медицинскихъ наукъ»).

«Весьма естественно, — говоритъ этотъ авторъ, — что у насъ нѣтъ прямыхъ статистическихъ доказательствъ того, въ какой степени здоровье и долговѣчность человѣка зависятъ отъ того или другаго образа правленія и религій, отъ характера и состоянія нравственности, равно какъ отъ просвѣщенія народа. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти два важные дѣятеля въ жизни народа оказываютъ спльное вліяніе на благосостояніе и, слѣдовательно, на тѣлесное и нравственное его здоровье, на его смертность, точно также какъ на развитіе и качество молодаго поколѣнія. Не безъ основанія же тотъ или другой государственный бытъ народа, равно какъ его религію, нравственность и умственное развитіе всѣ признаютъ указателями степени просвѣщенія, на которой находится народъ. Всегда и вездѣ съ развитіемъ просвѣщенія и образованности замѣ-

чали измѣненія въ лучшему въ общественномъ здоровьѣ, долголѣтности и смертности народонаселенія. Сообразивъ, что всѣ условія жизни и важнѣйшія вліянія на здоровье отдѣльных лицъ и всего народа измѣняются, смотря по болѣе или менѣе возможности удовлетворять общественнымъ потребностямъ, мы не будемъ сомнѣваться въ томъ, что каждый народъ, равно его здоровье и благосостояніе зависятъ отъ степени его просвѣщенія и благосостоянія, равно какъ отъ образа правленія и духа его религіи. *Не подлежитъ также сомнѣнію, что государственныя учрежденія и законы, особенно касательно надѣла землею и налоговъ, оказываютъ болѣе вліяніе на жизнь, здоровье и счастье народовъ, чѣмъ климатъ, воздухъ и погода, почва и вода, словомъ, чѣмъ въ совокупности всѣ естественныя условія, отчего законодательство гораздо важнѣе для здоровья, жизни и смертности народовъ, чѣмъ напримѣръ наша медицина».*

Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «Нѣтъ болѣе вѣрнаго и точнаго мѣрила, для опредѣленія благоденствія народа, какъ степень его долголѣтности и смертности, причѣмъ всякаго рода невыгодныя условія быта ясно отражаются въ вѣдомостяхъ о новорожденныхъ и умершихъ. По этимъ спискамъ можно также судить о томъ, дѣйствуютъ ли законы, государственныя учрежденія и т. д., такъ, какъ слѣдуетъ для блага народа. Отъ религіи и просвѣщенія зависитъ степень нравственнаго образованія народа, особеннсти его характера и вообще весь его бытъ, которые въ свою очередь не остаются безъ вліянія на его здоровье, на качество и число молодаго поколѣнія, равно какъ на его болѣзни и смертность. Слѣдовательно болѣзни и смертность будутъ зависѣть оттого, удовлетворяютъ ли въ совокупности государственныя учрежденія и законы условіямъ общественнаго здоровья или нѣтъ. Этимъ мы можемъ себѣ объяснить, почему относительно здоровья, долголѣтности и т. д. встрѣчается такъ много разнообразія въ разныхъ странахъ и въ разные времена, такъ-какъ *все зависитъ оттого, какая возможность предоставлена народной массѣ для пріобрѣтенія средствъ къ существованію и лучшихъ условій для тѣлеснаго и нравственнаго здоровья, стремятся ли законы и государственныя власти къ этой цѣли или, напротивъ того, въ законахъ и учрежденіяхъ народъ встрѣчаетъ только одніи преграды на пути къ просвѣщенію, благоустройству и народному благосостоянію. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи важное мѣсто также занимаютъ надѣлъ землею, свободное пользование ею и обработка почвы, состояніе торговли и ремеслъ, словомъ, вся производительность государства, налоги и подати, здоровье почвы, городовъ и т. д., равно какъ благоразумное расходваніе государственныхъ доходовъ. Весьма важно также знать, господствуетъ ли въ народѣ духъ общественной и гуманности и поддерживаетъ ли правительство, при посредствѣ высшихъ въ государствѣ властей, законный порядокъ; существуютъ ли стѣльные корпораціи, вредныя для*

общаго народнаго счастья, или вообще люди, надъленные особыми преимуществами, или права и интересы всѣхъ равно защищаются властями и законами. Словомъ, коснувшись этого вопроса, мы ясно видимъ, что гигиена, нравственность и религія, равно какъ требованія челоуѣчества и выгоды правительства, въ сущности стремятся къ одной и той же цѣли».

Все это намъ кажется вполне вѣрно, ясно и убѣдительно. Жаль только, что Паленгеймъ не замѣнилъ слова *стремятся*, выраженіемъ *должны бы были повидимому стремиться*, иначе, изслѣдуя статистическія данныя болѣзней и смертности, невольно вспомнишь извѣстное единодушное стремленіе къ одной цѣли — шуки, рака и лебеда...

Джонъ-Стюартъ Милль. Утилитаризмъ. О свободѣ. Переводъ съ англійскаго Н. Невѣдомскаго. С.-Петербургъ. 1866—1869 и.

Въ то время, какъ утилитаризмъ, извѣстный у насъ также подъ названіемъ *теоріи эгоизма*, считается нашими сердобольными охранителями нравственности чудовищно-адскою теоріею, готовою ниспровергнуть всѣ нравственныя основы, въ то время, какъ противъ этой теоріи такъ недавно еще проповѣдывались со всѣхъ сторонъ чуть-что не крестовые походы, въ то время, какъ приверженцы утилитаризма въ многочисленныхъ произведеніяхъ нашей беллетристики до сихъ поръ представляются на судъ публики, то въ видѣ безчувственно черствыхъ недантовъ, помышляющихъ лишь о томъ, какъ бы имъ принести ежесекундную пользу, не позволяя себѣ ни капли самаго невиннаго наслажденія, то, напротивъ того, въ видѣ хищныхъ сластолюбцевъ, утоляющихъ ненасытную жажду наслажденій на дѣтъ гончаровскихъ обрывовъ, — въ это печальное время путающихся мыслей, а иногда и совершеннаго безмыслія со стороны нашихъ доморощенныхъ мыслителей. — появленіе книги Милля болѣе чѣмъ полезно и отрадно — оно незамѣнно. Возьмите только въ расчетъ, что Дж.-Ст. Милль челоуѣкъ вовсе не какихъ-нибудь новыхъ нигилистическихъ свойствъ, а напротивъ того, почтенный старецъ, пользующійся не только въ Европѣ, но и у насъ всеобщимъ почетомъ и авторитетомъ со стороны всѣхъ партій. Никогда онъ не былъ замѣченъ ни въ чемъ такомъ предосудительномъ, за что бы могъ подвергнуться справедливымъ преслѣдованіямъ и нареканіямъ: никогда онъ не говорилъ, что собственность — кража и не лазилъ, вслѣдствіе этого принципа, въ сады, живущихъ по сосѣдству отъ него, джентльменовъ, воровать чужія яблоки; и я не знаю, найдется ли во всей Европѣ челоуѣкъ, который могъ бы заподозрить его въ ночныхъ вылазкахъ въ обрывы и овраги, чтобы тамъ осуществлять принципы утилитаризма насчетъ невинныхъ дочерей Альбіона, — челоуѣкъ, однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ солидный, семейный, собственникъ, — не станеть же та-

кой человекъ проповѣдывать теорію, которая могла бы виспровергнуть основы нравственности въ его родныхъ и близкихъ людяхъ, пользующихся его вліяніемъ—не станетъ же онъ подкапываться подъ свое личное обезпеченное состояніе, разрушать свою собственную собственность. Понятно, что если защитникомъ утилитаризма является такой всѣми уважаемый и солидный мужъ, это должно озадачить нашу публику, привыкшую думать, что утилитаризмъ есть исключительное произведение безбородыхъ юношей, да еще именно тѣхъ изъ нихъ, которые преимущественно любятъ прохаживаться насчетъ клубнички. Къ этому надо взять во вниманіе еще и то, что книга Милля не есть какой-нибудь страстный памфлетъ, исполненный горячей полемики, способный озлобить и ожесточить противниковъ. Это спокойный и серьезный философскій трактатъ, имѣющій цѣлью опредѣлить основной, верховный принципъ нравственности. Утилитаризмъ является здѣсь въ своемъ истинномъ и глубоко-философскомъ видѣ, и читатель увидитъ изъ чтенія брошюры, что теорія эта вовсе не имѣетъ въ виду отвергнуть, уничтожить и попортить всѣ извѣстныя, дорогія сердцу каждаго мало-мальски неспорченного человекъ, нравственныя чувства и побужденія, и на развалинахъ прежней нравственности начертать свой собственный нравственный кодексъ. Ничуть не бывало: теорія утилитаризма имѣетъ только цѣлью объяснить существующіе и всѣми признанныя нравственные принципы иначе, чѣмъ объясняли прежде, — на болѣе разумныхъ и логичныхъ основаніяхъ. Усматривая, что всѣ прежніе теоретики, выводы нравственныхъ чувства и побужденія изъ апіористическихъ началъ, въ частностяхъ сбивались на ту же теорію пользы, и впадали въ непреходимыя противорѣчія, утилитаризмъ, восходя отъ частнаго къ общему и замѣчая, что всѣ наблюдаемыя нравственныя явленія въ концѣ-концовъ обуславливаются пользою личною или общественною, возвелъ принципъ пользы въ верховный принципъ, въ то же время, вовсе не считая этотъ принципъ безусловною причиною нравственности, такъ-какъ утилитаризмъ исходитъ изъ философской системы, считающей разсужденія о безусловныхъ причинахъ невозможными и бесполезными. Признаніе принципа пользы верховнымъ принципомъ нравственности избавило нравственную теорію отъ бездны противорѣчій, нисколько въ то же время не рискуя пошатнуть самую нравственность. Въ самомъ дѣлѣ, неужели моя нравственность можетъ пошатнуться оттого, буду-ли я признавать источникомъ своихъ нравственныхъ поступковъ непосредственное нравственное чувство, неизвѣстно откуда взявшееся во мнѣ, или же сознательное желаніе пользы себѣ, своимъ близкимъ, своей родинѣ, всему человѣчеству, желаніе, возникающее вѣдствіе инстинкта самосохраненія, симпатіи, привычекъ и умственнаго развитія — началъ, нисколько не непосредственныхъ, не безусловныхъ, не апіоричныхъ, поддающихся анализу науки и обуслов-

ливающих собою всё нравственные явления. Величайшее достоинство брошюры заключается въ томъ, что Милль не ограничивается только прямымъ изложеніемъ своихъ мыслей; онъ приводитъ постоянно всевозможныя возраженія, могущія возникнуть противъ того или другаго положенія своей теоріи, обсуждаетъ эти возраженія со всѣхъ сторонъ и опровергаетъ ихъ на основаніи теоріи. Этотъ способъ изложенія весьма напоминаетъ философскіе діалоги древнихъ. Читатель знакомится при немъ не только съ самою теоріею, но и со всѣми отношеніями ея къ другимъ теоріямъ, касающимся того же предмета. Для насъ, съ нашими козлиными свойствами упираться головою въ землю и въ каждой мало-мальски свѣжей мысли видѣть попятное на растлѣніе нашей невинности, такой способъ изложенія незамѣнимъ. Читатели найдутъ въ брошюрѣ много возраженій, весьма близкихъ ихъ сердцу, и блестящія возраженія на нихъ. Такъ напримѣръ, вотъ что говоритъ Милль противъ тѣхъ противниковъ утилитаризма, которые подозреваютъ эту теорію въ грубомъ сенсуализмѣ:

«Безспорно, что человѣкъ, равно испытывавшій два удовольствія и равно способный цѣнить и пользоваться обоими, отдастъ всегда предпочтеніе тому изъ нихъ, которое удовлетворяетъ высшимъ его потребностямъ. Мало найдется такихъ людей, которые бы, ради полной чаши животныхъ наслажденій, согласились промѣнять свою человѣческую жизнь на жизнь какого-нибудь животнаго. Умный человѣкъ не согласится превратиться въ дурака, образованный—въ невѣжду, чувствительный и честный—въ себялюбиваго и подлаго, хотя бы они и были убѣждены, что дуракъ, невѣжда и плутъ гораздо болѣе ихъ довольны своей судьбой. Тотъ излишекъ потребностей, который они передъ ними имѣютъ, никогда не согласится они утратить ради болѣе полного удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя у нихъ съ ними общія».

Въ самомъ дѣлѣ, наши противники утилитаризма, пугающіе народъ ужасами сенсуализма, никакъ не хотятъ понять и допустить, что ставя основою нравственности наслажденіе, утилитаристы подъ наслажденіями никогда и не думали разумѣть одни животныя, чувственныя наслажденія и отвергать высшія умственныя и нравственныя. Мало того, утилитаризмъ нисколько не отрицаетъ даже самопожертвованія: «что бы ни говорили, но утилитариане никогда не перестанутъ утверждать, что нравственность самоотверженія принадлежитъ по праву столько же имъ, сколько и стоикамъ, и трансценденталистамъ. Утилитарианская нравственность признаетъ въ человѣкѣ способность жертвовать величайшимъ своимъ личнымъ счастьемъ для счастья другихъ; она отрицаетъ только, чтобы эта жертва могла служить сама для себя цѣлью, — она утверждаетъ, что бесплодна та жертва, которая не увеличиваетъ, или не старается увеличить общую сумму счастья; только то самоотверженіе одобряетъ

она, которое имѣеть цѣлью счастье другихъ, счастье всего человѣчества въ его коллективности или отдѣльныхъ индивидуумовъ, насколько послѣднее не противорѣчитъ коллективнымъ интересамъ человѣчества». Такъ говоритъ Милль на 39-й стр., и эти слова не мѣшаетъ выучить наизусть тѣмъ претивникамъ утилитаризма, которые обвиняютъ эту теорію въ узкомъ эгоизмѣ, неимѣющемъ въ виду ничего далѣе минутнаго удовлетворенія личныхъ прихотей.

Объемъ библиографической статейки не позволяетъ намъ познакомиться читателей со всѣми сторонами трактата Милля, который, при всей кратости, представляетъ весьма богатое содержаніе; да и мы считаемъ это излишнимъ, убѣжденные, что каждый мало-мальски образованный читатель нашего журнала не преминетъ лично познакомиться съ книгою Милля.

Въ статьѣ о свободѣ, Милль главное вниманіе обращаетъ на защиту индивидуальной личной свободы — противъ всякаго насилія, будетъ ли это насиліе произвола, обычая или насиліе такъ-называемаго общественнаго мнѣнія. «Цѣль настоящаго изслѣдованія, — говоритъ онъ на 169-й стр., — состоитъ въ томъ, чтобы установить тотъ принципъ, на которомъ должны основываться отношенія общества къ индивидууму, т.-е. на основаніи котораго должны быть опредѣлены, какъ тѣ принудительныя и контролирующія дѣйствія общества по отношенію къ индивидууму, которыя совершаются съ помощію физической силы въ формѣ легальнаго преслѣдованія, такъ и тѣ дѣйствія, которыя заключаются въ нравственномъ насиліи надъ индивидуумомъ черезъ общественное мнѣніе. Принципъ этотъ заключается въ томъ, что люди, индивидуально или коллективно, могутъ справедливо вмѣшиваться въ дѣйствія индивидуума только ради самосохраненія, что каждый членъ цивилизованнаго общества только въ такомъ случаѣ можетъ быть справедливо подвергнутъ какому-нибудь принужденію, если это нужно для того, чтобы предупредить съ его стороны такія дѣйствія, которыя вредны для другихъ людей, — личное же благо самаго индивидуума, физическое или нравственное, не составляетъ достаточнаго основанія для какаго бы то ни было вмѣшательства въ его дѣйствіе».

Трактатъ этотъ отличается такою же глубиною философской мысли в столь же блестящими доказательствами, какъ и первый. Въ особенности замѣчательна вторая глава «О свободѣ мысли и критикѣ», въ которой Милль доказываетъ, что вредно подавлять распространеніе не только истинныхъ идей, но и ложныхъ, такъ-какъ истинныя идеи никогда не могутъ быть такъ глубоко поняты и оцѣнены, какъ это бываетъ, когда онѣ приходятъ въ столкновеніе съ ложными идеями; съ другой стороны, отсутствіе борьбы идей производить то, что истинныя идеи теряютъ свою энергію и живость, люди перестаютъ восприни-

мать ихъ всёми своимъ существомъ и онѣ обращаются въ ходячія, рутинныя фразы.

Объемъ статьи заставляетъ насъ ограничиться, относительно этого трактата, двумя замѣчаніями, въ которыхъ намъ придется указать на нѣкоторые недостатки и противорѣчія въ трактатѣ Милля о свободѣ.

Въ третьей главѣ Милль трактуетъ о необходимости предоставить индивидууму полную свободу дѣйствія виѣ, конечно, общественнаго или личнаго вреда. До тѣхъ поръ, пока Милль держится въ предѣлахъ своего изслѣдованія, т.-е. доказываетъ вредъ деспотизма власти, обычая и общественнаго мнѣнія надъ личностью, и необходимость освобожденія личности изъ-подъ всёхъ этихъ гнѣтовъ, до тѣхъ поръ онъ не перестаетъ быть строго логиченъ и послѣдователенъ. Но въ одномъ мѣстѣ онъ выходитъ изъ предѣловъ своего изслѣдованія, и мы увидимъ ниже, къ какимъ противорѣчіямъ это приводитъ его.

Дѣло въ томъ, что разнообразіе типовъ и жизни, а съ другой стороны, однообразіе, нивеллировка всёхъ людей на одинъ ладъ — если происходитъ отчасти оттого, пользуется ли личность свободой или нѣтъ, то нельзя сказать, чтобы личная свобода была здѣсь единственною причиною. Если деспотизмъ обычая и общественнаго мнѣнія надъ личностью ведутъ за собою нивеллировку людей и однообразіе жизни, чему служить разительнымъ примѣромъ Китай, то нельзя сказать наоборотъ, чтобы свобода личности всегда вела къ разнообразію типовъ и жизни. Свобода личности, напримѣръ, нисколько не исключаетъ свободное увлеченіе какою-нибудь общею модою, сглаживающею всё особенности. Я могу носить модную шляпу потому только, чтобы не отстать отъ всёхъ и не быть осужденнымъ, — въ такомъ случаѣ личность моя подавлена и индивидуальная свобода нарушена, но я могу носить модную шляпу просто потому, что она мнѣ нравится лучше всякой другой не модной, потому что я самъ свободно увлеченъ модою и участвую безъ всякаго принужденія въ общемъ увлеченіи, — въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о стѣсненіи моей свободы личности, — а нивеллировка вслѣдствіе общаго увлеченія все-таки совершается. Для прогресса важно не то, происходитъ нивеллировка или нѣтъ, а важно — вслѣдствіе чего она происходитъ. Если причина ея деспотизмъ большинства надъ личностью, гнѣтъ обычая, такая нивеллировка гибельна для прогресса и ведетъ къ китаизму. Но совершенно нельзя сказать этого относительно всякой нивеллировки; напротивъ того, можетъ быть и такого рода нивеллировка, которая весьма полезна для прогресса. Если я выдумаю удобное и дешевое платье и не могу его надѣть, потому что никто его не носитъ, — такой деспотизмъ обычая, безъ сомнѣнія, очень вреденъ и ведетъ къ китаизму. Но если бы вся данная мѣстность выдумала самое дешевое и удобное платье, сообразное климату и образу жизни этой мѣстности, и

каждый житель ея началъ бы сознательно и свободно носить это платье постоянно, перенеся увлеченія новизною на предметы, болѣе достойныя вниманія мыслящихъ людей, такое образіе не только не служило бы къ умерщвленію прогресса, а напротивъ, еще къ болѣшему его развитію. Милль же, говоря о гнѣтѣ обычая надъ личностью и пугая насъ китаизмомъ, вдругъ выходитъ изъ предѣловъ этого предмета, начинаетъ говорить о разнообразіи жизни вообще и безусловномъ вредѣ однообразія, отчего бы оно ни происходило, и это приводитъ его къ такимъ выводамъ, что подъ конецъ у него выходитъ, что тѣ самыя причины, которыя способствуютъ свободѣ личности, въ то же время препятствуютъ прогрессу и ведутъ къ китаизму.

«Почему — говоритъ онъ на 309-й стр. — семья европейскіхъ народовъ была до сихъ поръ не неподвижною, а постоянно совершенствующеюся частію человѣчества? Не потому, конечно, чтобы европейскіе народы имѣли какое-нибудь превосходство передъ другими народами, такъ-какъ это превосходство, если оно и существуетъ, во всякомъ случаѣ, есть слѣдствіе, но не причина, а потому, что они постоянно отличались болѣшимъ разнообразіемъ характеровъ и культуры. Индивидуумы, классы общества, народы — все это представляло въ Европѣ весьма рѣзкое разнообразіе, и всѣ эти разнообразія стремились къ прогрессу весьма различными путями. Правда, таково было общее явленіе всѣхъ эпохъ европейской исторіи, что шедшіе по одному пути обнаруживали, обыкновенно, крайнюю нетерпимость къ шедшимъ по другому пути и считали верхомъ совершенства, еслибы могли достигнуть того, чтобы всѣ шли по одному пути съ ними; но это взаимное посягательство рѣдко убывало сколько-нибудь постояннымъ успѣхомъ, и имѣло своимъ послѣдствіемъ только то, что каждый, въ свою очередь, подвергался необходимости воспользоваться тѣми плодами, какіе достигались другими. Этому разнообразію путей Европа и обязана, по моему мнѣнію, своимъ прогрессивнымъ и многостороннимъ развитіемъ. Но въ настоящее время она начинаетъ уже значительно утрачивать это качество и замѣтно склоняется къ китайскому идеалу, — къ уничтоженію всякаго рода разнообразій. Токвиль, въ своемъ послѣднемъ замѣчательномъ произведеніи, говоритъ, что французы теперешняго поколѣнія гораздо болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ французы предшествовавшихъ поколѣній; то же самое, только еще въ болѣе степени, замѣтно и у англчанъ. По мнѣнію В. Гумбольдта, какъ мы видѣли выше, два условія необходимы для человѣческаго развитія, по тому что только при существованіи этихъ условій и возможно, чтобы люди не походили другъ на друга, а именно: свобода и разнообразіе положеній. Второе изъ этихъ условій въ нашей странѣ все болѣе и болѣе утрачивается, съ каждымъ днемъ все болѣе сглаживается всякое разнообразіе внѣшнихъ условій

жизни. Въ прежнее время различные классы общества, различные мѣстности, промыслы, ремесла — все это жило своею особою жизнію, составляло, такъ-сказать, свои особые, отдѣльные міры, а теперь эти отдѣльные міры до значительной степени сливаются въ одинъ міръ, теперь, сравнительно говоря, всѣ читаютъ, слышатъ, видятъ одно и то же, посѣщаютъ одни и тѣ же мѣста, у всѣхъ одинаковыя цѣли, одинаковыя надежды и опасенія, всѣ имѣютъ одинаковыя права и вольности, одинаково ими пользуются, у всѣхъ одни и тѣ же средства для ихъ охраненія. Конечно, существующее разнообразіе положеній еще весьма значигельно, но оно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сглаживается. Этому сглаживанію всѣхъ разнообразій содѣйствуютъ всѣ политическія перемѣны нашего времени, такъ-какъ всѣ онѣ имѣютъ одно общее направленіе, стремятся повмыслить то, что ниже, понизить то, что выше, и такимъ образомъ все привести къ одному уровню. Этому содѣйствуетъ и самое распространеніе просвѣщенія, такъ-какъ оно влечетъ за собой подчиненіе людей общимъ вліяніямъ, дѣлаетъ для всѣхъ доступнымъ одинъ и тотъ же запасъ фактовъ и чувствъ,—этому содѣйствуютъ и всѣ улучшенія въ средствахъ сообщенія, потому что вслѣдствіе этого увеличивается личное столкновеніе между жителями отдаленныхъ мѣстностей; наконецъ, къ этому же ведетъ и самое процвѣтаніе торговли и промышленности, потому что, доставляя людямъ довольство, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаетъ для нихъ доступными даже самыя высокія цѣли честолюбивыхъ стремленій, такъ что эти цѣли перестаютъ уже быть особенной принадлежностью какого-нибудь класса, а становятся общимъ достояніемъ всѣхъ....»

Вдумайтесь только въ эту тираду, и вы увидите, въ какой заколдованный кругъ поставилъ себя Милль. Всѣ тѣ явленія, которыя производятся прогрессомъ, которыя составляютъ его сущность и залогъ его будущаго развитія, какъ-то: уничтоженіе сословныхъ перегородокъ, развитіе промышленности, улучшеніе путей сообщенія — всѣ эти явленія ведутъ къ однообразію, а слѣдовательно, по мнѣнію Милля, къ регрессу; и выходитъ, что прогрессъ есть въ то же время регрессъ. То же самое и относительно свободы личности: смѣшивая и отождествляя понятіе о свободѣ личности съ понятіемъ о разнообразіи жизни вообще, Милль приходитъ къ тому результату, что тѣ явленія, которыя, по его же собственному мнѣнію, способствуютъ къ освобожденію личности, въ то же самое время ведутъ къ однообразію въ жизни, слѣдовательно, къ порабощенію индивидуальности. Изъ-за чего же Милль въ статьѣ объ утилитаризмѣ распинается передъ идеєю справедливости, какъ не изъ того, что видить въ этой идеѣ осуществленіе высшихъ принциповъ въ нравственности. «Вся исторія общественнаго развитія—говоритъ онъ на 146-й стр.—есть не что иное, какъ плодъ

такихъ превращеній, что обычаи, учрежденія, признававшіеся необходимыми для существованія общества, становятся предметомъ общаго осужденія, какъ несправедливость и тиранія. Такъ было съ различіемъ людей на рабовъ и свободныхъ, на дворянъ и вѣрнопостныхъ, на патриціевъ и плебеевъ; такъ будетъ современемъ, а отчасти уже и теперь, съ аристократіей цвѣта, расы, пола». И въ самомъ дѣлѣ, если личность достигла хоть какой-нибудь свободы, то это случилось только благодаря тому, что пали тѣ средневѣковые порядки, которые подчиняли одинъ классъ общества другому; но паденіе этихъ порядковъ приводитъ къ однообразію въ жизни, а однообразіе жизни, по мнѣнію Милля, тождественно съ уничтоженіемъ свободы личности, слѣдовательно то самое, что служитъ къ освобожденію личности, производитъ въ то же время ея порабощеніе. Вѣдь можно подумать, что Милль рыный обскурантъ и романтикъ, который, ради только внѣшней пестроты жизни, желаетъ уничтоженія промышленности, желѣзныхъ дорогъ, всякихъ политическихъ и общественныхъ правъ своихъ современниковъ и возвращенія къ среднимъ вѣкамъ со всѣми ихъ сузеренами и вассалами, рыцарями и замками, монастырями, городами и цѣхами. Ничуть не бывало; мы убѣждены, что Милль ни на одну сажень не согласился бы уменьшить количество желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, и искренно желаетъ уничтоженія аристократіи, даже расъ и половъ. Вся эта путаница произошла отъ двухъ причинъ: отъ смѣшенія понятія свободы личности съ разнообразіемъ жизни, и постановленіе прогресса въ зависимость исключительно отъ разнообразія.

Точно въ такія же противорѣчія впадаетъ Милль на стр. 344 — 347, гдѣ онъ обвиняетъ американцевъ въ деспотизмѣ надъ личностью за то, что они осуждаютъ людей, предающихся излишней роскоши. Здѣсь нужно еще изслѣдовать причины такого осужденія со стороны американцевъ. Еслибы оно происходило единственно изъ пуританскаго фанатизма, выдающаго идеалъ жизни во всеобщей бѣдности и подавленіи естественныхъ стремленій къ наслажденіямъ, въ такомъ случаѣ Милль былъ бы правъ, и въ этомъ можно было бы видѣть вредный деспотизмъ общественнаго мнѣнія надъ свободою личности. Но Милль прямо обвиняетъ здѣсь сильное стремленіе къ демократическому общественному устройству. Это невольно заставляетъ васъ задумываться послѣ 344 страницъ, прочитанныхъ вами до 345-й. Вѣдь очень можетъ быть, что американцы руководствуются здѣсь тѣмъ сильнымъ чувствомъ справедливости, которое Милль ставитъ въ основу нравственности; можетъ быть, если американцы въ чемъ здѣсь неправы, такъ развѣ въ томъ, что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на слѣдствія, игнорируя причины; но, во всякомъ случаѣ, по всей вѣроятности, американцевъ движетъ благородное стремленіе, наложившее нѣкоторый деспотизмъ на свободу личности десятирхъ, для того, чтобы этимъ

путемъ въ концѣ-концовъ даровать свободу личности тысячамъ, немѣющимъ ея, или, если и имѣющимъ, то могущимъ употребить ее развѣ только на свободное умирание съ голоду. Такое стремление современности согласуется съ тѣми основаніями нравственности, справедливости и свободы, которыя развиваетъ Милль; вѣдь Милль проповѣдуетъ не одно только слѣпое удовлетвореніе личныхъ потребностей, а тамъ—après nous le déluge. Поражая американцевъ, не впадаетъ ли Милль въ то пошлое пониманіе утилитаризма, на которое онъ самъ возстаетъ въ своемъ первомъ трактатѣ, которое въ утилитаризмѣ видѣло одно только удовлетвореніе стремленій узкаго эгоизма?

Но, несмотря на эти противорѣчія, которыя показываютъ, что у Милля есть какой-то глазокъ въ затылкѣ, которымъ онъ нѣтъ-нѣтъ да и посмотритъ назадъ, несмотря, я говорю, на эти противорѣчія, книга преисполнена глубокихъ и неопровержимыхъ истинъ, потому что въ то время, какъ глазокъ въ затылкѣ у Милля очень маленькій и близорукій, подо-лбомъ у него два большіе, дальноробіе глаза, которые смотрятъ впередъ смѣло и рѣшительно. Это выкупаютъ всѣ недостатки книги и дѣлаютъ ее, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ передовыхъ явленій въ мірѣ европейской мысли. Для насъ, какъ я уже сказалъ выше, книга эта незамѣнима. Она не произведетъ шума, говора, увлеченій; она будетъ дѣйствовать незамѣтно, но это будетъ могучее и благотворное дѣйствіе: оно освѣтитъ у насъ недостаточное количество мрака, невѣжества, узколобія, недомыслия и окончательнаго безсмыслія.

Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Константина Тимофеева. *С.-Петербургъ. 1869.*

Мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ г. Тимофеевъ издалъ въ свѣтъ эту тощую книжицу, окрестивъ ее хотя скромнымъ, но все-таки невѣрнымъ названіемъ «Пособіа при изученіи русской словесности». Смѣемъ увѣрить и публику, и г. Тимофеева (если онъ самъ не сознаетъ этого), что книжка его не только не «воспособляетъ» изученію русской словесности, но, напротивъ, можетъ извратить понятія объ этомъ предметѣ у тѣхъ отроковъ и отроковицъ, которые уже успѣли почерпнуть ихъ изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ, ну, хоть, напримѣръ, изъ учебниковъ гг. Водовозова и Стоюнина. Книжка эта страдаетъ и нелѣпостью плана, и дѣтской наивностью критической оцѣнки писателей и, наконецъ, даже просто грубыми промахами въ фактической части. Мы сомнѣваемся, чтобы подобное произведеніе, рекомендуемое въ авторѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, челоуѣка крайне юнаго, неопытнаго въ педагогическомъ дѣлѣ и нескѣдущаго въ наукѣ — могло имѣть успѣхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; но иронія жизни и современной воспитательной практики велика, и если аляповатая стряпня гг. Филонова и Радонежскаго, сихъ двухъ педагогическихъ близнецовъ, о

которыхъ трудно сказать: гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой — если ужъ эта безобразная стряпня разошлась по нашимъ гимназіямъ и семинаріямъ, то г. Тимофеевъ, даже съ нѣкоторымъ правомъ, можетъ претендовать на такое же отличіе... И пожалуй — чего добраго! — отличится на самомъ дѣлѣ: несмотря на всѣ признаки зеленой юности и незрѣлости, онъ все-таки сподобился русской грамоты въ нѣсколько большей степени, чѣмъ наши педагогик-компрахивосы, занимающіеся нравственнымъ избиеніемъ младенцевъ. Въ силу этихъ соображеній, мы займемся книжкой г. Тимофеева больше, чѣмъ сколько она заслуживала бы по своему абсолютному достоинству.

«Пособіе при изученіи русской словесности» раздѣляется на двѣ части: въ первой изъ нихъ заключается собственно исторія литературы, во второй — краткая хрестоматія, т.-е. «избраннѣйшія» стихотворенія, пригодныя, по мнѣнію автора, для чтенія и разбора въ классѣ. Въ началѣ первой части г. Тимофеевъ говоритъ: «Исторію литературы можно изучать тремя способами: *фактическимъ*, *критико-эстетическимъ* и *прагматическимъ*. Первый собираетъ факты; второй оцѣняетъ ихъ преимущественно въ художественномъ или эстетическомъ отношеніи; третій стремится, съ одной стороны, отыскать связь и преемственность между литературными произведеніями народа, а съ другой — выяснить отношенія литературы ко всѣмъ другимъ сторонамъ народной жизни и дѣятельности. Въ предѣлахъ первоначальнаго, сжатаго учебнаго курса, мы можемъ лишь исподволь знакомиться съ памятниками отечественной литературы, приучаясь читать и оцѣнять ихъ, приучаясь вглядываться въ отношенія этихъ памятниковъ между собою и къ другимъ явленіямъ народной жизни, и потому строгаго примѣненія къ дѣлу того или другаго способа изученія литературы мы не можемъ себѣ и обѣщать. Въ особенности затруднительно было бы въ подобномъ курсѣ выдержать прагматизмъ изложенія. Вотъ почему мы заранѣе поставимъ себѣ самую скромную задачу: *прочсть нѣсколько выдающихся памятниковъ* отечественной литературы, древней и новой, оцѣнить ихъ въ эстетическомъ отношеніи и указать, по возможности, на прагматическую связь между ними». Юный авторъ, совершенно неопытный въ учебномъ дѣлѣ, исчисляя методы изложенія словесности, забылъ самый для себя важный, а именно: *педагогическій методъ*, по которому авторъ учебника долженъ заботиться всего болѣе объ образовательной слѣдъ избраннаго предмета и излагать его такъ, чтобы тутъ не было ни поверхностныхъ фразъ, ни голыхъ сентенцій, не подкрѣпленныхъ самымъ анализомъ вещи. Этотъ педагогическій методъ, отчасти выработавшійся у насъ въ послѣднее время, не можетъ быть исключительно фактическимъ, потому что знаніе фактовъ, безсвязныхъ и неосмысленныхъ общей идеей, не имѣетъ никакаго образовательнаго значенія; онъ не можетъ ограничиваться и одною художественною

стороною литературныхъ произведеній; но долженъ (примѣняясь, конечно, къ возрасту и понятіямъ учениковъ) направляться къ тому, чтобы каждый замѣчательный литературный памятникъ былъ разсмотрѣнъ со всѣхъ наиболѣе выдающихся сторонъ и, главное, поставленъ на надлежащемъ мѣстѣ между другими произведеніями, характеризующими собой важнѣйшіе моменты въ исторіи умственного, эстетическаго и политическаго развитія народа. Въ такомъ видѣ исторія словесности примкнетъ тѣснѣйшимъ образомъ къ исторіи политической и одушевитъ жизнь и смысломъ ея сухіе факты и хронологическія таблицы. Г. Тимофеевъ, ощутивъ изъ виду существенное требованіе отъ учебника, общается намъ всего понемногу: и фактическаго изложенія, и эстетической критики, и «по возможности» прагматической связи между фактами. Но онъ не исполняетъ и того, что имъ обѣщано: вдаваясь преимущественно въ эстетическіе, голословные приговоры, авторъ слабо знакомитъ съ содержаніемъ литературныхъ произведеній и еще слабѣе разъясняетъ ихъ связь съ духомъ исторической эпохи. Къ тому же онъ понадеваетъ ежеминутно въ просакъ: такъ, напримѣръ, народныя *былины* называетъ невѣжественнымъ образомъ *сказками*, причемъ смѣшиваетъ два рода произведеній, существенно различныхъ по своему характеру (стр. 21), сюжету и происхожденію; цитируетъ извѣстный стихъ Кольцова: «аль у молодца крылья связаны, аль пути ему всѣ заказаны?» какъ *подлинный* стихъ изъ народной пѣсни (стр. 26); приписываетъ изданіе «Всякой всячины» не Екатеринѣ II-й и Козицкому, какъ это извѣстно давнымъ давно, а Сумарокову, издававшему только «Трудолюбивую пчелу» (стр. 86). Характеристично времени по историческимъ фактамъ и литературнымъ произведеніямъ г. Тимофеевъ почти вовсе не занимается. О реформѣ Петра и о литературныхъ типахъ, которые могли бы служить для нея объясненіемъ, говорится такъ мало и невразумительно, что понять нельзя: какимъ образомъ шагнула наша литература отъ комедіи о Блудномъ сынѣ къ Ломоносову и Державину. Можно думать даже, что самая реформа произошла оттого, что надо было «отдѣлать въ языкѣ стихію свѣтскую отъ духовной» (стр. 35). Въкѣ Екаторины очерченъ также дурно и безтолково. Крупнымъ литературнымъ направленіемъ посчастливилось не больше, чѣмъ важнымъ историческимъ эпохамъ: о нихъ г. Тимофеевъ или ничего не говоритъ, или говоритъ два-три загадочныхъ слова, изъ которыхъ нельзя извлечь никакой опредѣленной мысли. О сентиментальномъ направленіи Карамзина сказано, что оно «не вредило достоинству» его произведеній, потому что въ немъ не было «ничего приторнаго» (стр. 58); ничего больше не найдете вы у г. Тимофеева, какъ будто онъ призванъ быть не историкомъ, оцѣнивающимъ внутренній смыслъ и относительное достоинство того или другаго настроенія общественной мысли, а моралистомъ, для котораго важно знать: искренно ли

притворно выражалъ это настроеніе такой-то писатель? Романтизмъ опредѣляется, какъ «возвышенное и нѣсколько мечтательное направленіе, которое трудно опредѣлить, но которое каждый (въ томъ числѣ и ученикъ, которому нужно еще это растолковать) чувствуетъ и понимаетъ». Коротко и ясно! Взвѣсивъ серьезнаго анализа литературныхъ произведеній, изъ котораго можно бы почерпнуть единственно вѣрныя основы для характеристики писателей, г. Тимофеевъ угощаетъ насъ анекдотами изъ ихъ частной жизни въ родѣ того, напримѣръ, что «сюжетъ «Горя отъ ума» *приснился* Грибоѣдову, когда онъ жилъ въ Тавриѣ». («Всхрапну-ка и я въ классѣ у г. Тимофеева», подумаешь при этомъ догадливый ученикъ: «савось-либо и мнѣ приснится что-нибудь хорошее!»). Эти анекдотическія біографіи идутъ одна за другой безъ всякой системы и порядка (такъ, напримѣръ, біографія Батюшкова помѣщена послѣ біографіи Грибоѣдова, какъ будто послѣдній дѣйствовалъ раньше Батюшкова въ русской литературѣ); довольно часто пересыпаются онѣ критическимъ пустословіемъ автора — и такимъ образомъ проходитъ передъ нами исторія русской мысли и русскаго чувства со временъ Петра и до нашихъ дней! Лучшимъ примѣромъ критическихъ приговоровъ автора можетъ служить слѣдующій отзывъ его о Чацкомъ: «Чацкій поступаетъ очень благородно, когда не хочетъ служить потому, что *будто* отъ него потребуютъ прислуживанья. Отъ такого умнаго и благороднаго человѣка (кланяйтесь и благодарите, г. Чацкій) *даже самъ Фамусовъ не потребовалъ бы ничего, кромѣ выполненія служебныхъ обязанностей*. Если Чацкій и ему подобныя истинно любятъ отечество, то они должны не на словахъ только, а на дѣлѣ, т.-е. честною, непрестанною, умною службою («а главное — *поди-ка послужи!*») доказывать ему свою любовь». Понялъ, значить, г. Тимофеевъ характеръ Фамусова, коли такъ смѣло ругается за него! Не Фамусовъ ли говорилъ, косясь на Чацкаго:

Другой хоть притче будь, вадутый всякимъ чванствомъ,

Пускай себѣ разумникомъ сломъ —

А въ семью не включать; на насъ не подиви!

не онъ ли называетъ «завиральными идеями» всякій порывъ честной и просвѣщенной мысли; не онъ ли держитъ при себѣ Молчалина, который *не смѣетъ* имѣть своего мнѣнія? Берне сказалъ гдѣ-то, что «всякій человѣкъ имѣетъ право быть тупымъ, но никто не вправѣ злоупотреблять своей тупостью». Это же изреченіе слѣдуетъ примѣнять и къ нѣкоторымъ критикамъ. Добродушіе и благонамѣренность—безспорно хорошія качества; но ихъ однихъ, за отсутствіемъ критической проникаемости, недостаточно для оцѣнки литературныхъ произведеній; къ тому же эти качества слишкомъ щедро вознаграждаются практической жизнью, чтобы нужно было украшать ихъ еще лавровыми вѣн-

вами. Чѣмъ другимъ, если не милымъ добродушіемъ, объясняются слѣдующія строки: «Можно быть вполне увѣреннымъ, пророчествуетъ г. Тимофеевъ, что не умри Базаровъ такъ рано и такъ случайно, какъ онъ умираетъ въ романѣ (читатель видить, что и пресловутый *нигилизмъ* попалъ въ учебный курсъ и, какъ подобаетъ, осужденъ г. Тимофеевымъ), — онъ *дошелъ бы до лучшихъ убѣждений* и пересталъ бы красоваться тою дешевою популярностью, которая, какъ видно, очень занимаетъ и манитъ его въ кругу молодежи». Только благонамѣренность *du haute qualité* могла счесть Лизу (въ *Дворянск. гнѣздѣ*), удаляющуюся въ монастырь отъ житейскихъ тревоженій, — «такимъ свѣтлымъ идеаломъ русской дѣвушки, что основныя черты его должны быть поставлены *задачею женскаго воспитанія*». Мы не знаемъ, имѣетъ ли г. Тимофеевъ хоть какое-нибудь вліяніе на задачи женскаго воспитанія; но еслибы онъ получилъ его теперь, даже несмотря на свою несомнѣнную юность и легкомысліе, то результатомъ благихъ стараній было бы, на этотъ разъ, наполненіе скитовъ и монастырей, и окончательный упадокъ женскихъ учебныхъ заведеній. Подумайте, г. Тимофеевъ, только о томъ: кто жъ будетъ покупать ваши книжныя издѣлія, если всѣ училища постигнутъ такую безвременная кончина.

Сборникъ стихотвореній, составляющій вторую половину той же книжки, отвѣчаетъ вполне достоинству учебнаго курса. Здѣсь, на первомъ планѣ, изъ *новѣйшихъ* писателей, фигурируютъ кн. Вяземскій, Ѳ. Глинка, Аксаковъ. Преподавателю, принявшему за пособіе книжку г. Тимофеева, придется объяснять отрокамъ и отроковицамъ такіе художественные образы, какъ напримѣръ:

На церквахъ твоихъ старинныхъ
Вырастаютъ деревья (II)

или любоваться неологизмами кн. Вяземскаго въ родѣ «первоначалье», «свышній миръ» и т. п. Къ этимъ драгоценностямъ г. Тимофеевъ относится вполне почтительно и не дерзаетъ измѣнять ихъ; но меньше почтенія обнаруживаетъ онъ къ стихамъ Лермантова, Языкова, Некрасова и дозволяетъ себѣ въ нихъ нѣкоторые стилистическія улучшенія (вмѣсто: «сахарныхъ усть» — медовыхъ усть; вмѣсто «отчизну» — родину и т. п.). Съ Некрасовымъ онъ поступилъ еще рѣзвѣе, и въ стихотвореніи: «Внимаю ужасамъ войны», вмѣсто стиховъ:

Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ,

заставляетъ поэта говорить такую бессмыслицу: «но гдѣ-то есть печаль одна — она до гроба помнить будетъ» (стр. 198). Впрочемъ, Некрасовъ, по мнѣнію г. Тимофеева, — «поэтъ недолговѣчный именно потому, что слишкомъ современный» (стр. 146), .. его стихотворенія, конечно, забудутся прежде, чѣмъ разой-

дета первое изданіе «Пособія при изученіи русской словесности».

Кромѣ намѣренныхъ искаженій, мы нашли въ книгѣ много грубѣйшихъ опечатокъ, нигдѣ не оговоренныхъ и рѣшительно нестерпимыхъ въ учебной книгѣ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣсколько словъ объ участи оперы «Вильямъ Ратклифъ» и о причинахъ устраненія г. Балакирева отъ званія капельмейстера русскаго музыкальнаго общества.

Г. В. Стасовъ горько жалуется, что почти вся петербургская журналистика неблагопріятно отозвалась и даже враждебно отнеслась къ оперѣ г. Кюи.

Онъ правъ! Порицанія и даже какое-то озлобленіе выгазались по поводу новой оперы съ такимъ единодушіемъ, какого до сихъ поръ у насъ никогда еще не существовало въ рецензіяхъ по художественнымъ или литературнымъ вопросамъ. — За исключеніемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», служащихъ органомъ извѣстнаго кружка, въ которомъ владычествуетъ г. Стасовъ и къ которому принадлежитъ и авторъ «Ратклифа», во всѣхъ прочихъ органахъ печати новая опера подверглась самому строгому и, какъ кажется, несправедливому осужденію.

Въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы разобрали оперу г. Кюи безпристрастно и указали откровенно на ошибки и на слабыя стороны новаго произведенія.

Что-жъ могло вызвать со стороны прочихъ органовъ печати такое единодушное порицаніе — и даже озлобленіе, можно сказать, противу оперы, написанной здѣшнимъ композиторомъ?

Мы не можемъ похвалиться изобиліемъ плодовъ отечественнаго искусства, и потому весьма странно, что произведеніе русскаго композитора, представляющее плодъ хотя и не совсѣмъ зрѣлый, но довольно сочный, заслужило, вмѣсто радужнаго впривѣтствія, почти всеобщее порицаніе. Нѣтъ ли тутъ какихъ либо особыхъ причинъ, и враждебное чувство, вызванное трудомъ г. Кюи въ большинствѣ нашей печати, не обуславливается ли какими либо носторонними побужденіями?

Этотъ вопросъ заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія. — Въ сужденіяхъ объ искусствѣ, конечно, не слѣдовало бы примѣшивать чувство нерасположенія къ той или другой личности, но къ несчастію это случается сплошь да рядомъ, и не у насъ только, а и въ другихъ болѣе зрѣлыхъ литературахъ.

Чѣмъ же вооружилъ противъ себя нашихъ озлобившихся рецензентовъ г. Кюи, впервые выступающій на композиторское поприще?

Ностараемся выяснитъ дѣло.

Г. Кюи предсталъ предъ публикою съ большою, трехъактною оперою, если и не совсѣмъ самостоятельною и зрѣлою, то во всякомъ случаѣ серьезною и недожинною. Въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы фактически доказали, указывая на форму прелюдій и на нѣкоторые другіе приемы, что г. Кюи во многихъ отношеніяхъ подчинился вліянію нѣмецкаго реформатора Вагнера.

Г. Римскій - Корсаковъ, восторженный поклонникъ г. Кюи, указываетъ на вліяніе Шумана, и кто бы это подумалъ? находить въ новой оперѣ слѣды вліянія французской школы! — Слѣдовательно, утверждать, что опера «Ратклифъ» есть верхъ музыкальнаго совершенства, самостоятельности и даже гениальности — какъ это дѣлаетъ Г. Стасовъ, по меньшей мѣрѣ, странно; но все-таки трудъ г. Кюи, повторимъ еще разъ, трудъ почтенный и заслуживающій вниманія.

Между тѣмъ объ оперѣ «Ратклифъ» распространены такіе враждебные отзывы не только въ печати, но и въ общественныхъ кружкахъ; про нея ходятъ такіе страшные слухи, что нельзя не подивиться. Такъ, на примѣръ, мы слышали отъ одного доктора-меломана слѣдующее замысловатое опредѣленіе: «Новую оперу, по словамъ еѣ, можно назвать, по имени ея автора, Цезаря Антоновича, «Кесарскимъ сѣченіемъ». Кто твердо выстрадаетъ всѣ три акта, тотъ возродится къ новой жизни; но кто упадетъ духомъ съ перваго дѣйствія, тотъ погибъ навсегда!»

Если на первыхъ порахъ небывалая дисгармонія въ прелюдіи рѣжетъ слухъ, то это ничего: «стерпится — слюбится»; на физическую боль есть *хлороформъ* въ видѣ воскуренія ѳиміама сторонниками автора, а «претерпѣвнн до конца, тотъ спасется въ объятіяхъ обѣтованнаго *кружка*».

Мы выстрадали всѣ три акта, и не одинъ разъ, а по нѣскольку, и тѣмъ не менѣе не попали въ объятія обѣтованнаго кружка! Напротивъ, сочувственный нашъ отзывъ вызвалъ со стороны г. Стасова, верховнаго жреца Ратклифистовъ, цѣлый потокъ упрековъ, порицаній и чуть не ругательствъ.

Что же это значитъ? спросать, вѣроятно, провинціальныя читатели, непосвященные въ закулисныя тайны музыкальнаго нашего мірка.

А вотъ что! Въ Петербургѣ устроилось гнѣздо, или, если хотите, небольшой кружокъ любителей музыки. Въ этомъ кружкѣ есть нѣсколько молодыхъ людей съ неотъемлемымъ талантомъ. Въ январьской книгѣ мы выразили мысль, что замѣчательный этотъ кружокъ предназначенъ, какъ намъ казалось, имѣть значительное вліяніе на будущія судьбы русскаго музыкальнаго искусства.

Къ сожалѣнію, по случаю «Ратклифа» страсти разнуздались и личина національности, которою ловко прикрывались коноводы означеннаго кружка, съумѣвшіе «отвести глаза покойнаго

А. С. Даргомыжскаго и опутать его въ свои сѣти», какъ выразился одинъ изъ членовъ музыкальнаго общества, оказалась не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ какому-то недостигаемому, и кажется, довольно уродливому идеалу.

Молодые, даровитые люди, предоставленные самимъ себѣ, конечно, выбрались бы на надлежащую дорогу; но, къ несчастію, тутъ замѣшался человѣкъ вовсе непривыкшій, никогда незанимавшійся специально музыкою, а ударившійся въ музыкально-критическое разглагольствованіе, вслѣдствіе неудачъ, понесенныхъ имъ въ ученномъ мірѣ *. Человѣкъ, вредно повліяющій на кружокъ молодыхъ дѣятелей, человѣкъ, добивающійся преобладающей роли, несмотря на полное отсутствіе не только основательныхъ познаній въ теоріи и въ исторіи музыкальнаго искусства, но даже и самыхъ элементарныхъ. Чему служить доказательствомъ, что онъ даже не знаетъ, кто такой былъ Guido d'Arezzo и, не стѣняясь, пишетъ, что рецензентъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» упоминаетъ о какихъ-то Гвидо д'Ареццо!

Въ иныхъ случаяхъ у насъ до сихъ поръ оправдывается изрѣченіе: кто палку взялъ, тотъ и капралъ! Этимъ только и можно оправдать зловредное вліяніе невѣжественнаго (въ дѣлѣ музыки) г. В. Стасова надъ молодыми, свѣжими силами даровитыхъ музыкантовъ и композиторовъ.

Присвоивъ себѣ право говорить отъ имени кружка, находившагося подъ его вліяніемъ, и заручась надежнымъ сообщникомъ въ лицѣ господина о трехъ звѣздочкахъ, г. В. Стасовъ воздвигъ кафедру въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и съ высоты ея сталъ проповѣдывать разнаго рода курьезныя воззрѣнія по части музыкальнаго искусства.

Вопервыхъ, господа эти провозгласили, что «ученье — тьма, а не ученье — свѣтъ»; что свыше одаренный композиторъ не долженъ руководствоваться никакими правилами, а писать, какъ Богъ на душу послалъ, и, наконецъ, что, по части гармоническихъ сочетаній, только тѣ не допускаются, которыя «дерутъ ухо».

Послѣднее предположеніе въ особенности курьезно. Известно, что «слухъ слуху рознь». Чувствительное ухо ѣжится отъ малѣйшаго невѣрнаго звука, а грубый слухъ слушаетъ равнодушно даже самую разстроенную уличную шарманку.

Достоверный разсказъ о томъ, какъ какой-то заѣзжій восточный вельможа, прослушавъ симфонію, великолѣпно исполненную, выразилъ мысль, что ему болѣе всего понравилось «начало» — весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи.

Оказалось, что за «начало» онъ принялъ тотъ моментъ, когда оркестръ настроивался! Каково же положеніе, если у даровитаго композитора-самоучки окажется слуховой барабанъ, т. е.

* Какъ, напримѣръ, по поводу происхожденія былинъ.

слуховая перепонка, такого же грубого свойства, какъ у вышеозначеннаго восточнаго вельможи! Покойный баронъ Врамбеусъ (Сеньковский) пресерьёзно утверждалъ, что нѣтъ ничего благозвучнѣе, какъ гамма полными тонами. Для курьёза, и Глинка попробовалъ воспроизвести эту гамму (въ «Русланѣ») — но за то и вышла дикая, своеобразная музыкальная фраза, вполне соответствующая причудливой личности Черномора.

Положивъ въ основаніе своего ученія вышеприведенный первый пунктъ «несмыслёности», гг. рецензенты «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» провозгласили, что произведенія Гайдна, Моцарта и даже Глинки отжили уже свой вѣкъ и составляютъ отнынѣ архивный хламъ, незаслуживающій ни малѣйшаго вниманія.

Что же касается до итальянской школы вообще, то они не признаютъ произведенія ея за музыку и находятъ, что, начиная отъ Палестрины и кончая Россини и Верди, все это не что иное, какъ бездарная толпа, способная потѣшать только итальянскую сволочь.

Господинъ о трехъ звѣздочкахъ провозгласилъ однажды, между прочимъ, во всеуслышаніе, что «Вильгельмъ Телль» Россини, до пошлости тривіальная музыка, за что и былъ названъ однимъ изъ рецензентовъ «новѣйшимъ Эрстратомъ».

Въ замѣтъ всей донинѣ признаваемой классической музыки, доморощенные новаторы наши указали, какъ на идеалъ современнаго музыкальнаго творчества — на произведенія Берліоза и, не сообразивъ, что между нимъ и покойнымъ М. И. Глинкою нѣтъ ничего общаго, поставили божь-о-божь творенія французскаго композитора съ «Русланомъ» Глинки.

Но стуть былъ умисель иной, какъ справедливо замѣтилъ недавно одинъ изъ опонентовъ такъ-называемыхъ «русланистовъ». Чтобы привлечь на свою сторону — говорить означенный опонентъ — нашимъ новаторамъ необходимо было опереться на идею національности. По этой причинѣ они провозгласили себя восторженными, абсолютными поклонниками «Руслана», отрывая въ этой оперѣ какой-то зародышъ «собственно русской» музыки, и не замѣчая, что *русскаго* въ ней только духъ, которымъ проникнуть былъ композиторъ, сочинившій ее, а что форма, техника, веденіе голосовъ, контрапунктическія ухищренія и даже инструментальный колоритъ — все это почерпнуто великимъ нашимъ соотечественникомъ изъ богатой и обильной сокровищницы нѣмецкой музыкальной науки. Достоинно замѣчанія, что отрицатели науки въ дѣлѣ искусства избрали своимъ идоломъ того именно изъ русскихъ композиторовъ, который такъ высоко ставилъ «науку» въ дѣлѣ музыкальномъ, что не погнушался отправиться въ Берлинъ къ теоретику Дену для изученія теоріи древнихъ ладовъ, послѣ могучаго проявленія собственнаго творчества въ двухъ громадныхъ и превосходныхъ

операхъ. Но для г. Стасова и достойнаго его сообщника, это явное доказательство уваженія къ наукѣ даровитѣйшаго изъ нашихъ композиторовъ ни почему! Мегсі, папаша! Будемъ стараться! мило восклицаетъ г. Стасовъ, въ отвѣтъ на нашу статью о «Ратклифѣ», въ которой, по словамъ его, намъ всюду мерещатся буйства противъ школьныхъ правилъ, и въ оркестровкѣ, и въ голосахъ, и въ гармонизаціи.

Писатель «Отечественныхъ Записокъ» врагъ, будто бы, по увѣренію г. Стасова, всего новаго, смѣлаго, свѣжаго (124-й № «С.-Пет. Вѣд.»). Въ противорѣчіе этому показанію, *alter ego* г. Стасова утверждаетъ напротивъ, что намъ все нравится. Дѣйствительно, въ музыкѣ намъ нравится все хорошее, то-есть все, что волнуетъ душу и производитъ то возвышенное впечатлѣніе, которое каждый любящій музыку испытывалъ неоднократно, но которое не можетъ подчиниться математически точному опредѣленію.

Вотъ принципъ, отъ котораго мы никогда не отступали. «Но вѣдь, пожалуй, г. Кюи, какъ и всякій талантливый чело-вѣкъ, восклицаетъ г. Стасовъ, вздумаетъ и вовсе не воспользоваться правилами «умѣренности и аккуратности» и будетъ сочинять прямо наперекоръ имъ! Что дѣлать, если они (то-есть люди талантливые) находятъ ваше правило смѣшнымъ, непозволительнымъ, *карикатурнымъ*».

Что дѣлать? Конечно, тутъ ничего не подѣлаешь, когда люди упорно отвергають и науку, и исторію музыки, и опытность, вѣками пріобрѣтенную великими композиторами.

Ничего не подѣлаешь съ людьми, которые принимаютъ за прогрессъ и провозглашаютъ, какъ непреложную истину, единичный опытъ, положимъ и даровитаго, но недоучившагося самоучки. Лозунгъ: «впередъ! впередъ!» есть дѣло хорошее, но и пословица «не суйся въ воду, не спросясь броду» имѣетъ свое достоинство.

Не подлежитъ сомнѣнію, что застой, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ, производитъ только *лѣн-сея*; но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ искусства быстрое теченіе или поступательное движеніе не совсѣмъ легко и свободно.

Въ скульптурѣ, напримѣръ, со временъ Фидіаса и Праксителя, приемы остались одни и тѣ же, и самыя формы не во многомъ измѣнились. Если Венера Кановы снабжена болѣе реальными формами, чѣмъ Венеры древнихъ ваятелей, то это еще не доказываетъ ея надъ ними превосходства. Никому, конечно, въ голову не придетъ посоветовать уничтожить древнія статуи въ угоду *поступательнаго движенія*, и онѣ, конечно, останутся въ въ памяти новѣйшихъ и будущихъ поколѣній, какъ лучшіе и вѣчные образцы скульптурнаго искусства.

Точно также и въ музыкѣ есть нѣкоторыя формы, которыя устарѣть не могутъ. Можно и должно искать новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ для лирической драмы; можно и должно

искать новыхъ инструментальныхъ эффектовъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ совершенствуются и изобрѣтаются новыя инструменты; но непозволительно отвергать симфоническія формы, подъ предлогомъ ихъ устарѣлости, и пренебрегать живыми, задуховными мелодіями въ угоду композиторовъ, лишенныхъ мелодическаго вдохновенія, и у которыхъ, по этой причинѣ, волнующія душу мелодіи расплываются въ водянистыхъ рапсодическихъ музыкальныхъ фразахъ.

Въ послѣдніе два-три года своей жизни покойный А. С. Даргомыжскій содѣлался центромъ кружка, предводительствуемаго г. Стасовымъ. Для достиженія своихъ цѣлей г. Стасову понадобилось *живое* знамя, и вотъ почему онъ избралъ даровитаго, добродушнаго, и какъ оказалось къ сожалѣнію слишкомъ несходительнаго, но знаменитаго русскаго композитора. Не имѣя никакого понятія о новомъ трудѣ А. С. («Каменномъ гостѣ») и услышавъ только, что онъ окончилъ оперу совершенно своеобразнаго новаго стиля, мы привѣтствовали это извѣстіе слѣдующими словами въ январьской книжкѣ:

«Это доказываетъ, что А. С. не совсѣмъ еще упалъ духомъ, чему онъ обязанъ, конечно, кружку молодыхъ, талантливыхъ людей, сплотившихся вокругъ него, и поддерживающихъ въ немъ горячимъ, молодымъ сочувствіемъ священный огонь творчества». Мы тогда еще не знали, какое глубокое впечатлѣніе произвело на воспримчивую душу А. С. джеученіе нашихъ новаторовъ. Однажды, незадолго до его смерти, мы застали А. С. за перепискою какихъ-то нотъ. На вопросъ: что это за ноты? Онъ отвѣчалъ добродушно:

«Это прекурёзная штука! Одинъ изъ *нашихъ* вздумалъ написать музыку на «Женитьбу» Гоголя, не измѣняя въ ней ни единого слова, не перелагая текста на стихи и не приспособляя комедіи къ опернымъ требованіямъ. Такъ вотъ я выписываю свою партію — мы хотимъ попробовать! Только я боюсь, присовокупилъ въ раздумѣ А. С., ужъ не хватили ли черезъ край *молодцы!*»

Насъ поразила эта дикая попытка, но мы тотчасъ же узнали въ ней «исканіе новаго идеала», проповѣдуемое г. Стасовымъ, и у насъ мелькнуло въ головѣ, что ужъ не подвергнулся ли «Каменный гость» вліянію теоріи г. Стасова.

Предположеніе наше подтвердилось, если вѣрно указаніе г. Лароша, утверждающаго, что вся музыка новаго произведенія Даргомыжскаго обращена въ декламацию и состоитъ исключительно изъ речитативовъ, и что обычныя формы арій и т. д. покинута омончательно, и наконецъ ансамблей и хоровъ вовсе нѣтъ.

Судить о «Каменномъ гостѣ», котораго мы не только что не слышали, но и въ рукописи не видали, мы, конечно, не станемъ; но если дѣйствительно въ этой оперѣ нѣтъ ни ансамблей, ни хоровъ, ни арій, а одни только речитативы, то пагубное влія-

ніе нашихъ новаторовъ горько отзовется для публики въ послѣднемъ произведеніи покойнаго А. С., отличавагося прежде мелодичностью.

Есть сожалѣнію, мы могли ужъ убѣдиться, что лжеученіе наложило ужъ свою печать на произведенія нѣкоторыхъ изъ молодыхъ нашихъ композиторовъ. Такъ напримѣръ, года два тому назадъ, г. Римскій-Корсаковъ впервые выступилъ на композиторское поприще съ замѣчательною симфоніею, написанною по прежнимъ симфоническимъ формамъ и отличающеюся какъ мелодичностью, такъ и весьма интересною правильною гармонизаціею.

Нынѣ мы слышали новую симфонію г. Римскаго-Корсакова, подъ названіемъ: «Анатаръ». Симфонія эта написана по программѣ, раздаваемой слушателямъ для вразумленія при афишкахъ. Чего-чего тутъ не написано: и скалы, и подводные камни, и рычаніе звѣрей, и *наслажденіе властью* (textuel), и все это предполагалось изобразить музыкальными звуками. И въ этомъ произведеніи изобличается несомнѣнный талантъ, но съ тѣмъ имѣсть, какъ справедливо выразился одинъ изъ опонентовъ г. Стасова и ***, оно представляетъ что-то чудовищное, каковую оргію звуковъ, неподчиняющуюся ни принятымъ формамъ, ни правиламъ гармоніи. На замѣчаніе наше, что вторая часть симфоніи скорѣй изображаетъ *своеволие*, чѣмъ *властолюбіе*, даровитый композиторъ отвѣчалъ пресерьбно: «не забывайте, что тутъ изображенъ *восточный властелинъ*». Мы замѣтили также, что музыкальная фраза, предназначенная для очертанія личности самаго «Анатара», весьма напоминаетъ одну изъ рельефныхъ фразъ Ратклифа; рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», г-нъ о трехъ звѣздочкахъ, вѣроятно замѣтилъ также это сходство, но не указалъ прямо на сходство, а выразилъ только мысль, что фраза эта не отличается новизною.

Странно что-то! Значить, и фраза Ратклифа не отличается новизною, потому что «Анатаръ» и «Ратклифъ» писаны, кажется, одновременно; со стороны г-на о трехъ звѣздочкахъ это курьезное заявленіе.

Изъ приведеннаго примѣра очевидно, что лжеученіе коноводовъ кружка (т.-е. г. Стасова и его сообщника) имѣеть злое вредное вліяніе на нашихъ молодыхъ композиторовъ, если ужъ такой крупный талантъ, какъ г. Римскій-Корсаковъ, свернулъ, по милости ихъ, съ пути истинны и попалъ на ложную дорогу.

Выше сказано, что по поводу Ратклифа, страсти разнуздались и корифеи кружка выказались въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Сначала выступилъ на критическую арену г. Римскій-Корсаковъ.

Въ пространной статьѣ онъ превознесъ до небесъ новую оперу, утверждая, между прочимъ, говоря о дуэтѣ въ третьемъ дѣйствіи, «что подобнаго дуэта не было никогда ни въ *какой оперѣ*», тогда какъ этотъ дуэтъ представляетъ точный слѣпокъ

съ дуэта въ «Лознгринѣ». Далѣе г. Римскій-Корсаковъ говоритъ, что въ «Ратклифѣ» ярко выказалась полная самостоятельность автора — и тутъ же указываетъ на слѣды значительнаго вліянія Шумана и даже (во второмъ дѣйствіи въ первой его половинѣ) французской школы.

Потомъ въ тѣхъ же «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья г. Мясоедова, въ которой упрекаютъ всю нашу журналистику въ невѣжество и въ совершенномъ непониманіи музыкальнаго дѣла.

Наконецъ, въ 124 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» выступилъ самъ г. Стасовъ во всеоружіи свойственной ему заносчивости.

«Пріемъ, сдѣланный «Ратклифу», восклищаетъ онъ, доказываетъ, что желаніе угождать современнымъ прихотямъ неразумной и малосмыслящей толпы можетъ въ наше время принадлежать только самымъ поверхностнымъ и нечестнымъ, въ отношеніи къ своему искусству, композиторамъ. *Низкій слой* публики, еще мало развитой или и вовсе не развитой, заодно со *всѣми рецензентами нашими*, съ негодованіемъ, досадой и враждой взглянулъ на новую оперу. Но за то одновременно съ ними выставилъ впередъ цѣлый другой слой, слой прежде небывалый и неизвѣстный, масса людей значительно уже подвинувшихся впередъ и способныхъ понимать то, что прежде понимали одни лишь немногіе, рѣдкіе люди. Видя ихъ симпатіи, ихъ разумѣнія, нынѣшній композиторъ можетъ на нихъ опереться, какъ на каменную гору, и сказать тѣмъ первымъ: вы говорите, что ничего не понимаете въ томъ, что я вамъ даю? Вамъ же хуже, думайте и, говорите что хотите, мнѣ до васъ дѣла нѣтъ!» и проч. и проч.

Далѣе г. Стасовъ восклицаетъ: «Да, многое теперь перемѣнилось: талантливныя и высокопрекрасныя созданія начинаютъ быть признаваемы и цѣнимы уже съ первой минуты своего появленія.

«Ратклифъ» блестящій тому примѣръ!»

Въ этой выходкѣ что ни слово, то напраслина или уклоненіе отъ истины. Что не *всѣ рецензенты*, какъ утверждаетъ г. Стасовъ, отнеслись къ новой оперѣ съ негодованіемъ, досадой и враждой, ясно доказывается рецензіей о Ратклифѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «От. Зап.».

Что же касается до пріема, сдѣланнаго Ратклифу, и на который г. Стасовъ указываетъ, какъ на блестящій примѣръ полного торжества проповѣдуемыхъ имъ принциповъ, то и тутъ онъ уклоняется отъ истины. Къ сожалѣнію, на четвертомъ представленіи новой оперы, зала театра была почти пуста и усердно аплодировала только небольшая кучка послѣдователей ученія г. Стасова, и два-три безпристрастныхъ слушателя, съ уваженіемъ относящихся къ каждому произведенію, зародившемуся на отечественной почвѣ и знающихъ цѣну труда.

Остальная же часть публики, т.-е. значительное большинство, слушала оперу съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и увѣ! по-видимому, скучала. Вотъ истинная правда, и намъ кажется, что нѣтъ никакого повода радоваться и указывать на пріемъ, сдѣланный Ратклифъ, какъ на блестящій примѣръ великаго торжества принциповъ, проповѣдуемыхъ стасовскимъ кружкомъ.

Заносчивость г. Стасова и его немногихъ сообщниковъ и неприличная безцеремонность, съ которою они обращаются со всѣми людьми, непринадлежащими къ ихъ классу, возмутили, наконецъ, и одного изъ товарищей ихъ по редакціи «С.Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ 128 № этой газеты появилась замѣчательная выходка «Незнакомца», въ которой г. Стасовъ получилъ неожиданный, но заслуженный отпоръ.

«Всѣ отзывы объ оперѣ г. Кюи, говорить Незнакомецъ, г. Стасовъ третируетъ совершенно одинаково: для него все равно, что отзывъ «Петербургской Газеты» и «Голоса», въ которыхъ пишутъ весьма дюжинные дилетанты, что отзывъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ, очевидно, пишетъ человѣкъ, знакомый съ теоріей и исторіей музыки. Этотъ послѣдній отозвался о Ратклифѣ съ величайшимъ уваженіемъ, признавъ въ авторѣ и знаніе, и талантъ, и оригинальность (послѣднее не совсѣмъ вѣрно). Еслибъ о произведеніи какаго-либо изъ нашихъ перво-степенныхъ писателей, Тургенева, Гончарова, графа А. Н. Толстаго, журналъ напечаталъ такую критику, то означенные писатели, несмотря на то, что давно уже подвизаются на литературномъ поприщѣ, были бы довольны, и никому изъ поклонниковъ ихъ не пришло бы на умъ вѣзаться за перо и отстаивать достоинство ихъ произведеній. Признаюсь, продолжаю Незнакомецъ, мнѣ нравится «Ратклифъ», по музыкѣ, но я охотѣе становлюсь на сторону «Отечественныхъ Записокъ, чѣмъ на сторону г. Стасова. Мало этого: я убѣжденъ, что и та часть публики, которая ходила слушать «Ратклифъ» и цѣнила его, разделяетъ мнѣніе того же журнала, а отнюдь не г. Стасова, и тѣмъ менѣе еще г. Римскаго-Корсакова».

Кажется, ясно!—Извѣстно, что почтенный «Незнакомецъ» не отличается ни маркосердечіемъ вообще, ни особенною любовью къ близкому; слѣдовательно, отпоръ, данный имъ своему товарищу по редакціи, вызванъ, конечно, не желаніемъ заступиться за вовсе посторонняго ему человѣка. Очевидно, что его возмутила недобросовѣстность г. Стасова.

То же частію и насъ побудило высказать, наконецъ, г. Стасову и его adeptамъ всю правду прямо, откровенно и безъ утайки. Мы могли сохранять нейтралитетъ и выказывать даже нѣкоторое сочувствіе кружку людей, нераздѣляющихъ наши воззрѣнія на искусство, но относящихся честно въ своему дѣлу.

Съ той же минуты, когда они разоблачили всю суть ихъ лжеученія и ясно выказали грубою недобросовѣстностью, что

они преслѣдуютъ инія какія-то цѣли, мы почитаемъ долгомъ возвысить голосъ и предостеречь, сколь возможно, нашихъ молодыхъ соотечественниковъ-композиторовъ отъ зловреднаго вліянія стасовскаго кружка.

Г. Кюи, повидимому, стоялъ въ сторонѣ отъ всѣхъ дразгъ, поднятыхъ по поводу постановки его оперы. Вступать въ пренія по случаю собственного произведенія, конечно, для него было неловко; но, намъ кажется, что онъ могъ бы, пользуясь своимъ вліяніемъ, укротить нѣсколько неразумныя словоназверженія г. Стасова, и признать, хотя отчасти, справедливость нѣкоторыхъ изъ нашихъ указаній, признанныя справедливыми большинствомъ здравомыслящей публики. Это было бы съ его стороны и добросовѣстно, и доказало бы, что онъ не коснѣеть въ грубыхъ понятіяхъ, проповѣдуемыхъ явнымъ профаномъ въ музыкѣ, т.-е. г. Стасовымъ.

Изобличивъ зловредное вліяніе стасовскаго лжеученія на молодыхъ нашихъ композиторовъ, мы скажемъ теперь, какъ наше «русское музыкальное общество» едва не подверглось той же участи.

Мы уже сказали, что покойный А. С. Даргомыжскій, омороченный воскуряемымъ ему еиміамомъ, подпалъ подъ вліяніе, такъ-называемаго, стасовскаго кружка.

Будучи назначенъ президентомъ русскаго музыкальнаго общества, А. С. настоялъ на избраніи г. Балакирева для управленія концертами общества.

Г. Балакиревъ талантливый музыкантъ, хотя и самоучка.

Въ строгомъ смыслѣ, капельмейстеръ долженъ имѣть широкое, классическое образованіе; человекъ, призванный объяснять многочисленному оркестру смыслъ и значеніе великихъ художественныхъ произведеній, долженъ быть человекъ начитанный и вполне образованный; но, тѣмъ не менѣе, выборъ А. С. нельзя не одобрить.

Благо нашелся талантливый русскій капельмейстеръ, способный управлять оркестромъ, какъ это доказалъ г. Балакиревъ и въ Прагѣ, и здѣсь въ концертахъ бесплатной школы, — русское музыкальное общество не могло не отдать предпочтенія русскому артисту. Но, А. С. пошелъ далѣе, — какъ говорить одинъ изъ членовъ русскаго музыкальнаго общества, — онъ потребовалъ, чтобы концерты общества, цѣль котораго — образованіе и развитіе музыкальнаго вкуса публики, были безконтрольно поручены молодому, хотя и даровитому, но не совсемъ опытному (и не получившему, — прибавимъ мы отъ себя, — солиднаго музыкальнаго образованія) капельмейстеру.

Дирекція русскаго музыкальнаго общества, — говоритъ вышеупомянутый членъ общества, — изъ уваженія къ А. С., согласилась на это условіе и предоставила г. Балакиреву безконтрольно распоряжаться какъ составленіемъ программъ, такъ и выборомъ исполнителей.

Въ этомъ дѣлѣ дирекція формально отступила отъ первоначальнаго устава общества. Въ уставѣ сказано, что музыкальныя сочиненія, представляемія какъ для исполненія въ концертахъ, такъ и для составленія по установленнымъ обществомъ преміямъ, подлежатъ разсмотрѣнію и утвержденію особаго комитета, составленнаго изъ избранныхъ специалистовъ.

Намъ кажется, что подобный комитетъ представляетъ болѣе гарантій, чѣмъ единоличныи выборъ даже и такого капельмейстера, какъ г. Балакиревъ, то-есть капельмейстера даровитаго, но неполучившаго классическаго въ музыкальномъ отношеніи образованія.

По истеченіи срока заключеннаго съ г. Балакиревымъ условія, дирекція р. м. о. предложила ему подчиниться правиламъ устава, то-есть подчиниться въ выборѣ пьесъ указаніямъ дирекціи.

Г. Балакиревъ, подстрекаемый Стасовскимъ кружкомъ, къ которому онъ принадлежалъ душой и тѣломъ, отказался наотрѣзъ, и вотъ по какой причинѣ совершилось то событіе, о которомъ г. В. С. повѣствуетъ въ № 131 «С.-П. Вѣдомостей», и о которомъ онъ отзывался съ такимъ негодованіемъ.

«Москва (Современная Лѣтопись)—воскликаетъ г. В. С.—предупредила насъ въ передачѣ публикѣ того *печальнаго событія*, которое на дняхъ совершилось среди насъ (то-есть устраненіе г. Балакирева отъ званія капельмейстера Р. М. О.); но она не превзойдетъ насъ въ чувствѣ *негодованія и въ сознаніи оскорбленія, нанесеннаго намъ теперь (намъ, то-есть членамъ кружка, вѣроятно)*. Люди, которые *неспособны цѣнить художниковъ истинно талантливыхъ, по бесцѣтному капризу (капризы, конечно, Балакирева и его сторонниковъ, а не дирекціи)* распоряжаются вдругъ (не вдругъ, а послѣ двухлѣтняго испытанія) и участію этихъ художниковъ, и всѣмъ нашимъ русскимъ (*sic!*) музыкальнымъ дѣломъ! Что имъ за надобность, что они въ своемъ *непониманіи* портятъ дѣло (то-есть не дозволяютъ испортить его окончательно) важное, полное серьезнаго значенія и будущности, имъ-то что за дѣло!... Они (то-есть дирекція) принадлежатъ къ *нѣмецкой лже-классической партіи* и кромѣ ея тощихъ мелкихъ интересовъ, они ни о чемъ и не думаютъ.—*И вотъ нѣмецкая музыкальная партія торжествуетъ: русская, съ Балакиревымъ во главѣ, унижена, отвержена*».

Какое торжество!

Возможно ли такъ злоупотреблять печатнымъ словомъ? Такъ нагло глумиться надъ сообразительностью русскаго общества.

Кто же эти дерзкіе нѣмцы, погубившіе русское музыкальное дѣло? Директоръ консерваторіи, г. Заремба, инспекторъ г. Демидовъ; въ составѣ же дирекціи русскаго музыкальнаго общества состоятъ гг. Кологривовъ, Маркевичъ, Шустовъ, Фаминцынъ,—все люди русскаго происхожденія, неимѣющіе въ крови своей ни единого золотника нѣмецкой крови.

Г. Стасовъ, отъявленный, уличенный невѣжа, въ дѣлѣ теоріи

и исторіи музыки, обвиняетъ въ незнаніи дѣла такихъ людей, какъ г. Заремба, напримѣръ. Да знаетъ ли онъ, что г. Заремба посвятилъ всю свою жизнь на изученіе музыкальнаго искусства, что онъ отличившій теоретикъ и что онъ образовалъ уже многихъ отличныхъ музыкантовъ. Г. Чайковский, Ларошъ, Рибасъ и многіе другіе обучались, развились и окончательно сформировались подъ руководствомъ г. Зарембы. Мы знаемъ, что гг. Чайковского и Лароша пытаются сбить съ толку и разными ухищреніями причислить въ кружокъ здѣшнихъ новаторовъ, но все-таки они солидные музыканты, получившіе подъ руководствомъ умнаго, опытнаго и далеко не съ узкими возрѣвнїями теоретика обширное, полное образованіе.

«Хорошо, — возразить можетъ быть г. Стасовъ; Заремба — русскій человекъ, но онъ послѣдователь нѣмецкаго теоретика Маркса, и слѣдовательно, самъ нѣмецъ, и принадлежитъ къ нѣмецкой партіи». Какая нелѣпость!

Глинка учился подъ руководствомъ нѣмца Дена, Даргомыжскій — подъ руководствомъ Шоберлехнера — слѣдовательно, и они нѣмцы! слѣдовательно, и они принадлежали къ нѣмецкой партіи!

Повторяемъ, злоупотреблять такимъ образомъ печатнымъ словомъ нельзя! Ложно обвинять въ интригахъ и въ анти-національныхъ стремленіяхъ полный составъ дирекціи общества — непозволительно.

Г. Балакирева сгубила не враждебная нѣмецкая какая-то партія, а сгубили совѣтчики и глашатаи въ родѣ г. Стасова. Они провозглашаютъ себя корифеями русской партіи, а спросите у нихъ: отчего они отвергаютъ г. Сѣрова и съ презрѣніемъ отзываются о его операхъ, изъ коихъ первая выдержала 30 представленій, а вторая — болѣе пятидесяти? Кого же они морочатъ, приравнивая «Рогнѣду» къ «Наташѣ» Вильбоа, и утверждая, что эта опера не имѣла успѣха? Вѣдь г. Сѣровъ, кажется, русскій человекъ, и «Рогнѣда» его, конечно, болѣе русскаго склада, чѣмъ «Ратклифъ».

Притомъ же г. Сѣровъ, по собственному его сознанію, такъ же, какъ и они, самоучка, то-есть ни въ какой консерваторіи никогда не бывалъ, и слѣдовательно, не заразился ненавистнымъ новаторамъ школярнымъ или, вѣрнѣе сказать, научнымъ духомъ. Существенная разница между ними и г. Сѣровымъ та, что сей послѣдній самоучка серьезный, посвятившій всю свою жизнь на изученіе исторіи и теоріи музыки, и не отвергающій науку. Отчего же, спрашивается, Ратклифисты презираютъ произведенія г. Сѣрова? Оттого только, что онъ не принадлежитъ къ ихъ кружку и не подчиняется ихъ вліянію. слѣдовательно, кружокъ г. Стасова несправедливо называетъ себя представителемъ русской національной партіи, а добивается только преобладающаго вліянія для особыхъ какихъ-то цѣлей, могущихъ, по на-

шему мнѣнію, зловредно отозваться на отечественномъ нашемъ музыкальномъ искусствѣ.

Вотъ почему мы сочли долгомъ изобличить ихъ намѣренія и высказать правду какъ по поводу «Ратклифа», такъ и по поводу тѣхъ причинъ, которыя побудили дирекцію русскаго музыкальнаго общества отказаться отъ содѣйствія г. Балакирева.

Г. Стасова и его сотрудника о трехъ звѣздочкахъ намъ, конечно, не вразумить; но будемъ надѣяться, что честная и трудящаяся молодежь, пошавшая въ ихъ кружокъ, отрезвится и взглянетъ на дѣло иначе, узнавъ, на чьей сторонѣ правда и добросовѣстность.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

О томъ, какъ у насъ дѣла губерніи ликують и входятъ въ энтузіазмъ по поводу введенія въ нихъ судебной реформы и почему одни только мужики не ликують виѣсть съ прочими. Сравнительное описаніе торжества открытія новыхъ судовъ по официальнымъ и неофициальнымъ источникамъ. — Описаніе открытія суда въ Нижнемъ-Новгородѣ. — Дѣло о генеральшѣ Хомутовой и о сводномъ братцѣ ея превосходительства, итальянцѣ Боргезани, рассказанное съ дѣлю указывать на искусство г. Дохвицкаго. Нѣчто о выставкахъ вообще и о нашей международной выставкѣ садоводства въ особенности. Издержки на выставку не могутъ считаться непроизводительными, потому что у насъ пропасть дѣлалось издержекъ еще болѣе непроизводительныхъ. О загадочной Нижегородской башнѣ. Оригинальное предложеніе земскому собранію казанскаго гласнаго относительно сокращенія земскихъ расходовъ и вообще о безплодныхъ земскихъ хозяйствахъ.

Минувшій апрѣль былъ преимущественно тѣмъ замѣчательнъ, что въ теченіе его еще нѣсколько губерній были *осчастливлены* введеніемъ въ нихъ новой судебной реформы, и надобно замѣтить, что слово *осчастливлены* имѣло здѣсь не одно только официальное значеніе. Губерніи, въ которыхъ не успѣли еще ввести реформу, считаютъ себя какъ бы забытыми и обиженными, напоминая собою огорченныхъ малолѣтнихъ членовъ многочисленнаго семейства бѣдныхъ но благородныхъ родителей, которыхъ, въ наказаніе за шалость, обошли праникомъ или конфеткой. Само собою разумѣется, что радость эта выражается исключительно только лицами высшихъ, образованныхъ сословій, а не чернью непросвѣщенной, которая не успѣла еще хорошенько вникнуть, въ чемъ именно ожидается перемяна и почему нужно непременно радоваться этой перемянѣ. Въ этомъ отношеніи вообще мужикъ у насъ ужаснѣйшій скептикъ: ему сначала докажи на дѣлѣ, тогда только онъ и повѣритъ, что ладно, что неладно, а образованные люди рѣдко требуютъ доказательствъ, и понятно почему. Лица изъ образованныхъ классовъ при всякой новой реформѣ могутъ почти навѣрняка раз-

считывать на получение какогонибудь мѣстечка, болѣе или менѣе выгоднаго, а мужикъ выгодную сторону новой реформы можетъ испытать на себѣ въ томъ только лишь случаѣ, если самъ попадетъ подъ судъ, угодить въ казачать, въ которомъ его и при новыхъ порядкахъ могутъ иногда продержатъ года съ полтора и только уже по истеченіи такого немалаго срока принять невиннымъ. Такихъ примѣровъ было не мало, въ особенности по Московскому округу.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, но вѣрно то, что всѣ считающіе себя людьми просвѣщенными радуются и ликуютъ, твердо вѣруя, что стоитъ только перестроить старыя присутственныя мѣста въ новыя, переименовать старую гражданскую палату въ гражданское отдѣленіе окружнаго суда, подбавивъ къ старымъ членамъ нѣсколько новыхъ,—сейчасъ-же произойдетъ внезапная перемѣна, нѣчто въ родѣ химической реакціи отъ прилива кислоты къ раствору. Твердо вѣруютъ эти господа, что застарѣлое, хроническое зло немедленно истребится съ корнемъ, а вмѣсто искорененнаго зла, правда и милость начнутъ царствовать во вновь отдѣланныхъ судахъ. Апрельскія губерскія вѣдомости переполнены такими радостными извѣстіями, которыя передавались сначала телеграммами, а потомъ со всѣми подробностями, доставляя небывалый матеріалъ злосчастнымъ провинціальнымъ редакторамъ, которые постоянно, при отправленіи своей обязанности, страдаютъ злокачественнымъ художествомъ.

Изъ Симферополя сообщаютъ по телеграфу, что тамъ открытіе новыхъ судовъ торжественно совершилось 22 апрѣля, *при общемъ ликованіи*. Въ 4 часа пополудни происходилъ *блестятельный* обѣдъ въ дворянскомъ собраніи съ многочисленными гостями. Изъ Екатеринослава пишутъ въ «Новоросс. Телегр.», что тамъ 8 апрѣля совершилось торжественное открытіе судебныхъ учреждений. Въ этотъ-же день получено изъ сената утвержденіе избранныхъ мировыхъ судей, которые, *предчувствуя это*, съѣхались во множествѣ; и такъ-какъ цѣпи были получены паканунѣ, то всѣ они принарядились. Старшій предсѣдатель судебной палаты весьма краснорѣчиво изобразилъ выгоды нынѣшней судебной реформы. Церемонія удалась какъ нельзя лучше. Дамъ было немного, но за то тѣ, которыя были, разрядились изящно. *Энтузіазмъ былъ всеобщій*. За торжественнымъ обѣдомъ пили, а сенаторъ Шахматовъ *произнесъ успокоительное слово на счетъ союза администраціи и судебной реформы (?)*. Въ Херсоніи открытіе новаго суда *ликовали* 13 апрѣля, причемъ тотъ-же сенаторъ г. Шахматовъ произнесъ рѣчь, которая, по словамъ корреспондента, произвела видимое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ и проч. и проч.

Всѣ эти описанія открытія новыхъ судебныхъ учреждений до такой степени похожи, впрочемъ, на форменные рапорты, что недовѣрчиваго читателя легко могутъ повергнуть въ сомнѣніе

относительно того: правду-ли полно сообщаютъ обо всѣхъ этихъ энтузіазмахъ, восторгахъ и ликованіяхъ? Положимъ, судебныя учрежденія по новымъ уставамъ—вещь хорошая; но изъ-за чего-же публикѣ нашей въ телачій-то восторгъ входить? Не разумнѣ ли было бы подождать немножко восторгаться-то и посмотреть, что изъ всего этого выйдетъ? Вообще, при такихъ условіяхъ, при которыхъ необходимы успокоительныя слова, — восторги какъ-то неумѣстны, да и вообще они какъ-то не къ лицу нашей хладнокровной, сдержанной публикѣ, которую едва-едва могутъ расшевелить даже такія приности, какъ «Прекрасная Елена» и «Всѣ мы жаждемъ любви».

Такъ-какъ пишущій эти строки былъ очевидцемъ-свидѣтелемъ открытія окружнаго суда въ Нижнемъ Новгородѣ (на святой недѣлѣ), то онъ считаетъ нелишнимъ передать читателю, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній, какъ и что было при этомъ открытіи.

Часу въ первомъ дня въ залу уголовного отдѣленія (которая, кстати замѣтимъ, ничуть не меньше петербургской) собралось человѣкъ двѣсти различнаго рода особъ, чиновныхъ и не чиновныхъ, важныхъ и не такъ, чтобы очень важныхъ, а между ними привалило немало и дамъ, разумѣется, прилично одѣтыхъ, но которыя — надобно отдать имъ полную справедливость — вели себя сначала до конца чрезвычайно прилично, какъ вообще и вся остальная публика. Никто, во первыхъ, не ликовалъ (то-есть не оралъ «фора» и не хлопалъ въ ладоши), и, восторныхъ, никто не выходилъ изъ себя, то-есть не приходилъ въ энтузіазмъ, какъ это было въ Екатеринбургѣ, если вѣрить «Новороссійскому Телеграфу». Сенаторъ г. Шаховъ произнесъ приличную случаю рѣчь, упомянувъ въ ней слегка о Мининѣ и Пожарскомъ (безъ которыхъ въ Нижнемъ вообще ни одна официальная рѣчь не обходится); потомъ архіерей отслужилъ въ залѣ гражданскаго суда молебень съ многолѣтіемъ; потомъ новый предсѣдатель суда и всѣ члены сѣли на нѣкоторое время за столъ опять-таки уголовного отдѣленія, секретарь прочиталъ списокъ утвержденныхъ сенатомъ лицъ; потомъ составили обо всемъ объ этомъ протоколъ, и разошлись мирно по домамъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе любопытныхъ долго еще не выходили изъ залы, поджидая, не будетъ ли еще чегонибудь такого, но такъ-какъ по всему было замѣтно (даже по физиономіи сторожей), что ждать тутъ больше нечего, то разошлись и они съ легкимъ ропотомъ. «Я думала, что и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь будетъ интересное! — сказала одна барыня другой барынѣ — а это что же такое? Нѣтъ, въ другой разъ не пойду!» заключила она серьезно, хотя другого раза нужно ужъ дожидаться до новой реформы, которая барыня, вѣроятно, считала безконечными и непрерывными. Потомъ, дальше, разговоръ ужъ перешелъ на другую тему: о членахъ суда, о прокурорѣ, его товарищахъ и прочихъ, то-есть, вѣр-

нѣе, не о всѣхъ членахъ цѣликомъ, а только объ ихъ физіономіяхъ, о личной красотѣ и безобразіяхъ каждаго; но такъ-какъ этотъ разговоръ собственно ни гражданскаго, ни уголовнаго отдѣленій суда не касался, то и мы прекратимъ свою рѣчь. Вотъ, положи руку на сердцѣ, и все то, въ чемъ заключалось открытіе суда. Вотъ, по истинѣ, все то, что, по словамъ телеграммъ и корреспонденцій, возбуждало либованія, энтузіазмъ и восторги въ Симферополѣ, Еватеринославлѣ, Херсонѣ и въ иныхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ. Само собою разумѣется, что послѣ официального открытія былъ официальный обѣдъ, конечно, достаточно вкусный, за которымъ пили и произносили рѣчи различнаго качества; но гдѣ же, спрашивается, нынче не пьютъ и рѣчей не произносятъ? Официальные обѣды не затѣмъ вовсе и устроятся, чтобы пить на нихъ безъ рѣчей. Впрочемъ, самая замѣчательная обѣденная рѣчь принадлежала, какъ рассказываютъ, не особѣ изъ судебного вѣдомства, а предсѣдателю земской управы, который, изображая своею личностію какъ бы все земство Нижегородской губерніи, нашелъ нужнымъ замѣтить, что земство это очень много сдѣлало хорошаго, и вообще пользу принесло великую.

Придирчивый, но неосновательный провинціалъ можетъ мнѣ возразить, что судебная реформа видимо оживила городъ Нижний, въ особенности въ первые дни; но я отвѣчу на это, что оживило городъ вовсе не самая реформа, а вновь пріѣзжіе чиновники, которыхъ она туда привлекла. Если въ губернскій городъ поставить гусарскій полкъ, то онъ еще болѣе оживитъ, чѣмъ окружной судъ, потому что въ полку молодыхъ офицеровъ больше, чѣмъ въ окружномъ судѣ молодыхъ правовѣдовъ.

Но вы, можетъ быть, спросите меня, какъ же отнесся въ открытію окружнаго суда собственно народъ, т.-е., такъ называемая, толпа, или «чернь непросвѣщенная»: ликовала ли она, приходила ли въ энтузіазмъ? И на этотъ вопросъ я вамъ долженъ положительно отвѣтить: нѣтъ, не приходила! — хотя очень трудно узнать, что именно думаетъ толпа, когда она, собравшись на улицѣ, у крыльца, смотреть, какъ сходятъ съ лѣсенкою и садятся въ кареты и пролетки нарядные господа, въ треуголкахъ, съ расшитыми золотомъ воротниками. Народу предъ подъѣздомъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ, на улицѣ, не взирая на дождь, собралось не мало, такъ что будочники принуждены были отгонять, но никакихъ выраженій восторга я не слышалъ и предполагаю, что, еслибы, напримѣръ, во время открытія суда, по другой какой нибудь улицѣ провели верблюды, или что нибудь подобное — то толпа отъ подъѣзда окружнаго суда отхлынула бы вся, цѣликомъ, до единого человѣка.

Очень жаль, что на открытіе новыхъ учреждений не приглашаютъ на городской счетъ фельетонистовъ столичныхъ газетъ и журналовъ: тогда бы можно было провѣрить, на сколько справедливы, сообщаемыя провинціальными корреспондентами, свѣ-

дѣнія о восторгѣхъ и энтузіазмѣ публики, въ которой я, признаюсь, не вѣрю; а прочемъ, какъ судить по одному городу? Въ Екатеринославѣ, по словамъ корреспондента, «дамъ было немного, но всѣ онѣ были въ изящныхъ костюмахъ; энтузіазмъ былъ всеобщій»... Кто знаетъ: быть можетъ, въ Екатеринославѣ потому именно и энтузіазмъ былъ всеобщій, что тамъ дамъ было немного и что онѣ были въ изящныхъ костюмахъ, тогда какъ въ Нижнемъ дамъ было много и костюмы онѣ имѣли не до такой степени изящныя? Быть можетъ, въ Екатеринославѣ на торжество открытія попали только лишь близкія родственницы и супруги только что утвержденныхъ дѣятелей, «которые съѣхались во множествѣ въ только что выданныхъ имъ цѣняхъ»? Если такое предположеніе основательно, то я больше уже не удивляюсь, почему екатеринославскія дамы выказали энтузіазмъ въ новымъ учрежденіямъ, а благородныя согражданки Минина не выказали никакого.

Оставляя вопросъ о степени сочувствія публики къ открытымъ судебнымъ учрежденіямъ до поры до времени, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ, бросающихся въ глаза, странностяхъ, которыя замѣчаются въ самомъ устройствѣ зданій для новыхъ судовъ. Замѣчательно, что при устройствѣ мѣстъ для сторонней публики въ новыхъ зданіяхъ, руководствовались вовсе не количествомъ населенія въ городѣ, а какими-то, совершенно другими, непонятными намъ, побужденіями. Представьте себѣ, что въ петербургскомъ окружномъ судѣ, на 600 тысячъ жителей, зала уголовного отдѣленія нисколько не обшириѣе, если только не тѣснѣе нижегородской, въ которомъ числятся всего до сорока двухъ тысячъ, а въ сосѣднемъ съ Нижнимъ, плюгавенькомъ городкѣ Владимірѣ, съ его двѣнадцатью тысячами душъ, — зала уголовного отдѣленія устроена обшириѣе, чѣмъ въ Нижнемъ, а, слѣдовательно, и въ Петербургѣ! Если, при постепенномъ введеніи судебной реформы въ разныхъ краяхъ нашего отечества, постройка судебныхъ помѣщеній будетъ производиться на основаніи все той же теоріи, выражающейся формулою: «чѣмъ меньше—тѣмъ больше и чѣмъ больше, тѣмъ меньше» — то мы въ скоромъ времени очутимся свидѣтелями явленія очень страннаго свойства. Мы увидимъ, что въ городахъ съ 10-ти тысячнымъ населеніемъ зала окружнаго суда будетъ вмѣщать въ себя до тысячи слушателей, а въ городахъ съ шестью-стами тысячами не вмѣститъ и двухъ-сотъ человекъ. Не странно ли это, и зачѣмъ именно? Но на этотъ нескромный вопросъ можно только отвѣтить такъ, какъ отвѣчаютъ обыкновенно нынѣ слишкомъ ужъ любознательнымъ дѣтямъ: «много узнаешь — скоро состарѣешься».

Въ Москвѣ, — такъ-какъ тамъ для окружнаго суда не строили новаго дома, а отвели помѣщеніе въ зданіи сената, — зала значительно просторнѣе петербургской, но за то входъ въ нее едва-ли еще не затруднительнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ на скольконибудь интересующее публику дѣло можно прямоуже не ходить, потому что навѣрняка не впустить по недостатку въ помѣщеніи; но въ своеобразной Москвѣ предварительно еще намучаешься вдоволь, прежде чѣмъ узнаешь, что мѣсть нѣтъ. Публика тамъ безпрепятственно выпускается въ громадный и красивый круглый залъ, въ которомъ свободно могутъ толпиться нѣсколько сотъ человѣкъ. Покружившись вдоволь по залу, публика наконецъ сознаетъ свое безцѣльное въ ней существованіе и начинаетъ искать выхода, или, по крайнѣй мѣрѣ, какойнибудь лазейки туда, куда ей хочется, т.-е. въ уголовную залу, куда ведетъ безконечно-длинный корридоръ, перегороженный поперегъ рѣшеткой, у которой стоятъ четверо, не то солдатъ — не то почтальоновъ, произвольно распредѣляющихъ, кого впустить, кого не пускать. Бывши въ Москвѣ проѣздомъ, только на одни сутки, мнѣ очень хотѣлось понасть въ залу засѣданія, но, къ сожалѣнію, кромѣ круглой залы ничего не удалось видѣть. Товарничъ мой, съ которымъ я пріѣхалъ, объявилъ сторожамъ, что онъ — петербургскій адвокатъ, и былъ впущенъ безъ всякой повѣрки справедливости своихъ словъ, но я такъ и остался за рѣшеткой, хотя на моихъ глазахъ сторожа пропустили нѣсколько человѣкъ обоего пола, преимущественно изъ торговаго сословія. Начали мы отыскивать какогонибудь мѣстнаго чиновника, который бы объяснилъ намъ, по крайней мѣрѣ, почему именно меня не пускаютъ, а другихъ выпускаютъ, но и эти поиски не удались. Всѣ проходившіе чиновники были, вѣроятно, народъ слишкомъ ужъ мелкій и невлиятельный: они только пожимали плечами и говорили: «мы не знаемъ!» Наконецъ, одинъ посоветовалъ намъ попробовать счастья съ другого подъезда — со стороны царь-пушки, гдѣ, у запертыхъ дверей, на лѣстницѣ, ожидала такая-же толпа, какъ и въ круглой залѣ.

— «Попробуйте, господа, постучать: можетъ, для васъ и отпрутъ, посоветовалъ намъ длиннополый сюртукъ. — Мы вотъ здѣсь съ раннихъ обѣденъ, а толку все никакого. Хоть бы сказали, что-ли, что мѣсть нѣтъ; но и этого не говорятъ. Пробовали даже, кто двухгривенный, кто пятиалтынный совать — но и это не беретъ. Назначили бы цѣну опредѣленную за мѣста-то, что-ли заключилъ длиннополый: — а то почему знаешь, сколько надо?»

Само собою разумѣется, что слова эти высказаны были такъ себѣ, съ вѣтра, и не имѣли никакого основанія, но самая мысль: брать деньги за мѣста въ окружномъ судѣ показалась мнѣ очень занимательною. Вотъ бы источникъ-то новые открылись на постройку новыхъ тюремъ по улучшеннымъ системамъ, на которыя теперь даже и сто-рублевыхъ штрафовъ далеко не хватаетъ! Я увѣренъ, что еслибы не нелѣпо было назначать плату за мѣста въ окружныхъ судахъ, то на засѣданія, напримеръ, по дѣлу объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, нашлись

бы охотники платить по 10, по 25 рублей и больше. Вѣдь платили же такія деньги за незавидное мѣсто въ большомъ театрѣ, въ *проходѣ*, въ четвертомъ ярусѣ, за то, чтобы послушать второй или третій разъ Патти и, притомъ, платили такіе господа, которые послѣ сами называли голосъ Патти *оцистумьской*?

6-го и 7-го мая нынѣшняго года въ петербургскомъ окружномъ судѣ рѣшалось именно одно изъ такихъ дѣлъ, которое, въ случаѣ назначенія высокой платы за мѣста, одно бы могло доставить сумму очень почтенную, тѣмъ болѣе, что дѣло это привлекло въ судъ публику не какую нибудь, а отборную. Ничтожное количество мѣстъ было набито биткомъ съ утра до ночи счастливыми, ухитрившимися достать билеты, и всѣ эти счастливыя готовы были скорѣе двѣ ночи переночевать въ судѣ, чѣмъ уступить свое мѣсто кому нибудь другому. Я говорю о скандальномъ дѣлѣ генеральши Хомутовой и красавца Боргезани, краткія свѣдѣнія о которомъ считаю нужнымъ включить въ свою хронику.

Жила была въ городѣ Питерѣ нѣкая богатая старушка, г-жа Коссова, которая лѣтомъ, три года тому назадъ, провѣдавши отъ своей бывшей горничной, что въ Павловскѣ у генеральши Хомутовой на дачѣ есть свободная комнатка, пожелала нанять эту комнатку. Сначала было генеральша не соглашалась, но потомъ, разузнавши, что у старушки есть тысячь двадцать-пять денегъ, которыя она постоянно держитъ подъ подушкой, — генеральша сдѣлалась уступчивѣе. Она пустила къ себѣ и обладала дорогою старушку. Оказалось, что генеральша жила на дачѣ не одна, а съ нѣкимъ красивымъ итальянцемъ Боргезани, съ которымъ состояла почти что въ родствѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по рассказамъ генеральши, итальянецъ этотъ вытащилъ ее разъ изъ воды, и за этотъ подвигъ она сначала назвала-было его своимъ отцомъ, потомъ, замѣтивши, что итальянецъ очень еще молодъ, а она стара, — переименовала его изъ отцовъ въ братья — и съ той поры зажили они душа въ душу, какъ и подобаетъ брату съ сестрой. Старушка, по переѣздѣ на дачу, рассказала генеральшѣ и ея брату, что у нея есть не малое количество металлическихъ билетовъ, а тѣ сейчасъ же попросили показать, что это за штука такая и, взглянувши на невиданные билеты, пристали къ старушкѣ съ самыми убѣдительными доводами, что ей необходимо было бы съѣздить вмѣстѣ съ ними за границу. Мысль о необходимости съѣздить за границу вмѣстѣ съ генеральшей крѣпко засѣла въ головѣ г. Коссовой, но билеты она куда все-таки держала при себѣ, въ савояжѣ, съ которымъ ѣздила всюду, ни мало не заботясь, что ее легко могутъ ограбить. Такая неосторожность обратила наконецъ на себя вниманіе заботливой генеральши, и вотъ она разъ, въ вокзалѣ петергофской дороги, не вытерпѣла и сказала старушкѣ, поглядывая на ея савояжъ: «ахъ, какъ я боюсь за ваши деньги!», а Боргезани съ своей

стороны прибавилъ: «сахъ, женщины! вы такъ часто бываете расвѣяны». Послѣ этого двойного аханья, генеральша съ участіемъ пояснила старушкѣ, что, при предполагаемой скорой поѣздѣ за границу вмѣстѣ съ ними, ей было бы несравненно легче и спокойнѣе отдать эти деньги на сохраненіе г-ну Боргезани, который постоянно хранитъ и ея деньги. Старушка согласилась безпрекословно, билеты въ двухъ пачкахъ передала генеральшѣ, которая «схватила ихъ жадно», а потомъ одна уже и безъ денегъ возвратилась къ сыну, который очень практично замѣтилъ, что напрасно она такъ поступила, ибо новые ея пріатели «легко могутъ и смошенничать». Твердо вѣрила старушка въ генеральскую честь, но сыновняя рѣчь до такой степени ее растревожила, что она, проворочавшись понапрасну всю ночь на постели съ боку на бокъ, поутру, съ первымъ же поѣздомъ помчалась въ Павловскъ, но, при первомъ же свиданіи съ любезными пріателями, храбрость ее совершенно покинула. Вмѣсто того, чтобы прямо потребовать свои деньги обратно, она съумѣла только робко замѣтить, что не мѣшало бы ей въ дорогѣ имѣть при себѣ нѣсколько своихъ денегъ, на что Боргезани возразилъ: «полноте беспокоиться! Неужели у насъ не найдется какихъ нибудь полтораста рублей? Не къ чему вамъ мѣнять свои билеты, когда вы на одинъ изъ нихъ можете выиграть 200 тысячъ». Такъ дѣло о деньгахъ тѣмъ и повончилось и отправились всѣ они вмѣстѣ за границу на пароходѣ, въ Любекъ. Генеральша съ братцемъ думали, что на пароходѣ старушка не стаетъ уже къ нимъ приставать на счетъ денегъ, но ошиблись нѣсколько. Непривычную старушку закачало до полусмерти и тошнота съ ней такая приключилась сильная, что она — чуть только еще издали увидала какой-то зеленый берегъ, — сейчасъ же задумала кунить на этомъ неизвѣстномъ берегу виллу.

Пріатели, впрочемъ, на разпросмъ ея относительно этого предмета отвѣчать ей не заблагорасудили, а повели прямо въ гостиницу въ городѣ Любекѣ, гдѣ наняли для нее особенный номеръ. Старушечьи мечты о покупкѣ виллы такъ, впрочемъ, и не осуществились, потому что разъ, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, въ комнату, въ которой старушка пила чай съ генеральшей, вдругъ воѣжалъ Боргезани безъ сюртука и закричалъ: «vos sommes perdus, ont nous a volé» (сирѣчь: мы пропали, насъ обокрали!). Затѣмъ онъ объявилъ, что пропало, встать, и генеральскихъ денегъ 18 тысячъ, при чемъ генеральша «начала прикладывать руку къ глазамъ и выдѣлывать спазмы». Такимъ образомъ, у старушки, вмѣсто прежнихъ 25-ти тысячъ, остался только одинъ, впрочемъ, хорошихъ качествъ, коверъ, который она продала за 200 рублей и, не заявляя о пропажѣ мѣстной полиціи, отправилась въ свое любезное отечество, гдѣ разсказала о своихъ походахъ сыну, а сынъ возбудилъ уголовное дѣло. Старушка откровенно призналась,

что послѣ Боргезаньевскихъ словъ: «nous sommes perdus...» она стала какъ-то побаиваться новыхъ своихъ друзей... Еще бы, да не бояться! замѣтимъ мы отъ себя.

Благодаря энергической дѣятельности сына г. Коссовой (бывшаго кавалериста), генеральшу и ея брата, превратившихся въ бѣглецовъ, едва-едва отыскали, да и то потому только, что г. Коссовъ обращался къ самому Бисмарку, которому, какъ видно, не мало и разныхъ другихъ заботъ, кромѣ германскаго объединенія. Одни наши странствующие соотечественники — и тѣ хоть кому садутъ на шею и займутъ половину времени! Впрочемъ, въ г. Коссовѣ, при преслѣдованіи бѣглецовъ, замѣчалось столько энергии, что онъ, въ случаѣ надобности, обратился-бы и къ Бейсту и къ кому угодно, да иначе и нельзя.

Вотъ, по возможности въ короткихъ словахъ разсказанная, сущность этой «обыкновенной исторіи». Обратимся теперь къ суду по этому дѣлу, возбужденному въ извѣстной части нашей публики такой къ себѣ интересъ, что почти двое сутокъ всѣ мѣста въ залѣ были набиты биткомъ, и почти всѣ посѣтители готовы были въ судѣ ночевать, еслибы это потребовалось.

Дѣло это имѣло много привлекательныхъ сторонъ для публики. Вопервыхъ, судилась не какаянибудь простая женщина, не какаянибудь крестьянка Федосья Прохорова, обвиняемая въ утайкѣ найденныхъ ею десяти рублей, а вдова генерала, лицо, значить, почтенное; во вторыхъ, скандалъ-то ужъ слишкомъ великъ, да, притомъ небезъизвѣстно было, что названный братецъ генеральши — мужчина очень красивый; наконецъ, третьихъ, въ защитѣ участвовали такіе защитники, которые успѣли уже привлечь къ себѣ вниманіе публики: тутъ были извѣстный присяжный повѣренный г. Спасовичъ и вольный адвокатъ г. Лохвицкій, прославившіяся преимущественно защитою обвиняемыхъ въ какихъ либо подлогахъ, или мошенничествѣхъ.

Гласное судопроизводство введено у насъ еще недавно; всего существуетъ, какъ говорится, безъ году недѣлю, а между тѣмъ и теперь уже публика очень хорошо знаетъ всѣхъ обвинителей и всѣхъ защитниковъ; знаетъ, который изъ обвинителей въ особенности страшенъ и который изъ защитниковъ и въ какихъ именно дѣлахъ въ особенности силенъ. Публика успѣла уже изучить существующихъ адвокатовъ чуть-ли не ближе, чѣмъ актеровъ русской драматической труппы, изъ которыхъ она, впрочемъ, кажется, всѣхъ безъ исключенія считаетъ плохими. Всѣ безъ исключенія въ Петербургѣ очень хорошо знаютъ, что въ дѣлахъ по обвиненію въ мошенничествѣхъ нѣтъ адвоката искуснѣе г. Лохвицкаго, и потому всѣ лица, обвиняемыя въ такихъ продѣлахъ, если они состоятельны, обращаются не къ кому другому, какъ г. Лохвицкому, который, хотя иногда и проигрываетъ, напримѣръ, въ дѣлѣ генеральши Хомутовой, но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что защита лицъ, обвиняемыхъ въ мошенничествѣхъ, едва-ли не самая трудная защита. Впрочемъ, г.

Лохвицкій въ послѣднее время, быть можетъ, оттого началъ проигрывать, что защита его слишкомъ ужъ однообразна, до того однообразна, что присяжные заранѣе могутъ знать, о чемъ именно и что именно будетъ онъ говорить; а при защитѣ подобныя щекотливыя дѣла прежде всего необходимо, такъ-сказать, поражать присяжныхъ и ставить ихъ въ тупикъ различными гипотезами, хотя не всегда сообразными съ тѣмъ либо, за то неожиданными.

Въ доказательство того, что мои слова объ однообразіи защиты г. Лохвицкаго имѣютъ основаніе, я попрошу читателя сравнить извѣстную и удачную его защиту г. Бильбасова въ мошенничествѣ съ послѣдней его-же защитой генералши Хомутовой, продѣла которой тоже похожа нѣкоторымъ образомъ на мошенничество.

Не вдаваясь въ излишнія подробности всѣмъ извѣстнаго дѣла, я напому только читателю, что г. Бильбасовъ обвинялся, между прочимъ, въ томъ, что онъ представилъ росписку, признанную фальшивою, которую эксперты съ перваго же раза признали писанною не Кушниковою. Г. Лохвицкій защиту свою основываетъ на той мысли, что такой умный и опытный человѣкъ, какъ г. Бильбасовъ, еслибы онъ дѣйствительно захотѣлъ смоненничать, ни подъ какимъ бы видомъ не поступилъ такъ неискусно, поребачьи и, вслѣдъ за тѣмъ, подробно излагаетъ, какъ бы именно поступилъ г. Бильбасовъ, еслибы онъ вздумалъ смоненничать. Г. Бильбасовъ — говорить защитникъ — былъ вхожъ къ Кушниковой, былъ у нее часто, какъ человѣкъ домашній; развѣ нельзя было ему узнать хорошенько руки Кушниковой и поддѣлать подпись такимъ образомъ, что сама Кушникова бы ошиблась: полно не сама-ли писала? «Надлежащее засвидѣтельствованіе полиціи тоже можно было получить легко при прежнихъ порядкахъ: квартальный надзиратель, свидѣтельствуя подписи, никогда не имѣлъ непосредственныхъ отношеній съ лицами, подписи которыхъ свидѣтельствовались, а подписывалъ то, что ему подкладывали чины его канцеляріи. Такимъ образомъ дѣло было сдѣлано; а между тѣмъ Кушникова умираетъ, Засѣвка пріѣзжаетъ изъ заграницы; Бильбасовъ объявилъ бы ей, что деньги съ князя Гагарина получены и представилъ бы росписку Кушниковой; доказать, что росписка подложная не было бы никакой возможности; несходство въ подписи ничего бы не доказало: Кушникова была больна, а нашъ законъ признаетъ, что болѣзнь можетъ измѣнить почеркъ».

Изложивши со всѣми подробностями, какъ и подобало человеку свѣдущему и специалисту, какъ бы долженъ былъ поступить г. Бильбасовъ, еслибы дѣйствительно вздумалъ смоненничать, г. Лохвицкій въ экстазѣ восклицаетъ: «вотъ какъ бы дѣйствовалъ искусный человѣкъ, какимъ былъ (и есть) Бильбасовъ». Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи г. Лохвицкій говоритъ о Бильбасовѣ, что онъ «былъ самъ адвокатомъ (хотя

въ прежнихъ, безгласныхъ судахъ) и въ свое время имѣлъ репутацію известнаго практика, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, въ мошенничествѣ обвиняется известный законникъ, мастеръ своего дѣла... Слѣдовательно, опять таки, если-бы г. Бильбасовъ вздумалъ смошенничать, то, въ особенности при новыхъ порядкахъ, онъ смошенничалъ бы почище, а не зря, не какъ какойнибудь безъизвѣстный беззаконникъ. Затѣмъ г. Лохвицкій, неуволнно придерживаясь разъ принятой системы защиты, ожесточенно, хуже всякаго прокурора, нападаетъ на противниковъ обвиняемаго и бьетъ ихъ словами «безо всякаго пощады, дабы другимъ защищаться неповадно было». Въ особенности обрушивается его гнѣвъ и пропія на г. Дмоховскаго, который будто-бы въ ресторанѣ Доминика передалъ Бильбасову 30 тысячъ денегъ и получилъ росписку, при чемъ присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля нѣкій мало извѣстный каррикатуристъ г. Бѣлянкинъ. «Бѣлянкинъ — говоритъ г. Лохвицкій въ своей защитительной рѣчи — рисующій недурныя каррикатуры для сатирическихъ журналовъ и потому обращающій вниманіе на характеристическія фізіономіи, засмотрѣлся на оригинальное лицо незнакомца, къ которому подошелъ Бильбасовъ и о которомъ онъ узналъ отъ Субботина, что его фамилія Дмоховскій. Теперь присяжнымъ предстоитъ рѣшить, *стодитъ-ли фізіономія Дмоховскаго того, чтобы въ нее вглядываться, хорошій-ли фізіономистъ Бѣлянкинъ*; но, впрочемъ, это дѣло вкуса. Что же касается лично защитника, то онъ вполне отдаетъ справедливость вкусу Бѣлянкина: недѣли три, четыре назадъ, ему пришлось быть въ сенатѣ; тамъ онъ встрѣтилъ человѣка пожилыхъ лѣтъ и былъ пораженъ типичностью его фізіономіи и впоследствии узналъ, что это Дмоховскій. Нападая безъ пощады на противниковъ, г. Лохвицкій — надобно отдать ему полную справедливость — не забываетъ ничего такого, что бы, хотя скольконибудь, могло помочь обвиняемому. Такъ онъ, между прочимъ, проситъ гг. судей, чтобы они заранѣе отрѣнились отъ всякихъ предубѣжденій къ скандальному дѣлу, о которомъ «давно уже ходятъ разныя толки, такъ что въ настоящемъ случаѣ предубѣжденіе очень понятно».

Этими искусными способами, знаменитому защитоу известнаго рода дѣлъ, г. Лохвицкому удалось выиграть процессъ. Выдумка защитника: обратить вниманіе присяжныхъ на фізіономію противника съ тѣмъ, чтобы рѣшить: *стодитъ-ли она того, чтобы помѣстить ее въ каррикатуру*, и потомъ тотчасъ же высказать, что *стодитъ*, — по моему, принадлежитъ къ гениальнымъ выдумкамъ. Она въ состояніи, вопервыхъ, жестоко разсмѣшить нашихъ непривычныхъ присяжныхъ, и, воторныхъ, сбить съ толку хоть какого крѣпко-нервнаго противника; но только нужно замѣтить, что такой искусный приемъ можетъ быть съ успѣхомъ употребленъ только одинъ разъ. Не слѣдуетъ забывать, что отъ частаго повторенія, и самое острое слово об-

ращается въ туповатое; что отъ частаго употребленія и самая острая бритва превращается въ тупой косарь. Но г. Лохвицкій мыслятъ, какъ видно, нѣсколько иначе: онъ и въ новомъ дѣлѣ генеральши Хомутовой пустилъ въ ходъ старое, уже иступившееся орудіе, — и, разумѣется, проигралъ, тѣмъ же, разумѣется, сильно повредилъ своей адвокатской репутаціи въ извѣстнаго рода дѣлахъ. Стоитъ только появиться на томъ же поприщѣ новому конкуренту, — и тогда убытки г. Лохвицкаго неисчислимы.

Въ защиту генеральши Хомутовой г. Лохвицкій начинаетъ свою рѣчь тѣми же самыми словами, почти буква въ букву, которые уже не разъ были имъ пускаемы въ разныхъ дѣлахъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ: при защитѣ гг. Вильбасова, Вердеревскаго и проч. «Настоящее дѣло — говорить г. Лохвицкій — возникло при такихъ обстоятельствахъ, которые могли поселить предубѣжденіе противъ г-жи Хомутовой. При началѣ этого дѣла въ печати появлялись статьи, въ которыхъ говорилось, что она убила свою дочь, что въ ея шиньонѣ нашли цѣлое богатство, что она воровала по системѣ миллионы. Въ настоящее время ей приписываютъ главную роль въ преступленіи» (Срав. вступительныя слова рѣчи Лохвицкаго въ защиту Вердеревскаго и вышеприведенную выписку изъ рѣчи въ защиту Вильбасова).

Дальше опять-таки идетъ безконечное повтореніе задовъ. Вильбасова защитникъ оправдываетъ тѣмъ, что онъ, какъ человѣкъ искусный, не могъ смощенничать неискусно, а въ защиту генеральши говорить, что она, «какъ женщина богата, не могла соблазниться полученіемъ половины 25,000 руб., принадлежащихъ г-жѣ Коссовой; какъ женщина, имѣющая собственность въ Россіи, получающая оттуда пенсію, она не могла рисковать всѣмъ этимъ и, мало того, своимъ добрымъ именемъ и общественнымъ положеніемъ, для того, чтобъ присвоить себѣ подобную сумму. Она вовсе не опасалась преслѣдованія; перемѣна фамиліи объясняется гораздо проще — желаніемъ жить экономно, потому что съ женщины, носящей титулъ превосходительства, брали бы за все втрое».

Г. Лохвицкій отступилъ отъ своихъ обычныхъ силлогизмовъ только въ одномъ случаѣ, а именно, когда рѣчь пошла о нравственныхъ качествахъ генеральши. Г. Лохвицкій могъ бы просто сказать, что, такъ-какъ Хомутова генеральша, то она, слѣдовательно, и нравственна, но, почему-то, не сказалъ этого, а сослался на свидѣтельство нѣкаго г. Коптева, который на судѣ заявилъ, что генеральша — женщина высоконравственная.

Далѣе: въ процессѣ Вильбасова мы уже видѣли, что г. Лохвицкій старается, во что бы то ни стало, огоронить своего противника какимъ нибудь неожиданнымъ словомъ, на счетъ плѣши, наприимѣръ, на головѣ, на счетъ красноты носа и т. п.; въ процессѣ же Хомутовой онъ стремленіе свое къ огоронива-

нiю переносить на несчастную, кругомъ обобранную 60-лѣтнюю старуху, г-жу Коссову. «Если предположить — говоритъ, повторяющійся защитникъ — что г-жа Коссова *находилась въ связи* съ г. Боргезани, то весьма естественно, что она *подарила* ему деньги... Это великолѣпное «если предположить», по моему мнѣнiю, представляетъ собою границу ораторскаго искусства, дальше которой идти невозможно, еслибы даже разрѣшилъ самъ предсѣдатель. Но, на какомъ основанiи можно предположить это? — спросимъ мы. А вотъ на какомъ. Вонервыхъ, Лохвицкiй думаетъ, что, будь онъ на мѣстѣ г-жи Коссовой, — онъ не старался бы такъ усиленно, какъ она, попасть на дачу Хомутовой, еслибы не имѣлъ въ виду войти въ любовную связь съ Боргезани, жившимъ на этой дачѣ. Вонерыхъ, онъ, безъ любовной связи, никогда бы не далъ совершенно неизвѣстному человѣку двадцати-пяти тысячъ. Онъ полагаетъ, что подъ влiянiемъ страсти дать еще можно, но иначе — нѣтъ; слишкомъ уже дѣтски-наивно *! Наконецъ, г. Лохвицкiй предполагаетъ, что еслибы г-жа Коссова отдала свои деньги итальянцу дѣйствительно на сохраненiе, то, послѣ безсонной ночи, поутру, она непременно бы ихъ назадъ отняла... и т. д. и т. д... Вообще, какъ изъ приведенной, такъ и изъ всѣхъ другихъ рѣчей г. Лохвицкаго, видно, что онъ всегда, произнося ихъ, ставитъ себя на мѣсто своего противника, думая: «а что бы было, еслибы, наиримѣръ, на мѣстѣ Коссовой былъ я?» Если мое предположенiе справедливо, то можно навѣрное сказать, что г. Лохвицкiй все бы это обдѣлалъ какънибудь по другому, какъ подобаетъ извѣстному законнику и, при томъ же, доктору правъ. Само собою разумѣется, что, еслибы докторъ правъ, г. Лохвицкiй, подъ влiянiемъ какойнибудь, очень ужъ сильной страсти, отдалъ комунибудь свои деньги, то онъ бы поутру, спохватившись, отнялъ бы ихъ, или лично, или вѣрнѣе, чрезъ полицию; но вѣдь въ томъ-то все и дѣло, что трудно даже вообразить себѣ доктора Лохвицкаго на мѣстѣ легковѣрной старушки Коссовой! Отъ г. Лохвицкаго Боргезани, пожалуй, и денегъ-то бы не взялъ, еслибы тотъ и давалъ, потому что эти странствующие иностранцы, сводные братья устарѣлыхъ русскихъ странствующихъ барынь, ужасно какъ суда и полиции боятся. Подумалъ бы, что тутъ подвохъ

* Не можемъ утерпѣть, чтобы не привести выписки изъ защитительной рѣчи г. Спасовича именно по поводу приведеннаго обвиненiя. Не отвергая возможности нѣжной любви въ 60 лѣтъ, г. Спасовичъ весьма основательно замѣчаетъ, что женщина, въ возрастѣ г-жи Коссовой, еслибы и увлеклась безумно запоздалою страстью, то не выпускала бы изъ рукъ средствъ обезпечить дальнѣйшее влiянiе на любовника и держала бы его на золотой цѣпи; еслибы даже она увлеклась еще болѣе, безусловно повѣрила взаимной любви, то мысль о разлукѣ не могла бы входить въ ея отношенiя; подобно тому, какъ больной чахоткою не вѣрять приближенiю смерти, влюбленная женщина не предвидитъ охлажденiя и разлуки.

какойнибудь: съ какой, молъ, стати онъ даетъ-то мнѣ? Вообще, если на мѣсто обвиняемыхъ, обвинителей и обвиненныхъ ставитъ совершенно другихъ лицъ, по произволу, а вмѣсто жещинъ мужчинъ, то очень многое, считающееся теперь положительно вѣрнымъ, показалось бы совершенно невѣроятнымъ. Кто знаетъ: быть можетъ, еслибы г. Лохвицкій порѣже повторялся и не ставилъ бы себя въ образецъ, то онъ выигралъ бы и послѣдній процессъ? Тогда слава его распространялась бы все больше и больше, все дальше и дальше во всѣ концы нашего обширнаго государства. Впослѣдствіи, изъ всѣхъ, самыхъ отдаленнѣйшихъ даже странъ, начали бы стекаться къ нему обвиняемые въ различныхъ, хотя и однородныхъ беззаконіяхъ, какъ больные къ извѣстному специалисту хирургу, или терапевту, или, какъ стекаются на минеральныя воды и цѣлительныя грязи. Впрочемъ, мнѣ лично до г. Лохвицкаго нивакого нѣтъ дѣла, и если я упоминаю объ немъ, то единственно, какъ о публичномъ дѣятелѣ, успѣвшемъ пріобрѣсти себѣ нѣкоторую извѣстность по своей специальности. Какъ дѣятелю общественному, я, разумѣется, желаю ему всякаго успѣха, потому что склоненъ считать всякаго провинившагося, даже и въ такомъ заторномъ дѣлѣ, какъ мошенничество — болѣе или менѣе правымъ; просто человѣкомъ, дѣйствующимъ при извѣстной обстановкѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, благопріятствующихъ мошенничеству. Ссылаясь на самого г. Лохвицкаго, я тоже думаю, что подвергнуться обвиненію въ подобнаго рода проступкахъ могутъ только лишь люди неопытные до наивности, до речиста, а ужъ никакъ не извѣстные законники, которые всегда имѣютъ полнѣйшую возможность обдѣлать дѣльце именно такъ, какъ указываетъ г. Лохвицкій въ своей защитительной рѣчи по Бильба-совскому дѣлу. Мнѣ всегда отъ души жаль, когда защитнику не удается защита и когда чрезъ это обвиняемый идетъ въ Сибирь. За что же, думается мнѣ, именно этотъ несчастный пошелъ въ Сибирь, тогда какъ сотни другихъ, совершившихъ такія же точно проступки, но до открытія еще новыхъ судовъ, сидятъ себѣ спокойно по своимъ многоэтажнымъ домамъ и благопріобрѣтеннымъ деревнямъ? Вѣдь это, какъ хотите, — а просто вѣдь невольныя жертвы искупленія за грѣхи нашего общества! Я до сей поры не могу безъ жалости вспомнить о московскомъ купцѣ Бодровѣ, котораго московскій окружной судъ въ прошломъ году сослалъ въ Иркутскую губернію за, такъ называемое, злостное банкротство. Бодровъ просто совершилъ обыкновенную у насъ торговую операцію, какую до него совершали сотни купцовъ и никогда не отправлялся за то въ Иркутскую губернію. Онъ растратилъ тысячу сорокъ чужихъ денегъ, расплатился за нихъ тремястами рублями, ликвидировалъ свои торговныя дѣла, т.-е. сжегъ книги — и спокойно расположился дожидать свой вѣкъ. Онъ бы и дожидъ, конечно, но вотъ вдругъ тутъ суды новые открылись, возбудилось слѣдствие — к

бѣдный Бодровъ пропалъ! Во все время суда онъ сидѣлъ храбро, даже чуть не улыбался, но когда судьи произнесли неожиданный приговоръ, то это до такой степени поразило Бодрова, что онъ весь даже затрясся, зарыдалъ, закрывши лицо руками и, кланаясь присяжнымъ и публикѣ, голосомъ, полнымъ отчаянія, произнесъ: «прощайте, *дети мои!*» Конечно, подобные крутые поступки съ отцами вѣроятно подѣйствуютъ на дѣтей, но только *какъ* подѣйствуютъ-то? Не станутъ ли дѣти во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ опытнымъ законникамъ и дѣйствовать такъ, что послѣ и шила не подточить? Постоянно, когда мнѣ случалось бывать въ петербургскомъ окружномъ судѣ, я замѣчалъ тамъ въ числѣ публики нѣсколько человекъ въ длиннополныхъ сюртукахъ, или въ потертыхъ пальто съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукахъ. Эти господа, внимательно вслушиваясь въ допросы обвиняемыхъ (преимущественно въ воровствѣ со взломомъ и безъ взлома), быстро отыскивали въ своей книжкѣ подходящія статьи. Углубленные въ чтеніе интересующихъ ихъ статей, они очень походили на усердныхъ католиковъ въ костелѣ, съ молитвенниками. Это, вѣроятно, думалось мнѣ, тѣ самые *дети*, къ которымъ въ отчаяніи обращался несчастный купецъ Бодровъ, приговоренный къ ссылке въ Иркутскую губернію.

Впрочемъ, достаточно уже трактовать о судебной части. Нужно сообщить еще читателю о другихъ, такъ-называемыхъ, текущихъ дѣлахъ минувшаго мѣсяца.

Съ легкой руки англичанъ, устроившихъ у себя первую всемірную выставку въ кристальномъ дворцѣ, выставки эти окончательно вошли въ моду. За Англіей, разумѣется, немедленно послѣдовала Франція, а потомъ и другія государства, которыя, не имѣя возможности устроить выставокъ всемірныхъ, придумали особенныя, болѣе доступныя, такъ-называемыя международныя. Чтобы не отставать ни въ чемъ отъ другихъ образованныхъ націй, слѣдовало, конечно, и въ Россіи устроить что-нибудь международное,—и вотъ, въ маѣ нынѣшняго года, въ Михайловскомъ манежѣ, была открыта международная выставка садоводства, хотя, надобно правду сказать, по части садоводства, по климату своему, суровая наша Россія едва-ли не болѣе всего отстала отъ другихъ европейскихъ государствъ, пользующихся умѣреннымъ климатомъ. Выставка была очень красива; по крайней-мѣрѣ на столько красива, на сколько вообще можетъ быть красивъ манежъ, устроенный специально для маршировки солдатъ, если его, вмѣсто рядовъ солдатъ, сплошь уставить оранжерейными растеніями, не произрастающими въ нашемъ суровомъ климатѣ. На полу манежа были устроены искусственные ручейки и озера (впрочемъ, безъ рыбы), и изъ нихъ, для усиленія очарованія зрителя, отъ времени до времени, солдаты черпали воду лейками, для поливки растеній жаркаго климата. Среди манежа и въ дальней его сторонѣ устроены

были искусственные горы, обложенныя поздравитымъ камнемъ, а въ чащѣ тропическихъ растений расположены два оркестра военной музыки, и притомъ такъ расположились, что ихъ было слышно, но никому не видно. Полному очарованію сильно препятствовало только то неустранное обстоятельство, что манежъ слишкомъ узокъ и низокъ, такъ что нѣкоторыя деревья, хотя и не очень были высоки, но упирались прямо въ искусственное небо изъ досокъ, а съ высокой искусственной горы высокому человѣку тростью можно было ткнуть въ потолокъ. На первой международной нашей выставкѣ, по русскому обыкновенію, никакихъ каталоговъ не было, такъ что любознательный посѣтитель принужденъ былъ довольствоваться нумерами, написанными на дощечкахъ подъ кустами, нюхать нѣжные цвѣты и догадываться, отъ какого семейства и вида цвѣтущихъ растений можетъ исходить такой приятный запахъ. По обыкновенію тоже, посѣтителямъ сидѣть на выставкѣ было не на чемъ, но отсутствие сѣдалищъ могло быть, впрочемъ, устроено и съ заранѣе устроенной цѣлью, именно съ той, чтобы публика слишкомъ-то долго не заставалась въ тѣсноватой залѣ, а обновлялась какъ можно чаще новыми пришельцами. Наставъ стульевъ, да дивановъ, пожалуй, иной просидить тутъ съ полсутокъ, не взирая на сырость, проникающую до костей; а иной, пожалуй, отъ долгаго сидѣнья въ сыромъ манежѣ, и ревматизмъ наживетъ. Стульевъ, впрочемъ, было достаточно количество въ буфетѣ, но въ немъ усталые посѣтители постоянно случивались еще тѣсныя, чѣмъ деревья у стѣнъ узкаго манежа; слѣдовательно, и на эти стулья расчитывать было нечего. У входа въ манежъ, на большомъ возвышеніи, на широкихъ полкахъ, разложены были различнаго вида и цвѣта рѣпы, свеклы, рѣдьки, величинѣ которыхъ любознательный посѣтитель вполне могъ подивиться и отчасти позавидовать: нѣкоторыя рѣдьки величиною были въ порядочное полѣно. Тутъ же, по сосѣдству съ неуклюже-громадными рѣдьками, помѣщались и плоды самыя нѣжнѣйшія, изъ которыхъ особенное вниманіе обращали на себя греческія лимоны и анельсины, иные величиною съ брюкву изъ Белебеевского уѣзда. Близость греческихъ плодовъ съ нашими рѣдьками и рѣпами кое-какъ еще можно себѣ объяснить, но вотъ, на какомъ основаніи маринованные и засахаренные фрукты и произведенія фабрики металлическихъ надписей Корнфельда попали въ отдѣленіе, устроенное для натуральныхъ, высушенныхъ и искусственныхъ цвѣтовъ,—это почти необъяснимо. Между иноземнымъ, разнообразнымъ картофелемъ особенное мое вниманіе обратилъ на себя продолговатый, овальный, который носить названіе: императоръ Люи-Наполеонъ. Почему, думалъ я, картофель этотъ зовется именно Люи-Наполеономъ? Потому ли, что онъ такой длинный, а у Люи-Наполеона лицо овальное, продолговатое? Въ такомъ случаѣ, почему бы и петербургскому кушчу Керину, доставившему на вы-

ставку громадной величины грушу, не назвать ее Люи-Филиппомъ, у котораго, по преданію, даже собственныя дѣти, рисуя грушу, думали, что они рисуютъ портретъ своего папаша. Вообще, на нашу международную выставку предметы принимались не отъ однихъ только производителей, т.-е., отъ садовниковъ и огородниковъ, но и отъ торговцевъ фруктовыми товарами, если въ магазинѣ оказывалось что-нибудь особенно привлекательное. Такъ напримѣръ, купецъ Керинъ, замѣтивъ, что у него въ магазинѣ лежатъ нѣсколько громадныхъ грушъ, величиною чуть не въ тикву, сейчасъ взялъ ихъ, да и понесъ на международную выставку, на которой посѣтителей, вѣроятно, будетъ много, слѣдовательно, скорѣе купить. Другой господи— фамилію котораго я позабылъ—выжалъ изъ клюквы сокъ, подсластилъ его, розлилъ въ бутылки и тоже поставилъ на международной выставкѣ, въ отдѣлѣ искусственныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ иные сдѣланы изъ глины, и надобно отдать имъ полную справедливость, сдѣланы очень грубо, хотя привезены изъ-за границы. Впрочемъ, бутылки съ клюквеннымъ сокомъ, на ярлычкахъ которыхъ красуется надпись: «національный напитокъ», издали очень красивы, потому что онѣ искусно расположены въ высшей на столѣ рамѣ, изображая изъ себя нѣчто въ родѣ арматуры. Не понимаю только, почему изобрѣтателю пришла въ голову мысль назвать клюквенный сокъ національнымъ напиткомъ? Неужели изобрѣтателю неизвѣстно, какой именно напитокъ считается у насъ національнымъ?

Съ выставки усталый посѣтитель уходитъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, но только въ немъ остается какое-то, не совсѣмъ приятное впечатлѣніе, причину котораго можно объяснить задаваемымъ почти каждымъ посѣтителемъ вопросомъ: зачѣмъ собственно устроена эта выставка? Неужели Россія уже достигла такого благосостоянія и довольства во всѣхъ отношеніяхъ, что ей остается только думать объ азаліяхъ, да о роскошныхъ камеліяхъ? Положимъ, что теперь уже, благодаря своевременнымъ распоряженіямъ, о случаяхъ голодной смерти въ газетахъ уже не пишутъ, слѣдовательно, нужно полагать, что всѣ сыты; но все-таки развѣ намъ еще мало нужно кое-чего, кромѣ камелій, азалій, и пальмъ?

Впрочемъ, у болѣе разсудительныхъ посѣтителей превратныя эти мысли скоро исчезаютъ и замѣняются совсѣмъ иными. Неужели же намъ только все объ одномъ хлѣбѣ думать? — разсуждаетъ посѣтитель выставки: — почему же намъ наконецъ и не потѣшить себя, хоть чѣмъ-нибудь? Вѣдь не коровы же мы, въ самомъ дѣлѣ, какія, которыхъ пусти только въ цвѣтникъ, онѣ и всѣ цвѣты пожрутъ, какъ простую траву, не разбирая ни изящества вѣнчика, ни запаха! Пусть тѣ, у которыхъ чернаго хлѣба нѣтъ—и заботятся только лишь о хлѣбѣ, а мы — народъ образованный; нельзя же намъ отставать отъ Европы, въ которой международныя выставки давно уже устроиваются.

Если взглянуть на дѣло съ этой стороны, то окажется, что и выставка садоводства, дѣйствительно, явленіе утѣшительное, потому что она первая открываетъ собою цѣлый рядъ послѣдующихъ международныхъ выставокъ, изъ которыхъ на какой-нибудь, быть можетъ, будутъ выставлены предметы, допускающіе нѣкоторую конкуренцію съ иностранными. Можно только пожалѣть, что на первой нашей выставкѣ, какъ кажется, оправдалась нѣсколько поговорка: первый блинъ комомъ. Рассказывали, что выставка уже открылась, а изъ-за границы все еще не переставали присылать топи съ растениями, для присылки которыхъ срокъ былъ назначенъ слишкомъ короткій, и не назначено вовсе срока, послѣ котораго растенія не будутъ уже приниматься и не будутъ подлежать экспертизѣ. Эти два обстоятельства, по мнѣнію знатоковъ, могутъ, съ перваго же раза, отбить у нѣкоторыхъ иностранцевъ охоту посылать свои произведения на русскія международныя выставки.

Рассказывали еще, что будто бы медалей запасено очень немного и опасались недостатка въ нихъ, а, слѣдовательно, недовольства и съ этой стороны; но, судя по количеству розданныхъ медалей, слухъ этотъ едва-ли можно считать справедливымъ. На лондонской или парижской выставкахъ, напримѣръ, получившіе одну какую-нибудь медаль, оставались очень довольными, а у насъ роздали по двадцати по двѣ, по двадцати, по восемнадцати одному лицу, такъ что самый несчастливѣйшій изъ экспонентовъ получилъ ихъ 6, да сверхъ того, двоимъ пожалованы еще большія, чрезвычайныя, такъ-называемыя императорскія медали, разумѣется, золотыя. Въ этомъ отношеніи, кажется, ужъ жаловаться не на что! Пусть Европа знаетъ, что Россія награждать умѣетъ, даже за такіе предметы, которые, въ сущности, ей вовсе и не нужны. Сколькими же медалями она будетъ награждать впоследствии, когда привезутся вещи, дѣйствительно необходимыя странѣ? Тогда иной экспонентъ можетъ разсчитывать на получение семидесяти и даже ста медалей, въ числѣ ихъ будетъ, вѣроятно, не мало и золотыхъ, а это хоть кого можетъ привлечь. Посмотрите, тогда и изъ Америки, и изъ Австраліи пріѣдутъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что даже на первой нашей международной выставкѣ былъ уже шпинать съ острова Кубы, доставленный, впрочемъ, вѣроятно, не прямо съ Кубы, а изъ какой-нибудь зеленой лавки или съ петербургскаго огорода.

Изъ всего этого видно, что денежная затрата на международную выставку садоводства не можетъ считаться вполне производительною, тѣмъ болѣе, что часть этой затраты пополнена входною платою съ посѣтителей. Затрата эта покажется намъ еще ничтожною, если мы припомнимъ, какія, въ общей сложности громадныя, совершенно уже непроизводительныя денежные затраты дѣлаются у насъ каждымъ городскимъ обществомъ, даже такихъ городовъ, въ которыхъ замѣчается по-

нѣйшее отсутствіе самыхъ первыхъ удобствъ, какъ-то: отсутствіе мостовыхъ, уличнаго освѣщенія и проч., и проч. Очень хорошій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собой извѣстная вежа, бывавшій въ Нижнемъ Новгородѣ на ярмаркѣ, башня на берегу рѣки Оны, выстроенная рѣшительно неизвѣстно зачѣмъ. Даже сами ученые изслѣдователи, которые догадались, съ какою цѣлью воздвигнуты египетскія пирамиды, существующія уже нѣсколько тысячелѣтій, еслибы ихъ привезти въ Нижній и указать на башню, встали бы въ тупикъ при вопросѣ, зачѣмъ она построена, хотя башня эта существуетъ всего какихъ-нибудь десять лѣтъ. Стояла эта башня городу тысячъ сорокъ, но и сами жители, съ которыхъ собирались деньги, говорятъ, что цѣль постройки извѣстна лишь архитектору, ее строившему, да еще нѣсколькимъ лицамъ, очень, впрочемъ, немногимъ. Извѣстно только, что эта сорока-тысячная башня воздвигалась не на вѣчныя времена, и даже, вообще, очень не надолго, потому что желѣзныхъ связей между кирпичами почти не клали, такъ что ненужная эта верзила и теперь уже лопнула по швамъ, какъ узкій сюртукъ на растолстѣвшемъ субъектѣ. Всѣ мѣстные жители единогласно свидѣтельствуютъ, что башня эта скоро должна повалиться и грозить раздавить который-нибудь изъ ближайшихъ къ ней монастырей, такъ что проектируется уже ея разборка, на которую опять потребуется съ города тысячъ пять или больше. Мѣстные жители, на глазахъ которыхъ строилась эта башня при губернаторѣ Муравьевѣ, рассказываютъ, что первоначальное ея назначеніе было: указывать ярмарочному люду, неизмѣющему карманныхъ часовъ, во всякое время, который часъ; но цѣль эта не была достигнута, потому что циферблатъ поставили слишкомъ мелкій, такъ что съ ярмарочной стороны невозможно рассмотреть, да и самыя часы установили негодныя. Рассказываютъ, что въ первые два, три года, въ ярмарочное время, на вершину башни, гдѣ установлены часы, залѣзалъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, ихъ дѣлавшій, руками двигалъ стрѣлку по своимъ карманнымъ часамъ и аккуратно выбивалъ четверти и минуты, но все это продолжалось только до дня и часа смерти мастера. Съ той поры и донынѣ минутная стрѣлка такъ и стоитъ на той самой минутѣ, въ которую мастеру передъ смертью сдѣлалось дурно, и когда онъ оставилъ свой постъ. Теперь уже залѣзть на башню никто не рѣшается, потому что опасно, да и надувать-то теперь уже некого и незачѣмъ, такъ-какъ всѣ очень хорошо знаютъ, какимъ механизмомъ часы эти приводились въ движеніе. Городъ теперь сдѣлался вдругъ чрезвычайно скупо на всякія излишнія издержки, и потому рѣшился, кажется, спокойно выжидать, когда безцѣльная верзила эта грохнетъ сама и раздавить одинъ изъ двухъ ближайшихъ къ ней древнихъ монастырей, монахи которыхъ, дѣйствительно ужъ, по священному писанію, должны и денно, и ношно бѣгать, не вѣдая ни дня, ни часа.

И подобныхъ, совершенно безцѣльныхъ построекъ, на которыя истрачены десятки тысячъ общественныхъ денегъ, нельзя сказать, чтобы у насъ было мало...

Послѣ этого, мудрено ли, что земство наше, гдѣ оно ведетъ дѣло болѣе или менѣе правильно, трясется, какъ скряга, надъ каждой каплей и измышляетъ различные способы, подчасъ совсѣмъ уже ни съ чѣмъ несообразные. Въ недавно-вышедшихъ изъ печати журналахъ послѣдняго казанскаго земскаго собранія помѣщено чрезвычайно интересное предложеніе собранію одного гласнаго, который, кажется, слишкомъ ужъ увлекся въ сущности похвальнымъ желаніемъ сократить издержки земства. Вотъ это оригинальное предложеніе:

Въ видахъ сокращенія расходовъ гласный полагалъ бы упразднить губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, съ передачею дѣлъ его вѣдомству губернской земской управы, упразднить уѣздныя мировыя сѣзды и уѣздныя земскія учрежденія. При этомъ условіи, мировые посредники должны бы остаться въ нынѣ существующемъ количествѣ, подъ названіемъ — земскихъ приставовъ, въ вѣдѣніи губернской управы, и исполняли бы обязанности мировыхъ посредниковъ по общественно-административной части, и исполнительныя, по порученію управы, дѣйствія по земскому хозяйству, замѣняя такимъ образомъ отчасти уѣздныя управы. Производящія у мировыхъ посредниковъ дѣла полицейскаго свойства должны быть переданы въ уѣздную полицію. При этомъ способѣ земство освобождается отъ содержанія дорого-стоющихъ уѣздныхъ управъ. При существованіи только одного губернскаго представительства, число гласныхъ сократится, и, такимъ образомъ, та обязанность, которую крестьяне считаютъ тяжелою повинностью, облегчится въ нѣсколько разъ.

Послѣ преній по этому предмету, большинство гласныхъ признало, что въ настоящее время нѣтъ возможности приступить къ обсужденію этого проекта, клонящагося къ преобразованію мирового института, или совершенному его уничтоженію. Собраніе постановило: 1) заявить правительству о необходимости, въ видахъ облегченія земства, сокращенія мировыхъ участковъ въ Казанской губерніи; 2) ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы мировые посредники опредѣлялись по избранію уѣзднаго земскаго собранія на трехлѣтній періодъ въ одно время съ предсѣдателями и членами уѣздныхъ управъ; 3) предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ постановить свои заключенія о размѣрѣ сокращенія мировыхъ посредниковъ; 4) поручить губернской управѣ препроводить вышеупомянутый проектъ гласнаго въ уѣздныя земскія управы для обсужденія, съ тѣмъ, чтобы заключенія по этому проекту были доложены губернскому собранію въ слѣдующую сессію.

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы которая-нибудь изъ уѣздныхъ управъ согласилась съ такимъ оригинальнымъ предложеніемъ, по-

тому что согласіе съ предложеніемъ здѣсь равносильно съ согласіемъ на самоуничтоженіе. Проектъ этотъ, разумѣется, не заслуживаетъ даже серьезнаго возраженія, потому что, еслибы даже всѣ уѣздныя управы Россійской Имперіи съ нимъ согласились — и тогда бы не былъ приведенъ въ исполненіе; онъ ведетъ не только къ уничтоженію міроваго института, но и къ уничтоженію вообще земскихъ учрежденій въ настоящемъ ихъ видѣ. Еслибы на подобныя проекты смотрѣли не какъ на забаву праздной дворянской фантазій, то я бы, съ своей стороны, тоже предложилъ новый проектъ: уничтожить губернское присутствіе и мировыхъ посредниковъ и губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ управъ, а предоставить домашнія распоряженія самимъ волостямъ, какъ знаютъ. Тогда бы управленіе обошлось еще дешевле, чѣмъ по предложенію гласнаго, а между тѣмъ самоуправленіе было бы несравненно полнѣе и совершеннѣе.

Земство нѣкоторыхъ другихъ губерній стремится къ той же цѣли, то-есть къ пополненію дефицита, но совѣмъ иными путями. Оно мечтаетъ не только о сокращеніи издержекъ, которыя въ общественныхъ крайне-разстроенныхъ дѣлахъ не всегда возможны, но и объ увеличеніи производства, хотя въ будущемъ. Замѣтивъ страшный недостатокъ у насъ въ людяхъ, съ болѣе или менѣе основательными техническими знаніями, испытывая на себѣ невыгоды и неудобства при всякомъ новомъ, самомъ даже ничтожномъ, предпріятіи выписывать непременно нѣмца или англичанина, за отсутствіемъ знающихъ людей, — земства шести губерній обратились къ правительству съ ходатайствомъ: преобразовать существующія классическія гимназій въ реальныя. Теперь въ большинствѣ земскихъ людей замѣчается сильное раскаяніе, почему они не пользовались представившимся еще такъ недавно случаемъ, когда правительство спрашивало у нихъ, какихъ они шволь хотятъ: классическихъ, или реальныхъ? Теперь они ясно видятъ, что классическое образованіе хорошо и удобно было до уничтоженія крѣпостнаго состоянія, а не теперь, когда въ распоряженіи осталась одна лишь голая истощенная земля, которую нужно умѣть обработать, и грубые дары скупой сѣверной природы, изъ которыхъ нужно умѣть извлекать пользу, чему не научать ни Цицеронъ, ни Виргилій, ни Софокль. Земство шести губерній ходатайствовало, чтобы изъ реальныхъ гимназій дѣти ихъ могли вступать въ высшія учебныя заведенія, и въ общія и въ спеціальныя безпрепятственно, какъ и изъ классическихъ, но, однакожъ, получило въ томъ рѣшительный отказъ. Земству было поставлено на видъ, что не его дѣло вмѣшиваться въ организацію среднихъ учебныхъ заведеній, что оно имѣетъ вліяніе только лишь на народныя школы, да и то больше въ хозяйственномъ отношеніи, открывая на свой счетъ училища и снабжая учителей жалованьемъ и всѣмъ нужнымъ. Съ грустью поняло теперь земство свою недавнюю ошибку, но что жъ дѣлать? Локоть и близокъ, да не укусишь! Хотя въ гимназіяхъ учатся и

собственными свои дѣти, но все-таки ничего тутъ не подѣлать, если не дано права вмешиваться.

Впрочемъ, какъ бы въ утѣшеніе земству, можно замѣтить, что теперь ходятъ слухи, болѣе или менѣе вѣроятныя, о пересмотрѣ существующаго устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Говорятъ, что въ скоромъ времени откроется нѣсколько новыхъ реальныхъ гимназій, въ которыхъ естественныя науки будутъ преподаваться по болѣе обширной программѣ, чѣмъ въ прежнихъ. Говорятъ, будто уѣздныя училища получатъ такое устройство, что образованіе, въ нихъ полученное, будетъ даже кое въ чему приложимо, чего теперь рѣшительно не замѣчается.

Но это все еще въ будущемъ; въ настоящемъ же въ отечествѣ нашемъ надъ всѣмъ преобладаетъ классицизмъ, который распространяется все далѣе и далѣе, отъ границъ съ Западной Европою до Киргизскихъ степей и отъ Ледовитаго океана до Кавказскихъ горъ. Въ минувшемъ мѣсяцѣ получено извѣстіе изъ Ставрополя, что тамъ отстроена, наконецъ, гимназія, стоявшая правительству до 240,000 рублей и, что эта гимназія, какъ чисто ильсическая, отпраздновала свое новоселье *спектаклемъ на латинскомъ языкѣ*. Не сказано только, какую именно трагедію, или комедію давали на этомъ спектаклѣ; вѣроятно ужъ не изъ современныхъ, потому что едва-ли удобно на мертвомъ языкѣ передавать живыя вещи.

Только неуспѣхомъ ходатайства о реальныхъ школахъ и можно себѣ объяснить возможность появленія предложеній, подобныхъ казанскому, по которому члены губернской управы должны превратиться въ чиновниковъ съ громаднымъ влияніемъ на всѣ дѣла губерніи, а несчастные мирные посредники — въ какихъ-то квартальныхъ надзирателей, которые постоянно должны мѣшаться по своимъ участкамъ, по предписанію всеисильной губернской управы! Тогда, дѣйствительно, наступятъ времена полнаго самоуправленія, въ особенности если мы припомнимъ, что въ губернскую управу избираются члены изъ губернскихъ гласныхъ, а въ губернскіе гласные избираются только лишь зажиточные дворяне-землевладѣльцы.

Д.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются
слѣдующія книги

В. В О Д О В О З О В А:

**I. Обзоръ книгъ и руководствъ для
общаго образованія.**

	Р. К.
1. Естественная исторія	— 25
2. Практическая славянская грамматика . .	— 70
3. Разказы изъ русской исторіи	
выпускъ 1-й.	— 40
выпускъ 2-й	— 60
4. Словесность въ образцахъ и разборахъ. . .	1 25
5. Новая русская литература.	1 25

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НОВОСТИ у М. БЕРНАРДА,

поставщика Двора Его Императорскаго Величества,
коммиссіонера придворной пѣвческой капеллы, въ С.-Пе-
тербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

Пѣсни русскаго народа для одного голоса съ аккомпанементомъ фортепіано, собранныя и аранжированныя М. Бернардомъ. Въ 4-хъ отдѣленіяхъ 140 пѣсень. Новое, переѣланное изданіе (6 р.).

115 **малороссійскихъ пѣсень** для одного голоса съ аккомп. фортепіано аранжированныхъ С. Карленко (Васильковскій соловей Кіевской Украйны) (7 р.).

Собраніе малороссійскихъ народныхъ пѣсень аранжировалъ для одного голоса съ аккомп. фортепіано А. Едличка. 2 части, въ каждой по 50 избранныхъ пѣсень (каждая часть 4 р.).

Собраніе русскихъ народныхъ пѣсень, переложенныхъ на четыре голоса съ аккомп. фортепіано или скрипки, альта и виолончели П. Вороницынъ. Партитура и голоса. 2 выпуска (каждый 8 р.).

125 **русскихъ народныхъ пѣсень**, аранжированныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. Собраніе I. Новое, переѣланное изданіе (3 р.).

125 **русскихъ народныхъ пѣсень**, аранжированныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. Собраніе II. Эта колекція содержитъ въ себѣ избранныя великороссійскія, малороссійскія и цыганскія пѣсни. Новое, переѣланное изданіе (3 р.).

100 **малороссійскихъ народныхъ пѣсень**, переложенныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. 2 части (каждая 2 р.).

100 **русскихъ народныхъ пѣсень**, переложенныхъ для одной скрипки М. Бернардомъ (2 р.).

100 **малороссійскихъ народныхъ пѣсень**, переложенныхъ для одной скрипки А. Киндингеромъ. 2 части (каждая 2 р.).

125 **русскихъ и цыганскихъ пѣсень**, аранжированныхъ для одной флейты П. Чиарди (8 р.).

73 **любимыхъ русскихъ романсовъ и пѣсень**, переложенныхъ для гармонифлейты М. Бернардомъ. 6 тетрадей (каждая 1 р.).

100 **самыхъ любимыхъ русскихъ романсовъ** Алабьева, Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Дерфельда, Контскаго, кн. Кочубей, Пауфлера, Ромберга, Титова, Яковлева и др., переложенныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. 10 тетрадей, въ каждой по 10 избранныхъ романсовъ (каждая тетрадь 1 р.).

Для одного фортепіано.

Voss. Trois airs russes. Op. 291. № 1. Какъ сладко съ тобою мнѣ быть. № 2. Не брани меня родная. № 3. Ее ужъ нѣтъ (каждый 1 р.).
Airs russes transcrits et variés. Op. 232. № 1. Air de l'opéra. Живая за Цара. № 2. Шестнадцать лѣтъ. № 3. Матушка голубушка. № 4. Пѣснь цыганин. № 5. Хуторокъ. № 6. Ахъ ты время времячко (каждый 1 р.). Скажите ей. Романсъ кн. Кочубей (75 к.). Овъ меня разлюбавъ. Романсъ Н. И. Пашкова (75 к.). Тройна. Paraphrase (60 к.). Ты не повѣршишь (60 к.).

Шубертъ. Букетъ изъ русскихъ пѣсень. Поцурри, исполненный оркестромъ г. Страусса. Въ двѣ руки (1 р. 50 к.). Въ четыре руки (2 р.).

Schadek. Остѣлавъ коня. Romance de Warlamoff (85 к.).

Schulhoff. Morceau caractéristique sur des mélodies bohémiennes-russes. Op. 46 (1 p. 80).

Наско. Album russe. 12 fantaisies élégantes sur des airs russes et bohémiens. № 1. Не бѣлы снѣга. № 2. Сарафанчикъ. № 3. Ахъ вы сѣни. № 4. На зарѣ ты ее не буди. № 5. Ивушка. № 6. Ахъ ты думетка. № 7. Долгущина. № 8. Выйдуль я на рѣченьку. № 9. Ты же мой соловей. № 10. Черный цвѣтъ. № 11. Соловей и вѣтка. № 12. Лучинюшка (каждый 60 к.). Deux fantaisies élégantes: № 1. Любушка (1 p.). № 2. Ангель (1 p.).

Meuser. Боже царя храни! Grande fantaisie (1 p.).

Mauser. Deux chansons: № 1. Нѣтъ онъ меня не любитъ. № 2. Не хочу, не хочу (каждый 1 p.).

Loeschhorn. Mélodies russes transcrites: № 1. Пѣснь сироты изъ оперы Жизнь за Царя. № 2. Думетка дѣвица. № 3. Ты скоро меня позабудешь (каждый 1 p.).

Контский. Соловей. Импровизація (1 p. 50 к.). Grande fantaisie sur des airs russes (1 p. 50 к.). Чародѣйка. Любимый вальсъ (85 к.). Забудь весь мѣръ. Мазурка (60 к.).

Карпенко. Жаворонокъ кievскихъ полей. Попурри изъ малороссійскихъ пѣсенъ (75 к.).

Кажинский. 6 небольшихъ фантазій: № 1. Не бѣлы снѣга (60 к.). № 2. Во саду ли въ огородѣ (60 к.). № 3. Ивушка (60 к.). № 4. Столетъ сизый голубчикъ (75 к.). № 5. Во полѣ береза стола (75 к.). Лучинюшка (75 к.).

Goria. Chants du nord. Airs russes transcrits: № 1. Вотъ на пути село большое. № 2. Трío изъ оперы Жизнь за Царя. № 3. Отгадай мой родня (каждый 1 p.).

Bernard. Hommage à la jeunesse. Six romances transcrites: № 1. Скажите ей. № 2. Матушка голубюшка. № 3. Нѣтъ онъ меня не любитъ. № 4. Хочешь что ли моя радость. № 5. Онъ меня разлюбилъ. № 6. Ты не повѣришь (каждый 50 к.).

При этомъ магазинѣ находится складъ новыхъ изданій классической музыки и оперъ по чрезвычайно дешовымъ цѣнамъ. Каталогъ оныхъ высылается по требованію.

Выписывающіе воть на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодой этой пользуются тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Берварда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной пѣвческой капеллы, дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ и сочиненій, изданныхъ самими авторами, цѣны которыхъ прайсъ и за пересылку вонкъ прилагается особо.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го іюня шестая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувелистъ» (годъ XXX), содержащая въ себѣ новѣйшія сочиненія: *Вгарда, Бенделла, Лизнера, Бера, Вагтмана* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Родовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 12 р.). Желающіе подписаться, получаютъ всѣ вышедшія тетради журнала.

Вновь получены: *роликъ, пианино берлинской фабрики Зейлера, скрипки, флейты, флейты, гармонифлейты, фисгармоники, аккордеоны, виолы, ментреноны* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дешево лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ А. БИТНЕРА,

На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДѢЛО ВЪ РОССИИ

ДУХОВНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЗНАМЕНИТАГО МАСТЕРА
АНТУАНА КУРТУА, ВЪ ПАРИЖѢ.

Корнетъ съ пистонами въ Б., со всѣми кронами.....	70 руб.
» » » Ц., Эсъ и Асъ по.....	65 »
Альто (obligat) 60 руб.; Труба отъ 45 до.....	75 »
Тромбонъ-альт 60 руб.; Тромбонъ-теноръ.....	65 »
Тромбонъ-басъ 65 руб.; Баритонъ въ Б.....	90 »
Басъ въ Б. 90 руб.; Басъ въ Эсъ.....	100 »
Контра-басъ въ Эсъ или В по.....	150 »
Вальторны со всѣми кронами.....	90 »
Всѣ инструменты въ новомъ камертонѣ (Diapason normal) и съ хоро- шими лѣвками.	
Гармониволетъ въ 3, 3 $\frac{1}{2}$ и 4-хъ окт. по 50, 60, 65, 70 и	85 руб.
Педалъ къ онымъ.....	10 »
Фисгармоника (органъ-гармоніумъ) фаб. Александръ, въ Парижѣ, безъ регистровъ.....	120 »
» (органъ-мелодиумъ) съ 10 рег. (2 $\frac{1}{2}$ jeux à percussion).....	250 »
» » съ 14 регистр. (4 jeux à percussion).....	350 »
Флейты мастера Циглера, тренадильеваго дерева, съ 12-ю кла- панами, новаго серебра, съ футляромъ.....	60 »
Гитары вѣнскія, семиструнныя, съ футляромъ.....	40 »
» » шестиструнныя, съ футляромъ.....	30 »

Инструменты известнаго фортепьяннаго мастера Бека.

Концертный рояль, 7 окт., палисандроваго дерева 550 руб.; упаковочн.-
15 р. Кабинетный рояль, 7 окт., палисандр. дерева 400 р.; упаковочка 12 р.
Зейлера, въ Дрезденѣ: Шанно, въ 7 окт., палисандр. дерева 375 руб.
За прочность инструментовъ ручаются. Заказы будутъ исполнены съ
точностью, на упаковку и доставку будетъ обращено особенное вниманіе.
Всѣ эти инструменты удостоены на лондонской всемірной выставкѣ въ
1862 году серебряной медалі.

Парижскіе метрономы (J. Wagner, neveu) 10 рублей съ пересылкою
» » съ колокольчикомъ 12 »

Сочиненія солиста Его Величества В. Вурма.

Первоначальное упражненіе для Корнета въ тонѣ Ц. Ж. Ф. и Баритона.
Первоначальное упражненіе для Баса въ тонѣ Ц.
Этюды для Корнета или Баритона 3 р.

40 квартетовъ различныхъ композировъ, аранжированные для 2 Кор-
нетовъ въ Si b., одного Корно-Альто въ Mi b. (или 3-го Корнета въ
Si b) и Баса 8 р.

Для Корнета съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

Schorer, В. Six morceaux caractéristiques. № 1 Herbsalied 1. № 2 Mazur-
ka 75. № 3 Romanze 75. № 4 Sérénade 60. № 5 Polonaise 75. № 6
Élégie 75.

ИТАЛЬЯНСКІЯ СТРУНЫ ЛУЧШАГО ДОСТОИНСТВА.

КВИНТЫ неаполитанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя р. к
за бунтъ 6 р., за струну..... — 25
КВИНТЫ падуанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя, за
бунтъ 7 р., за струну..... — 30

	Р. К.
СЕКУНДЫ за бунтъ 6 р., за струну.....	— 25
ТЕРЦІЙ за бунтъ 7 р., за струну.....	— 30
1 БАСОКЪ скрипичный.....	— 25
1 БАСОКЪ скрипичный, серебряный или шлифованный.....	— 60
1 АККОРДЪ струнъ для АЛЬТА.....	1 —
1 струна G для АЛЬТА.....	— 25
1 » C » ».....	— 30
1 АККОРДЪ струнъ для ВІОЛОНЧЕЛИ.....	1 75
1 струна А для ВІОЛОНЧЕЛИ.....	— 30
1 » D » ».....	— 50
1 » G » ».....	— 50
1 » C » ».....	— 75
1 » невитая для КОНТРБАСА.....	1 45
1 » витая » ».....	2 85
1 АККОРДЪ струнъ для шестиструнной ГИТАРЫ.....	1 50
1 » » семиструнной ».....	1 70
1 БАСОКЪ вънскій для ГИТАРЫ.....	— 25
СТРУНОМЪБРЫ въ футлярахъ.....	1 50

Танцы для фортепiano въ 4 руки.

№ 1. Nachtfalter. Walzer, op. 157 1 r. 50 c. № 2. Juristen Ball-Tänze, op. 177 1 r. 50 c. № 3. Sans souci-Polka, op. 178 60 c. № 4. Etwas Kleines. Polka, op. 190 75 c. № 5. La berceuse. Quadrille, op. 199. 1 r. № 6. Künstler Quadrille, op. 201 1 r. № 7. L'enfantillage. Polka, op. 202 75 c. № 8. Vibrationen. Walzer, op. 204 1 r. 50 c. № 9 Reussen-Polka, op. 215 75 c. № 10 Drollerie Polka, op. 231 75 c. № 11. Orpheus-Quadrille, op. 236 1 r. № 12. Accelerationen. Walzer, op. 238 1 r. 50 c. № 13. Nouvelle Satanella-Polka, op. 242 75 c. № 14. Trot-Polka, op. 244 75 c. № 15. Wahlstimmen-Walzer, op. 250 1 r. 50 c. № 16. Hommage. Quadrille, op. 251 1 r. № 17 Sträuschen-Polka, op. 256 75 c. № 18. Bigolboche. Quadrille, op. 258 1 r. № 19. Colonnen Walzer, op. 262 1 r. 50 c. № 20. Ballo in Machera. Quadrille, op. 269 1 r. № 21. Frühlingsbotschaft. Walzer, op. 270 1 r. 50 c. № 22. Morgenblätter. Walzer, op. 279 bis 1 r. 50 c. № 23. Persischer Marsch, op. 288 75 c. № 24. Bauern-Polka, op. 276 75 c. № 25. Zehn Mädchen und kein Mann. Quadrille 1 r. № 26. Lebenswecker. Walzer, op. 232 1 r 50 c. № 27. Aus den Bergen. Walzer, op. 293 1 r. 50 c. № 28. Flugschriften. Walzer, op. 300 1 r. 50 c. № 29. Thermen Walzer, op. 245 1 r. 50 c. № 30. La belle Hélène. Quadrille 1 r. № 31. L'Africaine. Quadrille 1 r. № 32. Wiener-Bombon. Walzer, op. 307 1 r. 50 c. № 33. Donau Klänge. Walzer, op. 315 1 r. 50 c. № 34. Künstler-Leben. Walzer, op. 318 1 r. 50 c.

Новѣйшіе танцы для фортепiano въ 2 руки Иогана Штрауса.

Donau-Klänge (An der schönen blauen Donau). Walzer. op. 315. 1 r.;
 Telegramme. Walzer. op. 316. 1 r.;
 Frauenlob. Polka-Mazurka. op. 317. 60 c.;
 Künstler Leben. Walzer. op. 318. 1 r.;
 Liechtes Blut. Polka. op. 319. 60 c.;
 Postillon d'amour. Polka. op. 320: 60 c.;
 Figaro-Polka. op. 321. 60 c.;
 Die Publicisten. Walzer. op. 321 bis 1 r.;
 Vitarella (Stadt und Land. Polka-Mazurka). op. 322. 60 c.;
 Ein Herz, ein Sinn. Polka-Mazurka. op. 323. 60 c.;
 Unter Donner und Blitz. Polka. op. 324. 60 c.;
 Geschichten aus dem Wienerwald. Walzer. op. 325. 1 r.;
 Freikugeln. Polka. op. 326. 60 r.;
 Sängerkunst. Polka. op. 328. 60 c.;
 Fata-Morgana. Polka-Mazurka. op. 330. 60 c.;
 Illustrationen. Walzer. op. 331. 1 r.;
 Wein, Weib und Gesang. Walzer. op. 333. 1 r.;
 The Promenade. Quadrille. 75 c.;
 The Festival. Valze anglaise 1 r.;
 Schützen-Quadrille. 75 c.

Также всѣ сочиненія Иогана Штрауса для оркестра и фортепiano.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и гдѣ бы то ни было издаванныя или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоюходящею почтою.

А. Виткеръ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

С. В. ЗВОНАРЕВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ
Анчкова двorca, д. № 64 (Меншикова),

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Путешествіе по Сѣверовосточной Африкѣ или по странамъ, подвласт- нымъ Египту: Судану, Нубіи, Сеннару, Россересу и Кордафану. Сочин. д-ра Эдмунда Брема, члена императорской леопольдино-королинской академіи. Перев. со 2-го изд. Спб. 1869. Ч. 1-я, съ подпискою на 2-ю и 3-ю. Ц. 3 р. 50 к.

Практическое руководство къ изученію женскихъ болѣзней. Сочин. Ф. Чёрчиля, проф. акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней въ Дублинѣ. Пер. съ 5-го изд. Н. Кристофъ. Вып. 3-й. М. 1869. Ц. 2 р. Вып. 1-й 4 р., вып. 2-й 3 р.

Утилитаріанизмъ. О свободѣ. Джо- на-Стюартъ Милля. Пер. съ англійск. А. Н. Невѣдомскаго. Спб. 1869. Ц. 1 р. 50 к.

Подлинная исторія маленькаго оборыша. Романъ Джемса Гринвуда. Пер. Марко-Вовчка. Спб. 1869. Ц. 2 р.

Разсказы лѣснаго охотника о стрѣльбѣ глухарей, полевыхъ тетере- вей и рябцевъ. М. 1869. Ц. 75 к.

Руководство для судебныхъ слѣ- дователей, или прокурорскаго над- зора, судебныхъ врачей и полиціи. Сост. и издалъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго А. Т. М. 1869. Ц. 1 р. 50 к.

Осьмнадцатый вѣкъ. Историче- скій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартевевымъ. Книга 3-я. М. 1869.

Ц. 3 р. Кн. 1-я 2 р. 50 к.; кн. 2-я 3 р. 50 к.

Картины изъ жизни насекомыхъ. Сост. А. Ганине. Съ 174 рис. Спб. 1869. Ц. 2 р. 50 к.

Основанія анатоміи и физиологіи растений. Д-ра Ф. Унгера, проф. вѣн- скаго университета. Пер. М. Рабино- вича. Съ 116-ю политинаж. М. 1869. Ц. 1 р. 50 к.

Практическій курсъ флорки для мужскихъ бреднихъ учебныхъ заведе- ній, женскихъ институтовъ и гимназій, и вообще для людей, неимѣющихъ пред- варительныхъ свѣдѣній въ математикѣ. А. Гано. Съ 339 гравюрами и черте- жами въ текстѣ. Пер. и изд. Николай Вѣднй. 3-е изд., исправленное и до- полненное. Одесса. 1869. Ц. 2 р. 50 к.

Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣт- ное путешествіе. Сочин. Жюль Верна. Перев. Марко-Вовчка. Съ 172 рисунк. г. Ріу. Ц. 4 р.

Словарь особенныхъ словъ, фразъ и оборотовъ англійскаго народнаго язы- ка и употребительнѣйшихъ америка- низмовъ, не введенныхъ въ обыкновен- ные словари; настольная книга для изу- чающихъ англійскій языкъ, для пере- водчиковъ и читателей англійскихъ литературныхъ произведеній. Состав. В. Бутузовъ. Изд. С. В. Звонарева. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ ЧЕШСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Соч. Томка. Перев. съ чешскаго подъ редакціею В. Яковлева.

Спб. 1868. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. СОЧ. А. ЧЕРКАСОВА.

БОЛЬШОЙ ТОМЪ, СОРОКЪ ПЯТЬ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ, ВЪ 8-Ю ДОЛЮ,
СЪ РИСУНКАМИ. ИЗДАН. С. В. ЗВОНАРЕВА. Ц. 3 РУБ.

Заключающіа въ себѣ: многогори замѣчанія, касающіяся собственно техни-
ческой части охоты; описаніе различныхъ звѣрей, обитающихъ въ необъятныхъ
лѣсахъ и степяхъ восточной Сибири, также способы добыванія ихъ всевоз-
можнымъ образомъ, съ показаніемъ устройствъ употребляемыхъ для того
охотничьихъ снастей, и некоторыя замѣчанія о сибирской природѣ и сибир-
скихъ охотникахъ, съ ихъ бытомъ, суевѣрїями и привычками.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЯ ВРЕМЕНИ (1789—1795).

СОЧИНЕНІЕ ГЕНРИХА ЗИВЕЛЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Ососова и А. Пугача. Два
большихъ тома (4 части, 1,400 стр.). Спб. 1863—1867 гг. Ц. 6 р. Въ отдѣльной
продажѣ. Ц. 2-й ч. 1 руб. 75 коп.; 3 й ч. 1 руб. и 4-й (последней) 1 руб. 75 коп.
Часть 1-я отдѣльно не продается.

ПОДЛИПОВЦЫ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(изъ жизни бурлаковъ)

Въ 2-хъ ч. Соч. Ѳ. Рѣшетникова. Изд. С. В. Звонарева. Ц. 1 р.

Жители городовъ, расположенныхъ при судоходныхъ рѣкахъ, часто слу-
чается видѣть рабочихъ, но едва ли кому извѣстенъ бытъ бурлаковъ, зани-
мающихся почти всю жизнь сплавомъ барокъ внизъ по рѣкамъ Чусовой, Камы
и Волги. Поэтому, авторъ, въ очеркѣ «Подлиповцы», со всею правдивостью,
ясностью и безъ всякихъ прирасъ изложилъ передъ читателями жизнь бѣд-
ныхъ людей сѣверовостока европейской Россіи. Въ первой части изображены
картины мѣстности, обитаемой Пилой и Сысойкомъ, ихъ нравы, обычаи, пре-
стота, семейная жизнь, сложившіяся своеобразно, наконецъ — единственная
возможность избавиться отъ гнетущей ихъ жизни — желаніе быть бурлаками
и походъ за этимъ. Во второй части изображены картины бурлацкой жизни
во всей ея наготѣ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ
водой. Путешествіе подъ волнами
океана. Соч. Жюль Верна. Со множе-
ствомъ рисунковъ художника Рю. Пер.
Марко-Вовчка.

Надсудгѣ. Соч. Е. А. Россмеслера.
Со многими политическими въ текстѣ.
Пер. съ нѣмецкаго.

Приключенія капитана Гаттераса.

Необыкновенное путешествіе. Сочине-
ніе Жюль Верна. Съ 259 рисунками
париж. худ. Рю. Пер. Марко-Вовчка.

Исторія черепуры доброй собаки.
Соч. Шервиля. Перев. Марко-Вовчка.

Съ 54 рис. париж. художника Ангрѣ.

Сочиненія Марко-Вовчка. Томъ
второй. Разсказы изъ русскаго народ-
наго быта.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1869 г.

(По ~~списку~~ нумераціи тома CLXXXIV)

И М А И № 5.

	ОТРАИ.
ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢТЯСЯ. Романъ Виктора Гюго. <i>Часть вторая</i>	1
ПОѢЗДКА ВЪ ИСПАНІЮ. VIII—IX. Э. Д.	1
НАРОДНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ И НЕСЧАСТІЯ. (<i>Окончаніе третьей части</i> : VIII. Преступники противъ казны. IX. Преступники противъ семейныхъ правъ). С. В. Максимова	27
СВОИМЪ ПУТЕМЪ. (Изъ записокъ современной дѣвушки). <i>Часть вторая</i> . Л. Ожигиной.	58
ЭВАНГЕЛИНА. Акадѣйское преданіе. (Изъ Лонгфелло). П. И. Вейнберга	89
ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ДИКІЯ ПЛЕМЕНА	107
СОНЕТЪ. Л. Гр.	170
ИГРА ВЪ ПОТРАВУ. Сцены въ трехъ картинахъ. Дмитрія Волкова	171
АББАТЬ ПОЛИНЬЯКЪ И ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ. (Историческій разсказъ). Пр. В. Вильбасова	189
ЧЕРНО-ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ. Романъ Альфреда Мейснера. <i>Окончаніе второй части</i> (въ концѣ книги, въ приложеніи).	185—244

ИЮНЬ № 6.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢТЕТСЯ. Романъ Виктора Гюго . <i>Часть третья</i>	1
СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ. (Письма въ Щигровскій уѣздъ). Е. Маркова	225
АББАТЪ ПОЛИНЬЯКЪ И ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ. (Историческій рассказъ). Пр. В. Вильбасова	251
БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ЯНКЕЛЯ ДВОРКИНА И ЕГО СЕМЕЙСТВА. (Очеркъ современнаго быта евреевъ). С. Рѣшетникова	289
ПѢСНЯ О ГАЙАВАТЪ. Поэма Лонгфелло. (<i>Окончаніе</i>). Д. Михаловскаго	331
ЦИВИЛИЗАЦІЯ И ДИКІЯ ПЛЕМЕНА	395
СВОИМЪ ПУТЕМЪ. (Изъ записокъ современной дѣвушки). <i>Часть третья</i> . Л. Ожигиной	415
ЗАМОКЪ БОНКУРЪ. (Изъ Шамиссо). <i>Стихотв.</i> П. Вейнберга	455
ЧЕРНО-ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ. Романъ Альфреда Мейснера . <i>Часть третья</i> (въ концѣ книги, въ приложеніи). 245—276	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ № 5.

ПО ПОВОДУ «РУССКИХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССОВЪ». (Изд. Александра Любавскаго . Тома I—V. Спб. 1866—1868). <i>Статья вторая</i> . Ник. Михайловскаго	1
НОВЫЯ КНИГИ. — Курсъ общей педагогикѣ, съ приложеніями. П. Юркевича . — Эдуардъ Лабулэ. Новыя сказки, рисунки Жана д'Аржана. Изд. Н. И. Ламанскаго . — Эдуардъ Лабулэ. Арабскія и турецкія сказки. Т. I. — Раскольники и острожники. Очерки и рассказы, сочин. Фед. Вас. Ливанова . — Духовныя жены, сочиненіе Вильяма Диксона , въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго В. Зайцева . — Святая земля, сочиненіе Вильяма Диксона . Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Н. С. Кутейникова , съ присоединеніемъ плана	

Иерусалима. Изданіе <i>Протопопова</i> . Исторія политическихъ ученій. <i>В. Чичерина</i> . Часть I. Древность и средніе вѣка. — Очеркъ практической педагогикки. Сочиненіе д-ра <i>Ф. Диттеса</i> , изд. <i>Д. Е. Кожанчикова</i> . — Театральныя болота. Хроника-романъ въ трехъ частяхъ. Книга первая. Жизнь и воспитаніе въ театральномъ училищѣ. — Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала. Разсказъ въ діалогахъ въ 4-хъ эпохахъ и 5-ти частяхъ	45
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — МРАЧНЫЯ КАРТИНЫ. III. Джемъ Гринвудъ.	80
НОВОСТИ ПО ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ.	118

І Ю Н Ъ № 6.

УЛИЧНАЯ ФИЛОСОФІЯ. (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрывъ»)	127
ЖЕНСКІЕ ТИПЫ ШПИЛЬГАГЕНА. <i>М. Цебриковой</i>	160
НОВЫЯ КНИГИ: Картины прошедшаго. Писалъ съ натуры <i>А. Сухово-Кобилитъ</i> . — Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Изданіе <i>В. Крылова</i> . — Стихотворенія <i>Н. Пушкиарева</i> . — Голосъ изъ земства. Выпускъ 1-й. <i>А. Кошелева</i> . Изданіе въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда. — Причины болѣзней. Врача <i>Веніамина Португалова</i> . — Джонъ-Стюартъ Милль. Утилитаризмъ. О свободѣ. Переводъ съ англійскаго. <i>Н. Невдомскаго</i> . — Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. <i>Константина Тимофеева</i>	218
МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ: Нѣсколько словъ объ участи оперы «Вильямъ Рателифъ» и о причинахъ устраненія г. Балакирева отъ званія капельмейстера русскаго музыкальнаго общества	257
НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА: О томъ, какъ у насъ дѣлыя губерніи ликують и входятъ въ энтузіазмъ по поводу введенія въ нихъ судебной реформы, и почему одни только мужики не ликують вмѣстѣ съ прочими. — Сравнительное описаніе торжества открытія новыхъ судовъ по официальнымъ и неофициальнымъ источникамъ. — Описаніе открытія суда въ Нижнемъ-Новгородѣ	

дѣ.—Дѣло о генеральшѣ Хомутовой и о сводномъ браг-
дѣ ея превосходительства, итальянцѣ Борресани, раз-
сказанное съ цѣлью уважить на искусство г. Ломви-
каго. — Ничто о выставкахъ вообще и о нашей меж-
дународной выставкѣ садоводства въ особенности. Из-
держки на выставку не могутъ считаться непроезди-
тельными, потому что у насъ пропасть дѣлалось из-
держекъ еще болѣе непроездибельныхъ. — О загадоч-
ной Нижегородской башнѣ. — Оригинальное предложе-
ніе земскому собранію казанскаго гласнаго относительно
сокращенія земскихъ расходовъ и вообще о безплод-
ныхъ земскихъ ходатайствахъ 269

ЧЕРНО-ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VAE VICTIS,

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ИСЧЕЗАЮТЪ ЛЮДИ И ПОЛИЦЕЙСКІЯ ПРЕДПИСАНІЯ.

Бруно не могъ избрать болѣе неблагоприятнаго времени для своего возвращенія въ Австрію.

То было время, когда всюду забродивалось подозрѣніе, всюду кишело шпіонство, когда полиція жадно хватала каждую попадавшуюся ей жертву.

Одна изъ лучшихъ гостиницъ Вѣны была еще ярко освѣщена, несмотря на позднее время; со всѣхъ сторонъ слышался говоръ различныхъ голосовъ, лакеи пробѣгали взадъ и впередъ, бильярдные шары катились по зеленому сукну.

Нѣсколько поодаль отъ прочихъ, сидѣла группа журналистовъ и литераторовъ. Эта гостиница была наиболѣе посѣщаемая избранниками Аполлона; тутъ не только выписывалось множество газетъ и журналовъ, но даже и обер-кельнеръ имѣлъ литературныя наклонности. Лотаръ былъ расположенъ къ писателямъ; онъ имъ усердно служивалъ, онъ зналъ кто какую газету читаетъ, кто какими статьями интересуется, о чемъ идетъ рѣчь въ данную минуту. За это о Лотарѣ ходили странные слухи: одни говорили, что онъ шпіонъ, другіе — что ростовщикъ и вообще продажная душа. Но все это были слухи — смиренное лицо услужливаго и расторопваго кельнера не выражало никакого коварства.

На часахъ пробило десять. Двое литераторовъ сосредоточенно сидѣли за шахматами; третій читалъ газету; четвертый, курия свою сигару, угрюмо смотрѣлъ на бильярдныхъ игроковъ.

Въ это, читателю незнакомое общество, вошелъ совершенно неожиданно Граувакъ.

Онъ былъ въ дорожномъ платьѣ и повидимому очень утомленъ.

Самые юные изъ присутствующихъ литераторовъ, Ситтичь и Роръ, фельетонистъ, встрѣтили Граувака съ почтеніемъ, подобающимъ его талантамъ.

— Наконецъ-то мы снова узрѣли васъ, воскликнулъ Роръ. — Я думалъ, вы въ столицѣ наслаженій, въ Парижѣ. Я завидовалъ вамъ!

— Ну, завидовать-то положимъ нечему, возразилъ Граувакъ, садясь.

— Гдѣ жъ вы были? Ваши похождения, пожалуй, могутъ послужить матеріаломъ для какой-нибудь пикантной замѣтки въ слѣдующемъ фельетонѣ, а?

— Мое путешествіе самое прозаическое въ свѣтѣ. Я таскался по богемскимъ лѣсамъ и деревнямъ.

— Поздравляю, что выбрались живы и невредимы! сказалъ Ситтичь. — Я воображаю, что это такое теперь, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ! Чего искали вы въ дикомъ краю Карла Моора? Изучали, подобно Рилу, страну и людей? Не скажу, чтобы время года особенно этому благоприятствовало!

— Я ѣздилъ въ Богемію провѣдать родственницу, тещу...

— Конечно, старую и богатую?

— Нѣтъ, капиталисты не произрастаютъ въ нашей семьѣ.

— Такъ вы были въ Богеміи, въ Прагѣ? Ну, что тамъ творится? Какъживаетъ богемскій левъ?

— Согласно обстоятельствамъ: лежатъ на брюхѣ и перевариваетъ досаду.

— Мудрѣйшій человекъ не могъ бы поступить иначе. А вы что на это скажете?

Кельнеръ Лотаръ подошелъ къ разговаривающимъ.

— Г. Грауваку, можете быть, угодно взглянуть на газеты?

— Благодарю васъ, я сегодня ничего не буду читать! Принесите стабанъ горячаго кофе, отдалъ Граувакъ.

Спустя нѣсколько минутъ Лотаръ принесъ кофе, и кромѣ того, газету.

— Г. Граувакъ, если не ошибаюсь, предпочитаетъ эту газету? сказалъ онъ.

Онъ подаль газету, въ которой помѣщались корреспонденціи Граувака.

— Вы воплощенная внимательность! сказалъ Граувакъ — Благодарю.

Лотарь ушелъ.

— Отличный вельнеръ, этотъ Лотарь! сказалъ Роръ.

— Слишкомъ любознательнъ для своей должности. Совѣтую вамъ быть поосторожнѣе, когда онъ шныряетъ у стола.

Разговоръ перешелъ на другія личности, коснулся вопросовъ болѣе живыхъ. Граувакъ понемногу воодушевился и сталъ высказываться прамѣ и откровеннѣе.

Иные улыбались на его слова, другіе казались недовольными; Граувакъ, увлекаясь, становился все рѣзче. Собесѣдники начинали ежиться.

— Вы возвратились издалека, сказалъ одинъ: — и смотрите на все какъ изгнанникъ, съ озлобленіемъ. Вотъ насъ тутъ болѣе десятка, и никого изъ насъ не преслѣдуютъ. Что жъ, по вашему, мы всѣ ретрограды и консерваторы, потому что полиція оставляетъ насъ въ покоѣ? Вы напрасно воображаете, что въ Австріи такой гнетъ. Свобода...

— Вотъ тайное полицейское предписаніе, перебилъ Граувакъ, доставая изъ карманной книжки бумагу: — прочтите, а потомъ и говорите о свободѣ.

Бумага начала передаваться изъ рукъ въ руки. При чтеніи на всѣхъ лицахъ выражалось изумленіе.

— Примирите свободу съ арестомъ человѣка на границѣ и съ его исчезновеніемъ безъ слѣда — очень обажете!

Одинъ изъ гостей, человѣкъ пожилой, прислушивался издали къ разговоръ, выражая крайнее недовольство.

— Милостивый государь, сказалъ онъ Грауваку. — Рѣчи ваши были бы уместнѣе въ парламентѣ, чѣмъ въ ресторанѣ.

Граувакъ всталъ съ своего мѣста и спокойно отвѣчалъ:

— Вы вѣрно очень кротко держали себя въ 1848 году, коли такъ громко заявляете свою благонамѣренность.

— Вы за нѣсколько минутъ тоже громко сказали, что у насъ безъ слѣда исчезаютъ люди. Вы должны бы знать, что правительство не должно отступать, какія бы ни потребовались жертвы для водворенія порядка!

— Я только говорю, что есть люди, о которыхъ никто не знаетъ, въ какой тюрьмѣ они сидятъ, гдѣ и за что.

— Ложь! Ложь!

— Не ложь. У меня пріятель такъ попался.

— Вы должны бы, милостивый государь, въ вашихъ же собственныхъ выгодахъ, умолчать о такомъ пріятелѣ! Удивляюсь, какъ эти господа остаются съ вами за однимъ столомъ! заключилъ гость, поспѣшно вставая и выходя изъ гостиницы.

Удивленіе, возбужденное этимъ споромъ, усилилось еще больше,

*

когда Граувакъ потребовалъ обратно бумагу, и оказалось, что бумага исчезла. Кто жь былъ тутъ Иудой, въ этомъ обществѣ друзей и товарищей, уважающихъ другъ друга? Лотарь все время не приближался къ столу; никто, по крайней мѣрѣ, не замѣтилъ его.

— Между нами есть предатель! пробормоталъ Граувакъ.

Возмущенный Ситтичъ предложилъ каждому по очереди выйти въ особую комнату и позволить себя освидѣтельствовать. Но это повело бы къ пушечному скандалу, и потому не было принято.

Граувакъ ушелъ огорченный и разстроенный.

— Вотъ и отыскалъ пріятели! ворчалъ онъ. — Теперь не мудрено добраться, кто далъ мнѣ бумаги и тогда... Экое несчастье! Дернуло же меня проповѣдывать!

Проходя по Леопольдовскому мосту, онъ поглядѣлъ на вновь востроенные бастионы, на множество выглядывающихъ пушекъ.

Въ это время пьяный, выходя изъ павной, громко запѣлъ:

Одно есть только государство,
Одинъ есть только городъ Вѣна!

Пѣсня эта показалаь Грауваку самымъ безумнымъ анахронизмомъ, каковой ему пришлось когда либо слышать.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ГДѢ, НАПРАСНО ИЩЕМЪ СЛѢДОВЪ ГЕРОЯ.

Графъ Тибольдсеггъ уже около мѣсяца жилъ въ своемъ маленькомъ дворцѣ въ Вѣнѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда совершались опасные государственные перевороты, когда слѣдственно его состояніе, и его положеніе въ свѣтѣ было крайне шатко, у него постоянно собиралось большое общество, какъ будто онъ считалъ внѣшнюю грозу недостойною вниманія; теперь, побѣдитель въ тяжеломъ и трудномъ бою, онъ удалился отъ своего кружка и жилъ уединенно. Причиной этого отчужденія отъ общества были его отношенія къ дочери.

По отъѣздѣ Бруно, Корнелія оставалась въ Парижѣ около двухъ мѣсяцевъ. Графа, какъ говорилъ онъ, задерживали дѣла. Корнелія видимо грустила и томилась, избѣгала всѣхъ, худѣла. Наконецъ они выѣхали изъ Парижа, и Корнелія вдругъ ожила. Глядя на ея воскресшее лицо, графъ невольно радовался, но вмѣстѣ съ тѣмъ его терзала мысль, что вслѣдъ за этими улыбками, сіяющими глазами и яркимъ румянцемъ наступать для нея тяжелыя волненія и жгучая печаль, что онъ, ея отецъ, подрываетъ ея счастье.

— Горе убиваетъ въ однихъ только романахъ, утѣшалъ онъ себя: — только въ театральныхъ пьесахъ любовь приводитъ къ драматическимъ катастрофамъ!

Пріѣхавъ въ Вѣну, графъ зорко слѣдилъ за дочерью. Первые двѣ недѣли прошли благополучно; она видимо была неспокойна, но весела.

На дѣлѣ Корнелія была очень озабочена. Ее мучило, что Бруно не показывается. Зачѣмъ онъ медлитъ? Чтò его задерживаетъ? Приходила ей, въ минуты тоски, мысль, что онъ разлюбилъ ее, но мысль эта была мимолетна.

Тревога ожиданія возрастала съ каждымъ днемъ. По мнѣнію г-жи Гассенфельдъ, Бруно не могъ такъ медлить безъ особенно-важныхъ причинъ, и она предложила стороной разузнать, что возможно. Она была вѣнская уроженка и знакомствъ у нея было множество. Она давно уже, безъ вѣдома Корнеліи, наводила о Бруно справки, но еще ничего не узнала.

Г-жа Гассенфельдъ выбрала самый прямой путь — отправиться къ дядѣ Бруно, старику Гальденриду. Но планъ этотъ неожиданно разрушился: у графа вышелъ неприятный разговоръ съ г-жею Гассенфельдъ, и онъ попросилъ ее оставить его домъ на слѣдующій же день.

Нѣсколько времени спустя послѣ этого происшествія, Корнелія сидѣла поздно вечеромъ въ своей комнатѣ. Вошелъ старикъ Коссъ.

— Въ которомъ часу графъ возвратится сегодня домой? спросила она.

— Не раньше двѣнадцати, графиня. Его сіятельство на вечерѣ у бельгійскаго посланника.

— У меня сегодня будетъ гостя, Коссъ, и я не хочу, чтобы графъ зналъ это...

Коссъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Я все выдамъ, графиня! воскликнулъ онъ тревожно: — я все расскажу!

— Да вѣдь ты не знаешь...

— Знаю! знаю! Это повтореніе того же, что было въ Красницѣ... въ Парижѣ... Знаю, кого вы ждете!

— Ты думаешь, Бруно Гальденрида? Онъ въ Вѣнѣ? Ты его видѣла?

— Я его не видала, слава богу. Этотъ человекъ моя погубель и ваша!

Онъ хотѣлъ выйти изъ комнаты.

— Да, послушай, Коссъ! придетъ г-жа Гассенфельдъ.

— И она не должна тутъ быть.

— Отецъ сказалъ тебѣ это?

— Не то, чтобы... вѣтъ... Но значитъ, не надо ей приходить, если вы хотите скрыть отъ графа. Не сердитесь на меня, графиня; вы знаете, я готовъ идти для васъ въ огонь и въ воду, еслибъ только зналъ, что графъ не разгнѣвается!

— Я ничего дурного отъ тебя не требовала, Коссъ. Я хотѣла видѣться съ г-жею Гассенфельдъ, вотъ и все.

— Господи! если графъ узнаетъ! Ну, сегодня такъ и быть въ послѣдній разъ!

Въ это время г-жа Гассенфельдъ вошла.

— Ну, что? Что? спросила Корнелія, обнимая и цалуя вѣрную пріятельницу.

— Да старый дядя ничего не знаетъ! Онъ думалъ, я ему принесла какия-нибудь вѣсти.

— Какъ же это? Бруно...

— Старикъ не имѣетъ о немъ слуху съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ получилъ письмо изъ Парижа. Онъ писалъ къ какому-то Грауваку въ Парижъ — и тотъ знаетъ только то, что Бруно выѣхалъ въ Австрію.

— Что жъ дядя?

— Онъ хлопочетъ. Даже вызвалъ изъ Парижа этого Граувака на подмогу. Но старикъ мало надѣется. Онъ говоритъ...

Корнелія зарыдала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВВОДИТЬ НА СЦЕНУ КНЯЗЯ И ВЕРЕЙТОРА.

На слѣдующій день графъ сказалъ дочери:

— Что у тебя такой грустный видъ?

— Я чувствую себя не совсѣмъ хорошо, отвѣчала Корнелія.

— Это вліяніе весенняго воздуха, дитя мое; кромѣ того, ты немножко тоскуешь по Гассенфельдъ. Оно весьма естественно: вы были вмѣстѣ впродолженіе столькихъ лѣтъ.

— Да, я тоскую по ней очень!

— Я жалѣю самъ, что такъ случилось, но поступить иначе не могъ. Я бы съ радостью опять пригласилъ ее...

— Пригласи ее! Пригласи!

— Теперь это пока невозможно. Надо погодить. Пусть забудется эта неприятность.

— Благодарю тебя! очень благодарю!

— Гассенфельдъ даже необходима, продолжалъ графъ. — Мнѣ придется, можетъ быть, уѣхать и ты останешься совершенно одна.

Ты знаешь, я ежечасно могу получить приказаніе ѣхать въ Петербургъ. Миѣ, вѣроятно, придется остаться тамъ недѣля три-четыре. Я не могу въ настоящую минуту звать Гассенфельдъ, одной тебѣ тоже оставаться нельзя — поѣжай погостить въ какойнибудь пріятельницѣ.

— Къ кому же? Я трудно схожусь съ людьми и у меня мало пріятельницъ.

— А Леонн? Я слышала, что она будетъ въ Вѣнѣ.

— Ни за что на свѣтѣ! живо сказала Корнелія.

— Не хочешь?

Онъ подумалъ нѣсколько секундъ, будто отыскивая, куда еще поѣхать.

— Поѣжай въ замокъ Эндорфъ.

Корнелія быстро подняла голову и посмотрѣла на отца: замокъ Эндорфъ былъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ семейства Кроненбургъ.

— Что ты такъ смотришь? спросилъ графъ. — Миѣ это пришло въ голову потому собственно, что съ этимъ посѣщеніемъ связаны двѣ выгоды. Во первыхъ, ты была бы не одна; вовторыхъ, мы доставили бы этимъ большую радость старому князю; онъ давно уже ждетъ нашего посѣщенія. Тамошняя мѣстность великолѣпна, замокъ удивительный. Княгиня тебя любитъ, ты доставила бы ей величайшее удовольствіе, она одна. Гуго оставилъ военную службу и поступилъ въ посольство. Я полагаю, онъ бросилъ военную службу потому, что желалъ уѣхать. Согласись, что ему съ тобой встрѣчаться тяжело — только растравляетъ рану. Я не понимаю, почему тебѣ не поѣхать въ Эндорфъ? Поѣзжай туда.

— Пожалуй, я поѣду.

— Отлично. Ты успокоила меня, милая.

Онъ обнялъ дочь и распаловалъ.

— Ты моя радость, мое счастье, ты одна у меня на свѣтѣ!

«Онъ такой добрый и такъ любитъ меня», думала Корнелія. «Если бы я ему все рассказала, онъ, можетъ, помочь бы»...

— Милый другъ! сказалъ графъ: — я тебѣ приготовилъ маленький сюрпризъ! Хочешь посмотрѣть? Коссъ!

Явился Коссъ.

— Привели лошадь?

— Привели, ваше сіятельство. Берейторъ у крыльца.

Графъ взялъ дочь подъ руку и, улыбаясь, повелъ ее на балконъ.

— Покажите-ка намъ коня! сказалъ графъ берейтору.

Берейторъ вскочилъ на лошадь и началъ скакать по двору.

— Отличный ѣздокъ! сказалъ ему одобрительно графъ: — Откуда ты?

— Венгерецъ, ваше сіятельство.

— Венгерцы мастера ѣздить! Гдѣ ты былъ въ 48 году?

— Между Пестомъ и Капильной, ваше сіятельство, отвѣчать веселый береторъ и тотчасъ же спохватился. — Языкъ мой — врагъ мой! пробормоталъ онъ.

— Ты былъ взятъ?

— Былъ, ваше сіятельство.

Корнелія не вслушивалась въ этотъ діалогъ. Ее занимали свои мысли.

— Ты живешь въ Вѣнѣ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство. Я вотъ былъ недавно пограничнымъ кондукторомъ, да прогнали. Тамъ, видите, остановили пассажира, а я, не зная того, пришелъ его звать, — ну, полицейскій и вцѣпился.

— Какъ тебя зовутъ?

— Стефанъ Небой, ваше сіятельство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Привращенія и превращенія старыхъ знакомыхъ.

Почти всѣ газеты и журналы того времени были правительственными органами. Малое количество самостоятельныхъ исключительно было занято тѣмъ, что всячески выкорабивалось изъ бѣды, извивалось, оглядывалось и оправдывалось; за ними зорко слѣдили и выжидали первой, малѣйшей неосторожности, чтобы схватить и уничтожить ихъ. Они едва смѣли касаться правительственныхъ реформъ, а о выясненіи ихъ нечего было и думать. Ихъ общественная дѣятельность должна была ограничиваться короткими, ничего незначащими замѣчаніями.

Какъ только появлялось популярное ямя или свободное слово, оно сейчасъ подавлялось, и такъ энергически, что вскорѣ изглаживалось изъ памяти народа.

Докторъ Шмей былъ во главѣ одной изъ податливѣйшихъ газетъ.

Мы попросимъ читателя перенестись съ нами въ его редакцію.

Онъ съ озабоченнымъ видомъ пробѣгаетъ газеты. Вдругъ вскакиваетъ и сердито звонитъ.

Въ комнату вбѣгаетъ помощникъ его, Клейнцугъ.

— Клейнцугъ, что это во вчерашнемъ номерѣ? Князь Гуго фонъ-Кроненбургъ покинулъ военную службу и присоединяется къ пестербургскому посольству?

— Да вѣдь это, кажется, вѣрно?

— Но какъ высказано! Развѣ вы не знаете, что старикъ Кроненбургъ представитель древнѣйшей и могущественнѣйшей фамиліи!

— Я знаю.

— Знаете, что я дорожу благосклонностью Кроненбурга, что я принять у него?

— Знаю.

— Такіе люди намъ необходимы, это вы знаете? Если говорить о нихъ, то надо говорить ловко, надо бросить такой свѣтъ на личность, чтобъ она выступила... отличать...

— Да чтò же можно сказать о молодомъ князѣ? Онъ, говорить, человекъ...

— А вы можете положиться на то, чтò говорить? Да и потомъ это все равно. Онъ попалъ на видное мѣсто — вотъ чтò важно.

— Я ничего худого не сказалъ въ моей замѣткѣ.

— Журналъ для того существуетъ, чтобъ все передавать точно и понятно, а не для того, чтобы читатель додумывался, въ чемъ дѣло.

Въ это время вошелъ лакей и доложилъ о г. Арнольдѣ Штроппѣ.

Шмей принялъ гостя; они дружески пожали другъ другу руки и усѣлись въ кресла.

Штроппъ былъ лѣтъ 30-ти, на видъ хитрый и смысленный, состоятельный, дѣловой, коммерческій человекъ.

— Вы вѣроятно пріѣхали поговорить о красницкой мельницѣ? спросилъ Шмей.

— Что Дубскій? спросилъ Штроппъ очень озабоченнымъ тономъ.

— Онъ говорить, что его водать, что хотять только выиграть время.

— Это, безъ сомнѣнія, такъ и есть. Мельникъ неглупый человекъ. Какъ могъ онъ повѣрить Филиппу!

— Дубскій не повѣрилъ бы Филиппу; но онъ васъ считалъ настоящимъ покупателемъ.

— Этотъ Филиппъ чертовская голова! Съ такими способностями и сдѣлаться мелкимъ плутомъ! — Онъ несправимъ, сколько денегъ онъ мнѣ стоитъ. Вотъ теперь хоть съ этою мельницею. Я бы махнулъ рукой, пусть себѣ гибнетъ, но есть нѣкоторыя обязательства.

— Чтò же такое?

— Да меня, пожалуй, заподозрять въ политическомъ преступленіи.

— Чортъ побери!

— Дѣло было такъ: узнаю я вдругъ отъ Филиппа, что онъ по-

кушаетъ у Дубскаго мельницу на весьма выгодныхъ условіяхъ, и что ему необходима извѣстная сумма денегъ—ну, конечно, при этомъ всевозможны посулы и обѣщанія. Я послалъ ему деньги. Братецъ мой воспользовался моимъ векселемъ, чтобъ выманить у Шепкесса еще такую же сумму; разоряетъ мельницу въ пухъ и прахъ, продаетъ все, что въ ней есть, вирубаетъ весь лѣсъ, отправляется кутить заграницу. Спустивъ все, возвращается въ Красницъ, попадаетъ въ руки кредиторовъ, начинается процессъ...

— Чего же вамъ лично тутъ опасаться?

— Да я письменно надѣлялъ его различными коммерческими совѣтами. Я хотѣлъ помочь ему, какъ брату, и писалъ о такихъ вещахъ, которыя... словомъ, репутація моя будетъ потеряна, если братъ меня выдастъ. А онъ это сдѣлаетъ. Онъ требуетъ, чтобъ я удовлетворилъ его кредиторовъ, а въ случаѣ отказа, грозитъ выдать меня какъ соучастника своихъ мошенничествъ, предавъ мои совѣты гласности. Въ его рукахъ мои письма, такъ-сказать, документы.

— Да, это плохо; вы не только рискуете потерять добрую славу, но и весь кредитъ. Дубскій у меня сегодня будетъ; а, пожалуй, возьмусь устроить дѣло. Скажите, что думаете вы ему предложить?

— Душевно вамъ благодаренъ, никогда не забуду этого одолженія. Я уже все обдумалъ, и создалъ маленькій планъ... Я покупаю мельницу, но, спрашивается, откуда взять шестьдесятъ тысячъ гульденовъ? Тутъ вспомнилъ я, что по посѣдству есть мѣстечко съ каменнымъ углемъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, перебилъ его Шмей: — что это одни пустые слухи, каменнаго угля тамъ почти нѣтъ.

— Есть, только добывать его не умѣли. И такъ, купивъ мельницу, я покупаю и сосѣднее мѣстечко...

— Да какъ же покупаете, если у васъ нѣтъ денегъ?

— Для мельницы у меня не было бы денегъ, но вѣдь каменный уголь теперь въ модѣ.

— Вотъ оно что, засмѣлся Шмей: — дѣло идетъ объ акціяхъ, такъ? Оно, конечно, безподобно, еслибъ только вы могли что-нибудь добыть изъ кожи; но, повѣрьте, это — мечта.

— Я не мечтатель. Такъ видите: у меня большія связи, да еслибъ вы еще соблаговолили поощрить меня въ своей газетѣ...

— Да какъ же я могу? испуганно спросилъ Шмей.

— Еслибъ намъ удалось только гарантировать какимъ-нибудь аристократическимъ именемъ — я бы не сомнѣвался въ успѣхѣ!

— Да кто изъ нихъ захочетъ?

— Графъ Тибольдсеттъ, svojою отвѣтилъ спекулянтъ.

— Плохо же вы его знаете! Пряметь онъ участіе въ легкомысленномъ проектѣ!

— Я его знаю лучше васъ. Развѣ онъ чѣмъ нибудь тутъ рискуеть? Онъ просто на просто покупаетъ акціи, выражая, такимъ образомъ, свое довѣріе къ дѣлу. Акціи эти ему ничего не стоятъ, потому что я у него покупаю землю, за которую плачу безумно дорогую цѣну.

— Извините меня, милѣйшій Штроппъ, сказалъ Шмей:—у меня теперь нѣтъ времени, я долженъ слѣшать... Вы подумайте еще обо всемъ хорошенько, и тогда мы поговоримъ толкомъ!

Шмей встрѣтился на порогѣ съ Клейндугомъ.

— Чтѣ вамъ нужно? сурово спросилъ онъ.

— Позвольте васъ просить просмотрѣть замѣтки, униженно сказалъ Клейндугъ.

Пробѣгая одну изъ нихъ, лицо Шмея приняло благосклонное выраженіе. Замѣтка гласила слѣдующее:

«Слухи о вступленіи князя Гуго фонъ-Кроненбургъ на дипломатическое поприще теперь фактически оправдались. Мы думаемъ, что продолжительное пребываніе его сіятельства въ Парижѣ имѣло нѣкоторую связь съ его настоящей карьерою. Весьма важно то, что молодой князь начинаетъ свою новую дѣятельность въ С.-Петербургѣ, столь важномъ, въ настоящее время, пунктѣ. По одному этому мы бы могли заключить о блестящихъ талантахъ и способностяхъ его сіятельства, еслибъ не знали еще раньше изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ, что эта замѣчательная личность заслужила своимъ умомъ в любезностью всеобщую извѣстность во всѣхъ лучшихъ кружкахъ общества».

— Отлично! сказалъ Шмей, складывая газету. — Вы не безъ таланта, Клейндугъ, немножко только легкомысленны...

ГЛАВА ПЯТАЯ,

гдѣ нечаянно сходятся знакомыя Бруно.

Бракъ Шмея не былъ счастливъ; страдательнымъ лицомъ была, конечно, Сара.

Увидѣвъ около себя, вмѣсто безкорыстнаго великаго дѣятеля, мелкаго торгаша, она упала съ облаковъ, и чувствовала себя очень одинокою. Пріѣздъ Гедвиги Дубской, старинной пріятельницы, былъ ей очень пріятенъ.

Гедвига, со времени несчастнаго происшествія въ Красницѣ,

жила съ отцомъ у дальнихъ родственниковъ въ маленькомъ городѣ Моравіи. Теперь она пріѣхала съ нимъ въ Вѣну; старикъ хотѣлъ попытаться спасти если не все, то хоть часть разореннаго имѣнія.

Пока Дубскій бесѣдовалъ съ докторомъ Шмеемъ, Гедвига отправилась къ Сарѣ.

— Въ Ольмюцъ! порѣшилъ Граувакъ.

Сара встрѣтила ее объятіями и слезами. Начались разспросы, рассказы, поднялись воспоминавія.

— Я иногда себя виню во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ, сказала Гедвига.

— Скорѣй виновать твой отецъ, возразила Сара. — Зачѣмъ онъ такъ обошелся съ Вернеромъ? А знаешь, я не понимаю, какъ это Вернеръ вдругъ такъ палъ духомъ, потерялъ всю энергію! Вѣдь онъ зналъ вспыльчивость твоего отца, могъ быть увѣренъ, что вся эта гроза разсѣется!

— Да, это странно.

— Онъ былъ очень взволнованъ, да? Ты вѣдь видѣла его послѣ сцены съ отцомъ.

— Да, взволнованъ, но онъ говорилъ такъ разсудительно, даже спокойно. Онъ обѣщалъ писать, говорилъ о такихъ мелочахъ, о которыхъ передъ смертью, конечно, никто не думаетъ. Я помню каждое его слово, каждое движеніе. Одно только: когда онъ подавалъ мнѣ руку, я замѣтила, что она какъ-то лихорадочно горѣла и дрожала.

— Онъ не говорилъ, что долженъ ѣхать?

— Ни слова.

— Странно! А вѣдь онъ зналъ, что долженъ ѣхать.

— Мы разговаривали, и вдругъ услышали, что отецъ идетъ. Мы поскорѣй простились, и я побѣжала домой. Я видѣла, Юліи пошелъ вдоль берега. Можетъ быть, въ потемкахъ онъ нечаянно поскользнулся и упалъ въ воду. Послѣднія слова его были: «ты скоро обо мнѣ услышишь». Неужели же онъ подъ этими словами подразумевалъ, что я услышу о его смерти?

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошли Шмей, старикъ Дубскій и Граувакъ.

— Позволь тебѣ представить господина Граувава, сказалъ редакторъ, обращаясь къ женѣ. — Старый, невѣрный другъ, который и сегодня бы не зашелъ къ старинному товарищу, еслибъ дѣла не заставили. Постарайся заманить его къ намъ.

— Едва-ли я въ силахъ исполнить такую трудную задачу, отвѣтила Сара:—хотя вы во мнѣ встрѣчаете обожательницу вашихъ статей. Прежде, еще въ Красницѣ, я ежедневно читала вашу газету.

— Вы уроженка Красница? спросилъ Граувакъ; его лицо мгновенно оживилось.

— Мы всё уроженцы Красница, сказалъ Дубскій. — Представляю вамъ мою дочь, Гедвигу.

— Извините меня, господа, сказалъ Шмей: — мнѣ необходимо на время оставить васъ; я возвращусь, какъ только покончу съ своими дѣлами.

Онъ протиснулся, и ушелъ.

— У васъ было какое-то неприятное дѣло въ Красницѣ? сказалъ Граувакъ Дубскому.

— Да, было. Въ 1850 году я приютилъ бѣглеца, и чортъ-знаетъ, какимъ образомъ полиція это пронюхала. Меня потребовали къ суду, и я не отрекся. Оно, конечно, смѣшно, что я такъ поступилъ, но я долженъ сознаться, что еслибъ такой случай повторился, я бы также распалился, взбѣсился, и не захотѣлъ бы дгать.

— Но тутъ были, вѣроятно, какія нибудь другія обстоятельства, потому что укрывательство не считается у насъ важнымъ преступленіемъ?

— Эта исторія до сихъ поръ еще тянется, вотъ ужъ болѣе двухъ лѣтъ.

— Почему же такъ долго?

— Понять не могу. Меня по этому дѣлу не оставляютъ въ покоѣ.

— Странно!

— Я думалъ, что все кончено, и бѣглець давнымъ-давно въ Америкѣ, какъ вдругъ, недѣль шесть тому назадъ, меня снова вызываютъ въ Красницѣ, и объявляютъ, что я нуженъ, какъ свидѣтель, для выясненія какого-то ужаснаго преступленія. Я узналъ, что бѣглець, котораго я укрывалъ, схваченъ на границѣ, и что на него-то и падаетъ подозрѣніе въ совершеніи «ужаснаго» преступленія.

— Чтѣ же это за преступленіе, вы не узнали?

— Я немного догадываюсь, въ чемъ дѣло. Впрочемъ, я ничего не могу точно рассказать вамъ.

Сказавъ это, онъ искоса взглянулъ на дочь.

— Чтѣ же теперь васъ оставили въ покоѣ? спросилъ Граувакъ.

— Нѣтъ, я ежедневно ожидаю новаго вызова.

— А чтѣ думаете вы насчетъ подозрѣнія? Кажется оно вамъ основательнымъ?

— Какъ вамъ сказать! Что касается лично меня, я не подозрѣваю моего бѣглеца, но одновременность въ происшествіяхъ, различное стеченіе обстоятельствъ, все это ставитъ дѣло такъ, что полиція имѣетъ основаніе подозрѣвать. Я каждый день жду, что меня опять

поташать; хорошо, что теперь не такъ далеко придется ѣхать, и все по желѣзной дорогѣ. Миѣ въ Красницѣ говорилъ одинъ слѣдователь, что подозрѣваемый сидитъ въ Ольмюцѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

повѣствуютъ о вѣ Ольмюцѣ и о двухъ виртуозахъ.

Приѣхавъ въ Ольмюцъ, Граувакъ бродилъ первые два дня по улицамъ, стараясь держаться около тюремъ.

Онъ розыскалъ одного своего знакомаго, парикмахера Стеклера, и отправился къ нему.

Стеклеръ очень обрадовался.

— Не хотите ли опять у меня нанять комнату? спросилъ онъ.

— Хочу, отвѣчалъ Граувакъ, и уговорился переѣхать на другой день.

Но на другой день онъ пришелъ къ Стеклеру разстроенный, и сказалъ, что не переѣдетъ.

— Да почему жѣ? спросилъ огорченный парикмахеръ.

— Потому что я получилъ сегодня отъ полиціи приказаніе убраться изъ города.

— Боже мой! за что? развѣ вы провинились въ чемъ нибудь?

— Положительно не знаю, за что. Развѣ только за то, что я остановился, когда вели узниковъ, и хотѣлъ поглядѣть на нихъ поближе.

— За это! За это навѣрно! Я самъ недавно изъ-за одного преступника чуть-было не попался.

— Это какъ?

— Очень просто. У меня, видите, двѣ дочки; одной десять, другой — двѣнадцать лѣтъ. Онѣ у меня музыкантши: старшая играетъ на скрипкѣ, младшая — на флейтѣ. Онѣ ходятъ ежедневно брать уроки мимо тюрьмы, и замѣтили, что всегда изъ окошечка на нихъ смотритъ узникъ. Лицо его поправилось дѣвочкамъ. Поглядываютъ онѣ на узника день, другой — все онѣ больше имъ нравится. Младшая и пачки подбивать сестру: сыграемъ ему что-нибудь, да сыграемъ. Сыграла; на другой день опять, а на третій узникъ возьми да и выброси имъ сверточекъ.

— Что же было въ сверточкѣ?

— Колечко; оно было завернуто въ бумажку, а на бумажкѣ было написано карандашомъ.

Старшая дочка Стеклера незадолго до того вошла въ комнату, и внимательно прислушивалась къ разсказу.

— Эта бумажка у васъ? спросилъ Граувакъ.

— Нѣтъ, дѣвочки кольцо взяли, а бумажку забросили.

— Неправда, папаша, бумажка цѣла, сказала дочка.

— Когда отецъ говорить, тебѣ нечего вмѣшиваться, строго сказалъ отецъ, покраснѣвъ до ушей.

— Вы мнѣ не довѣряете? спросилъ Граувакъ. — Чѣмъ я это заслужилъ!

— Чтò вы! сказалъ сконфуженный парикмахеръ:—но... теперь такія времена! Роза, покажи кольцо, сказалъ онъ дочери, а самъ отправился отыскивать бумажку.

Граувакъ никогда не видалъ у Бруно кольца, и потому оно ничего не разъяснило ему. Онъ выхватилъ бумажку изъ рукъ Стеклера.

На измятомъ, старомъ лоскутѣ было написано карандашомъ: «Благодарю васъ, милны дѣти, за музыку. Прошу васъ, придите завтра. Я вамъ выброшу письмо. Прочтите его, положите его въ конвертъ, напишите адресъ и бросьте въ почтовый ящикъ. Все это надо сдѣлать тайно».

Почеркъ былъ до того неясенъ и измѣненъ, что даже не напоминалъ руки Бруно.

— Ну, чтò же дальше? спросилъ Граувакъ.

— Тутъ и конецъ. Часовой замѣтилъ дѣтей, и когда они на другой день пришли, узника ужъ не было у окна. Полиція оставила дѣтей безъ наказанія ради ихъ малолѣтства. А я потомъ узналъ, что этотъ арестантъ благородный, еще не судился, и сидитъ за какое-то важное преступленіе ..

Попросивъ у Стеклера позволенія оставить у себя бумажку, Граувакъ простился съ нимъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, онъ уже ѣхалъ обратно въ Вѣну.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВВОДИТЬ ВЪ КАБИНЕТЪ КНЯЗЯ КРОНИНБУРГА.

Старшій князь Кроненбургъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ.

Князю шестьдесятъ-два года, онъ абсолютистъ и католикъ-фзватикъ. Его чрезвычайно огорчаетъ легкомысленное поведеніе сына, который ни во что ставилъ отцовъ іезуитовъ, мало заботился о цѣлостности католицизма, не мѣшался въ политику и, случалось, водился съ «подлыми» людьми.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, княжескій швей-

царь въ малиновой ливреѣ безпрестанно распахивалъ двери передъ прибывающими гостями.

Между черными фраками и бѣлыми галстуками, рассказывающими въ княжескихъ покояхъ, крадется нашъ старый знакомый, докторъ Шмей; онъ уже успѣлъ заслужить два ордена, которые прекрасно выступаютъ на черной одеждѣ.

Между гостями и другой нашъ старый знакомый, патеръ Михаэль.

Красницкій капеланъ тоже не потерялъ времени даромъ: и округлилъ, съ Божьей помощью и съ помощью старой графини Софiи, свою карьеру и фортуну.

— Устройство школъ много значить, говорилъ князь, протягивая руку въ чайному подносу, съ которымъ передъ нимъ стоялъ почтительнѣйшій лакей.— Въ революціонное время, въ 1848 году изъ всѣхъ студентовъ отличались такъ-называемые слушатели философіи. Всѣхъ этихъ философовъ разиѣстили по разнымъ учебнымъ заведеніямъ; профессора теперь другіе; шальные головы пришли нѣсколько въ порядокъ; это уже что-нибудь да значить. Конечно, впереди много труда, много дѣла: необходимы радикальныя измѣненія во всей системѣ юношескаго воспитанія и образованія.

— Слѣдовало бы внушить большее усердіе и ревность къ исполненію душеспасительныхъ обрядовъ, замѣтилъ патеръ Михаэль.

— Само собою разумѣется. Но это еще не все; наука, какъ рѣшилъ одинъ свѣтлый и глубокій умъ въ Берлинѣ, должна повернуть назадъ. Я иду далѣе: по моему, ту науку, которая основывается единственно на выводахъ человѣческаго разума, слѣдуетъ остановить, истребить, вырвать съ корнемъ.

— Духъ протестанства, заразившій всѣхъ, начиная отъ Шиллера до Канта, помрачаетъ всѣ головы, сказалъ патеръ Михаэль. Юношество только по имени признаетъ католицизмъ. Я боюсь, ваше сіятельство, что теперешнее поколѣніе спасти невозможно: рожденные въ Египтѣ не удостоятся узрѣть Ханаана!

— Вы, я полагаю, слишкомъ мрачно смотрите на вещи. Молодежь легкомысленна, нетерпѣлива; но она, кромѣ того, испугана лишениями и жертвами, которыя ожидаютъ ее въ случаѣ сопротивленія. Она теперь понимаетъ, куда можетъ завести ее ложный путь. Это одно, а потомъ, надо, конечно дѣйствовать, надо выбить маркиза Позу изъ ихъ головы, надо имъ дать другой идеалъ.

— По настоящему, слѣдовало бы всюду поручить образованіе духовнымъ лицамъ, отцамъ церкви. Они бы съумѣли исцѣлять язвы грѣха и порока, они замѣнили бы соблазнительныя розсканьи

о греческихъ богахъ святымъ Августиномъ, а чувственнаго Светонія и безсердечнаго Тацита святымъ Бернардомъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ профессоръ Борхертъ, маленькій, лысый человѣчекъ:—что одно не исключаетъ другого: можно соединить Светонія и Тацита съ преподобнымъ Августиномъ и святымъ Бернардомъ; это только нагляднѣй покажетъ, гдѣ истина и гдѣ ложь. Всѣ мнѣи, какіе ни возьмите, чтò они такое? Темное предчувствіе христіанства.

Затѣмъ профессоръ развилъ эту мысль очень пространно и влиятельно, приводя легенды и мнѣи всѣхъ странъ и земель.

Докторъ Шмей съ пріятной улыбкой внималъ повѣствованію объ индійской троицѣ, и проч.

Когда профессоръ кончилъ, патеръ Михаэль обратился къ Шмею и представилъ ему профессора Сен-Винцента, экономиста.

(Экономистъ былъ дитя Израиля, обращенное въ католичество).

Шмей съ пріятнѣйшей усмѣшкой сказалъ, что онъ давно знаетъ заочно г. профессора по его работамъ.

— Вы занимаетесь народной экономіей? сказалъ онъ.

— Да, народной экономіей; чтобы яснѣе обозначить мои тенденціи, я вамъ сважу: *католическою* народною экономією.

— Но вѣдь экономія — наука о матеріальномъ богатствѣ; какъ же вы соединяете ее съ словами евангелія: «нельзя служить Богу, и мамону»? Или: «легче вѣлбуду пройти въ игольное ушко, чѣмъ богачу въ царство небесное»? или: «не пекитесь о томъ, что завтра будете ѣсть»?

— Богатство, взятое само по себѣ, богатство не одухотворенное, — погибель, но благословенное церковью — оно благо. Дерево приспособлено къ плаванію по морю, магнитная стрѣлка поворачивается къ сѣверу — все это предопредѣленіе Божіе. Промышленность и торговля не претятъ церкви; отъ соединенія религіи и экономіи зависитъ обновленіе человѣчества. Я подъ религіей, конечно, подразумѣваю одну истинную религію католическую. Посмотрите, чтò теперь дѣлается между рабочими! Семейная жизнь уничтожена, развратъ, вольнодумство! Фабрики растлѣваютъ молодежь...

— Какъ же помочь?

— Фабрику надо отдать подъ руководство церкви, рабочихъ подъ наблюденіе святыхъ сестеръ и братій монастырскихъ! Обширное фабричное монастырское заведеніе удалитъ работника и работницу отъ растлѣвающаго мірскаго вліянія. Сестры будутъ всѣмъ распоряжаться, находятъ работу; составятся общества, братства духовныя, учредятся вспомошествовательныя кассы, банки, больницы, богадѣльни, пріюты, воспитательныя дома. Вотъ мы какъ понимаемъ соединеніе религіи и промышленности!

Черно-желтовъ знамя.

19

Шмей увидалъ, какъ обширны планы партіи, которой онъ продался.

Въ подобныхъ разсужденіяхъ прошелъ весь вечеръ и гости, принося князю чувствительную благодарность и отвѣщая низжайшіе поклоны, удалились.

Патеръ Михаэль вышелъ послѣ всѣхъ.

— Я вижу, думалъ онъ, идя домой, что теперь ужъ негодится предавать проклятію классиковъ, торговлю и все такое. Ну, что-жь! противъ теченія нечего плыть.

Онъ нашелъ у себя на столѣ письмо отъ графини Софіи. Онъ прилегъ на свою спокойную кушетку, закурилъ сигару и распечаталъ письмо.

— Какъ вспомню, какимъ я маялся когда-то бѣднякомъ на свѣтѣ! проговорилъ онъ: — а вотъ теперь я княжескій гость, и не изъ послѣднихъ, имѣю кое-что про черныи день, и кошелекъ графини всегда къ моимъ услугамъ. Я заставилъ бравую старушку совершенно забыть майора Голубину!

Между разными изъявленіями расположенія и участія, въ письмѣ говорилось:

«Помните исторію Юліи Вернера? Его погибель была покрыта тайною, но всемогущій Господь рано или поздно караетъ преступленіе. Убийца открытъ. Это Бруно Гальденридь. Его уже схватили и онъ сидитъ въ тюрьмѣ въ Цестѣ. Вообразите, этого Бруно Гальденрида безумная Корнелія прятала въ замкѣ! Конечно, безъ вѣдома брата. О, мой возлюбленный наставникъ! что творится на свѣтѣ!».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОНИКАЕТЪ ВЪ ПРОШЕДШЕЕ И МНОГОВЪ ВЫВОДИТЬ НАРУЖУ.

Два года съ половиною прошло съ тѣхъ поръ, какъ чьи-то святотатственныя руки дерзнули обезобразить статую на Ивановскомъ мосту въ Красницѣ и найдено было въ рѣкѣ тѣло молодого офицера. Жители мирнаго мѣстечка стали забывать и о поруганіи святыхъ и о погибели несчастнаго юноши.

Но у г. фонъ-Раква была на нынѣ вещи память удивительная. Онъ не могъ забыть своей неудачи и не могъ съ ней примириться. Какъ! Онъ, фонъ-Раквъ, ничего не доискался, ничего не узналъ и не окончилъ дѣла судебнымъ порядкомъ!

Мысль эта не давала ему покоя и онъ рѣшился во что бы то ни стало разоблачить тайну.

Всѣ показанія знакомыхъ и всѣ розыски полиціи подтверждали догадку о самоубійствѣ; Юлія Вернера похоронили. Впрочемъ, его платье на всякій случай было сохранено.

Но нѣсколько дней спустя послѣ похоронъ, въ судъ явился одинъ изъ жителей Красница, возница Слама, и разсказалъ слѣдующее: наканунѣ происшествія, ввечеру къ нему пришелъ офицеръ и заказалъ себѣ экипажъ на слѣдующее утро, чтобъ ѣхать въ Улицъ, мѣстечко, лежащее невдалекѣ отъ баварской границы. Слама не могъ вспомнить ни наружности, ни имени офицера; онъ только могъ положительно сказать, что былъ нанятъ за десять гульденовъ и долженъ былъ по условію пріѣхать за господиномъ на слѣдующее утро, въ четыре часа, въ гостиницу Кугель.

Кромѣ Вернера никто изъ офицеровъ не жилъ въ этой гостиницѣ.

На слѣдующій день, когда Слама пріѣхалъ въ условленное время, въ гостиницѣ всѣ еще спали. Онъ разбудилъ лакея и послалъ къ офицеру.

Лакей побѣжалъ и прокричалъ подъ дверями, что лошади готовы, а затѣмъ воротился къ Сламѣ, и они стали разговаривать о всякой всячинѣ.

Господинъ все не показывался и въ окнѣ его комнаты было темно. Слама сталъ посылать опять лакея, думая, что онъ не добудился господина, но лакей отвѣчалъ, что хотя въ комнату онъ не входилъ, но черезъ дверь разговаривалъ съ офицеромъ. Въ то же время въ окнѣ показался огонь, а за сторою движущаяся тѣнь, какъ будто одѣвался человѣкъ.

Слама отправился къ лошадямъ, а лакей пошелъ наверхъ, за вещами отъѣзжающаго. На порогѣ ему встрѣтился офицеръ, который быстро спускался по лѣстницѣ, побрякивая саблею; увидѣвъ слугу, офицеръ сказалъ ему, что оставляетъ свой чемоданъ, потому что воротится черезъ нѣсколько дней, причемъ онъ далъ ему на водку.

Впродолженіе всей дороги офицеръ былъ молчаливъ. Только выѣзжая изъ Красница, онъ спросилъ у Сламы, куда ведетъ дорога направо, и какія мѣстечки лежатъ по этой дорогѣ. Не доѣзжая до Улица, они встрѣтили двухъ жандармовъ, которые остановили экипажъ и потребовали бумаги отъ ѣдущихъ.

Офицеръ немедленно вынулъ свой билетъ, Слама свой паспортъ; жандармы осмотрѣли то и другое и пропустили.

Пріѣхавъ въ Улицъ, офицеръ разспросилъ Сламу, какииъ образомъ ѣхать дальше, и затѣмъ простился съ нимъ.

Сламу спросили, тотъ ли человѣкъ съ нимъ ѣхалъ, который его нанималъ?

Сляма не обратилъ вниманія на наружность; для него всѣ офицеры одинаковы; притомъ же они разговаривали въ сумеркахъ. Лакей, въ свою очередь, отвѣтилъ, что не разсматривалъ господина, спускавшагося по лѣстницѣ: ему и въ голову не пришло, чтобъ кто другой могъ быть.

Спросили жандармовъ. Оба они помнили встрѣчу съ офицеромъ и утверждали, что на его бумагѣ стояло имя: Юлія Вернеръ.

Ясно было, что кто-то выдавалъ себя за Вернера и въ день его смерти находился въ его номерѣ, надѣлъ его платье и выѣхалъ изъ Красница. Ясно было, что онъ зналъ объ отсутствіи Вернера, зналъ, что Вернеръ не возвратится, по всѣмъ вѣроятіямъ зналъ о его смерти, если самъ не былъ его убійцей.

Первое подозрѣніе г. фонъ-Ракка пало на человѣка, за которымъ его жандармы понапрасну охотились на мельницѣ, и котораго напрасно онъ ловилъ въ замкѣ графа Тибольдсегга.

Прежде всего надо было узнать, кто это подозрѣваемое лицо.

О наружности бѣглеца кое-что узнали изъ показанія мельника, но все это было неясно и недостаточно; Дубскій утверждалъ, что не знаетъ имени подозрѣваемаго лица и никогда о немъ не справлялся. Розыски въ замкѣ только еще больше запутали дѣло.

Послѣ показаній Слямы, полиція опять принялась за розыски.

Тутъ случилось обстоятельство, поставившее всѣхъ слѣдователей въ тупикъ. Въ почтовую контору Красница прибыла посылка обер-лейтенанту Вернеру, въ гостиницу Кугель. Посылка эта была отправлена изъ мѣстечка близъ Эльзаса; раскрывъ ящикъ, увидали мундиръ, саблю и отпускъ Вернера.

Это очень озадачило г. фонъ-Ракка.

Г. фонъ-Раккъ, припоминая письмо, найденное графиней Софіей и признанное ротмистромъ Гальденридомъ за письмо брата, сдѣлалъ всюду запросъ о Бруно Гальденридѣ и рекомендовалъ обратиться на него особое вниманіе.

Г. фонъ-Раккъ добился только одного: узналъ отъ заграничнаго шпіона Бурды, что Бруно живетъ въ Парижѣ. Быть можетъ, онъ долго бы ломалъ голову, еслибъ Леони, обезумѣвъ отъ ревности, не выдала графу, что Бруно былъ въ Красницѣ. Графъ тотчасъ же увѣдомилъ объ этомъ г. фонъ-Ракка.

Бруно былъ взятъ на границѣ, какъ подозрѣваемый въ убійствѣ Юлія Вернера. Судъ начался; графъ Тибольдсеггъ слѣдилъ за нимъ очень зорко.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда насталъ день отъѣзда Корнелія въ замокъ Эндорфъ.

Все было готово къ отъѣзду; графъ ждалъ доклада, что лошади

поданы, какъ вдругъ вбѣжалъ слуга и доложилъ, что пріѣхала баронеса фонъ-Грейфенштейнъ.

Графъ былъ очень удивленъ.

— Что это значить? спросилъ онъ, поспѣшно подходя къ ней.

— Я пріѣхала сказать вамъ, что вы безчеловѣчны! вскрикнула Леони.

Она въ изнеможеніи бросилась на стулъ. У нея было измученное лицо; глаза впали и смотрѣли какъ-то тревожно, безпокойно, гнѣвно. Платье было измято, въ пыли; узнать прежнюю изящную Леони теперь было трудно.

— Что съ вами, Леони? Я бы не на шутку испугался, еслибъ зналъ за собой какую-нибудь вину, но я во всемъ и всюду желалъ только служить вамъ. Чтò случилось, прелестная фуриа?

— Безъ шутокъ! Вы безчестно воспользовались моей откровенностью! Вы меня сдѣлали низкой предательницей! Вы погубили этого несчастнаго человѣка! О, еслибъ я это знала! Вы нарушили нашъ договоръ, вы сдѣлали меня соучастницей своего варварства!

— Я тутъ нисколько невиновать, Леони.

— Невиноваты! Вы, пожалуй, не убійца, но вы ножъ!

— Баронесса, вы бредите! проговорилъ графъ; на его обыкновенно добродушномъ, даже апатичномъ лицѣ, выразилась злоба.

— Оправдайтесь!

— Я во всемъ этомъ дѣлѣ ничего не сдѣлалъ. Все это дѣло— результатъ давно слагавшихся обстоятельствъ, и ихъ неизбѣжное слѣдствіе. Обвиненіе Бруно Гальденрида относятся къ тому времени, когда мы еще не были знакомы.

— Нелѣпое подозрѣніе! съ жаромъ воскликнула Леони.

— Не знаю; очень можетъ быть. Судъ разберетъ дѣло. Нужно ждать конца.

— Какъ вы спокойно говорите! Вы безчеловѣчны!

— Я ничѣмъ не могу помочь. Развѣ, вы думаете, исторія эта мнѣ пріятна? Мое имя слишкомъ незавидно замѣшано въ ней; я понимаю моею дочери.

— Онъ никогда не выдастъ вашу дочь.

— Кто погибаетъ, тотъ за все хватается.

— Я убѣждена въ его невинности, въ его честности!

— Мнѣ весьма утѣшительно это слышать. Но скажите, кто въ Парижѣ могъ вамъ это передать?

— Его братъ. Онъ ѣхалъ со мной; онъ спѣшитъ теперь въ Пестъ. Онъ въ отчаяніи.

— Неудивительно!

Въ это время вошелъ Коссъ съ докладомъ, что лошади поданы.

— Мы через нѣсколько дней съ вами увидимся, сказалъ графъ. — Войдемте къ Корнелии.

— Она ничего не подозрѣваетъ?

— Ничего. Она ѣдетъ въ Эндорфъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ГРАУВАКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Процессъ Бруно Гальденрида былъ перенесенъ въ Пестъ на разрѣшеніе военно-судной комиссіи.

Осужденный находился въ венгерской столицѣ и сидѣлъ въ тамошнемъ «Новомъ зданіи» подъ строгимъ арестомъ.

Когда официальное извѣстіе объ его арестѣ дошло до интересовавшихся этимъ дѣломъ присутственныхъ мѣстъ на богемской границѣ, три разныхъ судебныхъ вѣдомства изъявили желаніе разбирать это дѣло: военный судъ въ Пестѣ, судъ, въ округѣ котораго находился Красницъ, и, наконецъ, главный уѣздный судъ, председателемъ котораго былъ господинъ фонъ-Равкъ.

Пока этотъ споръ продолжался, нельзя было довѣрить на долгое время дорогую добычу импровизированной тюрьмѣ на богемской границѣ. Въ этихъ мѣстахъ, по закону, содержались только подмастерья, за просроченные паспорта, и другіе добродушные бѣглецы; держать тамъ государственнаго преступника, на которомъ лежало еще подозрѣніе въ убійствѣ, было неудобно.

По высшему приказу, съ необходимыми мѣрами предосторожности, но безъ всякаго шума, перевели Бруно въ Ольмюцъ, гдѣ и содержался онъ до тѣхъ поръ, пока правительство не рѣшило вопроса о мѣстѣ производства надъ нимъ суда. Молодой человѣкъ за тюремной рѣшеткой, которому маленькія дочери парикмахера Штѣклера давали серенаду, былъ именно Бруно, отправленный въ Пестъ въ тотъ самый день, какъ дѣвочки пришли за его письмомъ.

Правительство рѣшило передать слѣдствіе военному вѣдомству въ Пестѣ. Въ приказѣ, относящемся къ этому дѣлу, видно было опасеніе, чтобы вышеозначенное судебное мѣсто не вознамѣрилось вернуться къ политической эпохѣ осужденнаго и, такимъ образомъ, не ухватило бы за амнистію, дозволявшую ему вернуться. Ясными словами постановлялъ онъ, что это дѣло подлежитъ строгому наказанію. Правительство полагало, что Бруно, будучи вовлеченъ въ убійство, ушелъ за границу для избѣжанія наказанія и,

такимъ образомъ, его политическій проступокъ тѣсно связывался съ этимъ преступленіемъ.

Всѣ еще хорошо помнятъ, что подобныя дѣла, подлежаща разсмотрѣнію военнаго суда, хранились въ глубочайшей тайнѣ во все время судопроизводства. Много чудовищныхъ процессовъ было ведено и рѣшено, ни одна душа въ городѣ не знала объ этомъ. Но отъ времени до времени городское населеніе получало въ утреннемъ листѣ извѣстія о неутомимой и всеобъемлющей дѣятельности военнаго суда: на страницахъ судебной газеты стояло всегда отъ десяти до пятнадцати именъ осужденныхъ, ихъ проступки, наказанія и выраженное лагонически осужденіе.

Не было, значить, ничего удивительнаго и исключительнаго въ томъ, что процессъ Бруно подвигался къ концу и уже составлялся судебный приговоръ, а никто изъ его родныхъ и близкихъ ничего не зналъ объ этомъ. Судомъ не былъ, однако, забытъ никто, кто бы могъ пролить какой-нибудь свѣтъ на это дѣло.

Дядя Бруно находился въ полномъ неувѣдѣніи о судьбѣ своего племянника и тщетно посылалъ вѣрнаго и преданнаго Граувака разыскивать его по всей странѣ. Только разъ удалось Грауваку напасть на слѣды Бруно въ Ольмюцѣ. Все говорило, что записка, выброшенная изъ тюремнаго окошка, была писана рукою Бруно. Но на этомъ и оvonчилось: дальше Граувакъ ничего не могъ узнать. Ему было труднѣе собирать свѣдѣнія, чѣмъ всякому другому: онъ былъ скомпрометированъ, находился подъ опалой, однимъ словомъ, былъ *persona ingrata*. Старый Гальденридь, имѣвшій прежде большое вліятельное знакомство, находился въ томъ же самомъ положеніи. Его радикализмъ производилъ на лицъ высоко поставленныхъ впечатлѣніе проказы, и въ прежняя благосклонность и снисходительность превратилась въ отвращеніе и презрѣніе. Старика сломили всѣ эти волненія, тревоги и печали: онъ заболѣлъ. Уже нѣсколько дней не вставалъ онъ съ постели и чувствовалъ себя все хуже и хуже.

Граувакъ день и ночь сидѣлъ у его постели. Они говорили о Бруно. Граувакъ развлекалъ больнаго, рассказывая всевозможныя подробности о жизни Бруно въ Парижѣ.

Какъ уже извѣстно, Граувакъ оставилъ мѣсто своей добровольной ссылки только по особенному желанію стараго Гальденрида и въ интересахъ Бруно. Только это принудило его оставаться такъ долго на мѣстѣ, которое было совсѣмъ бесполезно для него и гдѣ онъ на каждомъ шагу терпѣлъ непріятности. Нетолько въ присутственныхъ мѣстахъ, но и въ частныхъ кружкахъ велись интриги и строились козни. Дѣло доходило уже до того, что самъ Галь-

денридь просилъ Граувава въ время поберечься и ѣхать опять за границу.

Однажды, когда Граувакъ сидѣлъ у постели больного, ему подали записку. Записка была отъ г. Эггерсдорфа, стоявшаго во главѣ цензурнаго комитета, гдѣ контролировались и регулировались всѣ письма, внутреннія и заграничныя; чиновникъ этотъ былъ извѣстенъ своими либеральными мыслями и свободнымъ политическимъ взглядомъ.

Несмотря на свой высокій постъ, онъ просилъ Граувава посѣтить его, при первой возможности.

— Очевидно, это вызовъ къ суду, сказалъ Граувакъ Гальденриду. — Прославленная свобода современнаго чиновника состоитъ въ томъ, что онъ для этой цѣли выбираетъ не обыкновенную повѣстку, а любезную форму учтиваго письма.

Граувакъ отправился къ «современному» чиновнику.

Не дошелъ ли до него откровенный отзывъ, сдѣланный о немъ недѣли двѣ тому назадъ въ кафе, гдѣ документы такимъ загадочнымъ путемъ пропали?

Другой причины Граувакъ не могъ придумать.

Сердце его забилось сильнѣе, когда онъ, послѣ доклада ливрейнаго лакея, былъ впущенъ въ покои сановника. Онъ вошелъ въ рабочій кабинетъ; этотъ кабинетъ былъ похожъ на салонъ. Сановникъ встрѣтилъ его съ веселою, студентскою безпечною и съ сигарою во рту.

Человѣкъ, проводящій всю жизнь въ придавливаніи всякаго свободнаго слова, долженъ бы, казалось, имѣть видъ мрачнаго инвизитора или дикаго бандита. Но въ то время уже сказаны были на берегахъ Сены слѣдующія слова: «*Ce qu'il faut à notre époque, c'est une main de fer dans un gant blanc.*»

Современный сановникъ очень любезно просилъ посѣтителя занять мѣсто въ креслѣ.

— Я торопился, сказалъ Граувакъ: — явиться къ вамъ, хотя и не могъ понять, въ какомъ отношеніи къ цензурному комитету можете стоять писатель, давно добровольно покинувшій перо. Но, кажется, атрибутъ писателя всегда остается за тѣмъ, кто былъ разъ имъ въ лучшія времена, точно также, какъ католикъ всегда остается католикомъ, хотя и не посѣщаетъ церковь и не слушаетъ проповѣдей.

— Вы все такъ же остроумны, какъ и прежде, Граувакъ, возразилъ сановникъ, любезно смѣясь. — Съ какою увѣренностью и серьезностью вы все это говорите, я какъ хорошо поддерживаетъ васъ игра вашего лица! Но изъ статей вашихъ я очень знакомъ съ коварнымъ противникомъ! Я основательно изучилъ литературу

и такъ же хорошо умѣю отличать перо, какъ сигары или сорта рейнвейна. Повѣрьте!

— Я не понимаю, совѣтникъ.

— Скоро я сдѣлаюсь для васъ понятнѣе. Вы только что высказали, что католикъ всегда останется католикомъ, хоть бы онъ вовсе не заботился о церкви. Но бываютъ, такъ-называемые, тайные католики. Точно такъ, любезный Граувакъ, бываютъ и тайные писатели! Чтѣ вы объ этомъ думаете?

— Я не принимаю этого на свой счетъ.

— Вы прелестно пишете письма въ иностранныя газеты, г. Граувакъ!

— Я... хотѣлъ-было возразить Граувакъ, но фонъ-Эггерсдорфъ прервалъ его.

— Вы стойте здѣсь не передъ инквизиціоннымъ трибуналомъ. Я пригласилъ васъ для искренняго, почти дружескаго разговора. Смѣю требовать той же откровенности и довѣрія отъ васъ. Я особенно назираю на это потому, что хочу дружески поговорить съ вами. Изъ этого вы уже понимаете, что вамъ придется отвѣчать за свою газетную корреспонденцію не здѣсь, а совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Тамъ вы можете лгать сколько будетъ угодно, пока доказательства не заставятъ васъ молчать, но здѣсь это не у мѣста; показывать недовѣріе здѣсь, значить, повредить тому, чтѣ я, изъ хорошихъ побужденій, хотѣлъ разъяснить.

— Г. фонъ-Эггерсдорфъ! возразилъ вспылчивый Граувакъ: — вы очень многого хотите! За честь, которую вы сдѣлали мнѣ, любезно меня встрѣтивъ и предложивъ мнѣ стулъ, я долженъ себя обвинить! Позвольте еще разъ повторить вамъ, что я покончилъ съ писательствомъ.

— Вы ужасный пессимистъ! Безъ сомнѣнія, вы не вѣрите въ мое доброжелательство. Но вы въ немъ, волею-неволею, убѣждаетесь.

Г. фонъ-Эггерсдорфъ взялъ со стола два большіе пакета; въ нихъ лежало нѣсколько нумеровъ иностранныхъ газетъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, указывая на одинъ пакетъ: — англійская, а здѣсь рейнская газета. Въ этихъ пакетахъ лежатъ еженедѣльные статьи за два мѣсяца. Не пишете вы для этихъ газетъ?

— Я могъ бы отпереться, отвѣчалъ Граувакъ: — и вы бы не уличили меня! Но я хочу посмотрѣть, докажутъ ли мнѣ, что хоть одна строчка изъ всего писаннаго мною здѣсь неправильна, изуродована и невѣрна! Довольно и того, что мы дома не можемъ крикнуть, когда насъ давятъ! Позвольте хоть за границей повѣсть! Да! это мои корреспонденціи! Я приводилъ факты и разъяснялъ оффиціально объявленныя мѣры правительства. Но эти статьи по-

явились на берегахъ Темзы и Рейна, неподлежащихъ австрійской юрисдикціи. Со всѣхъ сторонъ я слышу, что вы, г. Эггерсдорфъ, либеральный чиновникъ. Позвольте спросить, какимъ путемъ вы получили завидное мѣсто, которое собою украшаете?

Г. Эггерсдорфъ съ улыбкой и возвышеннымъ спокойствіемъ выслушалъ всю эту рѣчь и отвѣчалъ съ тѣмъ же юморомъ:

— Любезный Граувакъ, вся серьезность этого обстоятельства находится только въ вашемъ воображеніи. На моей обязанности лежитъ только надзоръ за корреспонденціями, появляющимися въ иностранныхъ газетахъ, тѣмъ болѣе, когда онѣ писаны австрійцемъ; но вы не слышали еще моего мнѣнія объ этомъ. Я чиновникъ, и долженъ съ гордостью сказать, что хотя я вѣрный слуга монарха, но до сихъ поръ не простиралъ свою обязанность до беззаконія и абсурда. У меня есть одно открытое предписаніе, мнѣніе о которомъ я удержу при себѣ, но будьте увѣрены, что никогда дѣйствія мои не доходятъ до того, чтобы мнѣ пришлось выйти изъ колеи современнаго міросозерпанія и справедливости. Часто приходится мнѣ искать выхода, но съ настойчивостью и твердостью его всегда можно найти. Вамъ случается слышать хорошей отзывъ о моей дѣятельности? Я очень бы желалъ васъ убѣдить, что наслаждаюсь не однимъ только слѣннымъ благоволеніемъ. Также не вслѣдствіе простаго случая находите вы меня на этомъ постѣ. Люди высшихъ правительственныхъ круговъ, призваншіе меня на эту должность, далеко не снабжены такими черными стремленіями, какіи приписываютъ мнѣ даже такіе благоразумные и проникательные люди, какъ вы.

— Вы слишкомъ преувеличиваете мое благоразуміе и проникательность, г. Эггерсдорфъ, отвѣчалъ Граувакъ.

— Перейдемъ къ главному, сказалъ сановникъ съ непокидавшею его шутливостью. — Выслушайте, почему я потребовалъ васъ «въ дѣпяхъ и оковахъ къ моему инквизиторскому трибуналу».

Онъ сѣлъ и продолжалъ, придвигая къ Грауваку стулъ, какъ добрый товарищъ:

— Я занимаю должность, которая обязываетъ меня все развѣдывать, слѣдить за обращающимися на себя вниманіе корреспонденціями и наблюдать за ихъ авторами. Сознаюсь, не безъ интереса читалъ я ваши статьи; не скрою и того, что вы старались выставить только слабыя стороны нашего правленія и какъ бы преднамѣренно умалчивали о важныхъ реформахъ. Я рѣшилъ на все это смотрѣть сквозь пальцы, но послѣдніе нумера ужъ очень рьяны. Чернила ваши становятся не только все чернѣе, но превращаются въ желчь и ядъ. Все бы еще ничего. Приходитъ послѣдній нумеръ. Ну! Если я не приму мѣръ, то самъ слечу съ мѣста и

тогда, кто знает, каковъ будетъ мой преемникъ? Я просилъ васъ сюда вовсе не для того, чтобы запретить вамъ писать, а чтобъ только воззвать къ вашей справедливости. Пишите или не пишите, это какъ вамъ угодно! Но я настаиваю на томъ, чтобы вы больше вникали въ факты, о которыхъ пишете, и разузнавали, не басни ли принимаете за истину?..

— Басни! перебилъ его съ нетерпѣніемъ Граувакъ. — Я требую, чтобы вы мнѣ указали хоть на одну несправедливость!

— Сейчасъ, съ увѣренностью отвѣчалъ сановникъ, вынимая изъ пакета номеръ англійской газеты и пробѣгая его главами. — Да, здѣсь. Вы проводите не совсѣмъ лестную параллель между Австріей и Россіей. Это зло и парадоксально, а сквозь мерцающій свѣтъ остроты и софизма все кажется вѣроятнымъ. Потому что доходите вы ужъ до крайности! Изъ Австріи дѣлаете какое-то пиратское государство, какъ Фецъ или Марокко, въ которомъ люди тайнственно пропадаютъ съ улицъ и изъ домовъ!

— Я дѣйствительно говорилъ о тайнственныхныхъ исчезновеніяхъ и загадочныхъ арестахъ, но приводилъ факты, а не басни.

— Знаю, знаю! Вы рассказываете одинъ фактъ съ такими подробностями и цитатами, что всякій читатель, знающій только одно *это* изложеніе, конечно...

— Я могу подтвердить справедливость этого факта передъ цѣлымъ свѣтомъ! воскликнулъ Граувакъ.

— Но не дома, спокойно сказалъ сановникъ. — Въ вашемъ изложеніи враждебное стремленіе идетъ рука объ руку съ слѣпо-дружескимъ партизанствомъ и помрачаетъ вашъ взглядъ. Вашъ затерявшійся другъ, г. Гальденридь...

— Развѣ онъ не пропалъ безъ слѣда? спросилъ Граувакъ.

— Нѣтъ. Онъ просто содержится подъ арестомъ.

— Развѣ онъ не попалъ подъ амнистію?

— Попалъ и остается подъ нею, отвѣчалъ совѣтникъ. — Онъ преслѣдуется не за политическое прошлое. На немъ лежитъ подозрѣніе чисто уголовное, тяжелое, опасное подозрѣніе.

У Граувака отнялся на минуту языкъ. Это было первое прямое, официальное извѣстіе, полученное имъ о Бруно, но радость, что пріятель еще живъ, скоро вытѣснилась новымъ смущеніемъ и тревогой.

— Развѣ его близкіе родственники не имѣли права потребовать, чтобы это исчезновеніе было имъ объявлено, объяснено и оправдано?

— Его не считаютъ несовершеннолѣтнимъ. Когда Бруно Гальденридь сражался въ ряду инсургентовъ, то вѣрно родственники не имѣли о немъ никакихъ извѣстій. Вѣроятно, судъ имѣлъ осно-

ваніе не мѣшать ходу процесса и хранить въ тайнѣ этотъ арестъ Бруно Гальденридь сидать въ Новомъ зданіи въ Пестѣ и, какъ я слышалъ, военный судъ уже производитъ надъ нимъ слѣдствіе.

— Боже мой! Но за что же? спросилъ Граувакъ, глубоко озабоченный и потрясенный.

— Его арестъ, должно быть, состоитъ въ самой тѣсной связи съ подозрѣваемымъ самоубійствомъ оберъ-лейтенанта Вернера.

— Юлія Вернера! вскричалъ Граувакъ, остолбенѣвъ отъ удивленія и страха.

— Кажется.

— Что это! воскликнулъ Граувакъ: — это совсѣмъ сбило меня съ толку!

Крѣпко стиснувъ лобъ руками, онъ бѣгалъ по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Надѣюсь, сказалъ сановникъ: — если вамъ случится еще разъ послать тайную корреспонденцію, то вы разъясните дѣло нашимъ читателямъ. Для этого я и просилъ васъ придти ко мнѣ.

Граувакъ раскланялся съ современнымъ «сановникомъ» и пошелъ домой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

въ которой супруги сходятся вмѣстѣ.

Генераль Грейфенштейнъ былъ изумленъ и обрадованъ возвращеніемъ Леони.

Болѣе простосердечнаго человѣка трудно было найти. Ему ни разу и въ голову не пришла мысль о томъ, что его хорошенькая жена можетъ кого-нибудь полюбить. Онъ воображалъ, что она пользуется своей свободой только для того, чтобы дѣльными днями «читать книжки», забывая все и всѣхъ на свѣтѣ.

Во время разрыва Леони съ Бруно, пріѣхалъ въ Парижъ братъ Бруно, ротмистръ Артуръ Гальденридь, который въ Красницѣ былъ такъ пораженъ ея красотой. Любовь до сихъ поръ наполняла душу молодого ротмистра. Леони всегда относилась къ нему съ пренебреженіемъ, но тутъ, оскорбленная, покинутая, она рада была всякому участію; видалась съ нимъ, говорила и незамѣтно этотъ человѣкъ до того привлекъ ее, что она полюбила его такъ, какъ никого въ жизни не любила.

Послѣднее время въ Парижѣ было самымъ счастливымъ временемъ въ ея жизни.

Вдругъ пришло извѣстіе объ арестѣ Бруно и объ обвиненіи его въ убійствѣ Вернера.

Первой мыслью Артура было ѣхать въ Пестъ.

Леони рѣшилась увидѣться съ графомъ и чрезъ него, во что бы то ни стало, освободить Бруно.

Артуръ ничего не зналъ о ея исторіи съ Бруно, а самое горькое, онъ не зналъ о ея легкомысленномъ предательствѣ. Это отравляло ея жизнь, но она не рѣшилась до сихъ поръ признаться: иногда, казалось ей, она собралась съ силами и можетъ сказать, но голосъ замиралъ у нея, голова начинала кружиться и все ея мужество исчезало.

Они наскоро собрались и возвратились на родину. Артуръ отправился въ Пестъ, Леони къ графу, а отъ графа къ мужу.

Положеніе Леони было самое жалкое. Все теперь ее терзало и мучило.

Отъ Артура она получала короткія, безотрадные письма. Наконецъ, онъ явился.

— Видѣлъ Бруно? вскрикнула она, обвиняя его и осыпая поцелуями.

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— Тибольдсеггъ тебѣ не помогъ?

— Тибольдсеггъ? Кто на такого друга положится, тотъ будетъ преданъ!

У Леони потемнѣло въ глазахъ.

— Бруно былъ бы, вѣроятно, давно оправданъ, еслибы графъ не донесъ на него.

— Донесъ на него?

— Онъ донесъ, да! Донесъ, что братъ былъ въ Красницѣ. Какъ онъ это разузналъ, я не понимаю, но онъ разузналъ и донесъ! Но мы еще объ этомъ поговоримъ съ его сіятельствомъ!

Леони съ ужасомъ смотрѣла на Артура.

— Невзвѣстно, какъ выберется братъ изъ этой бѣды, сказалъ Артуръ, успокоиваясь. — Меня утѣшаетъ только то, что судьи его, говорить, очень честные и порядочные. Но люди останутся людьми, слѣдовательно, способны ошибаться, прибавилъ онъ грустно.

— Артуръ, робко спросила Леони: — ты думаешь, Тибольдсеггъ желаетъ гибели Бруно? На что это ему?

— Не знаю. Я сужу по дѣйствіямъ. Онъ погубилъ Бруно.

— Приходи ко мнѣ въ другой разъ, Артуръ, завтра, когда хочешь, но сегодня оставь меня одну. Я нездорова.

Ее душило отчаяніе.

— Бѣдный мой ангелъ! вскрикнулъ Артуръ; онъ нѣжно обнялъ ее и тихо поцаловалъ въ лобъ. — Я вижу, какъ глубоко ты меня любишь! Никогда, никогда не забуду я этого участія!

— Какъ мнѣ дурно! прошептала Леони едва слышно и подвигаясь къ дивану.

— Спокойной ночи, мой ангелъ, сказалъ Артуръ, схватывая ея руку и цалуя. — Ложись скорѣй спать, а завтра напиши мнѣ, непременно напиши, какъ ты себя будешь чувствовать. Твое нездоровье меня сильно беспокоитъ и даже такъ сильно, что...

— Это пройдетъ, прошептала Леони, не поднимая глазъ. — Не беспокойся.

Она позвонила.

— Спокойной ночи! повторилъ Артуръ: — будь здорова, потому что мнѣ придется, можетъ быть, у тебя искать утѣшенія; братъ, котораго...

Голосъ его задрожалъ и въ глазахъ заблестѣли слезы. Онъ бѣстро отвернулся и ушелъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВВОДИТЬ ЧИТАТЕЛЯ ВЪ ЗАМОКЪ ЭНСДОРФЪ.

Супруга князя Кроненбурга, старая княгиня, не уступала ему въ христіанскомъ рвеніи и усердіи. Ежедневно выслушивала двѣ обѣдни и читала душеспасительныя книги. Аккуратно каждый вечеръ, не взирая ни на какую погоду, совершала прогулку пѣшкомъ на богомолье къ «Капуцинову кресту», гдѣ становилась на колѣни и съ полчаса пребывала въ молитвѣ. Корнелія всегда должна была сопутствовать ей къ Капуцинову кресту.

Кромѣ всей тоски и скуки, одолѣвавшей Корнелію въ этомъ монастырѣ, она, пріѣхавъ въ Энсдорфъ, узнала, что поѣздка Гуго въ Петербургъ отложена и что его ждуть домой.

Неудавшаяся любовь, сознаніе, что, несмотря на всѣ свои усилія, онъ не можетъ сдѣлаться «словомъ», масса долговъ — все это вмѣстѣ произвело благотворное вліаніе на молодого Гуго; онъ сдѣлался скромнѣе и рѣшился измѣнить образъ жизни. Пріѣхавъ домой и встрѣтивъ Корнелію, онъ посмотрѣлъ на нее совсѣмъ другими глазами, чѣмъ прежде, и самъ удивился, какъ до сихъ поръ не оцѣнилъ ея прелести и красоты.

Черезъ нѣсколько дней онъ уже былъ влюбленъ, уповалъ на взаимность и написалъ графу Тибольдсеггу въ Пестъ, прося пріѣхать и содѣйствовать его счастью.

Графъ зналъ свою дочь и не повѣрилъ радостнымъ извѣстіямъ Гуго; тѣмъ не менѣе, онъ нашелъ нужнымъ ѣхать въ Энсдорфъ и лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ.

Корнелія не ожидала отца и очень ему обрадовалась.

Старше князя, по обмѣновѣю, любезно приняли графа; но прорывалась каваа-то холодность, какое-то недовольство; графъ не обращалъ особаго вниманія на эти мелочи, объясняя ихъ своимъ собственнымъ дурнымъ настроеніемъ. Онъ рѣшился употребить всѣ усилія, чтобъ въ этотъ прїездъ окончательно порѣшить дѣло и обручить дочь.

Гуго горѣлъ нетерпѣніемъ жениться, Корнелія какъ будто повеселѣла. Медлить было нечего, надо было ковать желѣзо, пока оно горячо.

Графъ принялся энергически и дипломатически дѣйствовать. Въ тотъ же день вечеромъ, возвращаясь отъ князя около полуночи, графъ замѣтилъ въ комнатѣ дочери свѣтъ. Онъ позвалъ ее къ себѣ. Минуту стоялъ онъ какъ будто раздумывая передъ открытымъ окномъ, затѣмъ быстро спустился занавѣску и просилъ дочь сѣсть и поболтать съ нимъ на сонъ грядущій.

Начался между ними разговоръ, повидимому, совершенно безцѣльный. Сперва о городскихъ новостяхъ, о томъ, что дѣлается въ замкѣ. Корнелія замѣтила, что въ присутствіи стараго князя ей дѣлается какъ-то страшно, что наружность его, а въ особенности глаза, такъ мрачны, что ихъ невольно боишься, и что она склонна повѣрить всему, что рассказываютъ о немъ.

— Ты намекаешь на исторію съ Королей? спросилъ графъ совершенно небрежно и свелъ разговоръ на дочь князя, которую отецъ, за сильную любовь къ низкопоставленному офицеру, заключилъ въ монастырь, откуда она тайно бѣжала съ своимъ возлюбленнымъ въ Англію или въ Америку.

— Князь, въ отношеніи къ ней, дѣйствительно былъ слишкомъ жестокосердъ, даже безчеловѣченъ, сказалъ графъ. — Но кто знаетъ всѣ подробности дѣла? Нельзя вѣрить всему, что говорятъ.

— Я даже слышала, будто изъ домашній врачъ...

— И это до тебя дошло? будто онъ долженъ былъ отравить княжну, это что ли?.. Ну, такъ я могу тебя увѣрить, что въ то время, когда докторъ долженъ былъ, по слухамъ, отравить ее, она давно уже жила въ монастырѣ. Откуда могла ты услышать эту исторію о домашнемъ врачѣ?

— Отъ госпожи Гассенфельдъ. Она, кажется, вполне убѣждена, что оно такъ было.

— Ну, вотъ каковы люди! Даже во всѣхъ отношеніяхъ благо-разумная женщина вѣритъ такимъ нелѣпнымъ баснямъ! Какъ можно основываться на слухахъ! Вотъ теперь въ Вѣнѣ надѣлалъ много шуму слухъ о братѣ ротмистра Гальденрида.

Корнелія вздрогнула и сердце ея сильно забилось.

— Тоже замѣчательная по нелѣпости исторія.

— Чтò же это такое? едва внятно спросила Корнелія.

— Помнишь, въ Красницѣ ротмистръ рассказывалъ намъ о своемъ пропавшемъ братѣ?

— Помню.

— И ротмистръ и всѣ вѣрили тогда, что братъ его пропасть. Иные думали, что онъ погибъ во время венгерскаго возстанія, другіе — что онъ умеръ гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ отъ голода и холода. А между тѣмъ, пока шли такіе печальные слухи, герой исторія былъ цѣлъ и невредимъ, и преспокойно разгуливалъ. веселился и ухаживалъ за красавицами.

— Чтò-жъ теперь говорятъ о немъ? нѣсколько оживленіе спросила Корнелія.

— Чтò? отвѣтилъ графъ смѣясь. — Теперь говорятъ вещи еще страшнѣе. Какъ тебѣ извѣстно, онъ, послѣ первой пропажи, на-шелся въ Парижѣ; собрался ѣхать въ Австрію и снова пропасть.

— Онъ живъ? Можетъ быть, даже въ Вѣнѣ?

— Конечно, живъ.

— Онъ живъ! Ротмистръ тебѣ это сказалъ?

— Я не видалъ ротмистра. Да и не думаю, чтобъ его особенно беспокоили слухи, потому что онъ, вѣроятно, хорошо знаетъ правду и самъ посовѣтовалъ брату молчать.

— Я не понимаю.

— Да и не стоитъ. Я хотѣлъ только привести примѣръ нелѣпости слуховъ.

— Скажи мнѣ, чтò ты еще слышалъ о братѣ ротмистра?

— Я знаю истину изъ вѣрныхъ источниковъ, сказалъ графъ таинственно: — но я обязался молчать.

— Прошу тебя, скажи! скажи!

— О, женское любопытство! Скажу тебѣ, что вся эта исторія: дуэль, бѣгство и другія романическія происшествія — выдумка!

— Это очень интересно, замѣтила Корнелія, хотя она поблѣднѣла и голось ея дрожала. — Чтò онъ — погибъ въ дуэли?

— О, нѣтъ! Онъ воспользовался отсутствіемъ одного молодого супруга, и завязалъ любовную связь съ его женой. Братъ оскорбленнаго мужа вызвалъ его на дуэль и герой романа застрѣлилъ брата. Вотъ и вся исторія. Затѣмъ, послѣдовало бѣгство, исчезновеніе, тѣмъ болѣе пикантное, что молодая супруга пропала изъ Парижа. Все это очень романично, но въ сущности гораздо проще, чѣмъ кажется на первый разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! это неправда! вскрикнула Корнелія. — Ты вѣришь самой безмысленной клеветѣ!

- XIV. — МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ: Нѣсколько словъ
объ участи оперы «Вильямъ Ратклифъ» и о при-
чинахъ устраненія г. Балакирева отъ званія ка-
пельмейстера русскаго музыкальнаго общества. . 257
- XV. — НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА: О томъ, какъ
у насъ дѣлы губерніи ликують и входятъ въ
энтузіазмъ по поводу введенія въ нихъ судеб-
ной реформы и почему только мужики не ли-
кують вмѣстѣ съ прочими.—Сравнительное опи-
саніе торжества открытія новыхъ судовъ по оф-
фициальнымъ и неофициальнымъ источникамъ.—
Описаніе открытія суда въ Нижнемъ-Новгоро-
дѣ. — Дѣло о генеральшѣ Хомутовой и о свод-
номъ братцѣ ея превосходительства, итальянцѣ
Боргезани, рассказанное съ дѣлю указать на
искусство г. Лохвицкаго. — Нѣчто о выставкахъ
вообще и о нашей международной выставкѣ
садоводства въ особенности. — Издержки на вы-
ставку не могутъ считаться непроизводительны-
ми, потому что у насъ пропасть дѣлалось издер-
жекъ еще болѣе непроизводительныхъ.—О зага-
дочной Нижегородской башнѣ. — Оригинальное
предложеніе земскому собранію казанскаго глас-
наго относительно сокращенія земскихъ расхо-
довъ и вообще о бесплодныхъ земскихъ ходатай-
ствахъ 269

Объявленія: отъ музыкальныхъ магазиновъ М. Бернарда и
А. Битнера. — Отъ книжнаго магазина С. В. Звонарева. —
Отъ В. Водовозова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ
1869 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до
30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки:
15 р., съ доставкою 16 р. 50 к. сер.

съ пересылкою:
18 руб. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 88.

въ ОТДѢЛЕНІИ КОНТОРЫ:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загражевскаго, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ И. В. Базунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ *Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

Поступила въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новая книга:

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ и ПИСЬМА О ПРОВИНЦІИ.

М. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА).

Въ 8-ю д. л. 400 страницъ. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Поступила въ продажу новая четвертая часть стихотвореній
Н. Некрасова:

САТИРЫ И ПѢСНИ.

(1864 — 1868).

250 стр., въ 8-ю д. л., на зеленой бумагѣ. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Эта четвертая часть отпечатана на такой же бумагѣ и въ томъ же форматѣ, какъ два послѣдніе изданія первыхъ трехъ частей. Цѣна за первыя три части, содержащія въ себѣ 40 печатныхъ листовъ, 8 р. съ пересылкою. За всѣ 4 части 6 р. Подписчикамъ «Отечественныхъ Записокъ» дѣлается уступка 20%, если они примутъ свои требованія на *всѣ четыре* части стихотвореній въ главную контору «Отеч. Зап.» (Литейная, д. № 88) или въ книжный магазинъ С. В. Звонарева (Невскій пр., д. № 64), при которомъ находится отдѣленіе конторы «Отеч. Зап.» Эти 4 р. могутъ быть высланы въ главную контору въ одномъ пакетѣ съ подлинною суммою на журналъ.

